ЗАКОНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

Я. А. Кронрод

ЗАКОНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

очерки методологии и теории

издательство «Мысль» Москва 1966

33 03
К 83

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1-7-4
57-БЗ-8-65

ОТ АВТОРА

Предмет этой работы — законы политической экономии социализма, исследуемые в двух неразрывно взаимосвязанных аспектах: в методологическом — со стороны приемов, принципов их изучения и в теоретическом — со стороны самого содержания законов, единства их действий, взаимодействий и использования в рамках целостной развивающейся системы.

Чем продиктованы выделение именно данного объекта исследования и его теоретико-методологический характер?

Политическая экономия социализма шаг за шагом охватывает все новые области производственных отношений, углубляется в их взаимосвязи, закономерности движения. Победа социализма в нашей стране, становление и развитие мировой социалистической системы, перерастание социализма в коммунизм не только обусловливают *расширение фронта* исследований политической экономии социализма, но и предъявляют к ней *качественно новые требования.* Она во все большей степени становится всесторонне научно развитой диалектической системой строго логически взаимосвязанных, субординированных категорий и законов, охватывающих экономические отношения социализма в их единстве, движении и развитии.

Именно этим и определяется задача исследования законов политической экономии социализма, этого ядра последней, ибо в конце концов ее задача, как и всякой науки, — охватить и раскрыть законы изучаемой ею специфической сферы отношений.

Разумеется, исследование законов в единстве, в их субординированных взаимосвязях не исчерпывает

исследования производственных отношений социализма в целом и не решает задачи развития политической экономии социализма как единой научной системы. Но анализ законов — необходимый и существенный момент такого исследования системы отношений, такого развития системы науки. Как бы ни рассматривались содержание и действия каждого отдельного закона в особой области регулируемых им отношений, полностью их понять можно лишь при исследовании каждого данного закона в его единстве со всей системой законов. Ибо только при этом выявляются общие взаимодействия экономического закона движения социализма — его основного экономического закона — с системой экономических законов в целом, вне которых не могут быть вполне выявлены ни содержание, ни действия, ни направление развития действий и каждого отдельного закона, и их самых различных сочетаний — по сферам экономики, фазам воспроизводства и т. д.

Существенно и то, что система экономических законов социализма — диалектически развивающаяся система, она выражает динамизм отношений производства социализма. Вместе с развитием социалистической экономики развиваются и новые формы действий экономических законов, возникают и новые законы. Все это образует также важную задачу исследования.

Проблеме законов политической экономии, их системе принадлежит вместе с тем и крупное *практическое значение.* И то, что единство законов порождает особые формы их действий как совместных действий, и то, что в их системе действия каждого отдельного закона приобретают существенные особенности, и то, что в общую систему включаются все новые законы, — все это сполна должно учитываться Коммунистической партией, социалистическим государством, планомерно руководящими хозяйственным процессом. Искусство выработки экономической политики на строго научных основах должно опираться на учет сложных диалектических взаимосвязей и объективного механизма действий законов в их системе, учет перспектив развития последней и своевременную выработку форм экономического руководства, адекватно им отвечающих.

Во всем этом и коренится практическое значение проблемы системы экономических законов социализма.

В этом также заключается и неразрывная взаимосвязь теоретического значения ее разработки с ее практическим значением, выражающая единство теории и практики в сфере политико-экономических исследований законов социализма.

Такова необходимость специального *теоретического* исследования проблемы законов политической экономии социализма.

Но теоретическое изучение этих законов вообще, как и образуемой их единством системы, неразрывно связано и с рассмотрением целого комплекса *методологических* проблем политической экономии социализма.

Методология марксистско-ленинской политической экономии не является чем-то раз навсегда данным, застывшим, окончательно разработанным. Напротив, она развивается вместе с самим объектом исследования. Это имеет особенно существенное значение для политической экономии социализма. Между тем длительное время проблемы методологии политической экономии вообще мало разрабатывались. Нередко попытки таких исследований третировались как «схоластика», «абстрактные упрощения», «уход от жизни» и т. д. В итоге методологической стороне политической экономии социализма был нанесен серьезный ущерб. Политическая экономия многие годы заполнялась ненаучными механистическими и волюнтаристскими взглядами. Особенно тяжело сказалось игнорирование анализа в экономических отношениях социализма реальных социально-экономических противоречий, наличия противоположностей (неантагонистических) и их борьбы. Необходимость анализа противоречий признавалась лишь декларативно; в реальном же анализе они часто не принимались в расчет. Анализ внутреннего самодвижения экономического процесса в результате развития и разрешения противоречий подменялся описанием внешних явлений, в котором экономические процессы протекали без трудностей; теоретическое освещение проблем в немалой степени отрывалось от реальной жизни.

Исследование законов политической экономии социализма неизбежно предполагает анализ таких коренных методологических проблем этой науки, как *специфичность ее предмета,* ибо только таким образом и могут быть выявлены границы и специфичность исследова-

ния самих законов политической экономии социализма; как *система социалистических производственных отношений и свойственные им противоречия,* ибо лишь на этом пути и может быть выявлена система экономических законов; как *методология экономического анализа,* ибо, только пользуясь его принципами и приемами, можно исследовать отношения и законы экономики и т. д.

Таковы те главные основания, по которым проблема законов исследуется в двух указанных аспектах — методологическом и теоретическом. Это и определило в ее композиции выделение двух разделов:

— предмет и метод политической экономии социализма и исследование ее законов;

— законы политической экономии социализма в их взаимосвязях, объективный механизм их действия.

Данная работа в силу своего содержания по необходимости носит полемический, во многом дискуссионный характер. Ведь всякое научное исследование вообще, особенно исследование нового, требует ясного отношения к тому, что́ отвергается и что́ утверждается. Здесь, более чем где-либо, неуместна фигура умолчания. Здесь нужен прямой, откровенный разговор, прямая полемика. И автор не уклонялся от них. Dixi et animam levavi!

Предлагаемая вниманию читателя книга является обобщением многолетних исследований проблем политической экономии социализма, ведущихся автором в Институте экономики АН СССР. Однако автор не рассматривает эту работу как завершенное исследование; она лишь определенный этап в осуществлении данной задачи.

Автор глубоко признателен научным работникам Института экономики АН СССР, которые взяли на себя труд ознакомления с рукописью, и тт. Л. П. Евстигнеевой, А. К. Захарову, М. А. Козловой и Е. Г. Коновал-
ловой, оказавшим ему ценную помощь в сборе и систематизации материалов и подготовке рукописи к печати.

раздел I

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА И ИССЛЕДОВАНИЕ ЕЕ ЗАКОНОВ

глава **1**

ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Ключ к марксистской трактовке предмета политической экономии в известном высказывании Маркса о главной задаче «Капитала»: «...конечной целью моего сочинения, — писал Маркс, — является открытие экономического закона движения современного общества...»[1] И так как экономический закон движения есть выражение необходимых экономических, или, что то же, производственных общественных, отношений, то уже сама задача, цель научного политико-экономического исследования предопределяет в качестве его предмета производственные отношения[2].

Определяя предмет исследования «Капитала» (стало быть, предмет политической экономии капитализма), Маркс указывал: «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена»[3]. Почему же Маркс, *во-первых,* предметом исследования «Капитала» считал способ производства? Как понимать эту категорию? Какие выводы отсюда следуют для установления границ предмета политической экономии? Не вытекает ли из этого, что она в качестве своего предмета охватывает и производствен-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 10.

[2] В. И. Ленин, рассматривая предмет «Капитала», категорически подчеркивал: «Главный труд Маркса — «Капитал» посвящен изучению экономического строя...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 44—45). В иной связи, говоря о содержании политико-экономического исследования Маркса, он столь же определенно указывал, что Марксов анализ *«ограничен одними производственными отношениями»,* что Маркс осуществляет этот анализ, *«не прибегая ни разу* для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим *вне этих производственных отношений»* (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 138; курсив наш. — *Я. К.*).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 6.

ные отношения, и производительные силы? И *во-вторых,* почему, определив как предмет исследования способ производства, Маркс вместе с тем специально выделил в качестве элементов предмета исследования отношения производства и обмена, соответствующие способу производства, хотя последний включает их в себя? *В-третьих,* в какой мере данное определение сочетается с указанием самого же Маркса на главную задачу своего труда — раскрыть закон движения современного общества? Иными словами, должны ли законы политической экономии быть специальным объектом изучения политической экономии и составлять самостоятельный элемент ее предмета?

Для Маркса, как известно, производственные отношения не есть нечто независимое, оторванное от производительных сил. Это общественные отношения людей по производству, всецело определяемые характером и состоянием развития производительных сил и представляющие собой форму их развития. В единстве производительных сил и производственных отношений всеобщие взаимосвязи и взаимовлияния, оказываемые ими друг на друга, носят диалектический характер.

Ядро Марксовой концепции способа производства образует *«диалектика понятий производительные силы (средства производства) и производственные отношения»* [1]. Причем в этой диалектической взаимосвязи определяющую роль играет одна из сторон этого единства — производительные силы, а определяемую роль — его другая сторона, а именно производственные отношения, хотя последние и оказывают громадное обратное влияние на развитие производительных сил.

Определяющая роль производительных сил в движении каждой общественно-экономической формации — краеугольное исходное положение исторического материализма, на котором зиждется все здание диалектико-материалистического понимания истории. Именно производительные силы определяют характер производственных отношений. Каковы исторически определенные производительные силы, таков и экономический строй производства. «...Общественные отношения, при которых производят индивиды, *общественные производственные*

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 735.

отношения, — формулирует свое основополагающее открытие Маркс, — *изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил»* [1]. Эту основную диалектическую взаимозависимость производительных сил и отношений производства Ленин выразил как объективную необходимость рассмотрения всего процесса общественного развития «с точки зрения состояния производительных сил, т. е. *по основному критерию всего общественного развития»* [2].

Но определяющее значение состояния производительных сил не означает пассивной роли общественных отношений производства в этом единстве. Хотя их характер и развитие определяются характером и развитием производительных сил, но именно они выступают как материальные движущие силы изменения последних. Взаимодействуя с производительными силами, являясь той общественной формой, в которой осуществляется их функционирование и личный элемент производительных сил — рабочая сила — соединяется с их вещными элементами — средствами производства — для активного движения в процессе производства, производственные отношения тем самым образуют объективные экономические импульсы развития производительных сил, равно как и условия этого развития. Разумеется, производительные силы следуют внутренней логике своего развития, определяемой их сущностью, собственными внутренними противоречиями. Однако импульсы их развития лежат именно в отношениях производства как общественных отношениях людей, без которых и вне которых производительные силы, как таковые, существуют лишь в потенции. И, только охваченные отношениями производства, средства труда и предметы труда — вещные элементы производительных сил, равно как и рабочая сила, становятся производительными силами, элементом общественной материи со свойственной ей особой формой движения.

Диалектика взаимодействия производительных сил и производственных отношений в том и состоит, что каждому данному исторически определенному характеру и

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 442.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 81 (курсив наш. — *Я. К.*).

уровню развития первых необходимо отвечает определенный характер и уровень развития вторых. Вместе с тем именно состояние производственных отношений, свойственные им связи и законы, т. е. свойственное им движение, выступают как движущие импульсы развития производительных сил.

Последние, развиваясь, снова и снова вступают в противоречие с существующими производственными отношениями, неизбежно в конечном счете вызывая их развитие, приводя к различного рода изменениям, в том числе и качественным, принципиальным, революционным изменениям их совокупности в целом, т. е. к изменению всего экономического строя производства.

Таким образом, в диалектической взаимосвязи производительных сил и производственных отношений производительные силы — и объект, определяющий производственные отношения, и объект, которому последние сообщают импульсы дальнейшего развития; производственные отношения — и результат предшествующего развития производительных сил, и предпосылка их дальнейшего развития.

Эта сложная диалектика производительных сил и производственных отношений, относительная самостоятельность движения производственных отношений и их роль как импульсов развития производительных сил и — что самое существенное — тот решающий факт, что данная исторически определенная система производственных отношений в целом представляет собой экономическую структуру данного общества, определенной общественно-экономической формации, ее базис — все это объясняет, почему марксизм выработал двоякое понимание категории «способ производства» — в широком и узком смысле.

В широком смысле способ производства — это единство производительных сил и производственных отношений данного исторически определенного типа [1]. Иные

[1] «...Экономические формы, при которых люди производят, потребляют, совершают обмен, — писал К. Маркс, — являются формами *преходящими и историческими*. С приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а вместе со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были необходимыми отношениями лишь данного, определенного способа производства» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 403).

ми словами, с экономической точки зрения это понятие однопорядковое с понятием социально-экономической формации. Понятие же способа производства в узком смысле выражает совокупность общественных отношений производства в целом постольку, поскольку они полностью определяются производительными силами, в неразрывном единстве с которыми они и рассматриваются в качестве отношений, существующих и развивающихся в определяющей зависимости от них как производительных сил данного исторического типа. Способ производства в узком смысле, таким образом, — категория, идентичная категории экономического строя, или экономического базиса общества [1].

Маркс, введя в определение предмета политической экономии понятие «способ производства», использовал эту категорию в узком ее смысле. Решающее основание, в силу которого единственно возможно именно такое понимание данной категории в рассматриваемом определении, заключается в самом содержании революционного переворота, осуществленного Марксом в политической экономии. Ведь для нее громадное значение, в частности, имело выделение в качестве действительного предмета политической экономии именно общественных отношений людей по производству. Используя в определении предмета политической экономии понятие способа производства в узком смысле, Маркс тем самым раскрывал, что ее предметом является целостная совокупность производственных отношений, изучаемых в их неразрывной связи с производительными силами и обусловленности первых последними.

Тот же факт, что вместе с тем Маркс в определении предмета политической экономии специально выделяет «отношения производства и обмена», соответствующие способу производства, объясняется необходимостью конкретного выявления в качестве специальных, самостоятельных элементов предмета исследования наряду с системой общественных отношений производства в

---

[1] «Под *экономическими отношениями,* которые мы считаем определяющей основой истории общества, — писал Энгельс, — мы понимаем тот *способ,* каким люди определенного общества *производят* средства к жизни и *обменивают* между собой продукты (поскольку существует разделение труда)» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIX, стр. 283; курсив наш. — *Я. К.*).

целом и определяющих звеньев этой системы — общественных производственных отношений в непосредственном производстве, т. е. именно тех отношений, которым принадлежит примат, и производных от них, ими определяемых производственных отношений — отношений обмена [1].

В 20-х годах вокруг марксистского определения предмета политической экономии развернулась острая полемика. И хотя проблематика дискуссии непосредственно не включала в свой круг теорию переходного периода от капитализма к социализму, реально она была продиктована потребностью ее развития. Подоплекой теоретических споров о содержании и границах политической экономии вообще был вопрос о содержании и, стало быть, о роли теоретической экономии в условиях развития социализма, о ее роли как руководства к практическому действию по созданию нового строя. При этом столкнулись две концепции.

Суть первой из них (развивавшейся так называемой рубинской школой) сводилась к рассмотрению производственных отношений как предмета политической экономии вне определяющей их взаимосвязи с производительными силами, к утверждению независимости первых от движения вторых, к провозглашению независимости формы (производственные отношения) от ее содержания (производительные силы). Марксов тезис о том, что предметом политической экономии является способ производства — целостная совокупность производственных отношений, изучаемая в их неразрывном единстве с производительными силами, в обусловленности развития первых развитием вторых, И. Рубин подменял тезисом о том, что политическая экономия «для объяснения производственных отношений людей и их изменений должна *апеллировать* к развитию материальных производительных сил». При этом неразрывная объективная диалектическая взаимосвязь производственных отношений с производительными силами, в рамках которой первые только и образуют предмет политической экономии, заменялась при рассмотрении развития экономических отношений некоей субъективной «апелляцией» к развитию производительных сил. И в конечном счете тезис об «апелляции» оборачивался у Рубина подменой реального предмета политической экономии системой абстрактных, лишенных материального содержа-

---

[1] Комментируя рассмотренное выше Марксово определение предмета политической экономии, Д. И. Розенберг писал, что «Маркс различает производственные отношения в их наиболее общей форме, образующие капиталистический способ производства, и производственные отношения в их особых формах, как отношения производства и отношения обмена» (*Д. И. Розенберг.* Комментарии к первому тому «Капитала» К. Маркса. М., 1961, стр. 40). Но в этой трактовке выпало главное, решающее. Дело не просто в том, что способ производства — это производственные отношения вообще («в наиболее общей форме»), а в том, что это совокупность производственных отношений в целом (их «целостность»), рассматриваемая в неразрывной, определяющей их связи с производительными силами.

ния форм. «Марксова система изучает, — писал И. Рубин, — ряд усложняющихся «экономических форм» вещей, или «определенностей формы» (Formbestimmtheiten), соответствующих ряду усложняющихся производственных отношений людей» [1].

В этом понимании предмета политической экономии, конечно, нет и следов неразрывности связи общественных отношений производства с производительными силами, исчезает диалектика движения и первых и вторых, а реальная материалистическая трактовка экономических отношений подменяется их идеалистически-иррациональной фикцией. Но дело не только в этом.

Идеалистическая «дематериализация» производственных отношений как предмета политической экономии вырастает и в серьезную методологическую помеху развитию практически необходимых политико-экономических исследований. Вспомним, что сама проблема предмета политической экономии стала актуальной в связи с назревшими общественными потребностями исследования экономических отношений, категорий и закономерностей переходного периода от капитализма к социализму, которое бы вооружало практическую деятельность по развитию новых, социалистических отношений. Между тем рассматриваемая концепция, обрекая столь остро необходимые исследования на отрыв от реальной действительности, от практических потребностей экономической жизни, находилась в непримиримом противоречии с революционно-преобразующей ролью марксистско-ленинской экономической науки.

Суть другой концепции, развивавшейся группой экономистов, придерживавшихся механистических взглядов, сводилась к тому, что под флагом борьбы с идеалистическими извращениями политической экономии предмет политической экономии расширялся до включения в его состав наряду с производственными отношениями и производительных сил. В результате марксистско-ленинское диалектическое понимание предмета политической экономии подменялось механистическим его истолкованием, в котором игнорировалась качественная определенность и относительная самостоятельность движения производственных отношений. Последние превращались как бы в механический рефлекс производительных сил. Тем самым трактовка предмета политической экономии сближалась с обычной для буржуазных экономистов его трактовкой как науки о народном хозяйстве. Так, по А. Кону, одному из видных представителей этой концепции, «технология и экономические науки изучают *одно и то же* — материальное производство». Их различие будто бы лишь в различии подходов, и «грань между политической экономией и технологией...

---

[1] Руководствуясь этим идеалистическим, выхолощенным представлением о предмете политической экономии, Рубин и объявил теорию товарного фетишизма «общей теорией» производственных отношений капитализма, «основой» экономической системы Маркса. Безусловно, анализ товарного фетишизма за фетишистскими формами товарного производства вскрывает реальные отношения. Однако же само учение о товарном фетишизме ни в какой мере ввиду этого не превращается в основу политической экономии. Такое представление могло получиться лишь благодаря доведению до логического конца тезиса о превращении предмета политической экономии в совокупность экономических форм вещей.

заключается в различии их точек зрения на материальное производство» [1].

Расширительное истолкование предмета политической экономии как науки и о производственных отношениях, и о производительных силах прямо отвергает марксистско-ленинское понимание ее предмета. В. И. Ленин, в частности, специально предостерегал против смешения реального объекта политической экономии — отношений людей по производству — с самим материальным производством, называя такое смешение крайне ненаучным пониманием самого предмета политической экономии. «Ее предмет, — писал Ленин, — вовсе не «производство материальных ценностей», как часто говорят (это — предмет технологии), а общественные отношения людей по производству» [2]. «Политическая экономия, — указывает он, — занимается вовсе не «производством», а общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства» [3].

Подмена общественного строя производства, отношений по производству в качестве предмета политической экономии единством отношений производства и производительных сил, т. е. самим материальным производством, является отказом от коренного устоя марксистской политической экономии, главного условия ее превращения в действительную науку, науку об общественных отношениях людей по производству, и возвратом на домарксистские или вообще буржуазные позиции нерасчлененного изучения всего того, что входит в сферу хозяйствования, — к науке о народном хозяйстве, богатстве, удовлетворении потребностей и т. д.

Но есть и другая методологически весьма существенная сторона в подобном отступлении от марксистско-ленинского понимания предмета политической экономии. В данной трактовке производственные отношения неизбежно рассматриваются не как форма производительных сил, находящаяся с ними в неразрывном единстве как со своим

---

[1] *А. Кон.* Б. Борилин как критик... — «Проблемы экономики», 1929, № 6, стр. 94.

Ту же точку зрения развивали и другие сторонники механистической концепции. Так, С. Бессонов, отказавшийся в итоге дискуссии от чрезмерно прямолинейных утверждений, все же продолжал утверждать, что «производительные силы рассматриваются политической экономией... лишь в связи, во взаимодействии и в противоречии с производственными отношениями» (*С. Бессонов.* Письмо. — «Проблемы экономики», 1929, № 10—11, стр. 246). Д. Розенберг писал: «Природа производительных сил двойственная: естественно-техническая и социально-историческая; естественно-техническая их природа политической экономией не изучается, социально-историческая входит в круг ее исследований, ибо она неотделима от самих производственных отношений...» (*Д. Розенберг.* Производительные силы и производственные отношения в марксистской политической экономии. — «Проблемы экономики», 1929, № 7—8, стр. 136). А. Сагацкий утверждал, что «производительные силы включаются как содержание в производственные отношения, а следовательно, становятся объектом теоретико-экономического исследования в своей абстрактной материальной форме» (*А. Сагацкий.* Теория стоимости Маркса. Л., 1931, стр. 18).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 195.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 53.

содержанием, но в то же время обладающая специфическими закономерностями движения, а как простое механическое отражение, рефлекс производительных сил, едва ли не как их механический элемент. И это неизбежно, ибо признание относительной самостоятельности и специфичности законов и закономерностей движения производственных отношений означает необходимость их специального изучения, т. е. является их признанием в качестве объекта, предмета самостоятельной науки.

Механистическая концепция предмета политической экономии, диаметрально противоположная идеалистической рубиновской концепции, также препятствовала разработке политической экономии социализма в связи с запросами практики. Она, ведя к растворению предмета политической экономии в производительных силах, к игнорированию специфических закономерностей движения производственных отношений, мешала реальному анализу сложных производственных отношений переходного периода, а также зарождающихся и развивающихся социалистических отношений, которые доселе еще не исследовались.

В результате если идеалистический отрыв исследования производственных отношений как предмета политической экономии от их неразрывной и определяющей связи с производительными силами объективно служил теоретическим оправданием субъективизма и волюнтаризма в экономической практике, то механистическое игнорирование специфических закономерностей движения экономических отношений являлось теоретическим обоснованием ползучего эмпиризма в практике социалистического строительства [1].

Рассмотрим другой из поставленных выше вопросов: представляют ли законы политической экономии относительно самостоятельный элемент ее предмета?

Марксистская политическая экономия изучает производственные отношения, с тем чтобы раскрыть их сущность, закономерный характер их движения, развития и смены. Стало быть, их изучение должно необходимо приводить к раскрытию законов общественных отношений производства. Без этого не может быть постигнута ни сама экономическая структура в целом каждой данной общественно-экономической формации, ни

---

[1] Было бы, разумеется, неверно в рассматриваемой дискуссии видеть лишь негативные стороны. В ходе ее сопоставлялись и изучались многие теоретические взгляды, уточнялись понятия экономической науки, обсуждался широкий круг ее методологических проблем. И поэтому она, хотя и с известными противоречиями и издержками, была продвижением вперед. В частности, это имеет непосредственное отношение к предмету нашей работы: в итоге дискуссии были преодолены обе рассмотренные ошибочные концепции и советские экономисты развили и обосновали в целом правильный взгляд на политическую экономию как науку, изучающую производственные отношения в их неразрывной связи с производительными силами и обусловленности развития первых развитием последних.

отдельные ее области и сферы, да и ни одно отдельно взятое общественное отношение производства, не говоря уже о взаимодействии таких отношений в их системе[1].

Но все это тем не менее не означает, что производственные отношения сводятся только к законам. *Во-первых,* производственные отношения обладают многообразными формами проявления, в которых выражается их сущность, а с нею эти формы отнюдь не совпадают; законы же управляют движением этих форм. *Во-вторых,* отношения производства обладают различными сторонами, свойствами, качествами, которые выступают в экономических категориях, не исчерпываемых законами и не сводимых к законам, хотя и неразрывно с ними связанных. *В-третьих,* отношения производства реализуются в форме экономических процессов, которые, также будучи обусловлены законами, управляющими этими процессами, тем не менее к ним не сводятся, с ними не тождественны.

Таким образом, отношения производства и выражающие их сущность законы, будучи неразрывны, вместе с тем не совпадают друг с другом. Отношения производства — более конкретная и богатая объективная реальность, чем законы, выражающие их сущность, их необходимые внутренние связи и т. д.

Но из этого вытекает вывод, что вместе с общественными отношениями производства как общим предметом политической экономии она в этих рамках в качестве более узкого, специального элемента своего предмета изучает законы, выражающие производственные отношения, — экономические или, точнее, политико-экономические законы.

Вот почему Маркс, определив предмет политической экономии капитализма как способ производства и отвечающие ему отношения производства и обмена, специально наряду с этим выделил как главную задачу своего труда раскрытие экономического закона движения общества. Но его раскрытие невозможно без рас-

---

[1] «...Самое понятие экономической структуры было точно разъяснено, — справедливо писал В. И. Ленин, — опровержением взгляда прежних экономистов, видевших законы природы там, где есть место только законам особой, исторически определенной системы производственных отношений» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 429—430).

крытия всей системы законов политической экономии, их соотношения, взаимодействия, противоречий, субординации. И именно поэтому «Капитал» не просто исследование системы отношений капиталистического производства, а исследование, во всех существенных моментах доведенное до раскрытия законов этих отношений.

Выше указывалось, что исследование законов политической экономии — элемент ее предмета, объект более узкий, чем общий объект ее исследований — система общественных производственных отношений. Но вместе с тем это особый и — что имеет решающее значение — важнейший, определяющий ее объект. Без раскрытия законов, т. е. сущности отношений, нет самой науки. Всякая наука, теория — это прежде всего и главным образом раскрытие объективных законов, их системы.

Разумеется, законы политической экономии не могут анализироваться вне изучения отношений производства; они необходимо исследуются лишь в рамках и на основе исследования материальных общественных отношений. Вместе с тем они образуют также и относительно самостоятельный элемент изучения, заключающий свой особый круг вопросов: о сущности самих законов политической экономии, месте их системы в общей совокупности законов экономики; о соотношении экономического закона движения и специальных, или частных, экономических законов; о развитии системы законов в процессе развития экономических отношений; о целостной системе законов политической экономии и их взаимодействии в пределах каждой отдельной фазы воспроизводства и в единстве его фаз; о формах действия законов; об объективном механизме их реализации и путях их использования обществом, прежде всего и главным образом социалистическим обществом, развивающимся планомерно, и т. д.

Все это позволяет сформулировать важное методологическое требование: полная развернутая характеристика предмета политической экономии непременно включает оба элемента Марксова определения ее предмета — и *способ производства* с соответствующими ему общественными отношениями производства и обмена, и *учение об экономическом законе движения;* иными словами, как необходимый элемент предмета она включает *законы политической экономии.*

Следует отметить, что для научно полного раскрытия проблемы предмета политической экономии, в первую очередь политической экономии социализма, серьезное методологическое значение имело и критическое преодоление довольно широко распространенного в кругах марксистов-экономистов отрицания возможности и необходимости политической экономии в широком смысле, что вело к утверждению невозможности политической экономии и докапиталистических формаций, и — что особенно существенно — социализма и коммунизма.

Ф. Энгельс, определяя задачу создания политической экономии в широком смысле слова, видел в ней науку «о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческих обществах»[1]. При этом он показал, что речь идет не о науке, которая бы ограничивалась некоторыми общими законами, действительными для всех общественно-экономических формаций. Как известно, при их помощи нельзя понять ни одного реального исторически определенного способа производства. Энгельс подчеркивал задачу создания политической экономии как науки, охватывающей совокупность специфических экономических отношений для каждого исторически определенного способа производства. «Политическая экономия, — писал он, — как наука об *условиях* и *формах* производства и обмена продуктов в *различных* человеческих обществах и о *соответствующих* способах распределения этих продуктов, — такая политическая экономия, в *широком смысле этого слова,* еще должна быть создана»[2].

Этим положениям некоторое время противопоставлялся тезис о том, что для такой науки в действительности нет места, так как ввиду специфичности отношений производства каждой формации экономические отношения в качестве предмета науки, как и метод их изучения, также специфичны. Политическая экономия, утверждали некоторые экономисты, — это будто бы наука лишь об одном определенном способе производства, предметом которой являются стихийные, иррациональные товарно-капиталистические отношения, господство стихии вещей над производителями и т. д. И она, как

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XIV, стр. 149.
[2] Там же, стр. 152 (курсив наш. — *Я. К.*).

наука о специфическом предмете — капиталистических отношениях, действует специфическими методами, выработанными лишь для их анализа. Отсюда и делался вывод о том, что с ликвидацией отношений капитализма исчезает и политическая экономия [1].

Разумеется, политическая экономия исторически возникла и развилась как наука о производственных отно-

---

[1] См. «Вестник Коммунистической академии», 1925, № 11. Прения по докладу тов. Степанова-Скворцова.

В ходе дискуссии, в частности, Л. Н. Крицман утверждал, что разные формации нельзя объединять в одну науку, так как они подчиняются различным законам (стр. 334—335), не замечая, что этот аргумент направлен против реально существующих общественных наук, например исторического материализма, истории и т. д. Другой участник дискуссии, Ш. Дволайцкий, правильно отмечая, что Маркс выработал специальную методологию для анализа товарно-капиталистических отношений, делал из этого вывод о том, что «эта методология... заключает в себе специфические моменты, делающие его политическую экономию наукой sui generis» (стр. 299). Дволайцкий при этом, во-первых, незакономерно упускал общие моменты метода политико-экономического анализа Маркса, сводя целиком его к специфическим элементам, связанным с анализом капитализма; во-вторых, вообще неправомерно сводил науку к методу; как известно, критерий науки — ее специфический предмет.

Бухарин в этой же дискуссии отстаивал взгляд о том, что хотя и другие, кроме капиталистических, формы хозяйства могут быть объектом теоретического изучения, однако политическая экономия — это теория именно капиталистического хозяйства как хозяйства иррационального, неорганизованного. «*Теоретическая* политическая экономия, — писал он, — есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве *товаров,* т. е. наука о *неорганизованном* социальном хозяйстве».

На сходной позиции стояли и некоторые другие авторы. Так, Роза Люксембург писала: «...политическая экономия представляет собой науку о специфических законах капиталистического способа производства... она теряет свою базу, коль скоро прекращается этот способ производства» (*Р. Люксембург.* Введение в политическую экономию. М., 1960, стр. 97). «...Политическая экономия — учение о законах общественного хозяйства при господстве товарного производства...» — утверждал К. Каутский (*К. Каутский.* Карл Маркс и его историческое значение. М., 1918, стр. 6). «Политическая экономия изучает... товарно-капиталистическое хозяйство», — писал И. Рубин.

Аналогичных взглядов придерживались и некоторые буржуазные экономисты. Так, В. Зомбарт писал: «В строго социалистическом государстве политическая экономия, построенная на причинном принципе, была бы полнейшей бессмыслицей» (*В. Зомбарт.* Современный капитализм, т. I. М., 1903, стр. VIII). Этот тезис полностью разделял М. И. Туган-Барановский (см. *М. И. Туган-Барановский.* Основы политической экономии. СПб., 1911, стр. 17—18).

шениях капитализма. Но из этого вовсе не следует, что ее предмет исчерпывается специфически капиталистическими отношениями. Все дело в том, что при специфичности характера, присущего системе общественных отношений производства каждой исторически определенной формации, все исторически сменяющие друг друга формации своим экономическим фундаментом имеют *систему производственных отношений*. И поэтому они не только отличаются друг от друга специфичностью каждой такой системы, но и объединяются тем, что каждая специфическая система есть система *производственных общественных отношений* и, стало быть, включает в себя *общие* для таких систем моменты.

Именно поэтому в состав экономических законов наряду со специфическими законами входят также законы, общие для ряда формаций, и законы всеобщие, действительные для всех формаций. И чтобы раскрыть всю систему отношений и законов каждого данного способа производства, политическая экономия должна не ограничиваться отношениями и законами лишь какой-либо одной, в том числе капиталистической, общественно-экономической формации. Она, чтобы выделить также общие и всеобщие экономические законы, неизбежно должна охватывать все их исторически развившиеся и сменявшие в историческом процессе друг друга системы [1]. Именно поэтому Маркс и указывал на общий исходный пункт политической экономии вообще: «Индивидуумы, производящие в обществе, а следовательно общественно-определенное производство индивидуумов, — таков, естественно, исходный пункт» [2].

Соответственно вопросу о предмете политической экономии решается и вопрос о ее методе. Маркс, рассматривая капиталистические отношения производства, применяя к ним свой метод экономического анализа, разрабатывал преимущественно те элементы метода, которые необходимы для их исследования. Но было бы нелепо полагать, что Марксов метод экономического анализа, взятый со стороны его общих основ, относится

---

[1] «...Почти исключительно его работам (Маркса. — *Я. К.*) мы обязаны... — писал Энгельс, — тем, что установлено до сих пор в области теоретического исследования добуржуазной экономики» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 154).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 709.

только или главным образом к капиталистическим отношениям производства. Его метод экономического анализа — это диалектический метод, применимый как к исследованию экономических отношений и законов капитализма и докапиталистических способов производства, так и к анализу — на основе тенденций развития капитализма — социалистических отношений и некоторых их законов. Таким образом, метод Маркса — это общий метод экономического анализа всех формаций, всех систем производственных общественных отношений [1].

Однако же доводы противников политической экономии в широком смысле не ограничивались апелляцией к специфичности предмета и метода политической экономии капитализма. В частности, утверждалось, что социализм не образует объекта для теоретического анализа, так как он будто бы не является строем отношений производства, а общественные отношения здесь становятся натуралистическими отношениями человека и вещи.

«Лишь только мы возьмем организованное общественное хозяйство, — писал Бухарин, — как исчезают все основные «проблемы» политической экономии: проблемы ценности, цены, прибыли и проч... общественное хозяйство регулируется не слепыми силами рынка и конкуренции, а сознательно проводимым *планом*. Поэтому здесь может быть известная система описания, с одной стороны, система норм — с другой... Конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии».

Не станем останавливаться на представлении о социализме как экономике, не связанной с товарными, стоимостными отношениями. Бухарин в этом не был оригинален, он лишь разделял общераспространенные в те времена взгляды. Существенно другое — те методологические общие выводы, которые им делались из отпадения стихийности. Планомерность он отождествлял с отпадением объекта политической экономии потому, что здесь будто бы нет места для теоретического анализа, а остаются лишь *описание* и *нормы*. Почему же это так?

[1] Это, разумеется, ни в какой мере не исключает задачу разработки специфических элементов метода применительно к теоретическому исследованию каждого данного способа производства.

Просто потому, что сами экономические отношения как социальные, общественные отпадают, заменяясь натуральными, т. е. отношениями человека к природе, вещам. Об этом Бухарин писал следующее: «Вместе с растущей общественно-натуральной системой экономических отношений лопаются и соответствующие идеологические категории. А раз это так, перед теорией экономического процесса возникает необходимость перехода к натурально-хозяйственному мышлению, т. е. к рассматриванию и общества, и его частей, как систем элементов в их натуральной форме».

Итак, общественные экономические отношения становятся натуральными, т. е. из отношений между людьми *по поводу производства вещей* и т. д. они становятся отношениями людей *к производству, вещам,* которые теряют свои общественные формы. Стало быть, здесь не остается и места для экономических закономерностей: они заменяются законами отношений людей к природе, законами развития производительных сил. Форма проявления и сущность отношений между людьми здесь будто бы совпадают, и поэтому — перефразируем Маркса — здесь всякая политическая экономия излишня.

Вся эта натуралистическая теория экономического строя социализма являлась разрывом с элементарными основами материалистического понимания общественных отношений.

Не ясно ли, что необходимость общественных отношений между людьми в процессе производства вытекает не из его стихийности, а из коллективной природы производства. И замена стихийного, капиталистического производства планомерным (в основном) социалистическим процессом производства — это отнюдь не отпадение отношений между людьми по производству, их натурализация, а лишь замена одного типа отношений — капиталистических, стихийных — отношениями социалистическими, планомерными, которые как отношения более высокого типа являются более развитыми и поэтому более сложными.

Теория исчезновения общественных отношений и вытекающей отсюда замены науки об объективных законах экономики описанием отношений человека к природе и нормативной политикой представляет собой в сущности отказ от признания объективных закономер-

ностей развития социалистической экономики, сползание на рельсы субъективизма.

В этом Бухарин близко сходился с Гильфердингом, который волюнтаристскую, телеологическую подоплеку теории исчезновения экономических законов и с ними политической экономии в условиях социализма раскрывает в наиболее развернутой форме. Так как при социализме отношения производства являются непосредственно общественными, то, утверждает Гильфердинг, отношения отдельных лиц определяются обществом и «изъяты из их частной воли», причем общества «обладают правом, которое захватывает не только форму хозяйства, но и его содержание. Их «внешнее регулирование», пользуясь выражением Штаммлера, есть вместе с тем внутреннее, ибо «материя социальной жизни», хозяйство, также регулируется сознательным образом» [1]. Таким образом, в непосредственно общественном характере производства в условиях социализма Гильфердинг усматривал господство права над хозяйством. Планомерное развитие экономических отношений, которое в действительности есть лишь осознанная и сознательно реализуемая обществом необходимость, он изображал как диктуемое правом, волей. Стало быть, в трактовке социалистического хозяйства каузальная позиция подменялась телеологической, волюнтаристской, в соответствии с которой и провозглашалось, что при социалистическом строе принцип экономической политики общества, как принцип общего интереса, базируется «на возможно более рациональном применении техники, а не на теоретической экономии» [2].

Эту позицию Гильфердинг обобщил в положении, что «общества, где производственные отношения сознательно регулированы, т. е. коммунистические общества, где право распоряжения всеми средствами производства принадлежит обществу, не составляют предмета теоретической экономии» [3].

---

[1] *Р. Гильфердинг.* Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса. Цит. по: «Основные проблемы политической экономии». М., 1922, стр. 111—115.

[2] Там же, стр. 115.

[3] Там же. Небесполезно отметить поразительную солидарность с этим волюнтаристско-ликвидаторским тезисом Гильфердинга одного из виднейших субъективистов — К. Менгера. «Существовало бы тогда (при социализме. — *Я. К.*), — писал он, — лишь одно хозяйство, народное хозяйство в собственном смысле слова; хозяйствующим субъектом его был бы народ (или его представитель), его целью — возможно более полное удовлетворение потребностей всех членов общества, и, следовательно, могла бы существовать лишь одна практическая наука о хозяйстве, а именно наука об основаниях, по которым общественное хозяйство сообразно данным условиям может быть устроено и ведено наиболее целесообразно» (*К. Менгер.* Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. СПб., 1894, стр. 248). В этом высказывании обращает на себя внимание не только телеологическая концепция народного хозяйства, но и формулировка его общей цели, идентичная формулировкам основного закона, трактуемого как единство «цели» и «средств ее достижения» в ряде работ по политической экономии социализма.

Но действительные отношения социализма, как и любого строя общественного производства на всем протяжении истории человечества, суть объективные, материальные отношения. Поэтому безотносительно к характеру их движения и развития — стихиен ли он или планомерен — их сущность выражается в объективных экономических законах, в том числе и законах политической экономии. Совокупность этих отношений, их строй и, стало быть, выражающая их система законов и категорий и образуют предмет политической экономии социализма. Только исследованные и раскрытые наукой законы могут сознательно использоваться обществом в ходе планомерного руководства его экономическим процессом.

Телеологизм и волюнтаризм в концепциях экономического строя социализма — путь к нарушению нормальной экономической жизнедеятельности общества и растрате его ресурсов, к возрождению элементов стихии, к застою и деградации. Только материалистическая диалектическая концепция объективных законов экономики социализма вооружает общество знанием действительной их сущности, создает предпосылки для достижения наиболее рациональной комбинации всех элементов производительных сил, для обеспечения оптимальных условий экономического развития.

Рассмотренные проблемы предмета политической экономии вскрывают ее неразрывную связь с историческим материализмом как ее общеметодологическим фундаментом.

Раскрывая определяющую роль экономического базиса в общем процессе движения и развития всей совокупности общественных отношений социально-экономической формации, исторический материализм теоретически обосновывает необходимость политической экономии как науки об особом роде общественных отношений — о материальных отношениях производства, развитие которых образует специфический вид движения общественной действительности. Исторический материализм вскрывает зависимость движения экономических отношений от развития производительных сил, его относительную самостоятельность, а также обратное воздействие производственных общественных отношений на развитие производительных сил. Таким образом, имен-

но исторический материализм теоретически обосновывает предмет политической экономии, его содержание и всеобщие исторические рамки как учения о производственных отношениях и экономических законах во всех формациях.

Политическая экономия отличается от исторического материализма не тем, что в отличие от него она изучает специфические экономические законы каждой данной формации, а не всеобщие законы, относящиеся ко всем или по крайней мере к ряду формаций [1]. На деле политическая экономия и исторический материализм изучают и всеобщие, и общие, и специфические законы. Обе эти науки изучают и социальные отношения. Поэтому глубоко неверным было бы противопоставление социологических законов, которые в качестве всеобщих якобы не представляют собой законов социальных, законам политико-экономическим, отражающим лишь переходящие, специфические для какой-либо одной формации социальные отношения.

Неразрывное единство отношений и законов исторического материализма и политической экономии коренится именно в том, что и те и другие суть отношения социальные, законы социальных отношений. Водораздел между историческим материализмом и политической экономией проходит по предметам этих наук. Предмет исторического материализма — общественно-экономическая формация в целом, единство, целостность *всех* общественных отношений, образующих каждую данную формацию, и всех формаций.

Поэтому, рассматривая социально-экономические отношения, исторический материализм изучает отнюдь не совокупность производственных отношений, как таковых, но единство отношений двух сторон способа производства (в широком смысле этого понятия) — производительных сил и производственных отношений — и соответствующие этому единству законы, определяющие зависимость производственных отношений от произво-

---

[1] Рубин, например, утверждал, что политическая экономия и исторический материализм изучают один и тот же предмет — отношение производительных сил и производственных отношений. Различие лишь в том, что, в то время как истмат изучает эту связь для всех эпох истории, политическая экономия — лишь для одной капиталистической эпохи.

дительных сил. Например, исторический материализм изучает в единстве производительные силы и производственные отношения: первые — как содержание, вторые — как форму, исследует закон этого единства, определяющий зависимость развития производственных отношений от развития производительных сил. Политическая же экономия в отличие от исторического материализма, опираясь на раскрываемые им социологические законы, в частности и прежде всего на законы связи производительных сил и производственных отношений, изучает законы движения именно производственных отношений, как таковых (в определяющей их взаимосвязи с производительными силами).

Если для исторического материализма исходный, основной закон — это закон об определяющей роли материального производства в развитии общества, а в области движения способа производства — закон об определяющей роли развития производительных сил, то для политической экономии исходный, основной закон — это закон об определяющей роли собственности на средства производства по отношению к характеру производства и присвоения общественного продукта.

Как уже отмечалось, после длительных дискуссий более или менее откристаллизовалось мнение, что предмет политической экономии в широком смысле — это совокупность производственных отношений, изучаемых в неразрывной и определяющей их взаимосвязи с производительными силами на каждом данном исторически определенном этапе их развития. Приведем еще одно из распространенных определений: «Политическая экономия есть наука о развитии производственных, т. е. экономических, отношений людей. Она выясняет экономические законы, управляющие производством, распределением, обменом и потреблением материальных благ на различных ступенях общественного развития» [1].

В свете рассмотренных споров вокруг проблемы предмета политической экономии, его границ, как и взаимосвязей исторического материализма и политической экономии, нельзя не обратить внимание на существенные недостатки приведенных определений.

---

[1] «Курс политической экономии», т. I, под редакцией Н. А. Цаголова. М., 1963, стр. XLIX.

В них прежде всего не указывается, что политическая экономия изучает способ производства в узком смысле этой категории — как целостность производственных отношений, находящихся в неразрывной и определяющей зависимости от производительных сил. В первой из приведенных формул лишь отмечается данная взаимосвязь, но нет указания на способ производства. Во второй же и этого нет, что, на наш взгляд, является существенным отступлением от требований исторического материализма, реализованных в Марксовом определении предмета «Капитала».

В этих определениях не отражается и необходимость как целостного, так и специализированного — по особым формам — рассмотрения производственных отношений, т. е. наряду с целостностью экономических отношений данной общественно-экономической формации или ее способа производства изучения также и общественных производственных отношений — непосредственного производства, распределения, обмена, потребления.

Более того, в первом из определений не упоминается о существеннейшей и относительно самостоятельной части предмета политической экономии — об экономических или, точнее, политико-экономических законах, выражающих сущность и управляющих процессом движения отношений производства. Во втором же определении хотя и упоминается о них, но их связь с отношениями производства отражается неверно. Экономические законы и законы политической экономии — это не одно и то же. Законы отраслевых экономик тоже экономические законы, но они не образуют предмета политической экономии.

Стало быть, существенный недостаток рассматриваемых определений предмета политической экономии состоит и в том, что в них не нашел себе надлежащего места такой его элемент, как законы политической экономии.

На наш взгляд, научно обоснованным и наиболее полным могло быть примерно следующее определение предмета политической экономии в широком смысле: *политическая экономия — это наука, изучающая в возникновении, развитии и неизбежной смене исторически определенные способы производства и отвечающие им*

совокупности общественных производственных отношений непосредственного производства, распределения, обмена и потребления материальных благ с управляющими этими отношениями экономическими законами.

В данном определении используется Марксова характеристика предмета политической экономии как способа производства в качестве целостности производственных отношений, определяемых исторически данными производительными силами. В нем отражается то, что ее предмет наряду с целостным рассмотрением системы отношений включает также и специальные их совокупности во всех фазах общественного воспроизводства. Вместе с тем это определение обогащено специально подчеркивавшимся Лениным указанием на необходимость изучения диалектики возникновения, развития и смены каждой исторически определенной системы производственных общественных отношений [1]. В него, наконец, включаются экономические законы как необходимый элемент предмета политической экономии. При этом посредством указания на то, что изучаются экономические законы, вытекающие из совокупностей общественных отношений производства — как непосредственного производства, так и всех других фаз воспроизводства, в определение включаются не все законы экономики, а именно политэкономические законы [2].

В данном определении, наконец, подчеркивается и то, что предмет политической экономии образует совокупность производственных отношений всех общественно-экономических формаций, т. е. является предметом политической экономии в широком смысле слова.

---

[1] Приведем в данной связи следующие ленинские положения: «Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества (способ производства в узком смысле слова. — *Я. К.*) в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 60); «...научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм.., для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 165).

[2] Это крайне важно, как увидим, для разграничения предмета политической экономии и предмета отраслевых, конкретных экономик.

Марксистскому, историко-материалистическому, монистическому пониманию предмета политической экономии противостоят буржуазные, идеалистические, эклектические концепции ее предмета.

Разумеется, со времени классической буржуазной теоретической экономии до наших дней эти концепции совершили существенную эволюцию как потому, что классическую экономию с ее превалирующими элементами научного познания экономического процесса сменила вульгарная буржуазная экономия, экзотерическая по самой своей природе, так и потому, что на каждом новом этапе исторического развития буржуазная экономия неизбежно перестраивалась в соответствии с условиями социально-экономической действительности и потребностями классовой борьбы. Немалое значение при этом имели и мотивы борьбы с марксизмом. Но как бы ни изменялись вульгарные трактовки предмета политической экономии и как ни велика разноголосица между буржуазными экономистами, имеется общая основа понимания буржуазной экономией своего предмета. Она изучает не производственные отношения на исторически определенном этапе их развития, а некое внеисторическое общее, изменяющееся лишь в производных формах отношение человека (коллектива, общества, наций и т. д.) к природе, то есть материальное производство, или «производство вообще» (т. е. конгломерат материального производства, духовного производства и услуг), ради удовлетворения потребностей.

Можно выделить три главные общие формы, в которых буржуазную экономию на сменяющих друг друга этапах ее развития интересует именно этот ее предмет. От Адама Смита до Дж. Ст. Милля предмет буржуазной экономии — производство для удовлетворения потребностей — выступает в качестве науки о богатстве, его производстве и распределении [1].

Во второй половине прошлого века в работах исторической, а затем и субъективистской школ общий предмет науки — производство для удовлетворения потребностей — выступает в разных формах науки о народном хозяйстве [2], причем подобная интерпретация становится господствующей и входит во все университетские курсы

---

[1] «Предметом политической экономии служит богатство. Экономисты ставят своей задачей — давать знание или исследование о природе богатства и о законах его производства и распределения» (*Дж. Ст. Милль.* Основания политической экономии. М., 1895, стр. 1). Законченный вульгарный экономист Ж. Б. Сей, впрочем как и преобладающая масса политэкономов в его время, также трактует политическую экономию как науку о богатстве (см. *Ж. Б. Сей.* Трактат политической экономии. М., 1896, стр. 13).

[2] *Историческая школа:* «Под политической экономией, под наукой о народном хозяйстве разумеем мы учение о законах... хозяйственной жизни народа» (*В. Рошер.* Начала народного хозяйства. М., 1860, стр. 33).

Субъективистская школа: «Под политической экономией мы будем понимать... совокупность теоретико-практических знаний о народном хозяйстве (теоретическую национальную экономию, народнохозяйственную политику и финансовую науку)». Теоретическая наука о народном хозяйстве (политическая экономия. — *Я. К.*) имеет своей задачей исследование «общей сущности и общей связи народнохо-

первой половины XX в.[1] Правда, в разные периоды в трактовке политической экономии как науки о народном хозяйстве в самом народном хозяйстве как объекте изучения выделялись различные его стороны и элементы. И если у историков, австрийцев, математиков, равно как и в эклектических курсах конца XIX — начала XX в., превалировала трактовка народного хозяйства просто как формы производства для удовлетворения потребностей[2], то с 30-х годов нашего века и поныне в связи с господством в буржуазной экономии эконометрических направлений преобладает трактовка предмета политической экономии как науки о народном хозяйстве, направленной на выбор в процессе хозяйствования средств для достижения его целей при ограниченных ресурсах[3].

зяйственных явлений» (*К. Менгер.* Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности, стр. 3—4, 7—8).

[1] «Предметом нашей науки является хозяйство определенной социальной единицы. Природа этого хозяйства находится некоторым образом под влиянием существующего общественного строя, но в известной степени она и независима от этого фактора. Главная задача политической экономии... в том, чтобы выявить степень этой независимости...» (*Г. Кассель.* Основные идеи теоретической экономии. Л., 1929, стр. 25). «...Политическая экономия в отличие от технических наук изучает действия человека, направленные на удовлетворение материальных потребностей с точки зрения доставляемых ими выгод и вызываемых пожертвований... действия человека, направленные на удовлетворение материальных потребностей, могут быть названы хозяйственными, экономическими; совокупность таких действий называется хозяйством» (*А. И. Чупров.* Политическая экономия. СПб., 1908, стр. 7). «...Политическая экономия есть наука о явлениях общественного хозяйства и законах, управляющих этими явлениями» (*А. А. Исаев.* Начала политической экономии. СПб., 1908, стр. 23—24).

[2] «Предметом политической экономии как науки является... все, что имеет отношение к добыванию и применению благ, идущих для удовлетворения человеческих потребностей» (*A. Wagner.* Grundlegung der Politischen Oekonomie, B. I, Leipzig, 1892—1893, S. 143). Впрочем, представители различных школ и в XX в. часто сходным образом определяют предмет политической экономии. «Политическая экономия, — писал, в частности, Штаммлер, — это учение... об осуществлении человеческих стремлений, взаимодействующих при определенном внешнем регулировании, причем целью этих стремлений является удовлетворение потребностей» (*H. Stammler.* Systematischer Grundriss der Volkswirtschaftslehre. Berlin, 1925, S. 20). «Политическая экономия — это изучение отношения человека к богатствам или, точнее, человеческой деятельности, направленной на удовлетворение своих желаний и увеличение своего благосостояния» (*C. Corcelle.* Précis d'économie politique. Paris, 1949, p. 9).

[3] Приведем несколько характерных для современных буржуазных экономистов такого рода субъективистско-маржиналистских определений:

«Экономика, или политическая экономия, как было принято называть в прошлом, определялась по-разному: как наука о богатстве; как изучение человечества в его повседневной хозяйственной жизни;

Не вдаваясь в рассмотрение причин эволюции конкретных форм, в которых буржуазная политическая экономия на различных этапах развития определяет свой предмет (что само по себе является существенной теоретической проблемой), можно констатировать, что в послесмитовски-миллевские времена в общей основе ее предметом является народное хозяйство. При этом как бы само народное хозяйство ни трактовалось в тех или иных его элементах и процессах, оно неизменно рассматривается в качестве системы отношений людей (человека, хозяйствующего субъекта, их совокупности, общества и т. д.) к внешней природе, их воздействий на внешнюю природу, определяемых потребностями и психическими факторами, лежащими в основе их образования и удовлетворения [1].

как наука, имеющая дело с тем аспектом человеческого поведения, который связан с ограниченностью средств для достижения данных целей» (*H. W. Spiegel.* Introduction to Economics, N. Y., 1951, p. 3). Автор отдает предпочтение последнему из определений, хотя не считает, что вообще необходимо слишком строгое отграничение предмета науки.

«Объект (политической экономии. — *Я. К.*) состоит из таких действий и решений индивидуумов и групп индивидуумов, которые связаны с использованием в самых различных целях средств, имеющихся лишь в ограниченном количестве» (*H. Sauermann.* Einführung in die Volkswirtschaftslehre, B. I. Wiesbaden, 1960, S. 17).

По его утверждению, основная проблема политической экономии состоит в том, «как и с какой целью непрерывно принимаются решения (распоряжения) относительно хозяйственных благ» (там же).

«Политическая экономия — это наука о распоряжении редкими ресурсами в человеческом обществе; она изучает формы, которые принимает поведение человека и общества в процессе взаимного приспособления внешнего мира и действий, направленных на смягчение напряженности, которая существует вследствие неограниченности желаний и ограниченности средств» (*R. Barre.* Economie Politique, t. I. Paris, 1961, p. 12).

«Экономическую науку определяют как науку, описывающую человеческую деятельность, направленную на удовлетворение человеческих нужд посредством использования редких средств производства» (*R. H. Blodgett.* Principles of Economics. N. Y., 1942, p. 3).

«Хозяйствование есть не что иное, как постоянный выбор между различными возможностями, и политическая экономия в сущности есть не что иное, как учение об альтернативах» (*W. Röpke.* Die Lehre von der Wirtschaft. Zürich, 1946, S. 32).

Предмет политической экономии образует «формы человеческого поведения при распоряжении редкими благами» (*L. Robbins.* An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. London, 1935, p. 15).

[1] «...Хозяйство, — отмечал М. И. Туган-Барановский, — есть совокупность действий человека, направленных на внешнюю природу и имеющих своей целью не наслаждение самой деятельностью, но создание материальной обстановки, необходимой для удовлетворения наших потребностей» (*М. И. Туган-Барановский.* Основы политической экономии, Пг., 1915, стр. 9).

Таким образом, принимая прямо или косвенно в тех или иных конкретных формах в качестве предмета политической экономии народное хозяйство, буржуазная экономическая наука подменяет действительный ее предмет — общественно-производственные отношения — отношениями человека к природе, т. е. производительными силами, которые, однако, по своей сущности, не являясь сами по себе объектом экономического анализа, не могут, несмотря на намерения буржуазной экономической науки, стать конечным объектом ее исследования. В силу этого буржуазная политико-экономическая наука в качестве реального предмета вынуждена сооружать эклектическую конструкцию из технических и экономических отношений, перенося центр тяжести на техно-экономические формы отношений, в большей или меньшей мере подменяя политическую экономию неким конгломератом конкретных экономических наук [1]. Все это позволяет буржуазной экономии — соответственно ее апологетическому назначению — не только исключить из сферы анализа историчность экономических отношений, но и придать буржуазным отношениям всеобщий характер [2]. В силу этого собственно социально-экономиче-

---

[1] Ныне в США, Англии и других капиталистических странах среди буржуазных экономистов стало модным вообще заменять политическую экономию некоей «чистой теорией» хозяйствования, представляющей собой в действительности окрошку из практических экономических сведений, именуемых в университетских курсах «Economics».

«Строго говоря, экономика (economics) изучает тот способ, каким люди зарабатывают на жизнь, но значение ее простирается далеко за узкие рамки промышленности, ибо образ работы людей воздействует практически на все аспекты общества во всем мире. Положение семьи, различие между богатыми и бедными, рост или падение уровня рождаемости, конфликты между политическими партиями, войны и договоры между различными нациями — все это отражает проблемы, которые полностью или частично являются экономическими точно так же, как депрессии и инфляции». «Экономическая наука — это изучение человеческой деятельности, связанной с производством, распределением и потреблением товаров и услуг» (*M. Ulmer.* Economics. Theory and Practice. Cambridge, 1959, p. 4).

Как видим, потребовалось около двух столетий, протекших с появления в свет гениальной работы Адама Смита, чтобы буржуазная экономическая наука вовсе выбросила на свалку реальную теорию, предпочтя ей собрание квазинаучных рецептов о том, как делать деньги.

[2] Когда экономическим отношениям на основе анализа хозяйства как предмета экономической теории был прочно придан внеисторический характер, буржуазная экономия могла позволить себе роскошь рассматривать сами эти отношения... без хозяйства. Социальная школа, которая кокетничала якобы изучением специально социальных отношений, понимала в сущности под последними лишь один их вид — отношения буржуазного типа. Так, Амонн, который выступал против рассмотрения хозяйства как объекта экономической теории, сами отношения трактовал лишь как развивающиеся на основе «социального менового строя». «Общественные отношения, которые

ские отношения буржуазная экономия выносит за рамки производства, усматривая их в отношениях распределения, обращения или потребления и придавая тем или другим доминирующий характер.

Наконец, — и это едва ли не самое существенное — отвлечение от объективных производственных отношений как предмета науки позволяет рассматривать хозяйственные процессы с субъективной, или социально-психологической, т. е. идеалистической, точки зрения, выдавая психологический фактор — поведение людей, диктуемое законами психологии, — за решающий стержень, основу экономической жизни [1].

заключаются в них (основных проблемах политической экономии. — *Я. К.*), — писал он, — вырастают на почве определенного социального менового строя или определенной организации, и вне последней они немыслимы» (*A. Amonn,* Object und Grundbeg riffe der Theoretischen Naturalökonomie, Leipzig und Wien, 1927, S. 185).

В буржуазных определениях предмета политической экономии распространена трактовка отношений не в качестве производственных, а абстрактных, внеисторических отношений в процессе хозяйствования, удовлетворения материальных потребностей и т. д. Так, В. Железнов писал: «Политическая экономия имеет предметом своего исследования общественные отношения людей, возникающие на почве их хозяйственной деятельности, т. е. усилий, направленных на удовлетворение разного рода потребностей материальными средствами» (*В. Я. Железнов.* Очерки политической экономии. М., 1912, стр. 10).

«...Предметом политической экономии, — утверждал Ш. Жид, — являются только такие отношения, которые направляются на удовлетворение материальных потребностей людей, стремятся ко всему тому, что касается *благосостояния людей*» (*Ш. Жид.* Основы политической экономии. М., 1918, стр. 10).

[1] Сошлемся на несколько примеров, относящихся как к началу XX в., так и к современности. «Хозяйственный процесс, изучаемый экономической наукой, сводится, — утверждал М. И. Туган-Барановский, — таким образом, к психическим переживаниям человека — вот та точка зрения, с которой политическая экономия исследует хозяйственный процесс, и вот каким образом политическая экономия может быть отграничена» (*М. И. Туган-Барановский.* Основы политической экономии. Пг., 1917, стр. 10). Он же, рассматривая в качестве одной из логических конституирующих категорий хозяйства ценность, писал: «...ценность располагается на том полюсе хозяйства, где лежит цель последнего... Категория ценности и есть не что иное, как одна из форм категории воли» (*М. И. Туган-Барановский.* Основы политической экономии. СПб., 1911, стр. 37—38).

Как видим, главное в политической экономии, ее ядро — в интерпретации психических переживаний как конституирующего момента хозяйственной, экономической деятельности, экономических отношений.

Виднейший представитель исторической школы Шмоллер также рассматривал народное хозяйство — предмет политической экономии — в качестве единого целого, которое «подчиняется единым психическим и материальным причинам». На этой основе он и развивал

Именно эта концепция сохраняется неизменной на всем протяжении развития вульгарной политической экономии. Она свойственна любому ее направлению — субъективному, историческому, социальному, инструменталистскому, институционалистскому, всем разновидностям современных экономических построений и т. д.

В рамках рассмотрения вульгарной буржуазной политической экономией народного хозяйства в качестве своего предмета трактовка последнего как деятельности человека, направленной на внешнюю природу, неразрывна с идеалистической трактовкой мотивов этой деятельности как деятельности, определяемой психологическими факторами поведения человека. Последние изображаются как изначальные и доминирующие. Все это, как мы еще увидим, неизбежно смыкается и с концепцией экономических законов как законов в конечном счете психологических. Отсюда проистекает в противовес материалистической каузальности марксистской научной политической экономии идеалистический телеологизм буржуазной вульгарной политической экономии. Если материальная деятельность (производство) определяется изначально данными законами психологии, то человек, руководствуясь ими, определяет внешние цели своей деятельности, которые, проистекая из независимой, изначальной психики человека, являются уже не неким субъективным отражением объективной необходимости экономических отношений, а выступают как идеальная, руководящая сила развития экономического процесса.

Наиболее яркое выражение это находит в концепции «хозяйственного принципа», провозглашаемого буржуазной экономией [1].

Нет нужды говорить о нереальности некоего абстрактного принципа хозяйственного расчета — получения максимума результатов

идею определяющей роли этическо-государственной организации экономии (см. *Г. Шмоллер.* Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. — Хозяйство, нравы и право. — Разделение труда. М., 1902, стр. 7). Подобных взглядов придерживаются и многие современные буржуазные экономисты. Вот, например, обычное для современной буржуазной экономии высказывание одного из заметных ее представителей в США, Г. Хаберлера: «Предметом экономической науки является поведение людей, главным образом осознанное и обдуманное поведение, которое вряд ли может быть отделено от своей психологической основы. Поэтому психология поведения людей представляет собой составную часть предмета политической экономии» (*Г. Хаберлер.* Процветание и депрессия. М., 1960, стр. 165).

[1] «Политическая экономия, — писал русский буржуазный экономист А. Мануилов, — устанавливает ряд предположений, относящихся к психике хозяйствующего человека и внешним условиям его деятельности. Первым таким положением, положением касательно психики хозяйствующих субъектов, и является положение о хозяйственном, или экономическом, принципе». Политическая экономия, указывал он, «предполагает, что люди в их хозяйственной деятельности всегда руководятся хозяйственным расчетом... стремятся достигнуть наибольших результатов при данных затратах или данного результата с наименьшими затратами... это правило разумного хозяйствования, являющееся последовательным применением «экономического принципа»» (*А. А. Мануилов.* Политическая экономия, вып. 1. М., 1918, стр. 90).

при данных средствах, отвлеченного от определенных социально-экономических отношений. Очевидно, например, что для капиталиста необходимо и целесообразно то, что дает ему наибольшую массу прибыли, а вовсе не наибольшие материальные народнохозяйственные результаты вообще. Разумеется, в идеалистически извращенной форме абстрактный хозяйственный принцип отражает реальную материальную необходимость экономии общественного труда, объективный закон роста производительности труда, выступающий в той или иной исторически определенной форме в движении каждого способа производства. Но нас интересует другое — то, что «хозяйственный принцип» рассматривается именно как принцип психологии хозяйствующего субъекта, как психологический экономический закон, вносящий извне цель в материальную, производственную деятельность человека.

Еще ярче психологизм и телеологизм в истолковании хозяйства и свойственных ему экономических законов выступают в пропагандируемой социальной школой, широко взятой на вооружение различными направлениями буржуазной экономической науки концепции хозяйства как единства средств и целей, как системы средств для осуществления целей [1]. При этом определяющая роль принадлежит цели, вытекающей из психической сущности хозяйствующего человека, а подчиненная роль — средствам, материальному производству и его элементам; их движение определяется движением целей.

Но разумеется, процесс труда, процесс производства, какая бы общественная форма ему ни была присуща, необходимо осуществляется как целесообразный процесс [2], и по отношению к целесообразной деятельности человека вещные элементы производства (орудия и предметы труда) выступают как средства этой деятельности — средства труда, средства производства.

Стало быть, ненаучность и идеалистичность буржуазной концепции хозяйства как единства цели и средств заключается не в том, что она указывает на целесообразный характер материального процесса производства, на то, что вещные его элементы выступают как средства реализации целесообразной деятельности. Все это лишь простые, всеобщие научные определения процесса труда, как такового, функционирования производительного труда, или, что то же, материального производства.

---

[1] Законченная, отчетливая формулировка этой концепции дается тем же М. И. Туган-Барановским. Хозяйственный процесс, утверждал он, «с одной стороны, всегда преследует внешнюю *цель* — приспособление внешней природы к нашим потребностям, с другой же стороны, достигает этой цели лишь путем некоторых затрат, составляющих *средство* для достижения *цели*... Средство и цель... являются теми двумя полюсами, между которыми заключена хозяйственная деятельность» (*М. И. Туган-Барановский.* Основы политической экономии. СПб., 1911, стр. 37).

[2] «Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, — писал К. Маркс, — он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 189).

Ненаучность и идеалистичность буржуазной экономии состоит в том, что она, *во-первых,* рассматривает цель не в качестве осознанной субъектом производства объективной необходимости, диктуемой самими условиями материальной жизни и только в такой ее сущности являющейся законом его действий, целесообразной трудовой деятельности, а в качестве внешней, независимой цели, проистекающей из изначально данной психологии хозяйствующего субъекта. *Во-вторых,* сама материальная производственная деятельность при этом противополагается как средство реализации внешней цели [1]. В действительности же сама эта деятельность есть целесообразно протекающий процесс, объединяющий целенаправленно действующего субъекта и целесообразно используемые им средства его деятельности. Иначе говоря, буржуазная экономия, оторвав цель от производства, субъективировав ее, само производство трактует как момент, ей противоположный и подчиненный. В действительности же содержание производства объективно обусловливает цель, которая и реализуется в его процессе.

Поэтому, хотя марксистская политическая экономия раскрывает цель производства вообще как удовлетворение потребностей и специфические формы цели производства на каждом данном историческом этапе развития (например, цель капиталистического производства — прибавочная стоимость, прибыль; цель социалистического производства — возможно более полное удовлетворение потребностей всего общества и каждого его члена в соответствии с затрачиваемым им трудом), она никогда не рассматривает ее как внешнюю, извне привнесенную в производство. Для нее она лишь форма осознаваемой субъектами производства объективной необходимости, заложенной в самом производстве. Но именно поэтому ненаучным и идеалистическим является концепция хозяйства как единства неких внешних и независимых друг от друга сущностей — «цели» и «средства».

Естественно, что такой концепции в силу ее телеологизма нет места в марксистской политической экономии. Она рассматривает хозяйство, хозяйственную деятельность как объективный процесс производства и воспроизводства материальных условий существования общества и отношений между людьми в этом процессе. Центр тяжести, стало быть, переносится не на целесообразность производства как на один из моментов, присущих производству вообще, не на абсолютизацию этого момента и его идеалистическое противопо-

---

[1] Особенно настойчиво развивали этот тезис неокантианцы, предпринимая, в частности, попытки соединить кантианство и марксизм. Так, И. Давыдов, отстаивая синтез идеалистической и реалистической концепций учений Канта и Маркса, писал: «Нет необходимости поступаться чем-либо из основных элементов той и другой концепций, т. е. как материалистической, так и идеалистической, чтобы достигнуть желательного синтеза обеих: чтобы подвести под идеалистическую конструкцию материалистический фундамент, и обратно, чтобы увенчать позитивно-материалистическое здание марксизма идеалистической кровлей, — для этого достаточно в основание своих построений положить идею отношения *цели к средству, ценности к сущему»* (см. предисловие к кн.: *Р. Штаммлер.* Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории, т. II. СПб., 1907, стр. LXX).

ставление как якобы внешнего и независимого от производства момента, а на самую сущность производства, его объективное материальное содержание, обусловливающее и характер его целесообразности.

Итак, мы рассмотрели проблему предмета политической экономии, выявили необходимые и неразрывно связанные между собой его элементы: способ производства как совокупность общественных отношений производства в целом, отвечающие ему отношения производства в непосредственном процессе производства и процессах обмена, распределения и потребления и управляющие всеми этими отношениями экономические законы. Все это необходимо для того, чтобы, отправляясь от этих общих элементов политической экономии в широком смысле, исследовать специфику предмета и метода политической экономии социализма и вместе с тем специфику и место системы законов политической экономии социализма — специального предмета нашей работы.

Но до того как перейти непосредственно к этой теме, рассмотрим предварительно ряд специальных вопросов о соотношении производительных сил и производственных отношений, с одной стороны, и взаимосвязи этого соотношения с системой законов политической экономии — с другой. Их изложению и посвящаются главы вторая и третья.

глава 2

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ЗАКОНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Целостную систему общественных отношений производства и их законов можно исследовать лишь в рамках диалектического процесса взаимосвязей производительных сил и производственных отношений. Из этого вытекает необходимость рассмотрения каждой из трех категорий — производительных сил, производственных отношений, законов политической экономии по крайней мере с той стороны, от которой зависит указанная диалектическая взаимосвязь.

1

производительные силы

Представляют ли собой производительные силы экономическую категорию? На первый взгляд как будто нет оснований для подобного вопроса. В самом деле, экономические категории — формы выражения общественных отношений производства, они «суть лишь *абстракции* этих действительных отношений»[1]. Производительные же силы — содержание производственных отношений — представляют собой не общественные отношения, а отношения людей к природе. И поэтому было бы нелепо категорию производительных сил самое по себе относить к экономическим категориям[2]. Однако означает

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 406.

[2] Еще в письме Анненкову Маркс писал: «Машина так же мало является экономической категорией, как бык, который тащит плуг». (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 405). Эту мысль Маркс вос-

ли это, что производительные силы суть техническая категория? Такой взгляд, разумеется, был бы столь же неверен.

Производительные силы становятся таковыми лишь постольку, поскольку они представляют собой реальное, осуществившееся в процессе труда, производства соединение вещественных (орудий и предметов труда) и личных (рабочей силы) элементов. Следовательно, они производительные силы лишь постольку, поскольку являются действительной стороной исторически определенного способа производства и охвачены определенными отношениями производства, обладают определенной социально-экономической формой. Вне этого любой элемент, могущий стать частью производительных сил, является лишь потенциально производительной силой.

Отсюда и вытекает вывод, что производительные силы представляют собой категорию исторического материализма, изучающего способ производства в широком смысле, т. е. само единство производительных сил и производственных отношений, как таковое [1]. Из этого следует и то, что производительные силы непосредственно, сами по себе, не являются категорией экономической или политико-экономической.

Однако этим проблема не исчерпывается. Производительные силы как органы общественного труда, носители общественных отношений производства, т. е. в качестве материального базиса исторически определенной экономической организации общества, его экономической

производит в «Нищете философии», подчеркивая, что машина — это не экономическая категория, а только производительная сила (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 152).

[1] Характер производительных сил как важнейшей, определяющей категории исторического материализма подчеркивался Марксом. «Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, приобретенные предыдущим поколением, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — писал он, — благодаря этому факту образуется *связь в человеческой истории,* образуется история человечества, которая тем больше становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 402; курсив наш. — *Я. К.*). Маркс называл производительные силы «производительными органами общественного человека», «материальным базисом каждой особой общественной организации» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 383).

структуры, обладают определенным общественным, или социально-экономическим, характером. Маркс, отвергавший рассмотрение машин — производительной силы — как экономической категории, вместе с тем подчеркивал, что применение машин, которому свойствен исторически определенный характер, есть отношение экономического строя[1]. Он указывал на *«определенный общественный характер,* который средства производства, выражая определенное *производственное отношение,* приобретают при капиталистическом производстве...»[2]. «...Фабрика, — писал Маркс, — основанная на употреблении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория»[3].

Вот почему, хотя сами по себе производительные силы и не являются экономической категорией, исторически определенный общественный характер их применения, общественно-определенные формы их структуры и функционирования в качестве материально-технической базы (если речь идет о совокупности вещественных элементов производительных сил) и материально-производственной базы (если речь идет о совокупности вещественных и личных их элементов) каждого исторически данного способа производства представляют собой формы общественных производственных отношений и выступают как экономические категории. Эти исторически определенные формы движения производительных сил, формы материально-технической и материально-производственной базы каждого данного способа производства как формы экономических отношений необходимы и входят в общую систему форм производственных отношений.

Иными словами, исторически особый социально-экономический характер структуры, функционирования и использования производительных сил выражается в особых экономических категориях, экономических формах — в материально-технической и материально-производственной базе каждого данного общественно-экономического строя. В них прежде всего непосредственно и выражается диалектика производительных сил и производственных отношений, выявляется определяющая роль

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 405.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 418.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 152.

производительных сил для развития производственных отношений. Именно поэтому Ленин, подчеркивая, что предметом политической экономии является не производство, а экономический его строй, вместе с тем указывал, что «Маркс дал совершенно точное определение понятию рост производительных сил и изучал конкретный процесс этого роста»[1].

Анализ социально-экономического характера функционирования производительных сил как экономических форм материально-технической и материально-производственной базы общественно-экономического строя играет важную роль в политической экономии капитализма и — что особенно важно — в политической экономии социализма[2].

Маркс рассматривал формы простой кооперации, мануфактуры и системы крупного машинного производства в качестве ступеней развития социально-экономического характера функционирования производительных сил капитализма, т. е. как исторически определенные формы развития его материально-технической и материально-производственной базы. Социально-экономической категорией является и характер рабочей силы — личного элемента производительных сил. При капиталистическом

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 354.

В этой связи следует подчеркнуть важнейшее методологическое значение указания В. И. Ленина об экономической оценке технического прогресса. «...Экономист, — писал Ленин, — всегда должен смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отставшим, ибо кто не хочет смотреть вперед, тот поворачивается к истории задом: середины тут нет и быть не может» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 137—138).

[2] И только те, кто схоластически трактуют предмет политической экономии как изучение производственных отношений в отрыве от производительных сил, вне связи с ними, не понимают, что политическая экономия необходимо как существеннейшие свои категории изучает социально-экономический характер функционирования производительных сил в качестве экономических форм материально-технической и материально-производственной базы экономики. Именно исходя из такой схоластической концепции, П. Маслов утверждал, что якобы «анализа процесса распределения и перераспределения производительных сил в народном хозяйстве *ни одна школа* политической экономии (и марксистская также. — *Я. К.*) не дает». В качестве своего открытия он провозглашал необходимость изучения политической экономией закономерностей этих процессов — будто бы марксистская политическая экономия их не исследовала (см. *П. Маслов.* Теория развития народного хозяйства. СПб., 1910, стр. 3).

строе эта категория — производительный класс, которым является рабочий класс, величайшая производительная сила общества. В социалистическом обществе рабочая сила как экономическая категория выступает в качестве непосредственно общественной, т. е. объединенной в масштабе всего общественного производства социалистической собственностью, рабочей силы — производительного непосредственно общественного коллектива работников. Поскольку при социализме еще сохраняются неантагонистические классы, этот социально-экономический характер рабочей силы выражается в категориях производительных неантагонистических классов — рабочего класса и кооперированного крестьянства. Категория производительного класса неразрывно связана со всеми отношениями общественно-экономической организации труда, с характером ее развития, ее противоречиями, их внутренним развитием и т. п. Это одна из узловых, решающих социально-экономических категорий.

Реализация социально-экономического характера функционирования производительных сил в качестве определенных экономических форм объясняет характер законов движения материально-производственной и материально-технической базы общественного строя — экономических законов технического прогресса, концентрации и централизации производства, его специализации, подъема производительности труда, размещения производительных сил и т. д. — как законов политико-экономических в собственном смысле этого слова.

В данной связи особенно очевидна методологическая несостоятельность понимания производительных сил как технической, так и экономической категории.

Первая точка зрения прежде всего проповедовалась в работах Бухарина, полагавшего, что «категория производительных сил является категорией не экономической, а технической». Взгляд этот, как известно, был отмечен Лениным как неправильный [1]. Бухарин механистически, упрощенно трактовал производительные силы, рассматривая их как *«пограничное* понятие, стоящее на рубеже техники и экономики» [2]. Он не принимал во внимание того, что техника, не включенная в способ производства, — это еще не производительная сила. В качестве же таковой, взятая в единстве с производственными отношениями, она является категорией исторического материализма. Но если производительные силы и пограничная категория, то лежит

---

[1] См. Ленинский сборник XI, стр. 371.

[2] Там же, стр. 372.

она на границе исторического материализма и политической экономии, и лишь в том смысле, что социально-экономический характер функционирования производительных сил есть отношение экономическое и потому изучается политической экономией.

Согласно другим взглядам (в последние годы получившим некоторое распространение), в силу того что производительные силы и производственные отношения соотносятся как содержание и форма, «производительные силы... категория экономическая» [1]. В ином будто бы случае производительные силы будут «отехничены», оторваны от общественных отношений, а производственные отношения потеряют свое содержание. Логическая неубедительность этих рассуждений очевидна. Почему, собственно, характер содержания следует классифицировать по характеру формы, т. е. исходить из того, что если форма (производственные отношения) — экономическая категория, то и содержание (производительные силы) — экономическая категория? Ведь, следуя этой логике, надо было бы допустить... обратное: раз содержание не экономическая категория, то и форма также не имеет этого характера. Но это лишь формальнологическая несообразность. На деле характер отношений действительности и категорий, их выражающих, определяется сущностью самих этих отношений.

Производительные силы как единство вещественных и личных факторов производства выражают отношения общества к природе. Именно поэтому они категория исторического материализма. В то же время определенный социально-экономический характер функционирования данных производительных сил в качестве экономических форм материально-технической (производственной) базы общества образует собой экономические категории, которые и являются непосредственным материальным выражением неразрывности производительных сил и производственных отношений.

Социально-экономический характер функционирования производительных сил, выражающий реальный процесс их взаимодействия с производственными отношениями, и вытекающие отсюда условия действия и взаимодействия экономических законов — все это неразрывно связано со структурой производительных сил.

Маркс под производительными силами понимал все простые элементы труда в их единстве: орудия труда,

---

[1] См., например, *Д. К. Трифонов.* Производительные силы общества и их составные элементы. — «Вестник ЛГУ», 1960, № 23, серия экономики, философии и права, вып. 4, стр. 10. Трактовка технических отношений как элемента производственных отношений фактически смыкается со взглядом на производительные силы как на экономическую категорию.

предметы труда, рабочую силу (взятую в действии, в процессе целесообразной деятельности) [1].

Разумеется, он никогда не ставил знака равенства между этими элементами с точки зрения их функциональной роли в экономике.

Во-первых, в производительных силах представлен личный, субъективный элемент — рабочая сила, выступающая как организованная в той или иной социальной форме коллективная рабочая сила, которая и придает всему единству производительных сил их характер в качестве сил, производящих, созидающих результаты производства. Ибо производство — это процесс, протекающий между человеком и природой, который состоит в воздействии человека на природу при посредстве средств производства, заключающемся в присвоении материи природы и переработке ее в потребительные ценности, удовлетворяющие общественные (производительные и личные) потребности.

Вещественные элементы производительных сил выступают как производительные силы именно потому, что

---

[1] Маркс и Энгельс категорию средств производства, охватывающую орудия и предметы труда, рассматривали как тождественную категории производительных сил (имея в виду, разумеется, их вещественные элементы). Например, в работе «Наемный труд и капитал» Маркс употреблял такое выражение, как материальные средства производства, т. е. производительные силы. Энгельс писал о том, что «буржуазия... не могла превратить... ограниченные средства производства в мощные производительные силы» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 280). Следует подчеркнуть, что Маркс выделяет производительные силы, руководствуясь критерием *функциональной* роли вещественных и личных факторов в процессе труда. И это единственно возможный их критерий. Попытка применения иного критерия ведет к глубоким заблуждениям. Например, Д. И. Чесноков предложил различать производительные силы с точки зрения их трудового происхождения. «Производительные силы, — писал он, — это единство труда накопленного и труда живого». В другом месте он указывает: «Мы неизбежно сталкиваемся с двумя основными элементами (образующими, по взгляду этого автора, в единстве производительные силы. — *Я. К.*): с трудом непосредственным или живым, т. е. трудовыми усилиями людей, и с трудом накопленным, или овеществленным, воплощенным в средствах труда» (*Д. И. Чесноков.* Исторический материализм. М., 1964, стр. 62, 63).

В этом определении рабочая сила — действительный элемент производительных сил — подменяется ее проявлением — трудом, хотя Маркс открыл и показал недопустимость такой подмены. Кроме того, вещественные элементы производительных сил оказались ограниченными лишь элементами, произведенными трудом, что также неверно.

являются средствами производящей рабочей силы, производящего субъекта общественного производства. Они его органы. Он помещает их между собой и природой и через них при их посредстве реализует свои производительные потенции [1].

Во-вторых, в производительных силах представлен объективный вещный элемент — орудия труда и предмет труда, причем первым принадлежит главная роль в производительном воздействии человека на природу и ими определяется мощь производственных потенций человека. Отсюда вытекает определяющая роль орудий труда в системе производительных сил как для самого их развития, так и для всей социально-экономической структуры общества [2].

Функционально-экономические различия элементов производительных сил отнюдь не основание для исключения из их состава какой-либо части, скажем предметов труда. Это объясняется просто тем, что без предмета труда столь же невозможна производительная деятельность человека, как и без орудий труда. Именно поэтому основоположники марксизма не делали различий между

---

[1] Попытка подменить категорию средств производства в определении производительных сил некоей расплывчатой категорией «материально-вещественные факторы» ведет лишь к неопределенности и путанице. В «Курсе политической экономии» читаем: «*Работники и материально-вещественные факторы,* необходимые для преобразования веществ природы в продукты, образуют *производительные силы общества*» (т. I, стр. XLIV). Но *во-первых,* сами вещества природы также выступают как материально-вещественные факторы производства (предметы труда, не профильтрованные трудом, земля как средство производства и предмет труда и т. д.), так что получается тавтология. *Во-вторых,* и это главное, «материально-вещественные факторы» — понятие, оторванное от процесса труда, технизированное, натуралистическое, в то время как средства производства — понятие строго экономическое. *В-третьих,* к материально-вещественным факторам, необходимым для производства, относятся и такие, которые отнюдь не являются производительными силами, например солнце, воздух, климат и т. п.

[2] «Экономические эпохи, — писал К. Маркс, — различаются не тем, что́ производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд». В этом определении Маркс выразил один из главных устоев материалистического понимания общественно-экономического, исторического процесса (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 191).

средствами производства и вещными элементами производительных сил.

В трактовке состава производительных сил, как известно, имеются довольно существенные расхождения, причем распространение получили как концепции того или иного сужения границ категории производительных сил, так и концепции ее расширения, которые в свою очередь имеют ряд разновидностей.

Так, по одной из трактовок, суживающих границы производительных сил, из последних исключаются предметы труда [1]. В защиту ограничения производительных сил лишь орудиями труда наряду с рабочей силой обычно выдвигается тот аргумент, что производительные силы как категория выражают активную роль человека в процессе производства, его производительное воздействие на природу, на предметы труда, в ней заключенные [2]. А такое воздействие оказывает человек, вооруженный орудиями труда.

Разумеется, производительные силы — выражение активного отношения человека к природе, его производительного воздействия на природу. Но все дело в том, что оно предполагает не только два компонента процесса труда — рабочую силу и орудия труда, но и предмет труда, без которого не может состояться сам труд. Более того, во многих процессах, например химических, электроэнергетических, орудие и предмет труда вообще сливаются [3].

---

[1] Этот взгляд был сформулирован в IV главе «Краткого курса истории ВКП(б)». Еще в 20-х годах в работах по историческому материализму встречались попытки ограничения вещных элементов производительных сил орудиями труда. Так, в 1927 г. А. Ефимов утверждал: «...производительные силы общества — это его производственный аппарат (людской и вещный, взятый в действии), рассматриваемый как производительная возможность, способность общества» (*А. Ефимов.* Производительные силы и диалектика их развития. — «Вестник Коммунистической академии», 1927, № 22, стр. 149).

[2] На «активную роль» производительных сил, в частности, указывал И. В. Сталин. Этот аргумент и до сих пор иногда воспроизводится. Так, возражая против включения предмета труда в производительные силы, В. Я. Суслов писал: «В процессе труда... активной стороной является не природа, а человек, вооруженный средствами труда. Воплощением этой активной стороны и являются производительные силы» («Вестник ЛГУ», 1960, № 5, серия экономики, философии и права, вып. 1, стр. 69).

[3] Не лишено интереса замечание Г. В. Плеханова о том, что «самая важная роль... принадлежит или по крайней мере принадлежала

Исключать из производительных сил предметы труда ввиду их «пассивности» в процессе труда столь же произвольно, сколь на основании «активности» оставлять в их составе орудия труда, ибо активность в смысле субъективного действия — свойство человека, производителя, а средства этой активности — средства производства, т. е. и орудия и предметы труда.

Следует отметить, что в последние годы эта концепция была преодолена [1]. Обычно теперь предметы труда (все или с известным ограничением) включаются в состав производительных сил. Это имеет существенное методологическое значение, так как ограничительная концепция категории производительных сил затрудняла анализ действительного механизма взаимодействия производительных сил и отношений производства, что особенно очевидно в свете современной научно-технической революции, многие элементы которой непосредственно связаны с громадным повышением в техническом прогрессе роли именно предметов труда — внедрением синтезируемых материалов и использованием новых качеств материалов, революционно воздействующих на время производства, на время труда, на их взаимоотношение, равно как и на самый характер труда, и т. д.

Все это в свою очередь означает, что игнорирование предметов труда как элемента производительных сил ведет к исключению из сферы научного анализа многих важных сторон процесса взаимодействия производительных сил и производственных отношений и, следовательно, не позволяет сполна исследовать реальные основы действующих производственных отношений и управляющих ими экономических законов.

до сих пор (до появления важных *химических* производств) именно *орудиям* труда» (*Г. В. Плеханов.* Соч., т. VII. М.—Л., 1925, стр. 161). Что же следует сказать по этому поводу в наше время бурного развития химии и ее огромного воздействия на весь ход общественного производства?

[1] Правильно писал А. С. Мендельсон, что «производительные силы общества — это единство личных и вещных факторов, необходимых для того, чтобы совершался процесс производства материальных благ». И потому в их состав, подчеркивает этот автор, входят все средства производства, ибо отсутствие любого элемента парализует производство (*А. С. Мендельсон.* О производительных силах. — «Вопросы философии», 1959, № 1, стр. 158—159).

Однако и ныне в экономических и философских работах содержатся известные ограничения для включения предметов труда в состав производительных сил. Обычно указывается, что в качестве их элементов выступают не все предметы труда, а лишь те, которые сами являются продуктами труда, профильтрованы трудом, т. е. включается лишь сырой материал, а не все предметы труда. При этом мотивом подобного ограничения является то, что производительные силы — это исторически созданные человеком силы, в то время как естественный предмет труда, не профильтрованный трудом, — элемент естественного богатства, данная природой предпосылка общественного производства, а не созданная человеком его производительная сила. Поэтому рассмотрение не профильтрованных трудом предметов труда как производительной силы якобы открывает дорогу незакономерному преувеличению роли географического фактора в общественно-экономическом процессе.

Можно ли согласиться с такого рода взглядом? Мы полагаем, что для этого нет реальных оснований. Разумеется, в марксистском понимании производительные силы — продукт истории, т. е. продукт человеческого труда, затраченного на создание орудий и всех других средств производства. «...Всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности... Производительные силы — это результат практической энергии людей...»[1] — писал Маркс.

Но следует правильно понимать эти аксиоматические положения. Ведь все это относится к единству, целостности производительных сил. И разумеется, как такое единство, целостность, они продукт истории, предшествующего труда. Но дело, однако же, в том, что, когда труд создал систему производительных сил, он неизбежно включает в нее и имеющиеся в природе ее элементы в качестве готовых средств труда и предметов труда. Более того, без таких естественных, созданных самой природой элементов не может быть и системы производительных сил.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 402.

Об этом же свидетельствует и известное марксистское положение о том, что «наличная производительность труда... есть не дар природы, а дар истории, охватывающей тысячи веков» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 521).

Действительно, можно ли исключить из производительных сил землю, являющуюся, как известно, если иметь в виду естественное плодородие или пространственное бытие всех других производительных сил, природной производительной силой? Маркс писал: «Внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни, следовательно плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, лес, металлы, уголь и т. д. На начальных ступенях культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях — второй род естественного богатства»[1]. Соответственно наличию в составе средств производства естественно данных элементов Маркс и различает «как исторически развившиеся, общественные, так и обусловленные самой природой»[2] производительные силы труда.

Позволительно было бы спросить у сторонников ограничения предметов труда лишь сырым материалом: по какой же логике они вместе с тем не исключают из производительных сил естественно данные средства труда, и прежде всего такой их важнейший и первичный жизненный элемент, каким является земля?[3]

Некоторые авторы ограничивают производительные силы лишь вещными их элементами — средствами производства — и категорически отвергают роль рабочей силы не только в качестве решающей производительной силы, но и вообще как таковой. Так, М. И. Туган-Барановский, подменявший эклектической теорией факторов материалистическое понимание истории, последнее истол-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 521.

Эта классификация средств жизни и производства дана в «Капитале». Маркс, таким образом, не изменил соответствующего взгляда, развитого им совместно с Энгельсом еще в «Немецкой идеологии».

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 524.

[3] Конечно, поскольку речь идет о естественно данных природных средствах и предметах труда, дело не просто в естественных богатствах, которые сами по себе отнюдь не являются элементом производительных сил в экономическом смысле слова. Как таковые, естественные богатства — предпосылка, общее естественное условие производства и т. д. Речь же идет о тех естественно данных элементах средств и предметов труда, которые втянуты в сферу общественного производства, — об освоенных землях и водоемах, о разрабатываемых или подготовленных к разработке недрах и т. п.

ковал грубо механистически, настаивая на ограничении категории производительных сил лишь техникой. С его точки зрения, включение в состав производительных сил рабочей силы якобы расширяет эту категорию до совокупности факторов, влияющих на хозяйство, и ведет к стиранию разницы между материалистическим и идеалистическим пониманием истории [1].

Но еще Маркс, как бы предвидя возможность такого рода нападок на материалистическое понимание производительных сил, показал несостоятельность представлений о том, что воздействие на человека внепроизводственных факторов будто бы противоречит его рассмотрению как производительной силы. «Человек, — писал Маркс, — сам является основой своего материального, как и всякого иного осуществляемого им производства». Разумеется, все те обстоятельства, которые воздействуют на него как *субъект* производства, отмечал он, модифицируют в большей или меньшей степени все его функции и виды деятельности, включая и те, которые он выполняет как созидатель материального богатства [2].

Не оставаясь в рамках плоской вульгарной теории взаимодействия и выделив ведущие начала, материальную необходимость, определяющую деятельность человека как субъекта производства, мы и выясним реальный объективный материальный смысл его функционирования как производительной силы.

Марксизм раскрыл подлинную структуру производительных сил в единстве их субъективных — рабочей силы — и объективных факторов — орудий труда и других средств производства. Он вскрыл, что активным началом в этом единстве является величайшая производительная сила — общественно организованная рабочая сила; показал, что вне единства всех элементов производительных сил, строго говоря, вообще нет самой этой категории, ибо только соединение личных и вещных факторов производства в творческом процессе человеческого труда и превращает те и другие факторы производства в действительные производительные силы.

Нет нужды говорить, что понимание диалектического взаимодействия производственных отношений с произво-

[1] См. *М. И. Туган-Барановский.* Теоретические основы марксизма. М., 1918, стр. 4.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. 1, стр. 283.

дительными силами, из которых оказалась бы исключенной рабочая сила, было бы вообще невозможно, ибо именно между людьми — участниками производства, т. е. прежде всего рабочей силой, складываются отношения производства. Воздействие людей на вещные производительные силы, объективно обусловливаемые отношениями производства, ведет к развитию этих вещественных производительных сил, а в зависимости от них — и самой рабочей силы, человека — производительного работника.

К не менее отрицательным последствиям для анализа взаимодействия производительных сил и производственных отношений и соответственно системы экономических законов ведет и расширительная трактовка производительных сил, одна из разновидностей которой, как известно, заключается во включении в производительные силы либо прямо, либо косвенно географической среды в целом как решающего фактора их развития [1].

---

[1] Г. В. Плеханов по этому вопросу сделал существенную уступку «географическому материализму», довольно широко представленному в русских исторических работах. «Характер окружающей естественной среды, — писал он, — *определяет* (курсив наш. — *Я. К.*) характер его (человека. — *Я. К.*) производительной деятельности, характер его *средств производства. Но средства производства столь же неизбежно определяют взаимные отношения людей в процессе производства,* как вооружение армии определяет всю ее организацию, все взаимные отношения людей, из которых она состоит. Но взаимоотношения людей в общественном процессе производства с своей стороны определяют всю структуру общества. Поэтому влияние естественной среды на эту структуру бесспорно. *Характер естественной среды определяет характер социальной среды» (Г. В. Плеханов.* Соч., т. VIII. М.—Пг., 1923, стр. 152—153). В «Основных вопросах марксизма» Плеханов также утверждал: «...свойства географической среды *обусловливают* собою развитие производительных сил, развитие же производительных сил обусловливает собою развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений» (*Г. В. Плеханов.* Соч., т. XVIII. М.—Л., 1925, стр. 205; курсив наш. — *Я. К.*).

Следует отметить, что, если бы Плеханов указал на известное влияние географической среды на развитие материального производства, исторически, по мере развития производительных сил существенно изменяющее свои формы и убывающее по своему значению, он был бы прав. Однако он выдвинул тезис об определяющей роли географической среды для производственной деятельности, об определяющей роли естественной среды для социальной среды, о решающе-обусловливающей роли географической среды для развития производительных сил. И в этом он глубоко ошибался.

Ядро материалистического, марксистского взгляда на характер определяющей роли материального производства в общественной жизни и в свою очередь определяющей роли производительных сил в материальном производстве состоит в рассмотрении активного, трудового, преобразующего воздействия человека на природу как силы, выделяющей человека из животного мира.

Эта *активная, трудовая, материально-производственная деятельность человека определяется воспроизводимыми самим человеком материальными средствами производства (вещественными элементами производительных сил) и развиваемыми в этом процессе и на основе пользования этими материальными средствами производства качествами самой рабочей силы (личным элементом производительных сил)*. Именно поэтому всякого рода данные природой географические элементы — запасы ископаемых богатств, земля, воды, леса, свойства климата и т. д. — играют роль важных материальных условий развития производства. Многие из них выступают, как мы видели, в качестве естественно данных, природных средств производства и тем самым элементов производительных сил. Но эти элементы производительных сил, однако, не определяют решающим образом процесса материального производства. Они так или иначе способствуют ему, ослабляют или стимулируют интенсивность его протекания, облегчают или затрудняют обществу решение его производственных задач. Но вместе с тем они отнюдь не главные, не решающие элементы производительных сил. Они, по крайней мере с исторически известного этапа развития общества, *не определяют* самого процесса материального производства так, как определяют его состояние воспроизводимые самим человеком материальные производительные силы и рабочая сила. Но именно поэтому эти последние и представляют собой решающие, определяющие элементы производительных сил [1].

[1] «Если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, — писал К. Маркс, — то производительность труда окажется связанной с естественными условиями... Однако отсюда отнюдь не вытекает обратного положения, что наиболее плодородная почва является наиболее подходящей для роста капиталистического способа производства. *Последний предполагает господство человека над природой*» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 521—522; курсив наш. — *Я. К.*).

Вот почему незакономерное включение в состав производительных сил (сверх втянутых в общественное производство природой данных элементов средств производства) географической среды в целом да еще как определяющего, решающего условия развития производства лишь затемняет реальную картину взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Тем самым нарушается реальное понимание условий и процесса действия системы законов политической экономии.

Существует еще одна расширительная трактовка производительных сил, связанная с неправильным пониманием взаимосвязи науки (естественных и технических ее отраслей) и производительных сил. По мере развития научных знаний наука оказывает все большее влияние на развитие производительных сил, все более непосредственно внедряясь в процесс производства, овеществляясь в его вещественных производительных силах, технологических процессах, в качестве рабочей силы и т. д. Маркс, рассматривая объективно-научные процессы развития производительных сил, вторжение науки в производство, определял науку как «самостоятельную потенцию производства» в условиях крупного производства, как «самостоятельную силу» процесса труда, как «всеобщую общественную производительную силу»[1].

Со времени Маркса производственное значение науки неизмеримо поднялось. Современная научно-техническая революция по существу не оставляет ни одного звена материального производства вне сферы непосредственного воздействия науки. Наука все более становится непосредственной производительной силой.

Но было бы неправильным понимать тезис о превращении науки в непосредственную производительную силу как появление некоего нового элемента в составе производительных сил — самих научных знаний. Это означало бы отступление от материалистического понимания производительных сил, соотношения материальных отношений и сознания.

Принципиальное марксистское решение этой проблемы, как известно, заключается в том, что наука, являясь отражением законов объективного мира, представ-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 374 и 660; т. 26, ч. 1, стр. 400.

ляет собой элемент общественного сознания, а не самого объективного мира.

Развиваясь под определяющим воздействием производительных сил и производственных отношений, т. е. на основе материальных условий и потребностей данного способа производства, научные знания все в большей мере прилагаются к развитию производства. Таким образом, как производительные силы выступает не наука, как таковая, а *развиваемые в итоге ее применения материальные и личные элементы производства.*

Несмотря на, казалось бы, ясность данной взаимосвязи науки и производительных сил, все более мощные токи, ведущие от науки к развитию производительных сил, некоторые экономисты пытаются объявить не применение науки к производству, не её реализацию во все новых качествах производительных сил, а сами по себе научные знания, научные исследования — производительными силами, как бы новым их самостоятельным элементом.

Еще в начале века Каутский выступил за признание математики и технических наук производительной силой [1].

И в согласии с этой концепцией Кунов не только относил математику к техническим условиям производства, но уже сам труд математиков рассматривал в качестве элемента трудовой деятельности, являющейся производством материальной жизни, т. е. производительным трудом [2].

---

[1] «Под техническими условиями эпохи, — писал К. Каутский, — нельзя понимать только орудия и машины. Современные методы химического исследования и современная математика образуют органические составные части существующей техники. Разве можно построить пароход или железнодорожный мост без математики? Без современной математики было бы немыслимо капиталистическое общество. Нынешнее состояние математики в такой же мере принадлежит к экономическим условиям существующего общества, как и современное состояние машинной техники или мировой торговли» (цит. по кн.: *Генрих Кунов.* Марксова теория исторического процесса, общества и государства, т. II, М.—Л., 1930, стр. 132).

[2] См. *Генрих Кунов.* Марксова теория исторического процесса, общества и государства, т. II, стр. 132.

Не может не вызвать удивление факт, что этот противоречащий материализму взгляд пользуется кредитом и в работах некоторых советских экономистов. Например, С. Первушин сами знания и опыт относит к производительным силам: «...Накопленный производственный опыт людей, познание ими законов природы, умение обратить

Разумеется, указание на взаимодействие науки и производства ни в малейшей мере не является аргументом в пользу отождествления элементов объективного мира — производительных сил — и отражения сознанием закономерностей его движения — науки. Не ясно ли, например, что вообще существование современного общества — а не лишь, скажем, постройка парохода и железнодорожного моста — требует не только знаний математики, механики и других точных наук, но и умения читать и писать, знания грамматики, да и вообще современного уровня цивилизованности производителя — рабочей силы, создающей технику. А ведь это связано со всем комплексом общественного сознания современного человека. Не следует ли в таком случае и грамматику, и синтаксис, и историю, и эстетику и т. д. — все это включить в производительные силы? Иными словами, не следовало бы вообще отбросить материалистическое разделение объекта и субъекта, базиса и надстройки и т. д.[1] Ответ диалектического и исторического материализма известен. Но, следуя ему, никак невозможно сделать исключение для математики, физики или какой-либо другой науки, какое бы могучее воздействие ее развитие ни оказывало на развитие производительных сил.

Следует отметить, что защитники расширения категории производительных сил за счет естественных и техни-

---

силы природы на благо человечества — все это служит существенной характеристикой производительных сил» (*С. П. Первушин.* Некоторые проблемы перехода от социализма к коммунизму. М., 1960, стр. 22).

[1] Необходимо сказать, что, механистически истолковывая проблему взаимосвязи науки и производства, буржуазные социологи пытаются материалистическому монизму марксизма противопоставить эклектическую гетерогению факторов, включив психологический фактор в состав определяющих движущих сил исторического развития. «В строгом смысле слова, — писал М. Ковалевский, — нельзя сказать, чтобы и Маркс, допускавший изменение сознания под влиянием экономических и обусловленных ими общественных и политических причин, вполне отрицал роль этих знаний в области экономической эволюции. Ведь изменение техники производства, которое он считает рычагом всего дальнейшего движения, само стоит в тесной зависимости от раскрытия законов природы, что, очевидно, входит в задачу науки, а следовательно, психического фактора» (*М. Ковалевский.* Современные социологи. СПб., 1905, стр. 293).

ческих наук пытаются сослаться на некоторые положения, развитые Марксом в его неопубликованных рукописях 1857—1858 гг.

Но приведем то известное место из высказываний Маркса, которое пытаются использовать как аргумент в пользу включения науки как самостоятельного нового элемента в состав производительных сил. «Природа не строит машин, паровозов, железных дорог, электрических телеграфов, сельфакторов и т. д. Все это — продукты человеческой деятельности; природный материал, превращенный в органы власти человеческой воли над природой или в органы исполнения этой воли в природе. Все это — *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга;* овеществленная сила знания. Степень развития основного капитала является показателем того, до какой степени общественные знания вообще — наука — *превратились в непосредственную производительную силу,* а отсюда — до какой степени сами условия общественного процесса жизни подчинены контролю общего интеллекта и переделаны соответственно его требованиям. До какой степени производство общественных производительных сил совершенно не только в форме знания, а в виде непосредственных органов общественной практики; в виде реального процесса жизни»[1].

Мы вынуждены были привести обширную выдержку из работы Маркса, ибо она исчерпывающим образом освещает именно реальное, а не мнимое взаимодействие науки и производства. Подчеркивая громадное влияние науки на производство (человек, его интеллект, а не природа создала паровозы и телеграф и т. д.), Маркс вскрывает, что современные производительные силы есть *овеществленная* сила знания, или, иными словами, *овеществленные выводы науки.* Но в то же время отнюдь не сама наука представляет собой обособленный, так сказать, новый, третий элемент производительных сил, а ее овеществление, ее объективизация в форме орудий труда, средств производства, наконец, в развитии самой рабочей силы, которые только и представляют собой непосредственную производительную силу. Именно эту мысль

---

[1] *К. Маркс.* Из неопубликованных рукописей. — «Большевик» 1939, № 11—12, стр. 63 (курсив наш. — *Я. К.*).

Маркс категорически утверждает, подчеркивая, что развитие основного капитала показывает степень, в которой наука превратилась в непосредственную производительную силу, т. е. степень, в которой наука овеществилась в средствах производства — элементах капитала, являющихся непосредственной производительной силой. Таким образом, Маркс отнюдь не объявляет науку саму по себе самостоятельным элементом производительных сил, а лишь ее применение, находящее свое воплощение, овеществление в непосредственных элементах производства. Стало быть, сами эти элементы производства и есть производительная сила.

Производство производительных сил — сложный процесс. В качестве своего обязательного условия оно предполагает «духовное производство», научный процесс, развитие знания законов объективного мира. Это и есть «производство» производительных сил «в форме знаний». Но сие еще не сфера материального производства и еще не собственно производство материальных производительных сил, а лишь сознательная духовная деятельность человека. Она так же отличается от действительного производства, как, скажем, создание картины, изображающей кузнеца, орудующего молотом, отличается от реального процесса в кузнице. Но овеществление результатов духовной деятельности, *применение результатов научного знания к материальному производству, их воплощение в форме орудий труда и других средств производства и есть превращение науки в непосредственную производительную силу, т. е. в непосредственные органы общественной практики — материальные средства производства.*

Нет нужды говорить, сколь важно правильное установление отношения науки и производительных сил, следовательно, науки и способа производства. Всякое незакономерное включение науки в качестве самостоятельного элемента в состав производительных сил означало бы не только невозможность правильного анализа взаимосвязи производительных сил и производственных отношений и соответственно функционирования экономических законов, но и открыло бы дорогу волюнтаристско-эклектическому разбавлению системы объективных законов, законов развития объективного мира, отношений

производства незакономерным включением законов идеологических, законов психологии и т. д.[1]

Итак, строгое ограничение состава производительных сил как вещными (орудиями труда и другими средствами производства), так и личными элементами (рабочей силой) имеет существенное значение для правильного определения единства производительных сил и производственных отношений и тем самым системы законов политической экономии.

2
производственные отношения

На вопрос о том, что такое общественные производственные отношения, марксизм, как известно, отвечает исследованием всей экономической структуры каждого данного исторически определенного способа производства. Вместе с тем марксизм дает и общее определение этой категории: «Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»[2].

Таким образом, первая и главная определяющая черта сущности общественных отношений производства состоит в том, что это именно такие связи и отношения между людьми, в рамках которых только и может осуществляться и реально осуществляется материальное производство, иными словами, употребляя определение Ленина, это общественные отношения людей по производству.

---

[1] «Если бы идеологические факторы, — писал Г. Кунов, — действительно представляли собой так называемые *«самостоятельные движущие силы»*, то этим было бы ниспровергнуто все материалистическое понимание истории... в таком случае не хозяйственная структура была бы реальным основанием, над которым возвышается в качестве надстройки идеология, но, наоборот, идеология была бы основанием хозяйственного строя» (*Генрих Кунов.* Марксова теория исторического процесса, общества и государства, т. II, стр. 230). Автор, однако же, отнюдь не проявил последовательности при рассмотрении взаимосвязи науки и производительных сил, погрешив, как мы видели, против элементарной истины материализма, трактуя сами знания в качестве производительных сил, как таковых.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 441.

Другая их черта заключается в том, что это непременно отношения между людьми — участниками производства (и другими его агентами) в пределах известного коллектива, равно как и между взаимосвязанными между собой коллективами по производству. Осуществляется ли производство на базе первобытнообщинной собственности, любой формы частной собственности или социалистической (коммунистической) общественной собственности, оно всегда общественное, общественно-организованное[1] производство, т. е. оно всегда осуществляется людьми на базе совместного в тех или иных исторически определенных формах общественно-разделенного труда.

Поэтому общественные производственные отношения представляют собой связи и отношения людей по взаимному сотрудничеству как в рамках известного коллективного труда, так и между коллективами[2]. Это относится и к первой семейно-родовой общине с ее естественно-половым и возрастным разделением труда, и к мелкотоварным производителям (в античном или феодальном обществе), участвующим в стихийном рыночном производстве, и к капиталистическим производителям — от мелкого частного капиталистического предприятия до гигантских национальных и международных капиталистических монополий, государственно-монополистических объединений, союзов и т. п., основывающихся на организованном коллективном труде наемных рабочих в рамках каждого предприятия, монополистического объединения и стихийно-рыночных связях в процессе общественного разделения труда. Это относится (хотя здесь все протекает в принципиально иных формах) и к непосредственно общественному социалистическому производству, которое как в рамках отдельного предприятия, так и в общенациональном масштабе основывается на непосредственно общественном труде, на общественной,

[1] Любая форма стихийно осуществляющегося производства также обладает той или иной формой общественной организации.

[2] Маркс писал: «Производство жизни... в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что под этим понимается сотрудничество нескольких индивидов, безразлично, при каких условиях, каким образом и для какой цели. Отсюда следует, что определенный способ производства или промышленная ступень всегда связаны с определенным способом сотрудничества...» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, стр. 220).

планомерно организованной системе социалистического разделения труда.

Все эти исторически различные типы отношений производства представляют собой те или иные, хотя и коренным образом отличные друг от друга, формы *коллективности людей, их взаимосвязей в коллективе, их сотрудничества по производству как между отдельными производителями, так и между теми или иными коллективами, т. е. определенные формы коллективного соединения работников со средствами производства.*

Сам характер соединения — происходит ли оно на тех или иных началах эксплуатации или носит непосредственно общественный характер, базирующийся на равном отношении к средствам производства и исключающий эксплуатацию, — различает разные экономические эпохи [1]. Но при всех условиях отношения по производству — это связи в коллективе, те или иные формы соединения людей, их коллективного сотрудничества в производстве.

В данной связи несостоятельной представляется концепция наличия якобы двух основных типов производственных отношений — отношений эксплуатации, рассматриваемых как «отношения господства и подчинения», к которым относятся все досоциалистические отношения классовых обществ, и отношений социалистических как «отношений сотрудничества и взаимопомощи».

Согласно этой концепции, сотрудничество как форма производственных отношений противопоставляется господству и подчинению как иной форме отношений. Но *во-первых,* как уже отмечалось, все формы отношений — будь они отношениями господства и подчинения или полностью социально равных участников коммунистического производства — это отношения коллективности, сотрудничества в необходимо общественно протекающем производстве. Вне сотрудничества никакое общественное производство просто невозможно. *Во-вторых,* невер-

---

[1] «Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами... — писал К. Маркс. — Для того чтобы вообще производить, они должны *соединиться.* Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 24, стр. 43—44; курсив наш. — *Я. К.*).

но, что все досоциалистические отношения — это отношения господства и подчинения. Такого рода отношения свойственны общественному производству, основанному на личной несвободе производителей и внеэкономическом принуждении. Последнее и есть специфический признак отношений господства и подчинения [1].

Исторические типы производственных отношений неправильно различать по принципу противопоставления отношений господства и подчинения отношениям сотрудничества.

Это значит частную, антагонистическую форму отношений сотрудничества (свойственную античному и феодальному способам производства) противопоставлять сотрудничеству вообще как содержанию всяких отношений производства во всех обществах. В действительности они различаются по характеру коллективности производителей в общественном процессе производства. Это могут быть отношения антагонистической коллективности, антагонистические отношения сотрудничества (в форме или рабской или феодальной организации общественного труда, эксплуатируемого рабовладельцем или феодалом, или свободного наемного труда, эксплуатируемого капиталистом), либо непосредственно общественные отношения сотрудничества (в формах непосредственно общественного социалистического или коммунистического труда, в которых все участники производства равны по отношению к собственности на средства производства, что исключает эксплуатацию).

Существенной чертой общественных отношений людей по производству является также то, что они непременно *отношения между агентами производства,* реализующиеся в процессе *общественного производительного труда, его организации, его движения, равно как и дви-*

[1] «Спорадическое применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средние века и в современных колониях, — писал К. Маркс, — покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, чаще всего на рабстве. Напротив, капиталистическая форма кооперации с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 346). Маркс многократно развивал мысль о том, что отношения господства и подчинения свойственны «древним общественно-производственным организмам» с несвободными производителями и в тех случаях, когда непосредственные производители выступают «владельцами» собственных условий труда (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 89; т. 25, ч. 2, стр. 353).

жения результатов овеществленного труда — продуктов, накопленного богатства. Непосредственно это общественно-трудовые отношения, т. е. отношения в труде участников производства; опосредствованно это отношения между участниками производства и другими его агентами, а также только между последними по присвоению результатов труда, например при капитализме между рабочими и капиталистами, между капиталистами и землевладельцами и т. д. Капиталист в условиях буржуазного строя выступает в качестве агента производства как собственник вещных факторов производства — средств производства, капитала. При социализме, поскольку собственность на средства производства является общественной, производственные отношения прямо и исключительно являются трудовыми отношениями, а всякие другие отношения — по присвоению результатов труда — между участниками и не участниками, но агентами производства отпадают. В отношениях по присвоению результатов труда участвуют как общество в целом в качестве непосредственного коллективного производителя, так и непосредственные участники производства, равно как и различные их коллективы [1].

Одна из коренных черт сущности общественных производственных отношений заключается в том, что они, будучи связями людей по производству, отношениями сотрудничества, или коллективности, в производстве, отношениями между агентами производства (трудовыми или по поводу результатов труда), выступают в силу этого как *общественная форма движения и развития производительных сил.* Каков характер производительных сил, т. е. характер объективных, вещных средств труда и всех других средств производства, и отвечающий им характер рабочей силы, таков в конечном счете характер отношений между людьми.

Именно в силу того что производственные отношения являются формой движения производительных сил, они распадаются на два больших класса: первичные отношения и отношения производные. Маркс не дал, как из-

[1] Здесь не рассматривается дальнейший раздел общественного продукта в процессе общественного воспроизводства, не только связанный с производственными отношениями, но и выходящий за рамки и определяемый уже иными отношениями в непроизводственной сфере.

вестно, более подробного определения содержания отношений этих двух классов. Однако же это можно сделать на основе учета двух основных моментов. Прежде всего на основе того, что отношения по производству, непосредственно выражающие характер связи личных элементов производительных сил с объективными, вещными элементами последних, т. е. *первичные связи* между людьми по поводу функционирования средств производства в производстве, представляют собой отношения в *непосредственном* производстве, и того, что, каковы эти отношения, каков характер производства, таков и характер отношений распределения, обмена и потребления. То и другое позволяет рассматривать отношения в непосредственном производстве как исходные, первичные по отношению ко всем остальным; отношения же в процессе других фаз (распределения, обмена и потребления) — как производные, зависимые, опосредствованные отношениями непосредственного производства. Это весьма существенная зависимость, лежащая в основе субординации элементов системы отношений производства в целом.

Развивающееся материальное единство производительных сил и производственных отношений включает в себя динамичность, подвижность, необходимость исторической изменчивости производственных отношений; это — диалектика их взаимосвязи с производительными силами, которая, по справедливому замечанию Плеханова, выражает собой самый «смысл Марксовой теории социального развития» [1].

Как форма производительных сил общественные отношения людей по производству и представляют собой *объективную, материальную форму отношений — «материальных отношений»* [2], *не зависящих от воли и сознания людей* [3].

---

[1] См. *Г. В. Плеханов.* Соч., т. XI. М.—Л., 1928, стр. 185.

Маркс всегда подчеркивал недопустимость упускать «из виду историческое развитие производственных отношений» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 129).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 403 (курсив наш.— *Я. К.*).

[3] Как на критерий характера производственных отношений в качестве отношений материальных Ленин указывал на то, что это такие общественные отношения, «которые складываются, не проходя через сознание людей» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137).

Понимание материальности общественных отношений по производству представляет собой один из коренных устоев исторического материализма и марксистской политической экономии. Между тем тот факт, что эти отношения, как и всякие другие общественные отношения, осуществляются людьми в процессе их целенаправленной, сознательной деятельности, ведет к ошибкам в истолковании природы отношений по производству, особенно в условиях социализма, обусловливающего в основном планомерный характер их движения.

В частности, некоторые философы отвергают ленинский критерий материальности производственных отношений («отношения, которые складываются, не проходя через сознание людей») применительно к социалистическим отношениям производства и рассматривают его лишь как особую форму стихийного образования досоциалистических отношений. При социализме же, поскольку экономические отношения складываются и развиваются планомерно, этот критерий якобы не выражает их материального характера, да и вообще материальность отношений будто бы не зависит от того, складываются ли они, «проходя» или «не проходя» через сознание[1].

Однако же в действительности ленинский критерий материальности отношений означает не то, что люди без участия сознания, цели, воли, намерений вступают в отношения производства, осуществляют и развивают их. Все человеческие отношения именно потому, что они осуществляются людьми, одаренными сознанием, действующими сознательно, непременно реализуются при участии сознания и в этом смысле «проходят через сознание». Выдвинутый Лениным критерий имеет совершенно иной смысл, а именно тот, что отношения производства — это объективная, материальная реальность, что они существуют (рождаются или возникают, функционируют и развиваются) независимо от акта сознания, как объективная форма отношений людей, представляющих собой материальную форму производительных сил. И поэтому они независимы от воли и сознания, хотя, разумеется, испытывают на себе сложное обратное влияние последних. Не ясно ли, что в противовес этому иные

[1] См. *И. И. Камынин, М. Я. Ковальзон.* О специфике материальных общественных отношений коммунистической формации. — «Вопросы философии», 1962, № 1, стр. 90.

общественные отношения — идеологические — складываются, проходя через сознание, не в том смысле, что они возникают и развиваются планомерно, намеренно (это может быть и так, и стихийно), а в том, что они существуют лишь субъективно, как отражение в голове объективного мира [1].

Взамен ленинского критерия материальности отношений производства выдвинут другой критерий — складывание отношений «независимо от сознания». Что же, этот критерий в общем также правилен. Но во-первых, он уже и менее точен, ибо Ленин показал, в чем именно состоит эта независимость (складываются, не проходя через головы людей). И во-вторых, его использование говорит о том, что его авторы не свели концы с концами, ибо признание в качестве критерия материальности отношений их складывания независимо от сознания заключает в себе ядро этой независимости — складывание, т. е. *существование отношений вне человеческой головы.* Без этого «независимость» как критерий материальности — пустышка, лишенная смысла фраза [2].

В литературе, освещающей проблемы экономических отношений социализма, также подчас развиваются взгляды, отступающие от строго материалистического понимания этих отношений. Например, В. Н. Черковец развивает следующую концепцию. Система отношений экономического управления и планового руководства, которая представляет собой, по его мнению, форму социально-экономического действия законов социалистического хозяйства, «проходит через сознание общества, его экономических органов» [3]. При этом то, что социалисти-

---

[1] Этому ни в какой мере не противоречит тот факт, что реализация таких отношений требует объективных условий, предпосылок, форм (институтов и учреждений надстройки и т. д.).

[2] «Материализм исторический, — писал В. И. Ленин, — признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание... есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение. В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 346).

[3] *В. Н. Черковец.* О сознательном использовании экономических законов в социалистическом обществе. — «Вопросы философии», 1964, № 7, стр. 5.

ческие объективные экономические формы якобы проходят через сознание, он истолковывает в качестве их исторической специфической особенности, делая из этого далеко идущие выводы. По его мнению, при социализме экономический процесс — это не просто материальный объективный процесс, но вместе с тем и идеальный. «Объективный экономический процесс... — писал он, — необходимо включает в себя не только материальную, но и сознательную, идеальную сторону, внутренне присущую экономическим процессам и опосредствующую их. Это — новое явление в истории *общественной* экономики»[1]. Итак, согласно этой концепции, экономический процесс социализма объективный. Но объективность эта особого рода. Она, оказывается, представляет собой соединение материального и идеального, т. е. она, так сказать, в одно и то же время не зависит от сознания и... зависит от него.

Всякие отступления от понимания общественных отношений производства как материальных по своей природе разрушают самый фундамент материалистического понимания экономических процессов и законов, ими управляющих[2].

---

[1] *В. Н. Черковец.* О сознательном использовании экономических законов в социалистическом обществе. — «Вопросы философии», 1964, № 7, стр. 6.

[2] Примером тому служит трактовка производственных отношений как некоторым образом «духовных» отношений Каутским, который в нарушение материалистических позиций расширительно трактовал производительные силы, что открыло дорогу его отходу от материализма и в области понимания производственных отношений. Так, в одной из последних своих работ Каутский писал: «Если уже материальные производительные силы в значительной мере духовного характера, то это тем более относится к производственным отношениям». «...Совокупность... производственных отношений, «реальный базис»... — продолжал Каутский, — отнюдь не одного только «материального» характера, т. е. состоит из материальных вещей внешнего мира, но в очень сильной степени определяется духовными факторами, потребностями и знаниями людей» (цит. по: *Ф. Месин.* Новая ревизия материалистического понимания истории. М., 1929, стр. 35).

Таким образом, монистически-материалистическое понимание производственных отношений, их совокупности — экономического базиса — подменяется дуалистическим пониманием, а это в свою очередь открывает дорогу идеалистическому истолкованию экономических процессов, волюнтаристской трактовке закономерностей экономического развития.

Наряду с этим нельзя не отметить и уклонения в другую крайность — механистическую интерпретацию материальной природы отношений производства.

Производственные отношения отнюдь не вещи (хотя их объектами и выступают вещи, что придает им вещный характер), а объективные связи и отношения между людьми. Материальность этих отношений в их реальном, объективном осуществлении в производственном трудовом процессе, в том, что они действительная, объективная форма функционирования, движения материальных производительных сил. Механистическое же истолкование материальности отношений производства пытается придать им вещно-осязательный и даже технический характер. Такого рода идеи, в частности, настоятельно выдвигал Бухарин, который под производственными отношениями разумел «трудовую координацию людей (рассматриваемых как «живые машины») в пространстве и времени». Он развивал данный тезис в том смысле, что «производственные отношения не есть что-то *отличное* от *технической* организации труда». В этой трактовке специфическое качество производственных отношений как материальных *общественных* отношений игнорируется и подменяется отношениями техническими («трудовая координация», «техническая организация труда»). Даже сами люди — субъекты общественных отношений, субъективный фактор производства — объявляются... «живыми машинами». На деле технизация материальных общественных отношений в конечном счете оборачивается смешением производственных отношений и производительных сил. Как и идеалистические извращения природы производственных отношений, оно закрывает дорогу научному исследованию и этих отношений, и законов, управляющих их движением.

Существенной чертой общественных отношений производства является их особый, вещный характер. В экономических и философских работах получили распространение взгляды, согласно которым вещность отношений — это лишь специфически историческое свойство товарных и товарно-капиталистических отношений как отношений, базирующихся на частной собственности. Частным производителям, как показал Маркс, «общественные отношения их частных работ кажутся именно тем, что̀ они представляют собой на самом деле, т. е. не

непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей»[1]. И поскольку в стихийном атомизированном процессе производства вещи получают власть над людьми, в соединении того и другого и коренится товарный фетишизм. Отсюда часто и делается вывод о том, что вещность отношений лишь свойство частных работ и если отношения приобретают непосредственно общественный характер, то вещность отношений будто бы отпадает, вещи теряют общественный характер[2].

Все это, однако, далеко не так.

Отношения производства осуществляются при помощи вещей и по поводу вещей (средств производства, продукта производства), связаны с вещами, реализуются в движении вещей. Потому вещи как материальная сфера протекания отношений производства, как объекты движения тех или других их форм получают экономические формы, становятся носителями экономических форм, или, иными словами, вещным выражением отношений людей по производству. «...Политическая экономия, — писал Энгельс, — имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами, но эти отношения всегда *связаны с вещами* и *проявляются как вещи*»[3].

Эта необходимость специфически вещной формы экономических отношений в качестве всеобщей подчас отвергается. Исходя из того что политическая экономия изучает отношения людей, а не отношения вещей, не от-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 83.

[2] Следует отметить, что, в частности, И. Рубин специфику товарно-капиталистических отношений усматривал именно в вещности производственных отношений. «Изучать производственные отношения капиталистического хозяйства, — писал он, — вне вещных форм их проявления значит уподоблять стихийное, неорганизованное капиталистическое хозяйство плановому, организованному, социалистическому хозяйству». Исходя из того же понимания вещности отношений, А. Сагацкий утверждал, что в условиях социализма «продукты труда, средства производства и предметы потребления выполняют лишь материальную роль, поэтому они не принимают какой-либо социальной формы и существуют в этом обществе как общественные продукты именно потому, что выполняют определенные материальные функции в своей натуральной форме как потребительные стоимости» (*А. Сагацкий*. Теория стоимости Маркса. М., 1931, стр. 28).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 498.

ношения человека к вещи, некоторые полагают возможным отбросить, если речь идет о непосредственно общественном производстве, о социалистической экономике, вещную форму отношений как несущественный момент. Однако вместе с вещной формой из экономического анализа исчезает и материальное производство — его средства производства, и его результаты — общественный продукт.

Отрыв экономических отношений от их вещной формы, равнозначный отрыву от материального объекта — общественного производства, по поводу которого и в рамках которого складываются и протекают эти отношения и от которого они поэтому и получают свою вещную форму, был специально подвергнут критике Лениным.

Критикуя Булгакова, отрицавшего вещное содержание стоимостных элементов продукта на том основании, что стоимость — это форма производственных отношений, а не вещь, он писал: «Это противоположение «материальной вещи» — «понятию» представляет из себя наглядный образчик той схоластики, которую так любят в настоящее время преподносить под видом «критики». Какое значение могло бы иметь «понятие» о доле общественного продукта, если бы этому понятию не соответствовали определенные «материальные вещи»?» [1]

При социализме отпадает не выражение отношений людей как социально-экономических форм вещей, т. е. не овеществление производственных отношений, а власть вещей, т. е. стороны вещной формы, которые связаны с товарным фетишизмом. Сама же вещная форма имманентна экономическим отношениям и отпасть не может. При социализме экономические отношения носят непосредственно общественный характер и поэтому не принимают вещной формы, не фетишизируются. Но вместе с тем они остаются отношениями по поводу вещей. И независимо от того, складываются ли они прямо или косвенно, через вещи, они являются отношениями по поводу производства, распределения, обмена и потребления именно вещей. Вот почему в социалистическом хозяйстве средства производства в непосредственном процессе производства выступают в определенной общественной

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 122.

форме, именно как общественные производственные фонды, а его результаты — произведенные средства производства и предметы потребления, совершающие экономический оборот, — в форме совокупного продукта общества.

Более того, продукт общества в силу товарного характера социалистического производства обладает товарной формой. Труд, овеществленный в нем, — формой стоимости и т. д. Все эти формы — фондов, общественного продукта, товарного продукта, товара, стоимости — суть вещные формы экономических отношений социализма.

В конечном счете вещность формы производственных отношений выражает тот элементарный факт, что производственные отношения не что иное, как форма движения производительных сил, которые вещны по своей природе. Следовательно, и форма, в которой производительные силы совершают свое движение, хотя это и общественная форма их бытия, в то же время необходимо включает в себя вещный элемент, поскольку она форма движения именно вещей, предметов объективного мира [1].

---

[1] Термин «вещь» мы используем в широком смысле — как понятие объективного предмета, и потому им обозначаются как вещные элементы производительных сил — вещи в собственном смысле, так и рабочая сила — не вещественный, а личный их элемент.

К. Каутский неправильно отмечал, что «экономические отношения есть отношения между людьми через посредство вещей» (*К. Каутский.* Национальное государство, империалистическое государство и союз государств. М., 1917, стр. 21). В действительности же, так как при социализме решающие экономические отношения — прямые отношения между людьми, они совершаются по поводу вещей и поэтому обладают вещной формой; но они вовсе не обязательно осуществляются при «посредстве вещей», т. е. опосредствуются вещами, как при товарных отношениях. Этот, казалось бы, на первый взгляд мало заметный оттенок может приобрести решающее значение. Например, О. Ланге выдвигает тезис о том, что «составной частью экономических отношений являются *определенные отношения человека к вещам* — именно такие, которые составляют посредствующее звено в отношениях между людьми». Oscar Lange, Economia Polityczna, t. 1, Warszava, 1961, s. 19 (курсив наш. — *Я. К.*). Аналогичную ошибку совершает и Л. А. Маньковский, утверждая, что экономические отношения включают в свою структуру вещи (см. *Л. А. Маньковский.* Логические категории в «Капитале» К. Маркса. М., 1962, стр. 87). В этих постановках общественно-производственные отношения, отношения между людьми в производстве и присвое-

Если экономические отношения необходимо обладают вещной формой, выражающей тот факт, что они протекают как отношения по поводу условий производства, самого производства и его результатов — материальных вещей, то в зависимости от того, по поводу каких именно вещей они складываются, находятся и их специфические черты. И в зависимости от того, идет ли речь об орудиях труда и других средствах производства, рабочей силе как условиях производства, т. е. о материально-вещественных и личных факторах производства лишь в возможности, или о тех и других, когда они функционируют в самом процессе производства как его объективные и субъективные агенты, или, наконец, о результатах производства — общественном продукте, его элементах и воспроизведенной рабочей силе, существенно различаются: а) сами формы отношений производства, б) их взаимосвязи, в) их место в совокупности отношений производства. Именно в этом мы находим объяснение того, почему Маркс специально подчеркивал, «какое важное значение имеет категория *потребительной стоимости для определения экономических форм*» [1].

Заметим, что из этого в интересующем нас плане выявления основы системы экономических законов вытекает принципиальной важности вывод: экономические законы и их система существенно зависят от вещного характера форм экономических отношений, неразрывно с ними связанных.

Рассмотренные выше стороны сущности отношений производства как материальных отношений, объективно складывающихся между людьми в процессе производства, отношений их коллективности, сотрудничества по поводу применения производительных сил для создания и присвоения материального продукта, иными словами, то, что эти отношения представляют собой необходимую объективную и непосредственную форму существования

нии вещей, т. е. по поводу вещей, подменяются иными отношениями — отношениями человека к вещи, т. е. производственные отношения подменяются производительными силами.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. 2, стр. 544.

Маркс также указывал: «*Определение формы потребительной стоимости* само становится... существенным для развития *экономического отношения, экономической категории*» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II (VII), стр. 15).

и движения производительных сил, обусловливает то, что они представляют собой первичные и определяющие отношения во всем строе общественных отношений, образуют экономический базис общества, его экономическую структуру [1].

В силу решающей роли экономического базиса для общественного развития существенно различать экономику и базис, не впадая в расширительную трактовку производственных отношений, как и не сужая рамок последних. В литературе встречаются крайности обоего рода.

Категория «экономика» обычно используется в двух смыслах — широком и узком. В последнем смысле под экономикой понимается базис, т. е. совокупность отношений производства. Однако обычно под экономикой понимается не только совокупность отношений производства, а производственные отношения в единстве с производительными силами, т. е. способ производства в широком смысле слова, или, иными словами, народное хозяйство в целом [2]. Действительное воспроизводство тех и других выражает экономический процесс во всей его всесторонней конкретности. В него включается и вся совокупность его техно-экономических условий, или, другими словами, специфических экономических форм дви-

---

[1] В составе совокупности общественных отношений экономические отношения, испытывая обратные влияния всех других (политических и идеологических), «являются, — указывал Ф. Энгельс, — в последнем счете все же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пониманию» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXIX, стр. 284).

[2] Имея в виду понятие экономики в широком смысле, Энгельс в письме к Штаркенбургу указывал на то, что в способ производства входит вся техника производства и транспорта, как и «географическая основа, на которой эти отношения (экономические. — *Я. К.*) развиваются» (*К. Маркс* и *Ф Энгельс*. Соч., т. XXIX, стр. 283). Сочетание базиса, совокупности отношений производства, со всеми многообразными иными экономическими условиями и дает историческое разнообразие форм проявления одного и того же базиса, о котором Маркс писал следующее: «Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. 2, стр. 354).

жения, зависящих от технической специфичности производительных сил. В этих рамках экономика образует объект изучения всей совокупности экономических наук. Но именно поэтому и важно строго различать экономику в узком смысле, т. е. совокупность отношений производства, и экономику в широком смысле, как данное исторически определенное народное хозяйство в его целом.

К каким последствиям приводят отступления от Марксова понимания отношений производства, показывает плехановская концепция, в той или иной форме воспроизводящаяся в экономической литературе и до настоящего времени.

Плеханов развил ограничительную концепцию отношений общественного производства, исключив из их состава отношения в непосредственном процессе производства, которые им трактовались как технико-производственные отношения, как элементы производительных сил в противовес общественным отношениям производства в качестве имущественных отношений. Он различал производственные отношения «в более узком смысле имущественных отношений» и в более широком смысле, в которые включал «непосредственные отношения производителей в процессе производства (например, организации труда на фабрике и мануфактуре)», которые, однако, рассматривал как «состояние производительных сил, а вовсе не хозяйственный порядок» [1].

Таким образом, Плеханов, во-первых, исключал из экономических отношений отношения в непосредственном процессе производства, усматривая в них состояние производительных сил, и, во-вторых, создал некую гетерогенную категорию производственных отношений в широком смысле, включающую в себя эти элементы состояния производительных сил [2].

---

[1] *Г. В. Плеханов.* Соч., т. XI. М. — Л., 1928, стр. 164 и 172.

[2] Надо сказать, что точка зрения Г. В. Плеханова время от времени воспроизводится в литературе. Так, А. Удальцов в составе производственных отношений различал «технические» отношения (организация труда) и отношения, «которые лежат в основе общественных классов» (см. *А. Удальцов.* К теории классов у Маркса и Энгельса. — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. I, стр. 405). В дискуссии 1929—1930 гг. по проблемам производственных отношений и производительных сил рассматриваемая концепция нашла довольно широкую поддержку (см. «Вестник Коммунистической академии», 1930, № 39, стр. 156—157, 162—163), при этом особенно четкую

«Техницизирование» отношений по непосредственному производству в рамках первичных звеньев разделения труда, включение их в производительные силы в противовес имущественным отношениям (отношениям собственности) в качестве общественно-производственных отношений, как таковых, представляет собой нарушение монистической трактовки материальных производственных отношений. Оно означает не только расчленение, разрыв единой совокупности общественных

формулировку концепции Плеханова дал И. Лапидус. «Производственные отношения, — писал он, — бывают *двух родов*. Прежде всего люди могут вступать друг с другом в отношения *непосредственно в процессе самого производства*. Характер этих отношений будет вытекать непосредственно из характера тех орудий и средств производства, которыми оперируют люди, вообще из *технической организации производства*.

Эти отношения называются поэтому *техническими производственными отношениями*... Но кроме «непосредственных отношений производителей в процессе производства» (Плеханов) люди вступают друг с другом на почве производства еще в другого рода отношения, так называемые *имущественные отношения* (или общественные производственные отношения). Эти отношения вытекают уже не из технической организации производства, а из *отношений собственности* людей на *орудия и средства производства* и вообще *на продукты производства*» (*И. Лапидус*. Предмет и метод политической экономии. М., 1930, стр. 45).

Аналогичная концепция — подразделение производственных отношений на технические и экономические (причем к первым относятся отношения в процессе труда) — развивается и в некоторых работах последнего времени. В «Курсе политической экономии», например, утверждается: «Во всей совокупности производственных отношений необходимо видеть две качественно различные стороны — *техническую и экономическую*. Эти две стороны можно назвать также соответственно технико-производственными (или просто техническими) и общественно-производственными, или экономическими отношениями» (т. I, стр. XLV). См. также *В. Н. Черковец*. К вопросу о предмете марксистско-ленинской политической экономии. — Сб. «Вопросы политической экономии». МГУ, 1960, стр. 215—226; *В. П. Корниенко*. Общественное разделение труда в период перехода к коммунизму. М., 1963, стр. 53—54. В последней работе указанная позиция несколько терминологически модернизирована: экономические отношения в ней понимаются как совокупность производственных отношений (отношений по собственности) и трудовых отношений как элемента производительных сил.

В связи со сказанным заметим, что автор настоящей работы использует определение «общественные производственные отношения», или «общественные отношения производства», не в противовес неким «техническим производственным отношениям», ибо таковых нет, а для выделения из общей совокупности общественных отношений именно производственных отношений

производственных отношений на два якобы качественно разнородных класса, но и исключает из нее наиболее активную, определяющую часть — отношения в процессе непосредственного производства, в которых реализуется собственность на средства производства и которые в свою очередь определяют характер всех остальных отношений производства во всех фазах воспроизводства.

В итоге формы отношений, за которыми Плеханов сохранял роль производственных отношений в узком смысле, оказываются как бы внешней общественной оболочкой, характер которой непосредственно не диктуется, не определяется характером и развитием производительных сил. В действительности же последние, определяя отношения собственности на средства производства, через них прежде всего определяют характер непосредственного соединения людей в процессе общественного производства (общественное разделение труда, отношения в каждом первичном его звене).

Отрыв имущественных отношений от отношений в активном процессе труда лишает таким образом отношения производства объективной их обусловленности, необходимой связи с характером производительных сил и способом производства, который им соответствует. Действительно, если положение производителей в общественном процессе производства — реальные формы их участия в непосредственном производстве, отношения между ними не являются общественными производственными отношениями, последние неизбежно оказываются некими внешними отношениями и отнюдь не складываются в самом процессе производства и на его основе.

Но отсюда прямая дорога вообще к отрицанию диалектико-материалистической теории взаимосвязи производительных сил и производственных отношений. И если последние не складываются в самом производстве, а являются лишь внешними «имущественными» отношениями, то их легко объявить, по рецептам социально-органической школы, продуктом правового порядка, социально-этическим установлением и т. д. [1]

---

[1] Именно теоретики так называемого социально-правового направления, трактуя производство как процесс чисто технический, изгоняют из него отношения людей, социальные отношения, отрывая

Рассмотренные стороны производственных отношений вскрывают неисчерпаемое многообразие их форм, их многоплановость.

Отношения производства складываются на основе исторически данных производительных сил как *общие,* определяющие весь остальной их строй отношения людей по поводу решающих объективных факторов производства — вещных элементов производительных сил, т. е. как отношения собственности на средства производства, равно и как реализующие их отношения по поводу результатов производства — собственности на общественный продукт. Отношения производства складываются также в качестве *особых* отношений, определяемых общими отношениями собственности на средства производства, — как отношения по поводу функционирования общественного труда в непосредственном производстве (в целом и в каждом его первичном звене, в группах звеньев и т. д.) и движения результатов труда во всех других фазах воспроизводства — распределения, обмена и потребления. Причем в каждой фазе они выступают в неразрывном единстве с общими отношениями в тех специфических формах последних, какие им свойственны в этих фазах.

последние от производства. Отношения эти оказываются не связанными с производством, а выступают как продукт правопорядка, «этической идеи» и т. п. Штольцман, например, утверждал, что народное хозяйство есть сотворенное человеком социально-этическое регулирование. М. И. Туган-Барановский, разделявший многие идеи социального направления буржуазной экономии, писал, что категория общественного труда в политической экономии определяется тем, что «мы молчаливо исходим из руководящей этической идеи политической экономии — верховной ценности и потому равноценности человеческой личности» (*М. И. Туган-Барановский.* Основы политической экономии. СПб., 1911, стр. 55). Институционализм Джона Коммонса, одного из лидеров современной реакционной буржуазной политической экономии США, зиждется на идее примата права над экономикой (см. *И. Г. Блюмин.* Очерки современной буржуазной политической экономии США. М., 1956, стр. 60—61).

Следует отметить, что идеалистическая ревизия марксистской теории производственных отношений (как отношений материальных) также основана на их отрыве от отношений в процессе общественного производства. Истолковав их как отношения, внешние производству, отделенные от него и как бы привносимые в него, можно, как это делал М. Адлер, объявить, что *«сами экономические отношения представляют собою нечто духовное* и вообще могут быть поняты только как явления духовной жизни» (*Макс Адлер.* Маркс как мыслитель. Л.—М., 1924, стр. 75).

Производственные отношения, далее, выступают в специфических формах как отношения внутри каждой данной социальной группы (класса), так и между такими группами (классами), поскольку все отношения — и общие, и особые — есть отношения социально-экономические.

Таким образом, возможны различные разрезы анализа отношений производства [1]. Однако же политическая экономия прежде всего рассматривает производственные отношения в их определяющих элементах, связях и противоречиях как целостную, единую систему, выражающую данную социально-экономическую структуру способа производства, самое сущность данной социально-экономической формации. Это такая система отношений, которая — воспользуемся определением Ленина — представляет отдельные стороны явлений современной хозяйственной жизни как составные части определенной системы общественного хозяйства, как проявление коренных ее черт [2]. Именно она и лежит в основе взаимодействия и соподчиненности экономических законов, формирует систему последних.

Итак, производственные отношения, рассматриваемые как совокупность их форм, как «некоторое единое целое» [3], выражающее главное, наиболее существенное в данном общественном строе, — это диалектическое их единство в его основных, решающих элементах, основных, решающих взаимосвязях. Это и есть экономическая структура общества [4].

Ленин данную диалектическую взаимосвязь — единство отношений производства как их системы — выражает категорией организации производственных отношений [5].

---

[1] В этом случае в области экономического анализа лишь дает себя знать общий характер диалектико-материалистической всеобщности взаимосвязей объективного мира. «Отношения каждой вещи (явления etc.), — писал В. И. Ленин, — не только многоразличны, но всеобщи, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны с *каждой*» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 203).

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 377.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 133.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 7.

[5] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 464.

Иногда категорию «организация производственных отношений» рассматривают не в качестве выражения единства их системы, типа

Система отношений производства, экономическая структура общества, как всякая диалектическая система, характеризуется не только образующими ее качественно определенными звеньями или частями и взаимодействием между ними, но и соподчиненностью и подчиненностью этих звеньев, частей, т. е. не только их координацией, но и известной их *субординацией.*

Каковы же решающие звенья взаимосвязи системы отношений производства, изучаемые политической экономией и образующие основу объективной системы ее законов?

Довольно широкое распространение получило выделение в системе отношений производства отношений собственности, форм положения социальных групп производителей в процессе производства и отношений между ними или обмена деятельностью, отношений распределения [1].

Однако эта классификация не выдерживает критики. *Во-первых,* отношения собственности в ней рассматриваются вне положения производителей в производстве. *Во-вторых,* формы положения производителей в производстве и отношения между ними ограничиваются лишь непосредственным производством и упускаются формы положения производителей и отношений между ними в рамках других фаз воспроизводства — распределения, обмена и потребления. *В-третьих,* отношения распределения рассматриваются не как момент положения про-

---

их целостности, не как экономическую структуру, но как способ установления связей людей по производству, способ осуществления производственных отношений (см., например, *Л. И. Любошиц* и *А. А. Глухов.* Сущность и организация производственных отношений социалистического общества.— «Записки Воронежского сельскохозяйственного института», т. XXVII, вып. 3 (кафедра общественных наук). Воронеж, 1958, стр. 14; *Л. И. Любошиц.* Общие и специфические экономические законы. М., 1959, стр. 152). На наш взгляд, это односторонняя интерпретация организации отношений производства, сводящая ее лишь к формам механизма их функционирования.

[1] Данная классификация отношений производства или близкие к ней обычно исходят из известного определения И. В. Сталина: «...производственные, экономические отношения людей. Сюда относятся: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение, или, как говорит Маркс: «взаимный обмен своей деятельностью»; в) всецело зависимые от них формы распределения продуктов» (*И. Сталин.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, стр. 73).

изводителей в производстве и отношений между ними, а как некий обособленный и производный момент.

Определение решающих элементов совокупности производственных отношений возможно только путем выявления форм их движений в общественном процессе воспроизводства, осуществляя который люди воспроизводят материальные и социальные условия своей жизни. Оно должно, следовательно, исходить из единства и различия фаз этого процесса, каждая из которых характеризуется определенной совокупностью отношений производства.

Дело в том, что каждая фаза воспроизводства, во-первых, образует качественно особый момент движения совокупности *общих* данному строю экономики отношений производства, которые поэтому в каждой фазе характеризуются специфическим их состоянием, особыми формами их реализации, во-вторых, развертыванием в ее пределах в процессе реализации ее специфических функций *особых* отношений, свойственных именно только этой фазе. Так, например, фаза непосредственного производства характеризуется тем, что она представляет собой специфический момент движения и реализации всеобщих для данного строя производственных отношений между людьми по поводу средств производства — отношений собственности на средства производства, т. е. отношений по присвоению — распоряжению ими и их присвоению — использованию. И вместе с тем на этой основе складываются и функционируют специфические отношения между людьми, свойственные лишь данной фазе, — отношения по непосредственному участию в труде, по производству общественного продукта (отношения общественного разделения труда, его кооперации). В фазе же распределения те же общие отношения собственности на средства производства выступают в специфической форме отношений присвоения результатов производства — общественного продукта — и в специфических формах отношений только распределения и т. д.

Таким образом, каждая фаза воспроизводства характеризуется особой совокупностью движения в единстве как общих для данного способа производства отношений производства, свойственных всем фазам воспроизводства, но выступающих в данной фазе в специфических

лишь для нее формах, так и особых отношений производства, свойственных только каждой данной фазе производства, складывающихся и функционирующих только в ее рамках.

Отношения производства, определяющие весь их строй и охватывающие все фазы воспроизводства, есть отношения между агентами производства по поводу средств производства, форма соединения производителей и средств производства, т. е. отношения собственности на средства производства и вытекающие отсюда отношения собственности на результаты производства — общественный продукт. При этом характер присвоения результатов производства, его определенные общественные формы целиком определяются характером отношений производителей по поводу решающего условия производства — материальных производительных сил, или, что то же, характером соединения производителей со средствами производства (первобытнообщинная собственность; частная собственность — античная, феодальная, капиталистическая; общественная собственность — социалистическая, коммунистическая, разновидности всех этих форм собственности и т. д.).

На основе и в рамках этих общих форм отношений производства, охватывающих все фазы воспроизводства, развертываются все особые, качественно определенные совокупности отношений производства каждой данной фазы.

Первая из них — совокупность отношений производителей в непосредственном процессе производства, развертывающаяся на базе данных, исторически определенных отношений собственности на средства производства, представляющая собой единство этих последних как отношений по присвоению — распоряжению средствами производства и их присвоению — использованию[1] в непосредственном процессе производства и особых, свойственных лишь данной фазе отношений общественного разделения труда на предприятии, в отрасли, в обществе, или, что то же, единичных, частных и общих отношений общественного разделения труда.

---

[1] О содержании отношений собственности на средства производства как единства отношений их присвоения — распоряжения и присвоения — использования см. гл. 5.

В отношениях разделения труда как отношениях специализации и соединения работников в совместном коллективном труде в первичном звене непосредственного производства (предприятие) и во всей системе материального производства, т. е. в отношениях первичной коллективности в рамках непосредственной кооперации труда и в кооперации коллективов — обмене деятельностью в рамках отрасли и всего материального процесса производства в целом, в конечном счете и реализуются отношения присвоения — распоряжения средствами производства и их присвоения — использования.

Отношениям фазы производства принадлежит примат (примат производства). Каков характер отношений непосредственного производства, таков и характер воспроизводства, характер всех других его фаз, а стало быть, и совокупности отношений, протекающих в этих фазах.

В фазе распределения совокупность общих отношений производителей по поводу средств производства, опосредствуемых особыми отношениями в непосредственном процессе производства, развертывается как отношения производителей по поводу результатов производства, как отношения распределения. Иными словами, в этих отношениях, представляющих собой обратную сторону отношений производства, положение производителей в производстве (отношения по поводу материальных условий производства — средств производства — и отношения в процессе осуществления самого производства) реализуется в качестве отношений по поводу результатов производства, присвоения этих результатов. Здесь собственность на средства производства — общие отношения — реализуется как отношения присвоения всего общественного продукта (частнокапиталистическое присвоение или общественное, социалистическое присвоение и т. д.) и как специфические отношения данной фазы (всецело определяемые общими отношениями) — отношения распределения долей продукта каждому индивидуальному и коллективному участнику производства. В фазе обмена положение производителей в производстве как совокупность общих отношений собственности на средства производства, опосредствуемое специфическими отношениями в непосредственном процессе производства и процессе распределения, развертывается как

отношение между производителями по поводу конкретных потребительских форм результатов производства (продуктов), т. е. как отношение обмена результатов производства. Наконец, в фазе потребления — заключительной фазе воспроизводства — совокупность всеобщих отношений, опосредствуемая всеми специфическими отношениями предшествующих фаз, развертывается как совокупность отношений по поводу фактической реализации результатов производства, их потребления, и образует здесь совокупность отношений по потреблению.

Таким образом, система отношений производства — это система качественно определенных ее звеньев, находящихся между собой в причинной взаимозависимости. Она представляет собой общие для данного способа производства отношения производителей по поводу средств производства, или отношения собственности на средства производства, и отношения присвоения результатов производства — общественного продукта.

Эти общие отношения, выступающие в специфических формах в каждой фазе воспроизводства, вместе с особыми отношениями каждой фазы и образуют звенья (совокупности) системы общественных отношений производства в целом. Звенья эти, определяемые отношениями собственности на средства производства, следующие:

а) совокупность отношений по непосредственному производству, т. е. отношений фактического присвоения — распоряжения средствами производства и их присвоения — использования в непосредственном процессе производства, в единстве с отношениями по функционированию труда — общественного разделения труда (его кооперация, обмен деятельностью);

б) совокупность отношений распределения — определяемые предыдущими общие отношения по поводу результатов труда — продукта его присвоения и специфические отношения фазы распределения;

в) совокупность отношений обмена — определяемые также всеми предыдущими отношениями отношения по поводу движения конкретных результатов труда — продукта;

г) совокупность отношений по потреблению — находящиеся в зависимости от общих отношений собственности на средства производства и присвоения продукта и

особых отношений непосредственного производства, распределения и обмена отношения по поводу фактической реализации результатов производства, т. е. их потребления.

Эта классификация производственных отношений выражает объективно существующую их систему в главных чертах. Во-первых, она заключает в себе качественно особые звенья этой системы — совокупности отношений по условиям всего процесса воспроизводства в целом и в рамках каждой его фазы — и, во-вторых, вскрывает отношения соподчинения и подчинения различных групп отношений производства.

Совокупность отношений производства по поводу средств производства (отношения собственности) хотя и испытывает обратные влияния всех фаз воспроизводства, однако же накладывает печать на характер и формы протекания отношений во всех этих фазах. Каковы отношения собственности, таковы и отношения производства в рамках непосредственного процесса производства, и отношения в рамках процессов распределения, обмена и потребления.

Вместе с тем, так как производство в системе фаз воспроизводства играет определяющую роль, характер отношений непосредственного производства определяет характер отношений всех других фаз воспроизводства. И поскольку фаза распределения и отвечающие ей отношения опосредствуют фазы обмена и потребления, постольку отношения последних фаз находятся в отношениях зависимости от отношений распределения.

Наконец, поскольку фаза потребления заключительная, ее отношения формируются и протекают в зависимости от отношений всех других фаз. Таким образом, перед нами выступают решающие взаимозависимости различных совокупностей производственных отношений и линии их субординации, что, как далее увидим, играет решающую роль для анализа как предмета политической экономии в целом, так и системы ее законов [1].

---

[1] Заметим, что определение субординации отношений производства играет решающую роль для выявления экономического закона движения данной общественно-экономической формации, т. е. ее коренных движущих сил. Лишь игнорированием предмета политической экономии и системы связей экономических отношений со всеми иными общественными отношениями можно объяснить утверждение

Соотношения и взаимоподчиненность общих для данного способа производства производственных отношений и их особых совокупностей, складывающихся по фазам воспроизводства, характерны не для одного, а для всех способов производства. Но это отнюдь не означает, что система производственных отношений каждой данной социально-экономической формации не характеризуется своими особыми, специфическими чертами связи между образующими ее звеньями, совокупностями отношений.

«...Экономические формы, при которых люди производят, потребляют, совершают обмен, — писал К. Маркс, — являются формами *преходящими и историческими*. С приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а вместе со способом производства они меняют все экономические отношения, которые *были необходимыми отношениями лишь данного, определенного способа производства*»[1]. Все формы и виды отношений производства так или иначе складываются на основе, в зависимости и в рамках всеобщего исходного и определяющего, т. е. основного (см. гл. 5), производственного отношения — собственности на средства производства, которое всегда обладает специфически историческим характером. Именно поэтому и всем остальным отношениям производства необходимо присущ специфически исторический характер.

Нет и не может быть каких-либо отношений производства внеисторического характера, т. е. отношений, остающихся одними и теми же по их сущности, формам, способам движения и так далее при всех или нескольких способах производства. Каждой исторически определенной системе общественных отношений производства в целом и в образующих ее звеньях необходимо свойствен специфически исторический характер. Со сменой спо-

---

о том, что якобы «политическая экономия... не исследует вопрос о коренных движущих силах истории» (*В. П. Рожин.* Марксистско-ленинская диалектика как философская наука. ЛГУ, 1957, стр. 22).

Не ясно ли, что коренная задача политической экономии — это выяснение экономического закона движения данной формации, что задача эта определяется природой экономических отношений, их местом в системе общественных отношений, являющихся материальной основой истории общества.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 403 (в конце цитаты курсив наш. — *Я. К.*).

соба производства изменяются и вся система в целом, и, конечно же, характеризующие ее внутренние структурные ее звенья и взаимосвязи, характер соподчиненности этих звеньев и т. д.

Так, скажем, связь общих отношений капиталистического производства — капиталистических отношений собственности на средства производства и капиталистического присвоения продукта — с особыми отношениями непосредственного капиталистического производства выступает как реализующееся противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением, как антагонистические отношения коллективности (сотрудничества) людей в процессе производства (кооперации труда, обмена деятельностью), отношения эксплуатации наемных рабочих капиталистами.

Напротив, связь всеобщих отношений социалистического производства — социалистических отношений собственности на средства производства и социалистического присвоения продукта — со специфическими отношениями непосредственно социалистического производства, реализуя соответствие общественного характера производства общественному, социалистическому присвоению, выступает как отношения непосредственно общественной коллективности (сотрудничества) людей в процессе производства (социалистической кооперации, обмена деятельностью), как отношения, осуществляющиеся в интересах всего общества, образующих его коллективов и каждого отдельного участника производства (в меру количества и качества труда, затрачиваемого последним в общественном производстве).

Итак, все взаимосвязи и соподчиненности звеньев, совокупностей тех или иных общественных отношений производства в общей их системе каждого данного, исторически определенного способа производства характеризуются особым, специфически историческим характером. Поэтому и система законов, основывающаяся на такой системе отношений и ее выражающая, точно так же по ее внутренним связям, соподчиненностям отдельных законов и их взаимодействиям исторически специфична.

Специфику всех этих взаимосвязей нам и надлежит рассмотреть.

3

ЗАКОНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Закон — центральная категория всякой системы науки. В конечном счете главная задача политической экономии состоит в раскрытии системы экономических или, точнее, политико-экономических законов, ибо всякий политико-экономический закон есть закон экономический, но не наоборот.

Именно поэтому необходимой областью исследования политической экономии вообще, и в частности политической экономии социализма, и является анализ категории политико-экономического закона, равно как и диалектических форм взаимосвязей, законов, свойственных их системе.

Здесь исходное положение занимают проблемы *характера,* или, что то же самое, *типа* экономического закона, *условий* и *основ* формирования и функционирования *совокупности* законов политической экономии, изучаемых этой наукой в качестве их *диалектически единой системы,* или, иными словами, проблема *субординации* законов и тех внутренних необходимых условий, которые определяют развитие их системы.

Рассмотрим эти исходные теоретические проблемы.

Экономический закон — это закон, выражающий сущность общественного производственного, или экономического, отношения. Он представляет собой *объективную сущностную, внутреннюю форму связи, которую образует каждое данное производственное отношение, или же связи между различными производственными отношениями.* «...Формы, вытекающие из естественной необходимости самого производства и не зависящие от воли, политики и т. д. Это — материальные законы...» — писал Маркс об исторических экономических законах [1].

В качестве такой формы объективной необходимости экономический закон характеризуется, *во-первых,* именно *существенностью* формы связи, т. е. ее внутренний характер определяется самим качеством данного экономического отношения или данных отношений, их специфической определенностью, особенностью; *во-вторых,*

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 12.

необходимостью формы связи, представляющей собой данное экономическое отношение или отношения, т. е. она неизбежно реализуется, если имеются данные определенные отношения, коим она имманентна; *в-третьих, всеобщностью* (или общностью) формы связи, которую представляет собой данное экономическое отношение, или связи между ними, т. е. тем, что этими связями действительно охватываются все отношения данного качественно определенного типа; *в-четвертых, устойчивостью* данной формы связи, т. е. если существуют производственные отношения данного качественно определенного типа, то неизбежно осуществляется и образуемая ими данная форма связи, что и проявляется в ее повторяемости [1].

Экономический закон, как форма сущностных связей, представляющих собой общественные отношения производства, или связей между ними, выражает не всякую их форму. Формы связей, отношений неисчерпаемо многообразны. Закон — форма связи, образующая собой самое сущность экономического отношения. В этом смысле, перефразируя известное определение Ленина, можно сказать, что закон — это существенное, прочное, остающееся в явлении. «Закон есть отношение», — определял Ленин. Но он при этом специально подчеркивал, какое именно это отношение из всего неисчерпаемого мира их многообразия: это «отношение *сущностей* или между сущностями» [2]. «Закон, — в другом месте отмечал Ленин, — есть отражение *существенного* в движении универсума» [3].

Определение закона как связи сущностей или между сущностями, экономического закона — как существенной связи, представляемой каждым данным общественным отношением производства или между ними, т. е. как необходимой объективной, материальной формы движения, означает, что всякий закон есть форма движения противоречия. Стороны отношения, определяющие закон, суть

---

[1] Определение экономического закона представляет собой лишь распространение признаков закона вообще, общепринятых в диалектическом материализме, на сферу экономических отношений. В определениях закона вообще, даваемых в различных работах, можно, разумеется, уловить некоторые индивидуальные оттенки, однако в существенном все эти определения не расходятся.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 138.

[3] Там же, стр. 137 (курсив наш. — *Я. К.*).

единство различных и тем самым противоположных сторон. Форма связи между ними — закон — и есть та или иная форма противоречия. Таким образом, закон всегда и необходимо выражает содержание противоречия в его движении и разрешении [1].

Концепция содержания категории закона как сущностного отношения, или отношения между сущностями, имеет громадное значение. Именно она раскрывает, что данная качественно определенная необходимость и выступает как закон. Нет никакой другой глубинной качественной определенности данного отношения, кроме его закона.

Разумеется, закон управляет движением действительности как единством, сферой взаимодействия сущности и явления, необходимости и случайности, общего, частного и единичного, содержания и формы и т. д. Но из этого не следует, что закон теряет самое сущностную форму. Управляя движением действительности в многообразии ее указанных проявлений, он является законом потому, что выражает именно сущностную сторону действительности, т. е. закон — это форма, выражающая определяющую роль сущности в отношении к конкретной действительности во всем многообразии форм ее проявления и движения [2].

---

[1] Проблема закона — противоречия — принадлежит к определяющим проблемам содержания закона. Подробному исследованию данной проблемы посвящается гл. 3. Здесь же мы ограничимся лишь рассмотрением взаимопроникновения закона и противоречия.

[2] «*Закон* характеризует *сущность в динамике ее проявления*... Закон дает сущность как субстанцию, производящую силу данного явления...» (*В. С. Библер.* О системе категорий диалектической логики. Сталинабад, 1958, стр. 130).

Противопоставление сущности как таковой закону, попытка выделения его в качестве особого существенного отношения, тождественного с сущностью, незакономерны. Между тем ряд авторов указывают, что «существенное отношение как тождественное с сущностью есть закон... Но сущность представляет и противоположность существенным отношениям. Сущность есть главное в предмете, то, к чему относится все остальное и с чем сопоставляется. Она имеет свое основание в себе самой, а не в чем-то другом. Существенное же отношение имеет свое основание в другом... Связи могут оказаться существенными в различных отношениях» (*Л. В. Воробьев, В. М. Каганов, А. Е. Фурман.* Основные категории и законы материалистической диалектики. МГУ, 1962, стр. 136—137). Но если отношение *существенно,* оно непременно представляет собой сущность, как таковую, или отношение между сущностями. В ином случае нет самой существенности отношения. Предположение же, что существен-

Закон, как форма сущностной связи, есть форма причинной, каузальной связи. В материалистическом понимании закона вообще, следовательно, и экономического закона решающим является не просто раскрытие закона как формы связи, а выявление существенной, необходимой, т. е. *каузальной, причинной* связи.

Всеобщие связи объективного мира шире, многообразнее, разностороннее, богаче, чем связи просто каузальные, причинно-следственные, являющиеся лишь частью связей материального мира. Но, исследуя всеобщие взаимосвязи, мы лишь тогда проникаем в действительные законы, выражающие их сущность, когда раскрываем именно причинно-следственные связи материального мира, его каузальные формы движения [1].

Ленин со всей определенностью подчеркивал решающее значение развития этой каузальной стороны закона. Отмечая справедливость указания Гегеля на «недостаточность и пустоту *голого* понятия «взаимодействия» как на реальный процесс познания законов объективного мира, его взаимосвязей, он указывал на процесс движения познания «от сосуществования к каузальности» [2]. Раскрытие сущности и есть раскрытие причинности связей. Познание причины есть переход от внешности явлений к субстанции [3].

Показывая, что действительный теоретико-познавательный вопрос о сути причинности есть вопрос о том, является ли она отражением закономерности, Ленин, как известно, развернуто обосновал положительное реше-

---

ное отношение есть закон лишь постольку, поскольку оно обосновывается только одной, данной сущностью, означает исключение из мира законов соотношения сущностей, их взаимодействия. Перевод всех этих положений в план экономический означал бы отказ от рассмотрения форм связи между различными общественными отношениями производства — двумя или большей их совокупностью — как определенных законов.

[1] Вот почему нельзя согласиться с Б. Минцем, когда он полагает, что «по примеру Дж. Ст. Милля следует различать экономические эмпирические законы и экономические законы в собственном значении этого слова, т. е. рациональные законы... Первые устанавливают существование и характер закономерных связей и экономических явлений только как факт, а вторые вскрывают также причину либо обоснование данного явления» (*B. Minc.* Economia polityczna socjalizmu, Wydanie drugie. Warszawa, 1953, s. 29).

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 203.

[3] См. там же, стр. 142—143.

ние этого вопроса[1]. «...Идея причинности, необходимости, закономерности и т. д., — подчеркивал он, — является отражением в человеческой голове законов природы действительного мира...»[2]

Именно в рассмотрении законов как причинной, каузальной формы объективной связи лежит разграничительная линия между диалектико-материалистической и буржуазно-эклектическими и идеалистическими концепциями закона в качестве форм функциональных связей самих по себе, безотносительно к их причинно-следственной стороне[3].

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр соч., т. 18, стр. 164.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 6. Рассматривая причинность в качестве имманентной стороны закона, В. И. Ленин развил энгельсовскую трактовку перехода в процессе раскрытия законов объективного мира от универсального взаимодействия к каузальному отношению. «Исходя из этого универсального взаимодействия, мы приходим к действительному каузальному отношению, — писал Ф. Энгельс. — Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а *в таком случае* сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как действие» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 546—547).

[3] «Понятию закона присущи два элемента. Во-первых, элемент *связи* явлений, во-вторых, элемент единообразия этой связи, что указывает на повторяемость в комбинациях явлений, о законе которых идет речь», — так определял закон известный русский буржуазный экономист Н. Д. Кондратьев. Как видим, это определение ограничивается лишь указанием на связь явлений и не включает каузального характера этой связи. Более того, Н. Д. Кондратьев по существу разделял разрыв категории закона и каузальности, указывая, что «понятие причинной связи не отождествляют с законом также Спенсер, Ксенополь и Эйленбург. Особенно подчеркивает это Ксенополь. «Закон, — говорит он, — излагает, как возникает явление, а причина объясняет, почему оно возникает именно так»» (*Н. Д. Кондратьев.* Основные учения о законах развития общественной жизни. «Новые идеи в экономике». Сб. V, ред. М. И. Туган-Барановского. СПб., 1914, стр. 2 и 7). Буржуазный экономист А. А. Мануилов указывал на признаки закона — «типичность», «повторяемость» и т. д., игнорируя именно каузальность как ядро закона (см. *А. А. Мануилов.* Политическая экономия, вып. 1, стр. 97). «Ради большей точности, — писал Шумпетер, — мы будем говорить не о «причинах» явлений, а о функциональных зависимостях. Тщательно выработанное математикой понятие о функции имеет явное, не подлежащее сомнению содержание, чего нельзя сказать про понятие причинности. Конкретные выводы науки вытекают из известных взаимозависимостей, а не каузальных связей» (*J. Schumpeter.* Das Wesen und der Hauptinhalt der Theoretischen Nationalökonomie. Leipzig, 1908, S. 47).

Научное понимание соотношения функциональности и причинности, развиваемое марксизмом, обусловливает, в частности, и то

Эта давняя идея буржуазной политической экономии особенно расцвела в условиях формализации и математизации политической экономии эконометрическими школами. Разумеется, функциональная связь — важная, неотъемлемая форма закона, но ее установление не исчерпывает закона, а лишь выражает ту форму движения связи, в которой реализуется закон, причинно обусловливающий данную функциональную форму связи.

Марксистская политическая экономия в трактовке экономического закона в качестве конституирующей его стороны строго придерживается причинности (каузальности). В «Капитале» Маркс определял закон как *«внутреннюю и необходимую* связь между двумя явлениями»[1]. Рассматривая законы экономики как объект

существенное положение, что «проблема причинности и функциональности должна формулироваться как проблема функциональной выразимости причинных отношений» (*Е. П. Никитин, Ю. Ф. Сафонов.* Причинность и функциональность. — «Вопросы философии», 1964, № 11, стр. 64).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 246 (курсив наш. — *Я. К.*).

В связи с этим неправильно, на наш взгляд, утверждение о том, будто у Маркса нет определения объективного закона (см. *Е. Варга.* Очерки по проблемам политической экономии капитализма. М., 1964, стр. 5).

Марксизм воспринял и развил классическую материалистическую трактовку закона как причинно-следственного типа связи. Как известно, Монтескье начал свой «Дух законов» знаменитым афоризмом: «Законы суть необходимые, проистекающие из природы вещей отношения».

Неверно отделять причинное отношение, причину от самого закона, полагая, что причина есть то, что производит закон, закон реализует причину. Только причинно-следственная связь и есть закон; никакого иного закона, кроме закона причинного, по его природе не существует. Тем не менее некоторые подчас допускают известный разрыв между причиной и законом. Так, по мнению ряда авторов, «всякий закон следует рассматривать как следствие определенных условий, причин. Если есть какие-то определенные условия, то есть и закон. Не существует законов, не обязанных своим существованием каким-либо причинам. Признание причинной зависимости закона от определенных внутренних условий материальных сил коренным образом отличает материалистическую диалектику от идеалистической» (*Л. В. Воробьев, В. М. Каганов, А. Е. Фурман.* Основные категории и законы материалистической диалектики, стр. 75). На наш взгляд, коренной недостаток этого определения в том, что в нем причина производит закон, закон основывается на причине, в то время как сам закон по его сущности и есть причинная связь, в которой причина и следствие образуют его неразрывные внутренние моменты.

политико-экономического исследования, он подчеркивал, что для раскрытия реальных экономических отношений существенны сами эти законы, действующие и осуществляющиеся «с железной необходимостью» [1].

Итак, закон есть *отношение,* характеризующееся «железной необходимостью», или, иными словами, это не просто функциональное, а необходимое причинно-следственное функциональное отношение.

Таким образом, марксистская экономическая наука, исследуя закон, имеет дело с причинными связями, представляющими собой экономические отношения. Отсюда следует, что простое установление существенной, устойчиво повторяющейся или даже всеобщей связи, более того, точное математическое описание ее функциональной формы еще не полное исследование экономического закона. Оно осуществляется вполне лишь тогда, когда эта связь раскрывается в ее необходимости, т. е. как каузальная, причинно-следственная связь.

В причинности закона лежит единство и различие экономических законов и экономических категорий.

В широком смысле термин «экономическая категория» может быть отнесен и к экономическому закону, и к любому экономическому явлению, экономической форме, которые сами по себе не представляют какого-либо закона. «Экономические категории, — отмечал Маркс, имея в виду самое общее, широкое их определение, — представляют собой лишь теоретические выражения, абстракции общественных отношений производства» [2]. Такие абстракции могут характеризовать и самое сущность, или существенную связь в целом, которой является отношение производства, т. е. его закон, и лишь какую-либо отдельную сторону, момент связи, не выражая закона в его целостности. При этом, разумеется, всякая экономическая кате-

---

Еще больший разрыв между причиной и законом допускается в положении о том, что «не закон есть форма причинно-следственных отношений, а, наоборот, *каузальность есть одна из многочисленных форм закономерных связей...*» (*В. С. Соколов.* Закон как категория марксистской диалектики. — Сб. «Вопросы диалектического материализма». М., 1960, стр. 14—15). По смыслу данного определения выходит, что возможны закономерные связи не каузального, т. е. не причинно-следственного, характера. Но что же тогда остается от материалистического понимания объективной необходимости? Ленин, говоря о «закономерности объективной связи мира», подчеркивал: «Выделять каузальность из этой связи нелепо» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 160). Иными словами, закономерность и каузальность неотделимы, в диалектико-материалистическом понимании это совпадающие сущности.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 6.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 133.

гория потому и является таковой, что выражает не поверхностное, случайное, внешнее явление, а схватывает глубинную, т. е. существенную, сторону или момент производственного отношения, хотя и не охватывает при этом закона в его целостности [1].

Таким образом, в узком смысле законы и категории при их неразрывном единстве строго различаются. Законы — это форма сущностного отношения, связи, причем причинно-следственная (каузальная) ее форма. Закон всегда выражение формы движения. Категория же в узком смысле — *форма известной стороны, момента сущности или этой последней, как таковой,* взятой в состоянии относительного покоя, т. е. в ее данной определенности, в ее специфическом качестве. «...Категории, — подчеркивал Маркс, — выражают... формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества...» [2] Говоря о понятии, как таковом, Ленин отмечал: «...понятие есть *сущность предмета*... есть нечто... «само по себе»» [3].

Таким образом, экономическая категория, рассматриваемая в узком смысле, в отличие от закона есть отражение стороны, момента, формы экономического отношения (отношений) в их определенности, существенности, которые взяты именно сами по себе, в качестве особых моментов, отдельных сторон экономического отношения как целого. Если экономический закон раскрывает, как *связаны* различные особые стороны экономического отношения (отношений), то категория раскрывает, чем они *различаются* между собой [4].

---

[1] «...Следует, — отмечал В. П. Чертков, — отличать категории от тех отношений, которые ими обозначаются, выражаются. Так, в отношениях количества и качества проявляется определенный диалектический закон, который выражается через категории количества и качества. Но от этого данный закон не перестает быть законом, и его нельзя просто сводить к названным категориям» (*В. П. Чертков.* О некоторых вопросах теории диалектики. — «Вопросы философии», 1963, № 5, стр. 131).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 732.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр 253.

Отмечая признаки понятия как выражения определенности предмета, бытия «самого по себе», взятого в момент относительного покоя, мы подчеркиваем именно эту относительность, которая и проявляется в подвижности, изменчивости понятий, отражающих изменчивость самого выражаемого ими объекта. «...У Маркса, — замечал в данной связи Энгельс, — вообще пришлось бы поискать готовых и раз навсегда пригодных определений. Ведь само собой разумеется, что, когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений, то и их мысленные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию; их не втискивают в окостенелые определения, а рассматривают в их историческом, соответственно логическом, процессе образования» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 16). Эту же мысль необыкновенно рельефно выразил Ленин в записи о том, что понятия «обтесаны», «обломаны», «релятивны» и т. д. (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 131).

[4] «Отличие категорий науки от ее законов состоит прежде всего в том, что законы науки отражают существенные, устойчивые,

Разумеется, между законом и категорией и в узком смысле также нет китайской стены. Закон — это форма причинной связи, отношения сторон объективного мира, а применительно к экономике — сторон экономической действительности. Но сами эти связи вытекают из собственных глубинных качеств последних, из их сущности. Ведь категории — это не «простые определения и абстрактные представления» [1]. Понятия, категории есть отражение существенных сторон, моментов действительности, в том числе экономической действительности, т. е. производственных отношений [2]. Более того, понятие есть всегда отражение объективно общих качеств, свойственных данным предметам и отношениям [3]. Следовательно, уже определение понятия есть выражение закономерно общего в отдельных и особенных сторонах связей, отношений и тому подобных объектов, т. е. в объективной действительности. И в этом смысле различие закона и категории еще более относительно, неустойчиво, а их единство выступает как единство различий, переходящих друг в друга.

Однако же при всей относительности различий законов и категорий, их переходах друг в друга в определенном смысле всегда имеет место и существенное различие: закон есть форма сущностной связи, т. е. форма отношения между сущностями, а категория — отражение момента, стороны каждой данной сущности самой по себе в ее качественной обособленности и выделенности из объективного мира.

повторяющиеся связи, присущие действительности, тогда как категории — это отражение отдельных существенных сторон или моментов развития природы и общества как единого, связного целого» (*В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон.* Категории исторического материализма. — «Вопросы философии», 1956, № 4, стр. 23). «В отличие от основных законов диалектики, фиксирующих внутреннюю связь и тенденцию развития предметов, каждая категория, взятая в отдельности, отражает лишь отдельную сторону всеобщей связи явлений» (*Д. П. Горский.* О категориях материалистической диалектики. — «Вопросы философии», 1955, № 3, стр. 21). «Законы диалектики характеризуют всеобщее содержание *противоречия как особого процесса* (сущность противоречия, роль противоречия в развитии, протекание противоречия, его разрешение). Те противоположные стороны всеобщих противоречий, которые абстрагированы в категориях, находятся между собой в отношениях, связях, переходах, определяемых законами диалектики» (*В. С. Библер.* О системе категорий диалектической логики, стр. 7).

Следует отметить, что содержание различия законов и категорий диалектики в полной мере сохраняет свое значение применительно к различию законов и категорий любой особой области действительности, в том числе и экономической.

[1] См. *Гегель.* Соч., т. I, 1929, стр. 271.

[2] Гегель справедливо подчеркивал: «...представления становятся понятиями лишь в том случае, когда мы показываем относительно них, что они содержат в себе различные стороны в единстве, так как это последнее в самом себе определенное единство, составляет понятие» (*Гегель.* Соч., т. XII, стр. 111).

[3] «Отрицать объективность понятий, объективность общего в отдельном и в особом, невозможно» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 160).

Это положение весьма важно для исследования проблемы законов. Из него вытекает, *во-первых,* что, исследуя законы, из всего мира экономических категорий, отражающих всю совокупность отношений производства, следует выделять лишь категории, отражающие сущностные, причинно-следственные связи; *во-вторых,* что лишь анализ категорий законов раскрывает связи между категориями, как таковыми; *в-третьих,* что столь же, сколь неправомерно разрывать законы и категории, противопоставляя их друг другу, неправомерно и их смешение, которое может лишь нанести ущерб анализу и тех и других [1]. Единство законов и категорий, относительность их различий, их взаимопереплетения и взаимопереходы коренятся в конечном счете в «универсальной закономерности» объективного мира [2], в закономерности объективной связи мира, отражением и выражением которой и является это их единство.

Выделение экономических законов из единой системы категорий, отражающих мир экономической действительности, связано с определенными методологическими трудностями. Но и его недостаточно для нашего исследования. Наш предмет не вообще система законов экономической жизни, а система законов политической экономии [3]. Отсюда вытекает сложная задача выделения из общей совокупности законов экономики именно этого рода законов.

В литературе обычно не проводится различий между экономическими законами вообще и особым их родом —

---

[1] Смешение экономических законов и категорий — довольно распространенное явление, связанное с неразработанностью методологии основ различения этих понятий науки. Например, в учебнике «Политическая экономия социализма», выпущенном издательством «Высшая школа» в 1960 г., читаем: «Экономические законы — законы развития общественно-производственных, экономических отношений людей... Экономические категории — это формы выражения присущих тому или иному способу производства общественно-производственных отношений и отдельных их сторон» (стр. 173). Но так как отношения производства не выражаются вне их развития, если их рассматривать диалектически, то приведенные определения есть лишь отождествление законов и категорий экономики.

[2] Процесс познания, по определению Ленина, есть «процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc... и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 164).

[3] К. Маркс оценивает формы, в которых «были впервые высказаны и развиты далее законы политической экономии», как исторические вехи науки (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. 1, стр. 347). Подчеркнем, что в данной оценке речь идет не об экономических законах вообще, а — что существенно важно — именно о *законах политической экономии.*

законами политической экономии. По существу молчаливо предполагается, что это совпадающие понятия.

В действительности же дело обстоит иначе.

Политическая экономия в системе наук, изучающих экономику, хотя определяющая и ведущая, но лишь специальная наука, изучающая отношения производства в целом, в их общественном масштабе, безотносительно к их отраслевым, территориальным и национальным особенностям. Другие же элементы экономики в широком смысле, именно специфически отраслевые, территориальные, национально-особенные формы общественных отношений производства, образуют предмет специальных, отраслевых и территориальных экономических наук — экономики промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта и т. д., наук о размещении производительных сил, о финансах, кредите и денежном обращении, экономике труда и т. д.

При этом отличие политической экономики по предмету науки, ею изучаемой, и, следовательно, по роду законов, ее образующих, от отраслевых экономических наук заключается вовсе не в том, что последние якобы изучают производственные отношения в неразрывной связи с производительными силами. Как мы видели, изучение производственных отношений в такой именно связи — непременное методологическое условие марксистской политической экономии. Неверно было бы также предполагать, что отраслевые экономические науки в качестве своего объекта наряду с производственными отношениями изучают и производительные силы в их специфически отраслевом виде. Принципиальные отличия объектов исследования политической экономии от отраслевых экономических наук лежат совершенно в другом плане. Их различие и соотношение в рамках изучаемой ими общей системы отношений производства — это различие и соотношение совокупности *всеобщих* и совокупности *особенных (частных* и *единичных)* форм общественных отношений производства, причем первых, находящихся во *всеобщих* связях, и вторых — в *особенных* (отраслевых, территориальных и т. д.) связях с производительными силами.

Политическая экономия изучает общественно-производственные отношения в том общем виде, в котором они выступают в рамках народного хозяйства в целом

безотносительно к специфике отраслей материального производства и обмена на каждом данном исторически определенном этапе развития общества в тех их существенных общих формах, совокупность которых и образует определенный способ производства, данную общественно-экономическую формацию [1]. Она, стало быть, изучает производственные отношения в связи с их определяющими исторически определенными производительными силами так же, как с целой общей их системой, образующей материально-техническую и материально-производственную базы общества — материальную основу системы исторически данных действующих и развивающихся отношений производства.

Иначе с другими экономическими науками, прежде всего с экономиками отраслей народного хозяйства, изучающими не систему отношений производства в целом, а производственные отношения в том специфически отраслевом виде, в котором они выступают в каждой данной отрасли материального производства. И поскольку отраслевые формы этих отношений определяются особенностями производительных сил данной отрасли, их организацией и характером развития, постольку отраслевые экономические науки наряду и в единстве с общеэкономическими отношениями в их отраслевом проявлении изучают и систему технико-экономических отношений, т. е. специфические формы экономических отношений, материально обусловливаемые особенностями производительных сил каждой данной отрасли [2].

---

[1] Маркс специально указывал на этот общий характер отношений производства в противовес их отраслевым формам. «Производство, — писал он, — есть всегда *особая* отрасль производства, например земледелие, животноводство, мануфактура и т. д., или оно есть *совокупность* их. Однако политическая экономия — не технология. Отношение *всеобщих определений производства на данной общественной ступени* (курсив наш. — *Я. К.*) к особенным формам производства надлежит развить в другом месте» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 711—712).

[2] Они изучают, например, специфические, отраслевые условия кооперации труда и его организаций, отраслевые формы отношений разделения труда — специализацию, концентрацию и комбинирование производства, формы организации производства и обмена продукции, специфические, отраслевые технико-экономические формы использования основных и оборотных средств, снабжения, формирования затрат и их возмещения и т. д.

Различие политической экономии и отраслевых экономических наук не отменяет их единства. Забвение последнего было бы столь же неправильно, сколь и смешение их объектов. Именно потому, что сущность особенного раскрывается во всеобщем и конкретные формы всеобщего выступают в особенном, закономерная картина движения экономики в широком смысле раскрывается лишь в единстве политической экономии и отраслевых экономических наук. Это имеет особое значение для социализма.

При неразрывном единстве экономических наук принципиальное различие объектов политической экономии и отраслевых экономических наук отражает то обстоятельство, что в общей совокупности экономических законов заключается особая совокупность законов политической экономии. Политическая экономия изучает *не все* экономические законы, а экономические законы *определенного рода,* выражающие производственные отношения, свойственные экономике в целом безотносительно к отраслевым особенностям, особенностям сфер производства, территории и т. д. Отграничение сферы политико-экономических законов в общей совокупности законов экономики — необходимое, но далеко не достаточное условие для определения круга законов, образующих систему законов политической экономии. Как всякий род объективных отношений, отношения производства, изучаемые политической экономией, практически неисчерпаемы. Процесс их развития, изменения, возникновения их новых и новых форм, усложнения и изменения старых, отмирания этих отношений и т. д. протекает постоянно. Вместе с тем углубление знаний ведет к исследованию все новых и новых отношений производства, их связей. И то и другое неизбежно означает раскрытие все новых законов. «*Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc., — подчеркивал Ленин, — дает *конкретное* в его полноте»[1].

Означает ли, однако, неисчерпаемость мира общественных отношений производства и политико-экономических законов, что их совокупность, образующая систему науки политической экономии, практически неисчерпаема?

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 252.

Разумеется, произвольное выделение из всей совокупности законов политической экономии лишь некоторого большего или меньшего их числа в качестве законов, образующих систему науки, было бы необоснованно. Оно не отвечало бы объективно существующей и действующей системе материальных экономических законов, являющихся действительным объектом политической экономии.

Научная диалектическая система политико-экономических законов тем и отличается от раскрытой их совокупности, что она включает в себя лишь известный род самих законов политической экономии, выражающих лишь *существенные, решающие формы экономических отношений,* связей, в совокупности образующих главные, определяющие отношения данного способа производства [1].

Но чем именно характеризуются эти существенные, решающие отношения и связи в отличие от несущественных, нерешающих?

Признак существенности, решающей роли данного рода отношений и связей, стало быть, и выражающих их законов заключается в их *качественной неотъемлемости для исторически определенного строя производства.*

Например, в такой форме производственного отношения по непосредственному производству, как кооперация труда, отношение кооперации труда, поскольку оно базируется на общественной собственности на средства производства, правда еще при социальной неоднородности труда, есть отношение социалистическое, и, следовательно, законы, выражающие *данный тип кооперации труда,* входят в круг существенных законов политической экономии социализма. В то же время отношения кооперации социалистического труда, поскольку они устанавливаются в зависимости от того или иного уровня развития производительных сил в рамках общего их социалистического характера, например, кооперация работников однородной профессии, ряда немногих про-

---

[1] Наука «во всех областях знания, — писал В. И. Ленин, — показывает нам проявление *основных законов* в кажущемся хаосе явлений» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 46; курсив наш. — *Я. К.*).

фессий, многих профессий, кооперация специализированного или многоотраслевого производства и т. д., будучи также видами экономических отношений и, более того, отношений политико-экономических, не являются уже существенными с точки зрения социально-исторического характера способа производства. Все они развиваются в рамках одного и того же социально-исторического типа кооперации труда. И поэтому специфические законы, управляющие этими специальными формами отношений, не входят в систему законов политической экономии, хотя, как правило, их необходимо учитывать при более конкретном, отраслевом и территориальном изучении экономики, т. е. в системе законов каждой данной отраслевой экономики.

Таким образом, элементами системы законов политической экономии являются лишь те существенные, решающие законы, которые выражают производственные отношения, в совокупности образующие данный социально-экономический строй.

Важным аспектом проблемы выделения существенных, или узловых, элементов системы законов политэкономии из общего мира экономических законов является соотношение всеобщих, общих и специфических законов политической экономии.

Критерием принадлежности закона к системе законов политической экономии мы считаем отражение законом существенных отношений, в совокупности выражающих исторически определенный способ производства. Но всеобщие и общие экономические законы свойственны не только данному способу производства, но и всем способам производства или ряду способов производства.

Например, в законе примата производства перед другими фазами воспроизводства или в законе распадения общественного продукта на средства производства и предметы потребления и т. д. не содержится чего-либо специфичного лишь для отдельно взятого исторически определенного способа производства. Напротив, эти законы выражают *всеобщие* формы связи, свойственные любому способу производства. Равным образом законы расширенного воспроизводства или законы товарных отношений выражают общие связи для ряда способов производства. Но входят ли всеобщие и общие законы

в систему экономических законов или — еще уже — в систему законов политической экономии данного способа производства?

Для ответа на этот вопрос рассмотрим предварительно взаимосвязи всеобщих, общих и специфических связей и законов, с одной стороны, и общественных отношений производства каждого данного способа производства — с другой.

На каждой исторической ступени развития общественного производства совокупность образующих его экономический строй отношений, равно как и любое взятое в отдельности производственное отношение, представляет собой отношения специфически исторического характера. Вместе с тем в производстве вообще, какова бы ни была его общественная форма, всегда заключаются общие условия и отвечающие им общие определения, имеющие силу для любого исторически определенного способа производства. «...Есть определения, общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако, — подчеркивал Маркс, — так называемые *общие условия* всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства»[1]. Эти общие определения, отражающие всеобщие условия производства, схватывают именно абстрактные моменты его отношений, а не сами отношения в их конкретно-исторической сущности, которые всегда складываются как совокупность отношений общественно-определенного производства и потому как исторически определенные особые отношения. Например, каждое исторически определенное производство характеризуется первичным соединением производителей для совместного труда, а труд всегда представляет собой общественный, коллективный процесс. Но тем не менее отношения между производителями в непосредственном процессе производства, в их кооперации, всегда выступают в специфически исторической форме (например, отношения первобытнообщинной, античной, феодальной, капиталистической, социалистической кооперации труда).

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 714.

Но если это так, то почему же существуют всеобщие и общие законы? Ведь экономические законы — это объективная форма сущностных связей, образуемых экономическими отношениями. Не следует ли отсюда, что раз эти отношения обладают специфически историческим характером, то и выражающие их законы обладают этим характером? Действительно, каков характер объективного отношения производства, таков и характер законов, выражающих сущность данного отношения, его движения и взаимосвязи с другим отношением, системой отношений и т. д. Но этим дело не исчерпывается. Всякие специфические отношения производства складываются и развиваются в рамках не только специфических, но и общеисторических.

Любые исторически определенные отношения производства есть продукт исторического развития. Они представляют собой сложное образование, сложный комплекс элементов, в структуре которого сочетаются как господствующие специфически исторические элементы, формирующие его сущность, социально-историческую определенность, так и генетически унаследованные элементы, усвоенные этим комплексом — если использовать философский термин — в снятом виде. И именно наличие последних как в составе совокупности отношений производства, так и в структуре каждого отдельно взятого отношения и является материальной основой того, что исторически специфические способы производства тем не менее заключают в себе формы экономических связей как всеобщего, т. е. свойственные всем способам производства, так и общего характера, т. е. свойственные ряду способов производства.

Например, производство предполагает общественное объединение труда, наличие простых его элементов — орудий и предметов труда, рабочей силы, их соединение в процессе производительного труда. Следовательно, всякое производство предполагает связи людей по поводу вещных и личных элементов производительных сил и непосредственные их связи в самом процессе труда. Разумеется, каждая форма этих связей на каждой исторической ступени развития общества носит характер специфического общественного отношения производства, которое является, скажем, либо капиталистическим, либо социалистическим и т. д. Но вместе с тем в струк-

туре любой такой связи содержатся и исторически всеобщие (или общие) элементы. В данном случае осуществление производства вообще требует отношений собственности на орудия и предметы труда, т. е. известной связи людей по поводу средств производства. Чтобы продолжать производство, необходимо воспроизводить простые элементы труда; чтобы его расширять, надо накоплять эти элементы труда и т. д. Это ведет к тому, что в каждом отношении производства, как и в их совокупности, хотя они по природе своей суть отношения специфически исторического характера, содержатся всеобщие (общие) моменты или связи.

Таким образом, структуре каждого исторически данного производственного отношения, любой их группе, как и их системе в целом, свойственны не только специфические формы связи, отражающие их специфически исторические господствующие свойства, но и всеобщеисторические (присущие отношениям всех формаций) формы связи, а в определенных случаях и общеисторические (присущие отношениям ряда формаций). Но это означает, что на основе специфически исторических отношений производства действуют, отражая их характер, как специфически исторические экономические законы, так и законы всеобщеисторические и общеисторические, отражающие всеобщеисторические и общеисторические связи, генетически входящие и сохраняющиеся в снятом виде в структуре связей, образующих как каждое из отношений производства, так и их совокупность [1].

Итак, на основе каждой исторически определенной системы общественно-производственных отношений действуют и взаимодействуют как специфические экономические законы данной формации, так и законы экономики общего и всеобщего характера. Чем же определяется

---

[1] Рассмотрение соотношения законов, их субординации — дело дальнейшего изложения. Здесь же, забегая вперед, отметим, что сущность исторически определенных отношений и, следовательно, образуемого их совокупностью данного способа производства определяется не всеобщими и общими связями, а связями специфически историческими, играющими решающую роль. Соответственно в общей системе законов политической экономии решающая роль принадлежит специфически историческим экономическим законам данного способа производства.

характер взаимодействия всеобщих и общих законов и законов специфических? [1]

Все законы представляют собой формы связей в рамках одних и тех же отношений производства, хотя и образующие различные элементы структуры отношений, но находящиеся в неразрывном диалектическом единстве. Поэтому взаимодействие всех специфических, общих и всеобщих законов образует диалектическое единство, отражающее неразрывность различных сторон объективной экономической действительности. Вместе с тем каждый данный закон — специфический, общий, всеобщий — является однозначной формой объективной связи, которая в совокупности с другими образует данное производственное отношение, но сама по себе, как таковая, является особым элементом структуры производственного отношения. Поэтому каждый закон в силу этой своей природы необходимо действует сам по себе, а отнюдь не через другой закон или ряд других законов.

Иногда рассуждают таким образом: всеобщий экономический закон отражает всеобщие связи производства вообще, специфический — специфические связи данного исторически определенного производства. Но так как всякие общие связи проявляются как специфические, то общий закон действует через специфический.

Например, в силу общих условий всякое производство неразрывно связано с потреблением. Эта связь — всеобщий закон. Однако при капитализме она косвенная, а при социализме — непосредственная. Поэтому, полагают, всеобщий закон связи производства и потребления действует при социализме *через* закон непосредственной связи производства и потребления. Не вдаваясь в рассмотрение положения о якобы непосредственной связи

---

[1] Для его выявления решающее значение имеет, *во-первых,* то, что законы всеобщие, общие и специфические, выражая одни и те же производственные отношения, вместе с тем есть формы заключенных в их структуре как специфически исторических, так и всеобщих и общих связей; *во-вторых,* то, что каждый закон представляет собой объективную форму экономической связи качественно определенного характера и не может выражать разнокачественные связи. (Сочетание качественно многообразных связей также дает закономерный результат, но это результат взаимодействия законов, а не действия одного закона.)

производства и потребления при социализме[1], отметим коренную ошибочность данной трактовки.

В концепции несамостоятельности действий всеобщего закона, его осуществления через специфический закон или в форме последнего, *во-первых,* предполагается неоднозначность формы связи, выражаемой данным законом, и, *во-вторых,* в силу этого один закон — всеобщий — растворяется в другом — специфическом.

Однако законы, как объективные однозначные формы качественно особенных связей в рамках структуры отношений производства, не могут раствориться друг в друге, перестать существовать. В данном случае всеобщеисторическая связь в структуре отношений производства данного способа производства представляет собой объективную, необходимую всеобщую связь производства и потребления (каков бы ни был способ производства). Нет и не может существовать общественное производство без потребления, и наоборот. Это и означает, что действует объективный всеобщий закон связи производства и потребления.

Вместе с тем каждый способ производства, свойственные ему специфически исторические связи производства и потребления определяют и соответственные исторические, свойственные лишь данному способу производства экономические законы. При социализме, например, это закон оптимального сочетания производства и потребления, закон воспроизводства неуклонно расширяющихся условий жизни общества в меру роста производства и т. д. При капитализме это закон антагонистического противоречия между производством и потреблением и т. п.

Все эти законы связи производства и потребления — и всеобщий, и специфические — действуют в единстве, однако ни один из них не сводится к другому и не действует через другой. Их действие осуществляется в неразрывном единстве, но самостоятельно, охватывая свою особенную сферу. Например, всеобщий закон связи производства и потребления охватывает общую всем формациям объективную форму связи производства и потребления, закон же оптимальной связи производства и

---

[1] И здесь эта связь опосредствована экономическими отношениями, но, разумеется, принципиально иначе, чем при капитализме.

потребления, как специфический закон, выражает специфически социалистические формы такой связи [1].

Вернемся теперь к поставленному выше вопросу: входят ли всеобщие и общие законы в систему законов политической экономии данного способа производства, или они в нее не входят, образуя особую систему внеисторических, логических законов производства? И если они входят в нее, то в какой мере, в каком объеме, границах?

---

[1] В философской и экономической литературе за последнее время снова разгорелась дискуссия по поводу характера взаимодействия всеобщих, общих и специфических законов. Одна группа авторов (Г. Глезерман, Л. Любошиц и др.), признавая тезис о самостоятельности каждой из групп законов при единстве их действия, полагает, однако же, возможным рассматривать действие всеобщих и общих законов через специфические. Так, Л. Любошиц, искусственно расчленив категорию сущности на некую «общую сущность» и «специфическую сущность», пришел к выводу, что первая выражается через вторую. На этом он основывает свое положение о том, что «общие для всех формаций законы воспроизводства действуют *не помимо,* а через посредство специфических для данной формации законов воспроизводства» (*Л. И. Любошиц.* Общие и специфические экономические законы, стр. 61).

Эта мысль в другом месте тем же автором формулируется еще более резко — как тезис о том, что всеобщие законы действуют через специфические, «приобретая в связи с этим специфические черты» («Вопросы экономики», 1955, № 9, стр. 23). Ту же в сущности концепцию развивает и Г. Глезерман. «...Отношения между общими и частными законами, — писал он, — многообразны. Общий закон может проявлять свое действие через один или несколько частных, но отнюдь не обязательно, чтобы общему всегда соответствовал какой-то частный или наоборот» (*Г. Глезерман.* О законах общественного развития. М., 1960, стр. 140).

Другая группа авторов (В. Тугаринов, А. Пашков и др.) исходит из самостоятельности всеобщих и общих законов и специфических законов при единстве их действий. По их мнению, всеобщие и общие «законы действуют при социализме *наряду* со специфическими законами социализма, не превращаясь в эти последние и не растворяясь в них» (*А. И. Пашков.* О всеобщих и специфических экономических законах при социализме. — «Проблемы политической экономии социализма». М., 1960, стр. 30. См. также *В. П. Тугаринов.* О взаимоотношении объективных законов общественного развития. — «Вестник ЛГУ». Серия общественных наук, 1954, № 9).

Позиция «растворения» общих законов в специфических подверглась основательной критике. Однако при этом не были вскрыты объективные основы самостоятельного существования и действия каждого типа этих законов, в частности именно наличие в структуре специфических производственных отношений генетически в них входящих всеобщих и общих экономических связей.

Следует, кстати, заметить, что в силу причин, рассмотренных выше, трактовка частных, специальных законов экономики отдельной отрасли в качестве формы проявления общих экономических

Не следует ли из того, что если всеобщий закон (как и общий) не выражает специфичности данного способа производства, а, напротив, выражает его общее с другими или всеми способами производства, то тем самым он не представляет собой качественно неотъемлемой необходимости для данного способа производства? Достаточно так поставить вопрос, чтобы очевиден был отрицательный ответ.

Совокупность специфических законов и законов всеобщих и общих не есть некий механический агрегат законов. Она представляет собой диалектическое единство, отвечающее единству специфических, всеобщих и общеисторических связей, заключенных как в структуре отдельных форм специфически исторических производственных отношений, так и в их совокупности, образующей каждый данный строй производства.

Разумеется, главное в политико-экономическом исследовании — анализ материальных законов каждой данной определенной ступени развития общества. Тем не менее общественные условия требуют и исследования всеобщих и общих законов и категорий, вне связи и единства с которыми нельзя понять и специфических категорий.

Марксизм раскрыл и блестяще реализовал это важнейшее требование научного анализа экономических отношений. Маркс в категориях и законах экономики вскрывал всеобщие и общие их элементы, условия, связи и их специфически исторические основания. Именно единство всеобщих, общих законов, с одной стороны, и специфических законов — с другой, означает существенность, неотъемлемую необходимость также и первых для качественной характеристики данного способа производства. И этим положительно разрешается вопрос о вхождении всеобщих и общих законов в систему политико-экономических законов [1].

законов методологически также неправомерна. Тем не менее она получила распространение. «Общие для всего данного исторического типа народного хозяйства экономические законы, — писал, например, А. Е. Пробст, — по-разному проявляются в каждой отрасли в виде частных, или специфических, законов, свойственных только данной отдельной отрасли или экономической сфере» (*А. Е. Пробст.* Размещение социалистической промышленности. М., 1962, стр. 7).

[1] Представление о том, что всеобщие и общие законы образуют якобы некий самостоятельный раздел политической экономии, выте-

Исследование диалектического единства законов политической экономии выдвигает проблему объективной взаимосвязи и соподчиненности (субординации) законов политической экономии в единой системе.

Из самой сущности законов политической экономии вытекает, что характер их системы целиком определяется характером строя отношений производства. А так как последний есть выражение диалектики производительных сил и производственных отношений, то именно в ней и коренится характер системы законов политической экономии. При этом, однако же, производительные силы выражаются в законах экономики не непосредственно, а опосредствованно тем, что они определяют характер и развитие системы отношений производства, а уже последние непосредственно, как таковые, и выражаются в законах экономики.

кает именно из разрыва единства всеобщих и общих и специфических законов, ведущего к противопоставлению тех и других, к преувеличению абсолютизации общих законов. Но как раз буржуазная политическая экономия неизменно старается выдать специфические законы буржуазного производства за всеобщие законы. Бастиа, например, писал: «Экономические законы действуют одинаковым образом, идет ли речь о совокупности многих людей, о двух индивидуумах или даже об одном человеке, вынужденном обстоятельствами жить изолированно. Индивидуум, если бы он мог жить некоторое время изолированно, был бы в одно и то же время капиталистом, предпринимателем, рабочим-производителем и потребителем. Вся экономическая эволюция совершалась бы в нем. Наблюдая каждый составной элемент: потребность, усилие, удовлетворение, даровую полезность и полезность, сто́ящую труда, он мог бы составить себе понятие обо всем механизме в целом, хотя бы последний и был сведен к его наипростейшему выражению» (*Fr. Bastiat.* Harmonies Économiques. Paris, 1850, p. 254).

Так было в XIX в. Та же история повторяется и в наше время. «Большинство основных экономических законов касается общественной экономики, как таковой, независимо от ее институционной структуры» (*G. Halm.* Economic Systems. A Comparative Analysis. N. Y., Toronto, 1951, p. 311). «Основные экономические принципы, действующие в капиталистической экономике, действуют также и во всех других типах экономической организации...» (*W. Loucks.* Comparative Economic Systems. N. Y., 1957, p. 7). Заметим также, что столь модные ныне буржуазные эконометрические построения исходят из той же идеи всеобщности законов буржуазной экономии.

Следует отметить, что изнанкой абсолютизации исторически специфических законов является концепция противопоставления законов политической экономии как только якобы специфически исторических законов всеобщим и общеисторическим. Эту концепцию развивал, в частности, Бухарин.

Отсюда следует, что основу системы законов политической экономии образуют состав и взаимосвязи отношений производства исторически определенного способа производства.

Иными словами, вопрос о системе законов политической экономии — это прежде всего вопрос о сущности совокупности общественных производственных отношений на каждой исторически определенной их ступени, о закономерных взаимосвязях всех сторон экономики и развитии этих взаимосвязей, возникновении, изменении, смене другими взаимосвязями [1].

Естественно, раскрытие каждого отдельного закона, взятого самого по себе, имеет самостоятельное научное значение. Однако, во-первых, вне системы законов не может быть полностью раскрыто содержание и тем более действие каждого отдельного закона. Во-вторых, не могут быть раскрыты многие существенные законы, ибо только при установлении закономерностей, т. е. объективно существующей системы взаимосвязей законов, можно вообще выявить все существенные звенья такой взаимосвязи.

Отсюда то решающее значение, какое марксизм-ленинизм придает тому, чтобы отдельные стороны экономических отношений рассматривать в их общей связи как неотъемлемые, необходимые элементы единой системы общественного способа производства, как проявление коренных его черт.

Итак, система экономических законов политической экономии должна охватывать всю совокупность узловых, существенных ее законов в их взаимной связи.

Взаимная связь законов в их системе, как уже отмечалось, не является простой координацией, простым всеобщим взаимодействием. Между экономическими законами как элементами их единой диалектической системы, если использовать определение Энгельсом взаимосвязей форм мышления, существует «отношение субординации, а не координации». Субординация законов политической экономии, обусловленная субординацией производственных отношений, отражает в конечном счете главное,

---

[1] Ленин специально указывал на значение стремления науки «к целостному пониманию общественного механизма», задачи «исследовать социальные законы и сводить их в цельную систему» (См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 149).

основное в характере взаимодействия последних, сущность их взаимодействия в процессе движения всей экономики в целом. Разумеется, взаимодействие и в ее рамках — соподчиненность законов — не заключается в том, что одни экономические законы действуют через другие, что одни законы есть некие подсобные формы реализации других. Как уже отмечалось, каждый закон политической экономии имеет свою собственную область действия, свое производственное отношение, законом движения которого он и является, осуществляясь и действуя в неразрывном единстве со всеми другими законами, свойственными всей совокупности, всему миру отношений производства.

Однако связь различных отношений производства с сущностью данного строя экономических отношений различна. Одни из них — это отношения, образующие самые глубинные основы сущности данного экономического строя и поэтому обладающие в его рамках самым всеобщим характером. Другие образуют лишь те отдельные стороны экономического строя, которым свойственно относительно ограниченное значение [1].

Поэтому при взаимосвязях экономических отношений в их совокупности, присущей данному строю, каждая форма отношений развертывается не только в единстве с более глубинными отношениями, но и в рамках и на основе специфически исторического качества всего строя отношений, который определен этими глубинными отношениями.

Эта структура производственных отношений — «несущая конструкция» сущности экономического строя и представляет собой вместе с тем структуру взаимодействия и соподчиненности, или, иными словами, систему законов политической экономии. Каждый ее закон как особая, объективная форма экономической связи действует в своей особой сфере. Но действие это связано, взаимосвязано с действием всех других законов, причем

---

[1] Наиболее глубинные отношения строя производства формируют его «качество», определенность, устойчивую его определенность, т. е. тот характер, без которого он уже не является самим собой. «*Качество,* — по определению Гегеля, — есть в первую очередь тождественная с бытием определенность, так что нечто перестает быть тем, что оно есть, когда оно теряет свое качество» (*Гегель.* Соч., т. 1, стр. 145).

таким образом, что каждый данный закон выражает данную экономическую связь, протекающую в рамках и на основе качественно более глубоких связей данного строя отношений и выражающих эти связи законов.

Характер субординации законов в их системе, естественно, неразрывно связан с вопросом об основном экономическом отношении и основном экономическом законе. Если в системе экономических отношений имеются отношения, различным образом относящиеся к сущности данного строя производства, образующие и выражающие более или менее глубинные, всеобщие, определяющие моменты этой сущности, то в ней наличествует и основное производственное отношение. Следовательно, в системе законов политической экономии необходимо действует и закон, выражающий это отношение, т. е. основной закон — экономический закон движения данного способа производства в целом.

Действительно, диалектическое единство отношений производства предполагает ведущую, определяющую роль известного глубинного отношения в их системе, иными словами, оно предполагает наличие отношения, образующего важнейший, центральный, конституирующий момент, всеобщую исходную и поэтому самую общую специфическую связь данного способа производства. Такая связь заключается в отношениях собственности на средства производства. В ней состоит самое глубокое, конституирующее, исходное и поэтому всеобщее экономическое отношение данного строя производства.

Решающими факторами развития общественного производства и воспроизводства материальных условий жизни общества являются его производительные силы. Поэтому отношение между людьми — главной производительной силой — по поводу средств производства, т. е. вещных элементов производительных сил, — отношение собственности на орудия труда и другие средства производства — и представляет собой глубинное, решающее отношение производства.

Каковы отношения собственности на средства производства, таков и строй производства. Поэтому собственность на средства производства в системе производственных отношений можно рассматривать как основное производственное отношение. Имея в виду буржуазную

собственность на средства производства при капиталистическом способе производства, Маркс писал, что капитал «образует его господствующую категорию, его определяющее производственное отношение» [1].

Поскольку отношения собственности на средства производства образуют основное отношение производства, то и закон, выражающий его сущность, выступает как основной закон в категорическом смысле этого слова. Применительно, скажем, к капиталистическому способу производства, где основное производственное отношение — это отношение капиталистической собственности на средства производства, капитал, законом отношений капиталистической собственности в капиталистическом производстве и присвоении является закон производства и присвоения прибавочной стоимости. Этот закон и представляет собой основной экономический закон капиталистического способа производства.

Применительно к социализму, где основное производственное отношение — общественная, всенародная собственность на средства производства, закон этих отношений — необходимость на основе общественной собственности в непосредственно общественном производстве и присвоении общественного продукта (при социально-экономических различиях между участниками этих процессов) — и образует собой основной экономический закон социализма.

Иными словами, основной закон в системе законов политической экономии выражает сущность основного производственного отношения данного способа производства — отношения между людьми по поводу средств производства, отношение собственности на них, представляющее собой ведущую связь производства и присвоения, протекающих на основе данной формы собственности на средства производства. Это и есть *«экономический закон движения»,* или, как еще иначе называл его Маркс, «естественный закон развития» каждого данного способа производства.

Разумеется, законы экономики, среди них и законы политической экономии, в качестве законов экономической действительности представляют собой не законы покоя, а законы развития, движения. Они отражают

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. 2, стр. 394.

тот или иной его момент. Однако же когда мы говорим об основном (в категорическом смысле слова) законе как экономическом законе движения, то имеется в виду не закон, выражающий ту или иную отдельную его форму или момент, а закон, выражающий главное направление развития данного способа производства, его источник, основной импульс самодвижения.

Не следует ли отсюда, что существует некое отношение производства, выражающее все главные моменты сущности способа производства, и соответственно экономический закон, отражающий все главные связи этого отношения производства? Вопрос о категории основного экономического закона в нашей литературе часто истолковывается именно таким образом. Однако методологическая несостоятельность такого истолкования очевидна.

Сущность вообще, сущность экономического строя многогранна. Именно поэтому марксистская материалистическая диалектика не сводит сущности, охватывающей многообразие глубинных объективных связей, формирующих данное качество, лишь к какой-либо одной, единственной, хотя бы и ведущей, определяющей связи и выражающему ее закону (что не исключает, разумеется, признания конституирующего значения такой ведущей, основной связи и ее закона). В. И. Ленин подчеркивал существование «важнейших и основных законов» [1]. Вместе с тем он указывал на значение борьбы с абсолютированием понятия закона, с его упрощением, фетишизированием [2]. К законам, выражающим сущность капитализма, относится прежде всего закон прибавочной стоимости — определяющий в системе экономических законов капитализма. Но к законам, выражающим его сущность, относится и всеобщий закон капиталистического накопления, и закон стоимости рабочей силы и т. д.

Система законов, выражающих сущность, характер капиталистических производственных отношений, разумеется, представляет собой *диалектическое единство, в котором ведущая, решающая роль принадлежит закону прибавочной стоимости.* Но при этом сущность капита-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 277.

[2] См. Ленинский сборник IX, стр. 145.

листического способа производства характеризуется именно совокупностью его производственных отношений. И поэтому при всей важности и, более того, ведущей, основной роли закона прибавочной стоимости эти отношения выражаются не только одним законом, а целой их совокупностью.

Положение об основном законе как законе, определяющем все главные стороны и процессы данного способа производства, содержит и логическое противоречие. Каждый *данный* процесс, *данная* сторона способа производства потому и выступают таковыми, что характеризуются определенной качественной особенностью и заключают в себе свойственные только им законы. Но именно в силу этого и не может быть одного закона, который определяет *все* главные процессы. С другой стороны, целый ряд законов *распространяет* свое действие не на один какой-либо процесс, а на многие процессы или даже на все процессы[1]. К ним относятся законы стоимости, конкуренции, прибавочной стоимости, закон капиталистического накопления и т. д. Например, закон прибавочной стоимости не определяет стоимости рабочей силы; она определяется законом стоимости рабочей силы. Вместе с тем очевидно, что на процесс образования стоимости рабочей силы распространяет свое влияние и закон прибавочной стоимости, без учета действия которого этот процесс понять нельзя.

Тот факт, что основоположники марксизма, всесторонне раскрывшие центральное значение закона прибавочной стоимости в экономической системе марксизма, тем не менее не применили к нему определение «основной закон», хотя и использовали этот термин в некоторых случаях, объясняется, на наш взгляд, специфичностью вкладывавшегося в него содержания. Этим термином они обозначали широту сферы действия закона, распространенность его влияния на многие процессы данного строя экономики, но отнюдь не использовали его для характеристики решающего закона, отражения им определяющего отношения производства, т. е. для

---

[1] Поэтому они выступают как важнейшие, или (как иногда называли их классики марксизма) основные, в широком смысле этого слова.

характеристики закона движения формации[1]. Все это говорит о том, что расширительная трактовка основного экономического закона методологически не обоснована. Однако неправомерность введения экономической категории основного закона как закона, определяющего все главные стороны данного способа производства, тем не менее не снимает проблемы субординации коренных отношений данного способа производства и выражающих их законов, вопрос об основном производственном отношении и выражающем его законе как главном, основном законе в системе законов, т. е. об экономическом законе движения формации[2].

Закон, выражающий отношения собственности на средства производства, и выступает как ведущий экономический закон, основной закон в категорическом

---

[1] Действительно, Маркс категорию «основной закон» употребляет лишь мимоходом и применительно к закону стоимости. Так, в работе «К критике политической экономии» Маркс писал, что Б. Франклин сформулировал закон стоимости — «основной закон современной политической экономии» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 42). Рикардо, указывал Маркс, представляет «всю буржуазную экономическую систему как подчиненную одному основному закону» — закону стоимости (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. 2, стр. 182). Точно так же Энгельс в «Анти-Дюринге» называл закон стоимости основным законом товарного производства (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 324). Указывая, что Маркс в прибавочной стоимости открыл факт, который призван был произвести переворот во всей теоретической экономии и дал ключ к пониманию капиталистического производства, Энгельс тем не менее не говорил о законе прибавочной стоимости как основном законе. Более того, в «Анти-Дюринге» он, обстоятельно исследовав (как известно, в непосредственном сотрудничестве с Марксом) вопрос об основном противоречии капитализма, ни словом не обмолвился об основном законе капитализма. Ленин указывал, что «порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 315). Однако он нигде не относит понятие «основной закон» к закону прибавочной стоимости.

[2] На наш взгляд, Л. Леонтьев оказался в элементарном противоречии с требованием диалектико-материалистического монизма в анализе системы законов, фактически отрицая категорию основного экономического закона формации как закона ее движения на том основании, что Маркс не называл закон прибавочной стоимости основным законом (см. *Л. Леонтьев*. Отголоски старого и требования жизни. — «Экономическая газета», 1961, № 16, стр. 9). Однако же, как мы видели, Маркс, Энгельс и Ленин придавали термину «основной закон» широкий смысл, относя к основным законам законы, действия которых распространялись на многие существенные процессы каждого данного экономического строя. Вместе с тем они всегда выделяли

смысле этого слова. Он является основным потому, что выражает связь основного производственного отношения, в границах и на основе которого складываются и развертываются остальные отношения производства, и, следовательно, потому, что в рамках действий этого закона, во взаимосвязи с ним, и в определяющей зависимости от них действуют и остальные экономические законы каждого данного способа производства. Но тем самым закон движения есть выражение связи, в процессе которой развертываются наиболее глубинные противоречия, свойственные данному способу производства, представляет собой закон, отражающий борьбу главных, решающих внутренних его противоположностей. Поэтому экономический закон движения и есть закон глубинных, определяющих источников самодвижения, развития способа производства.

Основному отношению производства на каждой исторически определенной ступени развития свойственны собственные внутренние противоположности и противоречия, отраженные и выраженные в характере или форме его сущностной связи, в экономическом законе движения данного способа производства. Например, капиталистический способ производства в качестве основного производственного отношения предполагает отношение монополии капиталистов на средства производства и лишение непосредственных производителей средств производства. Внутренняя противоположность этого основного отношения производства — противоположность рабочих и капиталистов; основное его противоречие (как узел многих противоречий) — противоречие между общественным характером производства и отношениями частной собственности. Закон движения капиталистического способа производства, отражающий это главное отношение производства и его противоречие, и есть закон капиталистической собственности, закон капитала, или закон прибавочной стоимости.

В системе законов исходное и конституирующее положение в субординации ее элементов занимает закон

определяющий, решающий экономический закон в системе законов как закон, выражающий основное, решающее производственное отношение и потому являющийся законом движения формации. Именно последний обозначается в современной марксистско-ленинской политической экономии как основной закон в категорическом смысле этого слова.

движения. Но сама «структура» субординации отражает не некие раз навсегда данные, застывшие связи отношений производства, а связи развивающиеся, т. е. становящиеся, проявляющиеся, созревающие и отмирающие в процессе непрерывного движения общественного производства. Таким образом, система законов политической экономии подвижна, изменчива, относительна, релятивна, гибка. Именно в ее исследовании прежде всего следует помнить указание Ленина о том, что «Маркс *применил* диалектику Гегеля в ее рациональной форме к политической экономии» [1].

Но при всей подвижности, развитии субординации отношений производства и их законов, этот процесс определяется, *во-первых,* главенствующей ролью закона собственности на средства производства — основного закона в общей системе законов; *во-вторых,* объективной взаимосвязью, субординацией фаз воспроизводства при примате фазы производства (стало быть, развитие протекает в рамках этой общей взаимосвязи); *в-третьих,* тем, что в совокупности отношений производства в рамках каждой фазы воспроизводства субординация отдельных форм и законов, выражающих эти отношения, определяется самим их характером.

Процесс развития есть процесс развития от неразвитого, нерасчлененного бытия к всесторонне развитой действительности, и каждой ступени развития объективной экономической действительности отвечают специфические формы отношений производства и их законов. Законы политической экономии, выражая эти различные ступени развития действительности, находятся в сложной и развивающейся взаимоподчиненности.

Игнорирование этих сложных взаимозависимостей различных типов отношений и законов в пределах системы законов, их смешение могут привести к самым тяжелым последствиям подмены диалектического анализа ложной метафизикой, схоластикой [2].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 160.

К. Каутский справедливо писал: «Вместо ограничений и расчленений отдельной покоящейся вещи и ее определения Маркс стремился... к открытию движений» (предисловие К. Каутского к книге Л. Б. Будина «Теоретическая система Карла Маркса в свете новейшей критики». М., 1920, стр. 16).

[2] Маркс на примере классиков буржуазной политической экономии, в частности Рикардо, показал, во что превращается игнориро-

Только в системе законов, в совокупности их взаимодействий и проявлений каждый закон получает реальную жизнь как закон, выражающий закономерно всеобщее, существенное, основное в особенном и индивидуальном экономической жизни. Поэтому лишь при рассмотрении закона в системе экономических законов и реализуется известное марксистское диалектическое требование о конкретном анализе каждой конкретной ситуации [1].

Ни сущность закона, ни тем более его действия в данной конкретной экономической ситуации не могут быть исследованы с достаточной полнотой, если они анализируются изолированно, вне связи с совокупностью законов и их действий. Их абстрактная всеобщность обрастает связями и опосредствованиями реального существования в единстве со всем строем экономики, элементами которого они являются. Словом, только взятые в системе законов, каждый отдельный закон и его действия обнаруживают реализуемое ими единство всеобщего и особенного, отдельного индивидуального [2].

Рассмотрение основ системы законов политической экономии требует также выяснения вопроса о соотно-

---

вание сложных связей явлений и общих законов, т. е. законов сущности, попытка из последних прямо и непосредственно вывести первые. «Грубый эмпиризм, — писал он, — превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона или же чтобы хитроумно подогнать их под этот закон» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. 1, стр. 64).

[1] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 13.

Следует отметить, что философское основание значения целостной системы законов для развития действительного экономического процесса глубоко раскрыто Лениным. «Отдельное бытие (предмет, явление etc.), — писал он, — есть (лишь) **одна сторона** идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны **действительности**, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными (besonders für sich bestehende). *Лишь в их совокупности* (zusammen) и в их *отношении* (Beziehung) реализуется истина» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 178).

[2] Это единство, о котором Ленин применительно к формуле Гегеля писал: «Прекрасная формула: «Не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного» (все богатство особого и отдельного!)!! Thês bien!» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 90).

шении системы законов и *развития* системы отношений производства данного способа производства.

Очевидно, что по мере развития самой совокупности отношений производства соответственно изменяется и система законов. Вместе с возникновением новых форм производственных отношений законы, им отвечающие, входят в систему законов экономики; напротив, по мере отмирания тех или иных отношений исчезают из этой системы и соответствующие законы.

Но как же относится развитие каждой данной формы производственных отношений к закону, который ее выражает? Иными словами, развиваются ли сами законы политической экономии, представляющие собой законы движения и развития производственных отношений и выражающие эти развивающиеся отношения?

По этому вопросу в марксистской литературе (философской и экономической) сталкиваются два взгляда: один отвечает на этот вопрос положительно, другой — отрицательно [1].

---

[1] Так, К. В. Островитянов отмечал: «Возникнув на базе определенных производственных отношений, экономические законы управляют развитием этих отношений и в то же время сами развиваются, изменяются в результате качественных сдвигов, происходящих в производственных отношениях» (*К. В. Островитянов.* Использование экономических законов социализма в практике коммунистического строительства. — «Вопросы философии», 1955, № 4, стр. 3). «Изменяются не только явления, но сами законы», — писал Г. Глезерман (*Г. Глезерман.* О законах общественного развития, стр. 45). Поскольку изменяется сущность отношений, «должны изменяться также и объективные законы», — утверждал Г. Штракс (*Г. М. Штракс.* О развитии объективных законов. — «Вопросы философии», 1961, № 7, стр. 63).

Точку зрения «развития» законов поддерживает Л. Любошиц (см. *Л. Любошиц.* Общие и специфические экономические законы, стр. 71—72), авторы учебника «Политическая экономия. Коммунистический способ производства. М., Соцэкгиз, 1963.

Другую точку зрения развивает ряд философов. «Пока предмет остается этим предметом (процессом), он сохраняет свой тип внутренней взаимосвязи и присущую ему, характерную для него закономерность движения, сохраняет свое качество, — писал В. С. Библер (*В. С. Библер.* О системе категорий диалектической логики, стр. 112). «Объективные законы не могут изменяться или развиваться, они или постоянно действуют, или сменяются один другим», — отмечал В. П. Тугаринов (*В. П. Тугаринов.* Законы объективного мира, их познание и использование. ЛГУ, 1954, стр. 76). Промежуточную позицию занимает Б. С. Украинцев, полагающий, что сущность законов диалектики всегда одинакова, но меняется со-

В защиту точки зрения развития законов политической экономии приводится обычно два основных довода: во-первых, развитие самого производственного отношения, сущностную форму которого представляет закон; во-вторых, изменения в формах действия закона, неизбежные с развитием отношения производства, которое он выражает.

Первый довод заслуживает рассмотрения [1]. В самом деле, каждое данное производственное отношение развивается. Его развитие в рамках данного качества есть созревание свойственных ему черт, расширение сферы действий, бóльшая интенсивность осуществления и т. д. Но при этом, однако же, оно продолжает пребывать отношением данного типа, качества. Именно это и выражается в сущностной его форме, т. е. в данном законе. Если бы развитие привело к изменению сущности отношения, то оно бы уже перестало быть самим собой, изменилось, превратившись в отношение иного качества. Соответственно качественно изменилась бы его сущностная форма: она стала бы другой, другим законом. Именно в силу того что экономический закон выражает глубинную, устойчивую сущность отношений, данное его качество, он на всем протяжении развития отношения в рамках данного качества выражает именно данную его сущность. Но это означает, что сам закон не развивается, т. е. качественно не изменяется, хотя, разумеется, его действия многообразно меняют свой характер, отражая развитие данного отношения и их системы.

Иными словами, общественные законы подобно законам природы, пока они существуют, как таковые, не изменяют своей сущности в отличие от изменения форм их действия [2].

держание и форма их действия (см. *Б. С. Украинцев, А. С. Ковальчук, В. П. Чертков.* Диалектика перерастания социализма в коммунизм. М., 1963, стр. 18).

[1] Нетрудно видеть, что второй довод не имеет отношения к рассматриваемому вопросу. Изменение форм действия закона еще ничего не говорит ни в пользу, ни против тезиса о «развитии» сущности закона.

[2] Не случайно, что именно в связи с рассмотрением соотношения общественных законов и форм их проявления Маркс сослался как на образец, раскрывающий это соотношение, на соотношение законов природы и форм их проявления. «Законы природы, — писал он, — вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости

Действительно, сам процесс развития заключается не в количественных изменениях, которые лишь подготовляют условия развития, а в переходе одного качества в другое, в смене качеств. Но смена качеств и есть смена законов. Закон есть структура качества, и переход от закона к закону есть сам процесс развития.

Из того, что каждый закон политической экономии на всех стадиях развития производственного отношения, сущностной формой которого он является, остается именно данным законом; что развивается не он в качестве закона, а формы его действия, проявления; что процесс развития, поскольку он состоит не в развитии каждого данного закона, а в смене одного закона другим, вытекает важный для анализа системы законов вывод: в этой постоянно развивающейся системе следует исследовать взаимосвязи старых и новых специфических законов, а в совокупности действий системы законов учитывать как изменяющиеся формы проявления, действий этих старых законов, так и действия законов, вновь возникших, а также взаимодействия тех и других.

Научное, диалектико-материалистическое решение проблемы экономических законов марксистской политической экономией сталкивается с вульгарным, экзотерическим, идеалистическим по своим основам истолкованием ее различными школами буржуазной политической экономии.

от исторически различных состояний общества, может лишь *форма,* в которой эти законы прокладывают себе путь» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 461).

Иногда, защищая тезис о «развитии закона», ссылаются на то, будто бы Маркс и Энгельс поддерживали его. Действительно, Маркс отмечал *«специфическое* развитие, которое претерпевает закон стоимости с возникновением капитала» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. 1, стр. 63). Энгельс писал о том, что «экономические законы товарного производства *видоизменяются* на различных ступенях развития этой формы производства» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 175; курсив наш. — *Я. К.*). Однако нетрудно убедиться, что, говоря о «специфическом развитии», «видоизменении» закона стоимости, законов товарного производства, Маркс и Энгельс подразумевали под этим изменение не сущности законов, а формы их действия. Это следует хотя бы из того, что для *всех* этапов развития товарного производства для Маркса и Энгельса закон стоимости — это закон, определяющий стоимость товаров массой абстрактного труда, общественно необходимым рабочим временем, затраченным на их производство.

Разные школы буржуазной политической экономии весьма различным образом трактуют проблему экономических законов. Но во всем этом многообразии можно выделить две основные позиции: либо идеалистически-психологическое истолкование природы законов экономики и в их составе законов политической экономии, либо идеалистически-волюнтаристское отрицание законов экономической жизни.

Субъективное направление буржуазной экономической науки (в самых разных ее ответвлениях австрийская школа, математическая разновидность субъективной школы — Парето, Джевонс, Вальрас и т. д.) исходит из того, что законы экономии — это законы психологии homo oeconomicus, т. е. законы поведения человека вообще, поставленного в условия равной и безграничной конкуренции на основах частной собственности. Для него это не законы экономических отношений, т. е. социальных отношений между людьми в общественном процессе производства и по поводу его осуществления, а законы индивидуальных отношений человека к вещи и механического скрещивания этих отношений. Индивидуальная психология человека, коренящаяся, так сказать, в его изначально данной природе, — такова основа законов экономии или, точнее, экономического поведения [1].

В данной интерпретации экономические законы — это не законы объективных, материальных отношений производства, а субъективные законы индивидуальной психики человека в ее столкновении с вещным миром производства. Они выражают не реальные отношения производства в процессе необходимого воздействия человека на природу, а представляют собой законы психологической оценки субъективной полезности запаса редких вещей, сравнения психологических неприятностей, с которыми связано их получение, с полезностью, т. е. с удовольствием от их приобретения, и т. п. Законы экономики — это законы субъективных, психологических мотивов действий людей в мире вещей. Сама же экономика — сфера психологического отношения человека к объективному миру присваиваемых им для потребления вещей и их сравнительной психологической оценки. Поэтому законы по их характеру не социальные законы, а законы индивидуальных отношений, относящиеся не к народнохозяйственным явлениям, а к сфере деятельности неких частных, изолированных, обособленных производителей [2].

---

[1] «Экономические законы... — это такие социальные законы, которые действуют в сфере поведения, где сила мотивов главным образом может быть измерена деньгами» (*А. Маршалл.* Основы политической экономии. Цит. по: сб. «Предмет и метод». Л., 1925, стр. 200).

[2] «Социальные законы», исследование которых составляет задачу политической экономии, — писал Бем-Баверк, — являются результатом согласующихся между собой действий индивидуумов. Согласие в действиях является в свою очередь результатом игры согласующихся между собой мотивов... А раз это так, то не подлежит никакому сомнению, что при объяснении социальных законов необходимо добираться до движущих мотивов, которыми определяются действия индивидуумов, или принимать эти мотивы за исходный пункт...» (*Е. Бем-Баверк.* Основы теории ценности хозяйственных благ. Л., 1929, стр. 106).

Отсюда абстрактнодедуктивная методология формальнологических отвлечений и упрощений и последовательного проведения индивидуалистической точки зрения на экономические процессы, легко перерастающая в точку зрения примата потребления, или, говоря словами Маршалла, примата «потребительных эмоций».

Таким образом, субъективная школа, построив свою концепцию законов экономики как законов психологии индивида в его отношении к вещи, в сущности создала систему, являющуюся извращенным преломлением реальных отношений и реальных законов в зеркале субъективного восприятия капиталистического производителя поверхности конкурентных экономических явлений, определяющих его судьбы. Законы субъективных школ политической экономии — это лишь мнимые законы, элементы мнимой системы [1].

Однако даже признание системы мнимых законов, в той или другой мере характерное для субъективистских направлений вульгарной буржуазной экономии, не разделяется исторической школой, которая вообще принципиально отвергает анализ экономических законов.

Отвергая теорию «homo oeconomicus», игнорируя превалирующее значение экономических мотивов в поведении человека в сфере хозяйства, которая вообще не отделяется от сферы права, культуры, государства и рассматривается в качестве элемента пестрого конгломерата разных социальных явлений, историческая школа в сущности подменяет законы экономики эмпирическим описанием сплетения экономических фактов с другими фактами социальной жизни. Максимальное обобщение для нее — это эмпирически-статистические «законы». Таким образом, историческая школа объективные законы низводит до внешне эмпирически классифицируемых гетерогенных связей социальной жизни, в которых содержится в большей или меньшей мере экономический элемент.

Обе основные концепции законов политической экономии — субъективной и исторической школ — продолжают свою жизнь и в современной буржуазной экономии при крайней пестроте, разумеется, в рамках этих двух концепций конкретных взглядов, развиваемых многочисленными ее школами и школками. Но наибольшее распространение, однако, получило общее негативное отношение к законам политической экономии, взращенное на неокантианской методологической основе, так или иначе сочетающееся с идеализмом и волюнтаризмом идеалистической философии.

Так, неокантианская школа (Риккерт, Виндельбанд) противопоставляет якобы идеографическую сущность исторических наук номо-

[1] Р. Гильфердинг основную черту австрийской школы правильно усматривал в том, что она «пытается дать теорию экономических явлений, исключая самую экономику из своего поля зрения. Вместо экономического, общественного отношения она избирает исходным пунктом своей системы индивидуальное отношение между человеком и вещами. Она рассматривает это отношение с психологической точки зрения, как подчиненное естественным неизменным законам. В ней не находят себе места производственные отношения в их общественной определенности, точно так же как ей чужда мысль о закономерно складывающемся развитии экономических явлений. Эта экономическая теория означает отрицание экономики...» (*Р. Гильфердинг.* Бем-Баверк как критик Маркса. М., 1923, стр. 74).

графизму естественных наук, выбросив за борт законы общественного процесса. По мнению ее приверженцев, если естествознание изучает законы, то обществоведение лишь описывает и классифицирует общественные явления. А так как эти явления будто бы индивидуальны и неповторимы, в чем и состоит их природа как общественных процессов, их классификация возможна лишь с точки зрения телеологической, этической оценки явлений, отбора их как неких общих человеческих ценностей. Таким образом, каузальной точке зрения неокантианство противопоставляет телеологическую, отбор и классификацию явлений с точки зрения долженствования, их этико-культурной ценности.

Этот антикаузальный, телеологический подход вполне соответствует волюнтаризму современной буржуазной политической экономии, которая в преобладающей части проводит идеи развития экономических отношений согласно произвольному усмотрению общества, действий монополий и государства и т. д.

Идет ли речь о процессах, именуемых буржуазной экономией как макроэкономические, т. е. о связях народнохозяйственных элементов, о факторах «равновесия» (теория цикла), факторах «роста» («теория роста», «теория динамики»), о регулировании экономических процессов государством и т. д., или о процессах «микроэкономических», т. е. о связях внутри отдельных хозяйственных комплексов (предприятий, объединений), факторах состояния отдельных рынков и т. п., буржуазная экономия в конечном счете волюнтаристски трактует подоплеку всех этих процессов, усматривая в них в конечном счете произвольное сплетение разнородных социально-экономических факторов, возможность произвольного определения экономического движения регулирующей волей монополий и государства [1].

Из телеологизма и волюнтаризма буржуазной политической экономии и вытекает, что экономические законы, которые она выводит, являются «условными» законами, так сказать, мыслимыми связями в мыслимых обстоятельствах. Ее законы — это законы, не дающие однозначных связей, а отражающие лишь точку зрения исследователя и т. п. [2]

---

[1] Отрицание объективных экономических законов, которое стало, как отмечал И. Г. Блюмин, типичным для современной буржуазной политической экономии, «в современных условиях неразрывно связано прежде всего с идеей «регулируемого капитализма», с признанием того, «что общество может произвольно выбирать пути своего дальнейшего развития в самых различных направлениях» (*И. Г. Блюмин.* Кризис современной буржуазной политической экономии. М., 1959, стр. 95).

[2] См. *Э. Жамс.* История экономической мысли XX в. М., 1959, стр. 287—289. Распространенность идеалистического инструментализма, субъективизма в трактовке законов Э. Жамс специально подчеркивает; эти концепции и ныне разделяются почти единодушно: «Современный экономист не считает более свою теорию единственно правильно, он видит в ней лишь один из методов анализа, ценность которого заключается не в степени соответствия реальным фактам, а в степени связности и удобства пользования им. Речь идет о том, чтобы знать, приготовили ли tool-makers инструменты, которые впоследствии смогут удобно использовать tool-users...» (tool-makers — люди, изготовляющие инструменты, tool-users — люди, их исполь-

Направления буржуазной политической экономии, не отрицающие законов экономики, в сущности лишь внешне расходятся со школами, которые прямо или в конечном счете отказываются от признания закономерности экономических процессов.

Так, Кейнс, например, провозглашая объектом своих исследований законы экономии, трактует их, однако, подобно старым субъективным школам в качестве законов психологии. Разница лишь в том, что Кейнс и кейнсианство отбрасывают исходные посылки субъективных школ (свободную конкуренцию, индивидуальное отношение человека и вещи, абстракцию homo oeconomicus и т. п.) и заменяют их посылками, извлекаемыми из некой раз навсегда данной социальной экономической психологии. Ее и выражают так называемые основные экономические законы Кейнса (закон изменения склонности к потреблению с ростом дохода; закон предельной эффективности капитала, зиждящийся на сочетании воли, доверия и недоверия, настроений капиталистов; закон предпочтения ликвидности и т. п.), выводимые им из человеческой природы вообще. В конечном счете дело сводится к тому или иному оперированию законами человеческой психики как фактора, якобы определяющего развитие экономики. И поэтому, строго говоря, «признание» экономических законов кейнсианцами стóит отвержения их иными школами буржуазной экономии.

Следует подчеркнуть, что Шумпетер, объявив наличие некой всеобщей «экономической логики поведения», которая якобы действительна для капитализма, равно как и социализма, и которую он усмотрел в теории предельной полезности, равным образом сводит экономику к законам субъективной психологии.

Ныне весьма модный немецкий буржуазный теоретик так называемого социально-рыночного хозяйства Эйкен, также отрицающий исторический характер экономических законов, вводя понятия абстрактно существующих идеальных типов хозяйства — свободного рыночного хозяйства и центрально управляемого хозяйства, в их функционировании, в том или ином содержании их элементов в реальном хозяйстве усматривает волюнтаристские начала и действие неких «теоретических законов, не связанных с определенной эпохой», т. е. законов изначальной психологии человека.

Следует отметить, что имеют место и попытки соединения психологической интерпретации экономических законов с марксистским их пониманием [1]. Так, О. Ланге, указывая, что экономические стимулы, управляющие деятельностью людей, реакция на эти стимулы определяются отношениями производства, делает вывод, что в ре-

---

зующие) (там же, стр. 287—288). «Можно было бы подумать, что экономическая жизнь, так же как и природа, подчиняется непреодолимым законам... Однако подобные строгие закономерности найти невозможно, так как человек серьезнейшим образом влияет на ход хозяйства своими политическими, социальными и этическими воззрениями и оценками» (*H. Lampe.* Grundzüge der Volkswirtschaftslehre. Göttingen, 1957, S. 11).

[1] Разумеется, возможно лишь механическое смешение этих диаметрально противоположных концепций. В действительности содержание этого гибрида в конечном счете сводится к все той же субъективно-психологической концепции экономического закона.

зультате «возникают экономические законы, представляющие собой выражение существующих экономических стимулов и реакцию на них. Мы называем их законами человеческого поведения» (к этому автор добавляет: «по-английски их можно определить как «laws of behavior») [1].

На первый взгляд это кажется невинным словесным уточнением: законы, выражая экономические стимулы и реакцию на них, и есть законы человеческого поведения. На деле, однако, О. Ланге реальные экономические законы, законы объективного мира, объективные формы связей производства подменяет субъективными законами человеческого поведения. Правда, факторами этого поведения являются экономические стимулы. Но само поведение — это субъективная реакция на эти стимулы, которую О. Ланге недаром обозначает как «человеческое поведение» — сложный комплекс физических, идеологических, экономических и многих других действий.

Действительный же экономический закон — форма объективной связи в производстве, определяющая отнюдь не человеческое поведение вообще, а процесс отношений между людьми, процесс их отношений по производству. Заменяя эти действительные законы экономики законами поведения человека, О. Ланге по существу отходит от позиции материализма в политической экономии. Он не только заменяет ее позицией множественности факторов — материальных, идеологических, психологических и т. д., якобы определяющих экономический процесс, но и отождествляет первичные отношения базиса и отношения надстройки, что в конечном счете ведет к примату внеэкономических отношений.

Действительно, в системе законов экономии О. Ланге различает технико-балансовые законы производства, законы человеческого поведения и законы переплетения человеческих действий [2]. К этому он добавляет и законы воздействия надстройки. Таким образом, законы технико-балансовые, т. е. законы технические — отношения производителей к вещам, законы производительных сил не только вводятся в законы политической экономии, но и противополагаются экономическим законам «поведения людей» и «переплетение» их поведения. Но это означает, что материальная сущность отношений людей в производстве и по поводу производства исчезает. Вместе с ней исчезает и связь производственных отношений и производительных сил. Реальные экономические отношения заменяются законами некоего поведения людей вообще, которые уже определяются конгломератом идеологических, психологических и других факторов. Это вполне увязывается с используемым О. Ланге праксеологическим истолкованием законов экономики как законов рационального поведения вообще, т. е. как некоей всеобщей логики экономического поведения [3].

---

[1] *Oscar Lange.* Economia Polityczna, t. I, s. 58.

[2] Там же, стр. 58—60.

[3] П. Б. Струве различал хозяйственные категории как выражение отношения хозяйственного субъекта к внешнему миру; межхозяйственные — как выражение взаимодействия субъектов хозяйства; социальные — как отражение неравенства субъектов в их взаимодействии. Первый ряд категорий трактуется, по Струве, субъективно психологической школой (полезности и т. д.), второй — классической

* *
*

Итак, буржуазная послеклассическая вульгарная экономия в сущности полностью игнорирует реальные экономические законы. Ее главная сфера — иррациональная поверхность экономической действительности капитализма и мнимые волюнтаристско-субъективистские интерпретации последней. Методологически это заключает в себе лишь одно «преимущество» — позволяет свободно функционировать в области апологии монополистического капитализма. Когда же под давлением тех или иных практических потребностей буржуазная экономическая наука вынуждена трактовать реальные процессы, она отодвигает в сторону свою систему теоретических взглядов как бесполезный идеологический хлам, как доподлинную систему «теоретической» дезинформации о действительной экономической жизни. Но теории и в этом случае не «получается». Буржуазные экономисты довольствуются эмпирическими наблюдениями и более или менее приспособленными к запросам государственно-монополистического капитализма рецептами регулирования экономических явлений.

(обмен и т. д.), третий — марксистской (отношения производства). В этих трех аспектах и выступает единая хозяйственная жизнь. Эклектическая систематика Струве весьма близка к систематике законов Ланге.

глава **3**

ЗАКОНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Экономические законы, их сущность, система, формы действия — все это внутренне, неразрывно связано с противоречиями и их движением. Исследование противоречий, их движения и разрешения в самой сущности экономических отношений, в выражающих ее законах — одно из решающих методологических требований материалистической диалектики в ее применении к политической экономии. «Только в том случае, если вместо противоречащих друг другу догм рассматривать противоречащие друг другу факты и действительные противоречия, являющиеся скрытой подоплекой этих догм, только в этом случае политическую экономию можно превратить в положительную науку»[1], — писал К. Маркс.

В соответствии с материалистической диалектикой, в которой всякий закон, связь, отношение или процесс являются той или иной формой противоречий, для марксистской политической экономии всякое экономическое отношение представляет собой отношение различных, или, что то же самое, противоположных, сторон, стало быть, и отношение противоречия. В силу этого всякий экономический закон, как форма сущностной связи, образуемой отношением производства, является той или иной формой противоречия, его движения, равно как и всякое действие закона, в котором реализуется отношение, т. е. экономический процесс есть форма разрешения противоречия. И каким бы ни был отрыв противоречий от экономических отношений, законов, процессов, он означал бы отказ от раскрытия их действительного содержания, сущности и диалектики движения.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 145.

Принципиально проблема имманентности противоречий экономическим отношениям, их законам и всем формам реализующих их процессов совершенно ясна. Тем не менее в экономической и философской литературе она не получила необходимого освещения, особенно применительно к условиям экономики социализма. Причем в практике анализа экономических категорий социализма она либо вовсе забывается, либо ей отводится второстепенное, несущественное место.

Итак, всякий закон экономики, поскольку любая экономическая связь, отношение есть *связь, отношение противоположностей,* представляет собой форму *противоречивой связи, противоречивого отношения.* Иными словами, это означает, что экономический закон является формой движения экономического противоречия.

Выше мы рассматривали признаки, конституирующие в их совокупности (существенности, необходимости, всеобщности, устойчивости, повторяемости) категорию экономического закона как формы материальной каузальной связи. Совокупность признаков, однако, еще не полна без одного признака — закона как формы выражения и движения противоречия. Дело в том, что всякий экономический закон, выражая определенную, сущностную форму производственного отношения, является формой его движения. Но это означает, что он представляет собой ту форму, в которой внутренне взаимосвязанные противоположные стороны экономического отношения реально относятся между собой, т. е. совершают то движение, которым противоречие и разрешается [1].

Отсюда следует, что исследование экономического закона, раскрытие его действительного содержания необходимо включает в себя раскрытие тех противоположных сторон, внутренней, необходимой формой соотношения, связи которых он и является. Иными словами, следует выяснить не просто причинно-следственную, каузальную структуру закона, но раскрыть, какое именно конкретное противоречие реализуется в каузальной связи. В конечном счете это означает, что все экономические

---

[1] «Развитие... — писал К. Маркс, — не снимает... противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 113—114).

связи, отношения и выражающие их законы протекают в общих определяющих рамках закона единства и борьбы противоположностей как внутреннего источника движения.

Раскрытие «противоречия в *самой сущности предметов»*, т. е. рассмотрение развития как формы движения единства противоположностей, разделения единого на противоположности и взаимоотношений между ними [1], относится в полной мере к развитию общественных отношений вообще, а в их составе — к развитию общественных производственных отношений. Это элементарный вывод из применения законов диалектики к экономике, «экономической материи», к экономическому движению. Ленин, разрабатывая диалектико-материалистическую концепцию развития, характеризуя некоторые черты диалектики как более содержательное (чем обычно) учение о развитии, выделяет внутренние импульсы развития, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, процесс которого и образует закономерный мировой процесс движения [2].

Ленин полностью относил учение материалистической диалектики о противоречиях как источнике движения ко всем формам развития объективного мира, стало быть, и к формам и процессам общественного развития, свойственным *всем* историческим способам производства, в том числе и коммунистическому способу производства, обеим его фазам.

Этому монистическому материалистическому взгляду на внутренний источник движения экономики — подчас в различных формах — противопоставляются плюралистические концепции источников экономического самодвижения. Это проявляется, в частности, в отрыве закона единства и борьбы противоположностей от противоречия производительных сил и производственных отношений как источника саморазвития экономики [3].

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч. т. 29, стр. 227, 317.

[2] «Условие познания *всех* (курсив наш. — *Я. К.*) процессов мира в их *«самодвижении»*, в их спонтанейном развитии, в их живой жизни, — подчеркивал он, — есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317).

[3] «Принципиальную неточность... допускают, — утверждал, например, В. П. Чертков, — когда источник развития общества связывают лишь с действием закона единства и борьбы противополож-

Согласно этому взгляду, всеобщая форма экономических противоречий между производительными силами и производственными отношениями не является выражением действия закона единства и борьбы противоположностей, ибо это противоречия содержания и формы и в качестве таковых их нельзя рассматривать как «выражение» борьбы противоположностей. Но если бы они все же так и рассматривались, то и в этом случае источник самодвижения не сводился бы к борьбе противоположностей. Закон борьбы противоположностей — это лишь центральная, но не единственная сила самодвижения; она выражает единство и борьбу противоположностей в самой сущности предмета. Все же другие его стороны охватываются другими противоречиями (сущность — явление, форма — содержание, единичное — общее и т. д.), выражающими другие законы диалектики, а не борьбу противоположностей. Поэтому и развитие — самодвижение — не сводится к закону борьбы противоположностей, а представляет собой результат действия всех законов диалектики.

Однако правильно ли противоречие производительных сил и производственных отношений выводить за рамки закона единства и борьбы противоположностей именно потому, что здесь осуществляется соотношение формы и содержания, которое якобы регулируется иным законом — законом взаимосвязи формы и содержания?

Закон единства и борьбы противоположностей охватывает противоречия, внутренне свойственные объекту, раздваивающемуся на противоположные стороны. Можно ли полагать, что производственные отношения и производительные силы — форма и содержание — в определенном отношении не представляют собой двух внутренних противоположных сторон одного объекта?

Если бы это было так, то рассмотрение способа производства как единства двух сторон, образуемого двумя

ностей, в то время как основным противоречием общественного прогресса всегда было и есть противоречие между производительными силами общества как содержанием и его производственными отношениями как формой. И даже в том случае, когда противоречия содержания и формы рассматриваются как «выражение» борьбы противоположностей, все равно источник развития, как правило, сводится к действиям лишь одного закона» (*В. П. Чертков.* О некоторых вопросах теории диалектики. — «Вопросы философии», 1963, № 5, стр. 134).

внутренне едиными, но противоположными видами отношений — отношениями людей к природе (производительные силы) и отношениями между людьми по поводу и в процессе их отношений к природе (производственные отношения), было бы лишено всякого смысла. В действительности же это необходимые внутренние стороны единого объекта — способа производства, вне которых он не существует и не может существовать, причем та и другая стороны — реальные материальные отношения. Раздвоение единого способа материального производства на две его противоположные стороны, единство, взаимопроникновение и борьба этих сторон и есть всеобщая форма противоречий способа производства. Но тем самым она и является источником его самодвижения. Таким образом, тот факт, что в определенном объективном отношении производительные силы и производственные отношения соотносятся между собой как форма и содержание, подчиняясь соответственным законам, управляющим этим соотношением, ни в какой мере не исключает того, что те же производительные силы и производственные отношения в другом объективном отношении — как стороны способа производства, как единство двух видов взаимопроникающих отношений людей (к природе и друг к другу) — соотносятся между собой как внутренне противоположные стороны единого объекта, борьба которых и образует источник самодвижения способа производства, управляемый законом единства и борьбы противоположностей.

Таким образом, попытка вывести взаимосвязь и противоречие производительных сил и производственных отношений за рамки действий закона единства и борьбы противоположностей в конечном счете, как видим, основывается на зачеркивании сущности способа производства как единства двух видов отношений, его образующих.

Более того, в данной концепции неверно трактуется самое происхождение противоречий, свойственных всякому закону диалектики: они рассматриваются как противоречия сторон, которые, не являясь сторонами самой сущности, лежат за ее пределами и потому будто бы не регулируются законом единства и борьбы противоположностей.

В действительности же всегда, когда имеет место противоречие самой сущности или формы ее проявления, имеется и сущностное раздвоение единого и борьба противоположностей. И если соотношения формы и содержания, случайного и необходимого, единичного и общего и т. д. противоречивы, то лишь потому, что во всех этих связях с определенной, существенной стороны выражается сущностное раздвоение единого и борьба противоположных сторон. Например, форма и содержание противоречивы потому, что это определенные, сущностные стороны единства: форма содержательна, содержание оформлено; нет бескачественной, неоформленной сущности, так же как нет бессущностной формы. Аналогичные сущностные связи охватывают все парные категории (именно, строго говоря, поэтому они и выступают как парные).

Таким образом, рассматриваемая концепция неправомерно отрывает противоречие как форму действия закона единства и борьбы противоположностей от самого этого закона. Ведь противоречивость всякого закона как сущностной формы связи, отношения, движения и объясняется тем, что всякая подобная связь с определенной стороны является связью внутренне единых противоположных сторон сущности и поэтому необходимо управляется всеобщим диалектическим законом единства и борьбы противоположностей.

Глубочайший, коренной, конституирующий момент диалектической природы отношений действительности состоит именно в их противоречивости как единства противоположностей, в борьбе этих противоположностей в качестве источника движения, самодвижения любой формы действительности. «Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию, — писал Маркс, — составляют сущность диалектического движения» [1].

Единство и противоречия — неразрывные взаимопроникающие моменты сущности отношений действительности. Нет движения вне единства и борьбы противоположностей, т. е. вне противоречий, которыми единство характеризуется и которые образуют внутренний источник, импульс самодвижения. Именно это и выражается

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 136.

в «законе законов» материалистической диалектики, образующем ее ядро, — законе единства и борьбы противоположностей [1].

Некоторое распространение получило и положение о «коренном отличии» диалектики социалистического общества от диалектики антагонистических, досоциалистических обществ, которое истолковывается как различие форм действия законов диалектики, а в интересующей нас сфере служит для обоснования плюралистических взглядов на источники развития социалистической эко-

---

[1] Следует заметить, что выдвигавшиеся в некоторых научных дискуссиях последних лет предложения об «улучшении» формулы этого закона, о превращении его в закон «единства различий» являются выражением противопоставления единства и противоречий, в котором от диалектики мало что остается. В этой формуле категория различия рассматривается как отличная от категории противоположности, как характеристика состояния внутренних сторон предмета до перехода их в противоположности. «...Этапами развития противоречия, — писал, например, Г. Штракс, — являются различие (менее или более ярко выраженное, несущественное или существенное) и противоположность...» (*Г. М. Штракс.* Об особенностях противоречий общественного развития. — «Вопросы философии», 1962, № 7, стр. 32). Но если бы это было так, то невозможно было бы и движение, ибо реальное противоречие — это всегда единство и борьба только противоположностей. Отрыв различий от противоположностей представляет собой произвольное, недиалектическое понимание различий. Реально всякое различие, — это та или иная форма противоположности. Несущественное различие есть неразвитая противоположность, ее зародыш, начало; достигнув степени существенности, став существенным различием, оно тем самым и становится развитой противоположностью. Еще Аристотель квалифицировал противоположность в качестве «законченного различия» (Метафизика, стр. 70). Но более того, то, что само формирование противоположности есть процесс возвышения, развития различия до существенного различия, означает, что движение не может быть ограничено лишь низшей, неразвитой его формой, выражением неразвитых противоположностей (несущественных различий). Всякое развившееся движение есть форма развившихся противоположностей, т. е. развившихся противоречий. Иными словами, только тогда, когда различие есть существенное различие, или, что то же самое, противоположность, оно и образует источник развитого движения. «Мыслящий разум (ум) заостривает, — отмечал В. И. Ленин, — притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений до *существенного* различия, до *противоположности.* Лишь поднятые на вершину противоречия, разнообразия становятся подвижными... и живыми по отношению одного к другому, — приобретают ту негативность, которая является *внутренней пульсацией самодвижения и жизненности*» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 128).

номики, развенчания противоречий как единственного источника ее развития [1].

Но что обозначает «коренное отличие» диалектики одного общества от другого? Оно было бы реальным, если бы сущность диалектического движения, т. е. его законы, в условиях социализма стала иной. Но утверждают ли это сторонники данной концепции? Отнюдь нет. По их мнению, все законы диалектики — они твердо придерживаются этой позиции — имеют силу во всех обществах. Стало быть, положение о «коренном отличии» не имеет реального содержания. Тем очевиднее его служебная роль как «методологической предпосылки» того или иного умаления роли противоречий как источника развития в условиях социализма.

Согласно взглядам некоторых философов и экономистов, специфика социалистических экономических отношений будто бы в том и заключается, что они порождают иной внутренний источник движения и развития, чем разрешение противоречий; ими, стало быть, отвергается применимость одного из коренных, решающих положений материалистической диалектики к экономическим отношениям социализма. Это делается как в открытой, так и в несколько завуалированной форме.

Например, развивается тезис о том, что источником движения и развития экономики социализма являются не только противоречия, но и единство, гармония, общность людей, которым отводится первое место [2]. При этом противоречиям не только отводится второй план. По мнению ряда авторов, со временем они вообще обречены на исчезновение из сферы общественных отношений [3].

---

[1] См., например, *Б. С. Украинцев, А. С. Ковальчук, В. П. Чертков.* Диалектика перерастания социализма в коммунизм, стр. 13.

[2] «Наряду и в диалектическом единстве с силами противоречия в социалистическом обществе существуют, — писали В. Рожин и В. Тугаринов, — развиваются и движут это общество вперед силы гармонии, единства, общности людей во всех сферах жизни этого общества» (*В. П. Рожин* и *В. П. Тугаринов.* О противоречиях и движущих силах. — «Вопросы философии», 1957, № 3, стр. 136).

[3] «При социализме, в силу глубокого единства хозяйства, — утверждал, например, И. И. Кузьминов, — возникают новые движущие силы, которые суть силы единства, товарищеского объединения, содружества, а не борьбы и противоречий. Чем более развиваются силы этого рода, тем в большей степени противоречия из области

В результате реальная диалектическая взаимосвязь единства и противоречий как противоречивого единства, как «разделения единого на взаимоисключающие противоположности» (Ленин) подменяется разрывом, обособлением, с одной стороны, единства, с другой — противоречий. А реальное, диалектически противоречивое единство, включающее в себя противоречия в качестве внутреннего момента своей сущности, изображается на манер некоей метафизической категории, лишенной противоречий, — как единство, обретающееся где-то вне противоречий, наряду с ними. Противоречия соответственно из внутренних превращаются во внешние. В итоге самодвижение исчезает. И не случайно, что главным выводом здесь является отрицание внутренних противоречий общественных производственных отношений как движущих сил развития социалистического общества, причем в одном варианте — уже в настоящем (В. Рожин и В. Тугаринов), в другом — в будущем (И. Кузьминов) [1].

Отрицание роли источника движения за противоречием при этом подкрепляется еще и тем мотивом, что «не сами по себе противоречия двигают наше общество, а советский народ» [2]. Таким образом, объективные противоречия трактуются как нечто лежащее за пределами общественных отношений людей. В действительности же деятельность людей в сфере экономики реализует общественные производственные отношения, единству которых и имманентны противоречия, образующие внутренний источник движения, или самодвижения, развития этих отношений. Поэтому экономические противоречия и выступают как движущие силы экономического развития.

Существует и другая концепция развенчания противоречий как источника движения и развития, прямо про-

---

взаимоотношений людей переносятся в область взаимоотношений общества и природы» (сб. «Развитие экономической теории в свете решений XXII съезда КПСС». М., 1962, стр. 236).

[1] «...Нельзя признать правильным взгляд, — отмечали В. Рожин и В. Тугаринов, — возводящий противоречия в развитии социалистического общества в ранг движущих сил» (*В. П. Рожин* и *В. П. Тугаринов*. О противоречиях и движущих силах. — «Вопросы философии», 1957, № 3, стр. 138).

[2] *В. П. Рожин.* Марксистско-ленинская диалектика как философская наука. ЛГУ, 1957, стр. 57.

тивопоставляющая единство общества в качестве источника движения противоречиям [1].

При этом единство как источник движения абсолютизируется и хотя формально признается, что единство заключает в себе момент противоречий, но не в нем, этом действительном «корне движения» [2], усматривается источник движения, а в единстве в противовес противоречиям. Тем самым противоположности и противоречия исчезают, остается единство, но такое единство уже не реальная жизненная форма движения, а некий фиктивный образ, существующий лишь в качестве продукта голов сочинивших его теоретиков [3].

Противопоставление единства экономики социализма как источника движения ее противоречиям есть фактически концепция отвержения диалектической сущности движения, развития через раздвоение единого в борьбу противоположностей.

Следует отметить, что наряду с противопоставлением единства производственных отношений и способа

---

[1] «Соответствие (единство) производительных сил и производственных отношений при их диалектической противоречивости, — писал А. Соболев, — есть источник роста производства, его движущая сила» (*А. Соболев.* О противоречиях социалистического общества и путях их преодоления. — «Коммунист», 1958, № 2, стр. 30).

[2] «...Следовало бы признать, — писал Гегель, — противоречие более глубоким и более существенным. Ибо по сравнению с ним тождество есть лишь определение простого непосредственного, определение мертвенного бытия; *противоречие же есть корень всякого движения и жизненности;* лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью» *(Гегель.* Соч., т. V, стр. 520; курсив наш. — *Я. К.).* В. И. Ленин в конспекте «Науки логики» (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 125) специально подчеркнул этот тезис. Насколько же богаче, глубже и действительнее эта реальная концепция противоречивого самодвижения, чем схематические сочинения единства — тождества, получающего свое движение лишь по волшебству его авторов!

[3] Об этом методе трактовки единства в связи с анализом формальнологических концепций Милля в свое время исчерпывающе высказался Маркс. «Где экономическое отношение, — а значит и категории, его выражающие, — писал он, — заключает в себе противоположности, является противоречием и именно единством противоречий, он подчеркивает момент *единства* противоположностей и отрицает *противоположности.* Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 86).

производства в целом противоречиям как движущей силе экономического развития социалистического общества пропагандируется еще один — промежуточный — вариант данной концепции, согласно которому наряду с внутренним импульсом, источником, причиной саморазвития, образуемой борьбой противоположностей, противоречием, существуют еще и особые внутренние движущие силы прогресса. Таковыми в условиях социализма является единство социалистических производительных сил и социалистических производственных отношений [1]. Таким образом, социализм награждается, так сказать, двумя движущими силами: одна из них — противоречия как источник движения [2], другая — единство как сила, убыстряющая движение, и т. д.

Откуда же вытекает такого рода раздвоение движущих сил? Из особой формы единства в условиях социализма (напомним тезис о «коренном отличии диалектики» социализма). Оказывается, при социализме развертывание внутренних противоположностей — это не только расхождение их различий и борьба, но вместе с тем также «совпадение» тенденций развития внутренних различий, соответствие их развития. Применительно к способу производства это — все совершенствующееся, прогрессирующее соответствие производственных отно-

---

[1] Эта концепция принадлежит Б. С. Украинцеву. «Следует отличать, — писал он, — внутренний импульс саморазвития от внутренних движущих сил (факторов) прогресса. Внутренний импульс, источник саморазвития, является причиной прогресса. Внутренняя же движущая сила (внутренний фактор) прогресса представляет собой не причину, не источник самодвижения, а внутреннее благоприятствующее условие саморазвития. Внутренний фактор прогресса — своеобразный ускоритель саморазвития. По своей природе внутреннее благоприятствующее условие есть та дополнительная «сила», которая сама по себе не вызывает развития, а его убыстряет, делает всесторонним и полнокровным, вносит гармонию в процесс саморазвития»; «...единство социалистических производительных сил и социалистических производственных отношений содержит в себе постоянный фактор, движущую силу общественного прогресса. В этом главное отличие диалектического единства этих сторон способа производства при социализме от их единства при капитализме» (*Б. С. Украинцев, А. С. Ковальчук, В. П. Чертков.* Диалектика перерастания социализма в коммунизм, стр. 49, 114).

[2] Они именуются не движущей силой, но импульсом, источником самодвижения, хотя, правда, не очень-то ясно, почему источник самодвижения не есть «движущая сила». Какой же еще смысл может иметь это последнее понятие?

шений производительным силам[1]. Таким образом, «новое» при социализме оказывается в прекращении действия закона единства и борьбы противоположностей.

В самом деле, противоположности потому и находятся между собой в отношениях противоречий (борьбы), что они качественно различны и тенденции развития их различий расходятся, в силу чего они между собой и сталкиваются («борются»). Применительно, например, к социализму внутреннее расхождение противоположностей состоит в том, что прогрессирующим, новым производительным силам перестают отвечать те или иные формы производственных отношений, т. е. тенденции их развития не совпадают, а расходятся. Это противоречие, борьба и ведут к тому, что несоответствующие формы общественных отношений производства заменяются другими, новыми, отвечающими новым производительным силам, и т. д. Согласно же рассматриваемым взглядам, получается иначе: тенденции развития и производительных сил, и производственных отношений совпадают, а не расходятся, при этом одно менее совершенное соответствие заменяется лишь более и более совершенным. Противоречиям, как видим, места нет.

---

[1] *Б. С. Украинцев, А. С. Ковальчук, В. П. Чертков,* Диалектика перерастания социализма в коммунизм, стр. 41, 49. Б. С. Украинцев утверждает: «...новый характер диалектического единства различий... заключающийся в совпадении основных тенденций развития различных внутренних сторон, — *важнейшее* и *определяющее условие* нового характера противоречий при социализме» (стр. 55; курсив наш. — *Я. К.*). Та же по существу мысль выражается и другим автором в следующем положении, ясно показывающем, что она равносильна ликвидации развития: «Противоречия социалистического общества... преодолеваются на основе совершенствования *существующих* отношений в рамках *существующей качественной определенности*» (*И. М. Панюшев.* Особенности противоречий при социализме. — «Вопросы философии», 1964, № 11, стр. 165; курсив наш. — *Я. К.*).

В экономических работах развивается сходное этой концепции положение о якобы «устойчивом соответствии» производственных отношений производительным силам (см. «Курс политической экономии», т. II. М., 1963, стр. 187). Таким образом, реальная диалектика взаимосвязей производственных отношений и производительных сил, и при социализме заключающаяся в постоянном возникновении несоответствий известных сторон производственных отношений и развивающихся производительных сил и разрешении противоречий, благополучно заменена застывшим, лишенным движения «устойчивым соответствием», являющимся лишь парафразом сталинского тезиса о «полном соответствии».

Но так как, однако же, в данной концепции вместе с тем имеется в виду и несовместимое с этой тенденцией единство и борьба противоположностей, противоречия, то она в конце концов и выливается в дуалистическую модель движущих сил: движущей силы противоречия как источника, причины, импульса движения (общая основа движения), и движущей силы единства как совпадения тенденций развития различий, противоположностей (форма движения, сила, его ускоряющая, и т. д.).

Однако невозможно сочетать несочетаемое: либо есть реальная борьба противоположностей как источник движения, и тогда лишенной реальности фикцией является их единство в качестве совпадающих по тенденциям развития противоположностей; либо есть последнее, но тогда нет диалектического движения, нет, стало быть, развивающегося в реальных противоречиях социалистического способа производства.

Марксизм-ленинизм распространяет выводы материалистической диалектики о соотношении противоречий и движения, о противоречиях как источнике движения на общественные отношения, в том числе и на экономические отношения. «...Развитие противоречий известной исторической формы производства, — категорически формулировал эту коренную закономерность процесса экономического развития К. Маркс, — есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой» [1].

В трудах классиков марксизма — в наиболее полном и развитом виде в ленинских трудах — значение этих выводов выясняется применительно к мировому историческому процессу, к развитию во всех общественно-экономических формациях. В. И. Ленин не только развил положение о связи противоречий и движения на всех ступенях их исторического развития, но и, как известно, в полемике с Бухариным специально подчеркнул неизбежность противоречий при социализме, при отпадении их антагонистического характера [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 499.

[2] Бухарин отождествлял антагонизм, т. е. специфически историческую форму противоречий, с противоречиями вообще. По этому поводу В. И. Ленин отметил: «Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме» (Ленинский сборник XI, стр. 357). Следует отметить, что ленинское

Эти принципиальные положения и лежат в основе изучения специфического характера противоречий как источника движения в условиях социализма [1].

В соотношении категорий экономического закона и экономического противоречия существенное значение принадлежит характеру самого противоречия: сфере или степени его всеобщности, степени развитости, соотношению с другими противоречиями в общей их совокупности, его исторической специфичности. Строго говоря, классификация противоречий со всех этих сторон совершенно такая же, что и общественных отношений производства, внутренним свойством которых они и являются, и, следовательно, та же, что и законов, в форме которых сами противоречия и выступают. Это значит, что во всей системе экономических противоречий можно выделить наиболее общие противоречия, свойственные общим отношениям производства, прежде всего отношениям собственности на средства производства, присвоения его результатов — общественного продукта, и более частные, особые, такие, как противоречия отношений непосредственного производства (общественного разделения труда, кооперации труда), противоречия отношений распределения, обмена, потребления, и еще более частные формы противоречий внутри каждой данной совокупности отношений производства, относящиеся к отдельным их формам, моментам, сторонам, состояниям.

При этом по интенсивности и формам разрешения они проходят через ряд ступеней зрелости: складывающиеся, но еще не развитые противоречия; сложившиеся, интенсивные, но еще двигающие процесс развития вперед; резко обострившиеся и уже превращающиеся в помеху развитию или даже в его тормоз. И если на двух первых ступенях зрелости противоречий формой их

разграничение антагонизма и противоречий направлено и против Каутского, который также отождествлял их. См. *К. Каутский.* Материалистическое понимание истории, т. II. М.—Л., 1931, стр. 614, где, трактуя антагонистическую форму, Каутский расшифровывает: «...антагонистическую (т. е. основанную на противоречиях)».

[1] Здесь мы ограничимся данной методологической констатацией, но лишь с тем, однако, чтобы в рамках последующего анализа законов политической экономии социализма по возможности более конкретно рассмотреть движение многообразных, сложных и взаимодействующих форм реальных противоречий социалистической экономии, как раз и проявляющихся в действиях ее законов.

разрешения является движение и развитие отношений, которым они свойственны и в которых реализуются как действия выражающих их экономических законов, то на последней, заключительной стадии формой их разрешения в конечном счете является смена данного устаревшего отношения производства новым, а стало быть, и преодоление данного противоречия и отпадение выражавшего его закона.

При этом чрезвычайно существенна общая историческая специфичность противоречий, с одной стороны, досоциалистических, антагонистических формаций и, с другой — социалистической (коммунистической) формации. Антагонистичность отношений производства первых означает и антагонистический характер самих противоречий. Неантагонистичность второй означает неантагонистический характер и свойственных ей противоречий. Причем коренной признак неантагонистичности социальных противоречий заключается не в том, как иногда утверждают, что они образуются противоположными тенденциями развития некоторых неглавных, несущественных их сторон при совпадении тенденций развития главных. Как мы видели, это вообще исключало бы реальный процесс движения и развития.

Неантагонистическое противоречие — и в этом состоит определяющий его характер признак — образуется борьбой таких исторически особенных противоположностей, развитие которых не требует уничтожения одной из них ради существования, хотя бы и в коренным образом измененном виде, другой. Антагонистические же противоречия образуются борьбой противоположностей, требующих на определенной ступени их развития разрешения путем непременного уничтожения, ликвидации одной из них, а не качественного преобразования, развития обеих сторон противоположности.

Историческая специфичность противоречий — их антагонистичность или неантагонистичность — выражается в их содержании, в характере движения и формах их разрешения [1].

Однако, какой бы характер ни был свойствен экономическим противоречиям, в рамках каждого исторически

---

[1] Это будет специально рассмотрено применительно к специфически социалистическим противоречиям отношений производства.

определенного способа производства все они в их совокупности чрезвычайно противоречиво взаимодействуют. Это и выражается в форме действий и взаимодействий экономических законов, проявляющихся в процессе движения противоречивой экономической действительности. При этом совпадающее действие экономических законов, их действие по одному направлению, совершенно не обязательно. Различные законы могут находиться в отношениях прямых противоречий друг другу, а действия их сталкиваться, что в свою очередь неизбежно осложняет действие законов, приводит к тому, что они проявляются далеко не сразу, не прямо, не в полную силу и дают себя знать лишь в конечном счете как пробивающая себе дорогу тенденция. Применительно к капитализму Маркс писал: «Вообще при капиталистическом производстве общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний» [1].

В условиях социализма отпадают в основном стихийные колебания и специфические противоречия, связанные с этой формой, но вовсе не сложная взаимная противоречивость действий законов, превращающая эти действия в тенденции. Поэтому вообще в процессе действия законов наряду с тенденциями развития, идущими в одном направлении, действуют и контртенденции и т. д.

Однако, как и в единстве всякой области материального мира, в единстве экономических отношений имеется *ведущая, определяющая* сторона свойственных ему противоречий. Следовательно, и в противоречивом единстве действий экономических законов необходимо наличествует совокупность определяющих действий, которые, выражая тип движения, его качество, направляют развитие. При этом из того, что развитие осуществляется под превалирующим воздействием тех или иных законов, не следует, будто оно не испытывает действия законов противоборствующих, что последние как бы не действуют. Это так же вздорно, как предполагать, что, если самолет

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. 1, стр. 176. См. также т. 23, стр. 659, — об обстоятельствах, модифицирующих осуществление всякого закона.

держится в воздухе, хотя он и тяжелее воздуха, будто не действует закон земного притяжения.

В силу того что во взаимодействии противоречивых отношений в целом, в их единстве наличествуют определяющие и определяемые противоречия, характер их действий, формы движения и разрешения и соподчиненность можно раскрыть лишь в рамках рассмотрения именно их совокупности, т. е. на основе способа производства, взятого в целом. Говоря о различных, исторически определенных ступенях производства, К. Маркс подчеркивал, что «вместе с этими различными ступенями производства даны и различные отношения производства к потреблению, различные противоречия между обоими, что *эти противоречия* нельзя понять, не изучив каждого из *этих способов производства и всего основанного на нем общественного строя*»[1].

Рассмотрение противоречий в единстве, свойственном способу производства в целом, означает необходимость их рассмотрения на основе диалектики развития производительных сил и производственных отношений, развития их противоречий, ибо противоречивая взаимосвязь тех и других неизбежно обусловливает как характер противоречий самих отношений производства, так и характер противоречий взаимосвязей между разными отношениями производства. Она тем самым обусловливает собой предпосылки развития и производственных отношений, и производительных сил.

В данной связи важно выяснение проблемы соотношения соответствия и противоречия между производительными силами и производственными отношениями и соотношения факторов развития производительных сил и производственных отношений с взаимосвязями между ними. Остановимся на этом подробнее.

Коренное положение исторического материализма, образующее общую методологическую основу политической экономии, заключается в том, что исторически определенный характер производительных сил, исторически определенная ступень их развития неизбежно обусловливают образование соответствующей системы общественных производственных отношений. В этом и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 521 (курсив наш. — *Я. К.*).

состоит закон определяющей роли развития производительных сил по отношению к производственным отношениям. С известного времени этот закон рассматривался как закон *обязательного соответствия* производственных отношений производительным силам.

На наш взгляд, эта трактовка является неправильной.

Во-первых, она не схватывает относительности, противоречивости, неполноты соответствия, которое по характеру и уровню развития связывает производительные силы и производственные отношения. Существование объективной возможности и необходимости установления соответствия характера и уровня развития тех и других отнюдь еще не означает реализации такого соответствия, во всяком случае полной реализации в действительности. Напротив, историческое развитие свидетельствует о наличии длительных несоответствий в условиях досоциалистических формаций, о возникновении время от времени коренных несоответствий и противоречий между производственными отношениями и производительными силами, приводящих в конечном счете к взрыву первых, замене их новыми, находящимися в известном относительном соответствии с производительными силами производственными отношениями. Таким образом, закон взаимосвязи производственных отношений и производительных сил необходимо включает в себя их известное соответствие, неизбежно сочетающееся с той или иной степенью противоречий между ними. Причем он предполагает отнюдь не постоянное и не нарушимое соответствие, а его относительное установление лишь в конечном счете.

Во-вторых, трактовка данного закона как закона обязательного соответствия не схватывает неизбежной относительной самостоятельности развития производительных сил и производственных отношений. Она, скорее, говорит о механической, прямой зависимости развития последних от первых, и в этом смысле она механистична. В действительности, поскольку производительные силы и производственные отношения, образуя относительно друг друга содержание и форму, вместе с тем представляют собой две формы объективных материальных отношений (первая форма отношений — людей к природе, вторая — между людьми по поводу их отно-

шения к природе), постольку они являются *особыми качествами общественных отношений.* Но из этого с неизбежностью вытекает *относительная самостоятельность* их развития, означающая, что развитие производительных сил не сразу механически в каждом отдельном звене обусловливает развитие производственных отношений, а лишь в конечном счете. Отдельные накапливающиеся изменения в производительных силах, сказываясь на всей их системе в целом, вызывают изменения тех или иных форм отношений производства, опосредствуемые влиянием и взаимозависимостями всей системы последних. Таким образом, определяющее влияние производительных сил на производственные отношения — процесс крайне сложный, осуществляющийся через многие противоречивые опосредствования и включающий в себя неизбежные несоответствия, глубокие противоречия и т. д.

В-третьих, концепция обязательного соответствия для неантагонистических формаций, и социализма прежде всего, превращалась в трактовку взаимосвязи социалистических прозводственных отношений и производительных сил как *полного соответствия* первых вторым. На том основании, что общественный характер присущ отношениям социалистической собственности и отвечает общественному характеру производительных сил, что развитие тех и других происходит планомерно и не носит антагонистического характера, в ряде случаев специфически социалистическую форму обязательного соответствия рассматривали как полное соответствие. Однако же положение о полном соответствии представляет собой еще более ошибочное механистическое издание тезиса об обязательном соответствии. Реальный диалектический характер взаимосвязи любых явлений исключает полное соответствие. Любая взаимосвязь явлений подвижна. Она представляет собой процесс движения именно потому, что неизбежно внутренне противоречива, необходимо заключает в себе различия, противоположности, т. е. несоответствия. В. И. Ленин самым категорическим образом отвергал как вопиюще недиалектический тезис о полном соответствии в общественных явлениях. «...Полного соответствия, — подчеркивал он, — не бывает даже в простейших явлениях природы...» ««...Со-

ответствия» не будет никогда... его не может быть в развитии природы, как и в развитии общества...» [1]

Разумеется, при этом исключается и какое бы то ни было полное соответствие социалистических производственных отношений производительным силам, равнозначное отсутствию противоречий между ними.

Но означает ли относительность соответствия, его сочетание с противоречивостью взаимосвязей производственных отношений и производительных сил при социализме, что здесь нет принципиальных качественных, коренных отличий от соответствия и противоречивости взаимосвязей тех и других при капитализме? Разумеется, ни в какой мере.

Социализм в силу общественного характера собственности, отвечающей общественному характеру производительных сил, *во-первых,* не исключая противоречий между производственными отношениями и производительными силами как момента относительности их соответствия, исключает антагонистический характер этой противоречивости. *Во-вторых,* социализм исключает развитие коренных всеобщих несоответствий производственных отношений производительным силам, превращение их относительного и преходящего несоответствия в абсолютное, т. е. в несоответствие, разрешаемое лишь антагонистическим взрывом. *В-третьих,* первое и второе означают в основном планомерное разрешение созревших противоречий между производительными силами и производственными отношениями путем замены отдельных исчерпавших себя форм производственных отношений.

Таким образом, в социалистическом обществе в целом сохраняется относительное соответствие между теми и другими и тем самым исключается такое накопление противоречий, которое превратило бы относительное соответствие в абсолютное несоответствие.

Итак, закон определяющей роли развития производительных сил по отношению к производственным отношениям заключается в единстве относительного соответствия тех и других и необходимой их противоречивости, в развитии на основе этого производственных отношений в определяющей их зависимости от

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 152—153; т. 36, стр. 306.

производительных сил. При этом как формы взаимосвязей, так и формы развития производительных сил и производственных отношений исторически специфичны для каждого способа производства. (Кроме того, в условиях социализма в отличие от всех антагонистических формаций им свойствен совершенно особый род специфичности.)

Перейдем к другой проблеме: выясним, как же соотносятся в неразрывном единстве способа производства факторы развития производительных сил и производственных отношений и их противоречивые взаимосвязи. Иными словами, в какой мере и в каких отношениях законы экономики, будучи законами развития производственных отношений, выступают и как экономические законы движения, развития производительных сил?

Иногда полагают, что революционность, подвижность, постоянная изменчивость производительных сил заложены просто в том факте, что они выражают собой отношение человека к природе, что в силу самого существа непосредственного процесса труда человек совершенствует свои орудия труда и свой производственный опыт, т. е. развивает производительные силы. Иначе говоря, сами внутренние противоречия между элементами производительных сил — между рабочей силой и средствами производства, внутри последних и т. д. — безотносительно к производственным отношениям и являются первоисточником развития производительных сил. В неразрывной связи с этим воззрением находится и другое — об «относительной устойчивости» производственных отношений, поскольку это отношения людей друг к другу в процессе производства [1].

---

[1] «Производительные силы непрерывно изменяются, — утверждал Ц. Степанян, — развиваются потому, что они выражают отношение человека к природе: чтобы жить, люди должны постоянно производить материальные блага. Приостановка производства была бы гибельна для человечества. В процессе производства неуклонно совершенствуются и развиваются орудия труда, растут навыки людей к труду, их производственный опыт. Производственные отношения являются относительно устойчивой стороной способа производства потому, что они выражают отношение людей друг к другу в процессе производства» (*Ц. А. Степанян.* Противоречия в развитии социалистического общества и пути их преодоления. — «Вопросы философии», 1955, № 2, стр. 76).

«Движущим началом в развитии производительных сил, — указывал С. Г. Струмилин, — всегда было преодоление противоречий

Однако данная концепция не объясняет ни революционности производительных сил, ни взаимосвязи с ними производственных отношений. Более того, она закрывает дорогу к правильной оценке активной роли производственных отношений как движущей силы развития общественного производства.

В самом деле, процесс производства на всех ступенях развития общества есть отношение людей к природе. Однако развитие производительных сил протекает быстро или медленно, а иногда на протяжении длительных исторических эпох и вовсе почти приостанавливается. Правда, можно было бы указать на то, что сами темпы развития производительных сил каждый раз зависят от достигнутого уровня их развития. Но при данном уровне развития производительных сил темпы их изменений резко различаются в зависимости от социально-экономических условий. Любой пример экономической истории с несомненностью свидетельствует об этом.

между неограниченным могуществом сил природы и крайне ограниченными производственными возможностями человеческого труда» (*С. Г. Струмилин.* На путях построения коммунизма. М., 1959, стр. 17—18).

Рассмотрение в качестве источника развития производительных сил внутренних противоречий между их элементами безотносительно к производственным отношениям довольно распространено (см., например, *В. С. Библер.* О взаимосвязи общих законов развития производства. — «Ученые записки Таджикского гос. ун.-та», т. XVI. Труды кафедры философии, вып. 1. Сталинабад, 1957, стр. 11). Но взгляд этот не нов. Он был широко распространен и в 20-х годах. Так, А. Богданов и И. Степанов в «технических условиях» жизни общества, взятых самих по себе, видели «движущие силы развития» «общественно-трудовых отношений» («Курс политической экономии», т. I. М.—Л., 1925, стр. 3). Этой же точки зрения придерживались и другие авторы. Так, по мнению А. Бернштейна, «противоречие общества и природы, или, по терминологии Бухарина, противоречие системы и среды, — *основное* противоречие, толкающее вперед развитие производительных сил» (*А. Бернштейн.* Производительные силы как основная категория Марксовой теории исторического материализма. — «Вестник Коммунистической академии», 1927, № XXI, стр. 226). «...Нам представляется необходимым, — отмечал Ф. Горохов, — брать в качестве первой причины, основного истока развития производительных сил, процесс человеческого труда, его внутреннюю логику»; «...активное отношение к природе есть первичный и всегда сохраняющийся под всякой общественной оболочкой элемент, движущий производительные силы» (*Ф. Горохов.* К вопросу о производительных силах и диалектике их развития. — «Вестник Коммунистической академии», 1928, № 27 (3), стр. 118, 131).

Кроме того, данная трактовка не учитывает диалектики взаимосвязи производительных сил и производственных отношений. Ведь причина развития производительных сил находится не в самом по себе факте осуществления через них отношения человека к природе, а в том, что это отношение осуществляется как *общественное* отношение; иными словами, она неразрывно связана с диалектическим взаимодействием производительных сил и производственных отношений. В этом взаимодействии каждое данное состояние — характер и уровень развития — производительных сил объективно требует в конечном счете определенного состояния — характера и уровня развития — производственных отношений. И поэтому развитие производительных сил выступает как *определяющий* фактор развития общественных отношений производства. В то же время общественная форма, в которой протекает всякое производство, т. е. исторически определенная совокупность производственных отношений, возникшая и развившаяся в относительном соответствии с исторически определенным состоянием производительных сил, и заключает в себе *экономические стимулы, импульсы* развития производительных сил. Это объясняется тем, что на основе данных производственных отношений развиваются определенные экономические интересы людей (общественных групп, классов и т. д.) в развитии производительных сил, в то время как последние заключают в себе возможность такого развития. Но не ведет ли это к возникновению некоего порочного круга: производительные силы определяют развитие производственных отношений, которые в свою очередь, развиваясь, определяют развитие производительных сил? Иначе говоря, не исчезает ли первенствующая, определяющая роль производительных сил в развитии данного способа производства и, стало быть, в развитии производственных отношений? Более того, не получается ли, что в процессе развития активную роль играет форма (отношения производства) по отношению к содержанию (производительным силам)?[1] На наш взгляд, нет.

---

[1] Такого рода упрек был высказан в адрес развиваемой нами концепции на страницах журнала «Вопросы философии» в дискуссии по данной проблеме (см. «Вопросы философии», 1957, № 4, стр. 177).

Действительно, объективно определяющая сила, вызывающая к жизни тот или иной характер строя производственных отношений, уровень его развития, — производительные силы. Каковы они, таковы в конечном счете и отношения производства. Следовательно, определяющая сторона развития способа производства, источник его развития — производительные силы. Однако же производительные силы не простое отношение человека к природе. Это всегда соединение сообщества людей со средствами производства. Стало быть, это отношение к природе, взятое в рамках определенных отношений между людьми по производству.

И только в рамках таких отношений и складываются реальные импульсы к развитию производительных сил. Вне их нет и таких импульсов, ибо всякие потребности человека, в том числе и трудовые, есть потребности *общественные*. Вместе с тем, хотя импульсы развития производительных сил возникают как импульсы, сообщаемые им производственными отношениями, содержание самого развития производительных сил, которое диктует и развитие отношений производства, объективно связано *с внутренней логикой развития производительных сил*. Само состояние последних, внутренние противоречия между их элементами, назревшие технические возможности их разрешения и определяют формы их развития как производительных сил, изменение которых неизбежно несет с собой в конечном счете и изменение отношений производства. Например, создание такой производительной силы, как мощные гидроэлектростанции или тепловые электростанции мощностью в 2,4—3,6 млн. *квт*, т. е. концентрирование производства громадных масс электроэнергии, вызывает необходимость в соответствующей технике электропередач на дальние расстояния. В результате возникает насущный экономический интерес в создании адекватной техники в целях рационального использования энергии. И такая техника создается.

Таким образом, диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений характеризуется тем, что каждая данная ступень развития производительных сил обусловливает определенные производственные отношения, в рамках и под воздействием которых производительные силы и развиваются, однако

в тех материальных формах, которые вытекают из их собственной внутренней логики развития. Их развитие в конечном счете достигает такой качественно новой ступени, на которой возникает необходимость замены старой системы производственных отношений новой.

Стало быть, «относительная устойчивость» экономических отношений в сравнении с производительными силами объясняется не тем, что это отношения между людьми в отличие от отношений людей к природе, а тем обстоятельством, что каждая данная, исторически определенная ступень развития общественных производственных отношений, возникая в результате и на основе производительных сил, развивающихся в рамках предыдущего строя отношений производства, в соответствии с внутренними потребностями дальнейшего развития этих производительных сил открывает простор для достижения ими качественно новой ступени развития, адекватной новому способу производства.

Иными словами, эта «относительная устойчивость» связана с тем, что производственные отношения являются формой развития производительных сил, которая, как всякая форма материального мира, служит развивающемуся содержанию на всем протяжении каждой данной фазы развития. И только когда производительные силы достигают качественно новой ступени, они требуют смены данной исторически сложившейся системы производственных отношений.

Все это, разумеется, не исключает того, что в пределах каждого типа производственных отношений постоянно происходят частные изменения отношений, когда меняются их отдельные формы, стороны при сохранении главного и решающего в них. Например, домонополистический капитализм проходит три известные стадии развития, затем вступает в эпоху империализма, который в свою очередь проходит период развития до общего кризиса, затем период общего кризиса и т. д. И на каждой из стадий развития капиталистические производственные отношения базируются на частнокапиталистической собственности, значительно различаясь, однако, по формам, сторонам, конкретным проявлениям.

В диалектике развития производительных сил и производственных отношений выступает противоречивость действий экономических законов, свойственных каждому

способу производства, причем на разных стадиях развития исторически определенного типа производственных отношений она выступает по-разному. Новые производственные отношения толкают вперед развитие производительных сил, старые тормозят их развитие. Не противоречит ли это тому, что источники развития производительных сил всегда заключены не просто в них самих, в логике их внутреннего развития, а в неразрывном диалектическом взаимодействии с производственными отношениями?

Рассмотрим этот вопрос применительно к капиталистическим отношениям. То, что капиталистические отношения, до тех пор пока не устарели, являются стимулом развития производительных сил, очевидно. Однако буржуазные отношения и, следовательно, экономические законы роль стимула осуществляют весьма противоречиво. Капиталистическая эксплуатация, расхищающая силы рабочего, конкуренция, приводящая к растрате огромных масс овеществленного и живого труда, экономические кризисы и т. д. выражают действие экономических законов, которое не только не способствует развитию производительных сил, но и затрудняет его. Вместе с тем то же выколачивание прибавочной стоимости, конкуренция и т. д. до поры до времени ведут к мощному развитию производительных сил. Стало быть, в противоречивом действии экономических законов в период восходящего капитализма ведущая роль принадлежит действию экономических законов, определяющему в конечном итоге относительно быстрое развитие производительных сил. В эпоху империализма производственные отношения во все большей мере становятся оковами производительных сил. Однако и здесь погоня за прибылью, конкуренция и т. д. подхлестывают развитие производительных сил, способствуют тому, что экономические законы действуют в направлении их развития.

Вместе с тем в противоречивом единстве производственных отношений все больше развиваются отношения, предполагающие усиление действия экономических законов, направленного на сдерживание развития производительных сил: монополии порождают тенденции к загниванию, громадное обострение противоречий и т. д. Совокупность этих явлений и говорит о том, что современные капиталистические производственные отношения

превратились в целом из двигателя развития производительных сил в их оковы.

Как видим, применительно к воздействию производственных отношений на движение производительных сил понятия «двигатель развития» и «оковы» не следует абсолютизировать: в них содержится момент относительности. Действие экономических законов капитализма на восходящей фазе в направлении стимулирования развития производительных сил, будучи определяющим, не исключает их тормозящего действия. И наоборот, действие экономических законов капитализма в нашу эпоху в направлении торможения развития производительных сил, будучи определяющим, отнюдь не исключает их действия в направлении стимулирования развития капиталистического производства. Более того, в отдельных странах и отраслях темпы развития на протяжении известного времени могут быть даже более высокими, чем ранее. Однако в целом в результате тормозящего воздействия устаревших производственных отношений фактическое развитие производительных сил все более отстает от возможностей, заложенных в достигнутом уровне их развития, в состоянии науки, уровне культуры и т. д.

Итак, экономическая действительность на каждой данной ступени исторического развития внутренне противоречива, что выражается и в действии экономических законов. В противоречивом единстве производительных сил и производственных отношений всегда имеется ведущее, определяющее начало. Поэтому и в совокупности действий экономических законов их определенные действия с необходимостью играют решающую роль.

Теперь можно выявить и взаимосвязь законов экономики и развития производительных сил. Выше мы рассмотрели несостоятельность отрыва развития производительных сил от их взаимодействия с отношениями производства, т. е. от действия экономических законов. Не следует ли из факта воздействия экономических законов на развитие производительных сил считать, что законы движения производительных сил — это лишь исключительно экономические законы? Разумеется, нет.

Во-первых, производительные силы, как особые отношения общества к природе, совершают движение под воздействием внутренних законов, управляющих этими отношениями. То, что, скажем, вслед за овладением

энергией угля, нефти и т. д. человек овладел энергией ядерного распада и ядерного синтеза (пока что в форме энергии взрыва), вытекает отнюдь не из законов экономики, а дается самими законами развития производительных сил, как таковых. *Во-вторых,* экономические отношения представляют собой особый род отношений, совершающих относительно самостоятельное движение, и имеются законы, связанные непосредственно лишь с этого рода движением. Например, законы денежного обращения непосредственно не представляют собой законов, воздействующих на развитие производительных сил.

Таким образом, есть и особые законы развития производительных сил, не являющиеся экономическими законами; имеются и экономические законы, не являющиеся законами развития производительных сил. Однако же — и это решающее обстоятельство — *с той стороны, с какой развитие производительных сил обусловливается экономическими отношениями, экономические законы и выступают как законы развития производительных сил.*

В этом, собственно, и проявляется неразрывность движения отношений производства с движением производительных сил, их неразрывность как формы и содержания. Это значит, что изучение экономических законов, предполагая раскрытие их как законов движения отношений производства, тем самым обусловливает их анализ как экономических, специфически исторических общественных законов движения и развития производительных сил [1].

---

[1] Однако это не означает, что развитие производительных сил регулируется лишь законами экономики, которые определяют именно экономическую сторону движения производительных сил, импульсы и условия их развития. Вместе с тем характер материально-технического их развития диктуется специфическими материально-техническими законами их развития. Между теми и другими осуществляется взаимодействие. Если упустить это из виду, то не только можно незакономерно превратить производительные силы, как таковые, в объект политической экономии, но и во взаимодействии производительных сил и производственных отношений упустить определяющую роль первых относительно вторых.

глава 4

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

Политическая экономия в широком смысле изучает общественные отношения производства на всех исторически определенных ступенях развития от первобытнообщинного до коммунистического способа производства. Единый предмет науки предполагает и единый метод — специальный метод экономического анализа, основывающийся на применении материалистической диалектики к исследованию экономических отношений. Не означает ли это, что нет проблемы предмета и метода политической экономии социализма?

Действительно, некоторые отрицают специфику в определении предмета и метода политической экономии капитализма, социализма и т. д. на том основании, что политическая экономия является единой наукой, характеризующейся единством своего предмета и метода; что признание их специфики будто бы равносильно отрицанию политической экономии, возврату к тезису о том, что политическая экономия капитализма и политическая экономия социализма — различные науки [1].

Но единство есть единство различий, а вовсе не тождество. Объект политической экономии в широком

---

[1] См. «Курс политической экономии», т. I, стр. XLIX. Этой точки зрения придерживается и Н. А. Цаголов: «...социализм принципиально, коренным образом отличается от других общественно-экономических формаций. Но разве эти отличия должны быть реализованы путем создания особой главы о характере экономических законов? По существу в этом случае речь идет о новом, особом учении о предмете и методе политической экономии социализма. Но ведь это ведет к возврату к той позиции, что социализм не может быть предметом политической экономии» (*Н. А. Цаголов*. Некоторые вопросы структуры курса политической экономии социализма. — «Вопросы экономики», 1962, № 6, стр. 84).

смысле един. И единство его необходимо заключает в себе существенные различия именно потому, что объект политической экономии — отношения производства *исторически различных способов производства,* т. е. что это *исторически различные общественные отношения производства.*

Каждый исторически специфический раздел политической экономии — будь то политическая экономия античной формации, феодализма, капитализма или социализма — необходимо обнимает не только общее, но и прежде всего и главным образом различное в общественных отношениях производства. А это и есть особенность предмета каждого раздела политической экономии.

Отношения социалистического производства исторически специфичны. Это и означает специфичность предмета политической экономии социализма. Специфичность предмета заключается и в исходном, основном отношении социалистического производства — общественной социалистической собственности на средства производства, и во всем строе производства как производства непосредственно общественного. Экономические отношения социализма связаны с особыми формами действия свойственных им законов, стало быть, со специальными историческими формами движения всей системы этих отношений. Это движение из в основном объективно стихийного превращается в основном в объективно планомерное, что в свою очередь, изменяя соотношение между объективными и субъективными факторами в механизме экономического развития, изменяет общественную роль экономических наук, в первую голову политической экономии.

Научная политическая экономия капитализма, раскрывая его стихийно действующие экономические законы, стихийный процесс движения и развития экономических отношений, вооружает рабочий класс знанием объективных законов экономического движения, развития и гибели капитализма. И в этом состоит ее общественная функция, ее революционно-критическая роль. Политическая экономия социализма, раскрывая его в основном планомерно действующие экономические законы, планомерный процесс движения и развития экономических, социалистических отношений производства, вооружает социалистическое общество знанием его

объективных экономических законов. При этом центр тяжести общественных функций политической экономии социализма образуют уже не революционно-критические, а революционно-созидательные задачи. Наука становится необходимым условием осуществления всего процесса планомерного экономического движения и развития социализма, неотъемлемым элементом, обусловливающим успешность обратного воздействия общества — субъекта (субъективного фактора) — на объективный процесс развития, на действие объективных законов в этом процессе (на объективный фактор) [1].

Исследование специфичности предмета и метода политической экономии социализма предполагает анализ по крайней мере следующих основных проблем: *а)* предмета политической экономии социализма как первой фазы коммунизма; *б)* соотношения в предмете политической экономии социализма его элементов — общественных отношений производства, их законов и механизма действия последних; *в)* объективности экономических отношений и законов политической экономии как предмета политической экономии социализма; *г)* особенностей взаимосвязей экономических отношений и законов социализма, т. е. специфической логики категорий и законов в предмете политической экономии социализма; *д)* особенностей метода политической экономии социализма, обусловливаемых специфичностью ее предмета.

1
специфика предмета политической экономии социализма

При выяснении специфики предмета политической экономии социализма неизбежно встает вопрос: какую систему общественных отношений производства она изу-

---

[1] Из этого принципиального изменения характера экономического движения и развития и обусловливаемого им изменения принципиальной роли экономических наук, и прежде всего их ядра — политической экономии, вытекает, как увидим, изучение последней некоторых существенных специфических элементов в рамках ее предмета и доведение исследования всей системы общественных отношений производства до такой ступени конкретности, которая принципиально несвойственна политической экономии капитализма.

чает — специфически социалистических отношений, или отношений коммунизма в целом, или, наконец, отношений, общих для обеих фаз коммунистического способа производства, в сочетании с отношениями, которые свойственны лишь первой его фазе? Иными словами, существует ли в составе политической экономии в широком смысле в качестве особого раздела политическая экономия именно социализма как первой фазы коммунизма, либо таким разделом является политическая экономия коммунистического способа производства в целом или хотя бы в основном, т. е. обеих его фаз?

Этот вопрос вытекает прежде всего из того, что политическая экономия является наукой о производственных отношениях каждого исторически определенного способа производства, одним из которых является коммунистический способ производства. Вошедшее же в научный обиход определение социализма как способа производства («социалистический способ производства») в противовес досоциалистическим способам производства (например, капиталистическому способу производства) не является вполне точным. Реально оно обозначает единство производительных сил и производственных отношений первой фазы коммунистического способа производства, а не исторически специфический способ производства в целом.

Этот вопрос в современных условиях вытекает также из того, что наша страна вступила в период коммунистического строительства и, стало быть, политическая экономия социализма охватывает законы и закономерности перерастания экономики социализма в коммунизм, процесс развития производственных социалистических отношений как процесс их преобразования, развития, перерастания в производственные отношения коммунизма.

Наконец, вопрос этот вытекает и из того, что современный опыт функционирования отношений социалистического производства, тенденции его развития образуют предпосылки раскрытия существенно важных черт отношений и законов будущей экономики полного коммунизма.

В последние годы именно три отмеченных обстоятельства порознь и вместе используются некоторыми экономистами для того, чтобы либо рассматривать политическую экономию социализма не как таковую, а как поли-

тическую экономию коммунистического способа производства (политическую экономию коммунизма), в лучшем случае лишь в несколько большей мере изучающую специфику социализма, либо рассматривать политическую экономию социализма как самостоятельный раздел политической экономии коммунизма, предметом которой прежде всего являются отношения производства, общие для обеих фаз коммунизма, т. е. коммунистические производственные отношения. (Отношения, специфические для социализма, при этом считаются лишь дополнительными элементами предмета политической экономии коммунизма [1].)

Разумеется, коммунистический способ производства представляет собой исторически определенную, специфическую систему общественных отношений производства, общих на обеих фазах его развития — и низшей, и высшей. Именно поэтому он образует *единый* способ производства. Однако из этого некоторые экономисты делают прямолинейный вывод о том, что предметом политической экономии социализма или его основой, исходным и

[1] «Исходным в анализе системы производственных отношений при социализме, — говорится в «Курсе политической экономии», — является изучение экономических категорий и законов, *общих для коммунистического способа производства в целом*» («Курс политической экономии», т. II, стр. 108). Причем это объясняется тем, что в результате социалистической революции возникает совокупность отношений производства, которая дает возможность вскрыть экономические категории и закономерности коммунистического производства в целом (см. там же, т. I, стр. XXIV). «Изучение социализма предполагает, — писал Н. Наровлянский, — выяснение не каких-то закономерностей, свойственных лишь социализму, а особенностей и специфических форм действия экономических законов коммунистической формации» (*Н. Г. Наровлянский.* Экономические закономерности коммунистической формации. — «Вопросы экономики», 1962, № 6, стр. 99). «...Политическая экономия социализма, — в свою очередь отмечал Е. С. Розенман, — изучает производственные отношения коммунистического способа производства в их историческом развитии и совершенствовании и в связи с... механизмом действия экономических законов социализма» (*Е. С. Розенман.* Об основном производственном отношении, там же, стр. 121). «...Рамки политической экономии социализма, — писал И. И. Кузьминов, — значительно раздвигаются: она охватывает теперь и проблемы перехода от социализма к коммунизму, и более детальную, чем ранее, характеристику второй фазы коммунизма. Мы можем теперь с полным правом говорить о политической экономии коммунизма, а соответствующий раздел учебников и программ именовать «Коммунистический способ производства»» (сб. «Развитие экономической теории в свете решений XXII съезда КПСС», стр. 16).

главным пунктом являются общественные отношения производства, свойственные коммунизму в целом, не заключающие той *реальной исторической формы этих отношений,* с которой имеет дело политическая экономия социализма.

Все дело в том, что, пока не наступила высшая фаза коммунизма, не созрела и не сложилась система общественных отношений производства полного коммунизма, до тех пор изучение системы отношений коммунистического способа производства в целом в их общих формах, безотносительно к их специфике на первой фазе его развития невозможно. Обратные же утверждения лишены историзма: они не учитывают диалектики взаимосвязи исторического развития формы и содержания общественных отношений производства.

Абстракция экономических отношений коммунистического способа производства в целом в их общих формах — это реальная, а не умозрительная абстракция, которая может быть выполнена лишь тогда, когда этот способ производства исторически сложится. Здесь действует общий закон образования всеобщих абстрактных категорий, подчеркивавшийся Марксом [1].

Пытаться же чисто умозрительно, a priori установить всеобщие экономические формы коммунизма — значит создать науку реальных отношений до того, как возникнут сами отношения, т. е. создать отражение объекта до самого объекта.

Реально политическая экономия социализма, рассматривая социалистические отношения производства как единую систему, рассматривает в ее составе отношения производства, общие и социализму, и полному коммунизму, которые и делают социализм фазой именно коммунистического способа производства. Но при этом она рассматривает их не как отношения коммунистического способа производства вообще, а в тех исторически специфических формах, в каких эти общие коммунистиче-

[1] «...Наиболее всеобщие абстракции, — указывал К. Маркс, — возникают вообще только в условиях богатого конкретного развития... даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 730—731).

ские производственные отношения выступают именно на первой, социалистической ступени развития.

Стало быть, предмет политической экономии социализма не отношения коммунизма вообще, а *отношения производства именно социализма* не потому, что наряду и в связи со всеобщими коммунистическими отношениями производства она исследует и отношения, свойственные лишь социализму, но прежде всего потому, что она изучает как свой предмет именно последние и что вместе с тем она изучает отношения, свойственные обеим фазам, в тех специфически социалистических формах, в которых они необходимо выступают на протяжении всей социалистической ступени развития.

Однако иногда в качестве возражения против развиваемой точки зрения указывают на то, что Маркс создал политическую экономию капитализма в целом, а вовсе не домонополистического капитализма, хотя империализм — это высшая стадия развития капиталистического способа производства. Не находится ли отрицание возможности развития на опыте первой фазы коммунизма — социализма — политической экономии коммунистического способа производства в целом в противоречии с этим методологическим опытом марксистской политической экономии?

Но Маркс мог создать и создал политическую экономию капиталистического способа производства в целом потому, что изучавшийся им домонополистический капитализм был *полным* капитализмом, развивавшимся уже на собственной основе. Империализм хотя и образует особую стадию развития капитализма, однако, как указывал Ленин, является надстройкой над капитализмом. Социально-экономические отношения империализма и его законы — это те же законы капитализма.

Иначе обстоит дело с соотношением первой и второй фаз коммунистического способа производства. Социализм уже коммунизм, поскольку собственность на решающие средства производства общая, всенародная, и отношения эксплуатации исключены. Но социализм еще *не полный* коммунизм, это та фаза коммунистического способа производства, когда его отношения развиваются не на собственной материальной основе и поэтому еще не являются полностью коммунистическими, а многие коммунистические отношения еще не возникли, в том числе и основное отношение — единая общественная, коммунистическая собственность на все средства производства. Именно из этого и вытекает объективная невозможность создания политической экономии коммунизма в целом путем обобщения опыта развития отношений и законов его первой фазы — социализма. Чтобы создать науку об общественных отношениях и законах полного коммунизма, надо, чтобы возникли и развились эти отношения и законы. Таков вообще единственно *материалистический принцип научного анализа: наука как форма отражения действительности не может возникнуть раньше и независимо от возникновения отражаемой ею действительности.*

Конечно, политическая экономия социализма, особенно в современных условиях, включает в себя и новый раздел — закономерности перерастания отношений социализма в отношения коммунизма — и дает в то же время несравненно более конкретную и развитую картину экономических отношений полного коммунизма. Как же согласуется это с положением о том, что объект изучения политической экономии социализма — его специфические производственные отношения?

Что касается закономерностей перерастания экономических социалистических отношений в коммунистические отношения, то очевидно, что это закономерности именно социалистической фазы. Они выражают реальный процесс развития социалистических производственных отношений, что вытекает из самой природы социализма как начальной фазы коммунистического способа производства. Социалистические производственные отношения не есть нечто раз навсегда данное, внутренне неизмененное, неподвижное и т. д.; напротив, по самой природе их движение включает необходимость перерастания в коммунистические отношения. Сама природа отношений социализма не может быть раскрыта без анализа имманентной их необходимости перерастания в отношения коммунистические. Поэтому, на какой бы исторической стадии зрелости ни анализировались отношения социализма, они должны рассматриваться в связи с данным характером их объективно необходимого развития. На определенной же стадии зрелости отношений социализма необходимость их перерастания в отношения коммунистические из скрытой превращается в актуальную, непосредственно действующую, что и образует материальную почву для научного исследования данной специальной группы закономерностей.

Но тогда, когда складываются столь зрелые экономические отношения социализма, открываются и принципиально новые возможности для более конкретного и углубленного раскрытия и основ отношений полного коммунизма. Ныне историческая действительность неизмеримо ближе к коммунизму и наука опирается на несравненно более богатый опыт исторического развития, чем во времена и Маркса, и Ленина. И поэтому та научная картина коммунизма, второй его фазы, которую они гениально раскрыли, опираясь на современные им тенденции социально-экономического развития, теперь может быть существенно обогащена, конкретизирована, углублена. Однако все это может быть лишь научным предвидением некоторых основ будущего экономического строя, главных, принципиальных, общих его черт, устоев. Безусловно, картина полного коммунизма, создаваемая научным предвидением, — совершенно необходимый элемент политической экономии социализма как науки, познающей реальные тенденции и перспективы развития. Но — и это решает рассматриваемый нами вопрос — подобное предвидение по самому состоянию исторической социально-экономической действительности не является каким-либо развернутым научным анализом экономического базиса коммунизма, совокупности его отношений и законов, т. е. не может быть политической экономией коммунизма. Анализ всякой исторически определенной фазы экономики возникает и развивается лишь тогда и постольку, когда и поскольку возникнут и разовьются реальные общественные отношения производства этой фазы.

Для выяснения специфики предмета политической экономии социализма не менее существен вопрос о том, какие особые элементы должен он включать, в связи с тем что научный анализ экономических отношений является теоретическим фундаментом практических действий Коммунистической партии, социалистического государства, народа во всей их хозяйственной деятельности; какое влияние объективные потребности такого руководства оказывают на характер изучения отношений производства *в их связи* с производительными силами, с одной стороны, и с хозяйственной политикой как явлением надстройки — с другой.

Этот вопрос трактуется по-разному, причем известное распространение получили две ошибочные версии: одна из них сужает предмет политической экономии, другая расширяет.

Сторонники первой под предлогом борьбы с утерей общих границ политической экономии как науки об общественных отношениях производства фактически игнорировали необходимость изучения экономических отношений с учетом их своеобразия в условиях социализма [1].

Наиболее отчетливо суживающую версию политической экономии социализма сформулировал И. В. Сталин. Именно в связи с трактовкой ее содержания он и выдвинул трехчленное определение политической экономии. При этом игнорировалась неотъемлемая сторона диалектико-материалистического понимания содержания политической экономии — то, что марксистская политическая экономия изучает производственные отношения как свой предмет в неразрывной, определяющей их взаимосвязи с производительными силами; что она изучает производственные отношения как форму развития, движения производительных сил, а не независимо от последних, в отрыве от них.

Такой подход означал не только уступку неправильной трактовке предмета политической экономии вообще, но в применении к политической экономии социализма был равнозначен забвению важнейшей черты специфики

---

[1] Это было своеобразной реакцией на «детский период» становления политической экономии социализма, когда она, развиваясь путем «проб и ошибок», часто на ощупь, не могла избежать подмены ее действительного предмета элементами хозяйственной политики, технико-экономических отношений и т. д.

ее предмета. Ведь в качестве теоретического фундамента руководства народным хозяйством политическая экономия социализма не только изучает производственные отношения в определяющей их связи с производительными силами. Она доводит их изучение до той ступени конкретизации, которая включает раскрытие всей совокупности отношений производства как системы экономических форм, условий и стимулов развития социалистического производства, развития материально-технической базы социализма, ее перерастания в материально-техническую базу коммунизма. Рассматриваемое определение политической экономии было оторвано от этого научного направления развития политико-экономических исследований и обрекало их на отрыв от потребностей практики, действительных запросов жизни. С этим было связано и противопоставление в рассматриваемой версии политической экономии хозяйственной политике. Дело в том, что мало подчеркивать лишь одну сторону в трактовке взаимоотношений политической экономии и хозяйственной политики — недопустимость их смешения [1].

Разумеется, такое смешение, подмена политической экономии проблемами хозяйственной политики, ненаучно. Но, не допуская такого рода смешения в анализе качественно различных процессов и явлений, нельзя впадать и в другую крайность — отрывать исследование экономических отношений от потребностей экономической политики и, следовательно, от потребностей выяснения теоретических основ конкретных проблем экономического развития, планирования народного хозяйства, руководства его развитием.

Что же характерно для расширительной версии предмета политической экономии социализма, которая в конечном счете также не отражала его специфики, растворяя ее в незакономерно привносимых элементах?

Одной из разновидностей расширительной версии является включение в политическую экономию социализма в качестве специфического ее элемента производительных сил. Правильно указывая на необходимость изучения активной роли производственных отношений

[1] «Загружать политическую экономию вопросами хозяйственной политики, — писал И. В. Сталин, — значит загубить ее как науку» (*И. В. Сталин.* Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 73).

и экономических форм в развитии производительных сил, в создании материальной основы коммунизма, некоторые экономисты делают из этого незакономерный вывод о том, что *«анализ производительных сил становится органической частью политической экономии социализма»* [1].

Конечно, политическая экономия социализма в связи с самим характером социалистических производственных отношений, форм их движения и развития в ином объеме, на иной ступени конкретности изучает взаимосвязи производственных отношений с производительными силами. Но это не превращает анализа последних в «органическую часть» политической экономии. И если политическая экономия, как таковая, изучая социализм, стала бы наукой о производственных отношениях и производительных силах, она перестала бы быть политической экономией, так как это наука, предмет которой во всех досоциалистических формациях представляет собой именно производственные отношения. Она перестала бы быть политической экономией и потому, что последняя не рассматривает отношений общества к природе, а в качестве науки общественной исследует отношения между людьми на основе их отношений к природе.

Другой разновидностью расширительной трактовки предмета политической экономии социализма является

---

[1] *А. И. Ноткин.* Общественный продукт и национальный доход в системе экономических категорий социализма. — «Вопросы экономики», 1962, № 9, стр. 46 (курсив наш. — *Я. К.*). На позиции включения производительных сил в предмет политической экономии стоит и ряд других авторов. Например, по мнению Д. Трифонова, политическая экономия «исследует уровень производительных сил каждой общественно-экономической формации, прослеживает их развитие»; экономические законы, исследуемые политической экономией, являются законами не собственно производственных отношений, а «законами способа производства в целом» (См. *Д. К. Трифонов.* Производительные силы общества и их составные элементы. «Вестник ЛГУ», 1960, № 23, серия экономики, философии и права, вып. 4, стр. 7—8). На сходной позиции стоит В. А. Соболь, считающий, что политическая экономия социализма «должна служить теорией планирования нашего народного хозяйства» (сб. «Вопросы политической экономии социализма», изд-во ВПШ и АОН. М., 1961, стр. 219).

Но если политическая экономия не одна, хотя бы и главная, теоретическая основа науки о планировании, а сама эта наука, то, разумеется, она должна охватывать неизбежно и производственные отношения, и производительные силы, ибо планировать без учета всей совокупности законов движения тех и других невозможно.

ее рассмотрение как конгломерата наук, включающего все отраслевые экономики [1].

При этом данное понимание предмета политической экономии пытаются обосновать тем, что политическая экономия социализма должна служить орудием выявления процессов и закономерностей экономики, которые можно использовать в хозяйственном руководстве; последнее же опирается на учет особенностей отраслей материального производства.

Очевидно, что в этой трактовке специфики предмета политической экономии социализма под предлогом необходимости конкретизации изучаемых ею процессов и законов (что само по себе не вызывает возражений) допускается смешение объектов неразрывно между собой связанных, но разных наук.

Мы видели (гл. II, § 3), что каждая отрасль материального производства предполагает свою особую отраслевую совокупность специфических форм отношений производства (включая и техно-экономические отношения) и отвечающих им законов и закономерностей отраслевого экономического развития, которые исследуются (в неразрывной связи с политико-экономическим изучением экономических отношений и законов) специально отраслевыми экономиками. И полагать, что они являются лишь специализированными и конкретизированными частями политической экономии, — значит упускать из виду наличие специфически отраслевых форм отношений, их техно-экономических форм и законов, смешать в одно последние с общеэкономическими отношениями и законами. Включение в предмет политической экономии несвойственных ей техно-экономических связей, отношений и законов повело бы к ее техницизации, равно как

---

[1] «Политическая экономия социализма, — отмечал И. И. Кузьминов, — обнимает собой все сферы социалистической экономики и, следовательно, включает в свой круг и отраслевые экономики» (*И. И. Кузьминов.* Некоторые вопросы экономической теории в свете задач коммунистического строительства. М., 1960, стр. 154). Из этого делается вывод о том, что политическая экономия «в широком смысле слова обнимает не только закономерности экономического развития на разных ступенях развития общества, но и в различных отраслях общественного хозяйства... Отраслевые экономики как части политической экономии раскрывают более частные закономерности и тем самым конкретизируют механизм действия более общих экономических законов» (там же).

введение в предметы отраслевых экономик несвойственных им общеэкономических отношений и законов причинило бы ущерб исследованию действительных специальных отношений, экономических и техно-экономических связей, форм и законов каждой данной отрасли. Все это нарушило бы необходимые взаимосвязи политической экономии и отраслевых экономик в общей системе взаимодействующих экономических наук.

Разновидностью расширительной версии являются и взгляды, согласно которым в предмет политической экономии социализма включается хозяйственная политика [1], равно как и предлагается вовлечение в него «вопросов рационального хозяйствования» [2].

Не ясно ли, что функция политической экономии социализма как теоретической основы хозяйственного руководства ведет к конкретизации предмета науки, к специальной разработке в его рамках элементов, хотя и входивших в него на ее ранних ступенях становления, но не требовавших всестороннего развития, и т. д.; но она не может вызвать принципиального изменения самого предмета науки, ибо в этом случае она перестала бы быть политической экономией.

В самом деле, что означало бы включение хозяйственной политики в предмет политической экономии? Лишь то, что из науки об общественных отношениях, образующих базис, она превратилась бы в другую науку — об отношениях базиса и надстройки. При этом такая наука не может возникнуть: получилось бы весьма про-

---

[1] См. *В. Н. Черковец.* Принципиально новая экономическая роль социалистического государства на путях к коммунизму и ее освещение в политической экономии. — Сб. «Экономическая роль социалистического государства в период развернутого строительства коммунизма», вып. 1. Саратов, 1963, стр. 27—28.

Следует отметить, что включение в предмет политической экономии социализма элемента надстройки оправдывается весьма оригинально: экономическая политика относится к экономической действительности, которая, как единство сущности и явлений экономических отношений, образует предмет политической экономии. Так, по мостку словесной вязи «экономическая политика — экономическая действительность» элемент надстройки попадает в сферу предмета политической экономии, который в действительности, как известно, образуется базисом.

[2] См. *А. Пашков.* О действии экономических законов и рациональном хозяйствовании при социализме. — «Вопросы экономики», 1962, № 5, стр. 25.

извольное механическое объединение отношений базиса и некоторого «кусочка» надстройки — хозяйственной политики (последняя реально вне связи, с одной стороны, с базисом, с другой — как элемент всех политических отношений со всеми остальными политическими отношениями, разумеется, подлинно научно исследоваться не может). То же в общем относится и к предложениям об «обогащении» предмета политической экономии социализма проблемами рационального хозяйствования.

Совершенно очевидно, что степень конкретности изучения производственных отношений и экономических законов политической экономии социализма должна быть такой, чтобы служить теоретическим фундаментом рационального хозяйствования, что, однако, неравнозначно включению данных вопросов в предмет политической экономии. Рациональное хозяйствование лишь форма реализации хозяйственной политики, вытекающей из научного познания всех закономерностей экономической жизни. Но мало этого. Хозяйственная политика не может не опираться также на всесторонний учет выводов технических и естественных наук, их оценку прогрессивного развития науки и техники. Техническая политика есть первостепенный элемент экономической политики в целом. Включение вопросов рационального хозяйствования в предмет политической экономии — это, таким образом, иное выражение предложения о включении в него хозяйственной политики, что лишь нарушает целостность, монизм марксистской политической экономии социализма [1].

Ни суженная, ни расширительная версии предмета политической экономии социализма не отражают действительной специфики ее предмета. Научное решение

---

[1] Буржуазная политическая экономия как наука обычно включает в себя рассмотрение как общих, или абстрактных, так и прикладных вопросов, охватывающих конкретные экономики и хозяйственную политику. «Политическая экономия, — писал Туган-Барановский, — распадается прежде всего на *теоретическую* и *практическую* экономическую науку... Практическая политическая экономия, иначе говоря, экономическая политика» (*М. И. Туган-Барановский.* Основы политической экономии. СПб., 1911, стр. 33—34). Туган отнюдь не оригинален. Такой взгляд разделялся и разделяется большинством буржуазных экономистов. Уже одно это должно было бы насторожить тех марксистов, которые легко идут на всякие «расширения» предмета политэкономии.

данной проблемы не в том или ином отходе — чем грешат обе указанные версии — от трактовки предмета политической экономии вообще, в широком смысле, а в выявлении и определении характера тех элементов этого всеобщего предмета политической экономии, которые в условиях социализма получают особое, специфическое значение.

Раскрытие действий и взаимодействий законов в процессе развития экономической действительности требует определения объективного механизма их действия, т. е. объективных форм и стимулов, в совокупности обслуживающих реализацию законов. Именно в этом пункте и заключается решение вопроса о специфичности предмета политической экономии социализма.

Действительно, досоциалистические способы производства развиваются стихийно. В условиях, например, капитализма законы реализуются в форме стихийных результатов, непредустановленных единым планом массовых действий участников экономического процесса, массового процесса конкурентной борьбы, подчиняющегося стимулам извлечения прибыли.

Механизм стихийного действия экономических законов объективно обусловливает в одно и то же время ограниченность возможности использования законов и в силу именно этой ограниченности отсутствие практической необходимости конкретного раскрытия этого механизма [1].

---

[1] Было бы неправильным, разумеется, отрицать в условиях капиталистической стихийности действий экономических законов *всякое* использование их действий как обществом, так и отдельными участниками экономического процесса. Если люди осуществляют этот процесс, это значит, что они так или иначе с потерями, издержками и т. д., но приспосабливают свои действия к экономической необходимости, т. е. используют законы. Однако это использование *ограничено* потому, что, *во-первых,* капиталистическое общество не может использовать в целом систему законов, т. е. сознательно, планомерно направлять экономический процесс. Отдельные законы оно использует, и на этом основано, в частности, вмешательство государства в экономику, но подобное использование ограничено, неполно, да и к тому же не всегда возможно, ибо оно осуществляется в условиях, когда их система в целом действует стихийно, т. е. когда не общество регулирует стихийный процесс своего развития, а, напротив, последний определяет в конечном счете действие общества и всех его членов. Использование экономических законов в капиталистическом обществе *ограничено, во-вторых,* потому, что каждый

Поэтому, не говоря уже о вульгарной буржуазной политической экономии, апологетические задачи которой находятся в конфликте с раскрытием как реальной системы экономических законов, так и целостного механизма их действий, марксистская политическая экономия, вооружающая рабочий класс знанием законов экономического развития капитализма, могла ограничиться и практически ограничивается установлением общих основ механизма действия системы экономических законов, механизма капиталистической конкуренции.

Дело принципиально меняется в условиях социализма. Генеральная, основная форма социалистического экономического процесса — планомерность необходимо требует не только раскрытия природы экономических отношений и свойственных им законов, но и исследования самого объективного механизма, посредством которого реализуются экономические законы, т. е. совокупности с объективной необходимостью возникающих форм и стимулов, через которые и посредством которых экономические законы действуют и взаимодействуют. Речь идет, таким образом, именно о совокупности тех экономических форм и стимулов, которые представляют собой передаточный механизм от сущности экономических отношений к выражающим их процессам и явлениям экономической действительности, о тех формах и стимулах, которые необходимо опосредствуют реализацию всякого экономического закона и их системы в целом.

Ввиду того что совокупное действие экономических законов социализма и их системы в целом необходимо планомерно, механизм их действия должен быть исследован и раскрыт в силу объективной необходимости. Только при этом и возможно обеспечение планомерности действий законов, их использование. Отсюда вытекает то принципиально новое положение, принадлежащее в рам-

---

отдельный участник экономических отношений (и капиталист, и рабочий) в конечном счете неизбежно следует стихийной необходимости экономических законов, а не сознательно их применяет. В целом участники капиталистического производства лишь стихийно приспосабливают свои действия к необходимости, диктуемой законами экономики, в какой бы мере они ни познавали их действия. Но если иметь в виду агентов капиталистического производства, то познание ими законов именно в силу объективно стихийного механизма их действия неизбежно также *ограничено* узкими рамками неполного, частичного познания лишь отдельных законов.

ках общего предмета политической экономии — предмета политической экономии социализма — специально *объективному механизму действия экономических законов,* формам и стимулам, его образующим, и соответственно раскрытию обусловленных ими требований к процессу сознательных, планомерных действий общества по овладению этим механизмом, т. е. по планомерному применению экономических законов. В этом заключается один из решающих моментов специфики предмета политической экономии социализма — со стороны степени конкретности изучения его элементов, образующих этот предмет.

Всякая наука развивается, и в процессе развития ее предмет все более дифференцируется и изменяется. Но пока наука остается ею самой, она в целом обладает одним и тем же предметом. То же относится и к политической экономии. Однако, поскольку политическая экономия в условиях социализма суть наука о планомерно (в основном) развивающихся производственных отношениях, поскольку планомерность объективно диктует необходимость познания и сознательного применения познанных законов в хозяйственной практике, постольку особое значение получает исследование объективных форм и стимулов реализации законов политической экономии, или, иными словами, объективного механизма их действия. За счет последнего предмет политической экономии социализма становится фактически *шире* и необходимо существенно *конкретнее* предмета политической экономии в досоциалистических формациях. *Шире* — потому, что включает изучение всех форм и стимулов объективного планомерного механизма реализации экономических законов социализма; *конкретнее* — потому, что исследование этого механизма и его использование, раскрытие форм применения экономических законов в практике хозяйственной деятельности требуют, чтобы сами отношения производства и законы необходимо раскрывались в неизмеримо более конкретных и многосторонних связях и опосредствованиях по сравнению с отношениями и законами досоциалистических способов производства.

Поэтому предметом политической экономии социализма, если определить его с учетом его специфики, являются, *во-первых,* социалистические общественные от-

ношения производства в целом, рассматриваемые в неразрывной, определяющей их взаимосвязи с социалистическими производительными силами, или социалистический способ производства[1]; *во-вторых,* отвечающие ему совокупности экономических отношений и их законы, регулирующие непосредственное производство, распределение, обмен и потребление, каждую фазу в отдельности и в их взаимной связи, т. е. экономический процесс в целом; *в-третьих,* объективные формы и стимулы реализации экономических законов, т. е. объективный механизм их действий. Короче, политическую экономию социализма можно было бы определить как науку о системе производственных отношений социализма, о выражающей эти отношения системе законов и объективных формах и стимулах, посредством которых реализуются их действия.

Политическая экономия социализма призвана не просто раскрывать экономические законы социализма, механизм их действия, а делать это с полным учетом потребностей экономической практики социалистического государства. Не означает ли это, что тем самым она лишается суверенитета объективной науки, становится подсобным средством политики, ее пассивным «подрядчиком» в области познания действительности?

В соотношении экономической науки, и прежде всего ее теоретического ядра — политической экономии социализма, и экономической политики социалистического государства *определяющую роль* играет наука, а *определяемую* — политика, которая является выражением, формой использования законов экономической необходимости, познаваемых, раскрываемых наукой. Но этим указанное соотношение не исчерпывается.

Экономическая политика — это элемент отношений надстройки. И как форма таких отношений она, будучи в конечном счете обусловливаема объективной экономической необходимостью, не является просто пассивным отражением ее движения; она всегда обладает относительной самостоятельностью и поэтому оказывает мощное обратное активное влияние на экономику. Отсюда и вытекают специфические конкретные требования к научному исследованию тех или иных сторон, процессов,

---

[1] В узком смысле слова.

форм, связей экономических отношений, экономических законов, которые экономическая политика предъявляет науке в связи с развитием всей конкретно-исторической ситуации, конкретного хода экономического процесса, всей совокупности явлений развития народного хозяйства.

Иными словами, развитие политической экономии социализма, ее реальное обогащение возможно только в неразрывной связи с исследованием и обобщением ведущих процессов развития народного хозяйства в каждый данный период развития, определяющих синтетические проблемы хозяйственного развития, такие, например, как оптимальные пропорции и темпы экономического прогресса, эффективность производства и капиталовложений, рост производительности общественного труда, его формы и факторы, экономические стимулы хозяйственного развития и т. п.

Механизм действия экономических законов, как планомерный в основном механизм, поскольку он образует неотъемлемый элемент предмета политической экономии социализма, предполагает исследование экономической роли (или деятельности) государства, экономических государственных функций по использованию экономических законов, их наиболее эффективному применению в практике развития экономики социализма. Этим также обусловливается и рассмотрение экономических форм управления производством, одной из областей совокупности социалистических экономических форм в целом, как таковых и как объективной основы системы общегосударственных форм руководства народным хозяйством.

Партийность марксистско-ленинской политической экономии, состоящая вообще в том, что она рассматривает экономический процесс в свете объективных классовых интересов, при социализме — интересов социалистического народа в целом, т. е. союза социалистических классов, заключается и в том, что политическая экономия социализма на первый план своих исследований всегда выдвигает проблемы, определяемые реальными потребностями экономического развития социалистического хозяйства и, следовательно, потребностями экономической политики.

Таким образом, политическая экономия в условиях социализма не только не перестает быть объективной

наукой ввиду неразрывных связей с потребностями экономической политики, но, напротив, становится в более высоком смысле объективной наукой, которая наиболее полно и эффективно обслуживает процесс развития и революционного преобразования той действительности, ради которых она, собственно, и существует как наука познающего и действующего в постоянном историческом созидательном процессе человечества.

Специфичность предмета политической экономии социализма чрезвычайно важна и для установления неразрывной взаимозависимости и вместе с тем принципиальных, качественных различий между предметами политической экономии и экономик отраслей народного хозяйства. Мы видели (гл. II, § 3), что предмет политической экономии образуют производственные отношения в их народнохозяйственной всеобщности и целостности безотносительно к отраслевым, территориальным или иным локальным особенностям. Напротив, отраслевые экономики изучают отношения производства в тех специфических формах, в которых они выступают в отраслях (сферах) материального производства. При этом совокупность данных отношений в каждой отрасли представляет собой единство общеэкономических отношений в их специфически отраслевых формах и техно-экономических отношений, складывающихся в каждой отрасли в зависимости от особенностей производительных сил, функционирующих в ней.

Но строго различая предметы политической экономии и отраслевых экономик, было бы неправильным упускать их неразрывную взаимосвязь, которая носит двухсторонний характер. Политическая экономия образует общий теоретический фундамент отраслевых экономик, раскрывает общую природу и законы движения экономических отношений, специальные отраслевые формы и закономерности движения которых изучают отраслевые экономики. Вместе с тем политическая экономия необходимо опирается на конкретный материал закономерного движения народного хозяйства, который в каждой из отраслей и сфер разрабатывают отраслевые экономики.

Но есть еще одна, и притом чрезвычайно существенная, сторона в их взаимосвязях, обусловленная планомерностью действия экономических законов социализма. Овладение механизмом планомерного в основном дей-

ствия законов не только требует изучения общих народнохозяйственных форм, его образующих, что является областью политической экономии социализма. Экономические отношения в каждой отрасли развертываются в особых формах. И поэтому овладение механизмом действия законов неразрывно связано с раскрытием конкретных, отраслевых форм и закономерностей процессов. А это — сфера отраслевых экономических наук. Более того, поскольку в процессе планомерного развития каждой данной отрасли необходимо использование специфических форм экономических отношений и законов, постольку в сферу этих наук входит и изучение этих форм как научных основ методов рационального планомерного хозяйствования [1].

Путем изучения форм движения социалистических отношений производства и действий их законов в экономике в целом и в конкретных условиях каждой данной

---

[1] На этот момент обычно указывают все определения предмета и задач отраслевых экономических наук. «Изучение экономических закономерностей развития промышленности, выяснение условий развития, путей и методов решения задач, выдвигаемых Коммунистической партией и Советским правительством перед данной отраслью народного хозяйства, составляют предмет экономики промышленности» («Экономика промышленности СССР». Под ред. П. А. Хромова, А. А. Аракеляна [и др.]. М., 1956, стр. 10—11). «...Экономика социалистической промышленности изучает формы проявления объективных экономических законов социализма, конкретные пути и методы решения хозяйственно-политических задач в промышленности... методологию и методику планирования и экономического обоснования технических и организационных мероприятий в промышленном производстве» («Экономика социалистической промышленности». Под ред. Л. И. Итина, Б. С. Геращенко. М., 1961, стр. 10—11). «Изучение мероприятий партии и правительства, их значения, теоретическое освещение путей дальнейшего крутого подъема производства на основе обобщения передовой практики составляют неотъемлемый и весьма важный раздел науки об экономике социалистического сельского хозяйства» (*И. С. Кувшинов, М. Н. Гумеров, Я. А. Ловков.* Экономика социалистического сельского хозяйства. М., 1963, стр. 27). «Экономика социалистического транспорта не только обобщает и объясняет явления, но и указывает путь правильного претворения на практике стоящих перед транспортом задач» (*Т. Хачатуров.* О предмете науки, об экономике транспорта. — «Вопросы экономики», 1953, № 8, стр. 94). «Наука экономики связи раскрывает экономические закономерности и характерные особенности, присущие связи как отрасли народного хозяйства СССР; научно обосновывает пути и методы наиболее эффективного решения производственно-экономических задач социалистической связи» («Экономика связи». Под ред. А. А. Вишневского. М., 1961, стр. 6).

сферы народного хозяйства, отрасли материального производства и формируются основы планового руководства экономическими процессами. Таким образом, отраслевые экономические науки — необходимые звенья, опосредствующие связи между политической экономией социализма и практическим использованием ее законов в хозяйственной политике, в руководстве реальным экономическим процессом развития социализма. Отраслевые экономические науки — это как бы приводные ремни от политической экономии социализма к практической деятельности, направленной на претворение выводов науки в реальную жизнь.

Следовательно, политическая экономия социализма и отраслевые экономики в их совокупности являются единой системой взаимодействующих наук, в которой общетеоретические экономические исследования, выполняемые политической экономией социализма, неразрывно связаны с отраслевыми, и в том числе техно-экономическими, исследованиями, выполняемыми отраслевыми экономиками. Эта система обеспечивает связь теории и практики, реальное внедрение выводов экономической науки (всех ее областей, отраслей, на всех ее уровнях) в хозяйственную деятельность, служит научной опорой хозяйственной экономической политики Коммунистической партии и социалистического государства.

Вопрос о планомерности механизма действия экономических законов непосредственно связан с проблемой объективности законов политической экономии социализма, которые, в их совокупности, не только не действуют, но и не могут действовать стихийно. Напротив, отражаемая ими объективная необходимость предварительно познается и планомерно реализуется обществом в экономическом процессе. Не означает ли это, что специфика экономических законов или по крайней мере специфика механизма их действия заключается в соединении в этих законах или механизме их действия известных элементов объективности и субъективности, т. е. в неполной их объективности?

Именно так решают проблему некоторые экономисты. Например, А. Пашков отрицает независимость действия экономических законов социализма от сознания людей. Тезис о такой независимости, полагает он, равнозначен «провозглашению стихийного, фатального характера дей-

ствия экономических законов при социализме, отрицанию сознательного, планомерного использования этих законов обществом». Объективность же законов, по его мнению, заключается в их возникновении и существовании независимо от воли и сознания людей, но при их действии, зависящем от воли и сознания [1]. Взгляды, еще решительнее отрицающие объективность законов экономики социализма, развивает С. П. Первушин, полагающий, что экономические законы являются не выражением объективной необходимости, заложенной в самих экономических отношениях, а представляют собой продукт взаимодействия двух начал: объективных условий и сознательной, т. е. подчиненной сознательной воле, субъективной деятельности [2].

Таким образом, концепция неполной объективности экономических законов существует либо в форме взгляда о зависимости самой сущности закона в той или иной мере от воли и сознания людей (закон — продукт «взаимодействия» сознательной деятельности и объективных условий), либо в форме взгляда о зависимости от субъективных моментов (воля, сознание, деятельность, ими

---

[1] См. *А. Пашков.* О действии экономических законов и рациональном хозяйствовании при социализме. — «Вопросы экономики», 1962, № 5, стр. 21.

[2] «Объективные экономические законы, — писал С. Первушин, — особенно в условиях социалистического общества, могут быть поняты как суммарный, совокупный результат взаимодействия между сознательной деятельностью людей, организованных в государство, и конкретными объективными экономическими условиями, в которых осуществляется тот или иной этап строительства социализма» (сб. «Вопросы политической экономии социализма», стр. 232). Близких к изложенным (А. Пашкова и С. Первушина) взглядов придерживается М. Ф. Макарова, считающая, что неверно утверждать, будто бы «механизм действия экономических законов социализма целиком определяется *только* объективными условиями и от людей совершенно не зависит». Претворение в жизнь требований объективных законов «зависит от воли и сознания людей» (там же, стр. 92 и 93).

Выходит, что люди вольны реализовать или не реализовать законы. Своеобразная, субъективная, так сказать, объективность! Уступку такого рода субъективизации объективных экономических законов социализма делают и некоторые философы, развивая взгляд о том, что целенаправленная деятельность людей включается «как необходимое звено в причинную связь любого общественного закона» (*В. С. Библер.* О характере действия законов общественного развития. «Ученые записки Таджикского гос. ун-та», т. VII. Труды историко-филологического факультета. Сталинабад, 1955, стр. 71).

определяемая) действий законов (законы существуют как «объективные», но действуют в зависимости от субъекта!).

Представляют ли подобные взгляды действительно научное отражение нового в характере экономических законов, свойственных социализму, или это истолкование планомерности действий законов, специфичной социализму, на субъективный лад?

В изложенной выше концепции нетрудно обнаружить именно последнее.

Действительно, между действием законов общественных, в том числе и экономических, и естественных имеется та коренная разница, что вторые осуществляются вне деятельности человека (или по крайней мере могут действовать, ибо деятельность человека представляет собой также и использование естественных законов, например высвобождение энергии в атомном реакторе и т. п.), тогда как первые неизбежно осуществляются посредством деятельности, предполагающей сознание и волю [1].

Какой же вывод делает марксизм из этого? Исторический материализм состоит в признании объективности, т. е. независимости от воли и сознания людей, законов материальных общественных отношений. И хотя все законы истории непременно реализуются в сознательных действиях людей, ход истории подчиняется объективным законам. «Материализм исторический, — писал Ленин, — признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества» [2].

Но может быть, планомерное действие законов экономики социализма изменяет соотношение объективных законов и субъективной деятельности? Разумеется, изменяет, но не нарушая при этом ни в какой мере и ни в каком отношении объективности законов экономики социализма — их сущности, форм и механизма действия.

Вне их познания и планомерного использования законы экономики социализма в совокупности, как систе-

[1] «...Все, что побуждает человека к деятельности, — писал Энгельс, — должно проходить через его голову: даже за еду и питье человек принимается вследствие того, что в его голове отражаются ощущения голода и жажды, а перестает есть и пить вследствие того, что в его голове отражается ощущение сытости» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 290).

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 346.

ма в целом, не могут реализоваться в том смысле, что стихийное функционирование социалистической экономики невозможно. Значит ли это установление зависимости действий законов от сознания и воли людей или, более того, их превращение в продукт взаимодействия сознания и воли, с одной стороны, и внешних обстоятельств — с другой? Ни в какой мере. Планомерность действий законов экономики социализма означает, что общественный строй отношений производства и их законов, объективный механизм их действия таковы, что форма их *реализации* в сознательной деятельности людей коренным образом отлична от стихийной реализации. Стихийно функционирующая экономика, представляющая собой разрозненные, невзаимосвязанные, не объединенные в масштабе общества и лишь индивидуально (или в рамках отдельных групп) целенаправленные действия людей, означает, что эти действия реализуют объективную экономическую необходимость лишь post factum, стихийно приспосабливаясь к ней. Планомерно же функционирующая экономика, представляющая собой объединенные, взаимосвязанные действия людей, действия, общественно целенаправленные, объединенные в масштабе общества, означает, что эти действия намеренно отвечают предварительно познаваемой и реализуемой объективной необходимости. Иными словами, планомерная деятельность людей, состоящая в сознательном использовании экономических законов, означает планомерное приспособление к экономической необходимости заранее.

Дело здесь обстоит точно так же, как в примере Энгельса: от того, что человек может питаться, лишь отражая в голове испытанное им чувство голода и сытости, законы питания, механизм их функционирования не теряют своей объективности, хотя без сознательной деятельности человека, его преднамеренного приспособления к условиям питания был бы невозможен и сам этот процесс.

Таким образом, реально изменяется, в силу того что стихийность уступает место планомерности, не объективность самих законов, не объективность механизма их реализации, а соотношение форм деятельности людей с реализуемой ею объективной экономической необходимостью: стихийность означает разрозненные, обществен-

но не объединенные индивидуальные или коллективные (групповые) действия людей, лишь приспосабливающиеся к реализации необходимости; планомерность — объединенные в общественном масштабе действия людей, сознательно, намеренно приспособленные к реализации этой объективной необходимости.

Вот это-то изменение характера взаимосвязи субъективного фактора — деятельности людей и объективного фактора — экономических отношений, их законов, механизма их действий некоторые экономисты и приняли за изменение самого объективного фактора, за превращение его из полностью объективного фактора в фактор полуобъективный-полусубъективный. Иными словами, они сделали уступку субъективизму.

Нельзя не отметить, что в некоторых работах по историческому материализму эта уступка субъективизму вообще переросла в критику взгляда на процесс развития социализма (как фазы экономической общественной формации) как на естественноисторический процесс. Некоторые авторы полагают, что подход к социально-экономическому развитию как естественноисторическому процессу правомерен лишь в условиях стихийно складывающихся отношений. По их мнению, положение будто бы «коренным образом» изменяется, раз дело идет об отношениях, которые строятся сознательно, планомерно, а не стихийно.

Не ясно ли, однако, что рассмотрение всяких форм движения общественно-экономических отношений, действий законов, выражающих эти отношения, в том числе и социалистических, как форм движения, подобных естественноисторическому процессу, т. е. процессу объективному, не зависящему от воли и сознания людей, есть главный, решающий устой материалистического понимания истории вообще, и в том числе социально-экономического процесса как основы исторического развития в его целом.

Итак, планомерность объективного механизма действий экономических законов, который образует собой специфический элемент предмета политической экономии социализма, характеризует самое сущность этого механизма. Это, однако, ни в какой мере не означает появления в предмете политической экономии социализма некоего субъективного элемента. Предмет политической

экономии социализма — объективные отношения производства, объективные экономические законы, объективный механизм их реализации, и поэтому это наука об объективной экономической стороне социально-экономической формации, а не о ее субъективных факторах и процессах [1].

2

взаимосвязи экономических отношений, законов, форм социализма в их системе (о логике категорий в предмете политической экономии социализма)

Специфичность предмета политической экономии социализма заключается не только в характере и составе образующих его элементов, но и в специфическом характере логики его категорий, отражающем особый, объективный характер взаимосвязей экономических отношений (а тем самым и законов, и форм) социализма в их единой системе. Разумеется, и для них остаются в силе всеобщие взаимосвязи общественных отношений производства [2]. Вместе с тем в рамках этих общих взаимосвязей в силу специфически исторического характера отно-

---

[1] Иногда полагают, что есть некая форма общественного сознания, «принадлежащая самой экономической жизни социалистического общества» («Курс политической экономии», т. II, стр. 121). Но экономическая жизнь — это совокупность объективных экономических отношений. Сознание может непосредственно отражать эти отношения, быть направленным на их организацию, осуществление и т. п. Однако и в этом случае любая данная форма сознания будет принадлежать не экономической жизни, т. е. будет не элементом последней, а неотъемлемой формой общественного сознания, т. е. элементом духовной жизни. Иными словами, каково бы ни было содержание сознания, оно в качестве явления духовной жизни не может входить, как элемент в материальные отношения экономики.

[2] Они рассмотрены в § 2 второй главы.

Маркс отмечал как важнейшую сторону исследований политической экономии именно то, что она (он писал это по поводу Адама Смита) «прослеживает внутреннюю связь экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. 2, стр. 177).

щений производства неизбежно действие исторически особенных взаимосвязей, зависящих от конкретно-исторического типа отношений производства, характера свойственных им противоречий, форм их движения и разрешения, от соотношения специфических законов экономики и т. д.

Таким образом, каждый исторически определенный способ производства обладает своей *специфической структурой экономических отношений,* обусловливающих особую внутреннюю связь выражающих их категорий.

Каковы же решающие объективные факторы и в каких отношениях определяют они специфичность этой внутренней взаимосвязи социалистических экономических категорий в их системе?

Логика категорий должна отражать объективную логику движения и развития самих отношений, стало быть, вскрывать взаимосвязь, в логике которой отражался бы реальный исторический процесс развития, процесс созревания и усложнения (конкретизации) форм, в которых реализуется созревание и усложнение развивающихся отношений производства.

Исходя именно из этого требования [1] прежде всего важно установить общее *исходное отправное отношение* исследования и общий принцип восхождения от него ко все более богатым опосредствованиям и формам, все более *конкретным и развитым совокупностям отношений* производства, с тем чтобы в конечном счете была воспроизведена вся логика структуры этих отношений, раскрывающая их действительность во всем богатстве ее форм [2].

Иногда полагают, что можно и применительно к системе категорий социализма воспользоваться логикой отношений и связей специфических категорий капитализма, вскрытой Марксом в анализе системы капиталистических отношений производства. Однако это обусловило бы не только учет лишь общего во взаимосвязях отношений производства и в то же время игнорирование специфического в таких взаимосвязях, но и незако-

---

[1] Совокупность главных требований диалектико-материалистического экономического анализа рассматривается в § 3 этой главы.

[2] «Категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не «рассказывая», не «уверяя», а *доказывая*), исходя из простейших основных...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 86).

номерную подмену реальной специфичности взаимосвязей социалистических отношений производства некоей несвойственной им специфичностью буржуазных отношений.

Дело в том, что Маркс в качестве исходного отношения исследования и всей логики категорий капитализма принимает отношение товара. Он исходит из отношения товара потому, что это наиболее массовое и всеобщее отношение капитализма; что капитализм как система высшего развития товарных отношений, основывающихся на частной собственности, получает в этих отношениях свою специфически историческую характеристику [1]. Из этого и проистекает, что в товарном отношении, как в клетке, заключается вся система противоречий буржуазного производства. Товарное отношение, основывающееся на частной собственности, в зародыше содержит в себе и возможность и необходимость его превращения в капиталистическое товарное отношение, основывающееся на частнокапиталистической собственности [2].

Именно поэтому логическое восхождение от товарных отношений к капиталистическим товарным отношениям воспроизводит реальный исторический путь становления и развития отношений производства капитализма.

Другой, взаимосвязанный с первым, существенный момент состоит в том, что капиталистические товарные отношения развиваются *стихийно, спонтанно,* и поэтому внутренняя логика их взаимосвязей необходимо должна отражать спонтанную, стихийную взаимосвязь отношений, развивающихся из элементарной исходной клеточки этих отношений — отношения товара.

---

[1] Именно поэтому и капиталистическое богатство, т. е. накопленный прошлый труд, господствующий над живым трудом, есть скопление товаров, а отдельный товар — элементарная форма этого буржуазного богатства, этого скопления товаров. «Наше исследование, — отмечал Маркс, — начинается поэтому анализом товара» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 43).

[2] «...Простейшая форма товара... — указывал Маркс, — заключает в себе *всю тайну денежной формы,* и тем самым, в зародыше, — тайну *всех буржуазных форм продукта труда*» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 260). «...Простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного, данного, товара на другой, — отмечал Ленин, — уже включает в себе в неразвернутой форме *все* главные противоречия капитализма...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 160—161).

Нужно ли в отношениях производства социализма выделить исходное и всеобщее, определяющее отношение? Как уже отмечалось, это необходимое элементарное требование диалектико-материалистического экономического анализа.

Однако же очевидно, что простейшее исходное отношение социализма нельзя искать в каком-либо отдельном отношении хотя бы и всеобщего характера (как, например, общественное разделение труда, общественный продукт, национальное богатство и т. п.), но не являющемся *определяющим, основным отношением производства.*

Дело в том, что социализм не представляет собой строя постепенно, спонтанно развивающихся отношений путем разложения и преобразования отношений предшествующего ему капиталистического способа производства. Его исходным пунктом является революционный переворот во всей совокупности господствующих отношений производства, и прежде всего в основном производственном отношении — отношении собственности на средства производства. Поэтому именно *революционное возникновение и последующее движение и развитие основного отношения* (социалистической собственности на средства производства) целиком определяет собой характер возникновения, движения и развития всех иных экономических отношений и форм социализма. Для социализма *исходное* и *основное* отношение — это *одно и то же отношение*[1].

---

[1] *Исходной категорией* экономического анализа социализма необходимо является категория, выражающая реально *основное отношение* производства, движение которого определяющим образом взаимодействует с движением всех иных отношений и дает общие рамки развития характера этих последних. Именно поэтому для системы отношений социализма такой категорией является общественная собственность на средства производства. Иногда, однако же, полагают, что, поскольку система общественного разделения труда, объединяемая общественной собственностью и непосредственно, планомерно развивающаяся как единое целое, находит «адекватное выражение в совокупном общественном продукте в *целом»,* постольку именно общественный продукт «и становится в результате исторического развития наиболее общей и исходной экономической формой и категорией политической экономии социализма и коммунизма» (*А. Ноткин.* Общественный продукт и национальный доход. — «Вопросы экономики», 1962, № 9, стр. 35).

Конечно, категория общественного продукта — достаточно широкая категория, но отнюдь не всеобщая. Она не охватывает, напри-

Объективная логика развития отношений социализма есть логика развития в целом нового, революционно возникающего строя производства, определяемого его решающим основным отношением — социалистической собственностью на средства производства.

Таким образом, *социалистическая собственность на средства производства исторически и логически является тем исходным всеобщим отношением, которое определяет объективный строй, объективную систему взаимосвязей отношений производства социализма и соответственно отражающую этот строй внутреннюю логику экономических категорий социализма как логику системы его политической экономии, развития предмета этой науки.*

Иногда возражают против рассмотрения отношений собственности в качестве исходного отношения на том основании, что анализ собственности означает раскрытие всей системы отношений производства в целом. Поэтому полагают, что начинать с собственности будто бы значит начинать с того, что и должно быть раскрыто в процессе исследования, — с производственных отношений в целом [1].

мер, таких отношений, как фонды, национальное богатство в целом, рабочая сила, земля, предприятия как экономические категории и т. д. Но дело не только в этом. Общественный продукт получает социалистический характер на основе отношений социалистической собственности. Только отправляясь от нее, можно генетически развить и характер продукта, и поэтому последний не может служить исходной категорией.

Иногда полагают, что в качестве исходного социалистического производственного отношения следует принять товар. Это, однако же, не имеет реальных оснований, так как товарные отношения при социализме не являются для него ни специфически исторической, ни тем более основной формой.

[1] Например, А. Пашков, ссылаясь на то, что в «Капитале», который дает анализ капиталистической собственности, нет ни одной главы, специально ей посвященной, полагает, что «определить социалистическую собственность — это значит дать характеристику всей совокупности социалистических производственных отношений». Н. А. Цаголов также считает, что «собственность как политэкономическая категория может быть понята только в том случае, если она проявляет себя через производство, обмен и распределение. Поэтому надо показать собственность в системе всех производственных отношений, являющихся ее формой проявления. Никакой особой главы о собственности не нужно» («Вестник МГУ», 1958, № 4, серия экономики, философии и права, стр. 196).

На первый взгляд эти доводы не могут не представляться убедительными, тем более что они как будто бы исходят из известного высказывания Маркса о методологии трактовки отношений собственности. Раскрыть отношения собственности, отмечал, как известно, Маркс, — значит раскрыть всю систему отношений производства, которые она определяет и в которых она проявляется.

Разумеется, *полное, всестороннее* раскрытие отношений собственности предполагает выяснение всей системы отношений производства, через которую и в которой выступают все свойственные ей моменты. Поэтому Маркс подчеркивал ошибочность попыток изображения собственности как независимого отношения, оторванного от всех остальных форм и отношений производства. Ведь именно собственность образует общую связь, объединяющую все остальные экономические отношения и формы [1].

Но означает ли это, что в отношениях собственности нет определяющего ядра, определяющего отношения, в зависимости от которого, в рамках которого и на основе которого складываются все остальные отношения производства и его формы?

Таким ядром отношений собственности являются отношения между людьми по поводу средств производства. В условиях капитализма это отношение собственности — капитал, т. е. буржуазная собственность на средства производства. И как таковой капитал есть самостоятельное, определяющее отношение в системе отношений капиталистического производства, он «образует его господствующую категорию, его определяющее производственное отношение...» [2] В условиях социализма — это

---

[1] «Определяя собственность как независимое отношение, — писал Маркс, — г-н Прудон совершает нечто худшее, чем методологическую ошибку: он обнаруживает непонимание той связи, которая соединяет все формы *буржуазного* производства...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 406).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. 2, стр. 394.

«Капиталистический способ производства, — писал Маркс, — покоится на том, что вещественные условия производства в форме собственности на капитал и собственности на землю находятся в руках нерабочих, в то время как масса обладает только личным условием производства — рабочей силой» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 20).

всенародная социалистическая собственность на решающие средства производства, и она представляет собой основное отношение социалистического способа производства. Именно определяя значение отношений собственности на средства производства как основы социализма, Маркс писал об обществе, «основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства...» [1]

Иногда полагают, что за исходную в системе отношений социализма следует принять категорию планомерности, которая будто бы представляет собой исходное, важнейшее, всеобщее проявление собственности, т. е. наиболее общее отношение производства социализма, «клеточку» системы отношений производства, исходя из которой можно исследовать всю систему, раскрыть ее специфичность [2].

Но *во-первых,* планомерность не есть некое особое отношение производства социализма, так же как, скажем, стихийность не есть особое отношение производства капитализма. И планомерность, и стихийность являются лишь всеобщим свойством, формой движения отношений производства. Но форма движения объекта и сам объект и в природе, и в обществе не одно и то же.

Во-вторых, лишь исходя в исследовании системы отношений из собственности на средства производства, как таковой, можно отправляться от *сущности* основного отношения, а не от формы его проявления, хотя бы такой массовой и существенной, какой является планомерность.

В-третьих, лишь идя от собственности как исходного отношения системы отношений производства, можно объяснить и самое планомерность. Непосредственно общественное соединение производителей по поводу средств производства (отношение всенародной социалистической собственности) не только открывает возможность планомерности, но и определяет ее необходимость. Следовательно, начать с планомерности — значит закрыть дорогу к реальному анализу внутренней логики социа-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 18.

[2] См. *Н. А. Цаголов.* Некоторые вопросы структуры курса политической экономии социализма. — «Вопросы экономики», 1962, № 6, стр. 84—85. Та же позиция развивается и в «Курсе политической экономии», т. II, стр. 108—109.

листических отношений производства и выражающих их категорий [1].

Так же как специфично исходное отношение социализма в системе его отношений производства и, стало быть, в исследовании логики категорий, теоретически ее воспроизводящей, специфичен и путь движения от сущности к действительности, т. е. восхождения в анализе от отношений производства в их абстрактном, сущностном виде ко всему более конкретному, многосторонне опосредствованному виду.

Как известно, исследование производственных отношений в «Капитале» состоит из трех последовательных этапов конкретизации: отношения в процессе производства, как таковые; отношения в процессе обращения и воспроизводства; процесс производства, взятый в целом, как единство процесса производства и процесса обращения. На каждом из этапов совокупность отношений производства исследуется во все более конкретных и многообразно развитых их формах. Этот способ восхождения от абстрактного к конкретному продиктован самим содержанием капиталистического производства, его природой как всеобщего, полностью развитого товарно-капиталистического производства, в котором товарно-сто-

[1] В защиту планомерности как исходной категории приводится и то соображение, что это будто бы «простейшее отношение», так как социализм подобно другим способам производства развивается от простого к сложному, а исходное простейшее его отношение («клеточка») и есть планомерность.

Не верно прежде всего утверждение, что простейшая экономическая форма — это во всех случаях «экономическая клеточка» (см. *Н. Хессин.* Понятие «экономическая клеточка» и его методологическое значение. — «Вопросы экономики», 1964, № 7, стр. 120).

Простейшая структурная форма строя частной собственности — товар. Поэтому он и образует клеточку, зародыш отношений капитализма. Однако для социализма нет и не может быть такой обособленной, частной исходной структурной формы, так как это строй непосредственно общественного производства. Его простейшая структурная исходная форма — общественная собственность на средства производства. Естественно, что метафора «клеточка» здесь уже вряд ли уместна. Впрочем, она вовсе не уместна и применительно к планомерности, которую некоторые экономисты квалифицируют как «простейшее отношение»; в то же время, на их взгляд, в это «отношение», оказывается, входит и «национализация решающих средств производства, и новая экономическая роль производства, и создание системы управления народным хозяйством сверху донизу, и всеобщность и обязательность труда» и т. д. (там же, стр. 125). Таково это «простейшее отношение»!

имостная связь представляет собой специфически историческую и единственную форму экономической связи. Именно из этого вытекает необходимость введения в анализ отношений капиталистического производства в качестве второго этапа конкретизации рассмотрения их движения в процессе обращения и, далее, выделения в качестве третьего этапа движения отношений производства в единстве форм, которые они получают в производстве и обращении.

Социалистическое производство представляет собой товарное производство особого рода: товарная форма связи при социализме ограничивается определенной группой отношений и является дополнительной формой экономической связи[1]. Уже в силу этого этапы конкретизации в анализе общественных отношений производства в условиях социализма не определяются степенью их связи с формами товарного обращения, хотя последние должны полностью при этом учитываться.

Разумеется, взаимосвязи и соподчиненности звеньев, совокупностей отношений производства в общей их системе каждого исторически определенного способа производства характеризуются и *всеобщими* и *особыми, специфически историческими* чертами. С методологической точки зрения Марксов анализ производственных отношений капитализма и реализует взаимосвязь специфически исторических форм движения от абстрактного к конкретному (производство — обращение — процесс производства и обращения в целом) с общими формами восхождения от производства к распределению, обмену и потреблению как их единству при господствующей роли (примате) производства.

Исследование движения отношений социалистического производства заключает в себе свои собственные, специфические ступени восхождения от абстрактного к конкретному. Вместе с тем, разумеется, оно не может исключить необходимости исследования этого движения в его объективных всеобщеисторических формах, образуемых движением отношений по фазам воспроизводства и в процессе воспроизводства как единстве всех фаз.

Реальное качественно-существенное углубление в содержание социалистических отношений производства и

[1] См. § 4 главы пятой.

достигается последовательным их движением сначала в границах отдельных фаз воспроизводства, затем в границах процесса воспроизводства в целом и далее в границах более развитых и конкретных совокупностей экономических форм, в которых взаимосвязи отношений социалистического производства выступают в их единстве в реальной экономической жизни. Наконец, последняя ступень конкретизации — это рассмотрение системы внутренних экономических отношений социализма в общей их связи с отношениями мировой социалистической системы.

Движение социалистических производственных отношений по фазам воспроизводства, рассматриваемое в присущих ему специфически социалистических двух формах планомерной экономической связи — прямой и товарно-денежной, и представляет собой движение *единства производства, как такового, и других неразрывно с ним связанных и им опосредствуемых фаз (распределения, обмена, потребления),* т. е. движение *производства в широком смысле,* как производства материальной жизни. Оно и образует *первую ступень* специфичного для социализма анализа отношений производства — их сущности в наиболее общем, абстрактном виде. Анализ отношений производства по фазам воспроизводства позволяет последовательно и всесторонне провести в исследовании принцип *примата производства.*

Следующая за анализом отношений производства по отдельным фазам их движения *вторая, более конкретная ступень* рассматриваемого специфического анализа образуется *движением социалистических отношений производства в процессе воспроизводства в целом* в тех же свойственных социализму двух формах планомерной связи.

Таким образом, анализ движения отношений социалистического производства по фазам и в процессе воспроизводства в целом представляет собой единство *всеобщего* (движения по фазам) и *специфического* (анализ специфических отношений и связей) в восхождении от абстрактного к конкретному в политико-экономическом исследовании экономических отношений.

Из единства и взаимоопосредствования фаз вытекает вместе с тем и тот существеннейший вывод, что ни одна форма экономических отношений, ни один закон — пред-

ставляют ли они собой формы и законы, свойственные всем фазам движения отношений в их совокупности, или какой-либо одной фазе, или любому их сочетанию, — не могут быть раскрыты только в связях, соответственных такой одной фазе или их совокупности [1].

Полное и действительное их раскрытие требует выяснения всех их существенных опосредствований, стало быть, их раскрытия не только в общих, абстрактных связях движения отношений через все фазы и единство фаз процесса воспроизводства, но необходимо и в особых взаимосвязях движения отношений производства в конкретных народнохозяйственных формах, т. е. в тех совокупностях хозяйственных форм, в каких движение отношений производства выступает в реальном экономическом процессе. *Рассмотрение системы производственных отношений в совокупностях конкретных экономических форм и их взаимосвязей* [2] *и образует третью ступень конкретизации анализа.*

Наконец, последняя ступень конкретизации — это *рассмотрение системы внутренних экономических отношений социализма в общей их связи с отношениями мировой социалистической системы как элемента этой системы.*

Таким образом, цепь взаимосвязанных этапов исследования социалистических отношений производства, которое есть восхождение от абстрактной сущности отношений к конкретной их действительности, следующая: от основы строя производственных отношений социализма, исходного, основного его отношения производства — социалистической собственности на средства производства, от определяемого ею экономического закона движения (основного закона) к производственным отношениям в отдельных фазах их движения (в границах непосредственного производства, распределения, обмена и по-

[1] Большинство законов распространяет свои действия на все или несколько фаз воспроизводства. Их изучение лишь начинается с той фазы, отношения в которой образуют преимущественную сферу их действия, но продолжается и в связи с другими фазами.

[2] Как такие совокупности форм или узлы взаимосвязей отношений и выступают: предприятие — конкретное первичное структурное звено функционирования производственных отношений; колхоз и колхозный строй; совокупность предприятий как структурно обособленное единство конкретных форм функционирования производственных отношений в общей их системе (объединения предприятий, взаимосвязи отраслевых и территориальных комплексов и т. д.); финансы, кредит, денежное обращение и т. д.

требления); далее к движению этих отношений в процессе воспроизводства в целом как единстве всех его фаз; от этого последнего к движению системы отношений в основных конкретных народнохозяйственных формах их взаимосвязей и, наконец, от движения отношений внутри национальной сферы к их движению в системе отношений мирового социалистического хозяйства.

Таково общее принципиальное выделение основных последовательных ступеней конкретизации исследования, отвечающее объективному характеру движения и развития экономических отношений социализма.

В связи с его реализацией необходимо обратить внимание на ряд специальных существенных моментов, и прежде всего на вопрос об объективной необходимости рассмотрения отношений в границах их движения по отдельным фазам воспроизводства.

Подчас указывают на то, что будто бы Маркс рассматривал такого рода абстрагирование отношений как «поверхностное», как некую аналогию формальному силлогизму (производство, распределение, обмен и потребление). Однако Маркс критиковал вовсе не положение о реальности движения отношений производства через известные четыре фазы воспроизводства, не наличие особых состояний отношений производства в каждой фазе, как и особого, качественно определенного их состояния в единстве всех фаз, а буржуазную трактовку каждой фазы вне их единства, в отрыве друг от друга, как пустых, выхолощенных, лишенных специфически исторических черт определений. Но именно Маркс дал глубокий диалектический анализ состояния и форм отношений в каждой фазе воспроизводства и в их единстве, и это было необходимостью, ибо отвечало объективной логике взаимосвязей форм движения производственных отношений вообще.

Возражая против анализа отношений по фазам их движения, указывают на то, что нельзя изолированно исследовать фазы движения производственных отношений; что необходимо изучать совокупность отношений, которая и представляет собой объект политической экономии. Скажем, нельзя исследовать отношения распределения и обмена вне их связи друг с другом и с отношениями непосредственного производства, ибо последнее есть общая основа и первых, и вторых.

Обычно при такого рода возражениях также ссылаются и на известное высказывание В. И. Ленина о том, что «нелепо выделять «распределение» и «потребление», как какие-то самостоятельные отделы науки, соответствующие каким-то самостоятельным процессам и явлениям хозяйственной жизни» [1]. Но ни доводы против «пофазного» анализа отношений производства, исходящие из того, что эти отношения должны изучаться как единая совокупность, ни критика Марксом и Лениным незакономерности изолированного, самостоятельного изучения фаз ни в какой мере не затрагивают необходимости исследования форм движения совокупности отношений производства через фазы воспроизводства, если это движение берется с учетом единства и взаимоопосредствования фаз. Напротив, такое изучение является неотъемлемым орудием исследований, политико-экономического анализа и Маркса, и Энгельса, и Ленина [2].

Другая проблема заключается в том, где при анализе системы категорий должны рассматриваться категории характера труда, форм экономических связей и соответственно товарного производства с его формами.

Вопрос о природе и формах планомерных социалистических экономических связей — прямой связи как господствующей и косвенной, товарной связи как дополнительной — решается самим их характером, их взаимосвязью со всеми остальными отношениями и экономическими формами, что в свою очередь вытекает из характера труда, определяемого отношениями собственности на средства производства, в неразрывной связи с которыми он и должен рассматриваться.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 53.

[2] Отметим, что, так же как и К. Маркс, Ф. Энгельс специально указывал на необходимость изучения законов специальных фаз движения отношений при учете и в рамках общей, определяющей их взаимосвязи с производством. Производство и обмен—две различные экономические функции, каждая из которых, подчеркивал Энгельс, «имеет также в значительной мере свои собственные, особые законы» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 150). По поводу торговли Энгельс писал, что «внутри этой общей зависимости (от производства. — *Я. К.*) она (торговля) все же следует своим собственным законам, которые присущи природе этого нового фактора». Торговля деньгами (денежный рынок), писал Энгельс, «внутри границ, вытекающих из производства и торговли товарами, имеет особые законы и фазы, определяющиеся ее собственной природой» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 256).

Что касается непосредственно общественного характера труда и планомерной, прямой экономической связи, им определяемой, то это не вызывает необходимости особых доказательств и является более или менее очевидной атрибутивной характеристикой отношений социалистической собственности, ее проявлением в качестве всеобщей формы ее движения. Но такой вопрос возникает по поводу товарных отношений: правильно ли их рассмотрение вместе с отношениями собственности на средства производства и до других, более конкретных отношений социалистического производства?

Закономерность такого рассмотрения определяется именно тем, что товарные отношения с их категориями есть особая, в определенных границах всеобщая дополнительная форма планомерной экономической связи, охватывающей движение всей совокупности отношений производства во всех их фазах и во всех конкретных народнохозяйственных формах их единства. И поэтому они должны рассматриваться в неразрывной связи с отношениями собственности, определяемым ими характером труда и господствующей всеобщей прямой планомерной связью.

Существен также и вопрос об исследовании в системе отношений и категорий закономерностей перерастания социалистических отношений и форм в коммунистические. Совершенно очевидно, что направлением и содержанием развития отношений социализма является их перерастание в отношения полного коммунизма. Поэтому их рассмотрение на какой бы то ни было ступени абстракции вне этого внутренне свойственного им направления развития означало бы нарушение диалектического подхода к анализу их сущности, законов движения. Но все это вместе с тем не означает, что нет необходимости в специальном *целостном* рассмотрении процесса перерастания социалистических отношений в коммунистические. Такой процесс образует особую историческую полосу развития отношений победившего социализма. Изучаемый в единстве образующих его закономерностей, он раскрывает новые связи и стороны, определяемые именно этим единством. Поэтому и возникает необходимость специального рассмотрения процесса перерастания социалистических отношений производства в коммунистические, взятого в единстве всех его форм и закономерностей.

Существен вопрос и о месте в общей логике системы категорий политической экономии социализма — категорий переходного периода от капитализма к социализму. Но он решается тем обстоятельством, что полное выявление природы менее развитых, зарождающихся и переходных отношений возможно лишь на основе анализа развившихся, зрелых отношений. И поэтому лишь на основе раскрытой природы отношений социализма может быть всесторонне понят и раскрыт процесс его становления. К этому добавляется и то существенное историческое обстоятельство, что экономика стран, строящих социалистическое общество, связана с мировой социалистической системой, в состав которой входит и экономика нашей страны, где социализм уже победил. Без этого теперь нельзя понять многих процессов переходного периода.

Таковы некоторые основные предпосылки, положенные в основу исследования объективных взаимосвязей экономических отношений социализма и внутренней, выражающей их логики категорий политической экономии социализма.

Результат такого исследования и приводится в форме логики (или схемы взаимосвязей) системы экономических отношений, законов и категорий политической экономии социализма, отражающей специфику развития ее предмета.

Система экономических отношений, законов и категорий политической экономии социализма (общая, примерная схема)

I. основное производственное отношение социализма и экономический закон его движения (основной закон), формы экономических связей

1. Социализм — первая фаза коммунистического способа производства. Сущность и общий характер (черты) строя производственных отношений социализма в целом. Конституирующая роль для этого строя отношений общественной собственности на средства производства.

2. Общественная собственность на средства производства — основное производственное отношение социализма. Сущность этого отношения. Разнообразие форм общественной собственности на средства производства при социализме: общенародная, государственная и колхозно-кооперативная. Экономические основы классовой структуры социалистического общества. Ступени развития социалистической собственности и историческая тенденция ее перерастания в коммунистическую собственность. Личная собственность, определяющие ее взаимосвязи с общественной.

3. Экономический закон движения (основной закон) социализма. Система экономических интересов и характер экономических противоречий социализма, формы их движения и разрешения.

4. Непосредственно общественный характер производства и труда при социализме и два типа экономических связей между производителями.

5. Планомерность господствующей формы экономического движения. Система экономических потребностей социалистического общества, их взаимосвязь с производством. Необходимость и сущность пропорциональности. Закон планомерного развития. Прямые планомерные экономические связи. Экономическая необходимость государственного руководства экономикой.

6. Товарное производство и товарные отношения как дополнительная планомерная форма экономических связей:

а) специфические особенности категорий товарного производства при социализме. Закон стоимости;

б) деньги и их функции.

II. производственные отношения социализма в отдельных фазах их движения

А. отношения в непосредственном процессе социалистического производства

1. Специфичность отношений в непосредственном социалистическом производстве.

2. Объективные и личные экономические факторы производства и непосредственный процесс труда:

а) производственные фонды;

б) рабочая сила и характер ее функционирования (всеобщность труда и труд в условиях непосредственной общественной коллективности; социалистическое отношение к труду);

в) социалистическое общественное разделение труда и его законы; социалистическая кооперация труда и ее законы; исторические тенденции развития социалистического разделения и кооперации труда;

г) производительный социалистический труд.

3. Необходимые и прибавочные труд и продукт:

а) рабочий день; его разделение на необходимое и прибавочное время;

б) постоянные и переменные производственные фонды;

в) необходимый и прибавочный продукт; отношение между ними;

г) социалистические материальные личные и общественные (коллективные и всеобщие) интересы и стимулы к труду и развитию производства. Социалистический закон материального стимулирования труда.

4. Продукт в целом:

а) общественные издержки производства продукта;

б) вещественные элементы продукта;

в) стоимостные формы продукта и его элементы: фонд возмещения и его состав, фонд чистого продукта.

5. Материально-техническая база социалистического производства и общественная производительность труда:

а) крупное машинное производство и материально-техническая база социализма в ее функциональной и отраслевой структурах. Экономический закон технического прогресса и экономические границы применения машин. Направления развития материально-технической базы социализма. Электрификация, химизация, механизация и автоматизация производства. Тенденции технического прогресса и современная научно-техническая революция.

Специфически социалистический характер структур материального производства. Производство орудий труда. Машиностроение как решающее звено прогрессивного развития структуры материального производства. Производство предметов труда. Производство предметов конечного (народного) потребления;

б) общественная производительность труда и факторы ее подъема;

в) законы динамики социалистического производства — концентрации, специализации, комбинирования производства, непрерывного роста производства и непрерывного повышения производительности труда и др. Эффективность социалистического производства;

г) взаимосвязи неантагонистических противоречий в отношениях непосредственного социалистического производства в целом.

Б. отношения в процессе социалистического распределения

1. Специфичность отношений в процессе социалистического распределения.

2. Законы и формы распределения необходимого продукта:

а) законы — возмещения затрат рабочей силы; оптимального обеспечения развивающихся жизненных условий участников производства; распределения по труду; заработной платы и других форм оплаты труда; образования общественных фондов потребления;

б) заработная плата и общественные фонды потребления работников государственного сектора производства;

в) оплата по труду колхозников; образование их общественных фондов потребления.

3. Законы и формы распределения прибавочного продукта:

а) основные формы распределения прибавочного продукта. Законы распределения доходов, представляющих стоимость прибавочного продукта. Оплата по труду в непроизводственной сфере и формирование общественных фондов потребления;

б) особенности форм и процессов распределения стоимости прибавочного продукта в государственном и колхозно-кооперативном секторах производства;

в) взаимосвязи неантагонистических противоречий в отношениях социалистического распределения в целом.

В. отношения в процессе социалистического обращения

1. Специфичность отношений в процессе социалистического обращения.

2. Основные и оборотные фонды. Кругооборот и оборот их стоимости; фонды обращения, их движение:

а) кругооборот стоимости основных фондов; амортизация;

б) кругооборот стоимости оборотных фондов;

в) кругооборот и оборот стоимости производственных фондов в целом; три формы и три стадии их кругооборота и оборот;

г) движение фондов обращения.

3. Товарное обращение в целом. Специфичность рынков средств производства и предметов потребления. Законы товарного обращения.

4. Обращение товаров — средств производства; его законы и формы.

5. Обращение товаров — предметов потребления; его законы и формы:

а) государственный рынок розничной реализации;

б) колхозный рынок.

6. Стоимость и цена. Система цен на внутреннем рынке. Спрос и предложение и движение цен.

7. Взаимосвязи неантагонистических противоречий в отношениях социалистического обращения.

Г. отношения в процессе потребления

1. Специфика отношений в процессе непосредственного потребления.

2. Формы отношений по поводу:

а) потребления объектов индивидуальной собственности;

б) индивидуального потребления объектов общественной собственности;

в) совместного потребления объектов общественной собственности.

3. Законы потребления: закон возвышения потребностей и формы его действий при социализме, закон обес-

печения благосостояния народа в соответствии с уровнем развития производства; экономический закон развития рациональной структуры и видов потребления; закон дифференциации потребления. Эластичность потребления.

4. Взаимосвязи антагонистических противоречий в отношениях в процессе потребления в целом.

III. производственные отношения социализма в процессе воспроизводства в целом

1. Сущность процесса социалистического расширенного воспроизводства.

2. Материальные (объективные и личные) факторы и результаты процесса воспроизводства:

а) совокупные производственные фонды народного хозяйства и рабочая сила в процессе воспроизводства. Естественно-географические условия его течения. Естественные богатства;

б) национальное богатство. Совокупный общественный продукт. Национальный доход.

3. Структура народного хозяйства. Пропорции социалистического воспроизводства. Натурально-вещественная и стоимостная структура общественного продукта и двух его подразделений. Законы — опережающего (преимущественного) роста производства средств производства; социалистического накопления; оптимальной пропорциональности; другие законы развития структуры общественного производства. Система законов воспроизводства в целом и механизм воспроизводства. Процесс формирования экономически эффективных пропорций воспроизводства.

4. Расширенное воспроизводство и процесс накопления. Расширенное воспроизводство производственных фондов. Капитальные вложения и их экономическая эффективность.

5. Расширенное воспроизводство рабочей силы и демографические закономерности.

6. Расширенное воспроизводство и движение фонда потребления. Развитие экономически эффективной структуры фонда потребления.

7. Уровень экономического развития, оптимальное сочетание потребления и накопления и темпы расширенного воспроизводства.

8. Взаимосвязь неантагонистических противоречий социалистических производственных отношений в процессе воспроизводства. Историческая тенденция развития этого процесса.

IV. система производственных отношений социализма в основных конкретных формах ее взаимосвязей в народном хозяйстве

1. Социалистическое предприятие как первичное структурное звено функционирования производственных отношений:

а) социалистическая экономика и предприятие; его экономическая обособленность. Сущность хозяйственного расчета. Особенности экономической формы государственных и кооперативных предприятий;

б) государственное предприятие и участники его производства; отношения социалистического найма. Предприятие и система материальных интересов и стимулов к труду и развитию производства; индивидуальные и коллективные стимулы;

в) средства государственного предприятия; их кругооборот и оборот;

г) себестоимость продукции; прибыль и рентабельность государственного предприятия. Особенности торговых издержек и торговой прибыли;

д) экономические связи государственного предприятия: купля-продажа средств производства и продукции; кредитные; финансовые.

2. Колхозы и колхозный строй как конкретные формы производственных отношений кооперированного крестьянства:

а) социалистические аграрные отношения, их основные черты и формы. Земельные отношения и их особенности. Дифференциальная рента, ее производство и распределение;

б) колхоз как социалистическое кооперативное предприятие. Его экономическая обособленность;

в) хозяйственный расчет колхоза. Материальные ин-

тересы колхоза и их взаимодействие с интересами всего общества;

г) колхозные формы кооперации труда, его оплата и система материальных стимулов;

д) колхозная продукция, ее издержки (себестоимость). Прибыль и рентабельность;

е) воспроизводственные фонды в колхозах. Особенности их формирования. Экономическая эффективность колхозного производства;

ж) личное подсобное хозяйство колхозников;

з) колхоз и народное хозяйство: товарные отношения по приобретению колхозами средств производства и реализации ими своей продукции. Кредитные и финансовые отношения;

и) межколхозные экономические отношения;

к) экономические взаимосвязи колхозов и совхозов;

л) колхозный строй в целом и пути его развития.

3. Единство социалистических производственных отношений и основы обособления их отраслевых форм. Место и взаимосвязи производственных отношений отраслей материального производства в системе производственных отношений социализма в целом:

а) ведущая роль производственных отношений промышленности в системе экономических отношений социализма. Промышленный фактор народнохозяйственного развития;

б) взаимодействие экономических отношений сельского хозяйства и народного хозяйства в целом. Сельскохозяйственный фактор народнохозяйственного развития. Экономические взаимосвязи города и деревни как хозяйственная основа союза рабочего класса и крестьянства;

в) процесс стирания различий экономических отношений в промышленности и сельском хозяйстве; превращение отношений сельскохозяйственного производства в разновидность отношений индустриального производства;

г) взаимодействие экономических отношений транспорта и народного хозяйства в целом. Транспортный фактор народнохозяйственного развития;

д) взаимодействие экономических отношений торговли и экономических отношений в целом. Торговый фактор народнохозяйственного развития;

е) взаимодействие отраслевых отношений производства и эффективность развития народного хозяйства.

4. Особенности движения производственных отношений в связи с территориальными экономическими условиями. Экономические законы размещения производительных сил.

5. Финансы, кредит и денежное обращение как конкретные формы экономических отношений:

а) сущность и формы социалистических финансов; законы финансовых отношений; государственный бюджет в экономических отношениях;

б) сущность и формы социалистического кредита. Категория ссудного процента. Законы движения кредитных отношений. Банки в экономических отношениях;

в) сущность и формы денежного обращения, его законы. Экономическое содержание денежной системы социализма.

6. Объективный механизм действия экономических законов в его целом. Народнохозяйственный оптимум и эффективность экономического процесса в целом.

7. Экономическая роль социалистического государства и его экономические функции:

а) экономика, государство, экономическая политика в условиях социализма. Сущность экономической роли социалистического государства;

б) экономические функции социалистического государства;

в) основы социалистических экономических форм управления народным хозяйством;

г) политико-экономические основы народнохозяйственного планирования, его методологии и форм. Основы баланса народного хозяйства, математического моделирования экономических процессов, подъема народнохозяйственной эффективности производства и капиталовложений;

д) исторические границы экономической роли государства.

V. мировая социалистическая система хозяйства

1. Сущность производственных отношений мировой социалистической системы.

2. Особенности функционирования экономических законов социализма в рамках мировой социалистической

системы; особые законы мировых экономических отношений социализма.

3. Мировое социалистическое разделение труда.

4. Сочетание развития национальных хозяйств с развитием мировой системы социализма в целом; формы экономического сотрудничества и взаимопомощи стран социализма.

5. Особенности экономических отношений между странами социализма, находящимися на различных ступенях экономического развития.

6. Закономерности процесса выравнивания уровней экономического развития социалистических стран.

7. Этапы развития мировой социалистической системы.

8. Сближение национальных хозяйств и перспективы создания единого мирового хозяйства.

9. Формы и закономерности взаимосвязи социалистической экономики с экономикой капитализма. Соревнование двух систем. Коренные преимущества социалистической системы отношений перед капиталистической, взятые в целом.

10. Мировая социалистическая система и экономически развивающиеся страны. Социалистические страны и страны, развивающиеся по некапиталистическому пути.

VI. процесс перерастания социалистических отношений производства в коммунистические, взятый в целом

1. Основные черты производственных отношений полного коммунизма. Необходимость перерастания экономических отношений социализма в экономические отношения коммунизма.

2. Взаимосвязи создания материально-технической базы коммунизма и процесса перерастания отношений социалистической собственности в собственность коммунистическую.

3. Ликвидация социально-экономических различий между городом и деревней.

4. Перерастание социалистического производства и общественного труда в коммунистическое производство и

труд. Перерастание социалистического распределения в распределение коммунистическое.

5. Использование отношений товарно-денежного обращения, процесс их отмирания и развитие отношений безэквивалентного, коммунистического обмена деятельностью и ее результатами.

6. Создание коммунистического изобилия и достижение коммунистического благосостояния народа.

VII. становление и победа строя социалистических производственных отношений

1. Экономическое содержание социалистической революции. Переходный период от капитализма к социализму.

2. Закономерности создания материально-технической базы социализма.

3. Закономерности преобразования переходных производственных отношений в социалистические отношения.

4. Исторические особенности строительства и победы социализма в СССР и странах народной демократии.

5. Некапиталистический путь развития и переход к социализму.

Так как принципиальные основания данной системы логики категорий политической экономии социализма уже изложены, ограничимся лишь дополнительными пояснениями по некоторым вопросам внутреннего построения отдельных частей системы, главным образом со стороны заключенных в ней взаимопереходов категорий.

Как видим, в первом разделе системы анализ начинается не непосредственно с исходной категории — собственности на средства производства, а с общих черт сущности и характера строя производственных отношений социализма в целом как первой фазы коммунизма.

Не противоречит ли это принципиальному положению об общественной собственности как исходной категории в логике этой системы и ее анализа? Ни в какой мере.

Формальное начало исследования еще не анализ реальной исходной категории, а лишь необходимый под-

ход к ней. Оно представляет собой рассмотрение конкретного экономического бытия социализма, общих черт его сущности, общего его характера как первой фазы коммунизма в тех лежащих на поверхности формах действительности, в которых они выступают при первом же выделении социализма в общей цепи исторически сменяющих друг друга способов производства.

При рассмотрении социализма как первой фазы коммунизма раскрывается специфический уровень развития производительных сил, которыми обусловливаются с необходимостью и исторические особенности общественной, социалистической собственности на средства производства. Это то бытие способа производства, от которого и возможен переход к исследованию его сущности. Исследование последней и заключается в раскрытии конституирующей роли общественной собственности на средства производства для всего социалистического строя производства. Это и есть *реальное начало* исследования.

Исходное, основное отношение системы социалистических отношений производства и соответственно исходная категория логики исследования этой системы — отношение (категория) собственности — должно быть раскрыто в ее сущности, исторически определенных формах, как экономическая основа классовой структуры общества и в тенденциях ее развития. Анализ отношений собственности в свою очередь приводит к раскрытию экономического закона движения — основного закона.

Исследование этого закона выявит его содержание как выражение основного отношения социалистического производства, как закона, определяющего характер производства и присвоения при социализме. Тем самым он будет раскрыт и как закон, обусловливающий объективную цель социалистического производства и необходимость перерастания социалистической экономики в коммунистическую. Основной закон должен быть исследован как наиболее общий и определяющий закон социалистической экономики. Необходимо раскрыть, как и почему в рамках действий этого закона действуют и взаимодействуют все другие экономические законы социализма.

Исследование основного закона есть вместе с тем и исследование характера выражаемых им противоречий, их движения и разрешения.

Этот момент чрезвычайно важен как для понимания системы производственных отношений и логики ее движения, так и для раскрытия необходимости перерастания социалистической экономики в коммунистическую.

Категории и законы политической экономии социализма являются выражением неантагонистических противоречий экономических отношений. Их логика есть поэтому логика постоянного движения и разрешения в процессе развития социализма его движущих экономических противоречий. Исследование противоречий, свойственных основному отношению производства и экономическому закону движения, и образует реальное начало исследования всей системы неантагонистических экономических противоречий социализма.

В связи с анализом отношений собственности на средства производства, классовой структуры и основного экономического закона, а также свойственных им противоречий должна быть исследована и система экономических интересов социалистического общества — общественных, коллективных и личных — и их связь с объективной целью социалистического производства.

Раскрытие отношений собственности на средства производства и сущности экономического закона движения связано с раскрытием имманентных общественным отношениям собственности форм производства и труда в качестве непосредственно общественных и вытекающих из них необходимых форм экономических связей (прямой как основной и господствующей связи и косвенной, т. е. товарно-стоимостной, как дополнительной связи).

Вместе с тем отношения общественной собственности и экономический закон движения с отвечающим им непосредственно общественным характером производства и труда необходимо обусловливают планомерность как основную и господствующую форму экономического движения, рассмотрение которой и ведет к раскрытию закона планомерного развития и системы форм прямой планомерной связи как основных для действия этого закона. Она же ведет и к раскрытию экономической необходимости государственного руководства экономикой.

Планомерность как основная форма экономического движения при необходимости косвенной, товарно-стоимостной связи приводит и к необходимости рассмотре-

ния последней как *планомерного дополнительного* типа экономической связи.

Во втором разделе, в подразделе «А», охвачены отношения и их формы в непосредственном производстве; логика связей категорий этого подраздела очевидна. Отметим лишь три момента, первый из которых — анализ объективных факторов производства, т. е. фондов производства. Он доводится до исследования различия и функций постоянных и переменных фондов.

Но является ли действительным это различие, если нет категории товара рабочая сила? В капиталистическом производстве рабочая сила — товар, создавая стоимость бóльшую, чем собственная, становится бытием переменного капитала. Какие же основания для выделения в условиях социализма в противовес категории постоянного фонда категории фонда переменного, если он не обменивается на товар — рабочую силу?

Для того чтобы социалистическое производство могло функционировать, необходимо авансировать не только орудия труда и другие средства производства, т. е. постоянные фонды, стоимость которых перейдет на продукт, но и средства существования — элемент фондов, который будет потреблен работниками, занятыми в процессе производства. Взамен его ими будет создан чистый продукт стоимостью большей, чем потребленный фонд, на массу стоимости прибавочного продукта. И именно стоимость этого фонда не только *воспроизводится,* но и *возрастает* (вещественно это воплощается в дополнительных, сверх авансированных, средствах существования и в средствах производства). Поэтому этот фонд в противовес фонду средств производства, стоимость которого не воспроизводится, а *переносится в неизменной массе* на продукт, и является переменным [1]. Это, таким образом, коренное деление фондов в процессе производства, отражающее процесс создания стоимости прибавочного продукта.

[1] Для разделения производственных фондов на постоянные и переменные методологически важно следующее замечание Маркса о характере авансирования жизненных средств: «Жизненные средства, ежедневно потребляемые I и II рабочим во время производства и представляющие заработную плату, образуют здесь ту часть авансированных средств производства, которую мы в других случаях называем переменным капиталом» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 193).

Существенным моментом, нуждающимся в пояснении, является рассмотрение через анализ отношений необходимого и прибавочного труда движущих материальных, личных и общественных интересов и стимулов к труду и развитию производства в той форме, в какой они действуют в непосредственном процессе социалистического производства, что вскрывает источники закономерного движения и развития производства. Здесь заключается переход к условиям, факторам и законам роста общественной производительности труда и производства. Следующий момент данного раздела и связан с их анализом.

Анализ экономических факторов производства, процесса производительного труда, его воплощения в необходимом и прибавочном продукте, экономических интересов и стимулов и приводит к необходимости рассмотрения реальной *динамики* отношений непосредственного производства, их функционирования как *развивающихся* и *совершенствующихся* факторов производства и *растущих* результатов производства. Это и обусловливает необходимость экономической характеристики вещественных факторов производства как системы материально-технической базы социализма в ее движении и как основы растущей производительности общественного труда и производства. В связи с анализом законов динамики социалистического производства (концентрации, специализации, комбинирования и т. д.) исследуются и процессы обобществления социалистического производства.

Таким образом, развитие материально-технической базы социализма и научно-технический прогресс рассматриваются как материальные условия, факторы и средства осуществления имманентных законов социализма и реализации системы экономических интересов социалистического общества. Это ведет к тому, что материально-техническая база исследуется как экономическая категория, а ее движение рассматривается в неразрывной связи с законами повышения производительности труда, роста производства, поддержания его пропорциональности, дальнейшего обобществления. Все это и есть *экономическое выражение* движения производительных сил, которое — что существенно — уже на данной стадии анализа раскрывается под углом зрения экономической эффективности материального производства.

В подразделе «В» второго раздела, охватывающем обращение, рассматривается движение отношений обращения не только в форме товарного обращения общественного продукта, но в единстве с ним как его материальная основа исследуется движение стоимости фондов производства, их кругооборот и оборот.

Подраздел «Г» этого раздела охватывает сложную сеть отношений по поводу потребления, которые обычно недостаточно исследовались в политической экономии социализма (на современном этапе в связи с движением к коммунизму анализ этих важнейших отношений становится особенно настоятельным).

В четвертом разделе рассматривается система производственных отношений социализма в основных конкретных совокупностях форм их взаимосвязей, их движения, взятого в целом, которая, *во-первых,* представляет собой всю систему отношений производства в тех конкретных формах их взаимосвязей, в которых они выступают в действительной экономической жизни.

Крупнейшее значение, в частности, принадлежит развернутому изучению социалистического предприятия как исходной, главной конкретной совокупности форм производственных отношений. Предприятие является первичным структурным звеном функционирования социалистических производственных отношений именно потому, что является формой непосредственного соединения средств производства и работников для осуществления процесса производства и воспроизводства на началах экономического обособления, т. е. на началах систематического возмещения из результатов данного процесса своих затрат и создания накоплений. Именно поэтому предприятие — основной, конституирующий элемент конкретной экономической структуры социализма. В его категориях — экономической обособленности, хозяйственном расчете, отношениях найма, индивидуальных и коллективных стимулах к труду, средствах предприятия и т. д. — выступают важнейшие конкретные формы реализации и движения социалистических производственных отношений. Отправляясь от них, исследование и может перейти к рассмотрению всех других конкретных экономических форм.

Во-вторых, лишь через раскрытие конкретных экономических форм функционирования отношений произ-

водства можно реально исследовать непосредственно им обусловливаемый объективный механизм действия экономических законов в связи с целостной системой стимулов. На этой основе можно выявить эффективность экономического процесса в целом и раскрыть научные основы решения крупнейших народнохозяйственных проблем.

В-третьих, именно опираясь на анализ конкретных народнохозяйственных форм движения отношений производства, можно раскрыть неразрывную связь экономики и государства и выяснить экономические функции государства, объективные основы управления, равно как и методологические основы и формы народнохозяйственного планирования.

Правомерно ли введение в предмет политической экономии таких конкретных народнохозяйственных совокупностей, как объединение предприятий, их отраслевых и территориальных взаимосвязей?

Ведь политическая экономия рассматривает не отраслевые (или территориальные), а общие народнохозяйственные формы отношений производства и отвечающие им законы. Однако рассмотрение в составе категорий политической экономии названных конкретных форм производственных отношений не нарушает этого подхода.

Дело в том, что эти формы не рассматриваются в качестве специфически отраслевых или конкретно-территориальных форм отношений производства, в том числе и техно-экономических таких форм. Это предмет отраслевых экономик. Политическая же экономия социализма исследует данные совокупности только со стороны *основ обособления* в общей системе отношений производства этих особых структурных ее узлов и их *взаимосвязей* в единой общественной системе отношений. Тем самым анализ категорий политической экономии доводится до раскрытия связей изучаемых ею отношений и законов с многообразием конкретных форм экономического процесса.

Проблемы экономической роли государства, его экономических функций также входят в данный раздел системы. Государство — форма политической надстройки, экономические же отношения — базис. Естественно, что государство не может входить в базис, и проблема его

функций лежит, собственно, за пределами политической экономии социализма. Однако же, как уже было выяснено, изучение отношений экономики, т. е. всех категорий политической экономии, необходимо находится в неразрывной связи с потребностями экономической политики. Государственное руководство экономикой, планирующая деятельность государства есть неотъемлемое, объективно необходимое следствие планомерности экономического движения социалистических отношений производства. В силу всего этого система экономических отношений и логика выражающих ее теоретических категорий необходимо должны включать взаимосвязи этой системы с экономическими функциями государства, а формы этого функционирования должны изучаться в свете логики экономических категорий.

Следует отметить, что проблема логики категорий политической экономии социализма разрабатывается с момента первых попыток ее изложения в единой системе, т. е. уже около трех десятилетий. В вышедших за это время курсах, в программах преподавания и статьях, специально посвященных ее рассмотрению, содержатся существенно различающиеся трактовки. И хотя ни одна из них не является сколько-нибудь удовлетворительной, известное научное значение их бесспорно. Все они в той или иной мере исследовали вопрос о специфичности самой системы взаимосвязей производственных отношений социализма и отражающей их внутренней логики категорий предмета политической экономии социализма. Ими даны разработки методологически важных отдельных проблем этой системы, в частности о необходимости иного исходного пункта системы категорий социализма, чем категории капитализма. Существенным достижением явилось выделение круга проблем исследования.

Вместе с тем, однако, задача установления самой логики категорий осталась нерешенной. Категории в разработанных схемах ставились в произвольную связь между собой, отнюдь не отвечавшую объективной взаимосвязи отношений, оставшейся невыясненной. Требования методологии установления логики категорий — восхождение от абстрактного к конкретному, от простого к сложному, единство исторического и логического, анализа и синтеза и т. д. — нарушались. В результате схемы категорий носили весьма случайный характер.

Проанализируем это на примере краткого рассмотрения двух ныне «конкурирующих» схем: схемы, заключенной в «Программе курса политической экономии» для высших учебных заведений (Министерство высшего и среднего специального образования СССР, М., 1964), и схемы, принятой для «Курса политической экономии», т. II, (М., 1963) [1].

Изучение социализма как фазы коммунизма в первой из схем начинается с отношений собственности на средства производства. Между тем очевидно, что необходимо еще выделение собственности как исходной категории путем анализа основных черт социализма в целом. Это ведет к тому, что конкретное бытие социалистического экономического строя — формальное начало его исследования — выпадает из схемы. Вместе с тем исследование собственности осуществляется без экономического закона движения, в отрыве от него. Анализ последнего отделен от собственности рассмотрением экономической роли государства и всей системы экономической политики. Таким образом, собственность на средства производства — основное отношение производства — оторвана от основного закона, выражающего ее сущность, ее движение. Мало этого, и сам основной закон как бы обусловлен действием политической надстройки, поскольку его рассмотрению предшествует анализ экономической роли социалистического государства. Реальное же соотношение обратное: без основного закона нельзя раскрыть обусловливаемой им планомерности и необходимости экономической роли государства. Наконец, сама эта роль, как и хозяйственная, экономическая политика, рассматривается до системы отношений производства, экономических законов и независимо от них. Не говоря уже о том, что таким образом не может быть раскрыто реальное содержание экономической роли государства и его экономической политики, такой подход к их изучению представляет собой рудимент субъективистско-волюнтаристского понимания этих категорий, и не только их. Он заключает в себе презумпцию обусловливающей, исходной роли государства, политики относи-

---

[1] Все другие схемы в общем близки к первой из названных схем и являются той или другой не очень существенной ее разновидностью.

тельно экономических отношений и законов, и это накладывает свою печать на схему в целом.

Следует также отметить, что в первом разделе вместе с собственностью объединяется изучение категории предприятия, т. е. комплекса конкретно-экономических форм, который может быть раскрыт лишь *после* исследования длительной цепи все более конкретных форм экономических отношений во всех фазах воспроизводства и в этом последнем процессе в целом.

Само рассмотрение основного экономического закона ведется не как анализ основного отношения производства, а под углом зрения цели производства и взаимосвязи производства и потребления. При этом в произвольную связь с тем и другим ставятся категории необходимого и прибавочного продукта, оторванные от системы отношений и категорий непосредственного производства, которая в целом вовсе выпала из схемы и отдельные части которой произвольно отнесены к разным ее разделам (о производительности труда, товарном производстве, хозяйственном расчете и др.).

Вслед за основным законом в схеме рассматривается планомерное развитие социалистической экономики.

Прежде всего совершенно произвольно категория планомерности анализируется до развернутого исследования общественного труда, его непосредственно общественного характера, т. е. следствие изучается ранее причины. Но мало этого. Вместе с планомерностью исследуется вся система и основы планирования, что означает их рассмотрение (так же как и государства, и экономической политики) до системы отношений производства и воспроизводства, на основе которых и как выражение форм движения которых лишь и можно раскрыть действительные научные основы планирования и планирующей деятельности государства.

Категории общественного труда, представляющие собой в основном категории движения отношений непосредственно общественного производства, сводятся главным образом к категории роста производительности труда, чем вовсе не исчерпывается вся соответствующая система категорий. Вместе с тем они изучаются в отрыве от материально-технической базы (последняя вовсе выпала из схемы), ввиду чего законы роста общественной производительности труда и производства отрываются

от своих реальных основ, а само производство рассматривается абстрактно, вне его реальных динамических условий и факторов.

Далее, распределение по труду и общественные фонды потребления изучаются не после отношений непосредственного производства (таковые в целом вообще не рассматриваются), а после анализа товарного производства и денег.

Таким образом, исследование распределения, его категории не имеют опоры в изучении производства, его категорий. Принцип примата производства нарушается. Вместе с тем товарное производство получает не свойственную его роли трактовку как главного, обусловливающего распределение фактора. Само же товарное производство и деньги рассматриваются вообще между планомерностью и распределением, т. е. произвольно вклиниваются в центр схемы, нарушая единство категорий, без учета того, что товарные отношения как дополнительная форма планомерной экономической связи имеют отношение ко всем другим экономическим категориям, фазам движения отношений и поэтому необходимо должны быть рассмотрены до этих категорий и фаз вместе с отношениями собственности и определяемым ими характером труда, на их основе.

За товарным производством в схеме следуют объединенные в два раздела пестрые конгломераты самых различных категорий: хозяйственный расчет, оборот фондов, цена, себестоимость и чистый доход предприятий.

Совершенно очевидно, что цена является формой товарного обращения и без него не может быть рассмотрена. Однако товарное обращение рассматривается позднее. Более того, себестоимость и чистый доход предприятий — это специфически хозрасчетные категории. Как и хозрасчет, они представляют собой конкретные экономические формы, в которых социалистические отношения производства выступают в конкретном экономическом комплексе, конкретной форме функционирования социалистических экономических отношений — предприятии. Поэтому их изучение до анализа движения отношений производства через все фазы воспроизводства и процесс воспроизводства незакономерно. Таким образом, в схему и в этом случае ранее многих более общих включаются

более конкретные категории, разрывая и нарушая последовательный процесс восхождения от абстрактного к конкретному. Столь же произвольно и место анализа дифференциальной ренты — в непосредственном соседстве с хозрасчетными категориями, хотя реальное место последней в системе категорий аграрных отношений, которые в схеме как единство таких категорий не рассматриваются.

Произвольным в схеме является и рассмотрение таких конкретных народнохозяйственных комплексов, как государственный бюджет, кредит и денежное обращение, до процесса воспроизводства, хотя только на его основе, причем при опосредствовании связей между последним и указанными конкретными формами рядом звеньев (предприятие, колхозный строй, объединение предприятий, их отраслевые и территориальные взаимосвязи и т. д., которых в схеме вовсе нет), возможно действительно научное рассмотрение финансово-кредитного распределения и денежного обращения.

Не менее существенными пороками, хотя и несколько другого свойства, страдает и схема Курса политической экономии Московского университета, авторы которой подчеркивают необходимость восхождения от абстрактного к конкретному как общего принципа построения логики категорий. Однако же этот принцип в схеме полностью нарушен, что в немалой мере вызвано принципиально неверным подходом как к специфике предмета политической экономии социализма, так и к исходной, определяющей категории этого предмета.

В качестве первой наиболее абстрактной ступени исследования в данной схеме принимается анализ основ коммунистического способа производства вообще, т. е. тех общих черт отношений производства, которые свойственны и социализму, и полному коммунизму. Выше уже показывалась незакономерность такого подхода к предмету политической экономии социализма. Поэтому, не возвращаясь к этому вопросу, посмотрим, к чему же практически приводит игнорирование специфики предмета политической экономии социализма.

Прежде всего широкая совокупность решающих отношений производства, трактуемых как отношения коммунистического способа производства вообще, предстает в схеме на ее исходном, отправном этапе исследования

в качестве неких натуральных отношений без свойственной им хотя бы и дополнительной, но неотъемлемой товарно-денежной связи, причем последняя даже объявляется неимманентной социализму. Однако же, несмотря на это, именно она рассматривается как *главная, решающая* черта специфики отношений первой фазы коммунизма, и потому вторая ступень конкретизации исследования представляет собой рассмотрение товарно-денежных форм отношений. Между тем очевидно, что специфика социализма не состоит в товарных отношениях. Последние хотя сами по себе чрезвычайно существенны, однако являются лишь дополнительным моментом специфики производственных отношений социализма, решающая черта которой состоит в противоречии отношений равенства по отношению к общественной собственности на средства производства и неравенства по их фактическому использованию в процессе производства, в наличии, следовательно, особых социальных групп работников социалистического производства, в вытекающем из этого распределения по труду и т. д.

Таким образом, и первая ступень исследования — наиболее абстрактная, и вторая — более конкретная — в схеме являются произвольными, не отвечающими действительному строю социалистических отношений, что в свою очередь накладывает печать произвольности на содержание и построение обеих указанных ступеней исследования.

На первой ступени прежде всего исчезает реальное исходное отношение производства — общественная собственность на средства производства, которая оказалась замененной планомерностью, о неправомерности чего уже говорилось. От планомерности совершается скачок к закону движения (основному закону) без того, чтобы исследование последнего опиралось на раскрытие отношений между людьми по поводу средств производства, которые (отношения) только и выражаются в этом законе. Далее, совершается произвольный скачок к необходимому и прибавочному продукту и формам их распределения, минуя и экономические факторы производства, и процесс труда в целом. Более того, не охватив производства в единстве с другими его фазами, схема от распределения прибавочного продукта ведет к накоплению. Далее, без анализа материально-технической базы ком-

мунизма и после накопления рассматриваются законы роста производства и производительности общественного труда. Словом, получается произвольное и хаотичное нагромождение самых различных категорий, поставленных рядом друг с другом без учета их реальных взаимосвязей. Но мало этого, в схеме на исходной ступени анализа оказываются вовсе не свойственные коммунизму вообще, полному коммунизму, экономические функции государства, распределение по труду и многие другие специфически социалистические отношения и явления, хотя по общему замыслу раздела им здесь отнюдь не место.

Произвольность в схеме места, отведенного разделу товарно-денежных отношений, обусловливает хаотичность внутреннего взаиморасположения его категорий, полную нелогичность его «логики». Действительно, в этом разделе рассматривается процесс товарного обращения, торговли со всеми ее видами и т. д. до рассмотрения основных форм распределения, которые, как формы распределения необходимого продукта, анализируются после «торговли». Итак, обмен, обращение со всеми его конкретными формами — до распределения.

Само распределение также поставлено в произвольную связь. Во-первых, оно рассматривается как распределение лишь необходимого продукта, в то время как распределение прибавочного продукта анализируется в разделе общих основ коммунизма, т. е. вне специфически социалистических его форм и в отрыве от распределения необходимого продукта. Во-вторых, оно вклинивается между товарными отношениями и... рабочим днем (нетрудно видеть, что непосредственных связей этих трех явлений отнюдь нет). До воспроизводства (после рабочего дня) в схеме помещаются конкретные категории предприятия (хозрасчет, себестоимость, прибыль и др.). Но, как уже отмечалось в связи с рассмотрением «конкурирующей» схемы, реальное место этих категорий — после воспроизводства.

Столь же необоснованно рассмотрение категорий дифференциальной ренты в составе категорий предприятия. *После* же ренты непосредственно, особняком, в отрыве от обращения, анализируются категории процесса ценообразования. Как видим, хаотичность нагромождения

категорий вне всякого учета реальных их связей по мере развития схемы лишь нарастает.

Следует также отметить, что и в схеме Московского университета, и в схеме Министерства высшего и среднего специального образования категории переходного периода от капитализма к социализму рассматриваются до категорий социализма, хотя последние, по замыслу обеих схем, должны анализироваться не в исторически-генетическом, а в логическом аспекте. Но это означает, что не выдерживается ни логический, ни исторический аспекты исследования. Реальное единство исторического и логического в логическом методе исследования и изложения подменяется механическим их смешением. Кроме того, очевидно, что реальный полный теоретический анализ переходного периода с победой социализма невозможен без того, чтобы при этом, как отмечалось, не опираться на исследование развернутого строя отношений социализма, как такового.

Рассмотрение схем категорий предмета политической экономии вскрывает, что их неудовлетворительность проистекает из нарушения коренных требований диалектико-материалистической методологии экономического анализа. Это еще раз подчеркивает громадное значение определения методологических позиций в любой области политико-экономического исследования; тем более, разумеется, это относится к исследованию экономических законов социализма.

3

Метод политической экономии социализма

Научный метод, о какой бы науке ни шла речь, — «орудие, служащее для открытия истины» [1]. Он представляет собой некоторое единство объективно обусловленных общих и специальных принципов и приемов исследования объекта науки: его отношений и внутренних связей, форм движения и законов, им управляющих. При этом *общих* принципов и приемов, поскольку они представляют собой лишь известную специфическую

[1] *Г. В. Плеханов.* Соч., т. XVIII. М.—Л., 1925, стр. 3.

форму применения к данному особому объекту единых для всего объективного мира принципов, приемов исследования, вытекающих из законов материалистической диалектики; *специальных* принципов и приемов, поскольку особенная природа, данное качество изучаемого объекта вызывает к жизни в общих рамках материалистической диалектики свои специфические принципы и приемы, применимые только к данному специальному объекту.

Все это в полной мере относится и к политической экономии социализма, метод которой — материалистическая диалектика в применении к экономической сфере общественных отношений.

Характеризуя метод исследования, примененный в «Капитале» («действительный метод»), Маркс подчеркивал, что он представляет собой «не что иное, как диалектический метод»[1]. Ленин многократно определял метод марксистской политической экономии как диалектический[2].

Применение материалистической диалектики к исследованию экономических отношений, *диалектика как специфический метод политической экономии и представляет собой метод экономического исследования,* или — используя ленинское определение — *метод экономического анализа* (в данном определении термин «анализ» берется в широком смысле, как синоним исследования). Он выступает как диалектический метод экономического исследования, потому что применение диалектики к исследованию экономических отношений накладывает

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 21.

Истоки того «свободного движения в материале», которое поражает любого читателя «Капитала», как объяснял Маркс в письме одному своему корреспонденту, есть выражение «определенного *метода* изучения материала — именно *диалектического метода*» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 572).

[2] «Маркс, — указывал В. И. Ленин, — осуществил применение «материалистической диалектики к переработке всей политической экономии» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 264). «...Маркс *применил* диалектику Гегеля в ее рациональной форме, — писал он, — к политической экономии» (Полн. собр. соч., т. 29, стр. 160). «Если Marx не оставил «*Логики*» (с большой буквы), — писал Ленин, — то он оставил *логику* «Капитала»... В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 301).

печать специфичности на общие принципы и приемы диалектического исследования, поскольку они реализуются применительно к экономическим отношениям, а необходимость исследования экономических отношений обусловливает появление специфически диалектических принципов и приемов исследования, имеющих силу лишь в данной области, т. е. специальных диалектических форм экономического исследования, отвечающих только данному особому их назначению [1].

Вопрос о диалектическом методе специфически экономического исследования, об экономическом анализе, его содержании, принципах и формах, приемах, способах и т. д. мало разработан в политико-экономической литературе. Обычно дело ограничивается общим указанием на диалектическую природу метода политической экономии и перечнем тех общих требований диалектики, которыми необходимо руководствоваться в политико-экономическом исследовании (учет законов диалектики, историзм, единство исторического и логического, восхождение от абстрактного к конкретному, единство анализа и синтеза, индукции и дедукции, практика как критерий истины и т. д.). Все это, безусловно, правильно, однако совершенно недостаточно.

Действительно, необходимыми общими основами метода, например, физики, как всякой области знания, является диалектический материализм. Вместе с тем физика на основе и в рамках законов материалистической диалектики (рамки эти она принимает сознательно или стихийно) вырабатывает свой специальный метод физи-

---

[1] «В каждой отдельной научной области применение диалектики своеобразно, — писали Г. Абезгауз и Г. Дукор, — и, чтобы овладеть ею, необходимо выявить особенности применения метода, зависящие от характера предмета и конкретного материала исследования» (*Г. Абезгауз* и *Г. Дукор.* Очерки методологии политической экономии, М., 1931, стр. 10). Метод диалектического материализма, утверждал Ш. Дволайцкий, есть лишь общая основа, на которой Маркс выработал специальную методологию для анализа товарно-капиталистических отношений (см. выступление Ш. Дволайцкого в прениях по докладу тов. Степанова-Скворцова. — «Вестник Коммунистической академии», 1925, № 11, стр. 299). «...Частнонаучный метод, — писал Г. Подкорытов, — это способ исследования, предполагающий специфическое применение познавательных средств для изучения конкретной области объективного мира» (*Г. А. Подкорытов.* Соотношение диалектического метода с частнонаучными методами. — «Вопросы философии», 1962, № 6, стр. 41).

ческого исследования. Это относится и к наукам об общественных отношениях. Ведь диалектика — наука о всеобщих законах движения природы, общества и мышления. И потому общие методы исследования, вытекающие из применения ее законов к каждой специальной сфере отношений, необходимо получают специфические формы, так же как в дополнение к ним и в органическом единстве с ними неизбежно возникают и специальные формы диалектического исследования именно данной сферы реального мира.

Поэтому общие указания на необходимость применения законов и форм диалектического исследования к экономике, правильные сами по себе, не выявляют специфического содержания диалектического метода экономического исследования, экономического анализа, как такового. Задача именно и заключается в том, чтобы определить это содержание.

В данной связи рассмотрим две проблемы: *во-первых,* о наиболее существенных *специальных* принципах и приемах экономического анализа, порожденных применением диалектики к исследованию экономических отношений и имеющих силу лишь в рамках исследования именно этого объекта; *во-вторых*, об определяющих *общих* принципах и приемах диалектического метода в тех специфических формах, которые они получают при их применении к исследованию экономических отношений и в качестве которых они образуют общие принципы и приемы экономического анализа [1].

К наиболее существенным в совокупности специальных принципов и приемов экономического анализа относятся следующие:

анализ общественных производственных отношений, находящихся в определяющей их взаимосвязи с производительными силами, как таковых (они образуют *единственный его объект*);

---

[1] То, что анализ содержания метода экономического анализа должен начаться со специфических его принципов и приемов, объясняется тем, что именно они выявляют рамки, границы экономического анализа, учет которых обязателен для выявления специфичности форм общих приемов диалектического метода, поскольку последний применяется политической экономией. При этом, разумеется, рассмотрение специальных приемов целиком исходит из оснований диалектико-материалистического понимания природы экономических отношений, из ее раскрытия историческим материализмом.

анализ сознательной, волевой деятельности людей, в которой и осуществляются экономические отношения, рассматриваемой не с субъективной стороны этой деятельности, т. е. как поведение, хотя бы и причинно определяемое объективными условиями, но целиком *со стороны самих объективных отношений,* которые реализуются в ее процессе и определяют поведение людей как сознательное их функционирование в экономике;

анализ целостной системы осуществляющихся отношений производства, исходящий из *принадлежащего ей (этой целостной системе) примата* по отношению к отдельным отношениям, их группам, сферам и т. д.;

анализ системы экономических отношений в целом (характера и направления ее движения, ступеней развития), исходящий из *определяющей, господствующей роли основного отношения производства* — отношения собственности на средства производства;

анализ экономического движения в целом, исходящий из того, что оно зависит от отношений, образующих *специфическое качество* данного экономического строя на данной ступени развития, т. е. из того, что *этим отношениям принадлежит господствующая роль* в конкретной системе отношений, включающей как исторически различные элементы, так и элементы данного строя, но находящиеся на различных ступенях зрелости;

анализ, исходящий из *примата* в системе единства всех фаз экономического процесса, в экономике в целом *производства;* соответственно из того, что *материально-производительный труд является реальной основой всей системы общественных отношений производства* (объективно трудовая точка зрения на экономический процесс);

анализ, исходящий из того, что *вещная форма экономических отношений объективно необходима* и в этой форме должны быть вскрыты реальные функции участников экономического процесса;

анализ, исходящий из того, что его методы применительно к системе общественных отношений производства в их целом и к отдельным особым совокупностям форм этих отношений (предприятия, отрасли, территориальные комплексы и т. д.), т. е. к макро- и микрообъектам политической экономии, *едины;*

анализ, необходимо основывающийся на строго *фактической основе, на совокупности экономических отно-*

шений в их массовых конкретных проявлениях (в этих целях используются статистические и математические методы).

Рассмотрим подробнее каждый из этих принципов, приемов экономического анализа.

Итак, экономический анализ — это анализ отношений *собственно экономических,* т. е. общественных отношений людей по производству. «Этот (экономический. — *Я. К.*) анализ... — подчеркивал Ленин, — берет экономические и *только* экономические (а не «социальные» вообще) категории...» [1]

Определение чисто экономической сферы политико-экономического анализа (исходить только и целиком из экономического, вести анализ только и целиком экономических, производственных отношений) представляет собой один из важнейших специальных принципов, приемов собственно экономического исследования. Материалистическая диалектика требует выявления каждой специальной наукой качественно определенных форм движения и их законов. Особую форму движения и представляет собой движение именно экономических отношений.

И поэтому существеннейший специальный методологический прием экономического анализа и состоит в установлении специфических границ этого анализа как анализа сферы экономических отношений. Именно этот принцип методологии лежит в основе определения самого объекта политической экономии. Но этим отнюдь не ограничивается его значение.

Экономические отношения неразрывно связаны со всем строем общественных отношений данной социально-экономической формации. Тысячи неразрывных взаимосвязей, взаимовлияний соединяют между собой базис и надстройку. В конкретной действительности все формы

---

[1] Развивая и аргументируя тезис об экономических категориях как исключительном содержании экономического анализа, Ленин указывал: «В первой главе «Капитала» ни о какой политике, ни о какой политической форме, ни о каких «социальных категориях» вообще нет и речи: анализ берет *только* экономическое, обмен товаров, развитие обмена товаров». Исходя именно только из экономического, «экономический анализ показывает — путем, конечно, «логических» рассуждений» сущность этих отношений, их противоречий и т. д. (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 91—92).

общественных отношений выступают в единстве, в чрезвычайно сложных переплетениях и т. п.[1]

Разумеется, ограничение сферы экономического анализа лишь исключительно экономическими отношениями ни в какой мере не ведет к игнорированию их взаимосвязи с производительными силами. Это не означает и того, что экономический анализ предполагает рассмотрение производственных отношений без учета их взаимосвязи со всеми отношениями сферы надстройки. Именно Ленин, подчеркивая специфичность экономического анализа как анализа *только* экономических отношений, в то же время ставил в заслугу Марксу, что в «Капитале» дана картина реального капиталистического общества с его производительными силами и со всем строем общественных отношений, с его политическими, идеологическими, бытовыми и другими отношениями и явлениями.

---

[1] Отсюда проистекает тенденция к смешению собственно политико-экономического анализа производственных отношений, их форм и законов, явлений, в которых они выступают в действительной жизни, с анализом надстроечных форм и отношений (государства, права, экономической психологии и т. д.).

Этим, как известно, и пользуется буржуазная политическая экономия, подменяющая либо целиком, либо в значительной мере собственно экономические объективные отношения социальными отношениями вообще, причем нередко именно экономические отношения выбрасываются за борт (например, социальная школа, институционалистическая школа в современной буржуазной политической экономии и др.).

Следует отметить, что и в некоторых марксистских экономических работах несоблюдение рассматриваемого методологического принципа приводит к тому, что экономический анализ разводняется незакономерным включением в него элементов экономической политики, идеологии и т. д.

«Рассматривая экономические отношения классов, — писал, например, А. Румянцев, — политическая экономия не может не исследовать и такое более или менее сложное их отражение, как государство, оказывающее, как известно, определенное влияние на развитие экономики» (*А. М. Румянцев.* Предмет политической экономии и характер законов экономического развития общества. — «Вопросы философии», 1955, № 2, стр. 90). Таким образом, в предмет политической экономии, оказывается, включаются не только экономические отношения, но и надстройка, влияющая на эти отношения. Не ясно лишь, почему следует ограничиваться введением в предмет политической экономии государства. Исходя из данного принципа («влияние» на экономические отношения) следовало бы в него включить и право и идеологию. Однако это означало бы конец политической экономии.

Сохраняется ли этот исходный специальный прием методологии экономического анализа в условиях, когда его объектом становится социалистическая экономика?

При исследовании социалистической экономики этот анализ необходимо осуществляется в границах объективных экономических отношений, но его содержание существенно обогащается, отвечая условиям планомерного течения экономического процесса за счет более конкретных аспектов рассмотрения предмета политической экономии социализма, в основном за счет охвата им форм объективного механизма движения экономических отношений, действия управляющих ими законов.

Экономические отношения, как и всякие другие общественные отношения, поскольку они представляют собой отношения людей, реализуются в форме их сознательного, волевого функционирования в экономическом процессе, в форме их экономической деятельности, которая необходимо связана с сознанием и волей людей. Не означает ли это, что экономический анализ направлен именно на эту сознательную, волевую деятельность людей, на их «экономическое поведение», «экономическую психологию», на законы, их определяющие?

Буржуазная политическая экономия самых различных направлений обычно положительно решает этот вопрос, в чем проявляется ее исторический субъективизм, идеализм. Марксистский диалектический метод экономического исследования, марксистский экономический анализ требует рассмотрения сознательной, волевой деятельности людей, реализующей их экономические отношения, *не с субъективной стороны,* т. е. не со стороны отражения волей и сознанием необходимости определенных отношений [1] и причинно обусловливаемых этим «хозяйственной психологии» людей и «хозяйственного их поведения», но со *стороны объективной,* со стороны содержания самих общественных отношений производства и их законов, которые причинно определяют сознатель-

---

[1] Всякого рода попытки включить в объект политической экономии хозяйственную политику, элементы правового и хозяйственного регулирования и другие формы надстроечных отношений представляют собой отступление от элементарного принципа методологии экономического анализа — ограничения его содержания собственно производственными, экономическими отношениями.

ную, волевую сторону функционирования людей в экономическом процессе.

В этом и состоит один из важнейших специальных принципов, приемов экономического анализа, методологически целиком определяемый диалектико-материалистическим пониманием природы экономических отношений как отношений материальных.

Включение в анализ, хотя бы и причинно обусловливаемой, субъективной стороны деятельности означало бы дуалистический взгляд на экономику, фактическое привнесение в экономические отношения субъективного элемента. Поэтому попытки рассмотрения экономических законов как причинно обусловленных законов хозяйственной психологии или поведения людей на деле являются отказом от материалистических диалектических принципов экономического анализа [1].

Таким образом, важный специальный прием методологии экономического анализа заключается в вычленении в явлениях конкретной хозяйственной деятельности, непосредственно предстающих как единство объективной и субъективной ее сторон, взаимодействие законов, их регулирующих, именно объективной экономической стороны, т. е. самих отношений производства, их форм, регулирующих их движение законов. Субъективная же сторона — ее формы, отношения, законы — должна необходимо учитываться, но лишь в качестве оказывающей обратное влияние на объективную сторону, являющуюся предметом экономического анализа.

Планомерность как основная форма движения экономических отношений социализма не изменяет необходимости анализа именно объективных отношений, но вместе с тем изменяет характер учета в анализе обратного влияния сознания и воли на экономические отношения. В условиях социализма это влияние необходимо предполагает познание объективных отношений и законов в их совокупности и их сознательную планомерную реализацию. Общество в целом осознает и применяет законы, управляет движением своих экономических отношений.

---

[1] Такого рода попытки, являющиеся попытками соединения несоединимого — марксистской политической экономии с инородными для нее принципами время от времени предпринимаются (см. их критику ниже).

Эту специфическую для социализма форму *субъективной стороны экономической деятельности людей* (само общество, познающее экономические отношения и их законы и планирующее свою хозяйственную деятельность) и необходимо всесторонне учитывать в ее обратном влиянии на *объективную сторону этой деятельности* — сами планомерно функционирующие и развивающиеся отношения производства.

Существенный специальный методологический принцип, прием экономического анализа образует и *признание примата целостной системы общественных отношений производства, экономического строя производства в его целом перед отдельными отношениями, их группами, сферами и т. п.* Это определяется тем, что на каждой ступени их исторического развития отношения производства складываются как известное единство, в целом определяемое данной ступенью развития производительных сил. Совокупность отношений производства не является неким механическим агрегатом взаимодействующих, но взаимно внутренне независимых отношений. Напротив, они образуют единство органически внутренне связанных между собой отношений, которое и определяет данную форму движения, характеризующуюся определенными законами. Это и есть экономический строй, или отношения способа производства в его целом. Именно поэтому он господствует над всеми отдельными, его образующими отношениями и формами. Испытывая то или иное, большее или меньшее воздействие последних, он в целом в конечном итоге определяет их движение и развитие.

Иными словами, это значит, что экономическое движение в целом определяют не частные законы, свойственные движению отдельных отношений, а законы, общие всему строю отношений производства в целом, и прежде всего экономический закон движения данного способа производства. В рамках этого движения под его воздействием складываются действия и взаимодействия всех частных и специальных законов экономики, хотя, разумеется, действие последних и оказывает известное обратное влияние на действие общих законов. Отсюда, в частности, вытекает и тот вывод, что во взаимосвязях экономических отношений общества в целом и отдельных его членов или групп примат принадлежит обще-

ству, т. е. единству совокупности общественных отношений производства над частными отношениями отдельного члена общества или группы его членов.

Тот факт, что строй отношений производства в целом, его общее движение господствуют соответственно над каждым отдельным частным отношением производства и частной формой экономического движения, не означает, однако, отсутствия определенной субординации отношений производства в системе их всеобщего взаимодействия.

Мы видели, что основное отношение производства, выражающий его экономический закон движения господствуют в системе, в данном строе экономических отношений. Из этого и вытекает чрезвычайно важный специальный методологический прием экономического анализа, отражающий этот объективный характер внутренних субординационных зависимостей в системе отношений производства: необходимость осуществления всего процесса экономического анализа исходя из учета *определяющей, господствующей роли в движении экономических отношений основного отношения производства.*

Это означает, что исследование как каждого отношения производства в отдельности, так и всей их системы лишь тогда будет реально выполнено, когда будет раскрыта вся цепь звеньев, опосредствующих внутреннюю взаимосвязь каждого отношения производства, его форм и законов с основным отношением производства, его формами и экономическим законом, его выражающим. (Соответственно движение каждого отдельного отношения производства и отношений производства в их системе должно быть раскрыто в определяющей его характер, направление и границы зависимости от движения основного отношения производства)[1]. Поэтому клю-

---

[1] Значение этого методологического принципа подчеркивал Энгельс, вскрывая роль прибавочной стоимости в исследовании Марксом системы капиталистических отношений производства. Для Маркса речь шла, указывал он, не о простом констатировании прибавочной стоимости — основного отношения капитализма — как экономического факта, «но о таком факте, которому суждено было произвести переворот во всей политической экономии и который давал ключ к пониманию всего капиталистического производства, — давал тому, кто сумел бы им воспользоваться. Руководствуясь этим фактом, он исследовал все установленные до него категории...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 20).

чевое методологическое значение для экономического анализа отношений социализма принадлежит основному отношению — собственности на средства производства, или, иными словами, непосредственно общественным отношениям коллективности в производстве и присвоении (см. главу пятую).

Конкретное народное хозяйство, по-видимому, вплоть до полного коммунизма не обязательно строй лишь отношений данного типа и единого уровня развития. В единстве с отношениями, определяющими характер данного экономического строя, оно может заключать в себе некоторые элементы другого строя. Кроме того, отношения производства данного строя могут находиться на различных ступенях зрелости. Так, социализм вместе с отношениями социалистического типа на ряде этапов развития допускает существование элементов мелкого частного товарного хозяйства (остатки уклада индивидуального крестьянского хозяйства, индивидуальных промышленных промыслов и т. п.), элементов личного подсобного хозяйства (подсобное хозяйство колхозников, рабочих и служащих, неорганизованный рынок и т. д.). Вместе с тем социализм на некоторых ступенях развития в рамках общей системы отношений производства заключает в себе отношения разной степени зрелости социалистического развития: наиболее развитые — последовательно социалистические отношения производства, полностью складывающиеся и функционирующие на основе всенародной государственной собственности на средства производства; менее развитые — социалистические отношения производства, складывающиеся и функционирующие под определяющим воздействием всенародной собственности, но непосредственно на основе колхозно-кооперативной собственности на средства производства, и т. д.

Сложность конкретного экономического строя, многообразие образующих его социально-экономических элементов определяют и существенный специальный методологический прием экономического анализа, заключающийся в необходимости при исследовании строя экономических отношений в целом исходить из *господствующей роли тех отношений производства, которые на данной ступени развития определяют его тип, его качество.* Применительно к социализму это означает необходи-

мость исходить из *господствующей, определяющей роли отношений последовательно социалистического характера и из основного отношения этой совокупности отношений — всенародной собственности на средства производства.* Это значит, что характер движения экономического строя в целом, его функционирование и развитие необходимо исследовать как определяемые экономическими законами, выражающими отношения производства, целиком базирующимися на всенародной социалистической собственности. Что же касается отношений и законов, связанных специально с отношениями колхозно-кооперативной собственности, то из этого принципа следует необходимость полного учета как специфики их движения в их особой, экономической сфере, так и модифицирующего воздействия этих особенностей на общее экономическое движение (при определяющей роли для последнего, а стало быть, и для самих колхозно-кооперативных отношений движения отношений последовательно социалистического типа). Это, разумеется, относится и ко всем другим отношениям — подсобного хозяйства, остатков мелкого частного хозяйства и т. п.

Данный методологический принцип, выражая реальную объективную взаимосвязь системы отношений производства социализма, вносит монизм в их анализ, открывает основное направление исследований, показывает дорогу реального абстрагирования и объективно обусловленного процесса конкретизации исследования и т. д.

Одним из основных специальных принципов, приемов экономического анализа является осуществление исследования системы экономических отношений исходя из *примата производства* в единстве всех фаз движения экономических отношений. Он представляет собой основополагающий, конституирующий момент в материалистическом понимании связей экономики [1].

---

[1] Решающее его значение всесторонне раскрыто Марксом. «Подлинная наука современной политической экономии, — писал он в «Капитале», — начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. 1, стр. 370).

Следует отметить, что примат производства, как объективное свойство экономического процесса и как отражающий это свойство

Примат производства неразрывно связан с тем, что в основе экономического процесса лежит производительный труд.

Труд, рабочее время, которым располагает общество при всяком данном уровне развития производительных сил, и является реальным регулятором общественного производства: «*Никакая форма* общества не может помешать тому, чтобы рабочее время, имеющееся в распоряжении общества, тем или иным путем регулировало производство». Это регулирование при отношениях общественной собственности осуществляется, как указывает Маркс, «путем прямого сознательного контроля общества над своим рабочим временем» [1].

Из регулирующей роли труда и вытекает тот факт, что труд вообще образует «исходный пункт» политической экономии. Он та «простейшая абстракция, которую современная политическая экономия ставит во главу угла» [2]. Отсюда следует, что процесс движения производительного труда является материальным носителем, ма-

---

методологический принцип, прием экономического анализа, сформулированный Марксом в знаменитом Введении «К критике политической экономии» и всесторонне обоснованный и реализованный в «Капитале», получил свое обоснование еще в «Немецкой идеологии», где были заложены основы исторического материализма. «...Люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Но для жизни нужны прежде всего пища и питьё, жилище, одежда и ещё кое-что. Итак, первый исторический акт, это — производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 26).

Производство, его развитие, т. е. активное отношение общества к природе, развивает и самого человека с его потребностями. Производство, таким образом, определяет в конечном счете потребности. Этому материалистическому принципу примата производства субъективная школа буржуазной политической экономии, а за ней и иные, более поздние школы последней противопоставляют «принцип гедонизма», т. е. определяющей изначальной роли потребностей. «Первейшие факторы человеческого хозяйства суть — потребности, полезности... и стремление к возможно полному удовлетворению потребностей...» (*К. Менгер*. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности, стр. 41).

Наряду с идеализмом и индивидуализмом неразрывно связанный с тем и другим принцип примата потребления образует решающий методологический устой субъективной школы (см. *И. Г. Блюмин*. Критика буржуазной политической экономии, т. 1, Субъективная школа в буржуазной политической экономии. М., 1962, стр. 20).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 9.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 731.

териальным содержанием всей системы экономических отношений. Из этой объективной роли труда и вытекает в свою очередь неразрывно связанное с методологическим принципом примата производства требование *объективно-трудовой трактовки всего экономического процесса,* т. е. рассмотрения всех экономических отношений в качестве экономических *форм устройства и функционирования общественного труда.*

Примат производства и объективно-трудовой подход к экономическому процессу означают, что последний является экономическим процессом создания и использования трудом производимых и воспроизводимых материальных благ. И рассмотрение всего экономического процесса со стороны трудовой воспроизводимости экономических благ отвергает подход буржуазной экономии к экономическому процессу как использованию некоего данного запаса редких (и якобы поэтому экономических) благ, т. е. подход потребительски-статический в противовес воспроизводственно-трудовому динамическому подходу марксистской политической экономии [1].

---

[1] Буржуазная экономия, взявшая на вооружение принцип маржинализма, старается изобразить его как простой технический прием оптимизации экономических процессов и решений. Однако при этом она утаивает, что все маржиналистские технические приемы оптимизации зиждятся на исходной посылке наличия в каждый данный момент некоего запаса редких благ и противостоящей им системы потребностей; она отрезает и запас, и потребности от процесса воспроизводства, в котором изменяются оба этих элемента экономической действительности. Тем самым именно потребностям в противовес труду придается роль определителя удельного значения потребительских благ в экономике. Эта-то подстановка и лежит в основе маржиналистского принципа, совершенно несостоятельно объявляемого чем-то вроде... дифференциального исчисления. «Маржиналистский принцип сам по себе, — писал Шумпетер, — есть инструмент анализа, применение его становится неизбежным, как только анализ вступает в зрелый возраст. Маркс, разумеется, использовал бы его, если бы родился на 50 лет позднее. Он не может служить характеристикой какой-либо школы в экономике по той же причине, по какой применение дифференциального исчисления не может быть характеристикой научной школы или группы в математике и физике» (*J. A. Schumpeter.* History of Economic Analysis N. Y., 1954, p. 869). Как видим, Шумпетер маскирует маржинализм, выдавая его едва ли не за технику расчета предельных значений (кстати, превосходно известную Марксу и до Маркса) и пряча, таким образом, действительное его содержание как вульгарной субъективистской концепции предельной полезности, в тех или иных вариантах влачащей свое существование и по сей день.

Сама природа экономических отношений вообще исключает статический подход к их исследованию, ибо их неизменное состояние — исключительный момент, а их постоянный процесс воспроизводственных изменений — правило. В этом, в частности, заключается существенное отличие в методологии исследования явлений исторических и экономической основы последних от явлений естественных. При всеобщности процесса развития природы и общества этот процесс различным образом в них реализуется.

Если в природе развитие охватывает и длительные эпохи относительно стационарного существования более или менее неизменных качественных состояний, то в обществе почти непрерывно идет процесс качественных изменений. И поэтому единственно правильный подход к явлениям общественным — подход не статический, а динамический [1].

Современная буржуазная экономическая наука занимается динамикой. Она формулирует законы динамики, роста, рассматривает методологию динамического подхода и т. д. Однако коренная особенность всех динамических буржуазных концепций заключается в том, что для них динамика является лишь *дополнением* к статике, надстройкой над статикой экономических отношений, структура которых рассматривается главным образом как статическая структура [2]. Это в свою оче-

---

Следует лишь удивляться некоторым поклонникам маржинализма в нашей экономической литературе, которые, не поняв его реального экономического смысла, пытаются применять в социалистической экономике (см. *Л. В. Канторович.* Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М., 1960; *В. А. Новожилов.* Теория трудовой стоимости и математика. — «Вопросы экономики», 1964, № 12).

[1] Этот методологический принцип подхода к анализу общественных отношений специально подчеркивался Лениным: «...Все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего, и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 77—78.)

[2] Эйкен разделяет познание экономики на исследование конструкции экономического порядка (строя), что и является областью

редь соответствует исходному взгляду на экономический процесс как соотношение запаса редких благ и данных потребностей. Марксистские материалистические принципы воспроизводственно-трудового рассмотрения экономического процесса примата производства с общественно трудовой точки зрения при раскрытии содержания экономических отношений требуют не статического, а в основном динамического рассмотрения. Статические же абстракции возможны лишь как частности, как отдельные моменты в общем процессе динамического анализа.

Исследование производственных отношений раскрывает всеобщность вещной формы их выражения, действительность последней и для социалистических отношений производства. Это объективно обусловливает один из существенных специальных принципов, приемов методологии экономического анализа — *рассмотрение всех экономических отношений в их объективных вещных формах,* т. е. в связи с теми объективными материальными факторами процесса производства и совокупностью его результатов, по поводу которых они складываются и в экономичном движении которых реализуются. Но это лишь одна сторона применения данного методологического принципа. Другая, неразрывная с первой сторона заключается в том, чтобы за вещными формами материальных объектов экономического процесса раскрывать действительные отношения производства между людьми, их содержание и особенности форм движения [1].

экономической методологии, и на исследование экономического процесса (см. *Wilhelm Weber.* Wirtschaftswissenschaft von heute. Wien, 1953, S. IX). Это обычный для методологии буржуазной экономики разрыв статики и динамики при примате статического подхода перед динамическим. Даже Харрод, известный своим специальным исследованием динамики, целиком находится во власти этого разрыва. «Я считаю, — писал он, — что должен существовать наряду со статической теорией ряд законов, относящихся к увеличению (или уменьшению) экономических величин...» В этой робкой пристройке к статике и заключается, собственно говоря, вся его претенциозная теория «динамической экономики» (*R. F. Harrod.* Scope and Method of Economics в кн. Readings in Economic Analysis, Vol. I. General Theory. Cambridge, 1950, p. 20).

[1] По поводу определенности экономических форм вещей, функционирующих в экономическом процессе, Маркс указывал: «...речь идет не о дефинициях, под которые могут быть подведены вещи.

Этот принцип связывает анализ отношений с принципом раскрытия объективно-трудового содержания отношений, ибо факторы и результаты труда суть продукты материального производства, они по преимуществу (кроме материальных услуг) объективные, внешние вещи, пригодные для удовлетворения человеческих потребностей. Он связывает также экономические исследования и с изучением потребительных стоимостей как носителей определенных экономических форм [1]. Изучение политической экономией социализма экономических форм вещей — фондов, общественного продукта, национального дохода и т. д. — и есть раскрытие как содержания вещных форм движения экономических отношений, так и значения для движения последних особенностей самих этих вещных форм, как таковых.

Функционирование системы экономических отношений, как мы видели, исследуется как в народнохозяйственных рамках, так и в границах отдельных конкретных народнохозяйственных комплексов форм их взаимосвязей (предприятия, объединения предприятий, территориальные комплексы и т. д.). Однако, ввиду того что все они являются лишь особыми формами движения одной и той же совокупности экономических отношений, их единства, существенный специальный принцип, прием экономического анализа заключается *в методологическом единстве подхода к изучению тех и других.*

Те же принципы методологии, которые действительны применительно к анализу совокупности отношений производства, рассматриваемых в границах народного хозяйства в целом, т. е. как макрообъект, сохраняют свою силу и при анализе отношений производства, взятых в относительно частных границах каждого обособленного комплекса форм их функционирования (т. е. как микро-

---

Речь идет об определенных функциях, которые получают свое выражение в определенных категориях» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 24, стр. 254).

[1] К области политической экономии «потребительная стоимость относится только лишь тогда, когда она сама выступает как определенность формы», — писал Маркс (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 14). Анализ действительного процесса воспроизводства снова дает, указывал он, «пример того, как *потребительная стоимость* как таковая приобретает экономическое значение» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. 3, стр. 260).

объект) [1]. Единство методологических принципов экономического анализа на всех его ступенях, разумеется, не исключает возникновения дополнительных приемов, способов исследования, диктуемых особенностями форм движения в соответствующих экономических совокупностях. Но это будут лишь *дополнительные* методологические приемы к основным, общезначимым.

Политическая экономия как общественная наука об отношениях производства, возникающих и развивающихся в действительном историческом процессе, как наука о необходимо *фактически осуществляющихся* (а не возможных) экономических отношениях базируется на строго фактической основе, обобщении процесса движения общественных отношений в формах их конкретных, массовых, типичных проявлений. Базирование политико-экономического исследования на *массовой фактической основе, на обобщении всей совокупности реальных явлений, образующих общественный экономический процесс,* является также существенным специальным принципом, приемом методологии экономического анализа [2].

Факты, и только факты, взятые в их общей совокупности, в их взаимной связи, и обладают реальной доказательностью в экономической науке.

Базирование экономического анализа на всесторонне взятой реальной массовой народнохозяйственной сово-

---

[1] Буржуазная экономическая наука противопоставляет методы макроэкономического и микроэкономического исследования. И если микроэкономический метод в ней отправляется от изолированного частного хозяйства, то макроэкономический метод является исследованием народнохозяйственных процессов безотносительно к природе образующих его реальных частнокапиталистических хозяйств. «Макроэкономия, — писал Жамс, — исходит из исследования общих явлений прямым путем, минуя изучение поведения различных отдельных экономических хозяйств, составляющих всю экономику» (*Э. Жамс.* История экономической мысли XX века, стр. 294). Однако и тот и другой методы равным образом лишены реальных научных оснований.

[2] Этому методологическому принципу, приему экономической науки большое значение придавал Ленин. «Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, — писал он, — является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 67). «Закономерность, — указывал он, — не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности...» (там же, стр. 68).

купности фактов экономической действительности является в сущности не чем иным, как применением в экономическом исследовании одного из коренных требований диалектической логики, гласящего, что для действительного значения предмета «надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»»[1].

Крылатые слова о целом Монблане фактов, на которых основывается Марксов теоретический анализ экономических отношений, точно выражают практическое преломление в «Капитале» требования методологии экономического анализа о базировании политико-экономического исследования на всестороннем рассмотрении фактов, процессов действительности во всем многообразии ее массовых, типичных проявлений[2].

Базирование экономического анализа на строго фактической основе совокупности экономических отношений в их массовых проявлениях означает необходимость широкого использования в нем всех способов первоначального освоения материалов действительности, вообще используемых наукой: комбинации всех видов наблюдения фактов действительности, как данных в непосредственном конкретном экономическом процессе, так и выявляемых с помощью эксперимента[3]; их массовой, типичной

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

«Мы никогда не достигнем этого полностью, — указывал Ленин, — но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения» (там же). «*Совокупность всех* сторон явления, действительности и их *(взаимо)отношения* — вот из чего складывается истина...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 178).

[2] То, что экономическая теория необходимо есть результат всестороннего исследования фактических отношений экономического процесса в его целом, во всех его массовых, типичных проявлениях, и означает, что окончательные доказательства и проверка положений и выводов теории дает *вся система исследования в ее целом, в совокупности.*

[3] В условиях социализма роль эксперимента в экономическом анализе существенно возрастает. Однако следует иметь в виду и ограниченные его возможности. Эксперимент, может быть, и является действенным орудием экономических исследований процессов сравнительно локального характера, протекающих внутри относительно обособленных экономических образований (отдельное предприятие, их группа, отрасль, район и т. п.). Для явлений же, протекающих в масштабе народного хозяйства в целом и неразрывно в нем связанных с системой других народнохозяйственных явлений, эксперимент, как правило, не может быть поставлен; в случае же его постановки он не дает удовлетворительных результатов.

регистрации; монографического воспроизведения и их логической и сравнительно-исторической систематизации с различных сторон и в различных необходимых отношениях, т. е. выявления их качественно однородных в тех или иных отношениях групп (массовая группировка).

Оно означает, далее, изучение массовых закономерностей на основе широкого применения статистики и математических методов. Статистические и математические приемы исследования занимают особое место в практической реализации специального требования методологии экономического анализа о базировании экономического исследования на строго фактической основе.

Экономические отношения по природе своей реальные явления с бесконечно сложными, неисчерпаемо многообразными взаимодействиями независимых или относительно независимых переменных. Именно поэтому всякий экономический закон, как подчеркивал Маркс, «становится видимым лишь тогда, когда они (случайные формы колебаний, разновидности экономических явлений. — *Я. К.*) охватываются в больших массах...» [1]. Только в массовом анализе отношений экономической действительности мы «неизбежно поднимаемся от случайного и единичного к устойчивому и массовому», т. е. к ее законам [2].

Массовый анализ и есть статистический и математический, если иметь в виду его количественную сторону. Политико-экономический анализ является единством качественного и количественного анализа, и поэтому он *невозможен* в отрыве от статистических и математических методов исследования, вне их полного использования. При этом раскрытие тех или иных массовых динамических количественных закономерностей является могучим средством не только углубления, но и продвижения вперед самого качественного анализа, открытия качественно новых существенных связей действительности.

Из этого, разумеется, не следует, что статистика и математика могут заменить собой качественный, собственно политико-экономический анализ или что в общем потоке политико-экономических исследований они обра-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. 2, стр. 396.
[2] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 47.

зуют по крайней мере равноправные элементы с последним. Такого рода взгляды развиваются под флагом разработки «математической экономии», «математизации экономики» и т. д. Их истоки в стародавних претензиях математических вариантов субъективистской школы вульгарной буржуазной экономии (Вальрас, Парето, Джевонс и др.), в наше время снова воспроизводимых различного рода буржуазными эконометрическими теориями [1].

Однако же реальное соотношение в составе приемов экономического исследования качественного, собственно политико-экономического и количественного, статистического и математического анализа экономических отношений определяется самой природой последних. Движение экономических отношений является качественно особым видом объективного движения (движением «экономической материи», экономическое движение). И его качественно особые формы поэтому можно раскрыть лишь особым, несводимым к другим наукам качественным анализом — собственно политико-экономическим анализом. Вместе с тем формы экономического движения как движения массовых совокупностей, неизбежно осуществляющиеся в единстве необходимых и случайных их проявлений, заключают в себе бесконечно многообразные сложные динамические взаимодействия неисчерпаемых совокупностей, их элементов и характеризуются поэтому сложными количественными закономерностями. Последние и есть объект изучения, необходимо требующий статистических и математических приемов политико-экономического исследования [2].

Отправляясь от качественно исследованных форм и закономерностей движения экономических отношений, раскрываемых качественным политико-экономическим

---

[1] И не только ими. Некоторые сторонники марксистской политической экономии также разделяют представления о том, что математический анализ может сам по себе выполнить функции политико-экономического качественного анализа, заменив последний или предоставив ему право «истолкования» математических результатов анализа.

[2] Ленин указывал на «цель, которую должно преследовать всякое точное исследование экономической жизни» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 167). Точное исследование не сводится к количественному исследованию, но необходимо заключает в себе такое исследование как обязательную сторону.

анализом, и совершая свои операции в его рамках, приемы статистического и математического политико-экономического анализа раскрывают количественные закономерности движения экономических отношений. При этом всякая количественная закономерность является по природе своей стороной качественно-количественной закономерности. И поэтому раскрытие количественной закономерности углубляет понимание связей качественно-количественных закономерностей движения экономических отношений, дает новые стороны для познания и качественной стороны последних, его углубления, движения вперед и т. д. Но все это возможно лишь при базировании статистического и математического количественного политико-экономического анализа на качественном политико-экономическом анализе, как таковом. В отрыве же от него такой анализ столь же невозможен, сколь невозможно, скажем, математическое изучение физических процессов вне физической теории, качественного анализа этих процессов физикой [1].

Представление о возможности сведения качественно особых форм экономического движения к единообразному количественному субстрату, якобы лишенному качественной специфики, лежит в основе механистической концепции примата количественного анализа над анализом качественным с вытекающими отсюда в конечном счете выводами о замене собственно политико-экономического качественного анализа анализом чисто количественным, статистическим и математическим [2].

---

[1] По этому поводу в свое время справедливо писал Г. В. Плеханов: «Математика не может указать, да и не претендует на указание *причин* общественной жизни или природы. Она только помогает нам определить количественную сторону действия этих причин... Математическая возможность данного явления вовсе еще не ручается за то, что оно возможно в природе или в общественной жизни» (*Г. В. Плеханов.* Соч., т. VI, М.—Л., 1925, стр. 163—164).

[2] Разновидность такого рода «количественной» концепции методологии экономического анализа была развита в свое время И. Степановым. И в общественных науках «работа научного познания, — писал он, — начинается не *качественным подходом,* а сведением непосредственно данных качеств к чему-то общему, что впервые делает возможным *количественное измерение* и *соизмерение различных качеств.* Напр., политическая экономия прежде всего отвлекается от конкретных видов труда... «Простой абстрактный труд» для нее — то же, что энергия как таковая для естествознания. Количественно объяснив таким образом основную экономическую категорию, стои-

Мы говорим о статистических и математических именно политико-экономических приемах, способах, формах анализа как о единстве собственно политико-экономического качественного исследования и специально отвечающих данному качеству объекта его статистических и математических количественных исследованиях. Это, в частности, выражается и в том, что особый характер связей экономических объектов порождает развитие особых приемов их статистического исследования (приемы экономической статистики) и особого аппарата математического исследования (например, линейное и динамическое программирование и т. п.).

Крайнее усложнение экономического процесса, его форм и взаимозависимостей, возможность и необходимость познания и планомерного управления этим процессом, равно как и громадные возможности осуществления наиболее сложных форм математического анализа с помощью машинных средств, электронно-счетной техники, раздвигают рамки и поднимают значение математических приемов политико-экономического анализа, ведут к развитию целых специальных математических разделов политико-экономического анализа, в частности математического моделирования динамических процессов воспроизводства [1], оптимизации взаимосвязей эле-

---

мость, политическая экономия «на путях мышления» воспроизводит затем все «качества», сложные соотношения которых составляют общественную экономику» (*И. Степанов.* Диалектический материализм и деборинская школа. М., 1928, стр. 152).

На наш взгляд, здесь И. Степанов упустил «самое малость»: категории абстрактного труда и стоимости — это продукты именно качественного марксистского анализа, вскрывающего их сущность (в противовес смитовско-рикардианскому количественному анализу) именно как специфически исторических форм общественных производственных отношений. Таким «невинным» путем Степанов и поставил на голову реальное соотношение качественного и количественного приемов анализа в политико-экономическом исследовании.

[1] Из этого, однако же, отнюдь не следует, что теория и модель совпадают, как полагают буржуазные экономисты. «Общность или «система» наших представлений, так же как и отношения, которые мы устанавливали между ними, — это то, что мы называли теорией или моделью» (*J. A. Schumpeter.* History of Economic Analysis, p. 41). Отождествление теории и модели, желание представить дело так, будто ныне развитие экономической теории возможно только в форме модели, отражают попытки математически-формального истолкования теории, отрыва количественного анализа от качественного, подмены первым второго. Реальное же соотношение теории и модели

ментов экономики в различных ее формах и в народном хозяйстве в целом и т. д.

Таковы важнейшие существенные специальные принципы, приемы экономического анализа, политико-экономического исследования, которые возникают и развиваются как арсенал особых методологических средств в результате применения требований диалектического материализма к исследованию именно *экономической* сферы действительности и имеют силу лишь как средства анализа *только* этой сферы.

Но, как уже указывалось выше, к совокупности данных средств экономический анализ не сводится, ими он не исчерпывается.

Совокупность специальных средств исследования находится в неразрывном органическом единстве с другой совокупностью средств — общих приемов диалектико-материалистического исследования, необходимо применяемых к исследованию экономических отношений, т. е. тех приемов, без которых этот анализ столь же невозможен, как и без специфических специальных средств. *И только единство рассмотренных специальных средств и общих средств и образует то, что и представляет собой методологию собственно экономического исследования, экономического анализа.*

В состав общих средств экономического анализа в качестве наиболее существенных входят[1]:

историзм политико-экономического исследования;

неразрывность и взаимопроникновение исторического и логического в политико-экономическом исследовании;

процесс абстракции и восхождения от абстрактного к конкретному;

единство анализа и синтеза, индукции и дедукции в экономическом исследовании;

специфически диалектическое развитие экономических отношений (проблема революционных, скачкообразных изменений);

в том, что модель, моделирование есть одно из существенных средств развития экономической теории, но лишь только одно из них, и притом не основное, а вспомогательное.

[1] Мы не указываем на применение законов и категорий диалектики, ибо таковое есть общая основа и специальных и общих средств экономического анализа, как и любого другого частно-научного метода.

практика как критерий истины в экономическом исследовании.

Остановимся на этом подробнее.

Историзм как методологический принцип политико-экономического исследования заключает в себе по крайней мере три решающих взаимосвязанных момента. *Во-первых*, каждое данное отношение производства, как и любая совокупность этих отношений, должно рассматриваться в процессе его исторического становления и развития; сущность его может быть раскрыта лишь путем установления его генезиса. *Во-вторых,* историзм предполагает выявление исторически специфического характера отношений производства, их характера как отношений данного исторически определенного экономического строя, историческую специфичность законов, управляющих их движением[1]. *В-третьих,* принцип историзма требует раскрытия отношений производства тех коренных социальных сил — классов и общественных групп, которые и являются специфическими носителями данного типа отношений, их субъектами (например, в условиях капитализма рабочий класс и капиталисты; при социализме на известных ступенях развития рабочий класс и колхозное крестьянство; на более высокой ступени, когда классовые различия преодолеваются, две основные общественные группы — работников физического труда и работников умственного труда и т. д.).

Раскрытие в природе отношений производства социально массовой их стороны, тех общественных сил, которые их осуществляют, являются их исторически определенными — говоря словами Маркса — person dramatique, и есть марксистско-ленинский объективный экономический анализ, проводящий последовательно партийную точку зрения рабочего класса. Он подлинно объективен, ибо только рабочий класс исторически заинтересован в раскрытии действительной природы эконо-

[1] Именно в качестве исторической науки политическая экономия, подчеркивал Энгельс, «исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 151). Историзм политико-экономического исследования, по определению В. И. Ленина, «состоит в выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим, высшим организмом» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 167).

мических отношений и их законов. Он противостоит «объективизму» буржуазной политической экономии, являющемуся лишь замаскированным проведением буржуазно-апологетических взглядов.

Реализации принципа историзма как методологического принципа политической экономии социализма и каждого из отмеченных трех его моментов свойственны существенные специфические черты. Генетическое изучение социалистических отношений производства необходимо должно отправляться не от эволюционного изменения экономических отношений и форм предыдущей общественно-экономической формации, а от революционного крушения капиталистического строя производства. Только его взрыв, революционное утверждение в качестве основного господствующего отношения производства общественной всенародной формы собственности на решающие средства производства кладет начало развитию социалистической системы отношений производства. Вместе с тем, поскольку социализм возникает не на его собственной основе и для его победы необходим переходный период от капитализма к социализму, постольку генезис и развитие социалистических отношений представляют собой процесс одновременного существования и борьбы социалистических и капиталистических отношений в рамках единой экономики при господствующей роли в ней социалистических элементов. Наконец, поскольку социализм исторически наследует экономические формы, обслуживающие ряд способов производства, и среди них прежде всего товарное производство, генетически-исторический подход означает изучение процесса социалистической переделки их сущности, преобразования частной мелкотоварной формы производства в социалистическое колхозное товарное производство, вытеснения и ликвидации капиталистических товарных отношений и их замены социалистическим товарным производством, следовательно, генезиса и развития форм товарного производства с его новым специфически социалистическим содержанием [1].

---

[1] Ни одна из форм генезиса социалистических отношений производства, таким образом, не представляет собой заимствования и приспособления каких-либо отношений производства, которые бы сложились как социалистические при капитализме. Это исключается именно потому, что возникновение любых социалистических отноше-

Специфичность применения второго из моментов принципа историзма в исследовании социалистических отношений заключается в том, что они исследуются не как отношения коммунистического способа производства вообще, в целом, а как отношения именно первой его фазы — социализма. Это чрезвычайно существенный специфический момент исторического подхода к анализу социалистических отношений, предполагающий раскрытие их совокупности как совокупности специфически социалистических отношений.

В общем их строе заключаются и отношения, общие для первой, низшей и второй, высшей фаз коммунизма, но находящиеся лишь на первой, социалистической ступени их развития, в их специфически социалистических формах (например, отношения общенародной собственности на средства производства, непосредственно общественного труда и т. д.), и отношения специфически социалистические по своей природе, которые неизбежно отпадут с переходом ко второй, высшей фазе коммунизма (например, две формы общественной собственности, классовые формы отношений и отношений социально неоднородных общественных групп, отношения распределения по труду, товарные отношения и т. п.). Таким образом, соблюдение в экономическом анализе социализма принципа рассмотрения производственных отношений социализма в их целом как специфически социалистических, а не коммунистических вообще является существенным специфическим элементом применения принципа историзма в методологии политической экономии социализма.

Третий специфический момент применения принципа историзма в политической экономии социализма заключается в том, что она исследует, *во-первых,* производственные отношения неантагонистических классов и, *во-вторых,* процесс преобразования классовых производственных отношений в отношения бесклассовые, в производственные отношения лишь социально неоднородных общественных групп, и их развитие, точнее, преодоление в процессе перерастания социализма в коммунизм.

Научный историзм и его специфические приемы в политико-экономическом исследовании социализма —

ний возможно только на базе господства общенародной собственности на средства производства.

исключительное достояние марксистско-ленинской политической экономии.

Буржуазная политическая экономия — различные ее направления — либо признает, либо отвергает принцип историзма, но обе позиции равным образом противостоят подлинно научному принципу историзма. Дело в том, что направления, так или иначе провозглашающие принцип историзма, — от исторической школы до современных направлений буржуазной экономии — придерживаются вульгарного историзма, т. е. подменяют подлинную, материалистическую монистическую историческую закономерность исторического процесса, коренящуюся в развитии производительных сил и отношений производства, плюралистическим, идеалистическим «историзмом» — сочетанием множества гетерогенных культурно-исторических факторов [1].

Современная буржуазная экономическая наука во многих ее разветвлениях в сущности отвергает историзм экономического анализа. Она развивает концепцию исторической нейтральности экономического процесса, его общей нейтральной логики, каков бы ни был характер строя производства [2].

Провозглашение внеисторичности экономического анализа, его общей логики для любого строя экономических отношений является теоретическим обоснованием для утверждений, что субъективистско-маржиналистские теории, развиваемые на рубеже нашего века буржуазными экономистами Парето, Бароне и другими, представляют собой экономическую теорию социализма. «Теория социалистической экономии, — писал, в частности, Шумпетер, — лежит под рукой в готовом виде, полностью разработанная буржуазными экономистами в

---

[1] Это равным образом относится и к представителям вульгарной политической экономии прошлого века, и к ее современным представителям. Книс писал, например, что «историческое понимание политической экономии покоится на том положении, что... (она) вырастает в живой связи со всем организмом человеческого и народнохозяйственного периода, из условий времени, места, национальности» (*K. Knies.* Pol. Ock. vom Standpunkte der Geschichtlichen Methode, 1853, S. 19). Для Книса законы политической экономии — продукт скрещения действий всех факторов культуры (человеческий организм) и хозяйства вообще — словом, это образцовый историзм гетерогении факторов. Это относится и к «современному историзму» теории экономического процесса. Так, развиваемая Ростоу теория стадий экономического роста представляет собой по методологическому подходу эту же гетерогению факторов, случайно сочетающихся в историческом процессе.

[2] Признанный теоретик современной буржуазной экономии Шумпетер, руководствуясь этим, пророчествовал: «Большевистские экономисты неизбежно придут в конце концов к открытию того, что Парето и Бароне поняли еще полвека назад, а именно что есть логика экономических процессов, которая не содержит в себе ничего специфически «капиталистического»». Он сводил экономическую теорию к технике анализа, которая «нейтральна по своей природе», безразлична к экономическому строю, его социально-исторической специфике (*J. A. Schumpeter.* History of Economic Analysis, p. 884, 1159).

то время, когда не было ни надежды, ни опасности, что эта чисто теоретическая конструкция может быть воплощена в жизнь»[1].

Но абстрактные схемы оптимизации экономических результатов в заданных уравновешенных условиях абсолютной конкурентной экономики, лишенной действительных классов, действительных форм производства, действительного движения экономического процесса, не только, разумеется, не выражают закономерностей социалистического экономического процесса, но и не схватывают движения всеобщих условий всякого производства, абстрактных его моментов. Но если бы они делали это, то и тогда с их помощью нельзя было понять ни одной действительно существующей ступени развития общественных отношений производства[2].

Таким образом, марксистская концепция историзма политической экономии, применение историзма как общего методологического принципа экономического анализа, специфичность использования принципа историзма в политической экономии социализма не только необходимые условия научности теоретико-экономического анализа, но по ним проходит и водораздел между буржуазной вульгарной псевдонаукой и действительной экономической наукой марксизма.

Историзм неразрывно связан и с другим существенным общим методологическим принципом экономического анализа — *единством исторического и логического подхода к экономическим отношениям в процессе их исследования.* Пути научного анализа и действительного исторического процесса непосредственно между собой не совпадают. Исследуя данный экономический объект, процесс, совокупность отношений, способ производства, мы имеем перед собой их конкретное историческое бытие, т. е. результат уже *совершившегося, истекшего* про-

---

[1] *J. A. Schumpeter.* History of Economic Analysis, p. 1147.

Взгляды Шумпетера разделяют и многие буржуазные и лейбористские экономисты. Известный французский буржуазный экономист Лескюр утверждал, что не должно существовать «либеральной» и «социалистической экономической теории», должна быть единая экономическая наука. В ее основе лежит закон минимальных издержек: «Больше производить, чтобы больше распределять, хорошо распределять, чтобы больше производить» (*Jean Lescure.* Une économie politique sans doctrines (étude comparée du capitalisme et du bolchevisme), Revue d'Economie Politique. Paris, 1937, № 1, p. 28—42). Лейбористский экономист Смит добавлял: «Современная экономическая наука... может быть применена как к коллективистской, так и к конкурентной экономическим системам». Следовательно, нет нужды для особой социалистической системы экономической науки (*H. Smith.* The Economics of Socialism Reconsidered. London, 1962, p. 14—15). Критику претензий Шумпетера и других буржуазных экономистов на выполнение их «нейтральной экономической теорией» роли теории экономики социализма см. в работе С. А. Хавиной. «Против буржуазных экономических псевдотеорий социализма». М., 1962.

[2] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 714.

цесса [1]. Но дело не только в этом. Главное для анализа данной системы отношений заключается в том, чтобы раскрыть сущность этих отношений и их взаимосвязи в тех реальных качествах, которые они получили в результате процесса развития. Ведь различные экономические формы, возникнув в самом процессе исторического развития, играют роль существенно иную, чем та, которая в конечном счете принадлежит им на данной ступени, являющейся результатом развития. Это относится как к природе отношений и выражающих их форм и законов, так и к их реальным взаимосвязям.

Следовательно, рассмотрение сущности и взаимосвязей экономических категорий каждой данной ступени производства в том их виде, в тех их формах, в каких они выступали в течение исторического процесса, явилось бы прямым отступлением от их исследования в реально исторически сложившемся их строе, на определенной ступени их развития [2].

---

[1] «...Научный анализ этих форм (человеческой жизни. — *Я. К.*), — писал Маркс, — вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается post festum, т. е. исходит из *готовых результатов* процесса развития» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 85; курсив наш — *Я. К.*).

[2] Применительно к исследованию капитализма Маркс формулировал это самым категорическим образом. «...Было бы недопустимым и ошибочным, — писал он, — брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития. Речь идет не о том положении, которое исторически занимают экономические отношения в различных следующих одна за другой общественных формах... Речь идет об их расчленении внутри современного буржуазного общества» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 734). Эту мысль о недопустимости смешения логического и исторического порядка отношений категорий Маркс сформулировал и в чрезвычайно важной форме в подготовительных рукописях к «Капиталу». «...Для того, чтобы развить законы буржуазной экономии, — писал он, — нет надобности писать *действительную историю производственных отношений*. Напротив, правильное созерцание и дедукция производственных отношений, которые сложились исторически, всегда ведет к некоторым первым соотношениям (на манер того, как эмпирические числа в естествознании) и указанию на прошлое, лежащее позади этой системы. Эти указания вместе с правильным пониманием настоящего дают также и ключ к пониманию прошлого» (*Karl Marx*. Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie. M., 1939, S. 364—365).

Таким образом, раскрытие сущности и взаимосвязей исторически определенной системы общественных отношений производства требует соблюдения специфической, свойственной именно данному строю производства логики. Иными словами, оно нуждается в *логическом методе исследования*[1]. Но необходимость логического метода политико-экономического исследования, его применимость для раскрытия сущности и взаимосвязей отношений производства, их законов на каждой данной ступени исторического развития не означают отрыва логического от исторического или противопоставления первого и второго.

Дело в том, что логическое исследование является исследованием не вообще некоторых абстрактных, внеисторических форм отношений производства, а *исторически развившихся* и *реально функционирующих* отношений в их *исторически специфической* форме. Стало быть, прежде всего единство логического и исторического заключается в логическом исследовании *действительных, исторически определенных отношений.* «...И при теоретическом методе (политической экономии. — *Я. К.*), — писал Маркс, — субъект, общество, должен постоянно витать в нашем представлении как предпосылка»[2].

Однако имеется и другая сторона связи логического и исторического в экономическом исследовании. Объективно логический метод есть тот же исторический метод, но «только освобожденный от исторической формы» (Энгельс). Это означает, что порядок ставших, сложившихся в итоге исторического процесса отношений, форм, законов, раскрываемый логически, как логический порядок данного экономического строя не является произвольным. Он заключает в себе результат именно исторического процесса развития в его закономерной, очищенной от случайных моментов форме. Логическое не

---

[1] Энгельс указывал, что в «К критике политической экономии» «единственно подходящим был логический метод исследования» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 497).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 728.

Ту же связь логического и исторического подчеркивал Энгельс. «...Логическое развитие вовсе не обязано держаться только в чисто абстрактной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 499).

отрицает исторического, а включает в себя в формах, измененных сообразно развитым закономерностям ставшего, развившегося целого.

Таким образом, характер каждого отношения производства, каждого экономического закона, его выражающего, формируется в результате исторического процесса развития. Свое место в данной исторической системе отношений и законов они также занимают в результате этого развития. Поэтому вне исторически-генетического исследования нельзя выявить ни исторически определенного характера данного отношения и его закона, ни их места в системе отношений и законов, а тем самым и самого исторически специфического характера этой системы. Вместе с тем каждое общественное отношение производства как элемент исторически *развившейся, сформировавшейся, созревшей* данной определенной системы отношений, как и сама система, и их законы, а тем самым исторически определенная система законов могут быть полностью и всесторонне исследованы и по их характеру, и по взаимосвязям лишь как *развившиеся, сложившиеся* отношения, законы и их системы. Поэтому в экономическом анализе главенство и принадлежит логическому анализу, включающему в себя анализ исторический.

Таким образом, единство логического и исторического является отражением действительного процесса развития, как и отражением развившихся связей действительности, выражением закономерно ставшего исторического через его логическую завершенность [1].

Это диалектическое соотношение логического и исторического в экономическом анализе представляет собой в полной мере методологический принцип, прием исследования политической экономии социализма с той лишь

---

[1] Подчеркивая характер единства исторического и логического методов исследования в политической экономии, Энгельс писал: «С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 497).

специфической особенностью, что логическая система отношений социалистического производства и законов (в ее единстве с историческим исследованием) является системой отношений первой фазы коммунистического способа производства в целом, но не способа производства вообще (об этом говорилось выше). Между тем часто тот факт, что отношения производства и экономические законы социализма реально выражают экономический строй именно первой фазы коммунизма, развивающийся и перерастающий в строй полного коммунизма, нередко служит побуждением для замены единства логического и исторического исследования чисто историческим, в котором развертывается цепь исторически развивающихся экономических отношений в формах переходного периода от капитализма к социализму, затем первой фазы коммунизма, потом особо на стадии их перерастания в коммунизм. В итоге реальная целостная, логически последовательная система отношений производства социализма заменяется историческим описанием, к тому же часто не дающим достаточной опоры для отделения действительно существенных форм экономических отношений от их переходящих случайных форм [1].

---

[1] Этот недостаток, свойственный всем ныне имеющимся учебным курсам политической экономии социализма, получил свое выражение в тезисе об особой логике политической экономии социализма — от целого к части и от части снова к целому. «Логика изложения курса политэкономии социализма, — писал, например, Л. Гатовский, — такова: от общей характеристики в целом к отдельным ее сторонам, к предприятию; затем снова возвращение к народному хозяйству в целом» (*Л. М. Гатовский.* О научной схеме курса политической экономии социализма. — «Вопросы экономики», 1962, № 6, стр. 142).

Итак, движение от абстрактного к конкретному заменяется движением от целого (народного хозяйства) к части (предприятию) и от него снова к целому. Однако же, *во-первых,* восхождение от конкретной целостности предприятия к конкретной целостности народного хозяйства не является ни раскрытием сущности, ни ее конкретизацией как усвоением форм действительности, а простым последовательным описанием поверхности явлений; *во-вторых,* народное хозяйство не является предметом политической экономии. Но в рассматриваемую методологическую концепцию оно попало не случайно, ибо последняя, собственно, и есть выражение описательно-исторического характера действующих курсов политэкономии социализма. Заметим, что подмена теоретического анализа конкретно-историческим описанием в политической экономии неизбежно порождает и смешение абстрактно-теоретических и конкретно-исторических вопросов, против чего специально предупреждал Ленин (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 25).

Однако реально «незавершенность» социализма как способа производства (неполный коммунизм) не является основанием для отрицания внутренне свойственной ему логики отношений и законов экономики. Социализм образует *особую фазу* коммунизма именно потому, что объективно представляет собой такую обладающую вполне сложившимися специфическими связями завершенную систему отношений производства и экономических законов, которая характеризуется специфически исторической, внутренне ей свойственной логикой этих взаимосвязей.

Историзм и единство логического и исторического как общие методологические принципы экономического исследования неразрывно связаны и с использованием *метода абстракции и восхождения от абстрактного к конкретному* как процесса раскрытия сущности отношений производства и реальных форм их движения, содержания управляющих ими законов и форм их действий.

Абстракция, как известно, занимает в экономической науке особое место и потому, что эксперимент, как бы ни расширялись с ходом исторического развития (особенно при социализме) сфера и возможности его использования как орудия познания отношений экономики, остается лишь подсобным методом исследования. В экономике «абстрагирование представляется... приемом вполне законным, ибо иначе нельзя изучать внутренний строй экономических отношений...»[1].

Уже самое выделение «чистого типа» явлений, осуществление исследования исходя из того, что «действительные отношения соответствуют своему понятию»[2], представляет собой определенную сторону, момент абстракции. Однако абстракция заключается в переходе от бы-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 179.

Абстрагирование как метод экономического анализа есть реализация общего приема диалектического метода познания действительности. «Познание, — цитировал Ленин отрывок из работы Гегеля, — движется от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними становятся все *богаче и конкретнее*» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 212).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. 1, стр. 155.

См. также высказывания В. И. Ленина о необходимости изучения типичного, свободного от посторонних усложняющих влияний и обстоятельств (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 328).

тия, т. е. непосредственно данных явлений, к его сущности, анализу последней и восхождении от нее к конкретным формам проявления, к ее действительности [1]. Этот процесс восхождения от сущности экономических отношений и их законов к действительным формам отношений и действиям экономических законов и является восхождением от абстрактного к конкретному как *процесс логического воспроизведения действительного исторического развития.*

Конкретизация в ходе исследования не есть механическое включение в него все новых признаков изучаемого объекта. Она представляет собой теоретическое воспроизведение *процесса развития,* обогащающего не развитую (абстрактную) сущность все новыми формами ее реализации, связями и опосредствованиями, последовательное прослеживание этих форм связей и опосредствований [2].

Процесс абстрагирования и теоретического усвоения конкретного через восхождение от абстрактного к конкретному неразрывен с использованием в их *единстве индукции и дедукции, анализа* и *синтеза.*

Абстрагирование и восхождение к конкретному представляют собой обобщение процессов реальной действительности в их закономерных формах, законах. Орудиями же этого обобщения и являются в их единстве именно анализ и синтез, индукция и дедукция, сочетание логического и исторического [3].

Поскольку сами экономические отношения и законы, их система представляют собой связи сущности и форм явлений экономики, причем в их историческом развитии и логических взаимоотношениях, т. е. всю систему сложных переходов от абстрактной сущности к конкретной

---

[1] «От живого созерцания к абстрактному мышлению, — писал Ленин, — *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины...*» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152—153).

[2] Этот переход от абстрактного к конкретному как процесс, отвечающий объективной диалектике развития, правильно подчеркивает Л. А. Маньковский (см. «Логические категории в «Капитале» К. Маркса», стр. 50).

[3] Маркс всегда подчеркивал их неразрывную связь. Указывая на односторонне аналитический метод классиков политэкономии, он подчеркивал, что «анализ является необходимой предпосылкой генетической трактовки, понимания действительного процесса формообразования в его различных фазах» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. 3, стр. 526).

действительности, постольку лишь в единстве индукции и дедукции, анализа и синтеза и охватываются эти сложные закономерные связи [1]. Единство исторического и логического методов анализа, дедукции и индукции, анализа и синтеза есть способ как абстрагирования экономических отношений и законов, т. е. раскрытие сущности экономического строя [2], так и раскрытия действительности способа производства во всей полноте его конкретных движений и форм.

Научная абстракция экономических законов и их системы является углублением в природу реальных экономических отношений, раскрытием сущности строя этих отношений именно потому, что подлинно научные абстракции законов отражают природу отношений производства — говоря словами Ленина — глубже, вернее, полнее, чем они предстают в простом эмпирическом их выражении как совокупность явлений хозяйственной жизни. Но это зиждется на самой природе диалектическо-материалистической абстракции законов и их системы, именно на том, что абстракция охватывает, логически обобщает и выражает общее содержание, которое заключается в самих *действительных* отношениях [3].

---

[1] Именно в этом для экономической сферы корень того совпадения индукции и дедукции, единство двоякого характера анализа: дедуктивного и индуктивного, логического и исторического, на которые указывал Ленин (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 131 и 302).

[2] «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях), — писал Ленин, — открывает сущность (закон причины, тождества, различия, etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и *естествознания* и *политической экономии* [и истории]» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 298).

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, стр. 180.

Подчеркнем сущность марксистской абстракции закона, как и всякой другой категории, в качестве формы выражения реальных отношений объективной действительности. В этом водораздел материалистической диалектики в процессе абстракции и всех форм идеализма, в том числе кантианских и неокантианских. Именно в данном пункте ревизионисты пытались подменить марксизм кантианством и неокантианством. Например, О. Бауэр писал: «И если историческое направление отвергает последние выводы Марксовой абстракции на том основании, что они не суть копии эмпирических явлений, то мы можем ответить ему словами Канта, что и здесь не предмет производит понятие, а понятие производит предмет как предмет нашего знания» (*Отто Бауэр.* История «Капитала». Цит. по: «Основные про-

Разумеется, закон — более бедная, чем сама действительность, односторонняя, относительная форма ее выражения, но он именно форма сущностного выражения действительности со всеми ее противоречиями, в ее движении, развитии, связях.

Все это, однако, одна сторона дела. Другая же заключается в том, что установление и исследование взаимосвязей законов, их системы в качестве системы экономических законов данного способа производства является не только процессом абстрагирования, но и

блемы политической экономии». М., 1922, стр. 51). В унисон с Бауэром Г. Кунов отрывал Марксов метод абстракции от обобщения реальной действительности. Он, например, заявлял, что Маркс «выводит свой закон стоимости не из всплывающих на поверхность хозяйственной жизни явлений цены, а путем логической дедукции из сущности товарного обмена» (*Г. Кунов.* К пониманию метода исследования Маркса. Цит. по тому же источнику, стр. 59). Как видим, вместо того чтобы показать, как Маркс от явлений цены (денежной формы меновой стоимости) переходит к стоимости как стороне товара, производству, обмену товаров и их закону — закону стоимости, Кунов противопоставлял действительность ценообразования некоей взятой самой по себе сущности обмена, из которого чисто логическим путем извлекается закон стоимости. Те же кантианские взгляды, противопоставляющие законам политической экономии действительные отношения, развивал и Струве. «Фактический материал истории экономических отношений, — писал он, — должен быть обрабатываем и истолковываем при помощи основных систематических категорий политической экономии. Эти категории как понятия суть не исторические, а систематические построения» (*П. Б. Струве.* Историческое введение в политическую экономию, изд. 2. Пг., 1916, стр. 28). Под руками Струве экономические категории и законы из отражения реальных связей действительности превратились в умозрительные формы, a priori возникающие и вменяемые действительности ради ее систематизации. Следует отметить, что в настоящее время критика априоризма и антиисторизма в трактовке природы абстракции законов и категорий, получаемых с ее помощью, становится еще более актуальной в связи с тем, что неокантианские извращения марксистской методологии снова и снова заявляют о себе в экономической литературе. Например, О. Ланге, противополагая исторический метод логическому, индукцию дедукции, с одной стороны, и считая возможным в основу экономии положить некие общие праксеологические принципы (рациональное поведение) — с другой, в сущности подменяет марксистскую методологию абстрагирования законов из отношений реальной действительности их дедукцией из принципов праксеологии. «Многочисленные законы политической экономии, — писал он, — могут быть легко выведены на основе дедукции из праксеологических принципов действия, в то время как получение их путем индуктивного обобщения требовало бы утомительного наблюдения многочисленных конкретных проявлений экономического

восхождения от абстрактного к конкретному, закономерного выражения строя отношений производства как целого в совокупности его реальных закономерных проявлений. При этом исследование системы законов представляет собой единство перехода от явлений к сущности и перехода от сущности к действительности, т. е. процесс восхождения от абстрактного к конкретному, не только и не столько потому, что в нем развертывается богатство каждого отдельного закона, заложенные в нем связи всеобщего с особенным, индивидуальным, но и потому, что лишь система законов политической экономии раскрывает сущность строя экономических отношений в целом, в его закономерном развитии, в проявлениях, в бесконечно многообразной совокупности реальных экономических процессов, при этом — что чрезвычайно существенно именно для политической экономии социализма — раскрывает ее в единстве с объективным конкретно-экономическим механизмом функционирования законов. Следовательно, исследование системы законов является особой и чрезвычайно важной ступенью углубления в сущность строя экономических отношений, особой самостоятельной и необходимой формой раскрытия ее в единстве и богатстве ее проявлений как действительности конкретно-исторического экономического процесса, но в его закономерном движении и выражении.

Здесь мы и подошли к специфичности применения метода абстракции и восхождения к конкретному, использования анализа и синтеза, индукции и дедукции и т. д. как методологических приемов политической экономии социализма в экономическом исследовании отношений производства социализма. Все эти приемы используются ею как приемы исследования экономических отношений, законов, их системы, конкретных форм проявления и т. д. в таких детальных абстрактных рас-

---

процесса, проведения сложного исторического и статистического анализа» (*Oskar Lange.* Ekonomia Polityczna, t. I, s. 169).

Не лишен интереса тот факт, что именно субъективная школа политической экономии всячески пропагандировала дедукцию законов из немногих абстрактных исходных понятий. Так, Джевонс писал: «Наука политической экономии опирается на небольшое число простых, по-видимому, *понятий*... малейшая ошибка в их *концепции* необходимо портит и все наши *дедукции*» (Цит. по: *Л. Б. Будин.*

членениях, в единстве с такими полными и далеко проводимыми конкретизациями, в такой полноте конкретного, что они служат теоретической базой для раскрытия конкретных экономических ситуаций, необходимых и достаточных для планомерного руководства обществом своим экономическим процессом.

Существеннейшим общим методологическим принципом, приемом экономического анализа является диалектический принцип *революционного, скачкообразного протекания процесса развития экономических отношений, их форм, движения и действия выражающих их законов*. Очевидность его использования в исследовании антагонистических отношений ясна. Однако необходимо специальное рассмотрение его применимости к условиям движения социалистических отношений производства со свойственной им господствующей планомерностью формы их движения с неантагонистическим характером противоречий как источником развития.

Не означает ли планомерность замены скачкообразности и революционности развития эволюционной постепенностью? Иногда характер развития социалистических отношений так и трактуется. Общество будто бы шаг за шагом познает назревающие изменения в отношениях производства, их новые необходимые формы развития и планомерно, постепенно, без крутых ломок и скачков вводит их в жизнь. Однако это неверная картина реального процесса движения экономических отношений социализма.

Дело в том, что отпадение антагонизмов и связанных с ним политических революций отнюдь не означает отпадения всеобщей формы диалектического развития как развития скачкообразного и революционного. «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? — писал Ленин. — Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности. Единством (тождеством) бытия и небытия»[1]. Скачок, крутая революционная ломка, означающая преобразование старого в самом основном и коренном в противовес постепенной, медленной переделке с наименьшим сломом элементов старого[2] яв-

---

Теоретическая система Карла Маркса в свете новейшей критики, стр. 101).

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 256.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 222.

ляется, таким образом, не частной формой диалектического развития, а конституирующим моментом самой его природы.

Планомерность форм движения экономических отношений означает отпадение не скачкообразности, революционности экономического процесса, но лишь его стихийности и антагонистичности, его планомерное, сознательное в меру назревания объективных условий осуществление. Иначе невозможно само движение как процесс *качественного* развития. В старых формах отношений и действиях их законов накапливаются условия для становления новых форм и созревает необходимость для их возникновения. Но до поры до времени это латентный, скрытый процесс, поскольку он протекает именно в старых формах. Достигнув же известной ступени развития, он заявляет о себе как о назревшей необходимости. И тогда общество познает эту необходимость и реализует ее в планомерных качественных изменениях форм отношений, которые, как существенные качественные изменения, скачкообразны, революционны.

Этот объективный всеобщий процесс скачкообразного, революционного изменения форм экономического развития и определяет соответствующий принцип, прием методологии экономического анализа.

Категории марксистской политической экономией вообще рассматриваются как подвижные, изменяющиеся, развивающиеся. Эта подвижность категорий отражает диалектическую природу объектов внешнего мира, их сущность как совокупности процессов [1]. И поэтому объективно необходимо изучение «*движения* понятий, их связи, их взаимопереходов» [2]. Диалектическая же природа движения экономических понятий требует и рассмотрения крутых, резких качественных их движений, т. е. революционных, скачкообразных изменений их форм в процессе развития. Применение этого методологического принципа к исследованию процессов развития экономических отношений социализма — обязательное условие выяснения действительной логики дви-

---

[1] Энгельс назвал положение диалектики о мире как совокупности процессов и отражающих эти процессы подвижных, постоянно изменяющихся понятиях «великой основной мыслью» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 302).

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 227.

жения отношений, развития и разрешения противоречий этого движения, стало быть, форм действия законов политической экономии социализма. Таким образом, картина внутренних связей экономических отношений и законов, воспроизводящая, так сказать, физиологию отношений социалистической системы производства, означает выделение узловых качественных категорий (выражающих эти отношения и законы), взаимосвязи которых друг с другом, переход от одной из них к другой и так далее включают перерыв постепенности, скачок, крутое изменение.

В системе общих методологических принципов, приемов экономического анализа особое значение принадлежит *практике как критерию истины.* На общем диалектико-материалистическом содержании этого принципа можно не останавливаться: оно очевидно. Но возникает проблема использования этого принципа в политической экономии социализма. Здесь сами формы экономического движения в основном планомерны. Не означает ли это, что, сопоставляя теоретические выводы с известными формами практически осуществляющегося движения, мы рискуем сопоставить *выработанную* теорию с *воплощенной, реализованной* теорией, т. е. будем проверять теорию теорией, не добираясь до реального испытания теоретических положений, выводов сопоставлением с объективной необходимостью самой действительности? Разумеется, в известных пределах обратного влияния сознательного, планомерного воздействия на движение объективных форм экономики сопоставление выработанной теории с воплощенной возможно. И в этом состоит существенный момент специфичности применения данного методологического принципа политической экономии социализма: она должна постоянно считаться с такой возможностью. Скажем, теория пришла к неправильному выводу о том, что социализм предполагает устойчивую модификацию базы цены — не стоимость, а нечто от нее отклоняющееся. Этот вывод сравнивается с длительно наблюдающимися в практике отклонениями цен от стоимости, которые в свою очередь являются плодом планомерных действий, продиктованных определенными теоретическими соображениями. И из такого сравнения делается вывод, что практика (критерий истины) подтверждает названный теорети-

ческий вывод. Но в действительности, однако, это типичный случай сравнения выработанной теории с проведенной в жизнь, но далеко еще не проверка теории практикой.

Продолжим пример. Для того чтобы выяснить, отвечает ли данная *практика* планового ценообразования объективной необходимости, нужен анализ этой практики, ее соотношения со всей системой закономерных хозяйственных отношений социализма, действий и взаимодействий его законов. И когда он будет проделан, выяснятся требования объективной действительности, в свете которых и станет ясной теоретическая несостоятельность всякого рода «теорий» модификации базы цен при социализме. Таким образом, соблюдение методологического требования — проверка практикой истинности теоретических выводов экономического анализа — требует специального выявления самой объективной действительности в ее внутреннем закономерном виде. Оно исключает простые, внешние сопоставления выводов теории с конкретными формами текущей действительности в том виде, в каком они выступают на поверхности, ибо эти формы далеко не всегда адекватно выражают объективную необходимость [1].

Стало быть, сам критерий практики нужно понимать в строго научном смысле — как проверку теории объективными требованиями действительности, которые должны быть выявлены анализом развития всей совокупности ее внутренних фактических объективных закономерных процессов. Это выявление, разумеется, не носит одностороннего теоретического характера. Оно заключается в самом развитии практической деятельности, в самом фактическом течении экономического процесса. Ибо практика как критерий истины — это осуществление самого реального процесса жизни, которым и проверяется истинность отражающих его теорий.

---

[1] К упрощенным механическим «доказательствам» теоретических положений путем их поверхностного сравнения с внешними показателями хозяйственной практики, лежащими на поверхности, могут быть отнесены знаменитые слова Маркса: «Что вещи в своем проявлении часто представляются в извращенном виде, признано как будто во всех науках, за исключением политической экономии» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 547).

Проверяемое практикой теоретическое воспроизведение экономических отношений, свойственных им законов в соответствии с рассмотренными специальными и общими принципами, приемами экономического анализа и предполагает три неразрывно взаимосвязанных этапа движения экономического исследования, о которых специально писал Маркс: детальное освоение материала; анализ различных форм развития этого материала, внутренней связи этих форм; как завершение этой работы изображение действительного движения, т. е. реальных его форм, законов, им управляющих. Изложение (способ изложения) теории, которая воспроизводит эту уже исследованную и установленную картину движения экономических отношений, поэтому, естественно, не может формально не отличаться от его исследования (способа исследования), как, скажем, не может не отличаться законченная картина от процесса ее написания [1]. Излагаемая теория — это всесторонне доказанная теория, и в этом сила и жизненность марксистского экономического анализа, его результатов [2].

Итак, методология политико-экономического исследования, экономический анализ в собственном смысле слова, включает в себя сложную совокупность неразрывно между собой связанных специальных и общих приемов исследования, единство которых во всестороннем взаимодействии, взаимодополнении и взаимопроникновении и дает то, что является действительным марксистским методом экономического исследования. Всякое усечение каких-либо элементов этого метода, его «упрощение» означает отступление от принципов материалистической диалектики и, стало быть, ликвидацию

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 21.

Раз исследование удалось и «жизнь материала получила свое идеальное отражение, то, — подчеркивал Маркс, — может показаться, что перед нами априорная конструкция». Однако материалистическая диалектика Маркса несовместима с априорными логическими конструкциями. Для Маркса всякая действительно научная теоретическая конструкция есть идеальное отражение реальных отношений... «Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (там же).

[2] Ленин пророчески писал: «После появления марксизма каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще больший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 4).

его как реального метода познания экономической действительности.

К каким последствиям ведут подобные трактовки экономической методологии, проиллюстрируем на одном частном примере — методологической концепции О. Ланге. «Метод политической экономии, — по его определению, — охватывает три последовательных приема исследования. Ими являются: абстракция, последовательная конкретизация и проверка. *Абстракция* заключается в мысленном выделении существенных, т. е. постоянно повторяющихся в определенных условиях, элементов экономического процесса и постоянных связей, устанавливающихся между ними. Результатом абстракции является установление наиболее общих в данных условиях элементов экономического процесса и экономических законов. *Последовательная конкретизация* полученного результата заключается в учете более конкретизированных элементов экономического процесса и связей, устанавливающихся между ними. Это достигается учетом элементов и связей, которые повторяются только в более специфических условиях, или, как говорят, менее существенных элементов и связей. Наконец, *проверка* заключается в сравнении результатов, полученных путем последовательной конкретизации, с конкретным действительным ходом экономического процесса в наблюдаемых условиях» [1].

Перед нами на первый взгляд если не развернутая методология экономического анализа, то по крайней мере три важнейших момента диалектического исследования действительности, применяемые и в экономике: абстрагирование, восхождение от абстрактного к конкретному («конкретизация»), критерий практики («проверка»). Однако это лишь внешняя аналогия.

В самом деле, по Ланге, абстракция — это лишь процесс некоторого мысленного выделения повторяющихся при данных условиях элементов экономического процесса и связей между ними. Но в данном понимании абстракция только формальнологический прием перехода к выделению некоторых общих признаков. В диалектико-материалистической же методологии абстракция — метод *обобщения действительности* путем использования в единстве анализа и синтеза, индукции и дедукции, исторического и логического, выделения в ней *существенно общего* как *объективно существующего и развивающегося общего,* как общего не с той точки зрения, что оно несет в себе признаки, свойственные данной совокупности явлений (это лишь механическое, формальнологическое общее), а в том смысле, что оно заключает в себе *источник развития* исследуемой конкретной совокупности явлений и, стало быть, диалектически противоречивое единство своих элементов, что оно такое общее, которое несет в себе семена особенного и индивидуального, и т. д.

«Последовательная конкретизация», по О. Ланге, — лишь процесс перехода к несколько более широкой совокупности признаков (менее существенных элементов и связей). Но это опять-таки только формальнологический прием сужения объема понятия. В диалектико-материалистической методологии восхождение от абстрактного к конкретному прежде всего путем использования того же единства индукции и дедукции, логических и исторических методов исследо-

---

[1] *Oskar Lange.* Ekonomia Polityczna, t. I, s. 89—90.

вания и т. д. есть анализ процесса *развития, движения противоречий и их разрешения* в ходе осуществления связи и взаимосвязи сущности и действительности, в многообразии ее опосредствований. Таким образом, в противовес формальнологическому процессу последовательного сужения объема понятий («последовательная конкретизация»), т. е. процессу оперирования формальнологическими дефинициями, диалектический процесс восхождения от абстрактного к конкретному есть процесс воспроизведения реального развития, движения сущности, ее реализации как действительности.

Наконец, по О. Ланге, «проверка» есть сопоставление результатов исследования с действительным течением конкретного процесса. Но и здесь дело не идет дальше формальнологического сопоставления теоретических результатов с наблюдаемой картиной — верификации, как это принято обозначать в методологических определениях современной буржуазной политической экономии. В диалектико-материалистической методологии «критерий практики», *во-первых,* наличествует на всех ступенях исследования: на стадии перехода от явления к сущности (абстракция) и на стадии восхождения от абстрактного к конкретному. Это выражается в том, что абстракция и конкретизация — это сочетание индукции и дедукции, исторического и логического. *Во-вторых,* критерий практики не простое умозрительное сопоставление теоретических представлений и реального процесса, а практика, реальная деятельность по преобразованию действительности на основе полученных научных выводов.

Как видим, то, что О. Ланге считает приемами экономического исследования, не только реально не представляет собой таких приемов, ибо в них нет ничего специфического, связанного с объектом исследования, с экономическими отношениями, но и вообще является неким перетолкованием диалектики по формальнологическому образцу.

* *
*

Проблема метода политической экономии разрабатывается и различными направлениями буржуазной экономической мысли, которая в соответствии с вульгарной эклектической и идеалистической трактовкой предмета политической экономии трактует и ее метод. При этом концепции метода меняют свой характер как под влиянием исторически обусловленных задач, которые ставит перед собой та или иная школа, так и философских взглядов, на которые она опирается.

Классики буржуазной экономии оперировали приемами формальнологического анализа и в качестве специфических способов исследования экономических отношений робинзонадами — установками на преследование эгоистических мотивов «экономическим субъектом» и т. д. Однако их метод, поскольку они ставили себе задачу исследования реальных отношений, включал и стихийное использование реальных приемов научного исследования внутренних связей и отношений. Стало быть, метод классиков был двойственным: он заключал в себе и вульгарно-метафизические, чисто внешние приемы классификации и описания внешних явлений, и приемы исследования внутренних связей.

Маркс подчеркивал именно эту двойственность метода классиков, смешение в нем эндо- и экзотерических моментов. Имея в виду

метод Смита, он писал, что его исследованию свойственны оба этих способа понимания экономического процесса, «из которых один проникает во внутреннюю связь буржуазной системы, так сказать в ее физиологию, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешне проявляется в жизненном процессе, в том виде, в каком оно проявляется и выступает наружу...» [1].

Исследуя метод Рикардо, Маркс показывал, как последний прямо и непосредственно, минуя необходимые посредствующие звенья, не замечая сложного движения диалектического опосредствования в процессе развития, пытается доказать совпадение экономических категорий друг с другом и вывести эмпирические явления прямо из общих законов и т. д. Но такого рода способы исследования означают лишь грубый эмпиризм, метафизику и схоластику [2].

Однако классики буржуазной экономии использовали и многие реальные приемы научного исследования. По мере же того, как развивался процесс вульгаризации буржуазной политической экономии, метод ее все меньше содержал в себе приемов действительного познания экономических отношений, все более становился методом именно синкретизма, метафизической формальнологической систематизации форм поверхностных явлений экономической жизни, идеалистического извращения реальных закономерностей экономического процесса. Так, историческая школа политической экономии вообще отказалась от теоретического исследования экономического процесса. Она в качестве своего господствующего методологического принципа провозгласила описание и систематизацию форм исторического процесса в их индивидуальном, случайном проявлении.

Субъективная же школа (в ее австрийском варианте и англо-американских математических разновидностях) снова вернулась к теоретическим приемам исследования и ратовала за использование приемов теоретического абстрагирования. «С идеей о «законах явлений», — писал Менгер, — непременно связана известная абстракция от полной эмпирической действительности конкретных явлений... попытки совершенно избегнуть абстракции *прямо-таки устранили бы самую возможность установления законов явлений*» [3]. Однако принцип абстракции субъективной школы, используемый вне единства исторического и логического, является схоластическим (метафизическим, формальным). Он непосредственно отвечает принципам натуралистической трактовки экономики и примата индивидуального хозяйства над общественным, которые в соединении с принципами рассмотрения самой экономики не как трудового процесса воспроизводства материальных благ, а как распределения статического запаса редких благ (принцип редкости), субординированных по «законам» предельной их полезности (принцип маржинализма) относительно системы субъективных потребностей и образуют специфическую методологию экономического анализа субъективно-идеалистических школ.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. 2, стр. 177.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. 1, стр. 64; т. 26, ч. 2, стр. 177.

[3] *К. Менгер*. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности, стр. 64.

Большинство этих методологических принципов, хотя и в иных сочетаниях, широко используется в качестве элементов методологии и современными школами буржуазной политической экономии, которые держат на вооружении и принцип внеисторической абстракции, придав ей характер праксеологических приемов, и принцип редкости благ и маржинализма, и субъективистскую теорию потребностей (примат потребностей и т. д.).

Так, социальная школа буржуазной политической экономии, особенно влиятельная в 20-х годах нашего столетия, не отбросила, как иногда полагают, метода субъективной школы. Она лишь заменила в его системе ряд существенных элементов: на смену субъективизму и примату индивидуального хозяйства пришел так называемый социальный принцип рассмотрения экономических явлений. Эта школа подчеркивает социальный характер последних и господство социального начала над индивидуальным. Однако социальное начало для нее суть начало, трактуемое идеалистически, — это социально-правовой порядок. Рассмотрение экономического процесса с точки зрения господства в нем социально-правового порядка — такова альфа и омега методологической концепции социальной школы [1].

Дальнейшие судьбы методов экономического анализа, используемых буржуазными школами, связаны с инструменталистски-прагматическими, кейнсианскими и посткейнсианскими направлениями. Сохраняя в своем арсенале, как уже отмечено, большинство методологических принципов исследования субъективной и социальной школы, они дополняли или сочетали их с теми или иными новыми принципами прагматическо-эмпирического и идеалистически-психологического толка.

Инструменталистско-прагматическое истолкование теоретического анализа, экономико-теоретический скептицизм, вульгарный эмпиризм — таковы новеллы современных эклектических направлений буржуазной политической экономии. Например, Ж. Фурастье, почитаемый главой так называемого реалистического направления буржуазной политической экономии во Франции, принципиально отвер-

---

[1] «Представители социально-правового направления, — писал И. Блюмин, — рассматривают процесс производства как чисто технический процесс, в котором нет ни атома социальных элементов. В связи с этим общественные отношения, изучаемые в политической экономии, выступают не как производственные отношения, а как момент, чуждый производству, не связанный с развитием производительных сил. Экономические отношения в изображении представителей социально-правового направления выступают прежде всего как правовые отношения... Отрывая экономические отношения от материального производства, представители данного направления неизбежно приходят к отрицанию трудовой теории ценности. Отвергая последнюю, экономисты социально-правового направления неизбежно должны вступить на путь сближения с защитниками субъективной теории ценности... Поэтому с известным основанием данное направление можно назвать социально-субъективным направлением» (*И. Г. Блюмин.* Очерки современной буржуазной теоретической экономии. К характеристике социального направления. М., 1930, стр. 27). Следует добавить, что и методологический арсенал социальной школы в значительной мере вобрал в себя приемы субъективной школы.

гает исследование и обсуждение того, что непосредственно «нельзя увидеть в жизни» (стоимость, прибавочную стоимость и т. д.). «Что меня интересует, — декларировал этот методолог буржуазной политической экономии, — так это факты, наблюдаемые повседневно» [1]. Теория вообще не заслуживает доверия, да и вообще вряд ли возможно достоверное теоретическое истолкование действительности — таков руководящий методологический принцип, отстаиваемый многими современными буржуазными экономистами. Итак, агностицизм, доведенный до скептического третирования теории как простых условных построений, далеких от действительных законов, как удобных гипотез — такова современная методология буржуазной экономии. Исходя из такой методологии, буржуазный экономист в лучшем случае заботится не о воспроизведении в теории реальных отношений действительности, а о ее формальнологической последовательности, ее логическом абстрактном самодвижении [2].

Естественно, что именно это и является благодатной почвой как для замены субстанционального, каузального анализа формально-функциональным, так и для схоластического подведения специфически общественных явлений под разного рода энергетически-биологические понятия [3].

Но методология буржуазного экономического анализа в процессе своего распада заходит еще дальше. В качестве своего руководящего принципа она все больше выдвигает прагматически инструменталист-

---

[1] *J. Fourastie.* Le progrès technique et l'évolution économique. Paris, 1952, p. 9.

[2] «Внутри структуры любого теоретического анализа, — утверждал В. Леонтьев, — можно различить два элемента. Первый содержит ряд фундаментальных утверждений, которые вводятся в аргументацию со стороны, и при этом не имеется в виду, что они сколько-нибудь подробно исследуются в рамках данной теории, а если и исследуются, то лишь в той мере, в какой нужно удостовериться в их логической совместимости... Другая часть теории состоит из большего или меньшего числа логических импликаций, выведенных из первоначального ряда основных положений» (*W. Leontief.* Implicit Theorizing: a Methodological Criticism of the Neo-Cambridge School; «Readings in Economic Analysis», Vol. I. General Theory. Cambridge, 1950, p. 34). Таким образом, не сообразование положений теории с реальной действительностью, т. е. не единство исторического и логического, а формальнологическая непротиворечивость одних логических теорем, выводимых из других. Таков схоластический формализм методологии буржуазного экономического анализа.

[3] Такого рода методологию в ее богдановском варианте сокрушительной критике подверг Ленин. «Богданов, — писал он, — занимается вовсе не марксистским исследованием, а переодеванием уже раньше добытых этим исследованием результатов в наряд биологической и энергетической терминологии. Вся эта попытка от начала до конца никуда не годится, ибо применение понятий... энергии, энергетического баланса и проч. и т. п. в применении к области общественных наук есть *пустая фраза.* На деле никакого *исследования* общественных явлений, никакого уяснения *метода* общественных наук *нельзя* дать при помощи этих понятий» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 348).

ский принцип, по которому важна не правильность теории, не ее соответствие объективным отношениям, а удобство в качестве технического орудия исследования. Разные теории одного и того же предмета, поскольку они лишь субъективные, необщеобязательные точки зрения на этот предмет, будто бы вовсе не исключают друг друга [1]. Это эклектически субъективистское, инструменталистское истолкование методологии экономического анализа общепринято в буржуазной экономической науке.

Итак, буржуазная экономия, начав с использования научных методов экономического анализа, хотя бы и непоследовательно, и неполно, пройдя через все семь кругов ада вульгаризации принципов методологии, в сущности пришла к распаду всей своей методологии, к проповеди эмпиризма и произвола утилитарных субъективных построений, т. е. возвела в методологический принцип само отрицание научной методологии.

Подлинно научной диалектико-материалистической методологией экономического исследования владеет только марксистская политическая экономия. Ее метод проверен опытом исторического развития, испытан в раскрытии законов капитализма и других досоциалистических формаций.

Победа социализма и разработка политической экономии социализма развила его в сфере раскрытия законов социалистических экономических отношений как могучее орудие познания становления и функционирования экономики новой, высшей общественно-экономической формации.

---

[1] «Современный экономист, — свидетельствовал буржуазный историк новейшей буржуазной политической экономии Э. Жамс, — не считает более свою теорию единственно правильной, он видит в ней лишь один из методов анализа, ценность которого заключается не в степени соответствия реальным фактам, а в степени связности и удобства пользования им» (*Э. Жамс.* История экономической мысли XX в., стр. 287).

II

ЗАКОНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА В ИХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ. ОБЪЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ИХ ДЕЙСТВИЯ

глава **5**

ОСНОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН ДВИЖЕНИЯ (ОСНОВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН) СОЦИАЛИЗМА

Исследуя экономические законы социализма, их действия и взаимодействия в единой системе, рассмотрим прежде всего вопрос об основном производственном отношении и экономическом законе движения (или основном экономическом законе) социализма, в которых выражается глубинная сущность социалистического строя отношений производства.

1
общественная, общенародная собственность на средства производства — основное производственное отношение социализма

В отношениях производства главенствующую роль, как мы видели, играет собственность на средства производства. Именно она представляет собой основное отношение производства в их системе в целом.

Собственность — сложная категория. Она охватывает хотя и неразрывно связанные, но различные отношения: и по поводу средств производства, и по поводу рабочей силы, и по поводу результатов производства — продуктов труда, первые из которых (собственность на средства производства и рабочую силу) определяют вторые (собственность на результаты производства). Именно

поэтому общие, абстрактные определения собственности без учета специфики отношений, ее образующих, ничего не дают и во всяком случае ничего не говорят об основном отношении производства.

Нередко, однако, именно на том основании, что собственность включает отношения между людьми и по поводу средств производства, и по поводу рабочей силы, и по поводу продуктов труда, т. е. распространяется и на вещные условия, и на результаты производства и, стало быть, пронизывает всю систему общественных отношений производства в целом, полагают, что отношения собственности идентичны всей совокупности отношений производства [1]. Такая трактовка обычно подкрепляется ссылкой на Маркса, который указывал, что на вопрос: «Что такое собственность?» — можно ответить лишь «критическим анализом *«политической экономии»*, охватывающей совокупность этих *отношений собственности* не в их *юридическом* выражении как *волевых отношений,* а в их реальной форме, то есть как *производственных отношений»* [2].

Но Маркс отнюдь не отождествлял отношений собственности с производственными отношениями вообще, не сводил первых ко вторым. Он лишь указывал на то, что сущность собственности может быть раскрыта вполне лишь во всей системе отношений производства, с которыми она неразрывно связана.

Констатируя это, он вместе с тем из всех отношений собственности выделял именно отношения собственности на средства производства как господствующее отношение производства в любой их исторически определенной системе.

Дело в том, что материальные факторы, материальные условия производства, определяющие его характер, его экономический строй, — производительные силы. Способ соединения их вещных элементов — средств производства — с их личными элементами — рабочей силой, производителями, или, иными словами, отношения между людьми по поводу средств производства, и есть

---

[1] См. *Н. Хессин.* Понятие «экономическая клеточка» и его методологическое значение. — «Вопросы экономики», 1964, № 7, стр. 124; *А. К. Покрытан, В. И. Касаткина, В. Н. Мазур.* Социалистическая собственность при переходе к коммунизму. М., 1964, стр. 25.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 26.

та основа, в зависимости от которой и складываются все другие отношения производства — отношения в непосредственном процессе производства, в процессах распределения, обмена, потребления. Именно в этом способе соединения, в характере отношений между людьми по поводу средств производства, или, что то же самое, в отношениях собственников средств производства к непосредственным производителям, и заключается самая глубокая тайна, скрытая основа всего общественного строя [1]. В них и состоит основа, обусловливающая исходная предпосылка производства. «...Производство, — писал Маркс, — должно исходить из известного распределения орудий производства, распределение в этом смысле *предшествует производству* и образует его предпосылку...» [2]

В условиях капитализма это отношение капиталистической собственности на средства производства — капитал, который в системе буржуазного способа производства «образует его господствующую категорию, его определяющее производственное отношение» [3]. Для условий социализма это отношение социалистической собственности на средства производства.

Но в чем же состоит распределение средств производства как предпосылка, которая предшествует производству и обусловливает его экономическую структуру, или «определяет строение производства» (Маркс), в чем заключается собственность на средства производства как основное, господствующее производственное отношение?

В нашей литературе собственность обычно определяется как исторически определенная форма присвоения. При этом указывается, что имеется в виду присвоение либо средств производства и продуктов труда, либо в первую очередь средств производства и

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 723 (курсив наш. — *Я. К.*).

Общеметодологическое значение для понимания собственности на средства производства как основного отношения производства имеет и указание Маркса на то, что «процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 726).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 394.

определяемая формой присвоения последних форма присвоения продуктов производства. Однако это определение не схватывает ни содержания собственности как экономической категории вообще, ни содержания собственности на средства производства как экономической категории, выражающей основное производственное отношение [1].

Разумеется, собственность не существует вне отношения присвоения, но собственность не идентична присвоению вообще, так же как последнее не является лишь собственностью. «Ни о каком производстве, — писал Маркс, — а стало быть, ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности, — это тавтология. Присвоение, которое ничего не присваивает, есть contradictio in subjecto» [2]. Присвоение, таким образом, является общим моментом и производства, и собственности — двух различных категорий.

Формула «собственность — присвоение» не выделяет признаков сущности собственности, хотя внутренне и включает в себя таковые. Она не отделяет собственности от производства, которое представляет собой определенный род присвоения, и притом всегда специфического в социально-историческом отношении, — присвоения благ природы внутри и посредством определенной социальной формы. Она, далее, смешивает воедино весьма различные отношения собственности — опреде-

[1] Вот некоторые из такого рода определений: с экономической точки зрения собственность — это «социальная форма присвоения средств производства и продуктов труда» (*А. И. Пашков.* Перспективы развития общенародной и колхозно-кооперативной форм собственности. — Сб. «Развитие колхозной собственности в период развернутого строительства коммунизма». М., 1961, стр. 39); «отношения людей, складывающиеся между ними по поводу присвоения материальных благ, выступают в форме *отношений собственности*» (*С. И. Сдобнов.* Две формы социалистической собственности и пути их сближения. М., 1961, стр. 4); «собственность — это исторически определенная форма присвоения материальных благ, это общественное, производственное отношение между людьми в процессе производства и присвоения результатов труда» (*Я. М. Жуковский.* Социалистическая собственность. М., 1959, стр. 7); *«собственность — это и есть исторически определенная форма присвоения материальных благ»* (*Н. Колесов.* Общественная собственность на средства производства — основа производственных отношений социализма. М., 1959, стр. 8).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 714.

ляющие (собственность на средства производства) и определяемые (собственность на результаты производства — продукт), т. е. абстрагируется именно от того, что придает собственности специфический характер как особому и господствующему отношению производства, тем самым порождая смешение отношений собственности со всеми отношениями производства вообще. Наконец, в этой формуле не раскрывается содержание собственности как экономической категории и потому, что одно понятие — собственность — заменяется другим — присвоением, столь же нуждающимся в конкретном раскрытии, сколь и первое, т. е. она лишь заменяет вопрос о содержании собственности вопросом о содержании присвоения.

Очевидные недостатки формулы «собственность — отношения присвоения», равно как и попытки отделить собственность от самого производства и от производственных отношений в целом, а также и то, что собственности как отношению по поводу вещей присущ вещный характер определенной экономической формы вещей (которые и образуют собой прежде всего и в основном объект собственности), вызвали к жизни иную трактовку собственности — как отношения людей к вещам, отношения по «обладанию» вещами, и процессу, обеспечивающему это обладание, — их «присвоению» [1].

Приоритет в разработке концепции специфики отношений собственности как отношений людей к вещам принадлежит юристам. Именно из юридических работ она перекочевала в экономические.

[1] Так, по мнению А. Иойрыша и А. Левитаса, «собственность есть... отношение между людьми по поводу их отношения к вещам...» (*А. И. Иойрыш, А. Г. Левитас.* Социалистическая собственность. М., 1961, стр. 15). Здесь специфика отношений собственности усматривается в том, что это не просто форма общественных отношений производства, но именно таких отношений, которые состоят в «отношении к вещам». В несколько иной конкретной форме эту же мысль выразил и А. М. Румянцев. «...Взаимоотношения людей, — писал он, — соответствующие их отношению к средствам производства и результатам труда, как к своим или чужим, и называются отношениями собственности» (*А. М. Румянцев.* О предмете политической экономии. М., 1960, стр. 40). Как видим, отношения собственности в исходном пункте будто бы есть отношения человека к вещи — своей или чужой. Но вне отношений между людьми нет ни своего, ни чужого. В действительности, ввиду того что между людьми устанавливаются отношения собственности по поводу средств производства, люди и относятся к последним как к своим или чужим.

Возьмем распространенную в юридических работах формулу, определяющую отношения собственности якобы как реальные экономические отношения, фундамент, базу правовых отношений: «Собственность является исторически определенной формой общественных отношений по обладанию и присвоению материальных благ»[1]. Как видим, определенные отношения между людьми — производственные отношения между ними — здесь подменяются вообще общественными отношениями. Специфика же последних сводится к «обладанию» материальными благами и их «присвоению», т. е. к отношениям людей к вещам. Характерно при этом, что присвоение противопоставляется обладанию, которое будто бы «статика собственности» — пресловутое отношение к вещам «как к своим»; присвоение же — «динамика собственности»[2].

На наш взгляд, эта концепция еще дальше, чем предыдущая, уводит от реального содержания собственности. В самом деле, реальные отношения между людьми по поводу средств производства, которые не могут быть не чем иным, как их отношениями именно в процессе производства по поводу его решающих материальных факторов, превращаются здесь в некое «обладание» средствами производства и продуктами производства вообще вне отношений осуществляющегося производства, как будто бы такие отношения вообще возможны. Не ясно ли, что вне производства нет и самих средств производства, нет и реальных отношений между людьми по их поводу, поскольку нет самих отношений производства.

Таким образом, «статика собственности», или «обладание» вещами, не само содержание реального отношения производства, а лишь юридическая, т. е. внешняя,

---

[1] *Д. М. Генкин.* Право собственности в СССР. М., 1961, стр. 11.

[2] «Статика собственности, — писал Д. Генкин, — говорит об общественных отношениях по обладанию средствами производства и обусловленному последним обладанию продуктами труда, а динамика собственности — о пользовании и распоряжении средствами производства... Присвоение... имеет место лишь в процессе производства при пользовании и распоряжении собственностью; оно характеризует собственность в ее динамическом состоянии, являясь процессом, в результате которого приобретается собственность на продукты своего или чужого труда» (*Д. М. Генкин.* Право собственности в СССР, стр. 14, 15).

правовая, форма его выражения. При этом «обладание» собственностью в качестве реального отношения вне распоряжения и использования лишено содержания. Трактовка же «динамики» собственности, в которой соединяются различные отношения — распоряжение и использование и в которой отношения собственности по поводу условий производства как его определяющая предпосылка (распределение средств производства) отождествляются с самими отношениями в непосредственном процессе производства, является к тому же подменой последних отношениями людей к вещам.

Другой попыткой отделения определения специфики собственности как присвоения от ее отождествления с производством является концепция, отстаиваемая М. В. Колгановым, которая также по существу не выходит за рамки трактовки собственности как отношения людей к вещам. Собственность, по Колганову, — «присвоение людьми продуктов природы внутри общества и посредством определенной его организации»[1]. Ввиду, однако, неясности формулы М. В. Колганов пытается истолковать на особый лад само присвоение. Присвоение, на его взгляд, — это либо порознь, либо в единстве отношения использования, владения и отчуждения вещей. Все эти отношения присвоения суть исторически особые формы *отношений людей к вещам, присвоения вещей.* Однако они не представляют собой самих производственных отношений: чтобы осуществить отношения присвоения вещей, люди и вступают в производственные отношения.

Итак, собственность не форма производственных отношений самих по себе, а *лишь их основа,* определяющая предпосылка, состоящая в присвоении вещей[2]. Но присвоение вещей *вне* производственных отношений и до последних и есть не что иное, как отношение человека к вещи. Поэтому, для того чтобы придать этой юридической фикции какую-то видимость экономического явления (ибо словесно М. В. Колганов спорит

---

[1] *М. В. Колганов.* Собственность. М., 1962, стр. 3.

[2] «Собственность — основа производственных отношений... Производственные отношения различаются по своей природе в зависимости от того, базируются ли они на частной или общественной форме присвоения (собственности)», — писал М. В. Колганов (*М. В. Колганов.* Собственность, стр. 8—9).

против трактовки собственности как отношений к вещам), он рассматривает присвоение еще и как «форму экономической обособленности людей в производстве», — форму собственности. Эту «обособленность» в качестве собственности он даже называет «важнейшим экономическим законом данного общества».

Но что же такое эта «обособленность» людей вне отношений людей по производству, до таковых? М. В. Колганов не отвечает на этот вопрос. Он лишь указывает, что «формы присвоения отличаются друг от друга по характеру обособления субъектов присвоения и отношений между ними, возникающими на этой почве. В этом случае мы говорим о различных формах пользования, владения и полной собственности» [1]. Но в рассматриваемой концепции пользование, владение, полная собственность — исторически определенные ступени развития собственности, причем все они определяются как тот или иной исторически определенный вид присвоения. Следовательно, собственность — присвоение, *во-первых,* выводится за пределы производственных отношений между людьми. Она лишь основа таких отношений; *во-вторых,* она та или иная исторически определенная форма «обособления субъектов присвоения». Но что такое это обособление вне производственных отношений? Оно опять-таки не что иное, как отношение, замыкающееся в конечном счете на отношении человека к вещи.

Таким образом, определение собственности вообще как присвоения или в качестве определяющего отношения как присвоения средств производства в различных рассмотренных вариантах не раскрывает ее реального содержания, ее экономической сущности.

Собственность как экономическая форма есть сложная совокупность особых отношений производства. Она представляет собой сложную экономическую категорию. Собственность не просто известная, исторически определенная общественная (социальная) форма присвоения средств производства (как и других его условий) и его результатов — продуктов труда; она *особая сторона, качественно особый род общественного присвоения.*

Это такое присвоение, которое образуется совокупностью особых форм производственных отношений

---

[1] *М. В. Колганов.* Собственность, стр. 5.

между людьми, единством исторически определенных отношений по *монопольному присвоению — распоряжению средствами производства и их присвоению — использованию (потреблению) в процессе производства* и ими определяемых и экономически их реализующих исторически определенных отношений по присвоению — распоряжению и присвоению — фактическому использованию результатов производства — продуктов труда.

Иными словами, *собственность есть совокупность особых форм производственных отношений, именно форм социально определенного присвоения как совокупности отношений по присвоению — распоряжению вещными условиями и результатами производства и по их присвоению — фактическому использованию в экономическом процессе. Вся эта* совокупность отношений в их единстве и является специфическим отношением собственности в системе отношений производства в целом. Первые и вторые неразрывно связаны друг с другом, но вовсе не одно и то же; собственность — особая часть целостной системы отношений производства.

Из того, что собственность является особой формой социально определенного присвоения как совокупности отношений по распоряжению и использованию вещных условий и результатов производства (те и другие — вещи, продукты труда или природы), не следует, однако, что она есть отношение человека или общности людей к вещам или отношение между людьми по поводу их отношения к вещам. Она представляет собой именно особую форму отношений, производственных отношений между людьми, их соединения по поводу их функционирования с помощью вещей, через вещи: через присвоение — распоряжение ими и их присвоение — фактическое использование. И поэтому вещи, по поводу которых складываются и протекают эти отношения, получают экономические функции и обретают известную экономическую форму — форму собственности (капиталистической, социалистической и т. д.).

Но собственность, взятая как такая всеобщая категория, не представляет собой еще основного производственного отношения. В всеобщем виде она обнимает и это последнее, и производные от него отношения по присвоению (распоряжению и использованию) результатов производства. Нас же интересует собственность именно

как господствующее, основное отношение производства. В качестве такового собственность представляет собой отношение производства по поводу *средств производства,* именно исторически определенный тип присвоения как совокупности отношений по монопольному присвоению — распоряжению средствами производства и их присвоению — фактическому использованию в процессе производства.

Рассмотрим конкретные формы отношений по поводу средств производства, образующие собой в единстве основное производственное отношение: присвоение — распоряжение и присвоение — использование.

Присвоение — распоряжение средствами производства в качестве конституирующего отношения в единстве отношений, образующих собственность, — это то фактическое господствующее отношение производства между людьми, которое и выражает социально-историческую природу распределения средств производства как основного условия, определяющего весь экономический строй. Оно заключается в том, что люди одним или другим исторически определенным образом соотносятся между собой по поводу включения в процесс производства накопленных средств производства, стало быть, по поводу форм соединения рабочей силы со средствами производства.

Распоряжение и заключается в монополии на такое включение: или она есть монополия частных лиц или их групп, или она принадлежит обществу в целом. Иными словами, либо существует особый класс собственников средств производства, отделенный от производителей, монопольно распоряжающийся материальными средствами производства; либо монополия на такое распоряжение принадлежит обществу как ассоциации производителей [1]. Поэтому оно и определяет общественный характер производства и труда.

---

[1] Методологически важно для раскрытия содержания распоряжения средствами производства как ведущего элемента собственности на них определение Марксом содержания земельной собственности. «Земельная собственность, — писал он, — предполагает *монополию известных лиц распоряжаться* определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 165; курсив наш. — *Я. К.*).

Любая исторически определенная ступень развития общественного производства содержит это отношение присвоения — распоряжения.

Присвоение — распоряжение средствами производства как отношение собственности не заключается ни в их непосредственном производстве, ни в производительном потреблении; оно не происходит прямо или косвенно и в акте личного потребления.

Действительно, производство средств производства является, конечно, присвоением предметов природы. Однако же они не всегда присваиваются теми, кто их непосредственно производит — трудящимися, работниками. Ни античный раб, ни феодальный крепостной, ни капиталистический рабочий, производя средства производства, вовсе или в основном не присваивают их. Средства производства не присваиваются, естественно, и путем личного потребления. Они не присваиваются и в акте производительного потребления, ибо работа при помощи средств производства еще вовсе не означает их присвоения. Напротив, во всех эксплуататорских обществах фактическое использование средств производства в процессе труда теми, кто трудится, антагонистически противостоит их присвоению.

Стало быть, ни прямо — производство (создание) и производительное потребление средств производства непосредственно трудящимися, ни косвенно — личное потребление трудящихся — в антагонистических способах производства вовсе не означают присвоения средств производства как собственности. Средства производства реально присваиваются теми, в чье монопольное распоряжение (не ограниченное по формам и во времени) [1] они поступают, кто монопольно определяет все социально-экономические условия их включения и реального функционирования в общественном процессе производства. В эксплуататорских обществах это частные собственники, образующие в совокупности класс эксплуа-

---

[1] Говоря о *монопольном распоряжении,* т. е. о распоряжении, не ограниченном по формам и во времени, мы тем самым выделяем *фактическое отношение* производства как конституирующее отношение собственности в противовес юридическому *праву распоряжения,* которое является правовой формой функционирования собственности, всегда ограниченной и по формам, и во времени.

таторов (рабовладельцы, феодалы, капиталисты); в обществах неантагонистических — сами трудящиеся; их ассоциации — первобытная община, социалистическая или коммунистическая ассоциация трудящихся в масштабе всего общества.

Присвоение — распоряжение средствами производства, как конкретная, особая форма отношений между людьми по присвоению этих средств, экономически реализуется в строе всех других общественных отношений производства, определяя его. Как будут соединяться и соотноситься между собой люди в непосредственном процессе производства, т. е. каковы будут разделение труда, кооперация, обмен деятельностью, как будут складываться отношения распределения, обмена и потребления результатов производства — продуктов труда, — это в конечном счете определяется тем, каковы отношения по присвоению — распоряжению средствами производства, т. е. отношения между людьми по поводу материальных факторов производства, без которых последнее невозможно [1].

Как экономическое отношение присвоение — распоряжение является, таким образом, исходным, материально обусловливающим весь строй производства.

Рассмотрим теперь *присвоение — использование* средств производства в качестве конституирующего отношения собственности.

Присвоение как собственность не исчерпывается отношением присвоения — распоряжения. В качестве отношения монополии на соединение средств производства с рабочей силой присвоение — распоряжение средствами производства, состоящее в определении условий такого соединения и обусловленное самим состоянием производительных сил, протекает по поводу непосредственного процесса производства. Но оно не состоит в самом этом процессе, а лишь образует те условия его течения, которые должны *фактически реализоваться* в процессе производства. Эта *реализация* присвоения — распоряжения, т. е. реализация монопольно определяемых условий соединения средств производства с рабочей силой в

[1] Маркс замечает, что «собственность, поскольку она есть только известное отношение к условиям производства, как к *своим*... осуществляется только через само производство» (*К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 27).

самом процессе производства, состоящая в *действительно фактически осуществляющихся условиях соединения средств производства и рабочей силы,* и является другой стороной присвоения как отношения собственности, а именно отношением *присвоения — использования средств производства.*

Присвоение — распоряжение и присвоение — использование как отношения собственности неразрывны, едины, но не тождественны. Соотношение между ними — соотношение сущности и действительности, закона и конкретной формы его действий. И если присвоение — распоряжение выражает общий социально-исторический тип соединения средств производства и рабочей силы, то присвоение — использование в действительном процессе производства реализует его в тех или иных конкретных формах с более или менее существенными отклонениями от общего типа, определяемого монопольным присвоением — распоряжением.

Так, капиталистическая собственность на средства производства — капитал прежде всего выступает как присвоение — монопольное частное распоряжение средствами производства капиталистом, заключающееся в соединении их с рабочей силой, отделенной от средств производства, на началах ее купли-продажи (найма) и капиталистической эксплуатации.

Однако этот общий капиталистический тип присвоения — распоряжения средствами производства реализуется в самых различных формах действительного присвоения — использования капиталистических средств производства. Он может реализоваться как мелкое частнокапиталистическое их присвоение — использование, как крупное капиталистическое присвоение — использование, наконец, как капиталистически-монополистическое присвоение — использование или государственно-капиталистическое монополистическое присвоение — использование и т. д. Во всех этих случаях имеется общий тип собственности — присвоения в качестве распоряжения, а именно частнокапиталистическая собственность, частнокапиталистическое присвоение — распоряжение [1].

---

[1] Государственно-монополистическое присвоение — распоряжение является лишь коллективной формой частнокапиталистического

Вместе с тем каждая из исторически определенных форм фактической реализации частнокапиталистического присвоения — распоряжения представляет собой существенно особую форму фактического присвоения — использования в процессе производства средств производства, существенно особую форму соединения капиталистических средств производства и рабочей силы. Поэтому *лишь единство отношений присвоения — распоряжения и присвоения — использования средств производства и образует действительный характер собственности.*

В приведенном примере имеет место капиталистическая частная собственность на средства производства, однако в первом случае — мелкая частнокапиталистическая собственность, во втором — крупная частнокапиталистическая собственность, в третьем — частнокапиталистическая монополистическая (или государственно-монополистическая) собственность. И при общих основах экономического строя производства при любой из трех форм частной собственности отношения производства во многих существенных отношениях будут различными как в непосредственном производстве, так и в фазах распределения, обмена и потребления в зависимости от того, какая из этих форм собственности образует господствующую основу капиталистического строя производства.

Таким образом, сущность собственности на средства производства как основного производственного отношения в общей их системе в целом представляет собой особые, исторически определенные отношения между людьми по поводу средств производства, заключающиеся в единстве отношений присвоения — распоряжения и отношений фактического использования средств производства. Таково реальное содержание распределения средств производства в качестве обусловливающего и господствующего момента во всем экономическом строе производства [1].

присвоения — распоряжения, когда в качестве частного собственника выступает не отдельный капиталист или обособленная ассоциация капиталистов — компания, монополия и т. п., а весь класс капиталистов как коллективный частный собственник.

[1] Именно тот факт, что распределение средств производства как основное отношение производства и есть собственность на них, подчас упускается из виду, и в результате в распределении усматри-

Что же представляет собой собственность на средства производства в качестве основного производственного отношения социализма в общей системе его отношений производства? Иными словами, каковы специфически исторические социалистические отношения по присвоению — распоряжению средствами производства и присвоению — их использованию, которые в единстве и образуют социалистическую собственность на средства производства? [1]

Коренной устой, главная, принципиальная, конституирующая черта собственности на средства производства в качестве основного отношения социалистического производства в отличие от всякого рода частной собственности, представляющей собой формы частного,

---

вается одна из черт, один из признаков собственности. Например, выясняя черты отношений производства, вскрываемые собственностью на средства производства, В. Н. Мазур писал: «Прежде всего она характеризует распределение материальных условий труда между членами общества, т. е. отвечает на вопрос о том, в чьих руках находятся средства производства. Это необходимый, но недостаточный элемент любой формы собственности. Обязательной чертой собственности на средства производства всегда выступают также условия и движущие мотивы доступа различных членов общества к средствам производства, условия и движущие мотивы соединения личного фактора производства с его вещественным фактором... Еще одна ее обязательная черта: в какой мере и как те или другие члены общества распоряжаются средствами производства и участвуют в организации труда на них» (*В. Н. Мазур.* О собственности как экономической категории. — «Научные записки кафедр истории КПСС и политической экономии ГПИ», том XXI. Одесса, 1958, стр. 139—142). Однако распределение средств производства вне его реального экономического содержания, рассматриваемое наряду с этим содержанием (распоряжением средствами производства и их фактическим использованием), является лишь юридической формой («в чьих руках» собственность). Вместе с тем «условия и движущие мотивы доступа» есть форма соединения производителей и средств производства, конкретное выражение этого соединения, образующего реальное содержание отношений собственности как присвоения — распоряжения средствами производства и присвоения — их фактического использования.

[1] Обычно в литературе проблема основного производственного отношения социализма затрагивается лишь попутно и в самых общих чертах. В общем более или менее распространен верный взгляд на собственность как исходное и основное отношение производства социализма. Это положение обычно выражается в тезисе о том, что общественная собственность представляет собой основу производственных отношений социализма. Однако далее этого самого общего положения дело не идет. Не раскрывается ни ее содержание, ни ее взаимосвязи со всей системой производственных отношений.

монопольного присвоения — распоряжения средствами производства, состоит в том, что она представляет собой *отношение по монопольному присвоению — распоряжению средствами производства (или по крайней мере основными, решающими в их составе) обществом в целом, и только им, т. е. всенародное общественное присвоение — распоряжение средствами производства.*

Эта монополия общества на присвоение — распоряжение средствами производства означает специфически историческую форму отношений между людьми по поводу средств производства, такую форму, когда эти отношения представляют собой непосредственное объединение всех членов общества (всех участников производства) в общенародный коллектив, распоряжающийся общественными средствами производства в общественном масштабе и в интересах всего общества. Иначе говоря, сущность социалистической собственности на средства производства как основного производственного отношения в системе производственных отношений социализма состоит прежде всего (но не только!) в том, что она представляет собой *непосредственно общественное отношение коллективности производителей по поводу средств производства*[1].

Непосредственно общественное отношение коллективности по поводу средств производства представляет собой такое специфически историческое отношение между людьми, когда все участники общественного производства, общность производителей в масштабе всего общества, объединены по поводу средств производства, т. е. прежде всего по поводу присвоения — монопольного распоряжения ими, в единый коллектив. Все его члены в рамках этого отношения, в этом объединении равны как члены коллектива, монопольно распоряжаю-

---

[1] Именно на отношение коллективности по поводу средств производства, на коллективность как основу производства указывал Маркс как на решающую форму экономических отношений социализма. Он писал о социалистическом обществе как «обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 18). Коллективное производство, *коллективность как основа производства* — таковы условия, на базе которых производству и труду присущ непосредственно общественный характер (см. Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 117; курсив наш. — *Я. К.*).

щегося средствами производства. Иными словами, средства производства находятся здесь в неограниченном по формам и времени планомерном распоряжении общества.

Никакая отдельная группа людей, слой или класс не имеет монополии на собственность, на распоряжение ею. Монополия присвоения — распоряжения принадлежит всему обществу как единому коллективу. В этом и состоит экономическое равенство всех участников производства по отношению к собственности на средства производства как коллективной всенародной общественной собственности. Поэтому участники производства и относятся к средствам производства как общественным, всенародным, коллективным.

Почему, однако, именно *общенародное* присвоение — распоряжение средствами производства, или, иначе говоря, непосредственно общественное отношение коллективности производителей по поводу средств производства, образует ведущее отношение сущности социалистической собственности как основного производственного отношения социализма? Почему общественное коллективное присвоение — распоряжение в рамках отдельных групп производителей (их кооперативных объединений), или отношение групповой коллективности по поводу средств производства, само по себе (без его неразрывной связи с общенародным присвоением) не может образовать основного, более того, даже вообще социалистического отношения производства?

Дело в том, что *экономическое равенство,* т. е. отсутствие эксплуатации и господство отношений коллективности как равного для всех участников производства присвоения — распоряжения средствами производства, может иметь место лишь в качестве *непосредственно общественной коллективности, общенародного присвоения — распоряжения.*

Обособление коллективности в форме господства групповой коллективности, присвоение — распоряжение основными и решающими средствами производства как групповое распоряжение, по внутреннему своему содержанию является монополией на присвоение — распоряжение решающими средствами производства отдельных, обособленных, частных коллективов с их исключительными, особыми интересами и вытекающим отсюда

неизбежным экономическим неравенством производителей. Именно поэтому групповая коллективная форма собственности на средства производства может развиться как социалистическая собственность. Но только при том условии, что она представляет собой особую, подчиненную форму социалистической собственности, существующую в рамках и на основе господствующей всенародной формы собственности на решающие средства производства.

Таким образом, природе социалистической собственности на средства производства как основного производственного отношения внутренне свойствен непосредственно общественный характер присвоения — распоряжения средствами производства, непосредственно общественное отношение коллективности по поводу средств производства.

Некоторые экономисты, однако, развивают иную точку зрения. Специфическую особенность социалистической собственности, отличающую ее от собственности при полном коммунизме, иной раз усматривают в ее якобы не непосредственно общественном характере, в том, что она представляет собой косвенное, опосредствованное присвоение средств производства. В наиболее развернутой форме эту концепцию сформулировал польский экономист Б. Минц.

«Современная общенародная (государственная) форма социалистической собственности, — писал он, — основана на косвенном способе присвоения, ибо присвоение совершается производственными единицами, а не непосредственно государством. Отдельные производственные единицы присваивают определенные средства производства (производственные здания, машины, оборудование, сырье и т. п.). Иначе говоря, государство реализует собственность (присвоение) на средства производства через посредство производственных единиц, постоянно выделяя им средства производства». В противовес этому прямой вид присвоения, т. е. непосредственно общественная собственность, по Б. Минцу, состоит в прямом распоряжении государством продуктом (прямом распределении общественного продукта на цели возмещения, оплату труда, удовлетворение общественных потребностей и т. д.) не через предприятия — производители (производственные единицы, по

выражению Минца), а через общегосударственные органы [1].

Разумеется, форма экономического обособления предприятия и опосредствования ею экономических отношений играет весьма существенную роль в составе специфических черт системы отношений производства социализма. Однако она производна от отношений собственности на средства производства, но отнюдь не образует ее сущности. Собственность лишь тогда является социалистической, когда представляет собой всенародное присвоение — распоряжение по крайней мере решающими средствами производства, т. е. когда образует непосредственно общественное отношение коллективности. Если же экономическое обособление охватывало бы само присвоение — распоряжение средствами производства, т. е. последнее стало бы уже не общенародным (не общегосударственным), а образовало бы монополию отдельных предприятий (производственных единиц), коллективов предприятий и т. д., то оно тем самым потеряло бы свою социалистическую природу, ибо исключало бы экономическое равенство всех участников производства, их равное отношение к средствам производства, которое и выражается в монополии общенародного коллектива на распоряжение ими.

---

[1] *B. Minc.* Ekonomia polityczna socjalismu, s. 58—60.

Близкую точку зрения развивают и некоторые советские экономисты. Например, Н. Колесов полагает, что «содержание отношений социалистической собственности... выражает отношения общенародного присвоения в сочетании с обособленностью коллективов производителей» («Вопросы экономики», 1963, № 1, стр. 118). Тезис о не непосредственно общественном характере собственности на средства производства разделяет и В. П. Корниенко (см. его «Общественное разделение труда в период перехода к коммунизму». М., 1963, стр. 253—254).

Следует отметить, что идею опосредствованного (непрямого) присвоения как сущности социалистической собственности еще четверть века тому назад высказал известный юрист *А. В. Венедиктов* (см. «Советское государство и право», 1940, № 5—6, стр. 36). Впоследствии он развил эту идею в теорию собственности государства — коллективов производителей в книге «Государственная социалистическая собственность» (М., 1948). Исправляя свое понимание государственного органа, А. В. Венедиктов писал в этой работе: «...мы видели за госорганом только само государство как собственника всего единого фонда государственной собственности и не замечали другого коллектива, которому государство выделило определенную часть этого фонда...» (стр. 616).

В неразрывной связи с вопросом о социалистической собственности на средства производства как основном производственном отношении стоит и вопрос о характере сторон, субъектов, между которыми оно складывается и протекает.

Собственность как присвоение — распоряжение средствами производства представляет собой, как мы видели, непосредственно общественное отношение коллективности по поводу средств производства, т. е. отношение *всех* участников производства в масштабе общества между собой как членов единого коллектива, которое именно в качестве социалистической коллективности характеризуется специфическими особенностями. Все участники производства — члены коллектива, непосредственно общественно объединенные коллективным присвоением — распоряжением средствами производства; они, как коллектив, определяют форму соединения рабочей силы и средств производства, условия их функционирования. Поэтому они и соотносятся не просто как часть (обособленный индивид — участник производства, обособленный отдельный коллектив) и целое (общество как ассоциация в целом), а *друг к другу, всех ко всем через коллектив и к коллективу.* (При этом данное отношение опосредствуется социальной неоднородностью различных групп трудящихся, что и придает ему именно социалистический — в отличие от коммунистического — характер.)

Иными словами, собственность в качестве основного производственного отношения социализма не некое отношение атомизированных, обособленных производителей и противостоящего ему общенародного коллектива, но отношение всех участников производства между собой, однако не как обособленных частных производителей, а как непосредственных членов всенародного коллектива и через коллектив. По природе своей оно принципиально противостоит отношению обособленных индивидов — производителей и обособленных непосредственных собственников средств производства.

Между тем в литературе развивается взгляд на основное отношение социалистического производства как на «отношения между всеми членами общества как общенародными собственниками средств производства и

отношения между ними как между тружениками»[1], что ведет как бы к расщеплению реального основного отношения — непосредственно общественного отношения коллективности — на два изолированных отношения: отношения собственников и отношения тружеников, хотя вся суть социализма в том, что в общенародном коллективе собственники и труженики соединяются, совпадают, хотя это совпадение и опосредствуется еще социальной разнородностью групп трудящихся[2].

Конечно, социалистическое общество представляет собой исторически определенную форму ассоциации общности отдельных его членов. Экономический процесс ассоциирует в общественном масштабе его участников. Но ассоциация не механический агрегат, а некоторое единство, целостность. В экономической области социалистическая ассоциация — экономическое единство; в этом качестве социалистическая ассоциация и выступает как общественный собственник средств производства.

Соотносится ли каждый отдельный член ассоциации, отдельный участник производства и участник коллективной собственности, с ассоциацией как коллективным собственником? Разумеется, соотносится, но особым, специфическим способом.

Именно потому, что он является членом общенародного коллектива, его *коренные интересы* как коллективного собственника являются *интересами этого коллектива,* общества. Его *личный коренной интерес не отделен от общественного,* не противостоит ему. И поэтому он уже не обособленный, атомизированный производитель или вообще участник экономического процесса. Это ведет к тому, что отношение производителя к социалистической ассоциации и есть не что иное, как форма

---

[1] *Е. С. Розенман.* Об основном производственном отношении. — «Вопросы экономики», 1962, № 6, стр. 122.

[2] Известной разновидностью взгляда, согласно которому отношения общественной собственности расщепляются на отношения между собственниками и отношения между тружениками, является и трактовка всенародной собственности как отношения между обществом в целом и его каждым отдельным членом по поводу средств производства (см. *М. П. Осадько.* О содержании процесса повышения колхозной собственности до уровня общенародной. — Сб. «Развитие колхозной собственности в период развернутого строительства коммунизма». М., 1961, стр. 23).

отношения всех производителей друг к другу через коллектив. Поэтому совершенно неверно представлять основное отношение социализма как отношение экономически обособленного производителя (труженика) и коллектива как общенародного собственника. Такое отношение имело бы место, если бы *коренные интересы обособленного производителя противостояли коренным интересам общества.*

Отрицание непосредственно общественного характера всенародной общественной собственности на средства производства, концепция косвенного характера государственной собственности — присвоения при социализме, поскольку они являются результатом, как мы видели, смешения основного отношения производства и зависимых от него иных производственных отношений, подмены последними первого, ведут и к признанию в качестве субъекта отношений собственности вместо общенародного коллектива участников производства тех или иных конкретно-экономических звеньев обмена деятельностью в рамках этого коллектива [1].

---

[1] Б. Минц, рассматривающий государственную социалистическую собственность в качестве косвенной формы присвоения, конкретизирует этот взгляд следующим образом: «Социалистическая общенародная (государственная) собственность является сложным общественным отношением. Во-первых, это отношение между государством и предприятием, т. е. определенным производственным коллективом... государство выделяет этому коллективу основные и оборотные средства, а этот коллектив передает государству основную часть прибавочного продукта, созданного при помощи государственных средств. Во-вторых, это отношение между производственным коллективом и работниками, которые обязуются выполнять работу за вознаграждение, выплачиваемое им этим коллективом. В-третьих, это отношение между государством как субъектом общенародной собственности и работниками, в которое они входят через посредство производственных коллективов. В-четвертых, это отношение между разными производственными коллективами, представляющими общенародную собственность, между которыми происходит обмен продуктами, т. е. по существу обмен деятельностью. В-пятых, это отношение между производственными коллективами, представляющими общенародную собственность, и производственными коллективами, представляющими групповую, кооперативную собственность, между которыми происходит обмен продуктами — обмен деятельностью. Наконец, в-шестых, если речь идет о предприятиях, сбывающих предметы потребления, то это отношение между производственными коллективами и массой потребителей» (*B. Minc.* Ekonomia polityczna socjalizmu, s. 65—66).

Так, в концепции Б. Минца все субъекты экономического оборота — обмена деятельностью — это и есть субъекты общенародной собственности; содержание же отношений последних сводится к отношениям обмена деятельностью.

Однако ни одна из форм экономических отношений, рассматриваемых им в качестве отношений собственности, не представляет собой отношения присвоения — распоряжения, т. е. собственности на средства производства. Действительно, первая форма отношений собственности — это, по Минцу, отношение между государством и коллективом предприятия, которое выражается якобы в наделении *коллектива* средствами производства и передаче *коллективом* государству прибавочного продукта, т. е. представляет собой что-то вроде арендных отношений между коллективом и государством. Однако в рамках государственного сектора производства нет отношений между всенародным коллективом, представляемым государством, и предприятием как коллективом, который бы вел производство *за свой счет,* т. е. был бы экономически полностью обособленным производителем (как это имеет место в случае кооперативного ведения производства).

Каждое предприятие — элемент, часть общенародной собственности; присвоение — распоряжение им вместе с образующими его средствами производства является общенародным, т. е. непосредственно общественным: оно не обособляется в рамках каждого отдельного коллектива. Выделение же государственным предприятиям средств производства в экономически обособленный оборот воспроизводства этих предприятий не является отношением по присвоению — распоряжению, т. е. отношением собственников: государства, с одной стороны, и коллектива каждого отдельного предприятия — с другой. Иными словами, в условиях социализма нет партикуляризма в присвоении — распоряжении, или раздробления собственности на основные и решающие средства производства.

Но если это так, то тем более неверно рассматривать непосредственное соединение работников со средствами производства на началах оплаты их по труду в качестве формы отношения между собственниками: работники — коллектив предприятия. Работник, включаясь в процесс

производства, фактически реализует непосредственно общественное отношение коллективности, в котором он заранее находится как член общенародного коллектива — собственника средств производства. Эта реализация имеет особую форму непосредственных отношений работника с данным предприятием, его участия в непосредственном процессе производства данного предприятия и оплату по труду из стоимости создаваемого в этом процессе продукта. Но все это не является отношением, протекающим между участником производства и коллективом данного предприятия. Реально это лишь особые формы обмена деятельностью в общегосударственном секторе производства. Они обусловлены характером общенародной собственности, но вовсе не представляют собой последнего отношения, как такового [1].

Таким образом, попытка раскрыть конкретно отношение всенародной собственности как косвенное присвоение показывает, что эта концепция представляет собой подмену действительных отношений всенародной собственности на средства производства в качестве основного отношения производства особыми формами отношений производства — отношениями обмена деятельностью, сочетающуюся к тому же еще с элементами партикуляристской трактовки всенародной общественной собственности как собственности, поступающей как бы в аренду отдельных производственных коллективов.

Некоторые авторы развивают концепцию основного производственного отношения социализма как отношения, связанного с собственностью, опирающегося на нее, но представляющего собой особое, самостоятельное отношение. «На наш взгляд, этим отношением (основным производственным отношением. — *Я. К.*), — утверждал, в частности, один из ее сторонников, Л. Любошиц, — является *отношение непосредственного производителя и общества в целом как единой ассоциации производителей,* так как именно общество в целом при социализме

---

[1] О положении, развиваемом в приведенном отрывке из работы Б. Минца в пункте «в-третьих», говорилось выше в общей связи с трактовкой характера отношений социалистической собственности. Что же касается пунктов четвертого, пятого и шестого, все рассматриваемые в них отношения и по классификации самого автора являются отношениями обмена деятельностью.

является собственником решающих условий производства» [1].

Как видим, собственность и основное производственное отношение здесь отделены друг от друга; основное отношение производства не отношение собственности, а особое, самостоятельное отношение, вырастающее на основе собственности. Это означает прежде всего, что сама собственность не рассматривается в качестве отношения производства. Но в этом случае она выступает как некое отношение человека или общества к вещам, что прямо противоречит историко-материалистическому пониманию категории собственности. Рассмотрение же в качестве основного производственного отношения отношения индивида (производителя) и общества (как ассоциации производителей) вообще означает подмену определяющей, основной формы среди специфически исторических форм отношений по производству неким абстрактным всеобщим отношением (человек и общество), в котором погашены именно те отношения производства, через которые в каждом данном обществе лишь и осуществляется эта всеобщая связь.

Разумеется, человек — член общества, участник производства и так или иначе соотносится с обществом как общностью, ассоциацией производителей. Но это всеобщее соотношение для всех способов производства определяется совокупностью, системой специфически исторических отношений производства (в их числе и основным отношением производства — отношением собственности на средства производства), но само по себе не представляет какого-то специфического производственного отношения наряду с другими.

Признавая, что «отношение между обществом в целом и отдельными его членами имеет место в любой

---

[1] *Л. И. Любошиц.* Общие и специфические экономические законы, стр. 111.

Той же позиции по существу придерживаются и некоторые другие авторы. «Отношение между отдельными производителями и обществом в целом является глубинным, реально существующим производственным отношением при социализме» (сб. «Общественное и личное». Воронеж, 1961, стр. 20). Основное производственное отношение — это «отношение между обществом и отдельным работником в сфере материального производства; содержанием этого отношения является экономическое равенство всех членов общества...» (см. «Вопросы экономики», 1963, № 1, стр. 117).

общественной формации»[1], Л. И. Любошиц утверждает, что для социализма специфично именно данное отношение в качестве якобы непосредственного отношения, не опосредствуемого отношением индивида к собственникам средств производства, поскольку их собственник — само общество. Но не ясно ли, что если общество — собственник средств производства, то отношения индивида и общества именно опосредствуются экономическими, производственными отношениями, соединяющими членов общества в производстве их материальной жизни прежде всего непосредственно общественными отношениями коллективности по поводу средств производства, затем совокупностью отношений, развертывающихся во всех фазах воспроизводства именно в зависимости от отношений по поводу средств производства.

Игнорирование этого обстоятельства наряду с методологически неправильной трактовкой сущности основного производственного отношения социализма означало бы необходимость в качестве исходного отношения при анализе всей совокупности отношений производства и системы его законов принять не единство производителей, не непосредственно общественное производство, а обособление производителя и его отношение к общественному производству. Иными словами, реальное социально-экономическое единство социалистического общества должно было бы быть отодвинуто и подменено мнимым его расщеплением на обособленных в социально-экономическом отношении друг от друга производителей.

Итак, отношение общественной социалистической собственности на средства производства как основное, господствующее отношение в системе социалистических экономических отношений представляет собой непосредственно общественное отношение коллективности по поводу средств производства. Последнее, однако, мы до сих пор рассматривали лишь со стороны присвоения — распоряжения средствами производства, которое, хотя и определяющее, и ведущее в собственности как основном производственном отношении, но содержания последнего не исчерпывает. Оно, как мы видели, представляет

---

[1] *Л. И. Любошиц.* Общие и специфические экономические законы, стр. 112.

собой единство присвоения — распоряжения и присвоения — фактического использования.

Рассмотрение собственности как присвоения — распоряжения, как непосредственно общественного отношения коллективности вообще по поводу средств производства не выводит за рамки всеобщей сущности собственности на средства производства, свойственной ей при коммунистическом способе производства. Но социализм прежде всего потому является первой фазой коммунизма, представляет собой неполный коммунизм, что общественной всенародной собственности как его основному отношению производства присущи специфически исторические существенные особенности. Они коренятся в исторически особенном характере присвоения — фактического использования средств производства и состоят в том, что непосредственно общественное отношение коллективности производителей по поводу средств производства, поскольку оно находится еще на первой, социалистической ступени развития, представляет собой присвоение — фактическое использование средств производства *социально различными группами участников производства,* т. е. заключает в себе существенные элементы фактического экономического неравенства.

Действительно, социалистическая стадия развития производительных сил является той ступенью развития их общественного характера, которая несовместима с отношениями частной собственности и неизбежно обусловливает отношения всенародной общественной собственности в качестве общенародного присвоения — распоряжения средствами производства. Вместе с тем, однако же, производительные силы на этой стадии характеризуются еще самыми различными уровнями развития в отдельных сферах, отраслях и звеньях общественного производства и труда. Иными словами, уровень развития их общественного характера таков, что они не образуют материального фундамента для фактического равенства положения производителей в производстве.

Социалистический уровень развития производительных сил еще означает материальную неизбежность весьма различного положения трудящихся по использованию средств производства (выполнение различных видов труда — тяжелого и легкого, механизированного и немеханизированного, квалифицированного и некваг

лифицированного, промышленного и сельскохозяйственного, умственного и физического и т. д.). Но систематическое выполнение каждого из перечисленных существенно различных видов труда определенной общественной группой трудящихся как специального и постоянного вида их трудовой деятельности и означает, что эти различия в труде носят социально-экономический характер. Группы трудящихся, выполняющие те или иные особые в социально-экономическом отношении трудовые функции, представляют собой социально различные группы производителей.

Отсюда и следует, что фактически неравное использование средств производства, находящихся в общественной общенародной собственности, в процессе производства различными группами трудящихся и придает самому непосредственно общественному отношению коллективности трудящихся по поводу средств производства особый, специфически социалистический характер отношения коллективности социально особых, различных групп трудящихся. Это значит, что общенародная собственность на средства производства со стороны присвоения — использования представляет собой присвоение — использование средств производства различными особыми группами трудящихся, или фактически различное (неравное) их использование.

Иными словами, *сущность всенародной общественной собственности на социалистической стадии ее развития как основного производственного отношения социализма и состоит в непосредственно общественных отношениях коллективности производителей по поводу средств производства, отношениях всенародного коллективного их присвоения в качестве единства коллективного всенародного распоряжения собственностью, когда все члены общества равны, и фактически социально различного (неравного) ее использования в процессе производства различными группами трудящихся.* В этом специфика социалистической формы общественной всенародной собственности на средства производства, внутренне свойственные ей противоречия.

Рассмотрение социалистической собственности на средства производства как единства отношений присвоения — распоряжения средствами производства и присвоения — фактического их использования показывает,

что собственность — реальное производственное отношение, складывающееся по поводу производства и реализующееся в нем.

И поэтому тот факт, что всенародная собственность на средства производства как *всеобщее,* основное отношение производства, отличное от *специальных* отношений непосредственного производства, складывающихся на ее основе и в ее рамках (отношения разделения труда и т. д.), ни в какой мере не представляет собой трактовки отношения собственности как отношения *вне* производства, до производства, в отрыве от него и т. п., т. е. как отношения юридического, которую некоторые пытаются усмотреть в указанном различии всеобщего отношения производства (собственность) и специальных отношений в каждой данной фазе производства (в данном случае в непосредственном производстве) [1].

---

[1] Так, трактовка собственности в качестве основного производственного отношения, по мнению И. И. Кузьминова, выделяет ее как самостоятельное независимое отношение (сб. «Основное производственное отношение социализма». М., 1963, стр. 230; см. также *В. Черковец.* К решению вопроса об исходной категории политической экономии социализма. — «Экономические науки», 1963, № 3, стр. 99). Но для этих авторов понимание собственности на средства производства как особого отношения незакономерно, ибо они отождествляют собственность с совокупностью всех отношений производства.

Некоторые экономисты на том основании, что собственность на средства производства носит общественный, общенародный характер, отрицают неравенство как один из моментов собственности. Раз трудящиеся, полагают они,—собственники средств производства, то будто бы нет никакого неравенства в использовании средств производства. Более того, по их мнению, признание экономического неравенства производителей будто бы превращает в «юридическую фикцию» их равенство как коллективных собственников. Самое же различное оснащение различных видов труда средствами производства есть неустранимое техническое различие, а вовсе не социально-экономическое неравенство (см. «Вопросы экономики», 1963, № 1, стр. 115—117, высказывания М. Еганяна, И. Конника, П. Левашова, Н. Колесова по поводу точки зрения автора настоящей работы на фактическое экономическое неравенство как сторону отношений социалистической собственности).

На наш взгляд, приведенные аргументы бьют мимо цели. Действительно, как мы видели, собственность — сложная совокупность отношений присвоения — распоряжения средствами производства и присвоения — их использования. Это неразрывно между собой связанные, но не совпадающие различные стороны совокупности отношений собственности. Именно поэтому само равенство по присвоению — распоряжению еще не есть автоматически и равенство по

Внутреннюю диалектику отношений социалистической собственности на средства производства открыл и проанализировал В. И. Ленин. Характеризуя отношения социализма как неполного коммунизма и определяя условия перехода к полному коммунизму, он писал: «И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т. е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т. е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям»» [1].

Отношение равенства всех членов социалистического общества по отношению к владению средствами производства и является экономическим равенством отношений присвоения — распоряжения. Всем членам общества,

---

присвоению — использованию. Полагать же, что если нет равенства по этому последнему, то и равенство по распоряжению будто бы «юридическая фикция», — значит не брать в расчет того *решающего факта,* что именно присвоение — распоряжение формирует тип, качество отношений производителей и собственников средств производства (отношения эксплуатации или отношения, исключающие эксплуатацию; отношения частнокапиталистического присвоения — распоряжения средствами производства или отношения всенародно-общественного присвоения — распоряжения ими).

Также неверно сводить социально-экономические неравенства использования средств производства к техническим различиям в оснащении ими различных областей производства, видов труда. Разумеется, всегда в обозримом будущем такие технические различия неизбежны; но отнюдь не всегда, а только при социализме различия в уровне развития вещных элементов производительных сил различных сфер труда таковы, что они неизбежно образуют материальные предпосылки, условия социально-экономических неравенств по использованию средств производства.

Дело в том, что эти различия в уровнях развития производительных сил еще таковы, что вызывают не простые *технические* различия в условиях осуществления труда, а различия в уровне развития его *общественного характера,* различия общественных производственных функций как преимущественных функций различных групп трудящихся. Одно дело с точки зрения общественного характера труда — труд умственный; другое — труд физический; в рамках этого последнего — труд простой, неквалифицированный и немеханизированный и труд сложный, высокой квалификации и высокого уровня оснащения средствами производства и т. д. Все это не технические, а *социально-экономические* различия, лишь материально обусловленные особым состоянием производительных сил, свойственных социалистической ступени их развития.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 99.

как их непосредственно общественному коллективу, ассоциации, принадлежит монополия распоряжения средствами производства. Поэтому нет эксплуатации и все участники производства равны в экономическом процессе в качестве тружеников, мерилом реального участия в производстве и распределении которых является труд (равенство труда, равенство зарплаты). Это отношение В. И. Ленин называет *формальным* равенством, но отнюдь не потому, что оно имеет внешний, несущественный характер.

Его установление имеет столь коренное значение, что образует исходный пункт нового, коммунистического способа производства. На это Ленин специально и категорически указывал. «Поскольку *общей* собственностью, — подчеркивал он, — становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм» [1].

Формальный же характер придает ему то, что общее владение средствами производства, создав экономическое равенство по отношению к ним, т. е. уже означая новую форму связи между производителями по поводу средств производства, соединения их со средствами производства на основе всеобщности и равенства труда, вместе с тем не обеспечивает еще экономического равенства по фактическому использованию этих средств производства. И именно поэтому сохраняются различия положения трудящихся в производстве, в характере их труда. В частности, отмечая сохраняющееся при социализме фактическое неравенство положения трудящихся в производстве, Ленин писал, что лишь при высоком развитии коммунизма «исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного *общественного* неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя» [2].

Таким образом, социалистическая общественная собственность на средства производства означает формальное равенство участников производства в экономическом процессе потому что представляет собой единство

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 98.

[2] Там же, стр. 96.

отношений присвоения — распоряжения средствами производства, экономически уже равного для всех участников производства, и отношений присвоения — использования средств производства, экономически еще не равного для различных групп трудящихся.

Между тем нередко под фактическим экономическим неравенством при социализме отказываются видеть характерный момент самих отношений собственности на средства производства, связывая его только с распределением [1].

Разумеется, Ленин (так же как и Маркс) подчеркивал, что экономическое неравенство *реализуется* в распределении по труду. Это последнее и есть форма экономически неравного (не по потребностям, а по работе) присвоения продуктов труда. Но делать из этого вывод о том, что само распределение и *определяет* экономическое неравенство и, более того, самому экономическому равенству в отношениях собственности придает формальный характер, — значит отрывать характер распределения от характера производства, от характера основного отношения производства. Распределение лишь *выражает* реальное положение производителей в производстве. И поэтому ежели бы это положение было положением *фактического экономического равенства,* то и само распределение необходимо было бы экономически равным распределением.

Стало быть, всенародная собственность как основное производственное отношение социализма заключает в себе внутренние противоречия — противоречия между «формальным равенством» производителей в отношениях собственности как отношениях всенародного коллективного присвоения — распоряжения средствами производства и фактическим неравенством в тех же отношениях собственности как отношениях присвоения — использования средств производства различными общественными группами трудящихся.

---

[1] Так, по мнению К. В. Островитянова «Ленин, так же как и Маркс, под фактическим неравенством понимал распределение по труду. По Марксу и Ленину, данное противоречие (между фактическим равенством и неравенством. — *Я. К.*) заключено не в *самой собственности,* а в отношениях между производством и распределением» (*К. В. Островитянов.* Основной экономический закон социализма. — «Вопросы экономики», 1963, № 1, стр. 106; курсив наш. — *Я. К.*).

Отправляясь от сущности общенародной социалистической собственности на средства производства и общей взаимосвязи основного производственного отношения с их системой в целом, можно выделить следующие важнейшие черты строя социалистических производственных отношений, определяющие в совокупности его характер.

Во-первых, экономические отношения между людьми по поводу средств производства (или по крайней мере — до известной стадии развития социализма — по поводу решающих средств производства) представляют собой *отношения всенародной общественной собственности*[1], которые состоят в том, что производители соединены со средствами производства непосредственно как единый общенародный коллектив, в общем нераздельном (монопольном) присвоении — распоряжении которого и находятся эти средства производства.

Во-вторых, производственные отношения образуют основу и главную сферу всей совокупности общественных отношений как отношений *всеобщего участия в труде* всех трудоспособных членов общества.

В-третьих, эти отношения как отношения социалистической общенародной собственности на средства производства представляют собой отношения *экономического равенства* участников производства в качестве отношений присвоения — распоряжения средствами производства и в то же время они еще отношения неантагонистического *экономического неравенства* в качестве отношений присвоения — фактического использования этих средств производства.

В-четвертых, в непосредственном процессе производства это отношения исключающей эксплуатацию *непосредственно общественной, коллективной производственной деятельности и обмена ею,* т. е. в каждом первичном звене общественного производства и в этом процессе в целом *это непосредственно общественные отношения разделения труда, его кооперации,* отношения

[1] Здесь дается характеристика основных черт производственных отношений социализма в том их общем виде, как они определяются общенародной собственностью как основным отношением производства социализма. Колхозно-кооперативная собственность, разумеется, вносит в соответствующий сектор производства определенные модификации в эти общие черты, не изменяя, однако, их сущности. Далее будут рассмотрены и эти модификации.

производства, ведущегося в качестве всенародного *за общественный счет и в интересах всего общества, равно как и каждого его члена.*

Вместе с тем это отношения *групп работников, занимающих в соответствии с уровнем развития производительных сил различное место в общественном процессе производства и в связи с этим по-разному участвующих в фактическом использовании средств производства* (работники труда квалифицированного и неквалифицированного, умственного и физического, механизированного и немеханизированного и т. д.), т. е. отношения непосредственно общественного труда, его разделения, кооперации, но еще заключающие в себе социально-экономические различия (фактическое экономическое неравенство) отдельных групп их участников.

В-пятых, в фазах распределения, обмена и потребления *это производственные отношения, представляющие собой отношения присвоения общественного продукта, в том числе и прибавочного продукта, обществом в целом и в общих его интересах, как и в интересах каждого его члена*[1], при распределении по труду основной массы индивидуально потребляемого продукта, экономическом обороте всего продукта на началах эквивалентного товарного обмена и опосредствовании индивидуального потребления эквивалентной мерой участия в общественном труде, т. е. это отношения равенства общественного присвоения и неравенства в распределении, обмене и потреблении[2].

---

[1] «Коллективный характер производства, — писал К. Маркс, — с самого начала делал бы продукт коллективным, всеобщим» (Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 117).

[2] Общие главные черты строя социалистических производственных отношений в целом обусловлены отношениями общественной собственности на средства производства. Вместе с тем эти черты, поскольку они связаны с каждой из отдельных фаз движения экономических отношений (непосредственного производства, распределения, обмена, потребления), окончательно складываются и проявляются именно в этих фазах, которые для социализма мы, однако, еще не рассматривали. Таким образом, характеристика этих черт, являющаяся выводом из исследования всего процесса движения производственных отношений, дается ранее изложения всего этого исследования. Это делается для того, чтобы далее, в процессе анализа отдельных фаз движения производственных отношений и действия в этих фазах экономических законов, было бы легче ориентироваться в общих связях движения в целом.

Обобщая черты социалистических производственных отношений, можно определить их прежде всего как *непосредственно общественные отношения коллективности трудящихся в производстве и присвоении материальных благ, в воспроизводстве материальных условий их жизни.* Это отношения на основе всенародной общественной собственности на средства производства, соединения в труде в масштабе всего общества и планомерного осуществления труда, ведения производства за общественный счет, присвоения общественного продукта обществом в его общих интересах. Однако это еще отношения *непосредственно общественной коллективности на первой ступени ее развития* (в отличие от высшей, коммунистической коллективности), когда еще неизбежно неантагонистическое фактическое экономическое неравенство в использовании средств производства, т. е. социально-экономические различия групп трудящихся по их положению в производстве и вытекающие отсюда соответственные различия, экономические неравенства по их участию в распределении, обмене и потреблении.

В литературе довольно широкое распространение получила характеристика социалистических отношений производства как отношений товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. Следует отметить, что в качестве описания общего характера отношений людей в социалистическом производстве она полезна. Однако она не может служить их научным определением, так как в ней не содержится необходимых научных признаков, раскрывающих сущность отношений производства, и прежде всего указания на характер собственности, определяющей положение производителей в производстве и присвоении ими результатов этого производства — общественного продукта, в том числе прибавочного продукта. Содержащиеся в этой характеристике понятия «товарищеское сотрудничество», «взаимопомощь» не исторически определенные экономические категории, а общие черты, свойственные различным формам общественных отношений, в их числе и экономическим, протекающим к тому же при различных социально-исторических условиях. Ведь совместный труд при всяком общественном строе предполагает сотрудничество, на

что указывал Маркс, характеризуя природу кооперированного, соединенного труда вообще[1].

В рассматриваемой характеристике не исправляет дело и указание на товарищеский характер сотрудничества и социалистический характер взаимопомощи. Товарищество — категория столь же общая, сколь и само сотрудничество. Оно не носит социально-исторической определенности и, скорее, представляет собой характеристику морально-этического, а не экономического свойства. Ссылка же на социалистический характер взаимопомощи тавтологична: нельзя раскрывать природу *социалистических* отношений путем указания на то, что они являются отношениями *социалистической* взаимопомощи. Социалистические отношения — это совокупность производственных отношений исторически определенного типа. Поэтому, определяя их сущность, и необходимо ра-

---

[1] Маркс и Энгельс, рассматривая «производство жизни... в качестве общественного отношения», указывали, что общественное отношение ими понимается «в том смысле, что имеется в виду *сотрудничество многих индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели*» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 28; курсив наш. — *Я. К.*). Отсюда следует, что определенный способ производства или каждая ступень промышленного развития предполагают определенный способ сотрудничества. Говоря о кооперации труда вообще, Маркс указывал, что в ее рамках *«в планомерном сотрудничестве* с другими рабочий преодолевает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции. Самую кооперацию он рассматривает как процесс непосредственного сотрудничества» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 341; курсив наш. — *Я. К.*).

Ясно поэтому, что попытки противопоставить «сотрудничество» капиталистической кооперации с ее отношениями эксплуатации совершенно незакономерны. В этом смысле нам кажется несостоятельной точка зрения И. И. Кузьминова, который утверждал, что «развитие капиталистической кооперации, т. е. совместного труда многих людей под одной крышей и под командой капитала, означало не развитие сотрудничества и взаимопомощи (!), а развитие эксплуатации и классовых антагонизмов» (сб. «Развитие экономической теории в свете решений XXII съезда КПСС, стр. 227). Таким образом, он противопоставляет капиталистическую кооперацию сотрудничеству, хотя в действительности она представляет собой лишь специфически историческую форму сотрудничества, а именно антагонистически-капиталистическую его форму. В этом и состоит капиталистическая кооперация.

Столь же противоречит Марксовому пониманию сотрудничества и утверждение о том, что оно получает экономический характер якобы только при социализме, а при капитализме оно будто бы представляет собой лишь «техническое сотрудничество» (см. высказывание И. Конника. — «Вопросы экономики», 1963, № 1, стр. 116).

скрыть, в чем именно состоит ее социалистический характер, а не ссылаться на то, что требует определения.

Не помогает и указание на то, что это отношения людей, свободных от эксплуатации. Ведь, как ни существен сам по себе этот признак, он имеет в данной связи лишь негативное значение, противопоставляя отношения социализма отношениям капитализма, отношениям эксплуатации. Но сам по себе он еще ничего не говорит о том, в чем же состоят эти отношения людей, освободившихся от эксплуатации.

Наконец, — и это также крупный, принципиальный недостаток рассматриваемого определения — оно не заключает в себе указания на источник движения, источник развития. Это, однако, непременное требование к научному определению отношений производства с точки зрения марксистской методологии. В самом деле, в рассматриваемой характеристике подчеркнуто единство людей в процессе производства, но не вскрыты имманентные такому единству противоречия, т. е. тот внутренний импульс, который сообщает движение производственным отношениям социализма [1].

Определение социалистических отношений производства как *непосредственно общественных отношений коллективности трудящихся в производстве и присвоении*

---

[1] Несмотря на очевидную научную несостоятельность рассмотренного определения характера производственных отношений социализма, некоторые авторы продолжают настаивать на нем. Так, И. И. Кузьминов утверждает, что основное производственное отношение социализма (его характеристика, по мнению этого автора, совпадает с характеристикой производственных отношений в целом) «проходит по линии отношения между равноправными коллективными собственниками и в то же время непосредственными производителями и их коллективами, объединенными в производстве и общей собственностью и общей целью, успешное достижение которой возможно лишь при условии дружной, сплоченной работы, другими словами, на пути товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи. Именно в отношении товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи объединенных производителей как в основном отношении социализма и реализуется общественная собственность на средства производства» (сб. «Основное производственное отношение социализма». М., 1963, стр. 10). Мотивов в защиту своего взгляда И. И. Кузьминов, как видим, не выдвигает. Он ограничивается простым постулированием, соединенным к тому же с ошибочным отрицанием роли отношений общественной собственности как основного производственного отношения социализма.

материальных благ (на первой ступени развития этой коллективности), во-первых, раскрывает экономическую сущность социалистических отношений производства, характеризуя их в качестве отношений, которыми трудящиеся соединяются в совместном труде как всенародный коллектив, который в качестве такового собственными средствами производства и за свой счет осуществляет производство и присваивает его результаты. Поэтому социалистические отношения в производстве и присвоении и можно определить как отношения непосредственно общественной коллективности в противовес отношениям капиталистической эксплуатации, где труд соединяется и протекает как совместный труд (кооперация, сотрудничество рабочих) под командованием капитала, присваивающего его результаты [1].

Во-вторых, оно раскрывает главное, основное в специфически социалистическом характере производственных отношений, а именно что они являются *непосредственно общественными* отношениями их коллективности, т. е. раскрывает их сущность в качестве отношений, обусловленных *всенародной общественной собственностью* на средства производства, целиком протекающих в рамках этой собственности и объединенных в масштабе всего общества. Ибо только всенародная собственность обусловливает непосредственно общественный характер коллективного труда, т. е. его коллективность в масштабе всего общества, и только она обусловливает присвоение общественного продукта и в его составе прибавочного продукта в интересах самих трудящихся. Стало быть, данное определение раскрывает коренной

---

[1] «В условиях действительной коллективности, — писал Маркс, — индивиды обретают свободу в своей ассоциации и посредством ее». Причем эту действительную коллективность Маркс противопоставлял «мнимой коллективности», которая имеет место в классово антагонистических обществах (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 75). Характерно, что современная буржуазная апологетика пытается выдать мнимую коллективность буржуазных отношений за их якобы коллективный характер. «...Доказуемо, — писал Берли, — что более $^2/_3$ нашей предпринимательской деятельности возможно только потому, что она носит коллективный характер». Исходя из этого, и агенты буржуазного производства оказываются... не более не менее как «коллективистами» (*Adolf A. Berle.* Power without property. A new development in American Political Economy. N. Y., 1959, p. 27).

признак социалистического характера отношений производства.

В-третьих, оно указывает и ту ступень развития производственных отношений как непосредственно общественных отношений коллективности трудящихся в производстве и присвоении материальных благ, на которой эти отношения находятся при социализме, — первую их ступень.

Действительно, производственные отношения коммунистического способа производства, базируясь на всенародной общественной собственности на средства производства в целом, на всех ступенях могут быть охарактеризованы как непосредственно общественные отношения коллективности. Причем при полном коммунизме это будут отношения *высшей коллективности,* исключающей фактическое неравенство положения трудящихся в производстве и вытекающие отсюда социально-экономические неравенства во всех других фазах производства. При социализме же имеет место лишь *первая* ступень развития непосредственно общественных отношений коллективности трудящихся, в связи с тем что они еще связаны с фактическим неравенством положения групп трудящихся в производстве и целой системой социально-экономических неравенств в производстве, обмене, распределении и потреблении. Но тем самым данное определение указывает на внутренние противоречия этих отношений, т. е. охватывает внутренний импульс их движения и развития на стадии социализма.

2

основное производственное отношение и классовый характер экономического строя социализма

Рассматривая социалистическую собственность на средства производства как основное производственное отношение, мы абстрагировались от двух форм, в которых социалистическая собственность исторически существует, и соответственно от обусловливаемого ими классового характера производственных отношений со-

циализма. В рамках такой абстракции только и возможно выявить сущность господствующего основного отношения производства, определяющего социалистический характер системы отношений в целом, общие черты этих отношений. Однако исследование реальных условий движения социалистических отношений производства, системы законов, ими управляющих, сущности и действий экономического закона движения (основного закона) социализма требует вовлечения в анализ исторических особенностей социалистического экономического строя — двух форм социалистической собственности на средства производства и классового характера отношений производства.

Социализм не обязательно связан с двумя общественными формами собственности и двумя неантагонистическими классами — рабочим классом и крестьянством. Его полная победа при одной или двух формах собственности и соответственно при сохранении классов или при преодолении классовых различий — продукт конкретных исторических обстоятельств, т. е. зависит от степени развития производительных сил и классовой структуры в капиталистической стране, где побеждает социалистическая революция. В ряде высокоиндустриальных стран с незначительным крестьянским мелкотоварным укладом вполне возможно в процессе переходного периода от капитализма к социализму общенародное обобществление всех средств производства и преодоление различий между рабочим классом и крестьянством, т. е. победа социализма при одной общенародной собственности на средства производства. Классики марксизма-ленинизма как раз и исходили из того, что социализм знает одну общенародную форму собственности на средства производства и исключает классовые различия.

Побеждает ли социализм при одной или двух формах социалистической собственности или, как показывает современный опыт, при ряде форм общественной собственности, его определяющая основа — всенародная собственность на средства производства. Именно поэтому и необходимо сначала теоретически рассмотреть основное отношение социализма, отвлекаясь от его исторически особых форм реализации в системе производственных отношений, опирающихся на две формы обще-

ственной собственности и являющихся классовыми отношениями двух основных классов — рабочих и колхозного крестьянства.

Но так как реально утвердившийся социализм связан с двумя формами собственности и классовым характером отношений производства, теперь и надлежит то и другое вовлечь в исследование. При этом исследование проблемы двух форм собственности невозможно без анализа коренного отличия классовых отношений производства при социализме от отношений в досоциалистических способах производства, без рассмотрения вопросов о победе социализма при наличии двух классов и преодолении классовых различий в фазе социализма, о значении перехода от классовых к бесклассовым отношениям в процессе перерастания социализма в коммунизм.

Вопрос о природе классов, их взаимосвязи с отношениями разделения труда и собственности широко обсуждался в марксистской литературе. При этом сталкивались две основные концепции. Первая из них состояла в том, что разделение труда, обусловливая различие функций в процессе производства (непосредственное участие в производстве и руководство им, контроль и т. д.), вызывало постепенное превращение групп людей, выполнявших различные функции, в особые классы, которые и становились в особые отношения по поводу средств производства. Руководители монополизировали средства производства, непосредственные производители их лишались. Мы бы назвали ее *функциональной концепцией образования классов.*

Суть второй из них (ее можно было назвать *концепцией образования классов через монополизацию собственности)* заключалась в признании того, что основой образования классов является монополизация средств производства, приводящая к различиям в положении различных групп людей в процессе производства и закреплению в нем за собственниками и несобственниками различных функций [1].

---

[1] Концепция монополизации средств производства как основы классообразования развивалась, например, К. Каутским (см. *К. Каутский.* Материалистическое понимание истории, т. II. М.—Л., 1931, стр. 13—28).

Буржуазные экономисты на свой лад также придерживались одной из двух указанных концепций классов. Бюхер, например, пи-

И если коренной недостаток первой концепции заключается в том, что она отрывает процесс развития различий положения людей в производстве от отношений собственности, выводит вторые из первых, то для второй концепции типично рассмотрение отношений собственности в отрыве от положения людей в производстве. Если первая концепция ставит в зависимость собственность — основное производственное отношение — от совокупности отношений в непосредственном процессе производства, от функциональной специализации в производстве людей, их кооперации, т. е. отрывает разделение труда от его обусловленности отношениями собственности, то вторая игнорирует обусловленность отношений собственности состоянием производительных сил, оставляет в тени действительные причины ее возникновения (если, разумеется, не принимать в расчет волюнтаристской теории насилия).

Все это является отступлением от марксистской теории генезиса и сущности классов, сформулированной Энгельсом и Лениным.

Энгельс указывал на то, что «в основе деления на классы лежит закон разделения труда»[1], но при этом

сал: «Поскольку наши имущие классы представляют собой и социально-профессиональные классы, они являются таковыми не в силу того, что профессия создает имущество, а вследствие того, что выбор профессии обусловливается имущественным состоянием...» (*Карл Бюхер.* Возникновение народного хозяйства. СПб., 1912, стр. 234). Функциональной концепции классовой дифференциации придерживался Шмоллер, утверждая, что «вся современная организация труда является лишь изменяющимися во времени формами, созданными в обществе разделением труда и дифференциацией... Различия же в социальном положении, имуществе, почете и доходе являются лишь вторичными последствиями социальной дифференциации» (цит. по: *М. И. Туган-Барановский.* Основы политической экономии. СПб., 1911, стр. 122). Эклектической концепции придерживался Туган-Барановский. Для ранних ступеней развития общества он выдвигал функциональную концепцию, для поздних — имущественную (см. там же, стр. 121—122).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 293.

«Из первого крупного общественного разделения труда, — писал Энгельс, имея в виду отделение скотоводства от земледелия, — возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 161). Энгельс подчеркивает, что именно на этой стадии стада из общего владения племени или рода «перешли в собственность глав отдельных семей».

он рассматривал действие этого закона в условиях *уже возникшей частной собственности.* Именно *единство отношений частной собственности с законом разделения труда,* т. е. законом специализации и кооперации производителей в процессе производства, при определенном уровне развития производительных сил с неизбежностью ведет к образованию классов.

Исходная и основная форма отношений производства — собственность на средства производства — в качестве частной, индивидуальной собственности вследствие развития производительных сил, требующих кооперации труда, развивается *как крупная частная собственность,* обусловливающая отторжение от собственности непосредственных производителей и монополизацию собственниками функций управления, надзора, организации производства. Так, процесс превращения индивидуальной, частной собственности на средства производства в крупную частную собственность в соединении с действием закона разделения труда и служит основой классообразования. Следовательно, основа классов и классового характера отношений производства в различиях разных групп людей в производстве при господстве частной собственности [1].

Именно эта идея выражена в известном ленинском определении классов, подчеркивающем в качестве основных признаков различий между классами «их место в общественном производстве, а следовательно их отношение к средствам производства» [2]. Исходя из этих диалектически единых признаков классов, Ленин и дал свое развернутое определение классов. «Классами, — писал он, — называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах)

---

[1] Неразрывная связь классовой структуры общества с отношениями частной собственности всегда подчеркивалась классиками марксизма. Коммунисты, писал Энгельс, «ясно видят и постоянно преследуют конечную цель: уничтожение классов и создание такого общественного строя, при котором не будет места частной собственности на землю и на все средства производства» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 515).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 45.

к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»[1].

Очевидно, что для классов социалистического общества характерны не все признаки этого определения.

Рабочий класс и крестьянство в качестве классов социалистического общества не находятся по отношению друг к другу в таком положении, при котором один из них мог бы присваивать себе труд другого. В качестве своей экономической основы эти классы имеют общественную, а не частную собственность на средства производства. По отношению же ко всенародной социалистической собственности на средства производства они, как общенародные коллективные собственники, со стороны присвоения — распоряжения находятся в равном положении.

Эти коренные отличия классов при социализме от классов в эксплуататорских обществах иногда принимаются как признак того, что при социализме уже нет классов в собственном смысле слова, что рабочий класс и крестьянство — это, строго говоря, не классы, а, скорее, общественные группы, сохраняющие еще некоторые классовые различия.

Как же обстоит дело в действительности?

По историческим условиям их происхождения классы социалистического общества принципиально отличаются от классов досоциалистического общества. Рабочий класс и крестьянство ведут свое происхождение от двух эксплуатировавшихся классов капиталистического общества, причем если рабочий класс — следствие его развития, то трудовое крестьянство (мелкотоварные производители) — продукт недоразвитости капитализма и сохранившихся еще полуфеодальных пережитков в экономике. Обобществление основных средств производства на началах всенародной собственности и крестьянских средств производства (кроме земли) на началах колхоз-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

но-кооперативной собственности полностью переводит рабочий класс и крестьянство на социалистическую экономическую основу.

Однако само по себе социалистическое обобществление не ликвидирует существенных различий в уровне развития производительных сил города и деревни, а потому и различий между рабочим классом и крестьянством по положению в системе общественного производства. Объединив рабочий класс и крестьянство отношениями всенародной собственности на средства производства, оно тем не менее еще не обеспечивает их полного объединения в общественном процессе производства, ибо наряду со всенародной собственностью возникает особая, колхозно-кооперативная собственность крестьян на средства сельскохозяйственного производства, кооперативно-групповая по своему характеру. Вместе с последней и на ее основе возникает ведение кооперативами крестьян (колхозами) производства за их собственный счет.

Таким образом, сохраняются различия между рабочим классом и крестьянством и по отношению к средствам производства и по их месту и роли в общественной организации труда. Вместе со всем этим сохраняются и различия между ними по способам получения и размерам общественного богатства, или дохода, который поступает в их распоряжение.

Ввиду всех этих общественных социально-экономических различий между рабочим классом и крестьянством при единстве их коренных экономических интересов, состоящих в обеспечении расширенного воспроизводства во всем народном хозяйстве и удовлетворении потребностей всего народа, у них сохраняются особые, классовые экономические интересы (в области условий производства и накопления, распределения, размеров индивидуальной доли потребления и т. д.). Совокупность этих социально-экономических различий между рабочим классом и колхозным крестьянством и выражает тот факт, что эти две общественные группы имеют еще характер классов, хотя, *во-первых,* они принципиально отличаются от классов капиталистического общества и, *во-вторых,* развитие отношений, ими осуществляемых, является процессом изживания различий между ними.

В каком же отношении к тому, что социализм победил как социально-экономический строй, заключающий в себе классовые различия, как строй неантагонистических классовых отношений производства, находятся взгляды классиков марксизма-ленинизма о том, что переход к социализму связан с ликвидацией классов?

Решается ли задача ликвидации различий классов в рамках социализма, или социализм на всем своем протяжении остается классовым строем?

Маркс, Энгельс и Ленин связывали победу социализма с полным переходом всех средств производства в общенародную собственность и, стало быть, с ликвидацией классовых различий между рабочим классом и крестьянством, с ликвидацией противоположности (различий) между городом и деревней на протяжении переходного периода от капитализма к социализму. Социализм — это общество без классов — таково категорическое положение основоположников марксизма.

«Уничтожить классы, — писал Ленин, — это значит поставить *всех* граждан в *одинаковое* отношение к *средствам производства* всего общества, это значит — все граждане имеют *одинаковый* доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле, на общественных фабриках и так далее. Это разъяснение того, что̀ есть социализм...»[1] В 1921 г. он, подчеркивая, что построение социализма требует уничтожения классов и это азбучная истина марксизма, говорил: «...социализм означает уничтожение классов, а пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор остаются разные классы, и, следовательно, не может быть полного социализма»[2].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 363.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 130.

Эту же мысль Ленин развивал и в других своих выступлениях и работах. Так, категорически формулировал он ее в 1919 г. в речи на Всероссийском съезде по внешкольному образованию. В развернутой форме он обосновал ее и в классической работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», в которой дается знаменитая формула: «Социализм есть уничтожение классов». В этой работе Ленин анализировал исторический процесс, в котором реализуется эта коренная задача социализма. «Чтобы уничтожить классы, — писал он, — надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и при-

Итак, В. И. Ленин развил положение о социализме как общественном строе, опирающемся на полное, общенародное обобществление всех средств производства и поэтому исключающем классовые различия, в том числе и деление общества на трудящиеся классы — рабочих и крестьян.

В литературе тем не менее встречаются попытки иначе истолковать ленинские взгляды по этому вопросу. Утверждают, что Ленин как условие победы социализма имел в виду лишь ликвидацию эксплуататорских классов и подготовку основ стирания различий между рабочими и крестьянами; что он подразумевал необходимость уничтожения лишь тех различий между рабочим классом и крестьянством, которые вытекают из того, что первый опирается на социалистическое производство, а второе — на частное мелкотоварное производство. И поскольку крестьянство переходит на основы обобществленного крупного кооперативного производства, постольку будто бы его существование представляет собой устой социализма, так сказать, его конституирующий признак и будто бы свойственно фазе социализма на всем ее протяжении [1]. В данной связи ссылаются на высказывания Ленина на X съезде партии, в которых он подчеркивал, что Маркс и Энгельс, безусловно, считали, «что только коммунизм есть уничтожение классов» [2].

Прежде всего следует отметить, что формулу «только коммунизм есть уничтожение классов» Ленин использовал в полемике против анархо-синдикалистов, утверждавших, что уже в условиях переходного периода от капитализма к социализму все трудящиеся якобы становятся работниками-производителями и между ними

том *не* самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех — работниками.* Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и в силу необходимости длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 276—277).

[1] См. *А. Пашков.* О перспективах слияния двух форм социалистической собственности. — «Вопросы экономики», 1960, № 5, стр. 40.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 99.

не может быть классовых различий. Этому-то беспочвенному утверждению он и противопоставил ее, подчеркнув, что основоположники марксизма высмеивали идею возможности ликвидации классов до коммунизма. Однако же ясно, что между формулами «коммунизм есть уничтожение классов» и «социализм есть уничтожение классов» по существу разницы нет. Ленин в данной связи имеет в виду коммунизм как общественно-экономическую формацию с двумя фазами, первую фазу которой и образует социализм. По точному смыслу этих формул коммунизм вообще, в том числе уже и его первая фаза, предполагает уничтожение классов [1].

Таким образом, взгляды основоположников марксизма на социализм, опирающийся на общественную всенародную собственность на средства производства, как на общественный строй, исключающий классовые различия, в том числе и между рабочими и крестьянами, сформулированы во всей полноте и не допускают никаких кривотолков.

Реальный опыт развития социализма свидетельствует о том, что при определенных исторических обстоятельствах строй социализма полностью побеждает в условиях, когда экономическую основу общества образует социалистическая собственность в двух формах — всенародной государственной собственности на основные, решающие в народном хозяйстве средства производства и кооперативной (колхозной) собственности на сельскохозяйственные средства производства — и существует два класса: рабочий класс и кооперированное крестьянство.

Общественный строй, опирающийся на общественную собственность на средства производства в двух ее формах и образуемый совокупностью отношений производства двух неантагонистических трудящихся классов, представляет собой полностью победивший социализм именно потому, что уже на этой ступени социалистического обобществления средств производства и развития

---

[1] Это положение, как известно, сформулировано еще Марксом в письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г., в котором, отмечая, что он «сделал нового», Маркс, в частности, писал о доказательстве им того, что диктатура пролетариата «сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без классов*» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 427).

всей остальной системы производственных отношений общая собственность всего народа, охватывая средства производства господствующего в народном хозяйстве крупного машинного промышленного производства, транспорта, строительства и т. д., и кооперативная собственность крестьян, охватывая сельскохозяйственные средства производства, исключают эксплуатацию человека человеком и обусловливают непосредственно общественные отношения коллективности в производстве и присвоении общественного продукта и в его составе прибавочного продукта [1].

Таким образом, исторический опыт обогатил и расширил марксистско-ленинскую теорию становления социализма, ее положение о том, что «социализм есть уничтожение классов». Он показал, что при определенных исторических условиях (как это имело место в СССР и ряде других стран), когда уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве резко отстает от их уровня развития в промышленности и сохраняется многочисленное трудовое крестьянство, социализм побеждает еще до полного выравнивания уровней производительных сил деревни и города, а стало быть, на основе социалистического обобществления в форме сочетания господствующей, определяющей всенародной собственности на решающие средства производства, прежде всего в промышленности, с колхозно-кооперативной собственностью на сельскохозяйственные средства производства.

Вместе с тем он ни в какой мере не противоречит классическим положениям марксизма-ленинизма. Он только обнаруживает, что задача уничтожения классов не обязательно, не при всяких конкретно-исторических условиях решается вместе с победой социализма. Ее разрешение может наступить и в условиях победившего социализма, и в процессе его развития, т. е. на известном этапе перерастания социализма в коммунизм. История подтверждает, что ликвидация классов неразрывно

[1] Именно в этом смысле В. И. Ленин говорил о том, что строй цивилизованных кооператоров в условиях господства общенародной социалистической собственности на главные, решающие средства производства и есть социализм, хотя он еще и не пересматривал тезиса о том, что для полной победы социализма необходимо уничтожение классов (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 373).

связана с социализмом, что социализм на известной ступени своего развития неизбежно приводит к ликвидации классов еще до вступления в полный коммунизм.

В силу чего полное всенародное обобществление всех средств производства и, следовательно, ликвидация классов — это задача именно социализма, хотя его полная победа достигается и при двух формах социалистической собственности?

Коренные материально-производственные условия, объективно обусловливающие в качестве обязательной задачи социализма полное, всенародное обобществление средств производства и ликвидацию классового различия между рабочим классом и колхозным (кооперированным) крестьянством, состоят в том, что при социализме производительные силы во всем народном хозяйстве, включая и сельское хозяйство, развиваются до такого уровня, при котором труд сельскохозяйственный превращается в разновидность индустриального труда. Это обусловливает то обстоятельство, что для полного обобществления всех средств производства условия создаются гораздо раньше, чем для ликвидации всех социальных различий в труде, и среди них наиболее трудно преодолимого социального различия между трудом умственным и трудом физическим. Без разрешения же именно последней проблемы наступление второй фазы коммунизма невозможно. Именно с ее решением Ленин и связывал переход к высшей фазе коммунизма [1].

Таким образом, и развитие производительных сил до уровня, на котором выравниваются условия труда в сельском хозяйстве и промышленности, и полное обобществление всех средств производства, а следовательно, преодоление классовых различий между рабочими и крестьянами не означают еще завершения создания всех необходимых условий для наступления второй фазы коммунизма — полного коммунизма. Они созре-

---

[1] В подготовительных записях к «Государству и революции», характеризуя высшую стадию коммунизма, он писал: *«Высшая»* — «каждый по способностям, каждому по потребностям». Когда это возможно? Когда (I) исчезнет противоположность умственного и физического труда; (2) труд сделается *первейшей жизненной потребностью* (N B: привычка трудиться станет нормой; без принуждения !!); (3) производительные силы высоко разовьются и т. д.» (Ленинский сборник, XIV, стр. 273).

вают на дальнейшей, более высокой стадии развития производительных сил и производственных отношений социалистического общества.

Из этого и следует принципиально важный вывод о том, что всенародное обобществление полностью всех средств производства и превращение на этой социально-экономической основе рабочих и крестьян в социально равных работников — объективные процессы, осуществляющиеся в рамках социализма на определенной ступени его зрелости в процессе перерастания социализма в коммунизм.

Из факта полной победы социализма при наличии двух форм общественной собственности на средства производства и классовом характере отношений производства вытекает и тот чрезвычайно важный вывод, что решающие устои социализма, конституирующие его производственные отношения, коренятся во всенародной социалистической собственности на средства производства. Поэтому и анализ системы экономических отношений и законов социализма должен исходить из отношений производства, определяемых прежде всего и в основном всенародной формой социалистической собственности. Вместе с тем, разумеется, победа социализма, как и более или менее длительный период его развития при наличии двух форм общественной собственности, накладывает глубокую печать на весь строй экономических отношений, а с ним и на систему законов социализма, не меняя, однако, их сущности [1].

[1] Вот почему не прав К. В. Островитянов, полагающий, что «нельзя абстрагироваться от двух форм собственности при исследовании закономерностей социализма и перехода к коммунизму, так как это равносильно абстрагированию от специфики социалистической экономики... нельзя понять специфику самой общенародной собственности на стадии социализма, абстрагируясь от ее взаимосвязи и взаимодействия с колхозно-кооперативной формой собственности» («Вопросы экономики», 1963, № 1, стр. 105). В этих методологических положениях он смешивает исторически всеобщее и исторически особенное. Например, никакой капитализм не существует как чистый капитализм. Он сосуществует с другими социально-экономическими укладами. Но анализ законов капитализма, его специфики ведется применительно к «чистому капитализму». Конкретный же капитализм требует конкретно-исторического учета всех его связей. И чтобы понять специфику социализма вообще, не только можно, но и должно исходить из господствующих и определяющих его отношений — общенародной собственности на средства производства. Чтобы исследовать движение этих отношений, действие его законов в конкретно-

Наличие классов на известном этапе развития социализма есть выражение той конкретно-исторической особенности всенародной собственности на средства производства как основного производственного отношения, что она сама по себе полностью и непосредственно определяет систему отношений производства лишь в одном из двух секторов экономики — в государственном хозяйстве, в котором система отношений производства носит последовательно социалистический характер (производство целиком ведется средствами, находящимися во всенародной собственности, за счет всего общества; присвоение носит непосредственно общественный характер; распределение по труду протекает на общественных народнохозяйственных началах: равная оплата за равный труд в масштабах всего общественного производства) [1].

В другом же секторе производства — колхозно-кооперативном — основное производственное отношение социализма также играет определяющую роль, которая, однако, опосредственна и реализуется через неразрывные экономические связи города и деревни, через единство процесса воспроизводства, в котором ведущая и господствующая роль принадлежит общенародному сектору производства. Последний и определяет общий характер и направление развития процесса воспроизводства в колхозно-кооперативном секторе (его социалистический характер и планомерное, взаимоувязанное во всем народном хозяйстве развитие по пути к коммунизму).

Но основное производственное отношение социализма определяет именно этот общий социалистический характер и направление развития системы производственных отношений колхозно-кооперативного сектора. Последняя же, основываясь на колхозно-кооперативной собственности на сельскохозяйственные средства производства (кроме земли) и представляя собой систему социалистических отношений, не обладает еще последо-

---

исторических условиях социализма, где существуют две формы собственности и два класса, необходимо учитывать все эти исторические особенности его развития.

[1] Ленин указывал на предприятия «последовательно-социалистического типа (и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом)...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 374).

вательно развитым социалистическим характером (производство основывается на средствах производства, находящихся в колхозно-кооперативной собственности, ведется за счет каждого данного кооператива; продукт труда присваивается самим кооперативом; распределение по труду осуществляется на условиях, складывающихся в данном кооперативе: равная оплата за равный труд в рамках кооператива и т. д.).

Вторая форма социалистической собственности на средства производства — кооперативно-групповая (колхозная) — однотипна с общенародной социалистической собственностью потому, что она, представляя собой единство присвоения — распоряжения средствами производства и их присвоения — использования каждым данным кооперативом участников производства — сельскохозяйственной артелью (промысловым кооперативом), исключает эксплуатацию и предполагает экономически равное отношение всех членов кооператива по распоряжению средствами производства и их фактическое неравное использование, распределение в соответствии с качеством и количеством труда, затрачиваемого каждым членом кооператива на производство.

Но этот тип отношений коллективности по поводу кооперативных средств производства именно потому носит социалистический характер, что они не представляют собой отношений изолированных, обособленных от господствующих непосредственно общественных экономических отношений. Напротив, колхозно-кооперативные отношения коллективности в силу единства процесса воспроизводства и господства в нем непосредственно общественных отношений общенародной собственности, общенародной коллективности, органически, неразрывно включены в этот процесс. И поэтому они также носят непосредственно общественный характер, развиваются и функционируют как социалистические отношения. В этом и выражается то, что всенародная общественная собственность представляет собой всеобщее, основное производственное отношение социализма.

Но какова же роль кооперативно-колхозной собственности на средства производства, какое место принадлежит ей в системе экономических отношений соответствующего сектора производства и народного хозяйства в целом?

Ответ на этот вопрос определяется тем, что социалистический тип кооперативно-колхозного производства решающим образом обусловливается господством в экономике в целом общенародной собственности и сочетанием ее с ролью кооперативно-колхозной собственности на средства производства как основы кооперативно-колхозных отношений производства.

Кооперативно-колхозная собственность на средства производства, объединяя производство и труд участников кооператива (колхоза), определяет и соответствующий характер всех других отношений производства в этих рамках. Тем самым она выступает как ведущее, главное отношение производства внутри системы кооперативно-колхозных отношений. Но в качестве такового она выступает лишь в рамках этого сектора, и притом не сама по себе, а в сочетании с общенародной собственностью на средства производства и при господствующей роли последней. Это значит, что кооперативно-колхозная собственность выступает как особая специфически историческая дополнительная форма основного отношения, ограниченного рамками кооперативно-колхозного строя производства и опосредствующего и модифицирующего функционирование всеобщего основного отношения социалистического производства — общенародной собственности на средства производства.

Отношения кооперативной коллективности по поводу средств производства обусловливают менее социалистически зрелый тип отношений непосредственно общественной кооперативно-колхозной коллективности, чем отношения общенародной коллективности. Это выражается и в ограниченности материальных и трудовых ресурсов колхозного воспроизводства каждого данного кооператива его собственными ресурсами, и ведением его за счет данного кооператива, и, стало быть, ограничением фондов потребления и накопления результатами его собственного процесса производства и т. д.

Вместе с тем уровень развития производительных сил и степень колхозно-кооперативного обобществления труда еще таковы, что экономически необходимо сочетание с кооперативным производством существенно значимого личного подсобного хозяйства, основанного на личной собственности колхозников на средства производства (при помощи которых ведется это хозяйство)

и его воспроизводственных связях с общественным хозяйством.

Колхозно-кооперативные отношения, образуя основу решающей части сельскохозяйственного производства в СССР и являясь сферой приложения труда более одной трети трудоспособных работников нашего народного хозяйства, играют крупнейшую экономическую роль во всем общественном процессе воспроизводства, накладывая печать на все экономические отношения и процессы.

Таким образом, классовый характер основного производственного отношения социализма, как и всего строя отношений, имеет еще чрезвычайно существенное значение. В ходе строительства коммунизма предстоит переход целой области социалистических производственных отношений, их совокупности в колхозно-кооперативном секторе в отношения последовательно социалистического типа. Ему принадлежит то фундаментальное значение, что, означая переход на базу последовательно социалистических производственных отношений труда всех участников материального производства, он тем самым означает ликвидацию самого существенного в условиях социализма фактического неравенства — рабочего класса и крестьянства. Это явится крупнейшим качественным изменением в развитии основного производственного отношения социализма, разрешением одного из глубинных неантагонистических противоречий экономики социализма.

Итак, реальный процесс развития отношений производства при социализме, обусловленный сущностью всенародной собственности на средства производства, состоит в их превращении из классовых в бесклассовые производственные отношения, в ликвидации такого социально-экономического неравенства (из совокупности неравенств, свойственных социализму), которое выражается в наличии различных классов.

Именно этот реальный процесс развития и стараются превратно истолковать антимарксистские критики социализма. В этих целях извращается социально-экономическое содержание социалистической собственности на средства производства в качестве отношений производства, ее места в экономической структуре социализма, а тем самым и ее связь с классовыми отношениями и противоречиями социалистических экономических отношений.

Распространение получила прежде всего концепция отрицания всенародного общественного характера собственности на средства

производства в качестве высшей формы развития социалистической собственности и фундаментального, основного отношения социалистического строя отношений производства.

Всенародному обобществлению собственности, ее централизованному в общегосударственных рамках объединению и функционированию противопоставляется так называемая непосредственно общественная собственность, под которой понимается обособление отдельных частей общественной собственности в рамках коллективов работников предприятий; они и рассматриваются в качестве «непосредственных собственников». При этом всенародной собственности противопоставляется ее менее развитая кооперативная собственность как форма, обусловливающая непосредственно общественный характер производства и труда. В действительности же кооперативная форма собственности выступает в качестве социалистической общественной собственности лишь при сочетании ее со всенародной и при господствующей роли последней. Когда же ее нет, кооперативная собственность представляет собой лишь коллективную форму частной собственности.

Ревизионистские теории коренной устой социализма усматривают не в непосредственно общественных отношениях коллективности по поводу средств производства, не в общенародном, общегосударственном их обобществлении, а в раздроблении собственности между обособленными коллективами, порождающем антагонистическое противоречие их особых интересов. Это извращение сущности общественной собственности непосредственно смыкается с ее буржуазными трактовками, сводящимися к тому, что обобществление средств производства в масштабе общества не имеет якобы решающего значения.

Все дело оказывается в «контроле» над средствами производства [1]. Если этот контроль принадлежит государству, то аппарат, его осуществляющий... превращается в особый класс («класс бюрокра-

---

[1] При помощи концепции «контроля» над собственностью некоторые буржуазные экономисты пытаются решить двуединую задачу: замаскировать реальный характер капиталистической собственности на средства производства, сведя его лишь к юридическому «контролю», и извратить сущность общественной собственности, которая будто бы находится под «контролем» особого класса. Специалисты по контролю при коммунизме, по утверждению американского экономиста Гудмена, юридически будут такими же собственниками средств производства и обмена, как предприниматели при капиталистическом образе жизни. Столь же эффективно и рабочие при коммунизме будут экономическими собственниками средств производства, как при капитализме. Таким образом, различия между капитализмом и коммунизмом — это в основном различия не качества, а степени (См. *G. Goodman.* The Poverty of Nations. Michigan, 1960, p. 34—36). Как видим, стоило назвать капиталистов-монополистов «специалистами по контролю» и лишь юридически собственниками, как рабочие, из которых эти «контролеры» выколачивают прибавочную стоимость, превращаются в «экономических собственников» средств производства. Правда, реализация этой собственности, так сказать, негативная: она состоит в безвозмездной передаче производимого прибавочного продукта «контролерам». Весь этот туман

тов»). Например, Шумпетер трактует основу социализма не как определенное отношение собственности на средства производства, а как систему институтов общегосударственного контроля над средствами производства и процессом производства [1].

Отбросив решающее отношение всенародной собственности на средства производства как реальное господствующее производственное отношение, подменив его «контролем», он на этой мнимой конструкции господства институтов надстройки над базисом, пококетничав с социализмом, возвел злейшую буржуазную клевету на него, породнив с... фашизмом [2].

По мере того как выявляются крупнейшие преимущества социализма перед капитализмом, буржуазные концепции все более направляются на развенчание всенародной собственности как основы социализма, как его главного, основного производственного отношения. Критики социализма все более настойчиво пытаются перенести центр тяжести своих трактовок социализма из области собственно отношений производства в область потребления, уровня жизни, «благоденствия», подменяя реальную сущность экономического строя социализма этическими оценками мнимой свободы личности, противопоставляемой ими экономическому ее положению, и т. д.

Следует отметить, что отказ от рассмотрения собственности как основы социализма характерен для большинства «концепций социализма», развиваемых буржуазными и правосоциалистическими экономистами [3]. Более того, он стал программным для многих правосо-

---

мнимых понятий понадобился, чтобы придать видимость действительности изобретенной Гудменом некоей единой «экономической вселенной», в которой коммунизм и капитализм являются лишь двумя ее различными вариантами (там же, стр. 61—62).

[1] *J. Schumpeter.* Capitalism, Socialism and Democracy. N. Y., and London, 1942, p. 167.

[2] В своей книге «Капитализм, социализм и демократия» он не побрезговал чудовищной клеветой на социализм. «Мало имеется оснований думать, — писал он, — что этот социализм будет означать наступление той цивилизации, о которой мечтают ортодоксальные социалисты. Гораздо более вероятно, что он обнаружит фашистские черты. Это был бы странный ответ на молитву Маркса. Но история иногда выкидывает сомнительные шутки» (*J. Schumpeter.* Capitalism, Socialism and Democracy, p. 375). Так, Шумпетер, кокетничавший просоциалистическими симпатиями, кончил в той же компании злобных буржуазных клеветников на социализм, как и открытый пасквилянт и твердолобый защитник самого реакционного капитализма Хаек, печально известный своей трактовкой общественной собственности и социализма как дороги к рабству (*F. A. Hayek.* The Road to Serfdom. Chicago, 1944).

[3] «Очевидно, что вопрос о государственной собственности отходит на задний план. Большинство социалистов допускают, что частная собственность на капитал сама по себе не может быть причиной эксплуатации...» — писал буржуазный экономист Букингем (*W. Buckingham.* Theoretical Economic Systems. A Comparative Analysis. N. Y., 1958, p. 484). «Обобществление средств производства перестает быть теоретическим требованием и становится просто вопросом экономической целесообразности», — утверждал другой буржуазный

циалистических партий (французской социалистической партии, социалистов Австрии, ФРГ и т. д.). Обычно этот тезис аргументируется тем, что социальный, государственный контроль общества низводит якобы роль собственности до несущественного фактора социально-экономических отношений, что сам контроль является явлением политики. Таким образом, реальные отношения становятся с ног на голову. Политические, государственные отношения выдаются за самостоятельные и решающие, а отношения производства, и среди них прежде всего собственность, — за отношения производные, подчиненные.

Эта концепция набрасывает тень на реальную основу реального социализма в СССР и других странах социалистического содружества и способствует маскировке реальной сущности государственно-монополистической и монополистической собственности, насаждает иллюзии возможности ее «социалистического» регулирования [1].

Выдвигая вместо действительного основания классового деления — монополизации собственности на средства производства отдельным общественным слоем в сочетании с общественным разделением труда и закреплением функций непосредственных производителей за слоями, лишенными собственности на средства производства, факт общественного разделения труда сам по себе, буржуазная, а вместе с нею и ревизионистская критика тщится изобразить социалистическое разделение труда как процесс, связанный с наличием эксплуататорских классов. «...Социалистическое общество, — утверждал буржуазный экономист Т. Хофф, — также будет иметь свой высший класс. Во всяком современном индустриальном обществе неизбежно будут высшие и подчиненные, что само по себе должно привести к классовому делению» [2]. По его мнению, класс, его

экономист, Марчевский («Revue d'Economie Politique», 1958, N 2, p. 484). «Не ясно ли, что собственность на средства производства перестала быть ключевым фактором, определяющим характер общества, — заявлял видный теоретик лейборизма Кросленд (*C. Crosland.* The Future of Socialism. London, 1956, p. 74).

[1] В этой же связи буржуазные экономисты всячески клевещут на всенародную собственность, изображая ее как инструмент сковывания инициативы, свободы личности, как некий Левиафан, подавляющий человека. «Путем общей социализации средств производства, — утверждал немецкий экономист Э. Карелл, — злоупотребление социальной мощью не устраняется, но все лишаются своей экономической свободы» (*Erich Carell.* Allgemeine Volkswirtschaftslehre. Heidelberg, 1956, S. 23).

[2] *T. Hoff.* Economic Calculation in the Socialist Society. London, 1949, p. 217.

Но все это лишь воспроизводит старые взгляды социальной школы. Например, Штольцман утверждал, что антагонизм организаторского и исполнительского труда — вечное явление; обязательно оно будто бы и для социализма (см. *И. Г. Блюмин.* Очерки современной буржуазной теоретической экономии. К характеристике социального направления, стр. 183).

Следует отметить, что идеи увековечивания этих антагонистических форм разделения труда развивались разными направлениями вульгарной буржуазной экономии. Например, Фр. Лист сочинял им

образование связаны не с частной собственностью, а с властью. «Власть лидеров в социалистическом обществе, — продолжает он, — намного больше, чем власть любого индивидуума в условиях капитализма, поскольку они имеют в своем распоряжении все средства производства общества» [1].

Таким образом, собственность на средства производства — основное производственное отношение — буржуазные критики социализма объявляют несущественным моментом для характера экономических отношений и классовой структуры. Для них все дело в якобы изначальной, решающей роли власти — функции управления — в процессе производства как основы классового господства. Тот же круг идей «нового класса», господствующего класса, «государственного капитализма» и т. д. развивают правые социалисты, ревизионисты.

Все эти взгляды в сущности зиждятся на том идеалистическом, волюнтаристском исходном положении, что характер и систему производственных отношений определяют не решающие материальные отношения между людьми по поводу средств производства, т. е.

доподлинные панегирики. «Высшее *разделение труда* в стране составляет, — писал он, — разделение труда *умственного* и труда *физического*. Они находятся в тесном взаимодействии. Чем более умственное производство содействует развитию нравственности, религиозного чувства, просвещению, увеличению знаний, расширению свободы и политическому совершенствованию, развитию личной и имущественной безопасности граждан и внешнему могуществу нации, тем обширнее будет и материальное производство; чем более материальное производство производит богатства, тем более *успехов достигает умственное производство*» (*Фр. Лист.* Национальная система политической экономии. СПб., 1891, стр. 209).

[1] *T. Hoff.* Economic Calculation in the Socialist Society, p. 218.

Буржуазный экономист Г. Маркус утверждал: «Национализация, уничтожение частной собственности на средства производства, сама по себе не составляет существенного различия (по сравнению с капитализмом. — *Я. К.*), поскольку производство централизовано и контролируется сверху помимо (через голову) населения... Она является скорее изменением в способе господства, приданием господству более обтекаемой формы, нежели предпосылкой для его уничтожения». Господство же осуществляет «бюрократия, образующая особый класс» (*H. Marcuse.* Soviet Marxism a Critical Analysis. London, 1958, p. 81—82, 116).

Японский буржуазный экономист Нанивада развивает тезис о том, что в социалистическом государстве «отношение к управлению, несомненно, является самым решающим признаком классового деления. Человек, управляющий средствами производства и, следовательно, производством, и человек, не управляющий средствами производства и, следовательно, управляемый в процессе производства, принадлежат к различным классам» (*H. Nanivada.* Staat und Wirtschaft. Tokio, 1957, S. 71). «Результатом государственной собственности является просто создание новой классовой структуры», — отмечал английский буржуазный экономист Г. Смит, отрицая на этом основании социалистический характер собственности на средства производства в СССР (*H. Smith.* The Economics of Socialism. Reconsidered. — «The Economic Journal», 1955, Sept. v. LXV, p. 412).

собственность на них, а функции контроля и управления в производстве, причем вместо реальной, материальной основы общественно-производственных отношений выпячивается мнимая основа — власть, насилие сами по себе, т. е. надстроечные отношения [1]. И не случайно поэтому, что многие из авторов этих теорий на вооружение берут рассмотренную выше функциональную концепцию классов [2].

---

[1] Идеалистический характер всех этих «классовых конструкций» на внематериальной основе иллюстрирует и психологическая конструкция «элиты» как неизбежно общего социального явления развитого общества: «Именно эта монополия на способность к управлению и чувство руководящей роли придают им характер элиты» (*Max. Lerner.* Big Technology and Neutral Technicians. — «Perspectives», 1956, N 14, p. 126).

[2] В поисках аргументов в пользу нового классообразования в условиях социализма многие теоретики ревизионизма поднимают на щит «функциональную» «распределительную» концепцию классов, в свое время развивавшуюся как Каутским, так и представителями социальной школы. Ср., например, определение класса Каутским: «Не только общность источников дохода, но также и вытекающая отсюда общность интересов и общность *противоречия* интересов по отношению к другим классам, из которых каждый стремится уменьшить источники дохода других классов, чтобы расширить свои» (*К. Каутский.* Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 8) и определение класса, приписываемое Туган-Барановским марксизму: «...мы можем определить социальный класс, как общественную группу, члены которой находятся в одинаковом экономическом положении по отношению к общественному процессу присвоения одними общественными группами прибавочного труда других групп...» (*М. И. Туган-Барановский.* Теоретические основы марксизма, 1918, стр. 24).

Именно на основе волюнтаристско-идеалистической функциональной концепции классообразования и смыкающейся с ней вульгарно-распределительной концепцией легко установить наличие новых классов при социализме и отрицать классы в современном обществе, заменяя классы разного рода многочисленными слоями — стратами («стратократия», «технократия», «графократия», «бюрократия» и т. п.), отличающимися по различиям в социально-производственных функциях и в доходах. Так, руководствуясь такого рода теориями, правый социалист Зейдель, например, объявлял: «Общество XVIII в. было еще сословным, XIX в. — классовым, а в западных промышленных государствах оно является групповым» (*Bruno Seidel.* Industrialismus und Kapitalismus. Meisenheim-Glan, 1955, S. 467).

Тот же функциональный взгляд на социальные отношения развивает и лейборист Кросленд, утверждающий, что даже в промышленности в силу сложности производства и роста числа специалистов рабочая сила не представляет собой «ясно очерченного пролетарского класса» (*C. Crosland.* The Future of Socializm. London, 1956, p. 172).

3

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН ДВИЖЕНИЯ (ОСНОВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН) СОЦИАЛИЗМА

Экономический закон движения социализма, или, что то же самое, его основной экономической закон, выражает сущность всенародной социалистической собственности на средства производства, которая в качестве основного производственного отношения социализма определяет специфически исторический характер и направление развития системы социалистических отношений производства в целом. Именно поэтому закон, выражающий внутреннюю, сущностную связь, которой является это отношение само по себе, а тем самым и связь, пролегающую между основным отношением и системой всех других отношений производства, и представляет собой закон, выражающий самую глубокую и всеобщую, а потому и определяющую связь в общей совокупности связей, образующих сущность данного экономического строя.

В чем же конкретно заключается этот закон как выражение сущностной связи, образуемой основным отношением производства?

Основное производственное отношение социализма, как мы видели, есть непосредственно общественное отношение коллективности производителей по поводу средств производства. В этом и заключается конкретная форма выражения сущностной связи, образуемой основным отношением социалистического производства. Связь, соединяющая это отношение со всей остальной системой отношений производства в целом, выражается в общем характере последних. Конкретно это и есть *характер производства и присвоения общественного продукта*, определяемый самой сущностью отношений социалистической собственности на средства производства.

При капитализме специфической категорией, выражающей особый характер производства и присвоения, является не сам этот продукт. Такую категорию образует именно тот элемент общественного продукта, который служит вещественным носителем специфически ка-

питалистического отношения в производстве и присвоении, — прибавочный продукт и его стоимость — прибавочная стоимость. Действительно, часть общественного продукта, возмещающая затраченные средства производства, в силу частнокапиталистической собственности на средства производства представляет собой лишь форму движения последних. Она та же частнокапиталистическая собственность, но лишь изменившая свою функциональную форму: была частью авансированного капитала, теперь стала частью продукта. В процессах производства и присвоения по ее поводу не возникает никаких новых отношений, которых бы не было ранее. Другая часть общественного продукта — необходимый продукт — представляет собой ту часть капиталистически произведенного общественного продукта, которая идет в эквивалентный обмен на специфический товар — рабочую силу. И поэтому здесь также не возникает какого-либо нового отношения, уже не заключавшегося в самих предпосылках капиталистического производства. Напротив, прибавочный продукт — особая часть капиталистически произведенного общественного продукта — *безвозмездно присваивается* капиталистами. Поэтому именно он носитель особого, предопределяемого капиталистической собственностью на средства производства, капиталом, но фактически возникающего и реализующего в процессах капиталистического производства и присвоения отношения — отношения производства и присвоения прибавочной стоимости, конкретно выражающего характер, строй, социальную сущность капиталистического способа производства.

Принципиально иначе при социализме, где собственность на средства производства в качестве основного экономического отношения носит всенародный характер. Здесь по поводу *всех трех элементов совокупного общественного продукта* — возмещения, необходимого и прибавочного продукта — складываются *одни и те же* по своему общему характеру, специфически исторической сущности отношения — отношения непосредственно общественного их производства и присвоения. Поэтому именно общественный продукт, а не какая-либо отдельная его часть и является конкретным вещественным носителем специфически социалистических отношений производства

и присвоения. Или, другими словами, социалистический характер производства и присвоения именно *общественного продукта* является выражением социалистических производственных отношений во всех фазах их движения.

Таким образом, экономический закон движения социализма (или основной экономический его закон) является законом основного производственного отношения социализма, выражающим содержание, сущность общенародной собственности на средства производства, или, конкретнее, закон, выражающий: *а)* сущностную связь, которая образует содержание основного производственного отношения социализма, как такового; *б)* тем самым объективную форму связи основного производственного отношения с определяемыми им всеми другими экономическими отношениями социализма, которая и состоит в социалистическом характере отношений производства и присвоения общественного продукта; *в)* направление развития как самого основного отношения, так и определяемого им характера других отношений; *г)* источники, внутренние импульсы развития, или, что то же, внутренние противоречия, свойственные основному производственному отношению социализма и тем самым его связям с другими экономическими отношениями.

Следует отметить, что против концепции содержания основного экономического закона социализма как закона основного отношения производства К. В. Островитянов в качестве методологического возражения выдвигает мотив следующего характера. «...Социалистическая собственность определяет не только один основной закон, а все законы социалистического способа производства и приводит к видоизменению природы и роли законов, общих для разных способов производства... Но помимо этой общей основы для всех законов каждый закон выражает специфические черты социалистических производственных отношений. В основном экономическом законе социализма и должны быть выражены не общие, а присущие ему специфические черты производственных отношений» [1].

---

[1] *К. В. Островитянов.* Основной экономический закон социализма. — «Вопросы экономики», 1963, № 1, стр. 106.

По этому взгляду, все законы экономики якобы выражают одну и ту же общую основу, т. е. одни и те же производственные отношения, которые, следовательно, отождествляются с отношениями собственности. Различаются же эти законы лишь потому, что они наряду с этим, в дополнение к этому выражают именно особые черты отношений производства. Все это реально, с одной стороны, означает отождествление отношений собственности на средства производства со всей совокупностью отношений производства, а с другой — противоположное утверждение о том, что наряду с собственностью имеются и другие отношения производства. Выдвинув эти взаимоисключающие положения, К. В. Островитянов также считает, что законы должны выражать и их общую основу (собственность), но в то же время отрицает это применительно к основному закону, считая, что последний должен выражать лишь некие «присущие ему (!) специфические черты производственных отношений».

Таким образом, реально возражения против определения экономического закона движения (или основного экономического закона) как закона, выражающего сущность социалистической всенародной собственности на средства производства как основного отношения производства, покоятся на его смешении с другими отношениями, которые, однако, как мы видели, складываются и развиваются в непосредственной связи с основным отношением, в определяющей зависимости от него, но вовсе не совпадают с ним и являются специфическими, самостоятельными формами отношений производства. Поэтому и неправильно полагать, что все экономические законы непосредственно выражают отношения социалистической собственности.

В действительности все они выражают свои особые формы отношений производства, так же как основной закон выражает отношения собственности на средства производства в качестве основного отношения. Разумеется, *характер* всех законов, поскольку они выражают производственные отношения, складывающиеся на базе основного отношения и в его границах, определяется в конечном счете собственностью как основным отношением. Однако лишь в *конечном счете;* прямо же и непосредственно лишь один закон есть закон сущности отношений собственности на средства производства — это

экономический закон движения, или основной экономический закон [1].

Исходя из сущности и формы основного производственного отношения социализма, мы считали бы возможным определить основной экономический закон социализма как *закон необходимости осуществления и господства на основе всенародной общественной собственности на средства производства непосредственно общественного производства и присвоения совокупного продукта общества (при социально-экономических различиях между участниками этих процессов)*.

Этот закон выражает прежде всего тот факт, что социалистические производственные отношения суть отношения общественной, всенародной собственности по поводу средств производства (или, что то же самое, непосредственно общественные отношения коллективности по поводу средств производства). Далее, он выражает тот объективно необходимый факт, что раз основное производственное отношение представляет собой отношение всенародной собственности на средства производства, то и отношения, складывающиеся в непосредственном процессе производства и всех других фазах воспроизводства, есть реализация этих отношений, ибо собственность, как отмечал Маркс, поскольку она есть только известное отношение к условиям производства, «осуществляется

---

[1] Именно из того, что основной экономический закон и другие законы выражают особое производственное отношение, особую форму последнего, и следует, что законы не могут вытекать друг из друга или действовать один через другого. Между тем этих взглядов придерживаются некоторые экономисты. Так, Л. Гатовский утверждал: «Именно основной экономический закон (потому он и основной) как закон движения является определяющим началом для всех других законов социализма» (*Л. М. Гатовский.* О научной схеме курса политической экономии социализма. — «Вопросы экономики», 1962, № 6, стр. 139). Применительно к капитализму примерно ту же мысль выразил другой автор. «Конечно, — писал он, — Маркс говорит о «законах», и это совершенно верно, поскольку единый закон, выражающий специфичность и внутреннюю цель капитализма, проявляется во многих частных законах...» (*З. Г. Иоффе.* Учение о законе в «Капитале». — «Проблемы марксизма», 1930, № 2, стр. 94).

Конечно, действие основного закона образует те общие рамки, границы, в которых протекают действия других законов; но он, разумеется, не может являться ни исходным элементом, ни источником, ни главной частью или вообще частью (т. е. «определяющим началом») какого-либо закона. Экономический закон потому и закон, что выражает особую сущность особого отношения производства.

только через само производство»[1]. Это значит, *во-первых,* что производство ведется самим обществом как непосредственно общественное, объединенное всенародной собственностью, организованное в масштабе общества производство (в отличие от частнокапиталистического, стихийного производства). *Во-вторых,* отношения, складывающиеся в непосредственном производстве, в каждом его звене, представляют собой отношения по поводу производства материальных благ, которое ведется за счет всего общества (а не за счет каких-либо обособленных коллективов, членов общества, их объединений и т. д.)[2]. *В-третьих,* это отношения, которые при равенстве членов общества в отношениях по поводу средств производства предполагают еще фактическое неравенство по положению в производстве, т. е. социально-экономические различия между отдельными группами трудящихся в использовании средств производства в непосредственном процессе производства. *В-четвертых,* это отношения, в силу того что они обусловливают ведение производства общенародными средствами производства и за общественный счет, представляющие собой отношения непосредственно общественного присвоения произведенного совокупного продукта, присвоения его обществом в его собственных интересах. Это значит, в частности, что производимый и присваиваемый в составе общественного продукта прибавочный продукт используется лишь в интересах самих трудящихся. Вместе с тем общественное присвоение еще необходимо включает в себя социально-экономические различия в распределении индивидуально потребляемой части продукта, связанные с ее распределением по труду[3].

---

[1] *К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 27.

[2] Эта коренная особенность социалистической системы производства сформулирована Лениным как социалистическая организация производства продуктов за счет всего общества (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 204).

[3] И. И. Кузьминов возражает против нашего определения основного экономического закона на том основании, что данная формулировка, по его мнению, не содержит ничего, кроме констатации господства общественной собственности. Между тем основной экономический закон капитализма, сформулированный марксистской политической экономией, дает ответ на вопрос о том, каким путем производится продукт, в каких связях и сочетаниях находятся люди

Экономический закон движения, или основной экономический закон, обусловливает ту специфически историческую объективную цель, которой подчинено развитие производства [1].

Основной экономический закон капитализма — закон производства и присвоения прибавочной стоимости — в качестве цели производства определяет прибавочную стоимость, увеличение авансированного капитала, высасывание капиталом прибавочного труда.

Содержание основного экономического закона социализма обусловливает принципиально, коренным образом отличную от цели производства при капитализме объективную цель социалистического производства. Раз производству и присвоению продукта присущ непосредственно общественный характер (т. е. все, что производится трудящимися, присваивается в их собственных интересах), то это значит, что объективная цель социалистического производства — все более полное удовлетворение потребностей народа за счет непосредственно общественно производимого совокупного общественного продукта. Поэтому цель социалистического производства можно определить и как непосредственно общественное произ-

---

в процессе общественного производства (сб. «Развитие экономической теории в свете решений XXII съезда КПСС», стр. 232). Эти возражения могут только вызвать недоумение. И. И. Кузьминов мог бы раскритиковать предложенное нами понимание того, «каким путем» произведен продукт (непосредственно общественное его производство), «в каких соотношениях и сочетаниях» находятся люди (общественная собственность на средства производства, непосредственно общественное присвоение продукта, социально-экономические различия между участниками социалистического производства и присвоения). Это его право. Но он попросту вопреки непреложному факту заявил, что будто бы всего этого нет, а есть лишь одна «констатация господства общественной собственности». Такого рода своеобразный дальтонизм критики, конечно, существенно упрощает ее задачу, но вряд ли содействует выяснению истины. Дальтонизм в науке, пожалуй, ничем не лучше, чем в мире живой природы.

[1] Для понимания категории объективной цели методологически существенно следующее положение: «Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель... весь пролетариат. Дело в том, *что́ такое пролетариат* на *самом деле* и что́ он, сообразно этому своему *бытию,* исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предуказываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 40).

водство и присвоение совокупного общественного продукта, отвечающие нуждам все более полного удовлетворения потребностей народа. Цель эта и выступает как движущий стимул, побудительный мотив развития социалистического производства и реализуется в движении и разрешении противоречий, выражаемых основным экономическим законом социализма.

Коренные моменты сущности основного производственного отношения социализма и объективные формы его связей с другими экономическими отношениями, с экономическими процессами производства и присвоения общественного продукта означают, что основной экономический закон заключает в себе коренное направление развития основного производственного отношения и импульсы, внутренние источники развития.

Именно единство в основном производственном отношении социализма элементов экономического равенства и неравенства, свойственных как непосредственному процессу производства, так и формам присвоения и распределения общественного продукта, и представляет собой специфические противоречия, имманентные основному производственному отношению социализма и его формам связи с другими экономическими отношениями. Эти противоречия и необходимость их разрешения образуют внутренние импульсы, источники развития основного производственного отношения социализма и вместе с тем раскрывают направление этого развития.

Следует отметить, что в литературе получила распространение иная концепция основного экономического закона социализма, методологически исходящая из понимания категории экономического закона движения, или основного закона, как некоего единства «цели» данного исторически определенного производства и «средства» ее осуществления.

Раскрывая природу капитализма, Маркс, разумеется, многократно указывает на погоню за прибылью, прибавочной стоимостью как на специфическое содержание и цель, движущий мотив, стимул капиталистического производства [1]. Более того, он исследовал диалектику связи

[1] «...Производство прибавочной стоимости, или извлечение прибавочного труда, — писал Маркс, — составляет специфическое содержание и цель капиталистического производства....» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 306). «Определяющей целью капитали-

специфически исторической ограниченности цели капиталистического производства и безграничности средства, при помощи которого оно осуществляется. «Средство — безграничное развитие общественных производительных сил, — писал он, — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала»[1]. Маркс показал, как в специфически исторической форме соотношения цели капиталистического производства и способов ее достижения в производстве путем экономии заключается такая тенденция капитала, которая «учит человечество экономно расходовать свои силы и достигать производственной цели с наименьшей затратой средств»[2].

Таким образом, марксистская политическая экономия специально исследовала соотношение материалистически понимаемой цели производства как объективной цели, т. е. объективной необходимости и направления его развития, и объективных средств, которыми эта цель осуществляется (развитие производительных сил). Вместе с тем, однако, Маркс не рассматривал ни закона движения капитализма (основного его экономического закона) — закона производства и присвоения прибавочной стоимости, ни вообще какого-либо закона в качестве единства цели производства и средства ее осуществления. И это имеет глубокие методологические основания.

Дело в том, что всякий экономический закон является выражением определенного отношения производства, формой сущностной экономической связи, которой и является такое отношение. Единство же цели производства и средства ее осуществления отнюдь не представляет собой какого-либо *экономического отношения.*

Сама цель производства в качестве всеобщей (безотносительно к данному общественному способу производства) цели, заключающаяся в удовлетворении потребностей, является не особым экономическим отношением, а лишь формой объективной материальной необходимости, связанной с самим существованием человека, обще-

---

стического производства, — указывал он, — всегда является увеличение авансированной стоимости...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 24, стр. 172).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. 1, стр. 274.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. 2, стр. 608.

ства, — необходимости производства, в процессе осуществления которого и складываются производственные отношения людей.

Цель производства в качестве специфически исторической цели, скажем, при капитализме, когда ею является производство прибавочной стоимости, или при социализме, когда она заключается в удовлетворении потребностей всего общества, в «обеспечении полного благосостояния и свободного развития всех его членов» (Ленин), сама по себе также не представляет некоего самостоятельного отношения. Она лишь объективное направление развития производства, определяемое соответственным специфически историческим характером его отношений.

Не являются экономическим отношением и средства реализации цели производства, всегда представляющие собой не что иное, как ту или иную форму движения производительных сил.

Таким образом, и единство различных сторон общественного производства — объективно обусловленного направления его развития (цель производства) и производительных сил, обусловливающих и реализующих это развитие (средства реализации цели), — не может представить собой особого отношения людей по производству. Экономические же законы, как сущностные формы экономических связей, которыми и являются производственные отношения (а не формы связей производительных сил и производственных отношений, хотя законы экономики, как законы производственных отношений, воздействуют и на движение производительных сил), не могут включать в себя чего-либо иного, кроме элементов сторон сущности именно производственных отношений.

Итак, конструкция экономического закона как единства цели и средства с точки зрения методологии марксистской политической экономии лишена оснований[1].

---

[1] Тем не менее, исходя из того что Маркс говорит о цели производства и средствах ее осуществления, диалектических противоречиях между ними и т. д., некоторые экономисты считают возможным приписать Марксу конструкцию основного закона как единства цели и средства (см. «Вопросы экономики», 1963, № 1, стр. 122). Стоит по достоинству оценить это «открытие», находящееся в непримиримом противоречии с азбукой марксистской методологии.

Более того, как мы видели, в рамках буржуазной политической экономии она представляет собой телеологическую концепцию хозяйства, предполагающую противопоставление внешней цели как некоей самостоятельной, независимой от производства сущности самому производству как некоей другой сущности, подчиненной этой внешней цели [1].

Руководствуясь именно конструкцией «цель — средство» И. В. Сталин и ввел в оборот определение основного экономического закона — обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники [2], которое либо в таком, либо в несколько модифицированном виде широко вошло в работы по политической экономии социализма [3].

---

[1] Выше отмечалось, что телеологическая трактовка хозяйства, внутренних импульсов его движения специально разрабатывалась социальной школой. В данной связи подчеркнем, что именно конструкция «цель — средство» образует ось телеологического понимания хозяйства. «Основными элементами шпанновской формулы хозяйства, — писал И. Блюмин, — являются понятия средства и цели... Хозяйство Шпанн определяет как систему средств для достижения целей» (*И. Г. Блюмин.* Очерки современной буржуазной теоретической экономии. К характеристике социального направления, стр. 266). В этой своей позиции социальная школа в сущности лишь идет вслед за субъективной школой предельной полезности.

Таким образом, трактовка основного закона в качестве единства цели и средства методологически совершенно несостоятельна, она заимствована из арсенала социальной школы и представляет собой субъективистско-телеологическое отступление от марксистской трактовки категории экономического закона.

Характерно, что построение категории основного закона как единства средства и цели ведет лишь к телеологической путанице, к подмене материалистического анализа экономики субъективно телеологическим его анализом. Например, признавая цель производства объективной, вместе с тем утверждают, что она «обязательно опосредствуется сознанием» (*А. Шварцбух.* Сущность основного экономического закона формации. — «Экономические науки», 1959, № 1, стр. 121).

[2] См. *И. В. Сталин.* Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 40.

Несколько модифицированная формула определения основного экономического закона социализма, сохраняющая в сущности то же содержание, дается в учебнике политической экономии под редакцией К. В. Островитянова, Л. М. Гатовского, И. И. Кузьминова и др. «Характерные черты *основного экономического закона социа-*

Рассмотрим его по существу.

В нем как на цель производства указывается на удовлетворение потребностей (максимальное или наиболее полное) всего общества (или всех членов общества). Осуществляется ли такого рода процесс в социалистической экономике? Безусловно.

Во всяком обществе в той или иной форме необходимо удовлетворение потребностей. Но при социализме оно становится удовлетворением потребностей *всего* общества, всех его членов и осуществляется вместе с развитием производительных сил в зависимости от степени этого развития, т. е. в меру экономических возможностей, как все более полное удовлетворение потребностей [1].

Таким образом, все более полное удовлетворение потребностей, максимально возможный при данном уровне развития производительных сил подъем уровня жизни общества, всех его членов — необходимый процесс социалистической экономики. Но однако же, это совокуп-

---

лизма, — говорится в этой работе, — состоят в непрерывном расширении и совершенствовании производства на базе передовой техники в целях наиболее полного удовлетворения постоянно растущих потребностей и всестороннего развития всех членов общества... Основной экономический закон социализма является законом развития социалистического способа производства, так как он определяет цель социалистического производства и средство к осуществлению этой цели» («Политическая экономия». Учебник. М., 1962, стр. 437; см. также «Курс политической экономии», т. II, стр. 143). Здесь цель производства рассматривается как достижение полного благосостояния и т. д., а средство — как рост общественной производительности труда. По-видимому, авторы заменой в формуле «средства» пытались изжить незакономерное привнесение в содержание закона производительных сил. Однако же, несмотря на это, они остались в плену мертвой конструкции «цель — средство».

Формулировка основного экономического закона, в том или ином виде воспроизводящая рассматриваемое определение, содержится и в других курсах и учебных пособиях по политической экономии социализма. Во многих статьях также воспроизводится конструкция основного закона по формуле «цель — средство» (см. «Вопросы экономики», 1963, № 1, стр. 120—121).

[1] Добавление о том, что наряду с удовлетворением потребностей обеспечивается «всестороннее» развитие всех членов общества, вряд ли оправданно, если ограничиваться рассмотрением лишь экономической стороны дела. *Во-первых,* удовлетворение экономических потребностей обеспечивает развитие всех членов общества; *во-вторых,* само это развитие далеко не ограничивается экономической стороной дела.

ный конкретный итог именно всего воспроизводства в целом, совокупность ряда итоговых экономических явлений, необходимо осуществляющихся главным образом в области заключительной фазы воспроизводства — потреблении — на основе совместного действия всех экономических законов социализма, в их числе и основного закона. Поэтому рассмотрение содержания данного процесса само по себе не является ни выражением какого-либо отдельного частного экономического закона, ни основного закона.

Далее, данное определение закона говорит о непрерывном росте (расширении) и совершенствовании производства на базе высшей (передовой) техники. Разумеется, и эти процессы необходимо осуществляются в условиях социализма. Они свойственны расширенному социалистическому воспроизводству интенсивного типа и являются конкретным проявлением, итогом действия ряда законов социалистического хозяйства: технического прогресса, непрерывного роста производства, повышения общественной производительности труда, социалистического накопления, преимущественного роста производства средств производства и т. д. И поэтому указание на осуществление этих процессов отнюдь не выражает содержания или момента сущности какого-либо одного (будь то специального, будь то основного) закона.

Таким образом, данное определение исчерпывается описанием ряда конкретных экономических процессов, протекающих как в сфере народного потребления, так и социалистического производства и выражающих итог совместного действия многих законов социалистической экономики, но тем не менее не раскрывающих их содержания. В совокупности необходимых конкретных экономических процессов — удовлетворения потребностей, роста и совершенствования производства и т. д. — и предстоит раскрыть их движущие силы, законы, ими управляющие. Описание же этих процессов лишь эмпирически их констатирует, но вовсе не раскрывает закона точно так же, как, скажем, констатация эмпирически непреложного факта — подброшенный камень непременно упадет — не является еще раскрытием закона всемирного тяготения.

Более того, мы видели, что каждый экономический закон должен выражать форму той сущностной связи,

которую образует каждое производственное отношение, т. е. его глубинное содержание, сущность.

Заключает ли в себе рассматриваемая формула основного закона указание на содержание основного производственного отношения, на содержание его связей с другими экономическими отношениями? Ни в какой мере. Она лишь ограничивается описанием той конкретной совокупности явлений, в которых необходимо проявляется сущность социалистических производственных отношений, но сущность, смысл этих отношений, в их числе и основного, в ней никак не выявляется.

Таким образом, ни с методологической стороны (как телеологическая конструкция цели и средства), ни со стороны конкретного содержания (как описание конкретных итоговых экономических процессов, протекающих в сферах потребления и производства, которое не схватывает и не раскрывает сущности основного производственного отношения социализма и его связи со всеми другими им определяемыми отношениями производства) данное определение не является определением основного экономического закона [1].

Для иллюстрации содержания развитых выше критических положений допустим, что вместо формулы основного закона капитализма как закона производства и присвоения прибавочной стоимости выдвинута примерно

---

[1] Следует отметить, что неудовлетворительность рассматриваемого определения и со стороны методологической, и со стороны конкретного содержания все более широко отмечается в работах советских экономистов. Например, в статье Н. Ширяева «Концепция цели производства в основном экономическом законе формации» («Экономические науки», 1958, № 3) справедливо отмечается, что в указанном определении «перемешаны явления, относящиеся к разным сферам процесса развития общества. Эта категория — эмпирическая, практическая... Заменяя марксистское учение о производственных отношениях, производительных силах, базисе и надстройке концепцией «цели и средства», мы идем назад от Маркса, Энгельса и Ленина, от материалистического понимания истории к эклектическому ее толкованию» (стр. 67—68). См. также критику определения основного закона А. И. Пашковым в сб. «Вопросы строительства коммунизма в СССР» (М., 1959, стр. 391—394), где он отмечает, что рассматриваемая формула «не отвечает общим методологическим требованиям, предъявляемым к категории основного экономического закона вообще», что она «представляет собой, несомненно, не один, а несколько законов, сумму различных экономических законов социализма» (стр. 392).

следующая формула: обеспечение извлечения прибыли капиталистами на основе расширения производства и его технического совершенствования. Отражает ли она совершающиеся при капитализме конкретные и весьма важные итоговые экономические процессы? Безусловно. Более того, в ней отражается и то, что представляет собой цель капиталистического производства, — извлечение прибыли, и то, что служит материальным средством ее достижения в сфере развития производительных сил, — рост и совершенствование производства. Однако, эмпирически описывая сумму ряда важных конкретных процессов, свойственных экономике капитализма, она вовсе не вскрывает его основного закона, как это делает лапидарная формула «закон производства и присвоения прибавочной стоимости», которая потому представляет собой формулу именно основного закона, что схватывает глубинное, коренное отношение капитализма — отношение эксплуатации наемного труда на основе частнокапиталистической собственности на средства производства, капитала, выражаемое категорией прибавочной стоимости. Она вскрывает ту объективную форму, в которой основное капиталистическое производственное отношение — отношение капитала — необходимо определяет характер всех остальных капиталистических производственных отношений. Это выражается именно тем, что последние являются отношениями производства прибавочной стоимости и ее присвоения [1].

В связи с очевидной неудовлетворительностью рассмотренного определения основного экономического закона социализма, как и многообразных его модификаций, многие сторонники трактовки основного закона как единства цели производства и средства ее осуществления пошли на существенные изменения в содержании определения.

Одна группа экономистов при этом пошла по пути сочетания в нем указания на цель производства и средство ее реализации с содержанием так или иначе трактуемого основного производственного отношения социализма;

---

[1] «Маркс открыл также специальный закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества, — говорил Ф. Энгельс. — С открытием прибавочной стоимости сюда сразу была внесена ясность» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XV, стр. 652).

другая — по пути сочетания указания на цель производства и средство ее осуществления с указанием на ту или иную вещную категорию, рассматриваемую как выражение основного отношения. Появились и определения промежуточного типа.

Наиболее типичное определение содержания основного экономического закона для первой группы дал А. И. Пашков, утверждавший, что «основным экономическим законом социализма мы должны считать *закон товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи людей в производстве благ для наиболее полного удовлетворения растущих потребностей всего общества*» [1]. Известной разновидностью этого определения является и формула М. Ф. Макаровой, в которой в сочетании с указанием содержания основного отношения сохраняется и указание на цель производства и средство ее реализации [2].

Как видим, в этих определениях наряду с указанием на «цель» и «средство» имеется и указание на производственные отношения. И хотя эти изменения идут в методологически правильном направлении, они еще весьма половинчаты. *Во-первых,* соединение в определении закона указания на содержание основного отношения с указанием на цель производства и средство ее реализации придает ему эклектический характер. Наряду с сущностью основного отношения оно включает и кон-

---

[1] «Вопросы строительства коммунизма в СССР», стр. 394.

Ту же позицию А. И. Пашков защищал и в последующих выступлениях (см. «Вопросы экономики», 1962, № 5, стр. 25). Позицию А. И. Пашкова поддерживает И. И. Кузьминов, полагающий, что формула основного экономического закона должна быть такой, чтобы она «во главу угла ставила характеристику социалистического сотрудничества и взаимопомощи работников для общей цели — обеспечения роста благосостояния и всестороннего развития всех членов общества» (*И. И. Кузьминов.* Некоторые вопросы экономической теории в свете задач коммунистического строительства, стр. 57).

[2] «Основной экономический закон социализма, — писала она, — выражает высшую цель социалистического производства — неуклонное удовлетворение растущих потребностей всего общества, неуклонное повышение уровня жизни всего народа на основе непрерывного развития и совершенствования общественного производства, на основе укрепления товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи» (*М. Ф. Макарова.* Объективные экономические законы социализма и практическая деятельность людей. — *Сб.* «Вопросы политической экономии социализма», стр. 96).

кретные процессы, в которых реализуются действия многих законов. Кроме того, наряду с производственными отношениями оно включает и элементы производительных сил. *Во-вторых,* сама характеристика основного отношения производства как товарищеского сотрудничества и т. д. не дает научного раскрытия сущности ни социалистических отношений производства в целом, ни основного отношения производства в их составе.

Нельзя не отметить, что некоторые реконструкции определения основного закона, идущие в направлении, предложенном А. И. Пашковым, вместе с тем и в методологическом, и в конкретном отношении почти полностью сохраняют ту же самую конструкцию основного закона. Наиболее показательно в этом смысле определение К. В. Островитянова [1], в котором рассматриваемое определение содержания основного закона в несколько измененной редакции (определение начинается со средства и заканчивается целью; конкретная редакция понятий цели и средства формально, но не по существу изменена) механически соединяется с указанием на характер социалистических производственных отношений, к тому же неверно определяемых.

Внутренние противоречия этого определения бьют в глаза. Оно включает в себя прежде всего один из процессов социалистического воспроизводства интенсивного типа. Сам автор констатирует, что «непрерывное расширение производства на базе высшей техники — исходный и определяющий момент социалистического воспроизводства» [2]. Но спрашивается, почему хотя бы и определяющий процесс (момент, по терминологии автора) воспроизводства, управляемый рядом законов и протекающий в рамках действия основного закона, образует собой элемент сущности последнего? Ведь это элементарное смешение сущности и явления.

В формулу основного экономического закона К. В. Островитянов включает и указание на движение

---

[1] «Сущность и основные черты этого закона, — писал К. В. Островитянов, — состоят в непрерывном расширении производства на базе передовой техники и социалистического сотрудничества производителей в целях наиболее полного удовлетворения постоянно растущих потребностей и всестороннего развития всех членов общества» («Вопросы экономики», 1963, № 1, стр. 103).

[2] «Вопросы экономики», 1963, № 1, стр. 103.

производительных сил, хотя всякий *экономический* закон выражает лишь отношения производства. В полной мере в его определении сохраняется и единство цели производства и средства ее осуществления, причем автор пытается обосновать это тем, что будто бы в основном экономическом законе должна быть «отражена взаимосвязь между производством и потреблением». Этот закон «раскрывает специфический характер проявления этой взаимосвязи» [1].

По К. В. Островитянову, основной закон не выражение основного отношения производства, которым определяется характер производства и вследствие этого характер связи производства и потребления, а непосредственное выражение последнего. «Основной экономический закон формации, — пишет он, — раскрывает специфический характер проявления этой взаимосвязи (производства и потребления. — *Я. К.*), выражает существо данного способа производства...» [2]

Таким образом, ради спасения конструкции основного закона как единства «цели» и «средства» К. В. Островитянов в противовес исходному положению марксизма о том, что существо данного способа производства заключается в отношениях между людьми по поводу средств производства, что эти отношения определяют и характер производства, а последний в свою очередь — специфическую взаимосвязь производства и потребления, выдвинул «новое» положение, что в специфичном характере взаимосвязи производства и потребления и заключается существо данного способа производства.

Разумеется, характер взаимосвязи потребления и производства чрезвычайно важен. Но сам по себе он не определяет сущности данного строя производства, а является производным от нее, представляет одну из ряда форм ее проявления. И усмотрение сущности экономического строя в характере взаимосвязи потребления и производства означает в общем отход от марксистского рассмотрения сущности экономического строя с точки зрения господствующего отношения производства, соскальзывание на потребительски-сисмондистский подход к пониманию сущности экономических отношений.

---

[1] «Вопросы экономики», 1963, № 1, стр. 100.
[2] Там же.

Вторая группа экономистов вносит изменения в определение основного экономического закона более решительно, связывая его с выяснением вещной категории, в движении которой (в производстве и присвоении) реализуется основное производственное отношение социализма.

Связывая основной закон с основным отношением производства и указывая на вещную категорию, в производстве и присвоении которой данное отношение реализуется, некоторые определяют основной экономический закон социализма как закон производства и присвоения трудящимися прибавочного продукта, или национального дохода, или продукта (в разных определениях по-разному) на основе отношений социалистического сотрудничества [1].

Эта позиция, хотя в ней методологически ценны попытки выявления той специфической экономической категории, формы движения которой были бы носителями связи основного отношения производства со всем характером строя социалистических отношений, тем не менее не делает сколько-нибудь существенного шага вперед именно потому, что не опирается на научно обоснованное понимание сущности основного отношения производства социализма.

Известной разновидностью данной позиции является определение основного закона, предложенное А. И. Ноткиным, полагающим, что основным экономическим законом коммунистического способа производства «является систематическое, планомерное и возможно большее увеличение физического объема чистого продукта общества (национального дохода) как источника удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей всего народа и непрерывного расширения и совершенствования в этих целях общественного производства» [2].

А. И. Ноткин исходит из того, что, введя в определение основного закона категорию чистого продукта, он

---

[1] См. «Экономические науки», 1960, № 3. Проблемы основного экономического закона социализма (обзор статей).

Близкие позиции развивали и ряд авторов в «Вопросах экономики», 1963, № 1. Об основном экономическом законе социализма (обзор статей и писем).

[2] «Вопросы экономики», 1962, № 9, стр. 43.

тем самым охватывает основную категорию, в которой в условиях общественной собственности на средства производства последняя и реализуется через производство в интересах всего народа.

Однако, как мы видели, отнюдь не прибавочный и не чистый продукт, а весь совокупный общественный продукт, выражая характер социалистического производства, реализует общественную собственность в интересах народа. Но дело не только и даже не столько в этом. Рассматриваемое определение вообще не раскрывает основного экономического закона. Оно говорит лишь об увеличении национального дохода как источника расширенного воспроизводства (роста потребления, роста производства). Однако это лишь общий момент всякого расширенного воспроизводства [1]. Таким образом, оно вообще лишено исторической специфичности (правда, автор пытается ее ввести, но путем воскрешения все той же конструкции единства цели и средства, которая, однако, в данном определении и вовсе является эмпирически-описательным привеском к его основному содержанию). С другой стороны, из определения вообще выпадает качественный момент, основное отношение, характер производства и присвоения заменены лишь абстрактным указанием на количественную сторону процесса производства [2].

Итак, критикуемые определения основного экономического закона в сущности базируются на одной и той же концепции: рассмотрение этого закона как конструкции единства цели производства и средства ее реализации, или, что то же самое, выражение связи производства и потребления; отрыв его от реального основного социалистического производственного отношения, выражением сущности которого он в действительности лишь и является, т. е. его отрыв от отношений всенародной социалистической собственности на средства производ-

---

[1] Характерно, что А. И. Ноткин в книге «Темпы и пропорции социалистического воспроизводства», опубликованной в 1961 г., рассматривал этот закон не как основной, а как один из законов расширенного воспроизводства (см. стр. 17—18).

[2] В литературе представлено довольно много иных определений основного экономического закона социализма. Но все они в той или иной степени близки к рассмотренным определениям и не представляют самостоятельного научного интереса.

ства; отрыв этого закона от характера социалистических производственных отношений, в котором выражается связь основного производственного отношения социализма со всей остальной системой и который в действительности выступает в непосредственно общественном производстве и присвоении общественного продукта.

В силу всего этого рассмотренные концепции основного закона не раскрывают реальных импульсов развития, действительных внутренних противоречий, которые их образуют, и, следовательно, не раскрывают закономерного направления развития. Цель производства, как она включается в рассмотренные определения закона, выступает не как закономерно обусловленное объективное специфически историческое направление развития производства, вытекающее из действия экономического закона движения социализма, а лишь как эмпирически констатируемый процесс движения социалистической экономики. Таким образом, основной экономический закон этих определений не представляет и не может представлять закона движения социализма.

Ленин подчеркивал, что «неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит *всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества*»[1]. Это положение имеет общее методологическое значение. Оно означает, что в любом экономическом строе свойственный ему закон движения есть закон превращения данного строя в иной строй, образующий следующее, более высокое звено в цепи исторического прогресса. Экономический закон движения социализма (или основной его экономический закон) и определяет процесс превращения производственных отношений социализма в отношения полного коммунизма.

Под этим углом зрения и рассмотрим содержание и движение выражаемых им противоречий.

Экономический закон движения социализма выражает единство отношений экономического равенства (по присвоению — распоряжению средствами производства) и неравенства (по присвоению — фактическому их использованию). При этом специфически исторический ха-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 73 (курсив наш. — *Я. К.*).

рактер данного единства заключается в том, что ведущая роль в нем принадлежит именно *экономическому равенству*. Основное производственное отношение социализма есть непосредственно общественное отношение коллективности по поводу средств производства. Именно поэтому отношение всеобщего равенства производителей в присвоении — всенародном распоряжении средствами производства и образует решающее, главное в отношениях собственности на них. Из этого вытекает отсутствие антагонистических противоречий в основном производственном отношении социализма. В этом состоит также та решающая черта, которая экономически объединяет основное производственное отношение первой и второй, высшей фазы коммунизма.

Отношение же экономического неравенства в рассматриваемом единстве как одна из сторон его противоречий именно потому, что она образуется существенным, но подчиненным моментом собственности на средства производства — фактическим ее присвоением — использованием, представляет собой подчиненную сторону единства. В силу этого разрешение противоречия, определяющее значение в котором принадлежит равенству, необходимо ведет к постепенному изживанию фактических неравенств, к перерастанию отношений социалистической коллективности в отношения высшей, коммунистической коллективности.

Действительно, поскольку отношения собственности как отношения присвоения — распоряжения средствами производства есть отношения экономического равенства, постольку коренные интересы общества в целом, его отдельных общественных групп, как и каждого отдельного члена общества, совпадают. Они заключаются в развитии непосредственно общественного производства и присвоения его результатов для возможно более полного удовлетворения потребностей общества в целом, каждой его общественной группы, каждого его отдельного члена. Вместе с тем особые, некоренные интересы отдельных общественных слоев и отдельных членов общества, вытекающие из их фактически неравного положения в производстве, из неравного использования общественных средств производства и состоящие в неравном присвоении результатов производства, создавая мощные материальные стимулы развития производства, на-

ходятся не только в неантагонистически противоречивом отношении к главным, коренным интересам, но и в *подчиненном* отношении.

В самом деле, чем больше будут развиваться производительные силы, чем зрелее и глубже будет их общественный характер, чем меньше соответственно будут фактические социально-экономические различия между отдельными группами и общественными слоями трудящихся, тем в большей мере будет экономически выигрывать и все общество в целом, и каждый общественный слой, и каждый отдельный член общества.

Следовательно, противоречия экономического равенства и неравенства, заключенные в отношениях всенародной социалистической собственности на средства производства и в непосредственно общественном производстве и присвоении общественного продукта, представляя собой объективную движущую силу развития социалистической экономики, вместе с тем в процессе своего движения необходимо изживаются. Это властно диктуется самой природой экономических интересов социалистического общества, противоречиями этих интересов, представляя единственно возможную форму их разрешения.

Таким образом, коренное направление развития основного производственного отношения социализма, внутренне заключенное в его сущности, и есть необходимость его развития в отношение всенародной собственности на средства производства, но уже более зрелого ее общественного характера, чем при социализме, т. е. в отношение высшей коллективности, которое предполагает не только равенство производителей по поводу присвоения — распоряжения средствами производства, но и полное равенство по поводу их фактического присвоения — использования, а также и равенство в отношениях присвоения общественного продукта, в том числе и в индивидуальном распределении (распределение по потребностям).

Основной экономический закон, отражая эту внутреннюю необходимость развития основного производственного отношения социализма в направлении его постепенного перерастания в отношение коммунизма, и *представляет собой закон движения социалисти-*

ческого строя производства, необходимого развития последнего в строй экономических отношений полного коммунизма [1].

В конечном счете противоречия, свойственные социалистической собственности и выражающему ее закону движения (основному закону), восходят к специфическим для социализма противоречиям между производительными силами и производственными отношениями. Ведь социалистическая ступень развития производительных сил есть та ступень развития их общественного характера, которая несовместима с отношениями частной собственности и неизбежно требует отношений всенародной общественной собственности.

Иными словами, характер производительных сил социализма обусловливает общественный характер собственности на средства производства, который отвечает характеру производительных сил, соответствует ему. Но это соответствие относительно и противоречиво. Оно восходит к противоречию в самих производительных силах: между общественным их характером и недостаточным для полной его реализации развитием их уровня. Поэтому те же производительные силы социализма, общественный характер которых *уже* обусловливает и общественный характер собственности на средства производ-

---

[1] Следует отметить, что Б. Минц, приняв в основном трактовку основного закона как единства цели производства и средства ее реализации, вынужден был сделать вывод о том, что такой закон не определяет движения от социализма к коммунизму, не является законом движения. В результате он предложил наряду с основным законом выделить и особый закон движения. «Экономический закон движения современного социалистического общества, — писал он, — не тождествен основному экономическому закону... Экономический закон движения социалистического общества показывает связь между развитием производительных сил на основе социалистической собственности на средства производства и постепенным преобразованием социалистических производственных отношений в коммунистические» (*В. Минц.* Ekonomia polityczna socjaljzmu, s. 828).

В действительности закон движения — это именно закон основного отношения, образующего главный, определяющий момент данного строя. Но это и есть основной закон. Отрывая закон движения от основного отношения и основного закона, Б. Минц тем самым заменяет самодвижение, саморазвитие социалистического общества внешним, механическим развитием. Вместе с тем он неправильно усматривает экономический закон движения во взаимосвязи производительных сил и производственных отношений, что означает подмену экономического закона социологическим.

ства (экономически равное присвоение — распоряжение), вместе с тем *еще* обусловливает и различное положение различных групп трудящихся в производстве, их фактическое неравенство в этом производстве (экономически неравное присвоение — использование средств производства).

Но это фактическое неравенство положения трудящихся в производстве, фактическое неравенство в использовании производительных сил, находится в противоречии с общественной их сущностью. Оно и выступает как противоречие между общественным характером производительных сил социализма, с одной стороны, и известным отношением общественной собственности — их экономически неравным присвоением — использованием — с другой.

Итак, отношения социалистической собственности в качестве отношений собственности на средства производства, которыми общество как коллектив распоряжается, соответствуют общественному характеру производительных сил. Однако отношения той же общественной собственности на средства производства, состоящие в отношениях фактически неравного использования ее в непосредственном процессе производства различными группами трудящихся, противоречат общественному характеру производительных сил. Это и выражается как главные, глубинные, ведущие противоречия отношений собственности при социализме. Они, эти противоречия, состоят в том, что отношения собственности, с одной стороны, как отношения непосредственно общественной коллективности по поводу средств производства есть отношения полного равенства производителей (равное присвоение — распоряжение), а с другой стороны, эти же отношения собственности реализуются как отношения фактического ее использования также в качестве отношений коллективности, но вместе с тем как отношения фактического неравенства (неравное присвоение — использование).

Специфика экономических противоречий социализма этим целиком и определяется. Ведущее начало в противоположностях, образующих эти противоречия, состоит в отношении коллективности по поводу средств производства, которое исключает эксплуатацию и обусловливает общность коренных интересов всего общества.

Именно поэтому противоречивость, внутренне свойственная социалистическим экономическим отношениям, не носит антагонистического характера. При наличии классов с их особыми классовыми интересами определяющие интересы этих классов, так как они коренятся в социалистической собственности, едины. Они состоят во всемерном развитии социалистического производства и подъеме материального благосостояния и культуры всего народа, в построении коммунизма. В этом материальная основа неразрывного союза между классами социалистического общества. Следовательно, особенность классовых экономических интересов в социалистическом обществе заключается и в том, что противоречивость интересов здесь имеет место в подчиненном, что ей свойствен неантагонистический характер. То же относится и к характеру всех других экономических противоречий при социализме.

Эти противоречия, если общество планомерно и своевременно создает формы их разрешения, адекватные объективной необходимости, не разлагают порождающих их отношений коллективности, но поднимают их на более высокую ступень их развития, придают им характер отношений высшей коллективности второй фазы коммунистического строя производства.

Объективный характер, имманентность противоречий социалистической экономики не означают, что их движение происходит стихийно. Оно осуществляется в процессе развития социалистической экономики, которому свойствен непосредственно общественный, а потому планомерный (в основном) характер. В силу этого форма разрешения противоречий также (в основном) планомерна.

Если какая-либо данная форма социалистических отношений устаревает, не отвечает потребностям дальнейшего развития производительных сил, это значит, что она вступает в противоречие со всей остальной системой отношений. На известной ступени развития это противоречие разрешается путем планомерной замены устаревшей формы отношений новой, отвечающей потребностям дальнейшего развития производительных сил. Разумеется, процесс этот при его планомерном характере не простой и легкий, осуществляющийся без трудностей, по-

терь, борьбы старого и нового. Напротив, и со стороны объективной, и со стороны субъективной процесс разрешения противоречий — сложный и часто болезненно протекающий процесс. Связано это с тем, что различные объективные и субъективные условия, необходимые для планомерного их разрешения, созревают не одновременно, не равномерно, с разной интенсивностью и т. д.

В развитии социалистической собственности на средства производства — основного производственного отношения социализма — специфический характер движущих неантагонистических противоречий экономики социализма выступает с наибольшей отчетливостью.

Отношения собственности есть общественная форма развития производительных сил. Отсюда следует, что внутренние противоречия, двигающие развитие социалистической собственности, как и вообще всякой собственности на средства производства, возникают между производительными силами и производственными отношениями. В результате развития производительных сил социалистического общества отдельные стороны отношений социалистической собственности на средства производства устаревают, заменяются новыми отношениями, отвечающими требованиям развивающихся производительных сил.

Таким образом, происходит постепенное развитие общественной собственности в высшую, коммунистическую форму собственности на средства производства.

Экономический закон движения социализма, поскольку он выражает сущность его основного производственного отношения, и есть закон, отражающий движение и разрешение противоречий, как этого отношения самого по себе, так и его связи со всеми другими отношениями производства.

Возникает, однако, вопрос: что представляют собой противоречия, выраженные основным законом? Не являются ли они проявлением какого-либо одного основного противоречия, присущего экономике социализма? Нередко на этот вопрос дают категорические ответы. «Можно спорить о том, — писал, например, Ц. Степанян, — что́ является основным противоречием социализма, но в принципе отвергать наличие такого противоречия — значит

ограничивать действие основного закона диалектики применительно к нашему обществу»[1].

Но этот аргумент несостоятелен. Ясно, что из закона о внутренней противоречивости вещей, явлений, процессов объективного мира, в том числе и производственных отношений, нельзя сделать заключения о характере данной противоречивости, выступает ли она в форме некоего основного противоречия или системы противоречий. Чтобы решить его, необходимо обратиться к самому содержанию категории основного противоречия.

Основоположники марксизма выдвинули категорию основного противоречия (между общественным производством и частнокапиталистическим присвоением) в связи с капиталистическим способом производства. В условиях капитализма она является отражением антагонистичности данного способа производства; условием неизбежного развития на этой базе коренного несоответствия производительных сил и производственных отношений; условием неизбежности революционного взрыва капиталистических отношений как исторически преходящей экономической оболочки, революционной замены их социалистическими отношениями.

В любой антагонистической формации мы найдем, разумеется с соответствующими историческими изменениями, все указанные моменты, позволяющие говорить о наличии свойственного этой формации основного противоречия.

Иначе при социализме. Социализм исключает антагонистические противоречия. Процесс его развития характеризуется относительным соответствием общественного характера производственных отношений общественному характеру производительных сил. В условиях социализма не может возникнуть коренное нарушение этого соответствия. Наконец, при социализме не может возникнуть такое противоречие, разрешение которого требует революционного взрыва системы социальных отношений, в недрах которой оно возникло и развилось. Отсюда следует, что при социализме не возни-

---

[1] *Ц. А. Степанян.* Противоречия в развитии социалистического общества и пути их преодоления. — «Вопросы философии», 1955, № 2, стр. 81.

кает некоего всеобщего противоречия, которое бы определяло движение всех остальных; что социализм знает лишь несоответствия — противоречия отдельных экономических форм развивающимся производительным силам.

Таким образом, уже это простое сравнение некоторых характерных черт противоречий, свойственных капитализму и социализму, вскрывает незакономерность конструирования некоего основного противоречия социализма.

При этом насколько лишена жизненного значения такого рода «конструкция», образованная по внешней аналогии с категорией, свойственной антагонистическим способам производства, обнаруживается при рассмотрении попыток осветить конкретную форму «основного противоречия» экономики социализма.

Так, по мнению ряда авторов, социализму в качестве основного противоречия внутренне свойственно противоречие между производством и потребностями; единство этих двух сторон и их противоречие и является основным законом социалистической экономики [1].

Но прежде всего методологически несостоятельно оперирование первым из вышеприведенных положений в качестве положения, отражающего специфику социалистического способа производства. Противоречие между всякий раз достигаемым уровнем развития производительных сил и развивающимися потребностями общества, которые обгоняют возможности их удовлетворения, или противоречие между производством и потребностями, разумеется, существует [2]. Но оно представляет собой

---

[1] «...Основным противоречием при социализме, — писал Ц. Степанян, — является противоречие между безгранично растущими потребностями всего народа и достигнутым в каждое данное время уровнем развития производства материальных и культурных благ» (*Ц. А. Степанян.* Противоречия в развитии социалистического общества и пути их преодоления. — «Вопросы философии», 1955, № 2, стр. 82). Этой же точки зрения придерживается и ряд других авторов — участников дискуссии, организованной журналом «Вопросы философии» в 1955—1959 гг.

[2] Говоря о потребностях общества, мы имеем в виду, что Маркс называет абсолютной потребительной способностью общества ту массу жизненных благ, которую общество при данном уровне развития его производительных сил и уровня культуры могло бы потребить.

общее противоречие процесса общественного воспроизводства безотносительно к исторически определенной форме последнего[1].

Не ясно ли, что уже в силу одного этого данное противоречие не может быть и не является *специфическим* противоречием какого-либо одного способа производства, в том числе и социалистического.

Разумеется, это всеобщее противоречие выступает как двигатель общественного, и прежде всего экономического, развития. Но в этом качестве оно выступает лишь в конечном счете, будучи опосредствованным всей системой экономических отношений каждого данного способа производства. Вопрос и заключается в том, каковы же эти опосредствующие экономические отношения и свойственная им система противоречий, во взаимосвязи с которыми в конечном счете действуют и общие социологические законы производства и воспроизводства, и присущие им общие противоречия.

Необоснованна и попытка из незакономерно сконструированного «основного противоречия» между потребностями и производством вывести и основной экономический закон социализма. Ведь этот закон, как мы видели, выражает связь основного отношения производства в си-

---

[1] Маркс подробно рассмотрел всеобщий характер противоречия производства и потребностей. Он писал: «Без производства нет потребления, однако и без потребления нет производства, так как производство было бы в таком случае бесцельно. Потребление создает производство в двояком отношении:

1) Тем, что только в потреблении продукт становится действительно продуктом...

2) Тем, что потребление создает потребность в *новом* производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, который является его предпосылкой. Потребление создает побуждение к производству, оно создает также и предмет, который воздействует на производство, определяя его цель... Потребление *полагает* предмет производства *идеально,* как внутренний образ, как потребность, как побуждение и как цель. Оно создает предметы производства в их еще субъективной форме. Без потребности нет производства. Но именно потребление воспроизводит потребность» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 717—718). Маркс и Энгельс подчеркивали эту активную роль потребностей в развитии производства еще в «Немецкой идеологии». «Та или иная организация материальной жизни, — писали они, — зависит, конечно, каждый раз от развившихся уже потребностей, а порождение этих потребностей, равно как и их удовлетворение, само есть исторический процесс...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 71).

стеме производственных отношений социализма, а вовсе не некое всеобщее противоречие, свойственное всем формациям. Поэтому-то совершенно невозможно уложить содержание основного экономического закона в прокрустово ложе двух сторон противоречия — потребностей и производства. Оба этих момента совершенно иные по своему содержанию. Они, объективно находясь в неразрывном единстве, отражают особые взаимосвязи социалистического расширенного воспроизводства в целом.

Всякий закон отражает противоречия, свойственные отношениям, им выраженным. Это относится и к основному экономическому закону. Но отсюда вовсе не следует, что, раз есть основной экономический закон, будто бы есть и некое одно основное экономическое противоречие, им отражаемое.

Основной экономический закон социализма есть определенная форма выражения сущностной связи, которую образует основное производственное отношение социализма, а тем самым и связи этого отношения и всех остальных отношений производства, их системы. Но из этого следует, что он есть отражение не одного какого-либо противоречия, а целой группы ведущих, основных неантагонистических противоречий, которые свойственны этим связям и образуют в совокупности специфически исторический источник движения, развития экономики социализма. Такой группой ведущих, основных противоречий, охватываемых основным законом социализма, и являются противоречия между экономическим равенством по отношению к собственности на средства производства (равенство присвоения — распоряжения) и экономическим неравенством по отношению к ней же (неравенство присвоения — фактического использования).

Эти противоречия выступают как противоречия по положению в производстве и присвоению продукта между работниками физического и умственного труда, между различными группами работников физического труда, между работниками индустриального и сельскохозяйственного труда и т. д. [1]

---

[1] В дискуссии об экономических противоречиях при социализме, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы философии» в

Процесс перерастания социалистической собственности на средства производства в собственность коммунистическую есть не что иное, как развитие и перерастание основного производственного отношения социализма в

1955—1959 гг., развитая выше концепция встретила ряд критических замечаний. Некоторые участники дискуссии, защищая тезис об основном противоречии при социализме, в качестве него выдвигали противоречие между производством и потреблением, исходя из того, что оно, представляя собой «самое широкое... отношение» в процессе общественного воспроизводства, специфическим образом осуществляется при социализме (см. *О. Г. Юровицкий.* Основной экономический закон и основное экономическое противоречие социализма. — «Вопросы философии», 1957, № 6, стр. 118—126).

Однако то, что отношение производства и потребления осуществляется при социализме особым образом, не превращает этого отношения из всеобщего в специфическое. Защитники положения об «основном противоречии» при социализме ищут таковое и в других, самых различных явлениях действительности: в противоречии между производительными силами и производственными отношениями (см. *Р. П. Корниевский.* К вопросу о категории основного противоречия при социализме. — «Вопросы философии», 1958, № 2); в противоречии между потребностями перехода к коммунизму и уровнем развития производительных сил (*В. П. Рожин.* Марксистско-ленинская диалектика как философская наука, стр. 58); в противоречиях между формами собственности последнее трактуется как главное противоречие наряду с основным (см. *Ф. Т. Криворучко.* Об основном и главном противоречиях коммунистической формации. — «Вопросы философии», 1957, № 4, стр. 174), и т. д. Этот разнобой в определении так называемого основного противоречия социализма не случаен; он определяется искусственностью самих его поисков.

Следует также отметить и несостоятельность общеметодологического соображения, выдвинутого против нашей концепции об отсутствии экономического «основного противоречия» социализма. Это соображение заключается в том, что отсутствие указанного противоречия означало бы якобы отсутствие направления развития, подрывало бы монистический подход к процессу экономического развития социализма.

Направление развития социализма определяется сущностью отношений производства, ведущую роль в которых играют отношения собственности на средства производства. Однако сущность отношений, в том числе основного отношения производства, не исчерпывается одной связью, которой является само это отношение. Она представляет собой и связь, пролегающую от основного отношения к остальной их системе. Стало быть, это сложная, многообразная связь, и поэтому она неизбежно выражается в совокупности противоречий. Но, как мы видели, ввиду того что в единстве отношений собственности и, стало быть, связей, ими образуемых, наличествует ведущая сторона, отношение, связь, этим и определяется направление развития, т. е. движение и разрешение противоречий, являющихся источником развития.

основное отношение производства полного коммунизма. На каждом из этапов перерастания социализма в коммунизм непосредственно общественное отношение коллективности работников по поводу средств производства характеризуется все более высоким его развитием, последовательным устранением из него существенных форм социально-экономического неравенства, т. е. все большим приближением отношения коллективности к его высшей, коммунистической форме. Все это в свою очередь означает, что для экономического закона движения, или основного закона социализма, изменяются условия действия, а вместе с ними и формы его действия и взаимодействия с соответственно развивающейся системой экономических законов в целом.

Выясним поэтому, обусловливает ли превращение основного производственного отношения социализма в отношение полного коммунизма изменение лишь условий и форм действия экономического закона движения или вступление в силу закона движения полного коммунизма, иными словами, является ли экономический закон движения законом именно социалистической фазы коммунизма или всего коммунистического способа производства в целом, обеих его фаз?

В литературе довольно широкое распространение получил взгляд, согласно которому экономический закон движения социализма является, строго говоря, не законом социализма, а законом коммунистического способа производства в целом, т. е. имеет силу как для первой фазы, так и для второй фазы — полного коммунизма [1]. При этом обычно указывают на единство социализма и коммунизма как двух фаз одной и той же формации, на то, что каждой докоммунистической общественно-экономической формации на всех стадиях ее развития свойствен был один и тот же экономический закон движения, или основной экономический закон.

---

[1] «...Такие действующие у нас экономические законы, как основной, планомерного развития народного хозяйства, неуклонного повышения производительности труда, останутся и при коммунизме, поскольку их сущность отражает общие черты обеих фаз коммунистической формации», — писал, например, Л. М. Гатовский (*Л. М. Гатовский.* Некоторые вопросы развития политической экономии социализма. — «Вопросы экономики», 1959, № 3, стр. 13).

Разумеется, исторический опыт, свидетельствующий о том, что каждому способу производства на разных и существенно между собой различающихся стадиях развития свойствен один и тот же общий основной экономический закон, весьма важен. Но было бы неправильно делать из этого выводы по аналогии прежде всего потому, что докоммунистические формации — формации антагонистические, в то время как коммунизм исключает антагонистические отношения.

Далее, между фазами или стадиями развития каждой докоммунистической формации не может быть того глубинного, качественного различия, которое неизбежно между двумя фазами коммунизма: социализмом как неполным коммунизмом и полным коммунизмом. Капитализм, феодализм, античный строй охватывают ограниченные исторические периоды, относительно краткие отрезки истории развития производительных сил и обусловливаемых ими производственных отношений. То же относится и к первой фазе коммунизма — социализму, но не к его высшей фазе — полному коммунизму, который в своем развитии содержит неисчерпаемое множество фаз развития и производительных сил, и производственных отношений на их общей основе — коммунистической общественной собственности.

Более того, разные стадии каждого докоммунистического способа производства, развивается ли он на чуждой ему основе элементов предшествующего способа производства (ранний феодализм, ранний капитализм, базирующиеся не на собственной основе) или на собственной основе, представляют собой стадии, все экономические отношения которых по их внутренней антагонистической сущности отвечают характеру данного способа производства вообще. При коммунистическом же способе производства его фазы — социализм и полный коммунизм, будучи однотипными, опираясь на общественную собственность и исключая эксплуатацию, классовые антагонизмы, тем не менее различаются тем, что социализм в отличие от полного коммунизма не только развивается не на собственной основе, но эта «несобственная» основа включает в себя элементы, родовые пятна ее происхождения из формации антагонистической. Социализм в силу этого и является периодом, когда складывается собственная основа коммунизма. Когда же этот про-

цесс завершается, общество вступает в полный коммунизм.

Переход от социализма к коммунизму, хотя он и осуществляется в рамках одной формации, *чрезвычайно качественно глубок.* Именно поэтому социализм не просто стадия развития полного коммунизма, а особая его фаза — фаза *неполного* коммунизма. Следовательно, вывод по простой аналогии: если каждой докоммунистической формации на всех ее стадиях свойствен один и тот же экономический закон движения (основной закон), то и коммунистической формации и в фазе социализма, и при полном коммунизме присущ один и тот же экономический закон движения, необоснован.

Анализ содержания основного отношения производства социализма и экономического закона его движения (основного закона) отчетливо показывает, что этот закон специфичен именно для социализма. Полному коммунизму в качестве основного отношения производства свойственна всенародная общественная собственность на средства производства. Однако она будет находиться на другой, качественно несравненно более высокой, чем при социализме, ступени развития. В этом и выражается то, что, как подчеркивал Ленин, «коммунизм... есть более высокий вид общества и может развиваться лишь тогда, когда вполне упрочится социализм»[1].

Переход, перерастание социалистической всенародной собственности на средства производства в собственность коммунистическую — это глубокий процесс качественных изменений, изменений ее сущности, процесс глубинного изменения характера отношений между людьми по поводу средств производства[2].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 33.

[2] Ошибочным является представление о том, что сущность, глубинное общественное качество всенародной собственности, при ее превращении из отношений социалистической собственности в коммунистическую якобы остается одной и той же, что она, эта сущность, не изменяется. Подобный тезис выдвинул Г. Глезерман, утверждавший, что, хотя на пути к коммунизму государственная собственность растет, укрепляется, экономические отношения на ее основе изменяются и совершенствуются, «при всем этом сущность ее как всенародной собственности не меняется» (*Г. Глезерман.* О законах общественного развития, стр. 150—151). Разумеется, общественная всенародная собственность, как таковая, при социализме и коммунизме имеет общие черты. Но из этого отнюдь не вытекает вывод о

Социалистическая всенародная собственность — это непосредственно общественное отношение коллективности по поводу средств производства, при котором все производители, все члены общества как члены коллектива равны в отношении собственности на них (в присвоении — распоряжении), но не равны еще в их фактическом использовании в производстве (в присвоении — использовании) с вытекающими отсюда социально-экономическими различиями между группами трудящихся в производстве и присвоении общественного продукта.

Коммунистическая же всенародная собственность — непосредственно общественное отношение *высшей* коллективности по поводу средств производства, когда все члены общества как члены всенародного коммунистического коллектива равны в присвоении — распоряжении собственностью и равны в ее присвоении — фактическом использовании, т. е. когда уже между членами общества нет социально-экономических различий в производстве и присвоении. В этом и состоит глубокое изменение в сущности всенародной собственности как основного производственного отношения при ее превращении из собственности на средства производства социалистической — неполного коммунизма — в собственность полного коммунизма [1].

том, что сущность ее не изменяется, что глубинный процесс ее перерастания из социалистической всенародной собственности в коммунистическую всенародную собственность связан лишь с формами ее проявления, а не с самой сущностью. Этот тезис не менее необоснован, чем, скажем, утверждение о том, что так как и античная, и феодальная, и капиталистическая формы собственности суть формы именно частной собственности, то развитие и переход одной из них в другую не затрагивает их сущности, что сущность частной капиталистической собственности и, скажем, частной феодальной собственности... одна и та же.

[1] Некоторые авторы, игнорируя эти существенные изменения в самой сущности отношений собственности при ее превращении из социалистической в коммунистическую, усматривают изменение их характера в некоторых производных от собственности экономических процессах, незакономерно трактуя их как процессы конституирующие самое сущность собственности. М. В. Колганов, например, полагает, что «полная собственность» основывается на производстве и обращении товаров. Поскольку же при коммунизме товарное производство отпадает, то отпадает и основа для существования «полной» собственности. Она принимает якобы характер «владения» и «пользования» (см. *М. В. Колганов.* Собственность, стр. 5—7). Однако, *во-первых,* автор этой «товарной концепции» собственности перевер-

Тем самым решается вопрос и об экономическом законе движения социализма, или его основном экономическом законе, который, как закон, выражающий связи основного производственного отношения, т. е. отношения всенародной собственности, специфически свойственные социализму, является *специфическим* экономическим законом движения (основным законом) именно первой фазы коммунизма. Поэтому превращение социализма в коммунизм неизбежно означает возникновение и другого экономического закона движения — закона движения полного коммунизма. Это закон непосредственно общественных отношений высшей коллективности производителей по поводу средств производства — непосредственно общественного присвоения и производства общественного продукта при полном социально-экономическом равенстве всех участников этих процессов.

В этом глубокое отличие сущности закона движения полного коммунизма в сравнении с сущностью закона движения социализма. Оно, в частности, находит свое выражение и в обусловливаемых этими законами целях социалистического и коммунистического производства, и во внутренних противоречиях, которые они выражают.

Цель социалистического производства — все более полное удовлетворение потребностей народа, и движущие противоречия, в процессе разрешения которых она реализуется, есть социалистические противоречия между отношением экономического равенства по отношению к собственности на средства производства (присвоение —

нул на голову реальные отношения: для него не собственность — основа товарных отношений, а, наоборот, товарные отношения — основа собственности; *во-вторых,* исходя из этого, он связывает решающее изменение собственности при превращении социализма в коммунизм с отпадением товарного производства; *в-третьих,* так как для него без товарного производства нет «полной собственности», то коммунизм оказывается строем без основного производственного отношения — без собственности на средства производства. Вместо собственности коммунизм будто бы опирается на «пользование» и «владение», а так как, согласно автору, и то и другое — это не только неполная собственность, но и вообще неразвитые отношения собственности или вовсе (по другим трактовкам того же автора) не собственность, то коммунизм оказывается строем либо с неразвитой собственностью, либо вообще без таковой.

Вот до каких удивительных умозаключений могут довести произвольные логические конструкции собственности и ее развития, оторванные от ее действительной сущности.

распоряжение ими) и отношением фактического неравенства по ее использованию в процессе производства (присвоение — использование средств производства). Цели же коммунистического производства, как и противоречия, выражаемые его законом движения, в процессе разрешения которых она реализуется, свойствен существенно иной характер. Это хорошо выражено в программе КПСС: «Обеспечить непрерывный прогресс общества, предоставить каждому члену общества материальные и культурные блага по его растущим потребностям, индивидуальным запросам и вкусам — такова цель коммунистического производства».

В условиях полного коммунизма уже нет противоречий отношений экономического равенства и неравенства как источника движения. Они уступают место противоречиям между устаревающими вследствие развития производительных сил отдельными формами производственных отношений и всей их совокупностью как отношений высшей, коммунистической коллективности в целом, которые служат постоянной основой непрерывного общественного прогресса. Разрешение этих противоречий и есть форма достижения этого прогресса, постоянного его поддержания, т. е. реализации цели коммунистического производства.

4

основное производственное отношение социализма и необходимость планомерности экономического движения; две формы экономической связи — прямая и косвенная, товарная

Основное производственное отношение социализма необходимо определяет специфически историческую форму протекания всех экономических отношений и, следовательно, действия законов как в основном планомерное. Иными словами, социалистические производственные отношения — это необходимо в основном пла-

номерные экономические связи; экономические законы социализма — необходимо планомерно действующие законы [1].

Необходимость планомерности движения экономических отношений как всеобщей формы экономического движения в условиях непосредственно общественного производства неоднократно подчеркивали основоположники марксизма. Именно в планомерности они усматривали один из существеннейших признаков, в котором выражается непосредственно общественный характер производства. Социалистические отношения производства, писал, в частности, Маркс, открывают возможность «более рациональной комбинации, осуществляемой на основе наличных средств производства непосредственно и планомерно» [2].

Из чего же проистекает то, что непосредственно общественные отношения коллективности производителей по поводу средств производства необходимо обусловливают планомерность движения всех экономических отношений, планомерность как всеобщую форму их движения и действия экономических законов социализма? Иными словами, в силу чего непосредственно общественные отношения коллективности необходимо являются отношениями *«планомерной ассоциации»* производителей?

Необходимость планомерности нередко пытаются усмотреть непосредственно в концентрации и централизации производства современной крупной промышленности, стало быть, в том, что обобществление труда достигает высокого уровня развития, экономические связи

---

[1] Мы говорим не об абсолютной планомерности, а о планомерности в основном, ибо элемент стихийности и в условиях, когда в обществе создаются условия для планомерности движения, неизбежен *и потому,* что экономические отношения и их законы объективны и реализуются вне зависимости от того, познаны они или нет; *и потому,* что познание не может охватить всей действительности.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 623.

Производство, основывающееся на общественной собственности на средства производства и ведущееся за счет общества, т. е. общественное производство, предполагает, писал К. Маркс, что само общество «по плану распределяет свои средства производства и производительные силы в той степени и той мере, как это необходимо для удовлетворения его различных потребностей...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. 2, стр. 587).

между крупными концентрированными, комбинированными и кооперированными предприятиями охватывают все народное хозяйство и т. п. Все это свойственно и капитализму.

Однако капиталистическое производство в целом по его внутренней природе стихийно, анархично, а не планомерно. Планомерность в условиях капитализма охватывает организацию производства на предприятии, внутри монополии, в границах отдельных экономических сфер, становящихся объектом специального планового регулирования монополий и буржуазного государства. Но в целом экономика капитализма неизбежно остается стихийной.

Дело в том, что это тот уровень развития производительных сил, их общественного характера, который, будучи материальной предпосылкой планомерности, в конечном счете ее требует, но сам по себе непосредственно не означает ни ее возможности, ни необходимости. И то и другое заключается во всенародной собственности на средства производства. И *возможность планомерности,* и ее *непосредственная необходимость* заложены в самом непосредственно общественном объединении средств производства и самого производства в руках общества в рамках всего народного хозяйства, т. е. в общенародном присвоении — распоряжении средствами производства, ведении общественного производства как общенародного (за счет всего общества, на началах непосредственно общественного производства и присвоения общественного продукта).

Возможность планомерности — как определение заранее самим обществом, исходя из имеющихся в его распоряжении экономических ресурсов и учета его потребностей и действия экономических законов, процесса воспроизводства — вытекает из самого по себе факта непосредственно общественной коллективности, соединения производителей в масштабе общества в единую общественную ассоциацию для осуществления процесса общественного производства.

Непосредственная же необходимость ее вытекает из того, что в условиях всеобщей общественной ассоциации производителей, когда присвоение — распоряжение средствами производства, производство и присвоение общественного продукта всенародное, не может быть ника-

кой другой основной формы экономического движения, кроме планомерной. Альтернативой ей является стихийная форма движения. Но она внутренне необходимо представляет собой форму движения, адекватную частному присвоению — распоряжению средствами производства (как господствующей форме собственности на средства производства) и частному производству и присвоению общественного продукта [1].

Таким образом, планомерность есть единственно возможная основная форма движения всех экономических отношений, экономического движения, складывающихся на базе и в рамках непосредственно общественных отношений коллективности производителей по поводу средств производства [2].

---

[1] «Распределение... общественного труда и взаимное дополнение его продуктов труда, обмен веществ между продуктами этого труда, его подчинение общественному механизму и включение в этот последний — все это предоставлено случайным, взаимно уничтожающимся, — писал К. Маркс, — стремлениям отдельных капиталистических производителей» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. 2, стр. 452).

Следует отметить, что теория организованного капитализма, так же как и ее воспроизведение современным ревизионизмом, и буржуазные теории смешанной экономики, особенно ее кейнсианские разновидности, пытаются соединить несоединимое — народнохозяйственную планомерность и буржуазные отношения производства. Начало этому положил Гильфердинг, утверждавший, что «организованный капитализм означает действительно принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства. Это планомерное, сознательно ведущееся хозяйство в значительно большей степени имеет возможность подчиняться сознательному воздействию общества» (*Р. Гильфердинг*. Речь на Кильском съезде СДП Германии в 1927 г. Цит. по: *И. Н. Дворкин*. Критика экономических теорий правых социалистов. М., 1959, стр. 56—57). Той же разновидностью теории соединения планомерности с капитализмом является реннеровская теория социализации через планомерное регулирование обращения (см. *Карл Реннер*. Теория капиталистического хозяйства. Марксизм и проблема социализирования. М., 1926, стр. 290 и 319).

[2] То, что и возможность и необходимость планомерности, определяемые отношения общественной собственности на средства производства, обусловлены непосредственно общественным характером производства и присвоения общественного продукта, говорит о том, что, как ни важна всеобщая форма планомерности, в ней совершенно неправильно усматривать первую форму проявления общественной собственности, как это предлагает Н. А. Цаголов. (Некоторые вопросы структуры курса политической экономии социализма, — «Вопросы экономики», 1962, № 6, стр. 85). Исходя из этого настолько гипертро-

То, что планомерность — форма движения социалистических экономических отношений, внутренне им адекватная, проявляется и в том, что только она открывает возможность реализации оптимальности, т. е. достижения наиболее рациональной с точки зрения интересов развития общества комбинации элементов производительных сил в процессе воспроизводства.

Действительно, поскольку производство носит непосредственно общественный характер и его закон движения обусловливает в качестве цели общественного производства все более полное удовлетворение общественных потребностей, постольку оптимальность воспроизводства выступает как объективная необходимость. Только на ее основе и возможна действительная реализация объективной цели производства, отвечающая интересам социалистического общества (более подробно об этом в гл. 8).

Но оптимальность общественного воспроизводства достижима лишь на основе планомерности. Вне планомерности она исключена и может быть лишь случайным эпизодом воспроизводства. Всякий стихийный экономический процесс, всякое регулирование производства post factum [1], т. е. при посредстве потерь и расточения ресур-

---

фируется планомерность, что даже первая задача социалистического обобществления средств производства усматривается в обеспечении планомерности, а не в ликвидации отношений эксплуатации (см. «Курс политической экономии», т. II, стр. 108—109). Нельзя, однако, не отметить, что автор и редактор этих положений непоследователен. В других своих работах он отстаивает иной, совершенно верный взгляд, согласно которому «научный социализм начинается там... где обобществление средств производства является исходной основой социалистического производства» («История экономической мысли», ч. II. М., 1964, стр. 45). Планомерность, трактуемая как первое, исходное проявление общественной собственности, рассматривается сторонниками этого взгляда в качестве особого исторически определенного производственного отношения. В действительности же она представляет собой всеобщую, особую форму движения социалистических производственных отношений, а не особое отношение в их системе, так же как анархия производства — это всеобщая особая историческая форма движения капиталистических отношений производства, а не особое отношение в их системе.

[1] «Вся соль буржуазного общества, — писал К. Маркс, — состоит как раз в том, что в нем a priori не существует никакого сознательного общественного регулирования производства. Разумное и естественно необходимое прокладывает себе путь лишь как слепо действующее среднее» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 461).

сов, неизбежных в ходе стихийно-рыночного приспособления экономики к согласованию элементов производства и общественных потребностей, несовместимы с оптимальностью условий воспроизводства.

Напротив, планомерность, предполагающая сознательное осуществление самим обществом в соответствии с познанными им экономическими законами, с особенностями их проявления в каждой данной конкретно-исторической ситуации регулирования производства именно заранее, a priori, и есть та единственная объективная форма экономического движения, которая открывает возможность для получения оптимальной, т. е. наиболее рациональной, комбинации элементов общественного воспроизводства.

Разумеется, эта возможность не реализуется автоматически. От самого общества, степени познания им законов своего развития, умения их применять, характера тех конкретно-исторических условий, в которых протекает развитие, и т. д., так же как и от сочетания многих внешних условий, зависит та мера, в какой возможный оптимум действительно практически реализуется. Но как бы ни складывались конкретно-исторические обстоятельства, оптимальность социалистического воспроизводства в той или иной мере как тенденция всегда осуществляется.

Как бы высоко развиты ни были производительные силы, общество в каждый данный момент располагает строго определенными ресурсами труда (живого, равно как и прошлого, т. е. овеществленного в средствах производства), которые могут быть использованы для удовлетворения совокупных его потребностей. Поэтому общество вынуждено его экономить и в той или иной форме распределять соответственно своим потребностям. Но и то и другое в досоциалистических формациях осуществляется крайне противоречиво и, поскольку эти процессы реализуются как стихийно-рыночные процессы, достигается лишь ценой громадных непроизводительных потерь и растрат труда.

На основе же объединения производства отношениями всенародной общественной собственности не только открывается возможность, но и складывается необходимость планомерной экономии труда и его наиболее

целесообразного использования именно потому, что действия основного экономического закона социализма неразрывно связаны с оптимальностью использования трудовых и материальных ресурсов общества.

Итак, планомерность есть основная необходимая форма движения экономических отношений социализма, внутренне адекватная их сущности. Она, как таковая, и представляет собой общий экономический закон социализма, действие которого охватывает движение всех свойственных ему общественных производственных отношений. «Экономия времени, равно как и *планомерное распределение рабочего времени* по различным отраслям производства, — писал К. Маркс, — остается первым экономическим законом на основе коллективного производства. Это становится даже в гораздо более высокой степени законом» [1].

Содержание закона планомерности и заключается в самой *объективной необходимости планомерной формы движения экономического процесса,* т. е. планомерности движения экономических отношений и действия выражающих их экономических законов. Это значит, что общество объективно вынуждено заранее (a priori) определять, исходя из имеющихся в его распоряжении вещественных и личных производительных сил, системы действующих экономических законов и исторически конкретных условий (внутренних и внешних) течения процесса воспроизводства, объем и структуру распределяемых по отраслям производства производительных сил, объем и структуру производимого общественного продукта и протекание всех других фаз процесса вос-

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 119 (курсив наш. — *Я. К.*).

В данной формуле Маркс употребил термин «остается» к необходимости экономии времени вообще и необходимости его распределения. И то и другое, конечно, так или иначе совершается в досоциалистических обществах, и в этом смысле эти процессы остаются и при социализме. Но здесь они впервые необходимо получают свойственную лишь социализму специфическую форму *планомерности.* При этом Маркс указал и на связь *экономии* труда с его планомерным распределением по отраслям производства. Лишь при планомерном распределении труда сообразно потребностям общества возможно протекание в качестве оптимальных процессов и распределение труда, и его экономия, и удовлетворение потребностей. Именно поэтому *планомерность движения производственных отношений* и выступает как *первый* экономический закон социализма.

производства — распределения, обмена и потребления [1].

Закон *планомерности* представляет собой объективную необходимость именно *планомерного движения* всех этих элементов и процессов воспроизводства, но не определяет их содержания самих по себе. Между тем закон планомерности часто объединяют или даже отождествляют с законом (всеобщим) пропорциональности общественного производства.

Производство, чтобы оно могло осуществляться, требует распределения труда между его отраслями в известных пропорциях соответственно с развивающимися общественными потребностями, в меру необходимости их удовлетворения. Различные сферы и отрасли производства, все его элементы в процессе воспроизводства необходимо стремятся к известным объективно обусловленным пропорциям между ними. Это и значит, что действует закон пропорциональности, которому свойствен всеобщий характер; он действует в тех или иных формах во всех формациях.

Но разумеется, социалистическое воспроизводство характеризуется специфической пропорциональностью. Социалистической экономике свойственны исторически определенные структуры производительных сил и производственных отношений и, стало быть, совершенно особая система пропорций между элементами производительных сил и отношений производства, особые структуры производства, распределения, обращения и потребления общественного продукта и т. п. Таким образом, экономическим пропорциям присущ специфически

---

[1] Действие закона планомерности, планомерность экономического развития общества, однако же, не исключает ни противоречий экономического развития вообще, ни противоречий между производительными силами и производственными отношениями, в том числе и неантагонистического характера, ибо все экономические противоречия, как мы видели, коренятся в объективном состоянии развития различных сторон экономических отношений и социалистического способа производства в целом. Поэтому планомерность может лишь придать специфическую форму движению и разрешению этих противоречий, но вовсе не ликвидировать их. Между тем именно из планомерности иногда выводят отсутствие противоречий производительных сил и производственных отношений при социализме, придавая всему процессу социалистического развития субъективистско-произвольный характер.

исторический характер; нет никаких всеобщих, внеисторических пропорций.

Однако же закон пропорциональности как выражение экономических отношений предполагает не специфический характер пропорций, а *самое необходимость пропорциональности, как таковой.* Специфический, скажем социалистический, характер пропорций, их особые формы, качественная и количественная определенность и взаимосвязи складываются не в результате действия самого по себе закона пропорциональности, а как результат совокупного действия всей системы законов социалистического производства и воспроизводства при данном уровне развития производительных сил и производственных отношений, при данной конкретно-исторической ситуации и т. д.

Закон же пропорциональности является отражением объективной необходимости распределения материальных и трудовых ресурсов общества и результатов производства — продукта в пропорциях, отвечающих экономическим потребностям общества. В этом смысле Маркс и писал о вечной необходимости распределения труда в известных пропорциях как о законе природы, который не может быть отменен никакой формой общественного производства.

Нередко, однако, ссылаются на то, что анархия, стихийность на базе частной собственности, капиталистического производства прежде всего и в особенности неизбежно предполагают нарушение пропорциональности, осуществление пропорциональности «путем ее неосуществления», т. е. ее достижение через процесс диспропорционального развития и т. д. Иными словами, указывается, что не пропорциональность, а диспропорциональность имманентна капиталистическому производству. Все это верно, но, однако, ни в какой мере не отменяет действия закона пропорциональности и при капитализме, и при любом другом способе производства, базирующемся на анархии производства и стихийном процессе развития.

Дело в том, что все эти формы диспропорциональности есть лишь формы, в которых закон пропорциональности прокладывает себе путь, ибо без известной пропорциональности, хотя бы и систематически нарушаемой, но так или иначе за счет огромных потерь и

расточения производительных сил и лишь в конечном счете достигаемой, невозможно течение процесса воспроизводства [1].

Таким образом, ссылки на то, что пропорциональность реализуется через ее нарушения, через диспропорциональность, как на аргумент в пользу того, что в этом случае не действует закон пропорциональности, означают смешение самого закона с формами его действия. Именно потому и имеет место диспропорциональность, т. е. такие соотношения сфер и элементов производства и воспроизводства, которые отклоняются от пропорциональных, что пропорциональные соотношения объективно необходимы; но эта необходимость и есть закон.

Тем самым разрешается и вопрос о соотношении планомерности и пропорциональности. Планомерность — специфический экономический закон коммунистического способа производства, общий его первой и второй фазам. Пропорциональность — общий закон всех способов производства, и поэтому неправильно их объединение в один закон.

Обосновывая рассматриваемую точку зрения, нередко ссылаются на использованную Лениным формулу о том, что «постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность, действительно, означала бы планомерность...» [2]. Из этого делают вывод о том, что якобы суть содержания закона планомерности в пропорциональности.

Однако из того, что процесс сознательного поддержания пропорциональности является процессом планомерным («означал бы планомерность»), отнюдь не следует ни по законам формальной, ни диалектической логики обратного положения: будто бы планомерность и

---

[1] На это категорически указывал Маркс. «Когда говорят, — писал он, — что происходит... нарушение пропорции между различными отраслями производства, то это означает лишь то, что при капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства воспроизводится из диспропорциональности как постоянный процесс, так как здесь внутренняя связь производства как целого навязывается агентам производства, как слепой закон, а не как закон, достигнутый их коллективным разумом и потому подвластный ему, подчиняющий процесс производства их общему контролю» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. 1, стр. 282).

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 620.

состоит в сознательно поддерживаемой пропорциональности.

Действительно, общество, сознательно, планомерно поддерживая пропорциональность сообразно объективно необходимым условиям, планомерно развивается, планомерно осуществляет свой экономический процесс. Но при этом планомерность состоит отнюдь не в самой пропорциональности общественного воспроизводства, а лишь в той форме, в какой эта пропорциональность достигается, т. е. в том, что она *сознательно, намеренно,* т. е. именно планомерно, поддерживается.

В частности, социалистическое общество может и вынуждено при определенных условиях идти намеренно на временное поддержание известных диспропорций относительно сложившейся структуры производительных сил и текущих потребностей (например, в переходный период на сдерживание ради форсированного развития тяжелой индустрии, развития легкой индустрии, сельского хозяйства, потребления). Но это отнюдь не означает ликвидации планомерности, хотя и не дает непосредственной пропорциональности.

Итак, пропорциональность — всеобщий закон, т. е. закон всякого производства; планомерность же — специфически исторический закон экономического развития, определяющий характер экономического процесса как контролируемого и сознательно направляемого обществом соответственно требованию объективных законов, т. е. специфический закон, необходимо возникающий и действующий на почве общественной всенародной собственности на средства производства.

Экономический закон движения социализма, или основной его экономический закон, неразрывно связан и взаимодействует с законом планомерности. Общественная всенародная собственность, объединяя в общественном масштабе производство и обусловливая действие основного закона, вместе с тем обусловливает возможность и необходимость планомерности движения производственных отношений, развертывающихся на основе и в рамках основного производственного отношения социализма. Вместе с тем она обусловливает через действия основного закона тенденцию к оптимальности использования ресурсов производства, т. е. к оптимальности удовлетворения экономических потребностей общества,

равно как и необходимость планомерности в качестве условия реализации оптимальности.

Таким образом, закон планомерности — закон имманентной, внутренне необходимой формы движения, развития непосредственно общественных отношений производства, развивающий свои действия вместе с их развитием.

На том этапе развития социалистических производственных отношений, когда они еще суть отношения двух секторов — общенародного (государственного) и колхозно-кооперативного, он действует в каждом из них в существенно различных формах. Разумеется, уже на данном этапе закон ввиду господства общенародного сектора производства во всем народном хозяйстве обусловливает общую планомерность процесса воспроизводства в целом; его планомерность как на государственных предприятиях, так и в колхозах; планомерную увязку деятельности тех и других. Однако более полные и совершенные формы планомерности движения свойственны именно общенародному сектору.

Планомерность же движения ряда элементов производства и присвоения в колхозах, поскольку их воспроизводство не опирается на общенароднохозяйственные ресурсы и в основном ограничивается лишь ресурсами каждого отдельного колхоза, также ограниченна. Она подвержена бо́льшим нарушениям, в меньшей мере ограждена от действия стихийных факторов и т. д. Это в свою очередь не может не сказаться в порядке обратной связи по многим направлениям и на государственном секторе хозяйства, внося те или иные нарушения в планомерное течение воспроизводства. Объединение двух секторов производства на базе общенародной собственности в единое общенародное производство поднимет обобществление на более высокую ступень и будет содействовать дальнейшему развитию действия закона планомерности, создав более широкие рамки для более полной его реализации. Тогда же, когда отношения социалистического производства превратятся в отношения производства полного коммунизма, рамки действия закона планомерности еще более расширятся, ибо в равной мере действия этого закона охватят все сферы общественного производства и все его звенья.

Таким образом, закон планомерности действует в изменяющихся условиях и соответственно изменяет свои формы. При этом, однако, он остается неизменным законом планомерного развития и, как таковой, законом, свойственным коммунистическому способу производства в целом — и на его первой, и на его второй фазах развития. Иными словами, это общий закон коммунистического производства, а не специфический закон социалистической стадии развития, ибо он выражает в основном производственном отношении социализма именно ту общую связь, которая свойственна этому отношению и на первой, и на второй фазе коммунистического способа производства, а именно непосредственно общественное отношение коллективности само по себе, безотносительно к особенностям характера или ступени его развития (как отношение между различными социально-экономическими группами при социализме или как отношение высшей коллективности при полном коммунизме).

Вместе с тем постольку и до тех пор, пока закон планомерности представляет собой закон движения социалистических производственных отношений (которые необходимо предполагают товарное производство, о чем ниже), его действия необходимо осуществляются в двух взаимодействующих формах планомерных экономических связей — *в главной, определяющей прямой безэквивалентной форме экономической связи и в дополнительной, косвенной, товарной, т. е. эквивалентной, форме связи.*

Рассмотрим каждую из этих форм и их взаимодействие.

Прямая безэквивалентная форма экономической связи представляет собой ту главную, генеральную форму, в которой осуществляются все социалистические отношения производства во всех фазах их движения; она основная общая форма, в которой реализуются действия экономических законов социализма.

Основное отношение производства социализма предполагает, что общество в лице своих органов (государства) необходимо, непосредственно, прямо, без опосредствования процессами купли-продажи, рыночным механизмом, *во-первых,* распоряжается использованием всех производительных сил: и их вещных элементов — средств производства, и рабочих сил, определяет между-

отраслевое распределение действующих основных фондов (использование соответственно общественным потребностям общенародных фабрик, заводов, шахт, рудников, сельскохозяйственных предприятий, земель, лесов, недр, коммуникаций и т. д.), контингентов рабочих сил и их структуру в каждой отрасли общенародного общественного труда и во всей системе этих отраслей, вместе взятых.

Во-вторых, общество непосредственно, прямо определяет объем и структуру народнохозяйственного производства, устанавливая участие в нем всех звеньев общественного разделения труда (предприятий, отраслей, районов и т. д.).

В-третьих, общество в основном непосредственно, прямо определяет решающие условия расширенного воспроизводства: безэквивалентно аккумулирует главные массы накапливаемого прибавочного продукта, распределяет и перераспределяет его, устанавливает объем капиталовложений и увеличения оборотных фондов и т. д. В значительной мере общество также регулирует и процесс простого воспроизводства (в области возмещения фондов). Путем прямого определения экономических условий расширенного и в значительной мере простого воспроизводства наряду с экстенсивной прямо определяется и его интенсивная сторона (технический прогресс).

В-четвертых, оно прямо определяет соотношение производства и потребления, непосредственно обусловливая условия формирования необходимого продукта и безэквивалентно аккумулируя непроизводственно потребляемую часть прибавочного продукта, ввиду чего, в частности, значительная часть фонда потребления (общественные фонды потребления) поступает в индивидуальное потребление также на началах прямого, безэквивалентного распределения [1].

Ленин, имея в виду базирование производства на общественной собственности при общенациональной его организации, определял труд в рамках такого производства как коммунистический (хотя, разумеется, он имел

---

[1] Все эти процессы протекают в форме прямой народнохозяйственной связи полностью в общенародном секторе производства и с существенными модификациями в колхозно-кооперативном секторе.

в виду при этом лишь первую, социалистическую фазу коммунизма). «Труд объединен в России коммунистически постольку, — писал он, — поскольку, во-первых, отменена частная собственность на средства производства, и поскольку, во-вторых, пролетарская государственная власть организует в общенациональном масштабе крупное производство на государственной земле и в государственных предприятиях, распределяет рабочие силы между разными отраслями хозяйства и предприятиями, распределяет массовые количества принадлежащих государству продуктов потребления между трудящимися»[1].

В этом высказывании методологически чрезвычайно существенна связь, проводимая между коммунистической или, точнее, социалистической организацией труда и, следовательно, социалистическим характером производства и прямой формой экономической связи — и по распоряжению предприятиями и рабочей силой, и по распоряжению общественным продуктом.

Если господствующим основным отношением производства становится социалистическая общественная всенародная собственность на средства производства, а производство и труд в силу этого получают характер непосредственно общественный, то это необходимо и обусловливает господство прямой безэквивалентной формы экономических связей. Разумеется, процессы, конкретно реализующие эту связь, не произвольны. Они являются, если иметь в виду их тип и отвлечься от всегда имеющихся в действительности тех или иных субъективных уклонений от объективно необходимых условий, общественно планомерно осуществляемыми экономически необходимыми процессами, отражающими познаваемые и реализуемые действия и взаимодействия экономических законов социализма[2].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 273.

[2] Маркс писал «о великом споре между слепым господством закона спроса и предложения, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и общественным производством, управляемым общественным предвидением, в чем заключается политическая экономия рабочего класса» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 9).

Представители социальной школы, пытавшиеся ее «объединить» с марксизмом, отстаивали убогую волюнтаристскую идею о том, что планомерность противостоит каузальности. С. И. Солнцев, в частно-

Прямая безэквивалентная экономическая связь при социализме является господствующей, но не единственной; в сочетании с ней как дополнительная выступает *косвенная, товарная, эквивалентная форма экономической связи,* т. е. форма движения экономических отношений, связанная с товарно-стоимостным опосредствованием этого движения. Ее содержание и место определяются тем, что социалистическое производство необходимо представляет собой особый род товарного производства.

Это в свою очередь вытекает из специфически исторических особенностей основного производственного отношения социализма. Социалистическая собственность на средства производства, связанная с фактическими различиями положения производителей в общественном производстве, обусловливает неизбежность социально-экономических различий в непосредственно общественном труде различных групп участников производства. Эти различия в труде, отражая фактически неравные отношения присвоения — использования находящихся в общественной собственности средств производства, в свою очередь обусловливают необходимость материальных стимулов индивидуального и коллективного труда (и труда отдельного работника, и труда каждого производственного коллектива, и социалистического производства в целом). Необходимость же материальных стимулов неизбежно предполагает эквивалентное возмещение в процессе общественного воспроизводства затрат прошлого и живого труда и соответственно эквивалентный обмен результатов труда.

сти, писал: «Если обществу удастся так сорганизовать свою жизнь и отношения, что каждый акт жизни данного общения будет продуктом, наперед предусмотренным, продиктованным так или иначе выраженной общественною волей, если все отношения людей потеряют характер стихийности, необходимости, иррациональности, а напротив, будут совершаться по строго наперед предначертанному самим обществом плану, то социальной обусловленности уже места не будет, и все отношения людей потеряют характер социальности...» (*С. И. Солнцев.* Введение в политическую экономию. Л., 1926, стр. 68). Как видно, С. И. Солнцев иррациональность и стихийность смешал с необходимостью, а их отпадение для него равнозначно отпадению необходимости и, стало быть, социальной обусловленности. Выходит, что основой планомерности остается произвол общества, его чистая воля. Это, разумеется, не научная трактовка планомерности, а идеалистическая карикатура на нее.

Вместе с тем то, что каждый подлежащий эквивалентному обмену продукт является особой комбинацией различных видов социально неоднородного труда, обусловливает наличие противоречия между совокупным трудом общества, т. е. уравненным средним трудом, в котором его социальная неоднородность погашена, с одной стороны, и индивидуальным и коллективным трудом, т. е. особыми разновидностями именно социально неоднородного труда — с другой. Оно выражается в том, что продукты труда как продукты непосредственно общественного труда могут и должны обмениваться друг на друга, а как продукты его исторически особой формы — социально неоднородного труда — нет. Это противоречие и разрешается в форме товара, т. е. в форме производства и обмена продуктов труда как товаров. Таковы те специфические условия, в силу которых товарное производство сохраняется и при социализме, хотя здесь оно и носит характер товарного производства особого рода, обладая новым социально-экономическим содержанием [1].

Но если производство при социализме товарное, ему свойствен специфический закон товарного производства — закон стоимости, «закон определения стоимости рабочим временем» (Маркс), который на основе товарных отношений производства выражает необходимость: *а)* затрачивать в производстве труд общественный, т. е. отвечающий экономическим потребностям общества, и по общественно необходимым нормам, т. е. сообразно средним условиям при каждом данном состоянии обще-

---

[1] Развернутое изложение необходимости товарного производства при социализме см. в работе автора «Деньги в социалистическом обществе. Очерки теории». М., 1960. В экономической литературе наряду с прямым отрицанием наличия в условиях социализма товарного производства и системы товарно-денежных отношений имеет известное хождение и промежуточная концепция, согласно которой товарные отношения хотя и существуют, но не имманентны системе социалистических отношений производства и являются как бы извне привносимыми чуждыми элементами. Поэтому в данной концепции социалистическое производство рассматривается как производство «по его сущности» нетоварное; допускается существование социалистической экономики и без товарных отношений (см. «Курс политической экономии», т. II, стр. 204—205; сб. «Вопросы политической экономии социализма», стр. 42—43). Признание продуктов социалистического производства товарами, стоимостями, признание товарного обмена, денег и т. д. при отрицании товарного характера социа-

ственного производства; *б)* эквивалентно возмещать производству в экономическом обороте — товарном обмене — его затраты, т. е. обменивать товары по эквивалентным массам общественного труда, в них овеществленного; *в)* общественно учитывать труд, затраченный на производство товаров, не непосредственно, но в форме стоимости.

Все эти объективные стороны закона стоимости необходимо реализуются в условиях социалистического производства специфическим образом в силу особого места, занимаемого товарными отношениями в системе социалистических производственных отношений в целом.

Товарная форма производства и оборота продуктов труда при социализме представляет собой *дополнительную* форму включения индивидуального и коллективного труда в общественный. Эта форма: *а)* поскольку непосредственно общественный труд является еще социально неоднородным, дополнительно косвенным, вещным путем проверяет его соответствие экономическим потребностям общества, определенное прямыми связями; *б)* вместе с тем, поскольку овеществленный труд непосредственно в рабочем времени еще не может быть выражен и измерен, является той его вещной *общей формой,* которая используется *не только в косвенных, но и во всех прямых* экономических связях (стоимостное установление размеров производства, стоимостное распределение и перераспределение ресурсов и т. д., всеобщее использование стоимостной формы во всех связях — прямых, равно как и косвенных, товарных); *в)* образует форму материального стимулирования труда и производства (эквивалентный стоимостный обмен).

Местом и характером товарной формы отношений социалистического производства в совокупности его экономических форм и определяется место и характер действий закона стоимости.

листического производства, что следует из тезиса о неимманентности товарных отношений социализму, родственно известной концепции Каутского, сохранявшего для социализма стоимость и деньги без товарного производства, по поводу которой Энгельс писал: «...экономическая стоимость — категория, свойственная товарному производству, и *исчезнет* вместе с ним... точно так же, как она не существовала до него. Отношение труда к продукту не выражается в форме *стоимости* ни до товарного производства, ни после него» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, стр. 181).

Закон стоимости регулирует капиталистическое производство, но не потому, что определяет свойственные ему пропорции (они определяются совокупностью всех экономических законов капитализма), а так как является единственным объективным механизмом их осуществления в конечном счете, стихийного их «осуществления путем неосуществления».

Иными словами, закон стоимости — регулятор капиталистического производства не потому, что отражает необходимость затрачивать труд как общественный (это его общее содержание для всех ступеней развития товарного производства), а в связи с тем, что в условиях разобщенности, непосредственно частного характера капиталистического производства представляет собой единственную стихийно действующую силу, направленную на распределение труда сообразно общественным потребностям [1].

Принципиально иначе обстоит дело при социализме. Здесь пропорциональное распределение труда в соответствии с системой экономических потребностей, определяемых совокупным результатом действий экономических законов, заранее устанавливается обществом на основе их планомерного учета, а отнюдь не обеспечивается post factum действиями закона стоимости. Причем в этом пропорциональном распределении форма стоимости планомерно используется обществом и как один из инструментов выявления пропорциональности, и как общая форма, служащая для осуществления пропорционального распределения ресурсов.

Непосредственно общественное планомерное производство и распределение представляют собой экономическое движение в соответствии с потребностями общества; оно складывается на базе действия совокупности экономических законов социализма, включая и действие закона стоимости. Иными словами, в объективно планомерном экономическом движении, в котором реализуется совокупность действий законов социалистической экономики и именно в силу его планомерности прямая экономическая связь играет решающую роль, реализуются и действия закона стоимости. Но поскольку в условиях

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 189—190; т. 23, стр. 368; т. 25, ч. 2, стр. 453—454.

социализма действует прямая связь, он уже не является ни единственной, ни главной силой, направленной на распределение труда в соответствии с экономическими потребностями общества, а лишь одной из сил, носящих дополнительный характер. Поэтому здесь закон стоимости уже не регулятор производства, а один из элементов, дополняющих основной механизм прямого регулирования производства путем непосредственно общественного прямого пропорционального распределения и перераспределения экономических ресурсов.

Таким образом, в условиях социализма закон стоимости, действуя планомерно, осуществляет ряд специфических функций:

во-первых, его действия представляют собой дополнительную, но в то же время всеобщую форму (используемую при эквивалентном и прямом, безэквивалентном движении овеществленного труда) планомерного включения индивидуального и коллективного непосредственно общественного, но социально неоднородного труда в общественный, т. е. распределения труда между отраслями народного хозяйства и внутри отраслей между предприятиями в соответствии с экономическими потребностями народного хозяйства, определяемыми всей системой законов экономики в данных конкретно-исторических условиях;

во-вторых, его действия являются формой материального стимулирования экономии общественного труда и роста производства;

в-третьих, они представляют собой необходимую форму общественного учета труда как стоимости и специфически стоимостного контроля за мерой труда и потребления.

Все эти специфические функции закона стоимости реализуются в движении, в кругообороте производства и воспроизводства, всей системой стоимостных форм социалистических производственных отношений.

Функции закона стоимости в социалистическом производстве отражают взаимосвязи его действий с экономическим законом движения социализма (основным законом) и всей системой его законов производства.

Товарные отношения как элемент совокупной системы отношений производства социализма — подчинен-

ный и не всеобщий их элемент. Они распространяются *непосредственно* лишь на товарный общественный продукт, но не на решающие вещные элементы производительных сил, не на личный их элемент. Фабрики, заводы, земля, рабочая сила не являются товарами и непосредственно товарными отношениями не охватываются (хотя косвенно последние на них и оказывают свое воздействие — стоимость фондов, стоимостные формы их амортизации, стоимостные формы капиталовложений, стоимостные формы возмещения затрат рабочей силы и расширенного ее воспроизводства — заработная плата и т. д.).

Это значит, что закон стоимости действует в рамках основного экономического закона социализма, т. е. его действия объективно обслуживают непосредственно общественные отношения коллективности в производстве и присвоении общественного продукта. Отражаемая законом стоимости необходимость затрат общественного труда и по общественно необходимым нормам есть необходимость затрат труда, общественный характер которого определяется непосредственно общественной коллективностью производства, но еще при социальной неоднородности труда его участников; отражаемая законом стоимости необходимость эквивалентного обмена товаров по их стоимости является необходимостью, реализующей общественное присвоение продуктов труда, и т. д.

Этим обусловливается и историческое развитие действий закона стоимости в процессе перерастания социалистических отношений производства в коммунистические.

До тех пор пока общественная собственность на средства производства будет связана с различиями в фактическом положении производителей в общественном процессе производства и социальной неоднородностью труда, неизбежно и сохранение в системе отношений производства и товарных отношений. Но так как такая связь необходима до тех пор, пока собственность является социалистической, то на протяжении всей фазы социализма товарные отношения неизбежно сохраняются, вместе с ними сохраняется и действие закона стоимости. Но это не значит, что в процессе развития социализма оно не изменится.

Во-первых, с превращением социалистической собственности в единую всенародную рамки действия закона стоимости станут целиком определяться последовательно социалистическими производственными отношениями.

Во-вторых, разовьются формы, свойственные этим отношениям, в частности более высокий уровень планомерности действия закона стоимости, и отпадут специфические формы его действия, связанные с колхозно-кооперативной собственностью.

В-третьих, отпадут или существенно сузятся элементы стихийных действий закона, связанные с подсобными формами хозяйства и неорганизованным рынком.

В-четвертых, рамки товарных отношений в непосредственном производстве с постепенным завершением превращения собственности из всенародной социалистической во всенародную коммунистическую мало-помалу все более будут свертываться и вместе с тем товарные отношения будут уступать место нетоварным отношениям коммунистического производства. Вместе с этим будет сужаться и сфера действий закона стоимости, а экономические формы, сложившиеся как формы его действий, будут мало-помалу отмирать либо, теряя свою эквивалентно-стоимостную основу, превращаться в формы прямого коммунистического учета и распределения труда.

Следовательно, закон стоимости, обслуживая своими действиями развитие отношений коммунистического производства, диалектически содействует взращиванию условий для своего собственного устранения.

Итак, основное производственное отношение социализма обусловливает планомерность как необходимую всеобщую форму экономического движения при социализме, или, что то же, действие в качестве всеобщего закона движения социалистических производственных отношений закона планомерности. Вместе с тем оно обусловливает необходимость двух форм связей, в которых протекает планомерное движение экономических отношений, — главной, прямой, безэквивалентной формы и косвенной, товарной, эквивалентной формы и действия отвечающего ей закона стоимости.

Прямая (главная) и косвенная (дополнительная) формы экономических связей и представляют собой те

формы, через которые конкретно реализуется движение производственных отношений и действие экономических законов как в пределах каждой из фаз, так и в их единстве, следовательно, реализуются и взаимосвязи основного отношения производства и действий основного экономического закона со всей остальной системой экономических отношений и действиями системы экономических законов социализма.

глава **6**

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ ФАЗЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Законы фазы непосредственного производства — это не что иное, как законы движения совокупности производственных отношений в границах данной фазы: всеобщих отношений производства в тех формах, которые им свойственны именно в этой фазе, и особых отношений, которые складываются и целиком протекают только в ней.

Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению самих экономических законов производства (так для краткости будем называть законы фазы непосредственного производства), выделим определяющие специфические особенности, или черты, социалистических производственных отношений, какими они характеризуются в данной фазе.

Во-первых, отношения всенародной социалистической собственности на средства производства в фазе производства выступают как многообразные конкретные формы фактических отношений непосредственно общественного присвоения — распоряжения и присвоения — использования средств производства при социально-экономических различиях между группами трудящихся (рабочий класс, крестьянство, интеллигенция), участвующих в этих процессах. Эти отношения складываются как:

а) отношения между непосредственно общественным коллективом участников производства, которым является общество в целом как собственник всенародных средств производства и хозяйствующий субъект, представляемые социалистическим государством в его экономической функции, и отдельными звеньями этого коллектива, которые в качестве фактической кооперации участников

производства в непосредственном производственном процессе представляют собой первичные экономически обособленные звенья, осуществляющие кругооборот воспроизводства; иными словами, это отношения между народным хозяйством в целом и образующими его отдельными предприятиями и их объединениями;

б) отношения между этими экономически обособленными звеньями непосредственно общественного коллектива, т. е. между предприятиями (как и между их объединениями);

в) отношения внутри этих звеньев между всеми участниками непосредственно общественного труда как отношения между членами единого производственного коллектива;

г) отношения каждого отдельного участника производства к каждому данному звену непосредственно общественного коллектива, к единству его участников и через его посредство ко всем участникам народнохозяйственного коллектива, к обществу в целом.

В условиях двух форм общественной социалистической собственности все эти отношения еще соответственно усложняются за счет тех специфических особенностей, которые вытекают из колхозно-групповой собственности.

Во-вторых, в фазе непосредственного производства всеобщие отношения коллективности фактически реализуются как единство неантагонистически противоречивых отношений экономического равенства и экономического неравенства. При этом отношения экономического равенства в качестве фактических отношений присвоения — распоряжения средствами производства реализуются во всех формах этих отношений (общество — предприятие; между предприятиями; между отдельным работником и предприятием и обществом в целом). И отдельный член общества, и отдельный коллектив, и их совокупность — все они участники в конечном счете непосредственно общественного коллектива, общества, которое и распоряжается в общенародных интересах всеми находящимися в его собственности средствами производства.

В качестве же фактических отношений присвоения — использования в фазе производства реализуются отношения неантагонистического неравенства. Различные

всенародные предприятия разных отраслей и сфер производства и внутри одной и той же отрасли в самой различной мере оснащены принадлежащими обществу средствами производства; внутри предприятий по-разному оснащены их различные производства и т. д. Все это и означает различное фактическое присвоение — использование общественных (принадлежащих всему обществу) средств производства различными группами его участников, т. е. их фактически различное положение в производстве: выполнение ими квалифицированных и менее квалифицированных или простых неквалифицированных работ; работ механизированных и немеханизированных; тяжелых и легких; преимущественно связанных с физическим трудом и связанных преимущественно с трудом умственным и т. д. Все это те или иные отношения фактического неравенства в условиях выполнения труда и по самим функциям выполняемого труда с вытекающими отсюда неравенствами в присвоении — распределении индивидуально распределяемой части общественного продукта (см. гл. 7).

В-третьих, непосредственно общественные отношения коллективности производителей по поводу средств производства выступают как фактические отношения между функционирующими специфически социалистическими рабочими силами в их соединении со специфически социалистическими по их общественному характеру средствами производства. Это прежде всего отношения функционирования рабочей силы, которая не представляет собой особого товара, отчуждаемого работником собственнику средств производства — капиталисту, а является специфически социалистической рабочей силой, представляющей непосредственно общественно объединенную рабочую силу, каждая составная часть которой — рабочая сила отдельного производителя — включается в непосредственный процесс производства не путем купли-продажи, а на началах связи ее функционирования с распределением по труду (отношения социалистического найма) [1]. Это, далее, отношения связи в производстве

[1] Иногда нетоварный характер рабочей силы при социализме подвергается сомнению, ввиду того что в условиях социализма сохраняется товарное хозяйство. «В современной социалистической экономике, — утверждает, в частности, Б. Минц, — рабочая сила имеет *двойственный характер,* так как в ней проявляются элементы социа-

между производителями по поводу использования средств производства, обладающих специфически социалистическим характером фондов производства, т. е. представляющих собой непосредственно общественные, находящиеся в социалистической собственности средства производства. В силу того и другого это отношения осуществления общественного процесса производства *за счет всего общества,* т. е. отношения общенародного ведения производства и непосредственно общественного присвоения его результатов — общественного продукта.

В-четвертых, это непосредственно общественные отношения соединения труда в производстве, которые в силу свойственных им на стадии социализма элементов социально-экономического неравенства требуют для своего осуществления материальных стимулов, протекают в специфически исторической форме, заключающей в себе эти стимулы, в форме экономического обособления их первичного звена — предприятия.

Эта форма состоит в том, что *а)* производственные фонды каждого данного предприятия — общенародная собственность — обособляются как фонды, совершающие свой особый кругооборот воспроизводства, непосредственным источником которого (источником возмещения

листической непосредственной рабочей силы как элементы преобладающие и определенные остатки элементов товара, которые можно определить как элементы наемного труда. Этот двойственный характер рабочей силы соответствует двойственному характеру продукта современного социалистического хозяйства, в котором выступают элементы непосредственного продукта и элементы товара» (*B. Minc.* Ekonomia polityczna socjalizmu, s. 539).

Не вдаваясь в критику концепции двойственности продукта труда, отметим лишь методологическую неправомерность вывода из товарности продукта труда товарной природы рабочей силы. Конечно, вне товарного производства не может быть товаром и рабочая сила. Но столь же известно, что при различных типах товарного производства рабочая сила либо выступает, либо не выступает как товар. Превращение рабочей силы в товар превращает товарное производство в капиталистическое товарное производство, однако же сам факт наличия товарного производства не обусловливает превращение в товар и рабочей силы. Рабочая сила лишь постольку и тогда товар, поскольку и когда она отделена от средств производства и ее соединение с последними происходит на началах ее купли-продажи. Ни полностью, ни частично этого при социализме не происходит, и поэтому рабочая сила товаром не является. Признание рабочей силы товаром равносильно признанию наличия капитала и эксплуатации. Они, однако, полностью исключаются в социалистическом хозяйстве.

потребленных фондов) является стоимость продукта, создаваемого при помощи именно данных фондов;

б) рабочая сила, являющаяся непосредственно общественной рабочей силой, вступая в непосредственный процесс производства, экономически обособляется как коллектив данного предприятия, который участвует в распределении по труду на общих народнохозяйственных основаниях, получая средства из общенародного фонда личного распределения, но в такой форме, что непосредственно оплата по труду идет из стоимости продукта, производимого данным коллективом;

в) продукт данного предприятия представляет собой объект общенародного присвоения, но вместе с тем непосредственно экономически обособляется как продукт данного предприятия, из стоимости которого оно возмещает все свои производственные издержки и создает накопления.

В-пятых, особые отношения, свойственные именно фазе непосредственного производства, — специализация труда и обмен деятельностью, т. е. общественное разделение труда, кооперация труда, отношения пропорционального сочетания (или распределения) труда, отношения необходимого и прибавочного труда — выступают как формы, специфически исторический характер которых определяется социалистическими отношениями коллективности, т. е. как специфически социалистические формы непосредственного производства.

В-шестых, все отношения производства — и всеобщие, и особые, свойственные лишь данной фазе, — в непосредственном производстве протекают в двух его планомерных формах экономической связи: главной, прямой, и вспомогательной, косвенной, товарной — и поэтому осуществляются в стоимостных формах.

Таковы особенности социалистических производственных отношений в фазе непосредственного производства, сущность которых и формы движения и выражаются в совокупности как всеобщих и общих, так и специфических законов: общественного разделения труда, его кооперации, пропорционального распределения, отношения необходимого и прибавочного труда и продукта, отношения прошлого и живого труда в продукте (структура продукта), органического строения

фондов производства, технического прогресса, роста производительности труда, производства и т. д.[1]

Эти законы действуют и взаимодействуют в определяющих рамках экономического закона движения социализма (основного закона) и в неразрывном единстве с общими законами планомерности и стоимости. Но при этом каждый из них отражает одну из форм непосредственных отношений социалистического производства — сущностную связь, образуемую данной их формой, — и управляет определенной группой экономических явлений производства, в которых выступает движение этой связи.

Рассмотрим как законы, так и процесс изменения системы экономических законов непосредственного производства и их действий, происходящих по мере развития социалистической экономики.

Элементарный всеобщий закон производства, взятого безотносительно к его определенной исторической форме, — закон общественного разделения труда.

Во всяком производстве, поскольку оно на всех ступенях развития носит общественный характер, соединенный труд людей так или иначе, в одной или другой степени разделен соответственно как используемым в производстве орудиям, предметам труда, технологическим приемам, т. е. характеру развития вещных элементов производительных сил, так и характеру и развитию знаний, производственного опыта и навыков рабочей силы — личного элемента производительных сил.

Соединенный труд представляет собой единство взаимодополняющих, взаимосвязанных частей, каждая из которых специализируется на специфической функции, необходимой для выполнения общего производства. Таким образом, подразделение труда на специализированные виды является необходимой стороной его общественного характера.

---

[1] Здесь перечислены не все известные политической экономии социализма законы непосредственной фазы производства, а лишь те из них, которые в совокупности в достаточно полной мере охватывают сущность отношений в этой фазе и вскрывают решающие условия их развития, т. е. экономическую природу и закономерности динамики социалистического производства. Таким образом, мы выделяем ту совокупность законов, которая необходима для целей методологического их исследования.

Вместе с тем обособление отдельных частей труда, отдельных групп участников производства для выполнения каждой из них специального вида труда необходимо дополняется обменом деятельностью между ними. «...Обмен деятельностей и способностей, который совершается в самом производстве, относится прямо к нему и составляет его существенную сторону»[1], — писал Маркс.

Эти формы экономических отношений между людьми в непосредственном процессе производства — обособление участников производства для выполнения специальных его функций и их объединение, обмен деятельностью между ними для получения совместных результатов общественного производства — всеобщие формы любых экономических отношений. И поэтому закон, отражающий общую необходимость такой специализации труда и обмена деятельностью, т. е. закон общественного разделения труда, является всеобщим законом. Но, изучая законы социалистического производства, необходимо прежде всего выявить специфические формы его действий как закона социалистического разделения труда, а с определенного этапа перерастания социализма в коммунизм — как закона коммунистического разделения труда.

В силу чего же закон разделения труда вообще, всеобщий закон, реализуется в указанных специфических формах, свойственных первой и второй фазе коммунистического производства?

Дело объясняется природой общественного разделения труда как формы производственных отношений. На каждом исторически определенном этапе развития общественного производства, при каждом способе производства общественное разделение труда носит специфически исторический характер и поэтому является не просто разделением труда вообще, а его специфически исторической формой.

Социализму отвечают специфические формы общественного разделения труда — по характеру специализации и соединения труда, т. е. особые формы отношений между людьми в непосредственном процессе социалистического производства, соответственно особому историческому характеру, социально-экономической сущности

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 725.

последнего. Это формы специализации и соединения труда (обмена деятельностью) как проявление непосредственно общественных отношений коллективности при социально-экономических различиях участников этих отношений.

Закон общественного разделения труда при социализме и осуществляется как закон специфически социалистических форм отношений дифференциации (специализации), равно как и соединения труда (обмен деятельностью в производстве), и их развития. Он отражает необходимость разделения труда, *во-первых,* основывающегося на равенстве всех его участников как коллективных собственников средств производства, т. е. исключающего всякую эксплуатацию; *во-вторых,* еще связанного с социально-экономической неоднородностью; *в-третьих,* в силу свойственных ему неравенств предполагающего необходимость сочетания личных, коллективных и общественных материальных интересов и стимулов и поэтому выступающего в форме разделения труда между экономически обособленными его первичными звеньями (предприятиями) и непосредственного включения в его систему каждого участника производства через эти экономически обособленные звенья; *в-четвертых,* развития всех его форм в направлении ликвидации их социальной неоднородности.

Каждая из этих сторон действия закона социалистического разделения труда отчетливо выступает в любой его структуре, рассматриваем ли мы его как общее (народнохозяйственное), особое (отраслевое) или единичное (в пределах каждого первичного его звена — предприятия) разделение труда.

Специфически социалистические формы общественного разделения труда, основанного на равном отношении коллективных собственников к средствам производства, прежде всего выступают в социальном составе населения социалистической страны, исключающем эксплуататорские классы и группы населения.

Другая сторона социалистического разделения труда — неантагонистические классы и общественные группы, занимающие в социально-экономическом отношении существенно различное место в общественном производстве, — выражается в структуре занятых в народном хозяйстве работников.

Классовый состав населения СССР *

(включая неработающих членов семьи; в % к общей его численности)

	1928 г.	1939 г.	1963 г.
Рабочие и служащие	17,6	50,2	74,3
Колхозное крестьянство (включая кооперированных кустарей)	2,9	47,2	25,6
Крестьяне-единоличники (включая некооперированных кустарей)	74,9	2,6	0,1
Буржуазия, помещики, торговцы и кулаки	4,6	—	—

* «Народное хозяйство СССР в 1963 году». М., 1965, стр. 28.

Структура занятых в народном хозяйстве СССР *

Всего занятых в материальном производстве	1961 г.	%	100
В промышленности и строительстве	»	»	42,1
В сельском и лесном хозяйстве	»	»	42,1
Численность интеллигенции	1959 г.	млн.	15,2
В том числе:			
Руководители органов государственного управления и общественных организаций и их структурных подразделений	1959 г.	тыс. человек	392,1
Руководители предприятий	»	»	955,2
Ученые и профессорско-преподавательский состав вузов (включая их руководителей)	»	»	316,4
Работники искусства, литературы, печати	»	»	294,7
Городская техническая интеллигенция	»	»	4 205,9
Сельская интеллигенция	»	»	477,2
Медицинские работники и преподаватели школ (включая заведующих)	»	»	3 840,2
Плановые и учетные работники	»	»	3 501,9
Культурно-просветительные работники	»	»	998,2
Лица, занятые преимущественно физическим трудом	»	млн. человек	78,6
В их числе из общей массы рабочих промышленности:			
Квалифицированные	»	»	51,7
Малоквалифицированные и неквалифицированные	»	»	48,3

* «Итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1959 года». М., 1962, стр. 161—165; «Народное хозяйство СССР в 1963 году», стр. 473; «Экономическая газета», 1961 г., 23 октября, стр. 28.

Приведенные данные выражают наличие многообразных общественных групп, занимающих фактически различное положение в системе общественного разделения труда, общей решающей чертой которых является, однако, равное участие в присвоении — распоряжении средствами производства, т. е. их свобода от эксплуатации и соответственно отсутствие всех тех элементов разделения труда, которые порождались отношениями эксплуатации.

Вместе с тем уровень развития производительных сил обусловливает существенные различия и неравенства и в характере трудовых функций, их содержании и в условиях их осуществления, что объективно диктует необходимость сочетания общественных материальных стимулов к труду с личными и коллективными материальными стимулами (подробнее об этом далее).

Отсюда в качестве особой стороны действия закона общественного разделения труда при социализме и вытекает необходимость экономического обособления каждого его первичного звена, такой экономической формы предприятия, которая бы материально обеспечивала кругооборот воспроизводства, т. е. систематическое возмещение расходов предприятия и образование накоплений за счет его продукта. Это значит, что закон социалистического разделения труда требует материально эквивалентно опосредствуемых связей как между каждым данным его первичным звеном (предприятием) и всей его народнохозяйственной системой в целом, так и между каждым данным отдельным работником как участником общественного разделения труда и каждым данным первичным его звеном — предприятием (распределение по труду за счет продукта данного предприятия).

В каждой из сторон действия социалистического закона разделения труда выступает и его взаимодействие с экономическим законом движения социализма. Именно в рамках непосредственно общественных отношений коллективности и складывается специфически социалистическое разделение труда. И ввиду того что оно еще находится на социалистической ступени развития, оно складывается как разделение труда социально различных групп участников производств и как материально стимулируемое (на началах сочетания

общественного, коллективного и личного материального стимулирования) разделение труда экономически обособленных его первичных звеньев.

Важная сторона указанного взаимодействия выступает и в направлении развития форм общественного разделения труда.

Экономический закон движения социализма обусловливает необходимость развития экономических отношений как отношений, в которых преодолеваются фактические неравенства. Закон общественного разделения труда, управляя формами специализации и соединения труда на базе отношений, развитие которых обусловливает неизбежное преодоление неравенств, и предопределяет развитие разделения труда в формах, адекватных этой экономической необходимости.

Шаг за шагом вместе с развитием производительных сил и повышением уровня обобществления изменяются и формы разделения труда. Но это одна сторона дела. Постоянно изменяются и усложняются и формы общественной специализации труда, их общего и особенного разделения по отраслям народного хозяйства и внутри отраслей производства — добывающей и обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, транспорта и экономического оборота продукта (при социализме — торговли) и т. д. и соединения между ними [1].

Закон разделения труда действует в направлении все более глубокой специализации труда, ее усложнения и нарастания многосторонности, благодаря чему создается

---

[1] Приведем лишь одну иллюстрацию этого процесса усложнения разделения труда. По подсчетам ЦСУ («Народное хозяйство СССР в 1961 году», стр. 118), полные затраты труда (в млн. годовых работников) на производство продуктов питания и производство одежды и обуви в СССР (по данным межотраслевого баланса 1959 г.) в различных отраслях материального производства составили:

Все затраты труда на производство продуктов питания	34,0
Из них:	
В сельском хозяйстве	26,5
В пищевой промышленности	2,5
В других отраслях промышленности	1,6
На транспорте, в снабжении и торговле	3,4
Все затраты труда на производство одежды и обуви	9,0
Из них:	
В сельском хозяйстве	3,4
В текстильной и легкой промышленности	3,9
В других отраслях »	0,6
На транспорте, в снабжении и торговле	1,1

все более разносторонне и гармонично развитая система общественного народнохозяйственного и внутриотраслевого разделения труда (форм его специализации и соединения), отвечающая необходимости оптимального использования материальных ресурсов общества для удовлетворения его экономических потребностей. В этом также выражается его взаимодействие с основным законом.

Вместе с законом общественного разделения труда как специальный закон непосредственного производства действует и *закон кооперации труда.*

Как уже указывалось, разделение труда как совокупность определенных форм экономических отношений включает в себя формы обособления, специализации производителей и формы их соединения. Кооперация труда и есть, строго говоря, форма соединения производителей, специализированных на отдельных видах труда в общем труде. Поэтому кооперация труда — момент, сторона формы того же разделения труда, связанная с обменом деятельности между производителями, т. е. разделение труда включает в себя кооперацию труда.

Однако под кооперацией труда в узком смысле слова обычно понимаются не все формы общественного разделения труда, а один их определенный вид — соединение труда в рамках обособленного звена общественного разделения труда, т. е. в границах первичного соединения производителей в *непосредственно* совместно осуществляемом процессе производства (отдельного предприятия) [1].

Это особый род соединения труда, характеризуемый тем, что для выполнения данного рода совместного труда — изготовление какого-либо материального продукта (безотносительно к роду специализации производства — по его потребительским свойствам, технологии изготовления, материалам, используемым в качестве основы, и т. п.)

а) непосредственно соединяются (кооперируются) необходимые специализированные рабочие силы (виды

---

[1] «...Форма труда, при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства, называется кооперацией» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 337).

труда) на базе использования данного обособленного комплекса средств производства — орудий труда, предметов труда и других материальных элементов производства;

б) каждая из этих специализированных рабочих сил выполняет свою работу как частичный элемент непосредственно планомерно взаимоувязанного, сопряженного совместного труда, необходимого для производства данного продукта;

в) соединение специализированных рабочих сил, или кооперация специализированных видов труда, на базе данного комплекса средств производства осуществляется как соединение, единое по территории, времени осуществления и оперативной координации совместного труда.

Все формы кооперации, как специальной, особой стороны разделения труда — обмена деятельностью, т. е. соединения труда внутри обособленного звена его общественной системы, при социализме имеют свои существенные особенности, движение которых в совокупности и определяется специфически историческими действиями закона кооперации труда.

Эти действия обусловливают, *во-первых,* непосредственное планомерное соединение (кооперацию) специализированных рабочих сил на основе использования экономически обособленного комплекса средств производства, представляющих собой общественную социалистическую собственность; *во-вторых,* функционирование специализированных рабочих сил — их соединенный труд по производству продукта в качестве экономически обособленного продукта каждого данного звена общественного разделения труда; *в-третьих,* планомерное включение работников в совместный труд на началах сочетания общественных и личных материальных стимулов к труду; *в-четвертых,* осуществление кооперированного труда на началах социалистического соревнования между его участниками; *в-пятых,* функционирование кооперированного труда на началах социалистических форм его координации, управления им.

Развитие общественной собственности на средства производства и характера отвечающего ей общественного разделения труда означает и соответственное изменение в кооперации труда. Социалистические формы действий закона кооперации труда с известного этапа

перерастания социалистического труда в труд коммунистический все более будут уступать место коммунистическим формам его действий, станут обусловливать кооперацию труда в первичных звеньях системы его коммунистического общественного разделения, не связанных с их экономическим обособлением на началах эквивалентного возмещения (не смешивать с экономическим обособлением вообще, которое в иной форме неизбежно сохранится); они, далее, будут определять включение работников в коммунистическую координацию кооперированного труда, т. е. управление им в формах хозяйственного самоуправления; обусловливать включение работников в совместный труд на началах действия лишь общественных стимулов материальной заинтересованности, т. е. коммунистической бесплатности. Они, наконец, будут предполагать коммунистическое соревнование в процессе осуществления труда, все специализированные формы и виды которого станут носить однородный в социально-экономическом отношении характер [1].

Наряду с законами общественного разделения труда и его кооперации в составе законов непосредственного социалистического производства действует общий *закон пропорционального распределения труда.*

Выше в связи с рассмотрением закона планомерности было выяснено, что закон пропорционального распределения труда является не только самостоятельным экономическим законом, отличным по своему содержанию от закона планомерности, но и всеобщим законом, действия которого, хотя и в специфически исторических формах, охватывают все формации. Поэтому, не возвращаясь к общему содержанию закона, рассмотрим лишь его место как закона непосредственного социалистического производства и его взаимосвязи с законом движения социализма.

Пропорциональное распределение труда есть выражение того элементарного факта, что основой существования и развития человеческого общества является труд. И поэтому пропорциональное распределение тру-

[1] Взаимодействия закона кооперации труда с основным экономическим законом социализма протекает в рамках соответствующих взаимодействий этого последнего с законом общественного разделения труда. Поэтому можно специально не рассматривать данной стороны дела.

да, т. е. его распределение соответственно системе исторически сложившихся потребностей общества, необходимо подлежащих удовлетворению путем осуществления материального производства, и представляет собой форму, в которой реализуется необходимость регулирования производства трудом, рабочим временем, имеющимся в распоряжении общества. «Действительно, *никакая форма* общества не может помешать тому, — писал Маркс, — чтобы рабочее время, имеющееся в распоряжении общества, тем или иным путем регулировало производство»[1]. В условиях общественной собственности это регулирование, т. е. пропорциональное распределение труда, осуществляется не стихийно, а планомерно «путем прямого сознательного контроля общества над своим рабочим временем...»[2].

Таким образом, закон пропорционального распределения труда регулирует непосредственное течение производства. Формы необходимого осуществления этого закона отвечают системе общественных потребностей, определяемых взаимодействием всех законов экономики на каждой исторически определенной ступени ее развития[3].

В специфически социалистических формах действия закона пропорциональности, всеобщего закона, и выступает его взаимосвязь прежде всего с экономическим законом движения социализма, законом специфически историческим, который определяет и характер потребностей общества, складывающихся в итоге взаимодей-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 9.

[2] Там же.

[3] Необходимость пропорционального распределения труда как свойство труда общественного, осуществляющегося на началах его общественного разделения, отмечается многими экономистами. «Труд общественный прежде всего выступает как труд пропорционально распределенный», — писали, в частности, Г. Абезгаус, Г. Дукор, А. Ноткин («Некоторые вопросы политической экономии в освещении тов. А. Ф. Кона». — «Вестник коммунистической академии», 1928, № 25, стр. 218). «Закон пропорционального развития, — утверждал Г. Павлов, — действует в силу наличия общественного разделения труда, так как развитие производства в обществе, где имеется разделение труда, возможно только при наличии определенных пропорций между различными отраслями и сферами человеческой деятельности» (*Г. М. Павлов*. Закон планомерного развития народного хозяйства и планирование, сб. «Вопросы политической экономии социализма», стр. 149).

ствия системы экономических законов, и направление развития этих потребностей. Поэтому закон пропорциональности, выражающий необходимость пропорционального распределения труда, реализуется в определяющей зависимости от специфически исторических действий экономического закона движения социализма, в неразрывном взаимодействии со всеми другими законами производства, и прежде всего с законами планомерности и общественного разделения труда. В этой системе взаимодействий он реализуется как закон оптимальной пропорциональности, и как планомерно действующий закон, и как закон пропорционального распределения труда по сферам, звеньям, формам и видам его социалистического (а затем и коммунистического) разделения.

Экономические законы производства — общественного разделения труда и его кооперации, пропорционального распределения труда — вместе с экономическими законами планомерности и стоимости в единстве их действий образуют специфический механизм *объединения труда в процессе непосредственно общественного производства.*

Прямое непосредственно общественное движение труда в производстве сообразно его объективным законам выражается в целой системе конкретных, специфически социалистических форм этого движения. Общество в народнохозяйственном масштабе планомерно определяет потребные ему объемы общественного производства в соответствии с выявленными экономическими потребностями. Оно, исходя из взаимодействия рассмотренных выше законов производства в конкретно-исторических условиях, прямо распределяет и перераспределяет необходимые для обеспечения этих объемов производства ресурсы рабочей силы и средств производства, устанавливает пропорции и формы взаимосвязи всех звеньев общественного разделения труда (предприятий) в процессе общественного производства и т. д.

Вместе с тем, как уже указывалось, так как на стадии социализма производство, уже будучи непосредственно общественным, еще остается товарным и труд, уже став трудом непосредственно общественным, еще неизбежно выступает в форме стоимости, прямые планомерные связи дополняются косвенными, вещными свя-

зями, протекающими на основах эквивалентности. Более того, стоимостные формы, как мы видели, обслуживают и прямые связи. На этой основе в производстве и развертывается действие закона стоимости, одна из функций которого (о них уже говорилось ранее) — материальное стимулирование труда. Однако главное в действиях закона стоимости в условиях социализма не в том, что они сами по себе служат материальным стимулом труда, а в том, что они образуют ту необходимую форму, в которой развертывается действие всей системы социалистических материальных стимулов, а именно форму эквивалентной связи между затратами труда и их возмещением [1]. Специфически же социалистические решающие материальные стимулы развития социалистического производства вытекают из решающих, прямых экономических связей производителей.

При социализме главные внутренние импульсы, внутренние движущие силы развития процесса производства, образуют отношения между участниками производства по поводу труда, направляемого на производство, диктуемого необходимостью удовлетворения их собственных непосредственных потребностей (включая потребности их семей), и труда, направляемого на производство, диктуемого необходимостью удовлетворения потребностей как занятых вне сферы материального производства (включая также потребности их семей), так и потребностей материального развития общества (накопления). Это особая сторона экономических отношений и выражается особыми законами непосредственного социалистического производства: *законом труда, издерживаемого на нужды производителей, или законом социалистического необходимого* труда, и *законом тру-*

[1] Конечно, эквивалентно-стоимостная связь сама по себе также является определенным и важным стимулом производства, так как личная и общественная материальная заинтересованность непосредственно связана с результатами эквивалентно-стоимостного возмещения. Эта связь и образует собой важный стимул экономического развития. Однако же ясно, что основные, решающие стимулы во всех случаях, когда производство не представляет собой простого товарного хозяйства, определяются природой самого производства, его решающими отношениями по поводу необходимого и прибавочного продукта. Поэтому при социализме эквивалентно-стоимостная связь и есть лишь *дополнительный стимул* производства и *всеобщая форма,* в которой действуют *все его стимулы — и главные и дополнительные.*

да, направляемого для удовлетворения потребностей занятых вне сферы материального производства и накопления, или законом социалистического прибавочного труда [1].

Господство всенародной общественной собственности на средства производства и осуществление в процессе производства непосредственно общественных отношений социалистической коллективности, обусловливающие и соответственное непосредственно общественное социалистическое присвоение продукта, означают, что весь труд, прилагаемый в сфере материального производства, затрачивается в интересах общества.

Поэтому здесь нет уже объективного разделения труда, как и продукта, в котором он воплощается, на две его *антагонистически* противостоящие части (труд, необходимый трудящимся, воплощающийся в необходимом продукте, и труд прибавочный на эксплуататоров, воплощающийся в прибавочном продукте). Впервые при социализме *весь* труд, затрачиваемый в сфере материального производства, получает характер труда, необходимого самим трудящимся, и соответственно *весь* чистый продукт, в котором воплощается этот труд, получает характер необходимого продукта [2].

Вместе с тем очевидно, что превращение всего труда в труд необходимый, ограничение рабочего дня участников производства необходимым рабочим днем вовсе не означают, что отпадает необходимость в труде сверх той его массы, которая идет на производство продукта, издерживаемого на удовлетворение непосредственных нужд участников производства. Очевидно, что необходим также и труд, создающий продукт, идущий на удовлетворение нужд всех занятых в других отраслях

---

[1] Обе эти части труда воплощаются в соответственных частях продукта, затрачиваемого для удовлетворения непосредственных потребностей производителя, и прибавочного продукта, и поэтому соответственно эти законы могут именоваться законом производства социалистического необходимого продукта и законом производства социалистического прибавочного продукта.

[2] На этот объективно обусловливаемый характер всего социалистического труда, затрачиваемого в материальном производстве как труда именно необходимого, указывал Маркс. «Устранение капиталистической формы производства, — писал он, — *позволит ограничить рабочий день необходимым трудом*» (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 539; курсив наш. — *Я. К.*).

общественного труда вне сферы материального производства; нужен и труд, воплощающийся в продукте, направляемом на нужды накопления и образования резервных фондов.

В «Критике Готской программы» Маркс характеризует объективно необходимое разделение продукта (а тем самым и труда, его создающего) на части, издерживаемые, с одной стороны, на удовлетворение непосредственных потребностей производителей, с другой — на удовлетворение других непроизводственных потребностей общества и накопление [1]. В «Капитале» он одновременно с указанием на превращение всего труда в труд необходимый вместе с тем подчеркивал столь же обязательное включение в состав расширяющего свои рамки необходимого труда части прибавочного труда [2].

Стало быть, вся масса производительного труда, затрачиваемого участниками социалистического производства, представляя собой массу необходимого труда, объективно разделяется на труд, производящий и воспроизводящий ту часть чистого продукта, которая расходуется на непосредственное удовлетворение потребностей участников производства, т. е. на социалистический *необходимый труд,* и на труд, производящий и воспроизводящий ту часть чистого продукта, которая идет на содержание социалистической непроизводственной сферы и накопление, т. е. на социалистический *прибавочный труд.* Соответственно и чистый продукт делится

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 17.

«...Ни при каком мыслимом общественном строе, — писал Энгельс, — рабочий не может получать для потребления полную стоимость своего продукта; из произведенного фонда всегда должны будут покрываться расходы на целый ряд экономически непроизводительных, но необходимых функций, а следовательно, и на содержание лиц, выполняющих эти функции... Осталась бы необходимость в общественном резервном фонде и в фонде накопления, и поэтому тогда *эти* рабочие, то есть все члены общества, будут, правда, владеть и пользоваться всем своим продуктом, но каждый в отдельности не будет пользоваться своим «полным трудовым доходом»» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 191).

[2] «...Пришлось бы, — писал он, — причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 539).

на социалистический необходимый продукт и социалистический прибавочный продукт.

Следует подчеркнуть, что классики марксизма, рассматривая весь производительный социалистический труд в качестве необходимого в широком смысле слова, вместе с тем настойчиво подчеркивали сохранение прибавочного труда и после уничтожения капиталистического способа производства [1].

Категории необходимого и прибавочного труда и продукта сами по себе не являются, как иногда полагают, специфически историческими категориями капиталистического способа производства. Они свойственны всем способам производства с того момента, когда производительность труда поднимается на уровень, позволяющий известной части труда образовывать прибавочный труд, т. е. воплощаться в продукте, не расходуемом непосредственно самими производителями для удовлетворения своих личных непроизводственных потребностей. Социалистические, как и капиталистические, отношения производства связаны вовсе не с категориями необходимого и прибавочного труда и продукта вообще, а с их специфически историческими формами.

Было бы, разумеется, ошибкой смешивать специфически исторические формы экономических категорий с их общими основами. Маркс, специально подчеркивая всеобщий характер категории прибавочного труда и продукта в отличие от их специфически исторических форм как экономических категорий капитализма, писал: «Хотя всякая прибавочная стоимость представлена в каком-нибудь прибавочном продукте, прибавочный продукт сам по себе, напротив, не представляет прибавочной стоимости» [2]. В специфических формах заработной платы и прибавочной стоимости он указывал и общие их основы. «...Если снять с заработной платы,

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 416.

«Прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 385—386). Исследуя источники накопления, Маркс специально подчеркнул, что они сводятся *«к тому прибавочному рабочему времени, которое общество и без существования капитала должно было бы постоянно затрачивать, чтобы иметь в своем распоряжении, так сказать, фонд дальнейшего развития...»* (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 83).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. 3, стр. 383.

как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер,— писал он,— то останутся уже не эти формы, но лишь их *основы, общие всем общественным способам производства»* [1].

Эти «общие основы» в условиях социализма получают специфически исторические формы выражения и движения.

Прежде всего специфически исторический характер социалистического общественного производительного труда и продукта и выступает в том, что они не распадаются на антагонистически противостоящие друг другу части, и поэтому весь труд и чистый продукт получает характер *социалистически необходимого* (в широком смысле) труда и продукта.

Специфически социалистический характер производительного труда и чистого продукта проявляется, далее, в том, что их экономически особые части проявляются в особых, специфически социалистических формах. Именно труд, затрачиваемый на производство той части чистого продукта, которая необходима для удовлетворения непосредственных потребностей участников производства, проявляется в форме *социалистического необходимого труда,* а труд, затрачиваемый на создание той части чистого продукта, которая идет на удовлетворение потребностей работников вне сферы материального производства и на нужды накопления,— в форме *социалистического прибавочного труда.* Соответственные части чистого продукта выступают в формах *социалистического необходимого продукта и социалистического прибавочного продукта* [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. 2, стр. 448 (курсив наш. — *Я. К.*).

[2] Для определения этих двух частей общественного социалистического труда и продукта в последние годы в литературе использовались, как известно, термины труд и продукт «для себя» и «для общества». Однако они не только не выражают непосредственно общественного характера производства, которое предполагает удовлетворение интересов личности, коллектива (т. е. производство «для себя») путем именно ведения общественного производства, но, напротив, противопоставляют некоторое в действительности реально не существующее производство «для себя» производству «для общества». Реально же все производство, весь труд протекают как общественное производство, как труд для общества и одновременно

Объективная необходимость затрачивать в непосредственно общественном производстве необходимый труд, воплощающийся в необходимом продукте, идущий на удовлетворение потребностей участников производства, и выступает как *закон затрат социалистически необходимого труда,* или — что представляет собой тот же закон, рассматриваемый не со стороны движения труда, а движения его результатов, — как *закон производства социалистического необходимого продукта.* Объективная же необходимость затрачивать в непосредственно общественном производстве прибавочный труд образует *закон затрат социалистического прибавочного труда,* или — если брать его со стороны движения его результатов — *закон производства социалистического прибавочного продукта.*

Оба этих закона не только действуют в неразрывном единстве; они выражают и общее им движение производственных отношений. Тем не менее каждый из них обладает своим специфическим содержанием и своей специфической сферой действия. Оба они при данных экономических условиях — соответствующем уровне развития производительных сил, степени участия работников в материальном производстве, соотношении сфер материального производства и непроизводственной в общей системе общественного разделения труда, условиях экономического развития и т. д. — определяют сочетание в общественном труде труда необходимого и труда прибавочного; в продукте — продукта необходимого и продукта прибавочного. В этом соотношении они лишь отражают обратные зависимости: чем более высока доля в общественном труде и чистом продукте необходимого труда и продукта, тем соответственно в них более низка доля прибавочного труда и продукта, и обратно. Однако при строгой взаимозависимости результатов совместного

тем самым и именно в этой форме для себя; весь воспроизводимый продукт представляет собой продукт, воспроизводимый именно для общества и тем самым и именно лишь в этой форме для себя.

Противопоставления труда и продукта «для себя» и «для общества» находятся в противоречии и с той коренной особенностью социалистического необходимого общественного труда и в его составе социалистического прибавочного труда и производимых ими необходимого чистого продукта в целом и в его составе прибавочного продукта, что все то, что трудящийся отдает обществу при социализме в одной форме, ему возвращается в другой.

действия законов эти взаимозависимые результаты устанавливаются как сложная равнодействующая относительно самостоятельных действий каждого из законов.

Закон затрат социалистически необходимого труда и производства необходимого продукта определяет не просто самое необходимость того и другого. Он в зависимости от состояния производительных сил и социально-экономических условий определяет неизбежность затрат *определенных масс* необходимого труда и соответственно производства *определенных масс* необходимого продукта, которых было бы достаточно для удовлетворения исторически складывающихся и развивающихся непосредственных потребностей участников производства. Сами же потребности складываются и развиваются в итоге взаимодействия многообразных сложных социально-экономических факторов, которые реализуются в законах производства — распределения (см. гл. 7), под воздействием которых и определяется объем необходимого продукта.

Закон производства социалистического прибавочного труда и прибавочного продукта выражает не только самое необходимость их производства, но и находящуюся в зависимости от развития производительных сил и состояния социально-экономических условий необходимость производства определенных масс прибавочного труда и прибавочного продукта, достаточных как для удовлетворения исторически складывающихся и развивающихся общественных потребностей вне материальной сферы производства, так и потребностей накопления. Те и другие складываются под влиянием многосложных обстоятельств как результат взаимодействия всей системы экономических законов и в их составе, в частности, закона социалистического накопления (см. гл. 7).

Поскольку и законы производства необходимого и прибавочного продукта выражают определенные стороны непосредственно общественных отношений социалистической коллективности, их действия не могут носить и не носят антагонистически противоречивого характера, ибо коренные экономические интересы их участников едины. Вместе с тем, поскольку оба закона отражают необходимость движения двух различных частей труда и продукта, складывающихся под воздействием

существенно различных факторов, постольку между ними неизбежны относительные, неантагонистические противоречия. Их разрешение и достигается в общих рамках действия основного закона движения социализма как оптимальное сочетание необходимого труда и продукта и прибавочного труда и продукта как в каждом данном цикле или периоде общественного производства, так и во взаимосвязанной длительной цепи таких циклов или периодов.

Содержание законов социалистического необходимого труда и продукта и социалистического прибавочного труда и продукта, как и их взаимодействие, раскрывает внутренние источники движения социалистического производства.

Производство необходимого продукта отвечает объективной необходимости удовлетворения непосредственных потребностей его участников. Но в этом и состоит их объективный экономический интерес и, стало быть, их непосредственный материальный стимул участия в производстве. В силу того что в специфически социалистических условиях этот непосредственный материальный интерес участников производства реализуется в форме распределения по труду, по крайней мере основной части необходимого продукта, он и приобретает форму *личного материального интереса* — особого социалистического стимула развития производства и подъема производительности труда.

Производство прибавочного продукта направлено на удовлетворение потребностей членов социалистического общества вне материального производства и потребностей накопления. Однако, в силу того что прибавочный продукт, удовлетворяющий непроизводственные потребности, используется не эксплуататорами, а идет на содержание сфер общеполезной деятельности (просвещения, здравоохранения, искусства, управления, защиты государства и т. д.), его производство и потребление в конечном счете осуществляются в общих интересах всего общества и, стало быть, самих участников материального производства. Другая часть прибавочного продукта — накапливаемая его часть — также используется в общих интересах социалистического общества, и, стало быть, прежде всего в интересах самих производителей.

Таким образом, производство и использование обеих частей прибавочного продукта при социализме представляют собой объективный материальный стимул развития производства и подъема производительности труда. И поскольку он выступает в форме общего общественного материального интереса (от развития непроизводственных сфер общеполезной деятельности и накопления выигрывает все социалистическое общество в целом и благодаря этому каждый его член и каждый коллектив), постольку он представляет собой общественный материальный стимул.

Оптимальное сочетание действий законов производства необходимого и прибавочного продукта и означает оптимальное сочетание действий стимулов личной и общественной материальной заинтересованности в развитии социалистического производства и подъеме производительности общественного труда.

На каждом данном этапе развития экономики социализма, разумеется, складываются свои особые, конкретные соотношения необходимого и прибавочного продукта [1], в которых выступает как действие объективной

[1] По данным межотраслевого баланса народного хозяйства СССР в 1959 г. («Народное хозяйство СССР в 1960 году». М., 1961, стр. 144), в составе общественного продукта доли необходимого и прибавочного продукта выражались в следующих величинах:

(в % к итогу продукции по каждому подразделению)

	Всего	В том числе		
		материальные производственные затраты	заработная плата и другие виды оплаты труда	прибавочный продукт
Весь совокупный общественный продукт	100	50,8	26,1	23,1
Средства производства	100	52,1	29,5	18,4
Предметы потребления	100	49,0	21,3	29,7

Следует иметь в виду, что показатели структуры продукта исчислены здесь в действующих ценах, существенно отклоняющихся от стоимости. Поэтому они показывают соотношения не производимого необходимого и прибавочного продукта, а реализуемого, т. е. включают в себя значительные элементы ценового перераспределения между стоимостью продукта I и II подразделений, а также между стоимостью чистого продукта и стоимостью материальных затрат как по общественному продукту в целом, так и по его I и II подразделениям.

необходимости их оптимального сочетания и различных объективных факторов (главным образом внешних, но не только внешних), и факторов субъективных (главным образом степени умения использовать объективные законы), отклоняющих эти соотношения от оптимального. Но так или иначе объективная необходимость прокладывает себе дорогу и определяет движение. Это и выступает в мощных стимулах развития экономики социализма.

Законы производства необходимого и прибавочного продукта определяют специфически социалистический характер материальных стимулов развития производства и подъема производительности труда, их принципиальную противоположность материальным стимулам капиталистического развития.

Стимул капиталистического развития производства в его законе производства и присвоения прибавочной стоимости. Он находится в антагонистически противоречивом единстве с капиталистическим стимулом к труду наемного работника, определяемым законом стоимости рабочей силы. Капиталистическое производство необходимого продукта, регулируемое законом стоимости рабочей силы, и отчуждение рабочей силы как товара в обмен на стоимость производимого ею необходимого продукта побуждают эксплуатируемого рабочего трудиться на капиталиста. Развитие производства, снижая в конечном счете стоимость рабочей силы, ведет к возрастанию прибавочной стоимости, т. е. плоды прогресса общественного производства узурпируются капиталом.

Материальные же стимулы социалистического производства — личные и общественные, определяемые законами производства необходимого и прибавочного продукта, означают, что само производство необходимого продукта служит не только стимулом личной материальной заинтересованности в подъеме производительности труда каждого отдельного участника производства, но и материальным стимулом для него в развитии всего общественного производства, ибо от прогресса последнего находится в непосредственной зависимости и рост абсолютных (физических) объемов необходимого продукта в расчете на каждого участника материального производства. Вместе с тем производство прибавочного

продукта является не только общественным материальным стимулом для всего общества развивать общественное производство, но и для каждого участника производства, ибо плоды общественного прогресса — материального и духовного — присваиваются всем обществом в целом и каждым его членом и коллективом.

Сочетание социалистических материальных личных и общественных стимулов развития производства чрезвычайно важно с точки зрения развития социалистического производства, его динамики.

По мере роста производительности общественного труда в конечном счете берет верх не только тенденция к ограничению абсолютных масс, занятых в сфере материального производства, и постепенному падению их доли в общем составе занятых. Неизбежно и сокращение массы необходимого труда в расчете на каждого участника материального производства, которая при росте производительности труда будет воплощаться во все бóльших абсолютных массах необходимого продукта (в том же расчете на участника производства).

Из этого, однако, не возникнут коллизии между стимулами личной и общественной материальной заинтересованности. Этот процесс будет лишь вести к постепенному изменению роли этих стимулов, постепенному возрастанию значения общественных материальных стимулов, хотя за стимулом личной материальной заинтересованности сохранится решающая роль в течение всего периода социализма.

В характере действия законов производства социалистического необходимого и прибавочного продукта, их оптимального взаимодействия, в содержании и сочетании материальных личных и общественных стимулов социалистического производства, которые определяются этими законами, находит свое выражение неразрывная взаимосвязь их действий с экономическим законом движения социализма, развертывание действий первых в определяющих рамках действия последнего.

Во-первых, только потому, что экономический закон движения социализма есть закон осуществления на базе общественной собственности непосредственно общественного производства и присвоения общественного продукта, необходимость затрат производительного труда выступает как закон затрат социалистического

необходимого и прибавочного труда и производства социалистического необходимого и прибавочного продукта.

Во-вторых, именно непосредственно общественная коллективность отношений производства, отражаемая законом движения, определяет неантагонистический характер противоречий действий законов производства необходимого и прибавочного труда и продукта и разрешение этих противоречий в оптимальном процессе их взаимодействий.

В-третьих, экономический закон движения социализма выражает внутренние противоречия основного производственного отношения как источник движения и форму их разрешения, заключающуюся в движении и развитии социалистической экономики, в ее перерастании в экономику коммунизма. Законы же производства социалистического необходимого и прибавочного труда и продукта выражают в рамках этих общих противоречий особые, специфические для непосредственного производства противоречия и формы их разрешения как материальные стимулы его движения и развития, действующие в рамках и в направлении, определяемых основным экономическим законом социализма.

В-четвертых, действие и взаимодействие рассматриваемых законов на базе непосредственно общественных отношений социалистической коллективности и придают им специфически социалистический характер.

Закон производства необходимого продукта представляет собой закон именно *социалистического* производства потому, что выражает собой отношения по поводу необходимого продукта между социально различными группами участников непосредственно общественного производства с вытекающими отсюда последствиями для участия в производстве и присвоении этой части продукта и специфически социалистическим характером материального стимулирования — наличие в его системе как решающего стимула — личной материальной заинтересованности. С другой стороны, закон производства прибавочного продукта также является законом именно социалистического производства, ибо разные социально-экономические группы участвуют как в создании, так и в использовании прибавочного продукта на специфически социалистических началах.

По мере перерастания экономических отношений социализма в отношения полного коммунизма вместе со стиранием экономических неравенств будут изменяться и формы действия обоих законов. Они уступят место иным законам необходимого и прибавочного продукта — специфически коммунистическим законам, сущность и формы действия которых будут уже определяться непосредственно общественными отношениями высшей коммунистической коллективности, предполагающей социально-экономическое равенство всех участников материального производства и всех других отраслей общественной деятельности.

Имманентные социалистическому производству материальные общественные и личные стимулы развития производства, определяемые законами производства социалистического необходимого и прибавочного продукта и реализующиеся в общей системе экономических отношений социализма, обусловливают процессы *экономической динамики.* Течение этих процессов регулируется рядом специфических законов динамики социалистического производства: законом роста производительности труда, экономическими законами технического прогресса, или интенсификации социалистического производства, законами повышения органического строения социалистического производства, экономических границ социалистического применения машин, изменения соотношения затрат прошлого и живого труда в производимом общественном продукте и, наконец, законом непрерывного роста социалистического производства.

Закон роста производительности общественного труда есть закон, согласно которому живой труд, прилагаемый в производстве, создает по мере его развития, т. е. в каждом его последующем цикле, все бóльшую и бóльшую массу потребительных стоимостей. Но этим его содержание не ограничивается. Живой труд осуществляется на основе применения средств производства, т. е. прошлого, накопленного труда, его расходования в процессе производства. Поэтому рост производительности труда, рассматриваемый с общественной его стороны как звено процесса роста *общественной* производительности труда, предполагает общую экономию затрат труда на производство единицы каждой данной потребительной стоимости.

Таким образом, закон роста производительности *общественного* труда есть закон роста его *общественной* производительности, т. е. общей экономии труда, достигаемой на производстве каждого данного продукта (труда прошлого и живого, вместе взятых).

Закон роста общественной производительности труда, или, что то же, экономии времени, выступает как всеобщий закон производства. Он действует в неразрывном единстве с законом развития, подъема производительных сил, оснащающих труд. С каждым шагом их развития совокупные затраты труда на единицу каждого данного продукта уменьшаются, его производительность возрастает. Именно поэтому экономия времени, или рост производительности труда, — всеобщий закон производства. Вместе с тем в досоциалистических формациях в силу антагонистических противоречий этот закон не имеет безусловного характера. Так, при капитализме он осуществляется лишь в случае, когда экономится не вообще труд, а лишь *оплачиваемая* его часть[1]; его экономия протекает с перерывами, не в полную силу, по временам его действия уступают место длительно действующим контртенденциям и т. д.

Все это отпадает при социализме; здесь он получает абсолютную силу. Но дело не только и не столько в этом. Социализм приводит к глубоким качественным принципиальным изменениям в формах и содержании роста производительности труда.

Закон роста производительности труда выражает вообще ту сторону отношений между производителями в процессе общественного производства, которая обусловливает необходимость (либо антагонистическую, либо непосредственно общественную) такой формы отношений, которая бы вела к повышению результативности, эффективности соединенного, общественного труда.

В условиях социализма закон роста общественной производительности труда отражает ту сторону социалистических отношений производства, которая предпо-

[1] «...Для капитала, — писал К. Маркс, — закон повышающейся производительной силы труда имеет не безусловное значение. Для капитала эта производительная сила повышается не тогда, когда этим вообще сберегается живой труд, но лишь в том случае, если на *оплачиваемой* части живого труда сберегается больше, чем прибавится прошлого труда...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 288).

лагает оптимальное действие всех факторов роста производительности, опирающееся на развитие производительных сил — их вещественных и личных элементов, не ограничиваемое никакими иными социальными границами, кроме наличия экономических ресурсов, необходимых для поддержания непрерывного их развития максимально возможными темпами, отвечающими оптимальности всего экономического процесса в целом.

Социалистическое общество в отличие от капитализма (где закон роста производительности труда, обусловливая экономию труда в каждом отдельном звене производства, пролагает себе дорогу как закон общественной экономии труда лишь в конечном счете, через громадное расточительство, потери в общественном труде, в темпах роста его общественной производительности) необходимо стремится планомерно реализовать оптимальные формы прогресса производительных сил и соответственно обеспечить оптимальные условия для действий закона роста общественной производительности труда. Рост производительности труда при социализме осуществляется на основе материальных факторов, несущих облегчение труда и его всестороннее развитие, в противовес досоциалистическим формациям, где рост производительности труда во многих случаях ведет к усилению тяжести труда, обеднению его содержания, превращается в фактор расточения сил непосредственного производителя и т. д.

Таким образом, формы действия закона роста производительности труда как выражение экономической необходимости этого процесса на основе социалистических отношений производства обладают специфически историческим характером. Это форма оптимального роста производительности труда при максимально возможном его облегчении и всестороннем развитии его содержания.

В том, что действие закона повышения производительности труда при социализме выражает не просто рост интенсивного типа (это в тех или иных рамках имеет место и до социализма), но интенсивно-оптимальный тип подъема производительности, когда все факторы ее повышения развиваются в комбинации, наиболее благоприятной для социального прогресса общества и каждого работника, выступают его взаимосвязи с основным

экономическим законом движения социализма и другими законами социалистического производства.

Именно потому, что закон роста производительности труда действует в системе отношений производства, определяемых всенародной общественной собственностью на средства производства, его действия и приобретают специфические формы, свойственные социализму: они отвечают необходимости выравнивания социально-экономического характера труда различных групп трудящихся, перерастания социалистического разделения труда в коммунистическое, развития соответствующей пропорциональности в распределении труда, все большему развитию общественных стимулов к труду и т. д.

В неразрывной связи с законом роста производительности труда действуют и экономические законы технического прогресса социалистического производства, или, что то же, его интенсификации, и прежде всего закон роста уровня органического строения социалистического производства.

Маркс рассматривал закон роста технического строения производства, или «закон, согласно которому все возрастающая масса средств производства может, вследствие прогресса производительности общественного труда, приводиться в движение все с меньшей и меньшей затратой человеческой силы...» [1], как общий закон производства, опирающегося на машинный базис.

В условиях социализма рост общественной производительности труда и в качестве предпосылки, и в качестве следствия также необходимо имеет рост массы потребляемых средств на единицу затрачиваемого живого труда. Все бóльшее оснащение живого труда массами техники, орудиями и другими средствами труда является решающим условием возрастания его производительности. Растущая производительность ведет ко все большему и большему в расчете на данную массу затрачиваемого труда потреблению сырья, материалов, энергии и т. д.

Таким образом, возрастание масс средств производства, применяемых данной массой живого труда, — условие ли оно или следствие роста его производитель-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 659.

ности — выражает сам факт этого роста. И непреложным законом социализма является повышение уровня технического строения производства.

О действии этого закона в условиях социализма свидетельствует систематическое возрастание массы производственных основных фондов и объема продукции в расчете на данную массу рабочей силы.

Динамика численности работающих, основных фондов, потребления электроэнергии и продукции в промышленности СССР

(в % к 1928 г.)

	1940 г.	1960 г.	1963 г.
Численность работающих *	291	591	664
Масса основных фондов *	852	3 708	5 089
Потребление электроэнергии	1 021	6 103	8 453
Продукция	583	3 054,5	3 951,5
Отношение к индексу численности индексов			
массы фондов *	293	627	766
потребления электроэнергии	351	1 033	1 273
продукции	200	517	595

* Включая строительство.

Быстрое возрастание массы средств производства в социалистической промышленности обусловливает систематическое возрастание производительности труда ее работников [1].

Таким образом, и в условиях социализма «общественный уровень производительности труда находит себе выражение в относительной величине средств производства, которые рабочий превращает в продукт...» [2].

Как известно, общий закон роста уровня технического строения производства при капитализме неразрывно

[1] **Индекс производительности труда в промышленности СССР**

(в % на одного рабочего)

1928 г.	1940 г.	1960 г.	1963 г.
100	352	949	1100

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 635—636.

связан со специфически капиталистическим законом роста органического строения капитала, т. е. законом всевозрастающего увеличения постоянной части капитала по сравнению с его переменной частью[1]. В условиях социализма массам рабочей силы, как и применяемым и потребляемым ею массам средств производства, также отвечают не только известные массы живого и прошлого труда, но и стоимостей, в которых они выражаются. Поэтому и здесь общий закон роста уровня технического строения производства необходимо связан со специфическим законом движения трудовой, стоимостной структуры фондов социалистического производства.

В чем же он заключается? Каковы его специфически исторические черты как закона непосредственного социалистического производства?

Фонды социалистического производства, как уже говорилось, необходимо состоят из двух частей — постоянных и переменных фондов. Соотношение между стоимостями тех и других в меру, отвечающую техническому строению производства, т. е. отношению масс средств производства к массам применяющей их рабочей силы, и представляет собой органическое строение фондов социалистического производства. Вместе с возрастанием технического строения производства неизбежно увеличивается и органическое строение фондов, хотя темпы последнего существенно медленнее, чем возрастания первого.

Существенно более медленное изменение органического строения фондов в сравнении с изменением их технического строения обусловливается различной связью роста производительности труда с этими соотношениями. Рост производительности труда означает увеличение масс средств производства, потребляемых данной массой живого труда. Он ведет и к снижению стоимости средств производства. И так как стоимость средств производства определяется затратами прошлого и живого труда, она неизбежно снижается медленнее, чем возрастает производительность живого труда[2].

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 636, 644—645; т. 25, ч. I, стр. 232.

[2] Об отставании изменения органического строения капитала от его технического строения Маркс писал: «Причина заключается про-

Необходимое повышение отношения массы стоимости постоянных фондов к массе стоимости переменных фондов и представляет собой закон роста органического строения фондов социалистического производства. Являясь специфическим законом социалистического производства, он принципиально отличается от закона роста органического строения капитала.

Во-первых, он является законом изменения структуры не капитала, а фондов и поэтому выражает определенную сторону непосредственно общественных отношений социалистической коллективности между производителями — по поводу фактического использования средств производства, которому свойственна тенденция приближаться к оптимальному их использованию на наиболее интенсивной, технически прогрессивной основе.

Во-вторых, как закон социалистических отношений производства — обусловливают ли его действия лишь относительное снижение масс переменных фондов или на определенном этапе роста общественной производительности труда и абсолютное их снижение — он не ведет к образованию резервной армии труда, а лишь служит одним из законов, взаимодействие которых обусловливает планомерное перераспределение рабочей силы как внутри сферы материального производства, так и между последней и всеми другими сферами труда.

В-третьих, между формированием органического строения фондов и органического строения капитала имеется глубокая принципиальная разница. И если органическое строение капитала формируется в неразрывной связи с законом стоимости рабочей силы, то органическое строение фондов — в неразрывной связи с законом социалистически необходимого труда и продукта.

сто в том, что с увеличением производительности труда не только возрастает объем потребляемых им средств производства, но и понижается стоимость их по сравнению с их объемом. Таким образом, стоимость их абсолютно повышается, но не пропорционально их размерам. Поэтому разность между постоянным и переменным капиталом возрастает много медленнее, чем разность между той массой средств производства, в которую превращается постоянный капитал, и той массой рабочей силы, в которую превращается переменный капитал. Первая разность увеличивается вместе с последней, но в меньшей степени, чем последняя» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 637).

И поэтому даже при равных изменениях в техническом строении производства, при одинаковом изменении производительности труда органическое строение фондов необходимо складывается существенно иначе, чем органическое строение капитала.

Например, техническое строение фондов и капитала составляет $\frac{60c}{20v}$; потребление авансированных фондов и капитала происходит за один цикл; норма прибавочного продукта — 100%. Поэтому за цикл создается продукт стоимостью $60\ c + 20\ v + 20\ m = 100$, физический объем которого — 100 единиц. Стоимость же единицы продукции $\frac{100}{100} = 1$.

Допустим также, что при переходе ко второму циклу производительность труда возросла в 1,5 раза. Тогда по стоимости будет создан продукт $90\ c + 20\ v + 20\ m = 130$, а по физическому объему — 150. Стоимость же единицы продукции равняется $\frac{130}{150} = 0{,}86$.

Как же в этих условиях будет изменяться техническое и органическое строение фондов и капитала?

Изменение технического строения фондов и капитала одинаково. В первом цикле оно составляло $\frac{60\ c}{20\ v}$; во втором — $\frac{90\ c}{20\ v}$, т. е. поднялось в 1,5 раза $\left(\frac{90c}{20v} : \frac{60c}{20v}\right)$. И если допустить, что масса живого труда в первом и втором циклах непосредственно определяет стоимость переменных фондов и переменного капитала, то и органическое строение фондов и капитала также будет изменяться одинаково.

Определяя изменение органического строения для второго цикла с учетом стоимости его воспроизводства, получим: органическое строение первого цикла $\frac{60\ c}{20\ v}$; органическое строение второго цикла $\frac{77\ c}{20\ v}$ $\left(\frac{90c\ .\ 0{,}86v}{20} = \frac{77c}{20v}\right)$.

Но допущенное упрощение пригодно лишь для иллюстрации общего направления изменений в соотношении технического и органического строения. В силу отвлечения от специфических особенностей формирования стоимости переменных фондов и переменного капитала оно не отражает принципиальной разницы в изменении органического строения фондов и капитала.

Дело в том, что вместе с ростом производительности труда снижается стоимость и переменного капитала, и фондов. Но законы их снижения различны. В нашем примере масса живого труда и стоимость переменного капитала и переменных фондов равны $20\ v$. Однако при изменении производительности труда та же рабочая сила, затрачивая ту же массу живого труда, как товар будет стоить уже не $20\ v$, а меньше: ее стоимость формируется под воздействием снижения стоимости воспроизводства продукции, которая будет понижать

ее стоимость. Но с другой стороны, ее снижению будет противостоять исторический и моральный элемент, расширяющий необходимые условия воспроизводства рабочей силы. Поэтому ее стоимость неизбежно снижается в меньшей мере, чем стоимость воспроизводства продукта.

В нашем примере стоимость воспроизводства единицы продукта уменьшилась с 1 до 0,86. И если допустить, что стоимость воспроизводства товара рабочая сила снизилась с 1 до 0,9, то реальное изменение органического строения капитала составит $\frac{90c \cdot 0{,}86}{20v \cdot 0{,}90} = \frac{77c}{18v}$.

Это значит, что при возрастании технического строения капитала в 1,5 раза его органическое строение увеличивается примерно в 1,42 раза $\left(\frac{77c}{18v} : \frac{60c}{20v}\right)$.

Но стоимость переменных фондов в отличие от переменного капитала формируется не в связи со стоимостью рабочей силы, а в связи с законом образования социалистического необходимого продукта, предполагающим оптимальное расширение жизненных условий участников производства. Поэтому она и будет складываться при понижающем воздействии роста производительности труда и противостоящих этому снижению действиях закона оптимального расширения жизненных условий.

Допустим, что при снижении стоимости воспроизводства продукта с 1 до 0,86, так как значительная доля экономии труда используется обществом для расширения жизненных условий участников производства, стоимость переменных фондов снизилась с 1 до 0,95. В этом случае реальное изменение строения фондов составит

$$\frac{90c \cdot 0{,}86}{20v \cdot 0{,}95} = \frac{77c}{19v}.$$

Следовательно, при возрастании технического строения фондов в 1,5 раза их органическое строение увеличится примерно в 1,35 раза.

Таким образом, в силу принципиальных отличий формирования стоимости переменных фондов социалистического производства от стоимости переменного капитала различна и взаимосвязь между изменениями производительности труда, ростом технического строения и органического строения фондов и капитала. При прочих равных условиях одни и те же размеры роста технического строения производства при социализме ведут к более медленным изменениям органического строения фондов, чем при капитализме органического строения капитала. Это отражает тот исторический факт, что социализм подчиняет производство интересам удовлетворения потребностей народа, а капитализм — извлечению прибыли.

Но в свою очередь это означает, что закон роста органического строения фондов, представляя собой социально-экономическое выражение технического прогресса, отражает и экономическую необходимость более высоких его темпов, чем в досоциалистических условиях. Ибо только при этом вместе с ростом масс переменных фондов может быть обеспечено возрастание масс постоянных фондов в размерах, необходимых для увеличения производства, достаточного для удовлетворения всех потребностей социалистического общества.

В единстве с законом роста органического строения фондов социалистического производства действует и закон экономических границ применения машин в условиях социализма и коммунизма. В отличие от капитализма, где машины применяются лишь в границах экономии на замещаемом ими оплачиваемом труде, при социализме граница применения машин определяется экономией на *всем* труде, сберегаемом их применением [1]. Но экономия на всем труде не сама по себе определяет экономическую границу социалистического применения машин; она является главным фактором ее определения. Другим ее фактором являются экономически возможные для общества *затраты на облегчение труда,* которые определяются как элемент оптимального использования ресурсов социалистического общества для обеспечения расширения жизненных условий его членов.

Таким образом, экономический закон границ применения машин при социализме (и полном коммунизме) представляет собой закон, в силу которого эта граница определяется оптимальным сочетанием экономии на всем труде, приносимой применением машин, и дополнительных затрат труда, на которые социалистическое общество экономически может пойти ради улучшения условий труда и его облегчения.

Третий экономический закон технически прогрессивного развития социалистического производства — закон изменения структуры продукта, обусловливающий возрастание в составе его стоимости доли перенесенной

---

[1] «Поэтому в коммунистическом обществе машины, — отмечал Маркс, — имели бы совершенно другой простор, чем в буржуазном обществе» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 404).

стоимости в сравнении со вновь созданной. Этот общий закон исследован Марксом. «...Если данное количество труда, — писал он, — и присоединяет к своему продукту всегда одну и ту же сумму новой стоимости, то с ростом производительности труда растет та старая капитальная стоимость, которая при этом переносится на продукт» [1].

Взаимодействие закона роста органического строения производства и закона повышающейся доли прошлого труда в составе продукта очевидно. Они, собственно говоря, выражают результат роста производительности труда на технически прогрессивной базе: один — применительно к структуре фондов производства, другой — к структуре стоимости.

Как же отражаются на действии закона изменения структуры стоимости продукта условия высокоиндустриально развитой экономики социализма, вносящие изменения в рост органического строения фондов?

Технический прогресс приводит к тому, что наряду и во взаимосвязи со снижением трудоемкости производства продукта, т. е. получением при данной общей массе затрат прошлого и живого труда все больших масс продукта, действуют тенденции: *а)* снижения фондоемкости производства, т. е. производства при данной стоимости фондов все больших масс стоимости продукта, и *б)* снижения материалоемкости производства, т. е. производства при данной стоимости затрачиваемых материалов все бóльшей массы продукта (физического его объема).

Иногда полагают, что каждая из этих двух тенденций противоречит закону повышающейся доли прошлого труда в стоимости продукта. Эти взгляды, однако, не имеют реальных оснований. Так, первая из тенденций — снижение фондоемкости — лишь означает, что при помощи той же массы стоимости фондов, но при возрастающей

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 619; см. также т. 25, ч. I, стр. 232—236.

Маркс специально при этом подчеркивает принципиальное отличие этого своего положения от взглядов классиков, которые не понимали, что один и тот же живой труд при росте производительности труда сохраняет растущую капитальную стоимость (см. там же, стр. 620).

в силу повышения их эффективности производительности труда перерабатываются все большие массы сырья и создается продукт все большей стоимости. Это, однако, не отменяет тенденции к повышению доли прошлого труда в стоимости продукта. Он лишь в большей или меньшей мере ей содействует в зависимости от того, в каком соотношении он находится к вызываемой им самим экономии живого труда. Рост эффективности фондов означает не только получение больших масс стоимости производимого продукта, но и снижение затрат живого труда на единицу продукта. И так как в то же время снижение фондоемкости производства не отменяет роста органического строения фондов, это обусловливает, что экономия живого труда на производимый продукт, как правило, должна опережать экономию фондов (если рассматривать процесс в рамках всего общественного производства).

Таким образом, снижающаяся фондоемкость в лучшем случае может лишь замедлять рост доли прошлого труда в продукте за счет замедления роста органического строения фондов.

Снижающаяся материалоемкость производства продукта, поскольку она служит выражением роста производительности труда, также неизбежно связана с еще большим снижением затрат живого труда и поэтому не отменяет необходимости повышения доли прошлого труда в стоимости продукта [1].

Таким образом, закон изменения структуры стоимости продукта путем повышения доли прошлого труда и снижения живого труда представляет собой общий непреложный закон всякого производства, в том числе и социалистического, на любой ступени развития его индустриального характера. Он является выражением интенсивного характера развития социалистического произ-

---

[1] На эту сторону процесса обращал внимание Маркс. «...По мере развития производительной силы труда, — писал он, — стоимость сырья образует все возрастающую составную часть стоимости товарного продукта... также потому, что в каждой доле всего продукта обе части, — как часть, соответствующая износу машин, так и часть, создаваемая вновь присоединенным трудом, — уменьшаются» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 121).

водства, и его действия дают себя знать тем сильнее, чем интенсивнее протекает технический прогресс [1].

В неразрывном взаимодействии с законом роста производительности труда и экономическими законами технически прогрессивного развития социалистического производства действует и особый закон динамики объема социалистического производства — закон систематического роста социалистического производства, представляющий собой особый исторический закон социализма и коммунизма.

Разумеется, и в досоциалистических формациях в тех или иных формах в конечном счете происходил рост производства. В докапиталистических обществах он был спорадическим и длительные времена вовсе не осуществлялся. В самом характере производственных отношений первобытнообщинного, античного и феодального способов производства не было условий, порождавших его рост как систематически действующий закон развития. При капитализме рост производства является имманентным законом. Но циклический характер его развития означает, что целые периоды экономического процесса характеризуются не ростом, а падением производства (фаза кризиса и депрессии), рост производства при этом происходит лишь в конечном счете — от цикла к циклу, что и придает этому закону специфически капиталистический характер.

[1] Сдвиги в структуре себестоимости продукции, протекающие в направлении повышения материальных затрат, косвенным образом отражают действия этого закона.

Структура затрат на производство промышленной продукции *

(в %)

Годы	Всего	Материальные затраты	Амортизация	Зарплата	Прочие
1955	100	72,3	3,4	21,2	3,1
1961	100	74,2	3,6	18,9	3,3
1963	100	73,8	4,7	18,3	3,2

* «Промышленность СССР». Стат. сб. М., 1957, стр. 29; «Народное хозяйство СССР в 1961 году», стр. 195; «Народное хозяйство СССР в 1963 году». М., 1965, стр. 135.

Данные исчислены в действующих ценах, отклоняющихся от стоимости, но сдвиг в структуре всего лишь за восемь лет в сторону повышения доли материальных затрат и амортизации с 75,7 до 78,5% — свидетельство интенсивного действия тенденции к увеличению доли прошлого труда.

При социализме на смену ему приходит специфически социалистический закон *систематического* роста производства, действие которого характеризует непрерывный рост совокупного общественного продукта высокими темпами на основе повышения материального оснащения социалистического производства (т. е. на технически интенсивной основе).

Рост общественного продукта и производства электроэнергии в СССР

	Общественный продукт в % к		Производство электроэнергии в % к	
	1950 г.	предыдущему году	1950 г.	предыдущему году
1951	111	111	114	114,0
1952	123	110,8	131	114,5
1953	135	109,8	147	112,8
1954	151	111,9	165	112,2
1955	167	110,6	187	113,0
1956	186	111,4	210	112,6
1957	201	108,1	230	109,4
1958	221	110	258	112,2
1959	240	108,6	291	112,6
1960	258	107,5	320,5	110,3
1961	276	107	359	112,1
1962	293	106	405	112,7
1963	304	103,8	452	111,7

Общественная собственность на средства производства и непосредственно общественные отношения коллективности в производстве и присвоении общественного продукта, т. е. действия основного экономического закона, обусловливают факторы, при которых создается возможность и необходимость непрерывного интенсивного роста социалистического производства.

Возникающие и растущие на основе развития социалистического производства все новые экономические потребности общества, обгоняющие в каждый данный момент возможность их полного удовлетворения, поскольку они представляют собой потребности самого общества — коллективного собственника-производителя всех материальных благ, образуют материальные рамки соответственного роста общественного производства. Общество планомерно учитывает изменившиеся и возросшие потребности и в соответствии с ними направляет имеющиеся материальные и трудовые ресурсы на

расширение производства. В соответствии с растущим производством оно развивает и отношения распределения и потребления.

Эта диалектическая необходимая взаимосвязь роста производства и обусловливаемого им опережающего роста экономических потребностей, реализуемая системой социалистических экономических отношений, и осуществляется законом непрерывного роста социалистического производства [1].

Необходимой чертой роста социалистического производства является его рост на интенсивной основе, или, иными словами, интенсивный характер непрерывного роста социалистического производства.

Рост производительности труда — решающий фактор роста общественного социалистического производства. Уже в силу этого ему и свойствен интенсивный характер. Но дело этим не исчерпывается. В условиях социализма в качестве интенсивного элемента роста производства действует и другой фактор — увеличение численности работающих в сфере материального производства. Вновь вовлекаемая в производство рабочая сила вооружается передовыми, технически прогрессивными средствами производства, что необходимо происходит в силу тех же факторов, которые обусловливают интенсивный характер роста производительности труда. Таким образом, рост социалистического производства неизбежно является интенсивным.

Но чем же определяются количественные пределы темпов роста социалистического производства?

Ясно, что абстрактный нижний предел роста производства дается увеличением населения. Однако производство не может расти темпами, совпадающими с темпами прироста населения, ибо это означало бы экономический застой, простое воспроизводство душевых размеров производства.

---

[1] Следует отметить, что непрерывность роста производства в условиях социализма не только возможность, но и объективная необходимость. Возможность непрерывного роста производства создается экономической взаимосвязью между развитием потребностей и ростом производства; необходимость же его определяется, как мы увидим далее (см. гл. 8), экономическими факторами, обусловливающими при социализме развитие производства соответственно складывающимся потребностям (движение пропорциональности, производительности труда, рабочей силы и т. д.).

Разумеется, абстрактный верхний предел роста производства — его темпы, которые могли бы быть обеспечены использованием на накопление всей той части чистого продукта общества, которая превышает уже сложившийся фонд потребления. Но и это означало бы замораживание потребления на неизменном уровне, неудовлетворение увеличивающихся потребностей и в конечном счете вело бы к невозможности использования накопленных материальных средств, поскольку развитие рабочей силы, ограниченное стабильностью фонда потребления, не было бы адекватным увеличению и развитию объективных факторов производства — накапливаемых вещественных средств производства.

Стало быть, рост производства лежит внутри этих абстрактных его границ — верхней и нижней. В условиях социализма он необходимо стремится к оптимальному, т. е. такому росту, который отвечал бы сочетанию растущего удовлетворения потребностей текущих и складывающихся в достаточно длительной перспективе экономического развития, с растущим производством как в текущем цикле, так и в длительной последовательной цепи циклов производства, — иными словами, это рост того и другого (удовлетворения потребностей и производства) максимально возможными темпами.

Разумеется, экономический период, в рамках которого складывается оптимальность темпов роста производства, также объективен, как и необходимость самой оптимальности. Действительно, оптимум сочетаний темпов роста производства и потребления будет весьма различен в зависимости от того, относится ли он к одному, трем, пяти и так далее циклам производства. Очевидно, что объективно рамки оптимума определяются периодом экономического оборота накопленных материальных ресурсов общества и качественно крупными сдвигами в структуре решающей производительной силы — рабочей силы. Но это особый вопрос, выходящий за пределы настоящей работы.

Итак, закон роста социалистического производства есть закон его непрерывного интенсивного роста, т. е. развития на технически прогрессивной основе. По мере перерастания социалистического производства в коммунистическое будут неизбежно изменяться и формы его действия. Рост производства, оставаясь непрерывным,

будет обладать тем или иным специфическим ритмом, различными будут и факторы его интенсивности, и условия формирования его оптимальности. Однако основные его черты останутся неизменными и в процессе коммунистического строительства, и в фазе полного коммунизма. Поэтому закон непрерывного роста производства как специфический закон коммунистического способа производства вообще по мере перерастания социалистической экономики в экономику полного коммунизма будет все более всесторонне развертывать свои действия, поднимая эффективность материального производства и уровень его технической прогрессивности.

Закон роста производства взаимодействует с экономическим законом движения социализма и другими законами социалистического производства.

Действуя в общих рамках развития отношений производства, определяемых основным экономическим законом, он представляет собой закон роста действующих вещных производительных сил и общественного продукта, производимого и присваиваемого на базе непосредственно общественных отношений коллективности. Как закон интенсивного роста он обслуживает совершенствование общественного производства, а как закон систематического роста производства — удовлетворение развивающихся экономических потребностей общества в широком смысле — производственных и непроизводственных (личных и общественных).

Взаимодействия закона роста производства с законом планомерности придают его действиям планомерный характер.

Его взаимодействия с законами разделения, кооперации труда и пропорциональности обусловливают распространение его действий на пропорциональное развитие всех подразделений общественного производства, развивающихся в процессе перерастания социалистических форм разделения и кооперации труда в их коммунистические формы и т. д.

Столь же неразрывно и взаимодействие закона роста производства с законом роста производительности труда и экономическими законами технической прогрессивности развития производства. В этом взаимодействии осуществляются все новые и новые средства и возможности: растущее производство создает средства нового,

технически прогрессивного оснащения труда; технически все более оснащаемый труд становится все производительнее и выступает все более действенным фактором роста производства. А так как в силу характера экономических отношений социализма между экономическими законами нет антагонистических противоречий, то их взаимодействие представляет собой мощный, непрерывно действующий фактор экономического развития.

Нами рассмотрены некоторые важнейшие, определяющие законы развития социалистического производства, развития их действий и их взаимодействий в процессе развития экономических отношений социализма. Но при этом, однако, анализировались либо действия каждого закона самого по себе, взятого абстрактно, изолированно, либо взаимодействие каждого данного закона производства с каждым другим, отдельно взятым законом и основным экономическим законом социализма.

Однако в реальной экономической действительности все законы действуют совместно. Экономические процессы осуществляются в итоге их взаимодействий. При этом, разумеется, закон — это отнюдь не некоторая абстракция, не отражающая реальной связи, не управляющая реальным процессом. Дело обстоит вовсе не так.

Каждая качественно особая сторона, форма отношений производства образует собой особую необходимую сущностную форму объективной экономической связи, управляющей экономическими процессами и явлениями, т. е. образует закон этой связи. И как бы ни сплетались эти связи в их совместном осуществлении, в единстве экономических отношений, как бы они не модифицировали друг друга, каждая такая связь и в системе взаимосвязей остается главной, определяющей данный процесс, данную группу явлений. Со стороны других связей этот процесс, эта группа явлений испытывает воздействия, под этими воздействиями они так или иначе модифицируются. Но пока они остаются самими собой, управляет их основным течением их собственный внутренний закон.

Не забывая этого диалектического соотношения закона и системы законов, действия каждого отдельного закона и системы их взаимодействий, и следует определить некоторые результативные важнейшие формы взаимодействия законов производства, иными словами, определить

взаимодействие этих законов в процессе перерастания социалистического производства в коммунистическое в качестве основных закономерностей этого процесса.

Главная закономерность развития общественных производственных отношений в сфере непосредственно социалистического производства и состоит в том, что они неизбежно перерастают в отношения коммунистические. Развиваясь шаг за шагом, они обусловливают процесс нивелирования, выравнивания фактического положения производителей в процессе производства, ликвидацию одной формы социально-экономических различий за другой, реализацию всех их отношений в рамках все более зрелого характера обобществления всенародной собственности на средства производства.

В процессе действия этой закономерности осуществляется *движение и разрешение противоречий* социалистического производства, связанных, как мы видели, с равенством отношений между производителями по поводу средств производства (отношения присвоения — распоряжения), с одной стороны, и неравенством положения производителей в процессе производства (отношения неравенства фактического присвоения — использования средств производства) — с другой, и выступающих в целом ряде конкретных социально-экономических противоречий. Прежде всего это противоречия между городом и деревней, между последовательно социалистическим производством (государственным, всенародным) и производством колхозным (кооперативным, групповым), т. е. противоречия классовые — рабочего класса и крестьянства, специфические противоречия особых интересов обоих классов.

Это неантагонистические, т. е. не коренные, противоречия. Оба вида социалистического производства и оба класса объединяются всенародными отношениями социалистической собственности, и их коренные интересы общи. Однако же социально-экономические различия (неравенства) положения в производстве рабочих и крестьян обусловливают их специфически обособленные интересы в разделении и кооперации труда, его пропорциональном разделении, в росте производства и производительности труда и т. д.

Иными словами, действие законов производства в каждой сфере производства — государственной и кол-

хозно-кооперативной — встречается со специфическими противоречиями. Например, закон планомерности, действующий с наибольшей полнотой в сфере последовательно социалистического производства, сталкивается с более узкими рамками в сфере колхозного производства. Это в свою очередь рождает противоречия между его действиями в обеих сферах. Или закон пропорционального распределения труда для его полной реализации требует распределения и перераспределения труда в народнохозяйственных рамках. Границы же колхозно-группового производства являются серьезным ограничением на пути его реализации.

Все эти и другие противоречия разрешаются именно на базе ведущей роли всенародной собственности, последовательно социалистического производства и единства коренных экономических интересов. Но тем не менее они не перестают существовать и действовать.

Другая существенная группа социально-экономических противоречий производства связана с фактически различным положением трудящихся, занятых физическим трудом в системе общественного производства. В действиях всех законов социалистического производства специфически экономические интересы общественных групп трудящихся, занятых специфически различными видами социально неоднородного труда, дают себя знать как известная система противоречий этих интересов. Вместе с тем с ними в их единстве с противоречиями умственного и физического труда связаны в конечном счете и специфические противоречия товарного производства и действий закона стоимости.

Третья существенная группа противоречий — это противоречия, связанные с отношениями между людьми труда физического и умственного, с социально-экономическим неравенством в их фактическом положении в производстве и соответственно с фактическим различием этим обусловленных экономических интересов. Соответственно в действиях всех экономических законов производства все эти противоречия неизбежно отражаются, образуя момент их сущности и накладывая свою печать на формы их действия.

Было бы совершенно неправильным трактовать все эти внутренние противоречия производства в качестве противоречий старого и нового, как борьбу положитель-

ного и отрицательного, как борьбу отмирающего и нарождающегося. Конечно же, все противоречия старого и нового и тому подобные имеют громадное значение, и борьба старого и нового — безусловный источник движения. Но столь же безусловно неправильно сводить противоречия лишь к этой их форме[1].

Противоречия производства — это в одних или других временных рамках постоянно действующие противоречия социалистического строя производства, которые разрешаются в процессе его развития. И форма их разрешения имеет специфически исторический характер: эти противоречия возникают в процессе планомерного развития социализма; планомерно же они и разрешаются в ходе строительства коммунистического общества.

В процессе перерастания социализма в коммунизм на каждом из его этапов происходит не только разрешение действующих противоречий производства в форме его движения, развития, но и преодоление известной группы специфически социалистических противоречий вместе с изживанием тех форм отношений, которым она соответствовала.

Так, в итоге распространения социалистической собственности на все средства производства (слияния колхозно-кооперативной формы собственности с общенародной формой социалистической собственности) отпадает группа противоречий социалистического производства, связанная с наличием двух его секторов. Тем самым все экономические противоречия социалистического производства превратятся в бесклассовые противоречия. Постепенно будут разрешены и противоречия производства, связанные с различиями положения групп трудящихся в процессе выполнения ими физического труда. Наконец, в процессе созревания экономических отношений коммунизма отпадает последняя группа специфически социалистических противоречий производства, связанная

---

[1] Возьмем ли мы мир природы, возьмем ли мы мир общественных отношений, это очень легко обнаруживается. Противоречия материи, например взаимосвязи протона и электрона, или в общественной материи, например, противоречия абстрактного и конкретного труда, стоимости и потребительной стоимости, производства и потребления, труда умственного и труда физического — где тут отсталое? Где тут передовое? Разве указанные противоречия находятся в плоскости противоречий передового и отсталого? Ясно, что дело обстоит иначе.

с социально-экономическими различиями умственного и физического труда.

Это, однако же, ни в какой мере не означает, что вообще ликвидируются всякие противоречия общественных отношений производства. Действительность пока не дает еще материалов для раскрытия конкретных форм будущих противоречий. Однако же теоретически на основе опыта и тенденций исторического развития форм общественного социалистического производства можно констатировать, что специфически социалистические противоречия производства неизбежно уступят свое место противоречиям производства коммунистического.

Итак, первая и главная закономерность развития социалистического производства есть его закономерность развития из непосредственно общественных отношений коллективности производства и присвоения общественного продукта при социально-экономических различиях между его участниками в непосредственно общественные отношения высшей, коммунистической коллективности, когда отношения между его участниками будут отношениями полного социально-экономического равенства.

В этой закономерности выступает развитие основного экономического процесса, определяемого экономическим законом движения социализма и в рамках его действий совокупным единством действий всех рассмотренных законов непосредственного социалистического производства.

Другой существенной закономерностью развития отношений в непосредственном процессе социалистического производства является повышение уровня, степени зрелости его планомерности, определяющей процесс оптимального развития на длительные сроки и все более органично сочетающейся с расширением сферы самодеятельности, почина, инициативы, живого творчества, созидательной борьбы широчайших народных масс.

Сама суть коммунизма как высшего строя общественной жизни человечества состоит в том, что он развязывает гигантскую, планомерно направленную энергию, самостоятельность, инициативу, почин поголовно всех участников общественного труда во всех его сферах и отраслях.

Для успеха планомерного развития коммунистического производства необходим коллективный опыт мил-

лионных масс трудящихся, ибо для этого, говоря словами Ленина, «недостаточно опыта сотен и сотен тысяч тех верхних слоев, которые делали историю до сих пор и в обществе помещичьем и в обществе капиталистическом» [1]. Опыт миллионов трудящихся, их творческая инициатива, энергия, направленная на достижение высших результатов общественного производства, соревнование в его постоянно обогащающихся и развивающихся творческих формах составляют неотъемлемую общую черту процесса развития социалистического производства.

Одной из важнейших закономерностей развития коммунистического производства является развитие отношений высших форм разделения труда на основе перерастания социалистических форм его разделения и кооперации в коммунистические, глубоких изменений в пропорциях производства, создания рационально, гармонично развитой и потому наивысшей по уровню экономической эффективности (при данном развитии производительных сил) структуры общественного производства. В ней выражаются во взаимосвязи процессы, определяемые законами социалистического разделения труда и пропорциональности, их взаимодействиями со всеми другими законами производства и в рамках действий основного экономического закона социализма.

Существенной закономерностью развития производства является превращение социалистического производства из товарного производства особого рода в нетоварное в процессе перерастания социалистических отношений производства в коммунистические. По мере того как ликвидируется социальная неоднородность труда, преодолеваются и условия, требующие отношений товарного производства. Этот процесс определяется развитием характера собственности и основного производственного отношения, стало быть, действиями прежде всего основного экономического закона.

На развитии этого процесса сказываются и действия других законов производства (разделения и кооперации труда и т. д.). Но важнейшая его особенность в том, что он развертывается и под воздействием самих законов товарного производства, и прежде всего закона стои-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 380.

мости, который обслуживает развитие социалистического производства, процесс его перерастания в коммунистическое. Поэтому само перерастание социалистического товарного производства в нетоварное коммунистическое производство на определенных этапах предполагает не свертывание, а развертывание товарных отношений. Развернувшись в полную меру, они исчерпают себя и прекратят свое существование.

Важной закономерностью развития отношений в непосредственном процессе социалистического производства, их перерастания в коммунистические отношения является развитие взаимообусловливающих процессов роста производительности труда и объемов производства, протекающих непрерывно и носящих интенсивный и оптимальный характер, в основе которого лежат факторы, определяемые рядом законов: социалистическим законом роста производительности труда, экономическими законами роста технической прогрессивности производства, законом непрерывности роста производства, единством их действий в рамках действий основного экономического закона социализма и во взаимодействии со всеми другими законами производства.

Итак, процесс перерастания социалистического производства в производство коммунистическое есть закономерный процесс, управляемый экономическим законом движения социализма, а в рамках его действий — системой взаимодействующих законов непосредственного социалистического производства. Он, этот процесс, представляет собой развитие отношений высшей коллективности в производстве и присвоении общественного продукта, развитие, которое протекает планомерно, включает в себя перерастание социалистических форм разделения и кооперации труда в коммунистические, развитие, а затем отмирание товарных форм производства. Он, наконец, представляет собой процесс непрерывного роста общественной производительности труда и объемов общественного производства, его интенсивности и оптимальности при всестороннем развитии рациональной структуры. Все это обусловливает наивысшую эффективность производства на каждой данной ступени развития производительных сил.

глава 7

ЗАКОНЫ ФАЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБМЕНА И ПОТРЕБЛЕНИЯ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗАКОНОВ ОТДЕЛЬНЫХ ФАЗ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ЗАКОНОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА

Как и в фазе непосредственного производства, движение производственных отношений в следующих за ней фазах распределения, обмена и потребления управляется своими особыми законами.

1
законы фазы распределения

Отношения распределения, т. е. формы движения общественных производственных отношений в фазе распределения, есть не что иное, как отношения между агентами производства, его участниками по поводу присвоения результатов производства — общественного продукта. Сущность, характер, развитие этих отношений находятся в определяющей их зависимости от основного производственного отношения — отношения собственности на средства производства — и совокупности отношений в непосредственном производстве [1].

Отношения социалистического распределения в их совокупности обнимают все формы и виды отношений по поводу присвоения всех элементов общественного продукта — и его фонда возмещения, и фонда социалистического необходимого продукта, и фонда социалистического прибавочного продукта. Однако же при всем

[1] «Структура распределения, — писал Маркс, — полностью определяется структурой производства... Определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 721).

многообразии этих форм и видов отношений распределения всем им свойствен ряд общих определяющих черт.

Во-первых, отношения социалистического распределения по существу есть непосредственно общественные отношения коллективности участников производства в присвоении результатов производства (при социально-экономических различиях между ними в этом процессе). Это в свою очередь означает, что элементы общественного продукта представляют собой объект отношений по поводу их присвоения в общественную собственность (с соответствующими различиями форм распределения на базе всенародной и колхозно-кооперативной собственности). При этом отношения распределения, охватывающие части продукта, используемые на возмещение потребленных средств производства и на накопление в качестве форм общественного присвоения этих частей продукта, получают специфический характер в зависимости от условий функционирования социалистического производства (экономическая обособленность предприятий, сочетание прямых и косвенных товарных их связей). Отношения распределения непроизводственно распределяемых частей общественного продукта (индивидуально и на общественных началах) представляют собой также формы присвоения продукта в общественную собственность, причем последние опосредствуют его дальнейшее *личное присвоение* (также с соответствующими различиями в рамках двух форм собственности).

Таким образом, отношения социалистического распределения по поводу *всего* общественного продукта в целом выступают как отношения *непосредственного общественного* присвоения, т. е. его присвоения обществом в целом (по решающему государственному сектору производства), или колхозно-кооперативного присвоения (по соответствующему сектору производства). Индивидуальное распределение здесь выступает как лишь последующий, завершающий акт присвоения в основном предметов личного потребления. Поэтому отношения личного распределения, не затрагивая распределения условий производства, вместе с тем являются отношениями, которые реализуют систему материальных стимулов производства и потому активно воздействуют на его течение. Они складываются как отношения, обусловленные производством и обусловливающие потребление.

Во-вторых, отношениям социалистического распределения, образующим его двум группам — отношениям непосредственно общественного присвоения и производным от него отношениям личного присвоения не свойственны антагонистические противоречия. Их единство характеризуется противоречиями неантагонистического типа, возникающими и разрешающимися в процессе их движения и развития. Общественное распределение производственно используемой части общественного продукта образует основы развития производства в интересах расширения жизненных условий самих производителей. Личное распределение непроизводственно используемой части продукта реализует необходимое расширение этих жизненных условий в каждый данный момент и вместе с тем является фактором, материально стимулирующим развитие производства и рост производительности труда.

В-третьих, поскольку социалистическое распределение — совокупность отношений коллективности в присвоении общественного продукта при социально-экономических различиях между участниками производства, постольку отношения индивидуального распределения непроизводственно потребляемой части продукта есть необходимые отношения, отражающие различие фактического положения производителей в процессе производства, т. е. отношения распределения по труду. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Распределение по труду обычно связывают с тем, что: *а)* развитие производительных сил еще недостаточно для того, чтобы обеспечить распределение по потребностям; *б)* необходимо личное материальное стимулирование, так как труд при социализме не является еще первой жизненной потребностью человека и поэтому не выполняется бесплатно, по привычке.

Разумеется, объем распределяемых благ как экономическое основание той или иной формы распределения весьма важен. И в этом смысле недостаточность уровня развития производительных сил объясняет, почему при социализме нет условий для распределения по потребностям [1]. Но сам по себе он еще ничего не говорит о рас-

[1] «...Способ распределения, — писал Энгельс, — существенным образом зависит от *количества* распределяемых продуктов и... это количество, конечно, меняется вместе с прогрессом производства и

пределении по труду. Как известно, уровень производства благ, недостаточный для их распределения по потребностям, свойственный разным ступеням общественного производства, связан с различными формами распределения отнюдь не по труду (например, при капитализме по стоимости рабочей силы и по капиталу и т. д.). Далее, из того, что труд по своему характеру еще не стал коммунистическим, вытекает, конечно, необходимость личных материальных стимулов. Но из этого отнюдь не следует, что таковые должны состоять в распределении по труду. Более того, и то, что труд еще не стал первой жизненной потребностью, также требует объяснения.

Распределение по труду как экономически необходимая форма отношений производства вытекает из самой природы социалистической собственности на средства производства и отношений между производителями в непосредственном процессе социалистического производства.

Отношения социалистической коллективности исключают товарные отношения по поводу всех решающих элементов производительных сил — действующих орудий труда, которые из основного капитала стали основными фондами производства, и рабочей силы, ставшей из товара непосредственно общественной объединенной социалистической рабочей силой. Тем самым социалистическая собственность исключила отношения распределения по капиталу и по стоимости рабочей силы.

Вместе с тем при социализме неизбежно фактически различное социально-экономическое положение трудящихся в производстве. Но раз это так, т. е. пока фактически еще существенно не равны между собой участники производства разных его областей, подразделений, звеньев, видов, отраслей и т. д. по условиям труда, степени его тяжести, его квалификации и интенсивности, содержательности, его социальной значимости и привлекательности, его экономическим результатам и т. д., это предполагает два объективно необходимых следствия, первое из которых состоит в *необходимости личного материального стимулирования труда.* Чтобы обеспечить

общественной организации; а следовательно, должен был бы меняться и способ распределения» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 232).

всеобщее участие в труде при условии выполнения его участниками весьма еще неравного труда, чтобы все социально различные виды труда, нужные обществу, равным образом выполнялись, чтобы была исключена возможность в силу неравенства положения в общественном производстве одним перекладывать свою часть общественно полезного труда на других, — все это требует, чтобы включение работников в труд и само выполнение труда осуществлялись на началах личного материального стимулирования, личной материальной заинтересованности.

Личная материальная заинтересованность при социализме — это объективная форма движения отношений, складывающихся на базе общественной собственности на средства производства, в которой реализуется неантагонистическое противоречие между всенародным экономически равным присвоением — распоряжением средствами производства и экономически неравным их использованием. Для участников производства общественные средства производства свои, собственные. От их использования выигрывает все общество и каждый участник производства. Но так как положение в производстве его участников еще неравно, необходима наряду с этой общественной материальной заинтересованностью и личная материальная заинтересованность, которая в качестве именно социалистической формы и зиждется на том, что средства производства общественные и существует уже общественная, совместная заинтересованность. (Досоциалистическим способам производства также свойственна известного рода личная материальная заинтересованность, но ее природа принципиально иная: она определяется частной собственностью и не связана с совместной общественной заинтересованностью [1].)

---

[1] Поэтому неверно выводить личную материальную заинтересованность при социализме из отношения людей к средствам производства якобы как к чему-то чуждому, казенному, как это делают некоторые экономисты, по мнению которых «при социализме не может сразу сложиться отношение всех людей к государственным средствам производства как к своим собственным, а не как к чему-то чуждому, казенному. Поэтому при социализме привлечение людей к работе на общественных предприятиях экономически осуществляется путем сочетания моральных стимулов к труду с *личной материальной заинтересованностью*» («Курс политической экономии», т. II, стр. 92). Авторам данного тезиса не следовало бы упускать из виду, *во-первых,*

На необходимость личной материальной заинтересованности как объективной экономической формы социалистической экономики и указывал Ленин. «...Надо построить, — подчеркивал Ленин, — всякую крупную отрасль народного хозяйства на личной заинтересованности»[1].

Второе же следствие состоит в том, что в условиях социализма личное *материальное стимулирование, личная материальная заинтересованность возможны лишь в специфически социалистической форме — индивидуального распределения по труду.*

Дело в том, что формы распределения неразрывно связаны с характером производства, условиями его развития. Социалистическое производство основывается на общественных средствах производства и ведется на общественный счет, требуя материального стимулирования социально неоднородных видов труда. Каждый же участник производства может внести в производство *только свой труд,* как и получить из результатов производства продукты другого *труда.* При социализме «никто не может дать ничего, кроме своего труда... в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления»[2]. Между тем такие формы распределения, которые ставят в эквивалентную зависимость то, что получает работник из результатов производства, от того, что он вкладывает в достижение этих результатов, и представляют собой формы личного материального стимулирования. Но формы такой эквивалентной зависимости и есть не что иное, как формы распределения по труду, ибо результат производства — общий результат труда, совокупный продукт, в котором овеществлен общественный труд;

что между капитализмом и социализмом лежит переходный период, когда и складывается отношение работников к средствам производства как к своим, и, *во-вторых,* что личная материальная заинтересованность необходима на протяжении всей фазы социализма, когда это отношение уже сложилось и действует в полную силу.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 165.

Ленин выразил, как известно, свое согласие с сформулированным в докладной записке на его имя тезисом о том, что «заставить... работать может только *экономическая необходимость.* На этом прозаическом фундаменте только и можно строить» (Ленинский сборник XXIII, стр. 255).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 18.

вклад же работника в производство — это только его личный трудовой вклад. Поэтому распределение результатов общественного производства, точнее, лично распределяемой их части на основах эквивалентности участия работников в создании этих результатов и есть распределение по труду [1].

Между тем некоторые экономисты в распределении по труду отказываются признавать эквивалентность, полагая, что между ними при различиях по существу есть лишь внешнее сходство [2]. В действительности же если бы в распределении продукта не было эквивалентности, т. е. распределение не имело бы трудовой основы, то вообще не могла бы иметь место никакая объективная экономическая основа распределения, ибо распределение по стоимости рабочей силы исключается из-за отсутствия таковой, а по потребностям — из-за того, что оно еще не созрело [3]. Конечно, эквивалентность в распределении не является куплей-продажей товара рабочая сила. Это эквивалентность не товарного обмена, не товарных стоимостей, а эквивалентность именно распределения по труду, т. е. распределения фонда необходимого продукта — его основной части — *пропорционально затратам общественно равного труда* каждого производителя на все производство.

В-четвертых, социалистическое распределение, поскольку оно представляет собой присвоение прибавочного продукта, направляемого на накопление и на сов-

---

[1] Эта объективная связь производства и распределения на трудовых началах как адекватная социализму стихийно выражалась в трудах социалистов-утопистов в знаменитой формуле «не работающий, да не ест», которая, как известно, ведет свое начало от уравнительных идей, нашедших свое выражение еще в раннем периоде развития христианства, когда оно складывалось как идеология угнетенных и порабощенных слоев населения (в послании апостола Павла говорится: «Завещали Вам сие: «Если кто не хочет работать, тот и не ешь»»).

[2] См. сб. «Вопросы политической экономии социализма», стр. 60, 62—63.

[3] Маркс, характеризуя распределение по труду при социализме, подчеркивал его эквивалентно-трудовой характер. В распределении индивидуальных предметов потребления при социализме, указывал Маркс, «господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 18—19).

местное удовлетворение непроизводственных потребностей, как и присвоение части необходимого продукта, также направляемого на эти последние цели, выступает как форма, в которой реализуется действие преимущественно стимулов общественной материальной заинтересованности социалистического общества и каждого его члена в развитии производства. Поскольку же социалистическое распределение является присвоением необходимого продукта, направляемого на индивидуальное удовлетворение личных потребностей работников производства, оно выступает как форма, в которой реализуется действие преимущественно стимулов личной материальной заинтересованности участников социалистического производства в его развитии. Таким образом, материальные стимулы; образующиеся в самом производстве, в процессах создания необходимого и прибавочного продукта, реализуются через отношения распределения и в его особых формах, движение которых и управляется особыми законами распределения.

В-пятых, социалистическое распределение, поскольку оно складывается в условиях функционирования товарно-денежных отношений, представляет собой совокупность не прямых, а стоимостных форм, т. е. форм распределения средств и доходов, выражающих движение всех элементов стоимости присваиваемого общественного продукта и опосредствующих распределение его натурально-вещественных элементов.

Система законов распределения столь же многогранна и сложна, как и сами отношения распределения. Общие законы распределения в ней выражают отношения непосредственно общественного присвоения общественного продукта в целом, его распределения на общественно используемую часть и индивидуально распределяемую между участниками производства (отношения первичного распределения).

При этом особая группа законов распределения выражает отношения непосредственно общественного присвоения стоимости функционально особых частей общественного продукта в целом. Сюда входит прежде всего закон распределения фонда возмещения, который распределяется (если иметь в виду ведущий сектор общественного производства — общенародный) как фонд, непосредственно присваиваемый обществом. Однако в силу

необходимости экономической обособленности предприятий его распределение протекает в особой специфической форме: оно представляет собой распределение на началах эквивалентного возмещения предприятиям, участвующим в производстве, стоимости их затрат материальных средств производства. Таким образом, первый из законов распределения производительно используемой части продукта — это *закон распределения между предприятиями части общественного продукта, возмещающего материальные затраты средств производства на началах эквивалентного возмещения предприятиями этих затрат.*

Другой закон распределения выражает *непосредственно общественное присвоение необходимой части чистого продукта,* которая в рамках государственного сектора народного хозяйства первоначально, до ее последующего распределения, непосредственно присваивается обществом. Однако и она в силу экономической обособленности предприятий присваивается в особой форме — фонда оплаты по труду (на что идет основная масса необходимого продукта) и фондов, направляемых на нужды совместного удовлетворения материальных потребностей работников производства как особой части выручки предприятия за реализуемую им продукцию.

Таким образом, один из законов распределения — *закон непосредственно общественного присвоения необходимой части чистого продукта в форме особого дохода социалистических предприятий, идущего на оплату их работников по труду и образование общественных фондов,* используемых для совместного удовлетворения материальных потребностей участников производства.

Особые законы социалистического распределения выражают и непосредственно общественное присвоение социалистического прибавочного продукта. Так, ввиду того что процесс воспроизводства осуществляется на базе общественной собственности и за общественный счет, с одной стороны, и расширенное воспроизводство сферы материального производства, как и удовлетворение непроизводственных общественных потребностей, с другой — протекает в общенародных рамках, соответствующая решающая часть стоимости прибавочного продукта присваивается в непосредственно общественных рамках

в форме образования централизованного дохода государства. В этом и состоит *закон образования централизованного общественного фонда стоимости прибавочного продукта,* или централизованного дохода социалистического общества.

Вместе с тем, поскольку социалистические предприятия экономически обособлены, определенная часть стоимости прибавочного продукта необходимо присваивается в особой форме — части, распределяемой в распоряжение предприятия (образование его прибыли). Закон социалистического распределения, выражающий этот процесс, и есть *закон образования фондов стоимости прибавочного продукта в распоряжении предприятий* (прибыли или соответствующих форм доходов колхозов).

Наряду с законами социалистического распределения стоимости совокупного общественного продукта действуют и особые законы распределения и перераспределения стоимости его частей, используемых на производственные и непроизводственные нужды. Сюда относятся как законы финансового и кредитного социалистического распределения и перераспределения[1], так и особая группа законов, охватывающая отношения индивидуаль-

---

[1] О важной роли действия таких законов социалистического распределения, как закон образования централизованного фонда стоимости прибавочного продукта и закон финансового перераспределения производительно и непроизводительно используемой части общественного продукта, свидетельствуют данные о соотношении национального дохода и его частей, идущих на накопление и потребление, с одной стороны, и доходов и расходов государственного бюджета — с другой.

	В млрд. рублей (в текущих ценах); 1963 г.*
Национальный доход	169,1
Потребление	124,1
Накопление	42,5
Государственный бюджет	
Доходы	89,5
В том числе:	
налог с оборота	34,5
отчисления от прибылей	25,7
Расходы	87,0
В том числе:	
на народное хозяйство	38,8
на социально-культурные мероприятия	31,0

* «Народное хозяйство СССР в 1963 году», стр. 503, 654.

ного распределения. Специфическая группа законов выражает отношения распределения общественно присваиваемых фондов совместного удовлетворения потребностей.

Все эти многообразные и сложные законы распределения и определяют конкретные распределительные процессы, их характер, условия протекания, взаимосвязи и т. д.

В данной работе мы не рассматриваем ни каждый из этих законов в отдельности, ни их совместные особые группы. Нам лишь важно установить главные черты сущности названных законов, формы их действий и изменения в них в процессе развития социалистического распределения, их взаимодействия с основным экономическим законом социализма и законами непосредственного производства.

Поэтому остановимся подробнее на действии важнейших законов распределения в узком смысле слова, именно законов, определяющих в конечном счете распределение средств потребления. К ним относятся: закон возмещения затрат рабочей силы, закон оптимального обеспечения развивающихся жизненных условий участников производства, закон распределения по труду, закон формирования индивидуальных доходов работников (зарплаты и др.) и т. д.

В основе регулирования отношений конечного распределения непроизводственно потребляемой части общественного продукта, образующего социалистический необходимый продукт, т. е. отношений его распределения между участниками производства, лежат два важнейших закона распределения или, точнее, производства — распределения, ибо они одновременно являются объективными законами движения как отношений непосредственного производства, так и отношений распределения в собственном или узком смысле, — законы возмещения затрат рабочей силы и оптимального обеспечения развивающихся жизненных условий участников производства.

Первый из них отражает тот элементарный факт, что затраченная на производство рабочая сила необходимо должна быть воспроизведена. Без этого никакой процесс производства не может продолжаться, подобно тому как он не мог бы продолжаться, если бы не были воспроиз-

ведены производительно потребленные средства производства. Стало быть, экономическое возмещение затрат рабочей силы — непреложная объективная необходимость [1].

Как и при возмещении вещественных элементов производительных сил, закон возмещения затрат рабочей силы требует полного обеспечения условий ее простого воспроизводства, т. е. ее восстановления в исходном виде. Однако так как в отличие от вещественных элементов производительных сил рабочая сила — личный элемент производства, его субъективный фактор, то возмещение наряду с физиологическим элементом включает специфически исторический элемент, причем последний является определяющим. Это значит, что возмещение затрат рабочей силы есть обеспечение тех исторически сложившихся и утвердившихся материальных условий жизни рабочего и его семьи, при которых рабочая сила работника развивалась и функционировала в каждом данном процессе производства. Стало быть, действиям этого закона возмещения присущ строго специфически исторический характер.

В условиях капитализма он действует в сочетании с законом стоимости рабочей силы, ограничивающей формирование жизненных условий непосредственного работника отношениями эксплуатации, а рост его потребностей — рамками самовозрастания капитала и усиления эксплуатации.

В условиях социализма закон возмещения затрат рабочей силы действует в сочетании со специфически социалистическим законом оптимального обеспечения расширяющихся жизненных условий участников производства. Удовлетворение потребностей, развивающихся на основе развития социалистического производства и вместе с его развитием, не встречает никаких других социально-экономических границ, кроме тех, которые заключаются в наличных ресурсах самого производства и

---

[1] Научная заслуга постановки и разработки данного закона и его действий в условиях экономики социализма и связи этого закона с законом распределения по труду и объективными условиями формирования заработной платы принадлежит Е. Л. Маневичу (см. его статью «Актуальные вопросы теории и организации заработной платы в СССР» в сб. «Проблемы политической экономии социализма». М., 1959, стр. 179—183).

необходимости его поддержания и развития ради того же удовлетворения потребностей общества в будущем. Это образует экономическую необходимость, ибо субъектом присвоения выступает не какой-либо отдельный класс или классы, интересы которых сталкиваются, а само общество, для которого развивающиеся потребности — его собственные потребности.

Каждый участник производства поставлен в социально-экономические условия, при которых развитие совокупных потребностей общества является развитием его собственных потребностей, т. е. развитие общественных потребностей в целом — сила, непосредственно развивающая индивидуальные потребности. И наоборот, развитие потребностей члена общества — элемент общественных потребностей. Но мало этого. Обеспечение оптимального удовлетворения этих развивающихся общественных и индивидуальных потребностей — объективная необходимость, и их нарушение чревато диспропорциями производства, падением производительности труда, отливами работников из сфер, где происходят нарушения, и т. д. (см. подробнее гл. 8).

Таким образом, закон оптимального обеспечения расширяющихся жизненных условий участников производства и есть не что иное, как выражение прямой зависимости, обусловливаемой экономическим строем социализма, между развивающимися при социализме экономическими потребностями производителей и развитием производительных сил, роста первых в меру развития последних и необходимости удовлетворения на оптимальных началах этих развивающихся потребностей.

Но если закон обеспечения развивающихся жизненных условий участников производства действует как непреложный закон социализма, то его взаимодействие с законом возмещения затрат рабочей силы означает, что это возмещение неизбежно является возмещением не на застывшем, а на постоянно возрастающем уровне. Что определяется именно воздействием закона оптимального обеспечения развивающихся жизненных условий [1].

---

[1] Непрерывный рост реального уровня доходов рабочих и служащих вместе с ростом реального объема национального дохода от-

Вместе с тем оно означает, что необходимый продукт в производстве образуется под воздействием этих законов производства — распределения и поэтому отвечает условиям производства каждого данного его периода. Иными словами, необходимый продукт — это категория не простого, а расширенного воспроизводства, динамическая категория, отвечающая оптимальным условиям сочетания потребления и развития производства на каждом данном отрезке его течения [1].

Оба закона с существенными неравенствами формируют условия возмещения и расширения жизненных условий как в рамках государственного и колхозно-кооперативного секторов производства, так и в пределах того и другого в целом в зависимости от условий каждой данной сферы разделения труда. В процессе развития социализма эти неравенства мало-помалу выравниваются и в конечном счете отпадают.

С построением коммунизма полная ликвидация неравенств по положению в производстве и в распределении будет означать, что действия законов возмещения затрат рабочей силы и оптимального удовлетворения потребностей работников протекают как формирование социально равных условий того и другого.

Среди законов, определяющих движение отношений распределения, важное значение принадлежит закону

ражает действие рассматриваемых законов распределения. Об этом свидетельствуют следующие цифры (в % к 1952 г.) *:

	1958 г.	1963 г.
Национальный доход	184	251
Реальные доходы рабочих и служащих	142	162
Денежные и натуральные доходы крестьян от общественного и личного хозяйства	168	197

* «Народное хозяйство СССР в 1961 году», стр. 601; «Народное хозяйство СССР в 1963 году», стр. 501, 505.

[1] Очевидно, что один из рассматриваемых законов, закон возмещения, представляет собой всеобщий закон, действие которого распространяется на все формации; другой закон — закон оптимального обеспечения расширяющихся жизненных условий есть специфический закон коммунистического способа производства, действующий и на первой, и на второй его фазах.

распределения по труду, регулирующему отношения распределения основной массы индивидуально распределяемой части необходимого продукта.

Объективная обусловленность действий этого специфически социалистического экономического закона уже рассмотрена. Здесь же отметим ряд сторон, образующих сущность и определяющие формы его действия. *Во-первых,* закон распределения по труду сам по себе, отдельно взятый, не определяет собой массы распределяемых благ и, следовательно, самого общего уровня удовлетворения потребностей. Он управляет прежде всего *характером, способом* индивидуального распределения той массы благ, которая выделяется социалистическим обществом для этой цели соответственно объективной необходимости, выражаемой законами возмещения затрат рабочей силы и обеспечения расширяющихся жизненных условий.

Закон распределения по труду, стало быть, определяет конкретные уровни личного участия трудящихся в распределении индивидуально распределяемого необходимого продукта пропорционально общественным уровням труда, индивидуально затрачиваемого ими в производстве. Однако, определяя прежде всего способ распределения индивидуально распределяемых благ, он вместе с тем отнюдь не безразличен и к определению самой массы благ, поступающих в индивидуальное распределение из общей массы необходимого продукта, размеры которой регулируются законами возмещения и расширяющихся жизненных условий [1].

Действия этих законов определяют при каждом данном уровне развития производительных сил социалистического общества размеры общей массы необходимого продукта, который, однако, поступает в одной, главной

---

[1] Неправильно смешивать функции закона распределения по труду и функции других законов распределения, как это бывает при расширительной трактовке первого из этих законов. «Что касается возмещения затрат рабочей силы, — утверждал, например, И. Кузьминов, — то надо прямо сказать, что закон распределения по труду решает наряду с другими и эту задачу, поскольку он требует оплаты по количеству и качеству труда каждого работника» (сб. «Вопросы политической экономии социализма», стр. 63). Не ясно ли, однако, что определение способа распределения известной массы на части не определяет размеров самой распределяемой массы.

своей части в индивидуальное распределение по труду, в другой — на общественное удовлетворение потребностей самих производителей. И это-то распределение уже не зависит от законов, определяющих общую массу необходимого продукта, а определяется взаимодействием законов распределения по труду и формирования общественных фондов. При этом, так как личной материальной заинтересованности при социализме принадлежит определяющая роль, именно действия закона распределения по труду обусловливают необходимость индивидуального распределения по труду *преобладающей, основной* массы необходимого продукта. Количественные же границы этой преобладающей доли определяются взаимодействием закона распределения по труду, действия которого должны опираться на распределение по труду достаточных масс необходимого продукта, и закона формирования общественных фондов, действия которого требуют их образования в размерах, достаточных для реализации выполняемых ими социальных функций (обучение, культура, здравоохранение и т. д.) [1].

Таким образом, закон распределения по труду оказывает прямое воздействие на определение той общей массы благ, которая идет в раздел по труду.

Во-вторых, закон распределения по труду не представляет собой закона оплаты труда, т. е. обмена труда, отдаваемого в одной форме, на труд, получаемый в другой форме. В конечном счете такой обмен происходит, но именно лишь в конечном счете. Непосредственно же это процесс *распределения, а не обмена.*

Участник социалистического производства не продает своей рабочей силы, а планомерно включается в общественное производство. Вместе с тем, отдавая обществу в процессе производства свой труд, он участвует в распределении пропорционально сравнительным размерам его трудового вклада. Но сами размеры получаемого им

---

[1] Энгельс писал, имея в виду социализм: «...распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими соображениями, будет регулироваться интересами производства, развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет *всем* членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 206).

в конечном счете труда в другой форме не равны отданному им труду: он отдал массу труда, включающую и прибавочный труд, получил же непосредственно часть необходимого труда. И потому это процесс распределения, регулируемый соотношением, эквивалентностью величин общественного живого труда, *затрачиваемого* на производство каждым из его участников. Но общие абсолютные размеры массы необходимого продукта, распределяемого по этому соотношению затрат труда, сами по себе не определяются процессом распределения (хотя и испытывают его обратное воздействие). Для процесса распределения они являются величиной данной, исходной, объективно регулируемой не законом распределения, а другими законами (возмещения затрат рабочей силы и оптимального расширения жизненных условий работников). Поэтому закон распределения по труду и не является законом оплаты труда (т. е. купли-продажи рабочей силы), хотя внешне его действия и выступают в превращенной форме платы за труд.

В-третьих, закон распределения по труду означает необходимость распределения по соотношениям величин *общественно равного труда,* хотя труд, затрачиваемый каждым отдельным участником производства, представляет собой труд индивидуального, особого характера: большей или меньшей квалификации, интенсивности, большей или меньшей производительности, обусловливаемой объективными условиями производства (той или иной технической его оснащенностью и естественными условиями и т. д.). В рамках товарного производства особый труд сводится к общественному как труд абстрактный, массы труда, создающие равные массы стоимости, выступают как общественно равные.

В рамках каждой данной отрасли социалистического производства труд равной квалификации и интенсивности, но протекающий в различающихся между собой прочих условиях производства (менее или более совершенная техника, лучшие или худшие естественные условия производства), выступает в форме больших или меньших масс абстрактного труда, создает большие или меньшие стоимости за одно и то же рабочее время. Однако распределение по труду объективно не может опираться на эквивалентность масс абстрактного труда, или на стоимостную эквивалентность.

Условия производства представляют собой общественную собственность. И поэтому различный их уровень, внутриотраслевые различия, их дифференциация по предприятиям сами по себе не могут выступать в качестве фактора распределения, т. е. объективно не могут являться фактором дифференциации оплаты труда, общественно равного по его субъективным качествам (квалификация и интенсивность).

Таким образом, закон распределения по труду как закон, связывающий меру индивидуального распределения с мерой равного трудового вклада работников производства, в качестве *общественной меры труда предполагает особый общественный труд — при нивелированных объективных условиях производства,* т. е. меру *общественно равного труда по его субъективным факторам: квалификации и интенсивности.* Это *особая специфически социалистическая категория общественно равного труда,* хотя и протекающего при разных объективных условиях и поэтому разной производительности, но равного со стороны образующих его субъективных факторов. Этот труд и выступает как специфически социалистическая трудовая мера распределения.

Итак, закон распределения по труду — это закон распределения по соотношениям общественного труда особого качества — общественно равного труда — со стороны образующих его субъективных факторов, со стороны реализации качества действующей рабочей силы — ее квалификации и интенсивности [1].

В-четвертых, действия закона распределения по труду согласуются с действиями законов возмещения затрат рабочей силы и оптимального обеспечения жизненных условий. Дело в том, что распределение по

---

[1] Общественно необходимый уровень затрат накладывает свою печать на процесс распределения, но только в результате взаимодействия закона распределения по труду и закона стоимости, ввиду того что это взаимодействие вызывает наряду с распределением основной массы продукта по труду дораспределение известной его части по стоимости. См. *И. В. Можайскова.* Себестоимость, прибыль, премия. М., 1964. В этой работе впервые теоретически обосновано распределение основной части необходимого продукта по живому труду данного общественно-определенного равного качества (при элиминировании различий его технической вооруженности) и дораспределения остальной его части по массам создаваемой стоимости.

труду, если рассматривать его не в индивидуально случайной форме, а в массовых социально-экономических процессах, есть распределение, различающееся по уровню в зависимости от различий характера труда в различных звеньях его разделения, т. е. от массовых различий между группами трудящихся, занимающимися социально неоднородным трудом. Но в условиях социализма и само формирование условий возмещения затрат рабочей силы и оптимального расширения жизненных условий также в пределах каждой области разделения труда несет на себе печать социальной неоднородности, социально обусловленных исторических различий.

Исторически развивающееся изменение форм действия закона распределения по труду и связано с тем, что шаг за шагом вместе с постепенным стиранием социально-экономических различий в труде происходит и нивелировка в самом распределении, выравнивание его условий. Соответственно закон распределения по труду и действует как закон дифференцированного по труду распределения, но при все более сглаживающейся дифференциации. Когда же эта дифференциация отпадет, отпадут и условия действия для этого закона.

В рамках действия законов возмещения затрат рабочей силы, обеспечения оптимального расширения жизненных условий участников производства и распределения по труду, поскольку все они реализуются в условиях товарного социалистического производства, действует и специфический закон заработной платы, представляющей собой особую форму первичного дохода, денежную форму основной массы стоимости необходимого продукта, распределяемой индивидуально по труду между рабочими и служащими. Поэтому в основе ее формирования — фонда заработной платы в целом и каждой его индивидуально распределяемой части — лежит действие всех трех рассмотренных выше законов (возмещения, оптимального обеспечения расширения жизненных условий, распределения по труду). Но этим дело не ограничивается.

Действительно, так как это денежная форма стоимости необходимого продукта, она неизбежно формируется с отклонением от стоимости, соответствующим отклонению цен от стоимостей товаров, образующих

вещественное содержание используемого необходимого продукта. Поскольку она форма дохода, образуемого хозрасчетными предприятиями, постольку формирование последнего подчиняется необходимости создания стимулов материальной заинтересованности не только в индивидуальных результатах труда, но и в хозрасчетных результатах производства. И наконец, поскольку это денежная форма первичного индивидуального распределения стоимости необходимого продукта, она не включает в себя всего объема этого продукта, а лишь ту его часть, которая индивидуально распределяется (т. е. за вычетом того, что поступает через общественные фонды совместного потребления).

Таким образом, *закон заработной платы, как закон движения денежной формы дохода, образуемого стоимостью необходимого продукта, распределяемого в государственном секторе производства индивидуально по труду между рабочими и служащими,* есть закон ее образования с отклонением от стоимости необходимого продукта в размерах отклонения суммы цен от суммы стоимости составляющих его товаров, образования с учетом необходимости материального стимулирования индивидуального и совокупного труда в рамках хозрасчетного предприятия и, наконец, образования ее в рамках индивидуально распределяемой части стоимости необходимого продукта.

С изменениями, вытекающими из отличий условий колхозно-кооперативного хозяйства от условий государственного хозяйства, соответственно действие трех указанных факторов образует и содержание закона движения доходов колхозников и т. д.

В действиях закона распределения по труду и закона заработной платы в наиболее отчетливой форме выступают и внутренние неантагонистические противоречия социалистического распределения. Противоречия в этой области — форма неантагонистических противоречий, свойственных труду при социализме.

С одной стороны, труд по своей природе уже непосредственно общественный, выполняется в интересах *всего общества,* в котором все производители *равны* в их отношениях к средствам производства. Но с другой стороны, труд еще *социально разнородный:* он выполняется производителями, занимающими *различное* поло-

жение в производстве. И потому в конечном счете еще общественный труд служит мерилом *индивидуальной доли,* получаемой каждым отдельным работником, в основной массе фонда потребления, т. е. служит мерилом, которое предполагает фактически *неравное участие* в потреблении продукта труда, соответственное фактическому участию в его производстве.

Закон распределения по труду обеспечивает единство материальных интересов общества в целом и каждой отдельной личности, благодаря тому что на основе его действия от роста общественного производства выигрывают как общество, так и каждый его член. И в этом состоит коренной, ведущий момент в его действиях. Вместе с тем действия этого же закона выражают и известные некоренные, но весьма реальные противоречия между общественными и личными материальными интересами.

Так как каждая индивидуальная затрата труда (отдельного работника, отдельного коллектива) служит материальной основой для участия в распределении продуктов лишь в качестве затраты общественного труда, материальный интерес работника состоит в том, чтобы его индивидуальная затрата была равна возможно большей доле общественного труда. Это не только стимулирует рост производительности труда, но и порождает объективное стремление приравнять свой труд к общественному по возможно более высоким нормам.

Это противоречие служит источником движения, так как с ним связан мощный экономический стимул развития («оплата по труду»). Оно в то же время предъявляет целый ряд требований к хозяйственной практике по предотвращению и тех частных отрицательных моментов, которые также с ним связаны (объективная тенденция завысить оплату по труду) [1]. Общество всесторонне учитывает действие экономического закона распределения по труду, и в частности противоречия, с ним

---

[1] Это питает и действия отсталых элементов, связанные, например, с так называемыми приписками при сдельной и премиальной оплате рабочих и служащих, завышением ставок повременщиков, излишним начислением трудодней без соответствия фактически выполненным работам и т. д.

связанные, и принимает меры к лучшему, более эффективному использованию этого закона.

В течение ряда последних лет осуществлены специальные меры по упорядочению заработной платы: повышен ее уровень для низкооплачиваемых рабочих и служащих, установлены экономически необходимые соотношения в оплате работников различных квалификаций, отраслей и районов в промышленности и других отраслях народного хозяйства. (Но это разрешение обострившихся противоречий социалистического распределения ввиду допущенных ошибок в использовании законов распределения.) Разрешение же противоречий социалистического распределения вообще будет осуществляться постепенно с развитием этих отношений, которые в процессе перехода к коммунизму мало-помалу из отношений коллективности общественного присвоения совокупного продукта при социально-экономических различиях (неравенстве) производителей в этом процессе будут постепенно превращаться в отношения высшей коллективности в присвоении, характеризующиеся полным социально-экономическим равенством всех участников этого процесса. Само же это перерастание социалистического распределения в коммунистическое включает социально-экономическое выравнивание всех форм распределения как в непосредственно общественном присвоении продукта, используемого на нужды производства, так и в присвоении индивидуально распределяемой части продукта. Это и есть процесс разрешения противоречий распределения.

В процессе перехода к коммунизму изживаются противоречия распределения, порождаемые наличием социально-экономической неоднородности труда в рамках сферы физического труда в целом. Отпадут противоречия распределения, связанные с различиями форм распределения между рабочими и крестьянами. Наконец, вообще исчезнут всякие противоречия распределения, порождаемые социально-экономическими различиями в труде, ибо будет преодолено последнее из них — между работниками умственного и физического труда.

Таким образом, формы действия законов распределения характеризуются все большим освобождением от специфически социалистических противоречий этого процесса, причем вместе с их ликвидацией отпадет и один

из этих законов — закон распределения по труду, а закон возмещения затрат рабочей силы и закон обеспечения оптимального расширения жизненных условий будут действовать в формах, полностью свободных от этих противоречий, но, разумеется, на основе иных, пока еще не выявившихся специфических противоречий коммунистического распределения.

Процесс перерастания социалистических отношений распределения в коммунистические и разрешение свойственных им противоречий в действиях их законов означают, что в условиях социалистического распределения происходят глубокие изменения. Оптимальность распределения все более обусловливается выравниванием жизненных условий всех участников производства, в силу которого наряду со стимулами личной материальной заинтересованности все более эффективно и всесторонне действуют и стимулы общественной материальной заинтересованности.

Отношения распределения по труду вместе с нивелировкой дифференциации и на ее основе все более и более будут сочетаться с отношениями распределения иного типа — не связанными с эквивалентным опосредствованием этого процесса трудовым вкладом в производство его участников, т. е. с отношениями распределения по потребностям. Они будут охватывать шаг за шагом главные элементы распределения благ и услуг, потребляемых через общественные фонды потребления, причем последние будут расширять свою сферу (образование, здравоохранение и другие социально-культурные услуги, содержание детей и нетрудоспособных и т. д.). Наконец, на определенной ступени развития в силу свертывания товарного производства, постепенного его отмирания отношения распределения мало-помалу начнут терять стоимостный характер, превращаясь в формы прямого безэквивалентного распределения.

Итак, на известном этапе перерастания социалистических отношений распределения в коммунистические возникнет специфический закон второй формы коммунизма — закон распределения по потребностям, который будет функционировать наряду и во взаимосвязи с законом распределения по труду, пока сфера действия последнего не исчезнет.

Распределение по потребностям отнюдь не предполагает ни ничем не ограниченных потребностей, ни удовлетворения полностью всей совокупности потребностей, которые сложились в каждый период и которые общество стремится удовлетворить. Ясно, что, как бы ни был высок уровень экономического развития, в условиях которого складываются потребности, их состав и объем в конечном счете ограничиваются именно этими условиями. Разумеется, и в коммунистической экономике потребности будут опережать возможности производства, но границы их опережения в самом производстве, его характере, темпах развития и т. д. Ясно также, что если потребности по объему необходимо систематически превышают возможности их удовлетворения, то полностью массу имеющихся в каждый данный момент потребностей удовлетворить нельзя.

Но невозможность удовлетворения полностью всех потребностей не означает, что общество не в состоянии полностью удовлетворить вообще всякие потребности. В составе потребностей общества имеются *ранее сложившиеся* и *новые* потребности. Естественно, что в условиях коммунистического изобилия ранее сложившиеся потребности могут и будут в конечном счете удовлетворяться полностью, во всяком случае в пределах рациональных, научно обоснованных норм потребностей всесторонне развитых людей. Что же касается вновь возникших и развившихся потребностей, то общество сумеет их удовлетворить лишь постепенно. Но при этом, однако, будут возникать все новые и новые потребности, удовлетворение которых будет возможно лишь в более или менее отдаленном будущем.

Не подорвет ли это самих возможностей распределения по потребностям? Но основой индивидуального распределения благ при коммунизме будет являться не степень участия в общественном труде, а сами потребности, подлежащие удовлетворению, т. е. распределение не будет опосредствоваться эквивалентной зависимостью индивидуальной доли в распределении от индивидуальной доли в общественном труде. Кроме того, вопрос об индивидуальном характере потребностей и количестве получаемых участниками распределения для этой цели благ будет решаться свободно, но в рамках общественных планомерных рекомендаций, сооб-

разующихся с состоянием производства и запасами благ.

Таким образом, прямое коммунистическое распределение будет управляться тремя неразрывно взаимодействующими законами: законом возмещения затрат рабочей силы, законом обеспечения оптимального расширения жизненных условий участников производства (ими будет определяться масса благ, выделяемых обществом для потребления), и законом распределения по потребностям, определяющим способ распределения благ для удовлетворения потребностей каждого отдельного индивида, члена коммунистического общества.

И в условиях социализма, как известно, целый ряд потребностей удовлетворяется за счет общества в целом, на началах их совместного удовлетворения: бесплатное образование, здравоохранение, некоторые формы воспитания детей и содержание лиц нетрудоспособных возрастов и т. д. Однако их неверно рассматривать как формы коммунистического распределения. Они представляют собой формы социалистического распределения. Это связано с тем, что различные общественные группы трудящихся еще находятся в фактически неравном отношении к пользованию фондами совместного удовлетворения потребностей; существенны различия между жителями городов и деревень, между различными группами рабочих, колхозников и интеллигенции и т. д.

По мере перерастания социализма в коммунизм общество получает материальные возможности для того, чтобы совместное удовлетворение потребностей за всенародный общественный счет стало полностью доступным всем без исключения членам общества и полностью независимым от распределения по труду.

Обогнав развитые капиталистические государства по душевому уровню производства и потребления, ликвидировав различия между городом и деревней, переведя производство на единую основу всенародной собственности, наша страна будет располагать широкими и растущими возможностями для распределения благ через общественные фонды потребления. В результате распределение, связанное с образованием, здравоохранением, содержанием детей, многими жилищно-коммунальными и социально-культурными услугами и т. д., получит характер прямого, равного коммунистического распре-

деления, иными словами, оно будет управляться законом распределения по потребностям [1].

Таким образом, хотя производство еще не будет полностью коммунистическим и соответственно в основной сфере распределения — индивидуальном распределении материальных благ — будет незыблемо действовать закон распределения по труду, в известной сфере распределения возникнут коммунистические его формы. Они, естественно, не будут еще решающими, преобладающими. Но диалектика развития такова, что, возникая еще на неадекватной им базе (социалистическая собственность), они будут содействовать ускорению перерастания социализма в коммунизм, поскольку именно на их почве станут со все большей силой действовать формы общественных материальных стимулов экономического развития.

Конечно, рамки того и другого способа удовлетворения потребностей (индивидуально-семейного и совместного) исторически подвижны, изменчивы. По мере развития социалистического производства неизбежно развитие прогрессивных тенденций обобществления многих ранее индивидуальных форм удовлетворения потребностей, связанных с теми или иными функциями семейного хозяйства (воспитание детей, отдых, лечение, в некоторой части питание и т. п.).

Вместе с тем было бы совершенно утопичным представление (по крайней мере на обозримый период развития производительных сил), что основная масса потребностей, ныне удовлетворяемых в индивидуальных формах, может быть заменена общественно, совместно удовлетворяемыми потребностями. Рамки последних в основном ограничены социально-культурными и в из-

---

[1] Закон распределения по потребностям возникает еще в процессе перерастания социализма в коммунизм, т. е. тогда, когда производство еще носит социалистический характер, в силу самого содержания процесса перерастания социалистической экономики в коммунистическую, поскольку они фазы развития экономики одного и того же коммунистического способа производства. Именно поэтому, по мере того как растет производственный потенциал общества, складывается материально-техническая база коммунизма, выравнивается положение производителей в процессе производства, стираются социально-экономические различия между ними и т. д., создаются и возможности для перехода в определенных сферах распределения на коммунистические начала.

вестной части бытовыми услугами, а следовательно, и той частью материального продукта, которая используется в процессе их потребления. Основная же масса вещественных благ, непроизводственно потребляемых, неизбежно будет использоваться в формах индивидуального потребления.

Отсюда и вытекает вывод о характере взаимодействия возникающего и расширяющего рамки своих действий закона распределения по потребностям и закона распределения по труду. *Первый,* до тех пор пока производство остается социалистическим, все более будет распространять свои действия на распределение благ, используемых для совместного удовлетворения потребностей, и потому играть все более важную, но тем не менее второстепенную роль.

Второй же будет управлять отношениями распределения благ, используемых для индивидуального удовлетворения потребностей, т. е. охватывать распределение главной массы материальных потребительских благ, и играть решающую роль.

В литературе встречаются представления о том, что в процессе роста производительных сил, по мере того как производство того или иного продукта будет становиться изобильным (достаточным для удовлетворения по рациональным нормам), он будет переходить в сферу распределения по потребностям. В соответствии с этим некоторые предаются маниловским прожектам о бесплатной раздаче для нужд индивидуального семейного потребления в условиях социализма хлеба, мяса, молока, сахара, обуви, одежды и т. п.

Эта позиция зиждется на игнорировании единства экономических условий, лежащих в основе распределения по труду индивидуально потребляемых материальных благ. Ведь все отрасли производства взаимозависимы, и поэтому экономической несообразностью была бы затрата обществом ресурсов на изобильное производство некоторых отдельных благ при недостаточности других.

Оптимальность пропорций воспроизводства, представляющая собой объективную необходимость социализма, обусловливает распределение ресурсов общества в соответствии с необходимостью удовлетворения сло-

жившейся системы потребностей на уровне, обеспечиваемом данным развитием производительных сил. Поэтому достижение изобилия наступает не ступенчато — по разным благам, в различное время, а охватывает производство основной, главной массы благ более или менее одновременно.

Более того, экономические блага в широких рамках существенно взаимозаменимы. И в условиях, когда распределение по труду остается объективной экономической необходимостью, изъятие отдельных индивидуально потребляемых благ (продукты питания, одежда и т. п.) из распределения по труду в силу их взаимозаменяемости лишь нарушит действие закона распределения по труду, т. е. подорвет развитие производства.

Но мало этого, реальное распределение по потребностям индивидуально потребляемых благ требует такого уровня производства, который позволял бы удовлетворять развившиеся и сложившиеся потребности по рациональным нормам, ибо только при этом сможет развиться и привычка членов общества предъявлять производству требования именно на этих основах. Ясно, что такой связи производства и потребления нельзя достигнуть по отдельному продукту или по некоторой отдельной их группе.

Таким образом, взаимодействие законов распределения по потребностям и распределения по труду на стадии социализма неизбежно заключается в определенные рамки: действие *первого* из них в сфере совместного удовлетворения потребностей, т. е. главным образом в связи с потреблением социально-культурных услуг, и *второго* — в сфере индивидуального удовлетворения потребностей, т. е. главным образом в связи с потреблением материальных благ.

При этом закон распределения по труду прежде всего обеспечивает личную материальную заинтересованность в развитии производства, а вместе с тем и общественную материальную заинтересованность; закон же распределения по потребностям — именно общественную материальную заинтересованность.

Закономерные изменения в разделении и характере труда (преодоление социальных различий; постепенное отпадение необходимости в личных материальных стимулах) будут означать все бóльшее освобождение

распределения от опосредствования трудовой эквивалентностью участия в производстве индивидуального распределения материальных благ. Разумеется, это не значит, что заработную плату можно упразднить сразу каким-либо специальным одновременным актом.

Дело будет обстоять иначе: форма заработной платы изменит свою сущность эволюционным путем, в результате которого она в конце концов отпадет. И так как различные блага будут еще долго производиться в различном соответствии с потребностями (особенно не первой необходимости), а воспитание привычки к потреблению по рациональным нормам — дело длительное и т. д., форма личного дохода, каким является заработная плата, изменив свою сущность, по-видимому, известное время будет сохраняться как инструмент распределения по потребностям. Личный доход поднимется до такого уровня и настолько нивелируется (в силу ликвидации различий в труде и изменения его характера, отпадения нужды в материальных стимулах), что будет все более и более полно превращаться из средства материального стимулирования и стоимостной формы распределения по труду в средство организованного, планомерного распределения предметов потребления по потребностям, удовлетворение которых будет осуществляться в рациональных масштабах. При этом и сами потребительские блага будут все более терять характер товаров, так как все менее будут проходить процессы товарного обращения и все более будут поступать в прямое распределение по потребностям. Шаг за шагом заработная плата будет выплачиваться членам общества на все более высоком уровне — не в соответствии с их трудовым вкладом в производство, а с рациональным объемом потребностей каждой семьи, доход которой она будет представлять. Разумеется, это уже будет не столько заработная плата, сколько новая форма — распределения по потребностям, что-то вроде ассигновки на потребительские блага в соответствии с рациональными, научно обоснованными рамками потребностей и материальными возможностями общества.

Важнейшей закономерностью социалистических отношений распределения является развитие стимулов к труду — личной материальной заинтересованности в со-

четании с общественной материальной заинтересованностью, первая из которых непосредственно обусловливается распределением по труду. Вторая же обусловлена, *во-первых,* тем, что, чем выше уровень производства, тем бóльшие ресурсы общество может выделять для личного распределения: отсюда вытекает материальная заинтересованность работника не только в лучших личных результатах труда, но и в лучших результатах общественного труда (иными словами, в этой форме действуют и общественные материальные стимулы к труду); *во-вторых,* она вытекает из того, что определенную часть ресурсов общество распределяет для совместного удовлетворения потребностей, что служит главным источником удовлетворения определенной группы потребностей членов общества. И чем успешнее развивается производство, тем больше и материальные ресурсы для этого рода распределения. Стало быть, совместное удовлетворение потребностей представляет собой специфически общественный стимул материальной заинтересованности в успешности труда.

В буржуазной литературе выдвигается тезис об однотипности, тождестве, совпадении стимулов личной материальной заинтересованности при социализме и капитализме, но это грубейшая фальсификация [1].

Только социализм создает стимулы распределения по труду, выражающие развитие производства в интересах самих трудящихся. При капитализме же стимулы личной заинтересованности выражают развитие производства в интересах эксплуататоров. Вместе с тем только

---

[1] Например, буржуазный экономист Лаукс утверждал, что трудно будто бы обнаружить разницу между стимулами, действующими на преобладающую массу советских рабочих, и стимулами, действующими в капиталистической экономике. «...И там и здесь, — писал он, — рабочие работают, чтобы жить... Экономические материальные стимулы... не уступили места общественным стимулам, при которых работа делается в интересах общества в целом» (*W. Loucks.* Comparative Economic Systems. N. Y., 1957, p. 596). Тот же тезис об одинаковости стимулов к труду развивал и известный буржуазный немецкий экономист А. Вебер (*Adolf Weber.* Sowjetwirtschaft und Weltwirtschaft. Berlin, 1959, S. 42).

Этому тезису буржуазных экономистов вторит и правый лейборист Кросленд, утверждавший, что общественная собственность не ведет к изменению характера стимулов к труду по сравнению с частнокапиталистической собственностью (*C. Crosland.* The Future of Socialism, p. 90—92).

социализм создает сочетание действия индивидуальных и общественных стимулов материальной заинтересованности. При капитализме последним вообще ни в какой форме места нет.

В процессе развития социалистических отношений распределения система стимулов существенно изменяется. На известном этапе перехода к коммунизму она уже будет представлять собой сочетание социалистических стимулов личной материальной заинтересованности и социалистических и коммунистических стимулов общественной материальной заинтересованности. Наконец, с переходом к полному коммунизму личные и общественные социалистические стимулы материальной заинтересованности уступят место общественным коммунистическим стимулам материальной заинтересованности [1].

2
законы фазы обмена

Движение производственных отношений в фазе обмена или формы отношений обмена представляют собой совокупность всех отношений, которые складываются между участниками производства и распределения по поводу реализации распределенных материальных результатов производства в конкретных потребительных стоимостях, т. е. по их движению из сферы производства в сферу потребления — производственного или непроизводственного.

Это отношения между участниками общественного разделения труда, каждый из которых является произво-

---

[1] В литературе часто противопоставляют стимулы личной материальной заинтересованности общественным стимулам моральной заинтересованности. Это неверно. Экономические стимулы объективны и материальны. Они выражают экономическую необходимость трудиться, производить. Но на стадии социализма эта необходимость выступает в форме личных и общественных материальных стимулов, при коммунизме же — только в форме последних.

Труд коммунистический бесплатный не потому, что в общественном масштабе он не вызывается экономической необходимостью, а потому, что каждый индивид участвует в необходимом труде по привычке трудиться безотносительно к тому, что он за это получает.

дителем той или иной потребительной стоимости или по крайней мере участником в распределении — перераспределении стоимости производимого продукта. Отношения по движению потребительных стоимостей из производства в потребление и есть прежде всего взаимный обмен ими. Именно поэтому фаза обмена является непременным элементом всякого процесса общественного воспроизводства, в том числе и на стадии коммунизма, а отношения обмена — непременная, необходимая форма совокупности производственных отношений любого способа производства, покоящегося на общественном разделении труда.

Отношения социалистического обмена включают в себя и общее содержание, свойственное всякому обмену, и специфические определяющие стороны этого содержания, свойственные обмену в условиях социализма. По своей социально-экономической сущности обмен при социализме представляет собой особую сторону непосредственно общественных отношений коллективности участников производства, заключающуюся в реализации присвоения общественного продукта в рамках, определенных распределением, в качестве конкретных благ путем их взаимного обмена, перемещающего их из сферы производства в сферу потребления.

Этот специфически социалистический характер обмена проявляется в ряде социально-экономических черт.

Прежде всего в отношениях социалистического обмена в качестве первичных звеньев общественного разделения труда, производящих элементы общественного продукта, а также звеньев, специально обслуживающих процесс их обмена, участвуют лишь (или в основном, пока существует подсобное хозяйство населения) социалистические предприятия; это прежде всего отношения обмена между социалистическими предприятиями.

Во-вторых, отношения социалистического обмена, поскольку он связывает между собой сферы производства и индивидуального потребления, представляют собой отношения обмена между социалистическими предприятиями, специально обслуживающими реализацию потребительской продукции, и участниками социалистического производства или других сфер непосредственно общественного труда.

В-третьих, отношения социалистического обмена, поскольку он связывает сферу производства и сферу совместного удовлетворения потребностей, представляют собой отношения между социалистическими предприятиями (производственными или по обмену) и социалистическими непроизводственными учреждениями.

В-четвертых, отношения социалистического обмена, поскольку они развертываются в рамках товарного производства особого рода и стоимостных форм социалистического распределения, представляют собой отношения социалистического эквивалентного товарного обмена при помощи денег, т. е. отношения социалистического товарного обращения, являющегося единством отношений товарного и денежного обращения.

В-пятых, эти отношения товарного обмена представляют собой дополнительную форму экономических связей в процессе социалистического воспроизводства как между звеньями разделения общественного труда, так и между сферой производства и сферой потребления, поскольку для социализма основными являются формы прямых безэквивалентных связей (хотя и эти последние осуществляются в стоимостных формах).

Отношения социалистического обмена-обращения, их движение и развитие регулируются совокупностью законов обмена, и прежде всего законом товарного производства и обмена — законом стоимости.

Часто сам закон стоимости определяют как закон эквивалентного обмена товаров по массам затраченного на их производство абстрактного труда. Однако, хотя необходимость эквивалентного обмена сама по себе отражает одну из существенных сторон закона стоимости, к ней он в качестве закона производства не сводится. Закон стоимости — это закон определения стоимости товаров затратами общественного, абстрактного труда. Следовательно, его главная, определяющая сторона как закона производства состоит в необходимости затрачивать на производство товаров общественное рабочее время по общественно необходимым нормам. При этом с главной его стороной связана другая сторона, обращенная к сфере обмена, — необходимость обменивать товары по эквивалентным массам затрачиваемого на их производство труда.

Итак, закон стоимости действует как определяющий закон сферы социалистического обмена, обусловливая протекание последнего как эквивалентного товарного обмена. Это значит, что стоимость выступает как база цен в социалистической экономике.

Плановая цена, плановая система цен, плановое ценообразование — все эти экономические формы подчинены потребностям процесса социалистического воспроизводства, связаны с его законами. На этом основании подчас выдвигается идея, что социалистическое хозяйство не имеет специфического закона, управляющего ценами; что цены есть некая равнодействующая многих законов, среди которых подвизается и закон стоимости; действия последнего будто бы учитываются при установлении плановых цен, но не являются решающими в этом процессе.

Но такой подход методологически несостоятелен. В народном хозяйстве, представляющем собой живое единство, живую целостность, действуют и взаимодействуют, опосредствуя друг друга, многие законы. Но их взаимодействие отнюдь не отменяет того, что каждая особая форма экономических отношений, каждая особая связь в этих отношениях в своем движении подчиняются специфическому закону, выражающему качественное своеобразие и необходимый тип движения именно данной связи.

Законом, который управляет процессом планового ценообразования, является закон стоимости. Это вытекает из его сущности, из сущности цены как экономической категории социалистического товарного производства, из того, что цена представляет собой не некое условное меновое отношение одного товара к другому, не некий абстрактный масштаб, абстрактную единицу измерения и т. п., а является определенной, именно денежной формой выражения стоимости, реально опосредствующей ее движение. То, что цена есть выражение стоимости, что движение цены определяется или регулируется движением стоимости, и означает, что в условиях социалистического товарного производства, как и в условиях товарного производства вообще, закон стоимости и есть закон цен, т. е. закон, регулирующий цены.

Следует различать, как мы видели ниже, три неразрывно связанные между собой функции закона стои-

мости в условиях социализма, каждая из которых осуществляется при помощи механизма ценообразования.

Первая из них заключается в том, что закон стоимости, не регулируя пропорций социалистического воспроизводства, тем не менее обслуживает планомерное распределение труда между отраслями общественного производства сообразно потребностям социалистического народного хозяйства, выступает как необходимая, хотя уже и дополнительная, форма планомерного включения индивидуального и коллективного труда в общественный. Непосредственная прямая связь между общественными потребностями и массами труда, затрачиваемого на производство удовлетворяющих эти потребности продуктов, необходимо *дополняется* товарной связью и реализуется соответственно в форме движения стоимости. Здесь прежде всего и выступает взаимосвязь закона стоимости и цены.

Включение индивидуального и коллективного труда в общественный требует, чтобы различный, социально неоднородный труд был выражен как общественно равный, однородный и в качестве такого однородного труда был распределен по областям общественного производства. Это связано с эквивалентным обменом продуктов труда, который в свою очередь означает, что цена должна основываться на стоимости, выражать ее. Иначе реализация решающей функции закона стоимости будет нарушаться или по крайней мере функция эта будет реализовываться не полностью, неэффективно [1].

Другая специфически историческая функция закона стоимости в социалистической экономике — одновременное материальное стимулирование процесса экономии общественного труда и роста объема воспроизводимой продукции. Эта функция реализуется при посредстве механизма хозяйственного расчета и всей системы стоимостных отношений в области социалистического производства, распределения и обмена. И поскольку хозрасчет основан на возмещении затрат каждого предприятия и образовании им накоплений из стоимости продукции, которая воспроизводится этим предприятием, постольку,

[1] Из этого, однако, не следует, будто в условиях социализма вообще отпадает необходимость отклонения цен от стоимостей. Но об этом далее.

естественно, чем полнее эквивалентные отношения между предприятиями, тем эффективнее хозрасчет будет способствовать систематическому понижению индивидуальных затрат по сравнению с общественно необходимыми.

Третьей функцией закона стоимости является общественный учет труда в форме стоимости, которая с надлежащей эффективностью реализуется лишь в том случае, если цены адекватно выражают затрачиваемый на производство товаров труд с его качественной стороны — как труд абстрактный и с его количественной стороны — как труд общественно необходимый.

Итак, сами по себе функции закона стоимости в условиях социализма не требуют отклонения цен от стоимостей. Несмотря на это, практика социалистического хозяйства связана с многообразными отклонениями цен от стоимостей, причем механизм этого отклонения цен от стоимостей объективно диктуется самими условиями использования закона стоимости.

Закон стоимости, не регулируя производство, т. е. не управляя пропорциональным распределением труда в процессе воспроизводства, тем не менее обслуживает его в двояком отношении: *во-первых,* тем, что стоимостная форма образует всеобщую форму экономических связей (как связей в процессе прямого распределения труда, так и связей в процессе косвенных форм его движения — товарного обмена); *во-вторых,* тем, что если прямые экономические связи будут спланированы вне соответствия с действительными потребностями общества, то образовавшиеся диспропорции проявятся в форме стоимостных диспропорций, которые самим фактом своего образования будут объективно требовать их устранения. Здесь перед нами выступают факторы, требующие отклонения цен от стоимостей.

Непосредственно общественный характер социалистического производства и труда обусловливает в основном пропорциональное, т. е. отвечающее потребностям общества, распределение труда. Однако именно лишь в основном.

Прежде всего в самой структуре производительных сил общества могут быть факторы, обусловливающие несоответствие распределения общественного труда уже развившейся структуре общественных потребностей.

Возможность отклонения спроса от предложения в определенных условиях (если соответствие не может быть восстановлено со стороны изменений в производстве) требует и соответственного отклонения цен от стоимостей, благодаря чему разрешается противоречие между создавшимися платежеспособными потребностями и возможностями производства.

Известные в практике ценообразования факторы, вызывающие отклонения цен от стоимостей (такие, как стимулирование экономии дефицитных и дальнепривозных видов топлива, сырья, материалов, стимулирование производства дефицитных, технически прогрессивных видов продукции, стимулирование замены одних видов средств производства другими, ценовые методы балансирования производства и потребления товаров широкого потребления и т. д.), являются не чем иным, как факторами планомерного использования действий закона стоимости путем ценового балансирования спроса и предложения, разрешающего противоречия производства и потребностей.

Вместе с тем общество, планомерно воздействуя на развитие как структуры производства, так и структуры общественных потребностей, сознательно отклоняет цены от стоимостей, создавая дополнительные, стоимостные стимулы, содействующие решению этой задачи.

Наконец, возможны и просчеты в планомерном распределении материальных ресурсов, создающие несоответствие производства общественным потребностям, что также вызывает необходимость отклонения цен от стоимостей.

Все рассмотренные факторы обусловливают отклонение цены от стоимости, но ни один из них не требует замены стоимости как основы цены какой-либо иной основой, т. е. какой-либо устойчивой «модификацией» стоимости (скажем, типа «цены производства» или «усредненной» стоимости и т. д.). Напротив, они, выражая отклонения структуры производства от сложившихся потребностей, лишь объективно свидетельствуют о необходимости приведения структуры производства в соответствие со структурой потребностей, что в свою очередь вызовет возврат цены к стоимости.

Далее, факторы отклонения цен от стоимостей, вызывая их, неизбежно приходят в столкновение с

оптимальными условиями для реализации функций закона стоимости. Но раз возникает коллизия между факторами, порождающими отклонения цен от стоимостей, и оптимальными условиями планомерного действия закона стоимости, заключающимися в соответствии структуры производства структуре общественных потребностей, то совершенно очевидно, что эти факторы носят временный характер и под воздействием самого закона стоимости, требующего ликвидации диспропорций в общественном распределении труда, должны устраняться.

Таким образом, условия, порождающие отклонение цен от стоимостей, *во-первых,* не создают стойких отклонений цен от стоимостей, так как, вызывая такие отклонения, они вместе с тем вызывают и факторы, толкающие к их ликвидации[1]; *во-вторых,* они означают, что и в условиях планомерного действия закона стоимости отклонение цены от стоимости является той формой движения последней, в которой этот закон реализуется.

В каком же отношении находится ценообразование на стоимостной основе с условиями действий других экономических законов социализма?

Созданная стоимость подлежит соответственно объективно складывающемуся под воздействием экономических законов социализма движению элементов и факторов расширенного социалистического воспроизводства, не только распределению по месту ее производства, но и перераспределению по месту использования. В условиях социализма существует два основных канала перераспределения: *во-первых,* прямое финансовое перераспределение и, *во-вторых,* использование цены как инструмента перераспределения (планомерное отклонение цены от стоимости, в итоге которого одни отрасли производства реализуют стоимость меньшую, чем создают, другие — большую).

Почему же необходимы оба способа перераспределения — финансовый и ценовой, их сочетание?

Ценовое перераспределение само по себе не может обеспечить распределение и перераспределение стоимости в соответствии с потребностями развития народного хозяйства в силу трех главных причин. *Во-первых,* по-

[1] За исключением особых случаев, например когда цены используются как орудие длительного ограничения потребления некоторых товаров.

тому, что необходимо безэквивалентное перераспределение стоимости из производственной сферы в непроизводственную, которое по самому характеру его возможно только как финансовое перераспределение, ибо непроизводственная сфера потребляет стоимость, но не производит ее и, следовательно, ей нечего реализовать в обмен на получаемые ею товарные стоимости (мы отвлекаемся от реализации платных услуг). *Во-вторых,* оно не может дать окончательного размещения стоимости прибавочного продукта даже в сфере производства, так как возможности отклонения цен от стоимостей в обменивающихся между собой отраслях недостаточны для этого[1]. *В-третьих,* ценовое перераспределение не может обеспечить необходимого окончательного перемещения стоимости прибавочного продукта потому, что связанное с этим перераспределение так неравномерно отклоняло бы цены от стоимостей и требовало бы столь частого и разнообразного изменения уровней их отклонения, что это неизбежно пришло бы в острое противоречие с функциями закона стоимости и устойчивостью плановых цен.

Однако не может ли задача перераспределения стоимости прибавочного продукта быть разрешена лишь одними прямыми финансовыми методами?

Если бы отклонение цен от стоимостей должно было обслуживать только необходимое перемещение стоимости прибавочного продукта от мест его создания к местам использования, то в отклонении цен вовсе не было бы нужды, так как наиболее простым и рациональным способом такого перемещения, разумеется, было бы прямое финансовое перераспределение. Но все дело в том, что отклонение цен от стоимостей в каждый данный момент вызывается факторами, порождаемыми использованием закона стоимости в условиях несоответствия структуры производства общественным потребностям. Поэтому само отклонение цен от стоимостей, ими вызываемое, ведет к частичному перемещению стоимости

---

[1] Скажем, металлургическая промышленность обменивается с машиностроением и строительством, но источником известной части ее накоплений является прибавочный продукт, создаваемый отраслями легкой и пищевой промышленности. Таким образом, прямые товарно-меновые связи между отраслями не отвечают потребностям конечного перемещения масс стоимостей прибавочного продукта.

из мест ее производства в места ее окончательного (или временного) использования.

Из сказанного следует, что перераспределение стоимости, ее перемещение из мест создания в места использования, диктуемое системой экономических законов социализма, осуществляются в основном путем прямого финансового перераспределения. Отклонения же цен от стоимостей вызываются действиями самого закона стоимости при определенных экономических условиях, которые не должны носить, как правило, сколько-нибудь длительного и устойчивого характера и должны в основном взаимно компенсироваться, не приводя к сколько-нибудь существенным отклонениям цен от стоимостей не только совокупного товарного продукта I и II подразделений, но и больших товарных групп в рамках каждого подразделения [1].

Аргументы в пользу тезиса о той или иной форме «модификации стоимости» в качестве базы плановых цен исходят из молчаливого допущения методологически несостоятельного положения о примате и в системе функций цены ее распределительно-перераспределительных функций. В действительности же цене как денежной форме стоимости принадлежит важнейшая роль не только в процессе самого производства (функция общественного учета труда, инструмента включения индивидуального и коллективного труда в общественный), но и среди всех функций цены. Это не случайно: именно примат в системе функций стоимости ее функции в производстве и определяет примат функции цены в процессе производства по сравнению с ее функциями в распределительно-перераспределительных процессах и процессе обращения.

Планомерное использование закона стоимости в ценообразовании и состоит в общем поддержании суммы цен продукции и I и II подразделений на уровне суммы их стоимостей при временном отклонении от этого уровня цен некоторых отдельных товаров в соответствии

---

[1] Фактическое существенное отклонение цен от стоимостей товаров I и II подразделений общественного производства образовалось в конце переходного периода и сохраняется лишь в качестве исторически сложившегося наследия, экономические условия существования которого уже исчерпаны. Это и диктует необходимость скорейшего упорядочения системы цен на базе стоимости.

с требованиями наиболее эффективного поддержания процесса социалистического воспроизводства.

Товарный характер социалистического производства определяет и другой закон социалистического обмена — *закон необходимости обращения всего совокупного общественного продукта* (и средств производства, и предметов потребления) *в качестве товаров*.

Сама необходимость товарного производства, зиждящаяся на особенностях социалистической собственности и определяемых ими особенностях непосредственно общественного социалистического труда, состоит в разрешении противоречий, свойственных этому труду в форме производства и обмена продуктов труда как товаров. Поэтому все продукты социалистического производства необходимо обращаются как товары. В этих условиях нет и не может быть какой-либо существенной части общественного продукта, которая бы выпадала из сферы товарного обращения и обменивалась бы в натуральном, безэквивалентном порядке. (В товарное обращение не поступает лишь часть натурально распределяемой колхозной продукции, которая используется в натуре самими колхозниками и колхозами для их собственных нужд.)

Это невозможно именно потому, что нарушило бы единство процесса воспроизводства. Однако действие закона необходимости обмена общественного продукта как товарного обращения всего производимого продукта отнюдь не исключает существенного своеобразия форм, в которых действует этот закон в разных сферах обращения.

Средства производства эквивалентное товарное обращение совершают в основном в рамках социалистического хозяйства и не реализуются в личную собственность членов социалистического общества (кроме небольшой массы второстепенных средств производства для подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих). Они совершают обращение в рамках тех или иных форм их оборота между предприятиями, отраслями и сферами социалистического производства (формы материально-технического снабжения).

Формы эти изменчивы. В современных условиях они еще представляют собой формы централизованно фондируемого распределения основной массы средств про-

изводства. Однако уже явно определились тенденции коренного изменения этих форм, их замены по мере преодоления дефицитности прямым, нефондируемым товарным обращением между предприятиями и их объединениями.

Предметы потребления товарное обращение совершают как в рамках социалистического хозяйства — от предприятий-производителей к предприятиям розничной реализации, так и между социалистическим хозяйством и членами общества — потребителями. Причем в данной сфере происходят существенные изменения форм товарного обращения: фондируемое распределение здесь все более замещается системой прямых заказов торговой сети предприятиям — поставщикам предметов потребления и этих последних — поставщикам средств производства для изготовления предметов потребления. (В 1965 г. на эту систему переведено большое число швейных, обувных, кожевенных, специальных и других предприятий.)

Обмен потребительных стоимостей как товаров, т. е. товарное обращение, означает и необходимость действия в процессе социалистического обмена закона спроса и предложения. Иногда полагают, что этот закон распространяет свои действия лишь на сферу розничного товарооборота, где он дает себя знать в случае несовпадения спроса и предложения явлениями дефицита или затоваривания и т. д., прямо или косвенно оказывающими воздействие на движение цен. В действительности же он действует и в сфере обращения средств производства. Только здесь его действия при несбалансированности спроса и предложения ведут к специальным формам дефицитного обмена (фондирование или лимитирование снабжения, очередность его и т. п.).

Коренная особенность действий закона спроса и предложения в условиях социалистического обращения в том, что планирование обращения и плановое ценообразование усложняют его воздействие на ход производства. Однако это воздействие необходимо, и в особых формах — через учет в самих планах и плановых ценах — оно дает себя знать, служа важным каналом связи нужд потребления и хода социалистического производства.

Во-первых, оно проявляется в необходимости сбалансирования платежеспособного спроса и предложения, предотвращении экономически необоснованных разрывов того и другого. *Во-вторых,* в изменениях в производстве в зависимости от изменений в структуре платежеспособного спроса. *В-третьих,* в необходимости резервных товарных масс в обращении для обеспечения текущего соответствия предложения изменениям спроса.

Существенным законом товарного обращения является закон товарных масс, потребных для обращения, или закон количества товарных запасов сферы обращения.

Бесперебойное обращение требует постоянного наличия в его каналах минимально необходимых товарных масс. При этом рост разнообразия ассортимента реализации, более полная сбалансированность предложения и спроса, лучшее обслуживание потребителей и т. д. — все это неизбежно требует достаточных товарных запасов, и по мере развития и совершенствования социалистического обращения каналы обращения насыщаются и абсолютно, и относительно все большими массами товарных запасов [1].

Вместе с законами товарного обращения в социалистическом обмене-обращении действуют и законы денежного обращения (потребной массы денежного обращения, полноценности денежных знаков в обращении,

[1] Проиллюстрируем сказанное динамикой товарных запасов в розничной торговле.

Товарные запасы в розничной сети *

	1940 г.	1960 г.	1963 г.
В млрд. руб. (цены соответствующих лет)	1,6	18,2	23,3
В днях товарооборота	34	85	97

* «Народное хозяйство СССР в 1963 году», стр. 536.

Следует иметь в виду, что в этих данных отражаются наряду с нормальным накоплением запасов в соответствии с потребностями оборота также и оседавшие в торговой сети излишние товарные остатки в связи с несоответствием ассортимента товаров потребительскому спросу.

соотношения масс наличного и безналичного денежного обращения, строения денежных масс в обращении и т. д.) [1].

Реальные тенденции перерастания социализма в коммунизм дают основание для того, чтобы считать, что в экономике полного коммунизма не остается места для товарных отношений. Положение всех производителей в коммунистическом производстве будет равным. Вместе с преодолением социальной неоднородности труда исчезнет и необходимость в личном материальном стимулировании, эквивалентном возмещении затрат и т. д. Иными словами, исчезнут причины, порождающие в конечном счете товарные отношения. Однако из того, что коммунизм означает конец товарно-денежных отношений, было бы неверным делать вывод, что развитие социалистических производственных отношений есть процесс свертывания, вытеснения или отмирания товарно-денежных отношений.

Связь развития экономики социализма с судьбами товарного производства несравненно более сложная: диалектика ее такова, что товарные отношения не только не свертываются, но, наоборот, широко развертываются, с успехом обслуживая процесс строительства коммунистической экономики и подготавливая тем самым условия для своего собственного изживания.

Как мы видели, развитие социалистических отношений производства есть углубление процессов обобществления в рамках государственной и колхозно-кооперативной собственности. Это значит, что все экономические связи становятся неизмеримо более развитыми, многообразными, отпадает полностью натуральная обособленность значительной части сельского хозяйства, локальная обособленность многих районов, сфер труда и т. д.

Отсюда и следует, что товарно-денежные отношения охватывают все более полно и сферу социалистического производства, и сферу распределения, и сферу обмена. Вне сферы социалистического товарного производства и обмена практически в конечном счете не остается

[1] В данной работе нет необходимости рассматривать эти специальные экономические законы социалистического денежного обращения. Мы указываем на них для полноты картины действий системы законов товарно-денежного обращения. Эти законы получили сравнительно широкую разработку в специальной литературе.

сколько-нибудь существенных частей общественного продукта, поскольку натурально распределяемая его часть отпадает почти вовсе. Все более развитое общественное разделение труда и специализация производства вызывают все более обширные и многосторонние товарно-денежные отношения.

Вместе с тем в товарно-денежных формах, в самом их характере шаг за шагом будут происходить существенные сдвиги.

Во-первых, в итоге слияния двух форм социалистической собственности в единую всенародную изменяется социально-экономический состав участников отношений обмена. Отношения обмена из отношений между государственными предприятиями, колхозными предприятиями, между государственными и колхозными предприятиями превратятся в социально однотипные последовательно социалистические отношения обмена только между всенародными предприятиями.

Отношения обмена между сферой производства и сферой индивидуального потребления, равно как и сферой совместного потребления, станут отношениями лишь государственных всенародных предприятий. Вместе с тем на базе обобществления производства и отпадения экономической необходимости в подсобных хозяйствах отпадут в основном отношения обмена этих хозяйств и в сфере индивидуального потребления.

В итоге все отношения товарного обмена превратятся в отношения, определяющими контрагентами которых во всех случаях выступают последовательно социалистические предприятия. Это означает более развитую и полную планомерность процессов товарного обращения.

При этом в силу того, что развитие общественного производства обеспечивает полное сбалансирование всех элементов общественного воспроизводства, а также создание мощных резервных фондов и что экономический оборот будет опираться на высокоразвитую и безукоризненно действующую транспортную систему, все большее развитие получат формы товарного обращения, свободные от ограничивающих рамок дефицитного распределения, все более широко разовьются прямые товарные связи по производству и обороту средств производства и предметов потребления. Вместе с

ними будут широко использоваться формы гибкого воздействия платежеспособного спроса на производство. Важная сторона этого процесса состоит еще и в том, что совершенствующийся и всемерно развертывающийся аппарат прямых товарных связей все более поднимается до уровня будущего аппарата прямого, коммунистического распределения и обмена общественного продукта.

Далее, ввиду постепенного повышения роли и доли сферы совместного удовлетворения потребностей известная часть отношений обмена, реализовавшая индивидуальное распределение тех услуг и благ, которые вовлечены в сферу совместного удовлетворения потребностей, будет осуществляться как отношения обмена между предприятиями по совместному удовлетворению потребностей. Таким образом, произойдет существенное изменение в соотношении форм обмена: сфера обмена между предприятиями расширится за счет сферы обмена между предприятиями и населением.

И только тогда, когда социалистическая экономика будет завершать процесс своего перерастания в коммунистическую, вместе с товарным производством отомрут и товарно-денежные отношения обмена. Обмен из эквивалентного товарного обращения превратится в прямой безэквивалентный коммунистический обмен веществ между звеньями разделения труда, как и между ними и участвующими в нем работниками (по предметам потребления).

Следует отметить, что в литературе распространено представление о том, будто на стадии коммунизма исчезнет различие фаз распределения и обмена, как и отношений распределения и отношений обмена, будто они сольются в фазу прямого распределения и станут отношениями прямого распределения. По этой концепции коммунистически производимый продукт непосредственно перемещается соответственно потребностям из мест производства в места окончательного потребления без того, чтобы этому перемещению предшествовал процесс собственно распределения, в котором определяются доли участников производства в производимом продукте [1].

---

[1] Это представление развивал еще Каутский, писавший о коммунизме, что «можно представить себе такое положение, что произ-

Коммунистическое хозяйство в этой концепции представляется не как высокоразвитое общественное производство, обеспечивающее реальное экономическое изобилие, т. е. возможность удовлетворения потребностей всех членов общества в пределах рациональных норм потребления всесторонне развитых людей на социально равных началах, соответственно индивидуальным потребностям каждого члена общества, безотносительно к его индивидуальному трудовому вкладу, а как некое утопическое производство типа «скатерти-самобранки», где все берут, «что им вздумается», т. е. как производство, где ресурсы и наличные запасы якобы безграничны и их потребление не подлежит общественному регулированию.

В действительности коммунистическое производство, как оно предстает в своих главных очертаниях на обозримый период развития, может создать изобилие, но отнюдь не ликвидировать ограниченность ресурсов производительных сил и запасов материальных благ, имеющихся в распоряжении общества в каждый данный момент для удовлетворения его экономических потребностей. Но отсюда с непреложной необходимостью следует, что общество должно распределять свои ресурсы и запасы, определив в них место и рамки производительного потребления и всех его отраслей и звеньев, как и рамки непроизводственного общественного и индивидуального потребления. И лишь на основе такого распределения и произойдет перемещение конкретных потребительных ценностей из сферы производства в сферу потребления, т. е. их обмен.

Разумеется, с утверждением коммунистического производства, которое исключает товарные отношения и предполагает распределение по потребностям, характер отношений распределения и отношений обмена принципиально изменяется. Отношения распределения при коммунизме регулируются, как мы видели, законом распределения по потребностям и протекают не в стоимостных формах, а на началах прямого общественного учета

водительность человеческого труда достигнет такой высоты и труд будет настолько приятен, что все продукты будут находиться в изобилии и каждый будет иметь возможность брать столько, сколько ему вздумается» (*К. Каутский.* Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 199—200).

труда — живого и овеществленного — в общественном рабочем времени.

Отношения обмена при этом перестают быть отношениями эквивалентного товарного обмена и становятся лишь экономическим обменом продуктов труда разных потребительных форм между взаимосвязанными звеньями общественного разделения труда, т. е. отношениями по конкретной реализации в потребительных ценностях условий присвоения общественного продукта, определенных планомерно обществом в процессе его распределения. Таким образом, фаза обмена и отношения обмена с их специфически историческим содержанием есть обязательная фаза общественного воспроизводства, в том числе и при коммунизме.

Вот почему процесс отмирания товарно-денежного обмена, товарного обращения, происходящий в меру отмирания товарного характера производства, представляет собой не отмирание обмена вообще, а отмирание его специфических товарных форм, т. е. замену товарного обмена безэквивалентным коммунистическим обменом.

Развертывание этой закономерности, насколько можно ныне судить чисто теоретически, отнюдь не будет представлять собой простое сужение рамок отношений товарного обмена и расширение рамок внетоварного обмена. Единство процесса воспроизводства требует единой формы производства и обмена материальных благ. И пока сохраняется почва для товарного производства и обмена, она сохраняется по всему кругу воспроизводства. Поэтому процесс отмирания товарного обращения будет состоять, по-видимому, в том, что вместе с отпадением необходимости эквивалентного возмещения и материального стимулирования в производстве экономический оборот элементов общественного продукта в рамках общественного хозяйства все более будет направляться по руслу прямого внеэквивалентного планомерного обмена веществ. Эквивалентно опосредствующие его меновые отношения будут все более отходить на задний план и мало-помалу отпадать. Таким образом, стоимостные и денежные формы, которые будут обслуживать этот оборот, станут постепенно терять товарно-стоимостный денежный характер и из форм реального движения стоимости превращаться в простые формы учета общественных затрат труда.

Отмирание товарно-денежных отношений обмена будет заключаться также и в том, что по мере их отмирания в сфере производства и расширения в области распределения рамок действия закона распределения по потребностям отношения обмена, связывающие производство и сферу индивидуального потребления, все более будут превращаться в отношения экономического безэквивалентного обмена веществ, через которые члены общества и станут получать материальные блага по потребностям. Длительное время это будет, как мы уже выше отмечали, осуществляться в форме образования доходов работников и обмена доходов на предметы потребления. Но так как, с одной стороны, эти доходы будут образовываться не в качестве денежной формы стоимости необходимого продукта, распределяемого по труду, а в качестве ассигновки общества своим членам на получение ими материальных благ по потребностям (а не по труду), а с другой — сами материальные блага в производстве и обороте потеряют характер товара, то реализация этих доходов будет представлять собой не эквивалентный товарный обмен, а лишь форму прямого коммунистического обмена веществ.

Отмирание товарно-денежных отношений будет происходить в известной сфере и путем вытеснения товарного обмена прямым, коммунистическим обменом веществ в форме отношений, связывающих производство и сферу совместного удовлетворения потребностей. Блага в эту сферу все более будут поступать на началах прямого распределения и его реализации путем прямого безэквивалентного обмена веществ и предоставляться членам общества для непосредственного потребления без каких-либо опосредствующих эквивалентных отношений [1].

---

[1] Процесс отмирания товарно-денежных форм обмена представляет собой и процесс окончательного разрешения свойственных ему противоречий. В конечном счете все эти противоречия одним или другим образом, прямо или косвенно связаны с противоречиями индивидуального и коллективного труда, с одной стороны, и всеобщего общественного труда — с другой, и соответственно с противоречиями движения труда абстрактного и конкретного, потребительной стоимости и стоимости: индивидуальный и коллективный труд затрачен, произведенные им потребительные стоимости должны вступить в экономический оборот и на основе отношений эквивалентного обмена

Таким образом, мало-помалу вся совокупность отношений товарного обращения потеряет свой товарно-стоимостный, денежный характер, превратившись в формы прямого, безэквивалентного коммунистического обмена веществ.

По мере того как будут отмирать товарно-денежные отношения, все уже будут становиться рамки для действий законов товарного и денежного обращения, пока действие этих законов не прекратится. Но это не будет означать, что прямые отношения коммунистического обмена, или безэквивалентного обмена веществ, не будут подчиняться своим специфическим законам. Именно потому, что это объективные экономические отношения, связывающие коммунистическое распределение и коммунистическое потребление, на их почве неизбежно будут действовать свои специфические законы. Ныне еще нет материалов для определения их содержания. Но можно с уверенностью сказать, что это будут объективные законы обмена, который станет необходимо опосредствовать удовлетворение экономических потребностей и сферы производства, и сферы потребления.

Итак, в системе экономических законов социализма в процессе развития отношений социализма в коммунистические отношения действуют законы обмена как законы товарно-денежного обращения. Направление изменений в формах их действий определяется рамками общих действий основного экономического закона социализма, обусловливающего перерастание социалистической экономики в коммунистическую. Действия законов товарно-денежного обращения протекают в строгом вза-

---

возместить общественный труд, потраченный на их производство. Однако же в силу социальной неоднородности труда каждая затрата непосредственного общественного труда в форме особого коллективного труда, затраченного на данные потребительные ценности (т. е. особой комбинации индивидуальных затрат различных видов социально неоднородного труда), может представлять собой затрату одной или другой массы общественного труда; соответственно войдут в оборот и созданные этим особым коллективным трудом потребительные ценности, и он будет возмещен в одних или других размерах. Все это и выражается в сложных формах товарно-денежного обращения, в которых развертываются и разрешаются эти противоречия. Вместе с тем по мере перерастания социализма в коммунизм эти противоречия постепенно исчерпываются, и с отмиранием товарного производства они сходят со сцены.

имодействии с законами непосредственного социалистического производства и распределения, причем изменению форм действия последних отвечает изменение форм действия первых.

3
законы фазы потребления

Потребление — заключительная фаза воспроизводства, и, как таковая, она выступает в качестве непроизводительного потребления, т. е. процесса, в котором осуществляется индивидуальное и совместное удовлетворение личных и общественных непроизводственных потребностей. В ней продукт окончательно выпадает из общественной циркуляции, из кругооборота воспроизводства. Производительное же потребление, т. е. дальнейшее использование продукта в процессе производства, совпадает с производством и есть само производство и потому не относится к потреблению в качестве особой фазы воспроизводства.

При этом, ввиду того что результаты производства в потреблении окончательно используются, уничтожаются, его продукт перестает существовать, этот процесс представляет собой границу дальнейшего развертывания экономических отношений. Именно поэтому Маркс и отмечал, что «заключительный акт — потребление, которое рассматривается не только как конечный пункт, но также и как конечная цель, лежит, собственно, вне экономики, за исключением того, что оно, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на исходный пункт и вновь дает начало всему процессу» [1].

Однако же то, что самый акт потребления выходит за пределы экономики, отнюдь не означает, что фаза потребления, как полагают некоторые экономисты, также находится за этими пределами. Это отнюдь не так.

Поскольку средства потребления как элементы совокупного общественного продукта производятся, распределяются и обращаются в качестве объекта экономиче-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 715.

ских отношений, постольку, для того чтобы процесс потребления (акт потребления) мог совершиться, необходимо, чтобы между участниками производства, распределения и обращения этого продукта осуществились и известные отношения, в силу которых продукт и поступает в окончательное потребление, т. е. осуществились отношения по потреблению. Эти отношения по потреблению или, точнее, по поводу потребления не что иное, как завершающий акт движения отношений производства, известная форма этих отношений, которую они получают в фазе потребления [1]. Так же как и все формы отношений производства, они обладают специфически историческим характером, представляя собой в условиях социализма непосредственно общественные отношения коллективности между производителями по поводу потребления непроизводительно потребляемой части общественного продукта, характеризующиеся социально-экономическими различиями между участниками потребления.

Главной и определяющей чертой этих отношений является то, что они необходимо протекают на основе общественной собственности, к которой прежде всего относятся в основном все материальные элементы богатства, образующие сферу потребления, и вместе с тем важнейшие его объекты: жилье, где осуществляется домашнее хозяйство, предприятия общественного питания, транспортные предприятия, учреждения, оказывающие социально-культурные и бытовые услуги, и т. д.

Далее, средства потребления как элементы потребляемого общественного продукта, по поводу которых складываются отношения потребления, представляют собой поступившие в сферу потребления из сферы обращения элементы либо общественной собственности (поскольку они поступают в сферу совместного удовлетво-

---

[1] И хотя фаза потребления признается в качестве фазы воспроизводства, наличия этих особых отношений часто не учитывают. В этом случае полагают, что все отношения по поводу производства и присвоения продукта завершаются отношениями его обмена. Однако при этом забывают, что обмененный, совершивший обращение продукт, поступив в фазу потребления, как объект потребления становится объектом особых отношений по поводу потребления — весьма сложного характера и состава.

рения потребностей, образуя общественные фонды потребления), либо собственности личной, основой которой является собственность общественная.

Существенной специфической чертой социалистических отношений по потреблению является и то, что они протекают как особые отношения троякого рода: *а*) отношения по поводу потребления средств потребления, перешедших в индивидуальную или личную собственность; это специфические общественные отношения между участниками общественного производства, заключающиеся в том, что определенные элементы этого производства поступают исключительно и окончательно в распоряжение каждого отдельного члена общества — участника этих отношений и на этих индивидуальных началах они потребляются; *б)* отношения по поводу средств потребления, являющихся общественной собственностью, но потребляемых индивидуально; это отношения между участниками производства, заключающиеся в том, что определенные элементы созданной и накопленной ими общественной собственности, остающейся ею и в сфере потребления, тем не менее предоставляются в индивидуальное потребление (жилье, бытовые машины, некоторые элементы бытового инвентаря, производственная одежда и т. п.); *в*) отношения по поводу средств потребления, являющихся общественной собственностью и совместно потребляемых в рамках общественных фондов потребления. Каждое из этих отношений по потреблению свойственно только социализму. Оно вовсе неизвестно досоциалистическим способам производства.

На стадии социализма отношения по потреблению в рамках каждой из трех особых групп (отношения по поводу потребления индивидуальной собственности, индивидуального потребления общественной собственности и совместного ее потребления) характеризуются социально-экономическими различиями, отражающими соответственные различия в положении трудящихся в производстве и распределении по труду. Различия эти ограничены лишь различиями трудового происхождения и не заключают в себе коренных, антагонистических различий, порождавшихся во всех досоциалистических обществах монополией на средства производства класса

эксплуататоров и лишением их классов непосредственных производителей.

Специфически социалистическое содержание экономических отношений по потреблению определяет и соответственные экономические законы потребления как элемент совокупности системы экономических законов социализма.

Два таких закона мы уже рассмотрели, когда анализировали законы распределения. Ведь все фазы воспроизводства и соответственно отношения находятся в единстве между собой. И поэтому так же как отношения производства — распределения определяют известные законы того и другого, точно так же и отношения распределения — потребления определяют и законы распределения и законы потребления или, точнее, законы, одновременно являющиеся законами тех и других отношений.

Мы видели, что распределение необходимо протекает по закону возмещения затрат рабочей силы в производстве, действующему при социализме взаимосвязанно с законом обеспечения оптимальных условий расширения жизненных условий производителей. Оба этих закона есть в то же время и законы отношений социалистического потребления.

Но наряду с ними действует и целый ряд экономических законов, выражающих движение отношений по потреблению, как таковых, и прежде всего закон обеспечения благосостояния всем членам общества в соответствии с уровнем развития производительных сил социалистического общества.

Поскольку производство осуществляется на основе непосредственно общественных отношений коллективности между всеми его участниками, его результаты присваиваются обществом. Общественно присваиваемые средства потребления необходимо используются лишь в интересах всех членов общества. Но это и значит, что их благосостояние находится в полном соответствии с развитием производительных сил общества. Этот закон был сформулирован Лениным. «Только социализм, — указывал он, — даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей

им возможность благосостояния. Только социализм может осуществить это» [1].

Закон обеспечения благосостояния всем членам общества в полном соответствии с уровнем развития его производительных сил и выражает отношения по потреблению, неразрывно связанные с отношениями распределения и обращения.

Отношения распределения обусловливают действие закона оптимального обеспечения расширения жизненных условий производителей. Этот закон управляет образованием и распределением ресурсов для такого обеспечения. На основе отношений обращения эти ресурсы реализуются, перемещаясь из сферы производства в сферу потребления. Отношения же по потреблению в качестве социалистических отношений обусловливают развитие благосостояния в рамках расширяющихся жизненных условий всем членам общества в соответствии с уровнем развития производительных сил.

Этот закон соответственно и управляет движением всех трех групп отношений по потреблению, означая, что отношения каждой из этих групп — и отношения по поводу индивидуального потребления средств потребления, поступающих в индивидуальную собственность; и отношения по поводу индивидуального потребления потребительских элементов общественной собственности; и отношения по поводу совместного потребления фондов общественного потребления — в отдельности и все вместе есть отношения, обеспечивающие благосостояние всем членам общества в соответствии с уровнем развития производительных сил.

К социалистическим экономическим законам потребления относятся и законы изменения структуры потребления: закон изменения соотношения в потреблении его видов; закон развития соотношения форм потребления; закон изменения дифференциации потребления и др.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 381.

Энгельс в иной несколько форме также указывал на действие данного закона в условиях социализма. «Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей, — писал он, — эта возможность достигнута теперь впервые, но теперь она действительно *достигнута*» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 294).

Как известно, в составе непроизводственных потребностей, удовлетворяемых каждым членом общества как индивидуально, так и совместно, существуют, по классификации Маркса, потребности троякого рода: физические, интеллектуальные (духовные) и социальные[1]. На каждом уровне развития производительных сил и социально-экономических отношений структура потребностей существенно изменяется. Однако в досоциалистических формациях на базе, *во-первых,* относительной скудности развития производительных сил и, *во-вторых,* антагонистических отношений производства резко ограничивается вообще удовлетворение всех трех видов потребностей. Недопотребление представляет типичное социально-историческое явление[2]. При этом особенно ограничивается удовлетворение интеллектуальных и социальных потребностей, ибо духовная культура и социальные услуги узурпируются эксплуататорскими классами[3].

Социализм, развивая на известном этапе производительные силы до уровня недоступного капитализму, полностью исключая антагонистические ограничения удовлетворения потребностей, ликвидирует и недопотребление и специфические ограничения интеллектуальных и социальных потребностей. Но мало этого, в условиях

---

[1] «В продолжение одной части суток сила (рабочая сила. — *Я. К.*), — писал К. Маркс, — должна отдыхать, спать, в продолжение другой части суток человек должен удовлетворять другие *физические* потребности — питаться, поддерживать чистоту, одеваться и т. д. Кроме этих чисто физических границ удлинение рабочего дня наталкивается на границы морального свойства: рабочему необходимо время для удовлетворения *интеллектуальных* и *социальных* потребностей, объем и количество которых определяется общим состоянием культуры» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 243—244; курсив наш. — *Я. К.*). Маркс классифицировал потребности в связи со структурой рабочего дня в условиях капитализма, но сама классификация имеет всеобщий характер.

[2] «...Недопотребление, — писал Ф. Энгельс, — составляет постоянное историческое явление в течение тысячелетий...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 297).

[3] Маркс различал действительную общественную потребность и потребность в товарах на капиталистическом рынке (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 207). «...«Общественная потребность», — писал он, — т. е. то, что регулирует принцип спроса, обусловливается в основном отношением различных классов друг к другу и их относительным экономическим положением...» (там же, стр. 198).

социализма движение всеобщего закона «возвышения потребностей» (Ленин) связано со все более быстрым ростом потребностей интеллектуальных и социальных и соответственно объектов потребления, удовлетворяющих эти потребности. Отсюда следует, что закон социалистического изменения структуры потребления состоит в относительно опережающем росте потребления тех объектов, которые удовлетворяют интеллектуальные (духовные) и социальные потребности [1].

Действие этого закона, в частности, отчетливо выступает в быстрых сдвигах структуры потребления населения [2].

[1] Некоторые экономисты делают из этого факта идеалистический вывод о падении будто бы в силу этого роли хозяйства в общественной жизни. Но *во-первых,* физические потребности, как бы ни изменялся удельный вес продукта, идущего на их удовлетворение, всегда остаются первыми, решающими для возможностей самой жизни потребностями; *во-вторых,* интеллектуальные и социальные потребности также для их удовлетворения предполагают потребление, и притом все возрастающее, материальных продуктов.

[2] Потребление продуктов питания и приобретение промышленных товаров на одного члена семьи в СССР (по данным семейных бюджетов) *

	1960 г. в % к 1940 г.	
	Семьи рабочих	Семьи колхозников
Продукты питания		
Хлебные продукты	74	93
Картофель	156	123
Овощи и бахчевые	137	127
Мясо и сало	247	186
Рыба и рыбные продукты	174	323
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	265	161
Яйцо	244	288
Сахар	225	739
Промышленные товары		
Ткани, всего	162	194
В том числе шерстяные	477	393
Обувь, всего	160	191
В том числе кожаная	210	232
Денежные расходы на покупку (в сопоставимых ценах)		
Одежда	325	272
Трикотажные изделия	481	414
Мебель и хозяйственные товары	591	408
Культтовары	1654	1334
Велосипеды, мотоциклы, легковые автомобили	1336	1065

* «Народное хозяйство СССР в 1960 году», стр. 742—743.

Существует и другой закон изменения структуры социалистического потребления — *закон изменения его видов.*

Ввиду того что на базе социализма необходимо происходит существенное обобществление многих функций семейного (домашнего) хозяйства и что вместе с тем потребление, связанное с интеллектуальными и социальными потребностями (протекающими преимущественно в форме совместного их удовлетворения), развивается относительно быстрее, чем остальное потребление, неизбежно действует закон более быстрого развития видов совместного общественного потребления, а также индивидуальных форм потребления общественной собственности, чем индивидуального потребления индивидуальной собственности.

Наконец, как непреложный закон социализма действует и закон изменения дифференциации потребления или, точнее, закон выравнивания (нивелировки) его уровней. В силу имманентных социализму социально-экономических различий групп трудящихся по их положению в производстве, распределении и обмене эти различия неизбежны и в потреблении. Вместе с тем по мере развития социализма и его перерастания в коммунизм постепенное преодоление социально-экономических различий в производстве, распределении и обмене ведет к их ликвидации в потреблении. Законом развития социалистического потребления является постепенное выравнивание (нивелировка) его уровней для различных групп трудящихся, замена социально-экономической дифференциации потребления его дифференциацией, вызываемой лишь различием индивидуальных потребностей.

Как показывает рассмотрение движения социалистических отношений по поводу потребления и отвечающих им экономических законов, этот процесс происходит в рамках действий экономического закона движения социализма и в неразрывном взаимодействии с законами непосредственного социалистического производства, распределения и обмена. Совместные действия и взаимодействия экономических законов потребления и образуют закономерности развития социалистических отношений по потреблению.

Решающая из этих закономерностей — постепенное уменьшение классовых и иных различий в уровне благосостояния народа: благосостояние колхозного крестьянства поднимается до уровня рабочего класса; вместе с тем в дифференциации уровня благосостояния происходит существенное сглаживание и в другом отношении: слои и группы работников с относительно низким уровнем благосостояния поднимаются до существенно повышающегося среднего уровня благосостояния. В итоге обоих этих процессов благосостояние превращается в специфически социалистическое благосостояние полностью для всех членов общества, отвечающее возможностям развития производства. В конечном счете ликвидируются какие-либо классовые различия в потреблении, а затем и социально-экономические различия в уровне благосостояния трудящихся, занятых физическим трудом. Здесь, в фазе социализма, сохраняется сравнительно скромная дифференциация уровня, связанная, с одной стороны, лишь с индивидуальной успешностью труда, поскольку потребности еще удовлетворяются на социалистических началах распределения по труду, и, с другой стороны, с индивидуальными различиями в потребностях, поскольку они удовлетворяются совместно из общественных фондов потребления. Вместе со всеми этими процессами необходимо развивается и процесс преодоления различий между уровнями благосостояния работников умственного и работников физического труда.

С переходом к экономике полного коммунизма социально-экономические различия в потреблении полностью преодолеваются. Социально-экономическая дифференциация потребления уступает место индивидуальной дифференциации их уровня, соответственно многообразной индивидуальной дифференциации потребностей (нужд, вкусов, привычек и т. п.); утверждается специфически коммунистическое потребление и определяемое им благосостояние[1].

---

[1] Из отпадения социально-экономической дифференциации потребления враги коммунизма хотят извлечь вывод о якобы неизбежности казарменной уравниловки личного потребления при коммунизме. Например, Туган-Барановский, этот провозвестник многих идей современного антикоммунизма, писал: «Система общественного хозяйства при господстве коммунизма очень упрощается, но в ущерб

В процессе развития социалистических отношений по поводу потребления шаг за шагом разрешаются и им свойственные специфические противоречия, развертывающиеся на базе всех трех групп отношений по поводу потребления.

При этом раньше всего исчерпываются противоречия по поводу совместного потребления общественных фондов, ибо удовлетворение соответственных потребностей ранее, чем других, начнет складываться безотносительно к социально-экономическим различиям участников производства.

Далее, отпадают специфически социалистические противоречия отношений потребления по поводу формирования и потребления индивидуальной собственности и индивидуального потребления общественной собственности, поскольку они порождаются социально-экономическими различиями в производстве и распределении различных групп трудящихся в рамках физического труда.

И наконец, с преодолением различий между умственным и физическим трудом все формы отношений по поводу потребления становятся социально однотипными и соответственно отпадают все специфически социалистические противоречия отношений потребления.

Превращение социалистического потребления и благосостояния в коммунистическое потребление и благосостояние отвечает глубинным изменениям сущности всех производственных отношений, в том числе и отношений по поводу потребления, их превращению в непосредственно общественные отношения высшей коммунистической коллективности производителей по поводу потребления, т. е. отношений, предполагающих полное социально-экономическое равенство между ними в этих отношениях.

С переходом к коммунизму экономические законы потребления — и закон обеспечения благосостояния всем

свободе личного потребления» (*М. И. Туган-Барановский.* Социальные основы кооперации. М., 1922, стр. 8). Нет ничего более убогого, чем эта выдумка по поводу якобы несвободы индивидуального потребления при коммунизме. Именно коммунизм несет с собой ничем не ограниченное, кроме ресурсов общества, удовлетворение самых многообразных, наиболее полно развивающихся, свободных в своем развитии от всяких ограничений потребностей всесторонне и гармонично развитой личности — члена коммунистического общества.

членам общества в полном соответствии с возможностями производства, и законы изменения структуры потребления — продолжают действовать как законы коммунистического развития благосостояния. Они, таким образом, представляют собой специфические законы коммунистической формации, общие обеим ее фазам — социализма и полного коммунизма, хотя формы их действия в экономике каждой из этих фаз характеризуются существенными особенностями.

4
взаимодействие законов отдельных фаз воспроизводства и законов воспроизводства

В системе экономических законов наряду с законами каждой фазы экономического процесса в единстве с ними действуют и особые законы этого процесса в целом — законы воспроизводства, которые не выражают каких-либо иных отношений производства, чем те отношения, которые протекают в известных четырех фазах воспроизводства. Они суть законы тех же отношений, но той их стороны, которая образуется целостностью, взаимосвязью всей совокупности этих отношений в их воспроизводственном движении [1].

Все законы социалистического воспроизводства — закон непрерывно расширенного воспроизводства интенсивного типа, закон усложнения структуры общественного

[1] Иногда отличие законов воспроизводства от законов производства и других его фаз ищут в том, что эти законы якобы представляют собой не чисто экономические законы, а законы отношений производства и производительных сил, ввиду того что объективно процесс воспроизводства есть процесс воспроизводства производительных сил и воспроизводства производственных отношений. Но это столь же ошибочно, сколь пытаться любые экономические законы выдать за законы и экономики, и производительных сил. Конечно, производственные отношения представляют собой форму производительных сил и в этом смысле образуют формы и стимул движения последних. Соответственно законы производственных отношений как законы их движения и развития воздействуют и на движение и развитие производительных сил. Однако как качественно особый тип отношений — отношений человека к природе — развитие производительных сил обладает своими внутренними законами.

продукта и взаимосвязей сфер и отраслей его воспроизводящих, закон воспроизводства оптимальности структуры народного хозяйства, закон опережающих темпов роста производства средств производства по сравнению с темпами роста предметов потребления (или, иначе, преимущественного роста производства средств производства), закон социалистического накопления и др. — представляют собой законы движения производственных отношений социализма в их единстве. Иными словами, они законы единства, целостности отношений между производителями по поводу материальных факторов, самого процесса и результатов воспроизводства, действия которых обусловливают непрерывность и оптимальность расширенного воспроизводства производительных сил и производственных отношений социализма.

Законы воспроизводства, взаимодействуя с законами отдельных фаз воспроизводства в общих рамках действий экономического закона движения социализма, определяют конкретный процесс экономического развития социализма в целом. Взаимодействия законов воспроизводства, с одной стороны, и законов отдельных фаз воспроизводства — с другой, и состоят в том, что первые определяют движение необходимых *общих условий* для действий законов отдельных фаз воспроизводства и, наоборот, действия последних определяют движения *специальных условий* в каждой отдельной фазе, необходимых в совокупности для протекания законов воспроизводства.

Рассмотрим это применительно к центральному, определяющему закону социалистического воспроизводства — закону социалистического накопления.

Центральная, решающая роль закона социалистического накопления в системе законов воспроизводства обусловлена тем, что он определяет сами условия как оптимальности и интенсивности расширенного социалистического воспроизводства, так и специфически исторический характер его темпов и пропорций.

Закон социалистического накопления, как известно, выражает внутренне свойственную социалистической экономике небходимость оптимального накопления социалистического богатства (производственного и непроизводственного) путем максимально возможного превращения части воспроизводимого общественного про-

дукта в новые элементы богатства в сочетании с максимально возможным непроизводственным потреблением другой его части, то и другое на протяжении текущего периода и последующего ряда периодов экономической деятельности общества (определяемого оборотом его экономических ресурсов).

Сама необходимость накопления всеобща для любого развивающегося способа производства. Она заключена в том, что в соответствии с каждым данным уровнем развития производительных сил и отвечающих им производственных отношений складывается определенная система материальных потребностей, опережающих возможности их удовлетворения, что и выступает в конечном счете как необходимость накоплять [1], т. е. расширять производство и материальные условия непроизводственной сферы для удовлетворения растущих потребностей. Однако закон накопления выражает не просто эту абстрактную всеобщую необходимость накопления, свойственную всякому развивающемуся способу производства вообще. В условиях каждого данного способа производства он выражает специфический характер как самих факторов, обусловливающих накопление, так и причинно-следственные связи между этими факторами и самим накоплением как осуществляющимся процессом.

Специфические факторы накопления, протекающие при антагонистических капиталистических отношениях, обусловливают связь между ними (этими факторами) и самим накоплением в качестве развития условий эксплуатации. «...Закон капиталистического накопления, принимающий мистический вид закона природы, — писал Маркс, — в действительности является лишь выражением того обстоятельства, что природа накопления исключает всякое такое уменьшение степени эксплуатации труда... которое могло бы серьезно угрожать постоянному воспроизводству капиталистического отношения, и притом воспроизводству его в постоянно расширяющемся масштабе» [2].

---

[1] Маркс как на общую меру прибавочного продукта указывал на ту его меру, которая необходима «для непрерывного расширения воспроизводства в степени, определяемой общественной потребностью...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 448).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 634—635.

При социализме, поскольку социалистическое воспроизводство является процессом движения непосредственно общественных отношений коллективности, протекающим в рамках действий основного экономического закона социализма, постольку оно направлено на удовлетворение развивающихся экономических потребностей самого общества.

Именно поэтому специфически социалистический характер факторов, обусловливающих накопление, состоит в том, что они представляют собой экономические потребности общества, удовлетворяемые сообразно его системе интересов, а специфически-социалистический характер связей этих факторов — в том, что накопление *подчинено необходимости обеспечения оптимальных условий для развития экономических отношений социализма.*

Поддержание оптимальных условий их развития и требует такого сочетания накопления в каждом текущем периоде воспроизводства и накопления в течение длительной цепи их последующих периодов, которое отвечает сочетанию максимально возможного текущего и длительного систематического удовлетворения непроизводительных потребностей общества (личных и общественных).

Действительно, если накопление будет осуществляться в ущерб непроизводственному потреблению, за счет урезывания его экономически необходимого объема, то в конечном счете это, нарушая необходимое удовлетворение развивающихся потребностей, придет в столкновение с законом возмещения затрат рабочей силы, оптимального расширения жизненных условий производителей, обеспечения благосостояния всем участникам производства в соответствии с уровнем развития производительных сил и подорвет развитие рабочей силы. Тем самым неизбежно образуется несоответствие между накопленными материальными факторами производства и задержавшимся развитием личного его фактора.

Но мало этого. Так как будет ущемлено удовлетворение не только новых возникающих потребностей, но уже и сложившихся потребностей, вошедших в круг, определяющий жизненные условия общества, то будут вообще подрываться оптимальные условия развития не-

посредственно общественных отношений коллективности. Это в свою очередь вызовет замедление роста или падение производительности труда, отток рабочей силы, образование многих народнохозяйственных диспропорций и т. д. В итоге сама чрезмерность накопления, сначала стимулирующая развитие производства, в конечном счете превратится в фактор, подрывающий возможность его эффективного использования.

Напротив, если накопление будет ограничиваться чрезмерным (а не максимально возможным, т. е. оптимальным) потреблением, то это, продолжаясь сколько-нибудь длительно, в конечном счете, подорвав процесс накопления, приведет к тому, что будет невозможно не только удовлетворение растущих потребностей, но и их поддержание на ранее сложившемся уровне.

Как же развертываются взаимодействия закона социалистического накопления и других экономических законов в общих рамках действий основного экономического закона социализма?

Действия экономического закона движения социализма обусловливают производство и присвоение общественного продукта в интересах самого общества. Отсюда вытекает необходимость развития удовлетворяемых экономических потребностей в меру самого развития производства. Закон социалистического накопления, действуя в этих рамках, определяет необходимость оптимального сочетания процесса накопления, т. е. развития производства с ростом народного потребления.

Закон планомерности определяет процесс социалистического накопления как процесс планомерного накопления. С другой стороны, накопление, обеспечивая развитие производительных сил, подъем уровня их обобществления и соответственно развитие отношений производства, содействует расширению рамок и повышению уровня зрелости планомерности протекания экономических процессов.

Взаимодействия закона стоимости и закона накопления также протекают по многим направлениям. Прежде всего необходимость сведения индивидуальных затрат к общественным, реализуемая действиями закона стоимости, неизбежно связана с постоянным развитием производительных сил, материальные возможности для которых определяются действиями закона

накопления. Материальное стимулирование труда и производства действиями закона стоимости представляет собой и стимулирование процесса накопления, и создание условий для оптимальности его протекания. Но более того, закон стоимости как закон общественного учета и движения труда в формах стоимости обусловливает и стоимостные формы образования и движения накопления; стоимость опосредствует процесс его распределения и перераспределения и т. д.

Действия законов социалистического разделения и кооперации труда предполагают постоянное углубление и изменение характера дифференциации отраслей производства и их кооперации, изменение дифференциации производственных функций в рамках первичных звеньев разделения труда и постоянное развитие характера комбинации этих функций, развитие и изменение характера профессионального разделения труда и т. д. Действия закона накопления управляют предоставлением всем процессам разделения и кооперации труда необходимой материальной основы — новых орудий труда и других средств производства, тем самым обеспечивая развитие отношений производства, при которых совершаются изменения в разделении труда. Соответственно развиваются и взаимодействия закона пропорционального распределения труда и закона накопления. Процесс накопления необходимо осуществляется пропорционально во всех областях, отраслях и звеньях производства, как и в сферах народного хозяйства, т. е. в пропорциях, которые определяются совокупностью действий системы экономических законов социализма.

Тем самым пропорциональное распределение труда и соответственно обеспечение всеобщей занятости трудящегося населения получают материальную базу. Этим же в свою очередь для самого процесса накопления создается возможность для реализации оптимального накопления [1].

[1] Тенденцию оптимального взаимодействия закона накопления и распределения труда нельзя непосредственно охарактеризовать какой-либо системой прямых статистических показателей. Однако известное косвенное ее отражение дает сопоставление по отраслям производства роста производственных фондов, в которых реализуется

Неразрывно и взаимодействие законов повышения производительности труда и непрерывного роста производства с законом накопления: действия первых создают условия для накопления, действия закона накопления создают условия для систематического роста производительности труда и производства.

Взаимодействие этих законов существенно интенсифицирует процесс накопления. И ввиду того что непрерывный и быстрый рост производительности труда и производства создает условия для ускоренного развертывания процесса снижения стоимости, физические массы накапливаемых средств производства возрастают существенно более быстрыми темпами, чем массы их стоимости, т. е. массы овеществленного в них труда [1]. Это в свою очередь расширяет условия дальнейшего роста производительности труда и производства, дальнейшего интенсивного протекания процесса накопления.

основная часть производственных накоплений, с ростом занятости, продукции и производительности труда (1963 г. в % к 1940 г.).

	Все народное хозяйство	Промышленность	Сельское хозяйство	Транспорт и связь
Основные производственные фонды	416	586	281	312
Численность работающих (в сфере производства)	149	228	81	197
Валовая продукция	490	678	155	472 *
Производительность труда	329	342	206	267 **

* Грузооборот всех видов транспорта.
** На железнодорожном транспорте.

Как видно из этих данных, систематические крупные накопления обеспечивают соответствующее распределение рабочих сил народного хозяйства на основе все более высокого уровня их фондовооруженности, благодаря чему возрастает фондоотдача (съем продукции с единицы фондов) и общественная производительность труда. Следует отметить, что в тех или иных масштабах это осуществляется во всех отраслях материального производства, кроме сельского хозяйства, отставание которого сказалось и в падении здесь эффективности накоплений («Народное хозяйство СССР в 1961 году», стр. 461, 567; «Народное хозяйство СССР в 1963 году», стр. 51, 55, 62, 65, 363, 475).

[1] «...С увеличением производительности труда, — писал Маркс, — не только возрастает объем потребляемых им средств производства, но и понижается стоимость их по сравнению с их объемом. Таким образом, стоимость их абсолютно повышается, но не пропорционально их размерам» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 637).

Процесс накопления, необходимый для роста производства и подъема производительности труда, как и процесс возмещения отслуживших средств производства, осуществляется неравномерно в силу самого характера технического прогресса, и в частности обеих форм морального износа. При этом в условиях капитализма неравномерность — один из существенных моментов циклического характера воспроизводства; при социализме же с его планомерностью эта неравномерность выступает лишь как условие дополнительного накопления материальных резервов [1], которое обеспечивает пропорциональный рост производства, а стало быть, и возможности оптимального его роста, как и роста производительности труда.

Наконец, законы роста производительности труда и производства и закон накопления взаимодействуют и в области сочетания элементов накопления в форме технических средств, направленных на экономию прошлого труда (самих средств производства) и экономию живого труда, т. е. их действия направлены на поддержание возможностей оптимального роста общественной производительности труда и общественного производства [2].

Таким образом, действия закона накопления находятся в неразрывной связи с действиями всех экономических законов социалистического производства. Неразрывно взаимодействие закона накопления и законов распределения. При этом что касается действия законов распределения ресурсов производства, то связь эта самоочевидна и на ней можно не останавливаться. Но

---

[1] «...С одной стороны, — писал К. Маркс, — производится основного капитала на известное количество больше, чем непосредственно необходимо; с другой стороны, создается запас сырья и т. д. сверх непосредственных потребностей данного года (в особенности это относится к жизненным средствам). Такой вид перепроизводства равнозначен контролю общества над материальными средствами его собственного воспроизводства» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 532—533).

[2] При капитализме существенные противоречия сталкивают различные виды технического прогресса, ведя к превалированию в различных отраслях производства либо «капиталосберегающих», либо «трудосберегающих» его форм — одной в ущерб другой. В работах буржуазных экономистов этот факт отражается в извращенном виде в форме теории предельной производительности этих форм технического прогресса (см. *Э. Жамс*. История экономической мысли XX века, стр. 363).

столь же неразрывно и взаимодействие с законами распределения в узком смысле — распределения предметов потребления.

Прежде всего действия законов возмещения затрат рабочей силы и оптимального обеспечения расширения жизненных условий производителей опираются на оптимальное сочетание удовлетворения непроизводственных потребностей и роста производства. Но именно эти же условия и определяют взаимосвязь факторов накопления и самого процесса накопления. Вместе с тем действия закона распределения по труду, образуя стимулы роста производительности труда и производства, выступают как стимулы накопления. Действия закона накопления, определяя оптимальное сочетание накопления и потребления, создают условия роста материальных фондов, распределяемых по труду. Таким образом, взаимодействия обоих этих законов развивают друг для друга материальные сферы их действий.

В более осложненных формах протекают взаимодействия закона накопления с законами обмена и обращения. Но в конечном счете все эти взаимодействия сводятся к тому, что накопление либо расширяет, либо модифицирует сферу обращения и условия действия его законов, обращение же — товарное и денежное — в свою очередь опосредствует процесс накопления, реализацию оптимальных условий его протекания.

Наконец, прямое непосредственное взаимодействие имеет место между законом накопления и законами потребления, что прежде всего и главным образом дано уже самим содержанием закона накопления. Действия этого закона создают материальный фундамент для оптимального протекания потребления и, стало быть, для действий закона обеспечения социалистического благосостояния для всех членов общества в соответствии с возможностями, открываемыми ростом производства. Действия же закона потребления, как и других законов, создают условия для воспроизводства личного фактора производства — рабочей силы — и, стало быть, для использования накопления для дальнейшего роста производства и т. д.

Закон накопления взаимодействует и со всеми структурными законами потребления. Действия его ведут к развитию условий, в которых осуществляются

структурные сдвиги потребления, управляемые соответственными законами. Последние же по многообразным каналам в свою очередь воздействуют как на формирование условий образования накопления, так и на направление его использования.

Таким образом, взаимодействия закона накопления в рамках общих действий основного экономического закона социализма с каждым из законов производства, распределения, обращения и потребления и со всеми ними как единством создают, определяют условия экономического развития, открывая возможности оптимального протекания этого процесса.

Разумеется, оптимальность отнюдь не достигается автоматически и существенно зависит от самой успешности использования законов (см. гл. 8). При этом важной стороной ее реализации является учет и планомерное разрешение противоречий процесса воспроизводства как противоречий действия и взаимодействия его законов.

Развертывание, движение отмечавшихся выше противоречий отношений собственности, противоречий отношений в непосредственном процессе производства, в распределении, обращении и потреблении означают и противоречивость движения единства этих отношений — противоречия воспроизводства.

Было бы совершенно неосновательно полагать, что планомерность движения отношений социалистического воспроизводства и его законов в силу самой планомерности представляет собой некую предустановленную гармонию действия этих законов. Поскольку сами отношения и выражающие их законы противоречивы, постольку и неизбежно противоречив характер действий законов воспроизводства. Планомерность же означает лишь учет обществом этого объективного факта и использование всех объективных возможностей для разрешения этих противоречий, но отнюдь не ликвидацию самой противоречивости [1].

---

[1] Таким образом, и для социалистического воспроизводства остается в силе известное положение марксизма об объективной противоречивости экономических законов вообще. «...Все они (экономические законы. — *Я. К.*) не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в *непосредственной* действительности. Это происходит отчасти вследствие того, что их дей-

Факторы, определяющие противоречия процесса социалистического воспроизводства, можно было бы свести к трем основным группам:

во-первых, к противоречиям различных форм экономических отношений и отвечающих им экономических законов в рамках каждой отдельной фазы воспроизводства — производства, распределения, обращения и потребления;

во-вторых, к противоречиям между различными формами экономических отношений и законов различных фаз воспроизводства;

в-третьих, к противоречиям между различными формами единства отношений производства в их движении и действиями законов воспроизводства.

Проиллюстрируем эти положения. Возьмем, к примеру, социалистическое разделение труда и действие соответственного закона, непрерывный интенсивный рост производства и соответственный закон. Очевидно, необходимость известных форм разделения и кооперации труда, их развитие могут вступать и вступают в противоречия с ростом производства на интенсивной основе, так как этот последний вызывает в силу технического прогресса более или менее резкие несоответствия между воспроизводящимися формами разделения и кооперации труда и потребностями производства. Вся практика современного развития, связанная с комплексной механизацией, автоматизацией производства, с переходом на принципиально новую производственную технику и технологию и т. д., полна соответственных примеров. Разумеется, это противоречие планомерно разрешается, но оно постоянно дает о себе знать. Любая связь различных форм отношений и любых действий различных законов в пределах данной фазы воспроизводства заключает в себе аналогичные или иные противоречия большей или меньшей остроты.

Возьмем, далее, отношения и действия отвечающих им законов двух различных фаз, скажем распределения и обмена. Так, закон распределения по труду требует, чтобы стоимость массы материальных благ, в которых

ствие перекрещивается с одновременным действием других законов, отчасти же вследствие их природы...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIX, стр. 393).

реализуется трудовой доход, была бы эквивалентной стоимости распределенного по труду дохода. Вместе с тем такой закон товарного обмена, как закон спроса и предложения, требует отклонения цен отдельных товаров от их стоимостей. Это неизбежно приводит к тому, что равные доходы по труду, реализуясь в разных по составу массах потребительских ценностей, реализуются тем самым и в неэквивалентных массах стоимостей. Перед нами, таким образом, существенное противоречие в движении отношений различных фаз и их законов, требующее сложных форм для своего планомерного разрешения.

Наконец, проиллюстрируем противоречия действий законов воспроизводства. Обратимся к действиям закона развития оптимальной структуры социалистического народного хозяйства и закону социалистического накопления.

Сам закон развития оптимальной структуры требует такого сочетания вещественных и стоимостных элементов воспроизводства, чтобы они отвечали оптимальным условиям расширенного воспроизводства, стало быть, прежде всего оптимальному сочетанию накопления и потребления. Ту же необходимость в пределах процесса накопления выражает закон накопления. На первый взгляд здесь нет противоречий. Но при меняющихся условиях воспроизводства обеспечение оптимальности накопления может круто изменить материальный и стоимостный состав накопления, так или иначе изменить его норму и т. д. И система пропорций воспроизводства, образующих структуру народного хозяйства, уже в силу того факта, что она обнимает неизмеримо более широкий круг народнохозяйственных пропорций всех сфер и процессов воспроизводства, испытывает и реализует эти изменения несравненно более медленно и осложненно, чем круг пропорций процесса накопления.

На этой почве могут возникнуть противоречия, разрешение которых достигается лишь планомерно в процессе использования многих специальных экономических форм и процессов.

Развитие процесса расширенного социалистического воспроизводства несет с собой и разрешение тех или иных его противоречий и возникновение новых. Прежде всего существенно, что вместе с подъемом на более вы-

сокую ступень планомерности общественного воспроизводства формы планомерного разрешения противоречий становятся все более зрелыми и совершенными.

Экономические ресурсы общества и абсолютно, и относительно резко возрастают. Оно получает в свое распоряжение крупные резервы. Вместе с этим увеличивается и эластичность, подвижность, гибкость всех потенций общественного воспроизводства, появляются новые возможности безболезненного и быстрого разрешения его экономических противоречий и поддержания оптимального характера воспроизводства. Наконец, вместе с перерастанием социализма в коммунизм шаг за шагом преодолеваются различные формы специфически социалистических противоречий производства, распределения, обращения и потребления. Но тем самым изживаются и эти противоречия в процессе воспроизводства в целом.

Как уже отмечалось, действиям и взаимодействиям экономических законов социализма присущ специфически исторический характер. Они определяются самой социальной природой строя производства, выступая в качестве возможности и необходимости оптимальности развития непосредственно общественных отношений коллективности. Это в свою очередь означает, *во-первых,* возможность и необходимость оптимальности сочетания интересов развития общественного производства с интересами полного использования этого развития для удовлетворения потребностей всего общества, т. е. сочетание максимально возможного развития производства с максимально возможным развитием потребления. *Во-вторых,* возможность и необходимость развития процесса перерастания социалистических производственных отношений в коммунистические производственные отношения.

Следует подчеркнуть двусторонний характер оптимальности экономического процесса социализма — со стороны соотношения производства и потребления и со стороны развития производственных отношений. Ибо ни одна из этих сторон сама по себе не раскрывает этого специфически исторического характера движения социалистической экономики, направления ее развития.

Буржуазная политическая экономия в противовес диалектико-материалистическому понятию оптимума

экономического развития выдвигает свою концепцию оптимума, исходя из психологически-субъективистских построений.

Марксизм исходит из того, что определенный уровень и характер развития производительных сил и производственных отношений обусловливает развитие известной системы общественных потребностей. Обе эти стороны производства в единстве специфическим образом и определяют эту систему. Развившись, в каждый данный момент она и выступает как система, требующая известного соответствующего ей распределения труда в производстве [1].

Марксизм вскрыл производный, определяемый, а не первичный, исходный характер потребностей в системе экономического оптимума [2] и координацию этой системы как системы через распределение общественного труда [3].

[1] «...Потребительная стоимость известной массы общественных продуктов, — писал К. Маркс, — зависит от того, адекватна ли она количественно определенной общественной потребности в продукте каждого особого рода и, следовательно, от того, пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной, количественно определенной потребностью распределен труд между различными сферами производства» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 185—186).

[2] Характерно, что тезис о первичной роли потребностей в экономике часто выдают за материализм. Например, А. Исаев писал: «...я считаю наиболее целесообразным поставить в начале изложения (политической экономии. — *Я. К.*) понятие о *потребности,* ибо сознание человеком своей зависимости от внешней природы и людей и обусловливает хозяйственную деятельность» (*А. А. Исаев.* Начала политической экономии. СПб., 1908, изд. 7-е, стр. 24). Он при этом упустил тот решающий факт, что человека из животного мира выделяют не потребности, а производство как способ их удовлетворения; и вырастает из этого кардинального факта то следствие, что сами потребности в ходе развития производства все более определяются этим последним.

[3] Отступление от этого неизбежно заводит в дебри субъективно-маржиналистских построений. Бухарин, например, выдвигал положение о сведении конкретных продуктов труда в единую их массу без посредства труда, стоимости через единицы полезности. «...Мы поэтому можем говорить, — писал он, — о производительных силах и производительности общественного труда как о двух сторонах одной и той же математической величины $\frac{M}{a+b}$, где M — вся масса продуктов, выраженная в каких-либо единицах полезности (будь то энергетические величины или что-либо иное — в данном случае безразлично); a и b — единицы общественного труда...» По поводу этого построения в духе теории предельной полезности В. И. Ленин замечал: «Математика хуже чем подозрительная. Никуда не годна» (Ленинский сборник XI, 1929, стр. 372).

Напротив, буржуазно-субъективистские школы создают всякого рода конструкции оптимума путем субъективно-маржиналистских приемов сведения потребностей в единую систему, а удовлетворяющих их средств — в единую массу. Для этого используются и принципы школы предельной полезности благ, создаваемой согласно «закону Госсена», т. е. закону убывания «ценности» благ по мере насыщения потребностей и ослабления интенсивности последних по мере их удовлетворения, — принцип одинаковости предельной производительности редких ресурсов и т. п. [1]

Однако субъективность, произвольность выбора сталкивающихся между собой критериев оптимума заводит буржуазную науку в тупик, ибо обнаруживается невозможность на этих позициях получения однозначных решений оптимума и проблема остается нерешенной [2].

Не решив проблемы оптимума для капитализма, буржуазная экономическая наука, однако же, претендует на то, что построения математической школы моделей «оптимального использования ресурсов» применительно к гармонизованным уравновешенным рыночным схемам при невоспрепятствованной конкуренции — концепции Парето, Маршалла, Бароне, фон Нейрата и т. д. — и есть схемы оптимума или логики экономического поведения при социализме, или «совершенной общей логики выбора», свойственной будто бы и социализму, и капитализму [3]. Исходя из этих же концепций, Суизи, считающий себя марксистом, договаривается до того, что буржуазная экономическая наука, «капиталистическая экономия», как он ее называет, якобы «в действительности является наукой о социализме» [4].

---

[1] Вот обычная формулировка теории предельной полезности, лежащей в основе этих построений: «1. Всякая человеческая потребность уменьшается по мере ее удовлетворения. 2. Оценка каждого блага, способного удовлетворять потребности человека, понижается по мере того, как оно становится более доступным, ибо последние предложенные единицы данного блага противопоставляются потребностям слабой интенсивности. 3. Все экономические лица распределяют единицы своего дохода между различными расходами таким образом, чтобы из каждой единицы извлечь удовлетворение равной интенсивности» (см. *Э. Жамс.* История экономической мысли XX в., стр. 71). Характерно, что все субъективистско-математические схемы оценки редких ресурсов соответственно их «народнохозяйственной значимости» в противовес или в отличие от стоимости неизбежно приводят к той или иной разновидности субъективно-маржиналистских построений по типу школы предельной полезности (см. *Э. Жамс.* История экономической мысли XX в., стр. 552).

[2] «В конечном итоге надо признать, — писал Э. Жамс, — что экономический оптимум не может быть определен. Те большие усилия, которые предпринимались в этом направлении в течение последних двух десятилетий, не дали решения этой проблемы. Единственный результат этих усилий заключается в том, что были всецело осознаны трудности ее исследования» (*Э. Жамс.* Указ. соч., стр. 552).

[3] *J. Schumpeter.* Capitalism, Socialism and Democracy, p. 182.

[4] *P. M. Sweezy.* Economics and the Crisis of Capitalism, Economic Forum. Spring, 1935, III, p. 79.

Такого рода утверждения широко представлены в работах буржуазных экономистов. См., например, *A. Bergson.* Socialist Economics

Нет нужды в специальном опровержении этой концепции и потому, что она исходит из полного игнорирования социально-экономической специфики экономического оптимума для каждого строя производства, и потому, что она зиждется на тех или иных разновидностях субъективистски-маржиналистских схем полезности. Но ее наличие еще более оттеняет все огромное значение марксистской теории оптимума сочетания элементов воспроизводства и их развития в социалистической экономике и анализа действия законов как законов, реализующих этот оптимум.

Чрезвычайно важной стороной оптимальности экономического развития, достигаемого взаимодействием законов накопления и экономических законов отдельных фаз воспроизводства, являются и специфически социалистические относительно высокие темпы расширенного социалистического воспроизводства, отвечающие в экономической области действию социологического закона социализма — закона ускорения общественного развития. Этот закон, как предвидел Ленин и практически доказал опыт социализма, является непреложным законом движения коммунистической формации [1].

Закон ускорения общественного развития вытекает из отпадения антагонистических ограничений, которые ставят общественному развитию классовые противоречия общества, из вовлечения в общественный процесс в качестве активных его сил подавляющих масс народа, а затем и всего народа. Этот закон основывается на внутренне присущем социалистическому обществу наиболее рациональном планомерном использовании его материальных и трудовых ресурсов. В экономической области закон ускорения общественного развития проявляется, в частности, в тенденции к обеспечению оптимальности развития производительных сил и производственных отношений, обусловливаемой взаимодействием

---

in «A Survey of Contemporary Economics». Philadelphia — Toronto, 1948, p. 412—448; *Ben B. Seligman.* Socialism without Marx. — «Dissent», 1959, N 3; *B. Beckwith.* The Economic Theory of a Socialist Economy, Stanford University Press, 1949; *W. Loucks.* Comparative Economic Systems. N. Y., 1957.

[1] Ленин писал: «...важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 99—100).

экономических законов социализма. В этих условиях повышение уровня экономического развития общества отнюдь не ведет к затуханию темпов роста его экономики, а, напротив, создает все более широкие возможности для надежного поддержания высоких, недоступных для капитализма темпов расширенного воспроизводства и, более того, нарастающих темпов развития всех областей экономического прогресса. В итоге в процессе развития социализма эволюционные сдвиги в экономике неизбежно все более и более переплетаются с революционными, качественными скачками в ее развитии. Таким образом, еще на стадии неполного коммунизма все больше заявляет о себе движущая сила и стимул развития коммунистической формации в целом — революционный прогресс во всех условиях материальной и социальной жизни общества, когда свободное развитие общества в целом является залогом свободного развития каждого его члена.

Выводы, которые могут быть сделаны из рассмотрения системы взаимодействий экономических законов социализма, законов отдельных фаз его процесса и законов процесса воспроизводства в целом, если пытаться кратко их сформулировать, заключаются в следующем.

Все экономические законы непосредственно или опосредствованно взаимодействуют между собой в рамках действий экономического закона движения социализма.

Эти взаимодействия отражают субординацию различных форм отношений производства.

Действия и взаимодействия законов в силу специфически исторических условий социалистического строя производства направлены на достижение оптимума развития экономики социализма — оптимума развития его производительных сил и производственных отношений.

Действия и взаимодействия законов в их единстве образуют собой закономерности движения и развития процессов социалистического производства, распределения, обращения и потребления и воспроизводства в целом как процессов перерастания социализма в коммунизм, на каждом из этапов которого они характеризуются специфическими особенностями. Но эти

особенности представляют собой лишь особенности все большей зрелости социалистических отношений производства, все дальше продвигающегося процесса их перерастания из отношений социалистических в отношения коммунистические.

Таким образом, законы социализма и есть по своему историческому смыслу и значению законы развития коммунизма. Этот исторический характер законов социализма в полную меру и выявляется в современных условиях — на стадии коммунистического строительства.

глава 8

ОБЪЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ СОЦИАЛИЗМА

Вопрос об объективном механизме действия экономических законов социализма, т. е. о системе хозяйственных форм и материальных стимулов, посредством которых эти законы необходимо реализуются, имеет важное значение для политической экономии социализма. Его разработка настоятельно диктуется потребностями коммунистического строительства.

Знание данного механизма, его структуры, способа функционирования — необходимое условие планомерного использования социалистическим обществом законов экономики. Пробелы в его знании, неумение правильно использовать или какое бы то ни было пренебрежение к формам его функционирования неизбежно подрывают научную обоснованность процесса хозяйствования, порождают волюнтаризм, произвол, которые влекут за собой растрату материальных и трудовых ресурсов, народнохозяйственные диспропорции, снижение экономической эффективности производства и т. д.

Но единство объективного механизма действия экономических законов и активной деятельности общества по его использованию не есть их тождество.

Экономические законы социализма, как и любого другого способа производства, реализуются необходимо, неизбежно, безотносительно к воле и сознанию людей. Вместе с тем экономические законы — это законы производственных отношений, которые в качестве *общественных* отношений суть отношения между людьми. Люди же действуют сознательно, осуществляя свою волю, намерения, цель. Именно это коренное отличие сферы общественных отношений от отношений внешней (живой

и мертвой) природы[1] и связано с существованием особого *объективного механизма действия общественных законов,* с существованием таких особых объективных форм и стимулов, посредством которых сознательные действия людей подчиняются объективной необходимости. Применительно к нашему исследованию это проблема *объективного механизма действия экономических законов социализма.*

Каким образом, какими путями, при посредстве каких форм и стимулов объективная необходимость, выраженная экономическими отношениями и свойственными им законами, прокладывает себе дорогу? Иными словами, воздействие каких именно объективных материальных сил, импульсов вынуждает людей, наделенных сознанием и волей и действующих в процессе своих социалистических экономических отношений не только сознательно, но и планомерно в масштабе всего народного хозяйства, в конечном счете осуществлять именно необходимые отношения, не зависящие от их воли и сознания, реализовать объективные экономические законы, свойственные этим отношениям? Словом, каковы те специфически исторические, свойственные экономическому строю социализма объективные формы, материальные силы, импульсы, при посредстве которых содержание и направление волевых, целесообразных действий людей, общества в целом в экономической сфере подчиняются осуществлению необходимых отношений, реализации свойственных этим отношениям объективных законов?

Планомерная деятельность людей, общества по реализации экономических законов социализма как познанной ими необходимости нередко отождествляется с объективным механизмом действия этих законов. В действительности это хотя и неразрывно взаимосвязанные между собой, но принципиально различные явления. Механизм действий экономических законов социализма

---

[1] «В природе... — писал Энгельс, — действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы... Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 305—306).

объективен, не зависит от воли и сознания людей; он имманентен самим экономическим отношениям. Он заключается именно в *объективных материальных* формах, силах, импульсах, при посредстве которых производственная деятельность людей подчиняется объективной необходимости. Деятельность же по планомерному, сознательному применению экономических законов социализма, хотя объективно и обусловлена, сама по себе, как таковая, *субъективна;* это сознательная, волевая, целенаправленная деятельность людей.

В соответствии с необходимостью, заложенной в самом единстве социалистических экономических отношений и выражаемой в действиях системы законов, которые общество познает, оно организует действия людей, направленные на планомерную реализацию этих законов.

Объективно возможность и необходимость планомерного использования экономических законов проистекает из объединения общественного процесса производства отношениями всенародной общественной социалистической собственности на средства производства. Субъективно же они реализуются потому, *во-первых,* что общество объединено под руководством рабочего класса, интересы которого совпадают с интересами развития всего общества, в обществе нет господствующих интересов, сил, мешающих познанию и реализации объективной необходимости прогрессивного развития, напротив, господствующие интересы заключаются в ее познании и реализации; *во-вторых,* что использование законов представляет собой сферу деятельности творцов истории — широчайших народных масс, участников производства, в чьих интересах и ими самими под руководством партии коммунистов, социалистического государства применяются эти законы [1]; *в-третьих,* что общество, познающее и применяющее законы, располагает марксистско-ленинской наукой, позволяющей осуществлять этот процесс.

---

[1] «Марксизм, — писал В. И. Ленин, — отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 23).

Совокупность и единство всех этих объективных и субъективных факторов, связанных с возможностью и необходимостью планомерного использования экономических законов социализма, и определяют деятельность, направленную на их использование, которая и образует суть экономической роли социалистического государства, его функций по общегосударственной организации экономических отношений и руководства ими и их развитием.

Объективные экономические связи, выражающие их экономические законы, разумеется, не зависят от того, осознаны или не осознаны они обществом, считается или не считается общество с ними в его действиях. Законы от этого не перестают существовать и действовать. Однако же вся соль в том, что, поскольку они представляют собой законы экономических отношений социализма, они в совокупности необходимо требуют для своей реализации планомерной формы действия.

Социалистическая экономика может включать и включает в себя элемент стихийных действий отдельных непознанных или не полностью познанных законов. Более того, известный элемент стихийных действий вообще неизбежен: действительность сложнее и глубже ее теоретического познания, и всегда остаются некоторые непознанные как старые, так и вновь развивающиеся отношения и отвечающие им законы, а стало быть, и их стихийные действия.

Вместе с тем, однако, элементы стихийности в условиях социализма носят подчиненный и второстепенный характер; они охватывают лишь отдельные виды и формы экономических отношений. В целом же действиям экономических законов социализма, их единству необходимо присуща планомерность [1].

Итак, то, что законы экономики социализма познаются и планомерно реализуются людьми, социалистическим обществом в целом в их экономической деятельности как познанная ими необходимость, и означает, что в условиях непосредственно общественных социалистических

---

[1] Поэтому неправилен, противоречит самой природе экономического движения при социализме тезис о стихийно-автоматической форме действия экономических законов социализма, выдвигаемый рядом экономистов.

отношений производства *а)* заключена возможность сознательного, планомерного использования законов; *б)* действует необходимость такого их использования; *в)* в силу этой необходимости указанная возможность и претворяется в действительность в экономическом процессе.

Тем не менее сам факт использования или планомерного применения экономических законов социализма людьми, обществом еще ничего не говорит о том объективном механизме, через который прокладывает себе дорогу необходимость познавать экономические законы и планомерно реализовать их.

Следовательно, проблема объективного механизма действия экономических законов социализма и состоит в выявлении тех объективных форм и стимулов, при посредстве которых действия людей в экономической сфере материально направляются на осуществление не зависящих от их воли и сознания объективных общественных отношений производства, на реализацию объективных законов этих отношений [1].

В связи с этой проблемой находится и проблема использования законов, охватывающая соотношение объективных и субъективных факторов в социалистическом экономическом процессе, планомерную сознательную деятельность общества по осуществлению своего экономического процесса, следовательно, руководство ею со стороны социалистического государства, его экономическую роль. Предмет нашего анализа — первая из этих проблем.

Специфически исторический характер объективного механизма действия законов социализма, образующих его форм и стимулов выявляется при его сопоставлении с механизмом действия экономических законов капитализма.

В силу того что экономические отношения капиталистического способа производства основываются на частной собственности, какая бы форма последней при этом ни господствовала (частная собственность индивидуальных капиталистов, капиталистов, ассоциированных

[1] Нельзя не отметить, что забвение грани, которая отделяет объективный характер экономических законов и механизма их действий от субъективной деятельности по их использованию, часто ведет к субъективистскому истолкованию самих законов.

в акционерные объединения, общества, тресты и т. д., монополистические формы частнокапиталистической собственности и т. п.), экономические законы капитализма действуют стихийно; механизм их действия — стихийно действующий механизм.

Разумеется, участники капиталистических экономических отношений — люди, одаренные волей и сознанием, действуют вовсе не инстинктивно, слепо, бессознательно. Напротив, они в этих отношениях осуществляют свои сознательные решения, свои волевые акции. Более того, свои решения и акции в той или иной степени они сообразуют с познаваемыми ими экономическими законами, намеренно их реализуют. Однако же ни сознательность действий агентов капиталистического производства, ни сообразование этих действий с законами экономики не предотвращают стихийности экономических отношений капитализма и действий экономических его законов, стало быть, стихийности объективного механизма их действий.

Все дело в том, что экономическая разобщенность агентов капиталистического производства отношениями частной собственности заключает их сознательные действия, их волевые акции, сообразование их действий с требованиями законов экономики в узкие границы отдельных частных взаимно противоречивых экономических процессов, непосредственными участниками которых они выступают. Экономический же процесс в целом, в его народнохозяйственных рамках, в его единстве, именно потому, что его агенты разъединены частной собственностью, не может быть ни понят ими в его основных закономерностях, ни охвачен их сознательными действиями.

Когда капиталистическое государство, особенно на современной государственно-монополистической стадии развития, регулирует экономику, это может охватить и реально охватывает не решающие моменты в народнохозяйственном экономическом процессе, а лишь его некоторые более или менее важные стороны. Процесс же в целом, его течение продолжает определяться действиями экономически разъединенных частных собственников — капиталистических монополий. Эта неизбежная ограниченность сознательных действий агентов капиталистического производства, их ассоциаций и государ-

ства монополистического капитала лишь отдельными сторонами экономического процесса, принципиальная невозможность охватить процесс в целом и означают неизбежность стихийности осуществления экономических отношений и действий имманентных им законов капитализма.

Отсюда и следует, что механизм действия экономических законов капитализма стихиен. Но сама эта его необходимо стихийная форма неразрывно связана с особым специфически капиталистическим содержанием данного механизма, с *капиталистической конкуренцией,* которая и образует самое сущность механизма действия экономических законов капитализма.

Имманентные законы капиталистического способа производства, проявляясь в движении капиталов, «действуют, — подчеркивал Маркс, — как принудительные законы конкуренции и достигают сознания отдельного капиталиста в виде движущих мотивов его деятельности» [1].

В чем же, однако, заключаются действия конкуренции, или механизма осуществления законов капитализма?

Производство и реализация прибавочной стоимости осуществляются в процессе стихийной конкуренции. Капитал устремляется в те сферы и отрасли эксплуатации, переливается в те отрасли производства и обмена, где он получает наибольшие прибыли. В той мере, в какой он преуспевает в этом, он одерживает победу в конкуренции и осуществляет процесс своего воспроизводства. Потерпев же фиаско, не сумев извлечь необходимых прибылей, он либо хиреет, либо вовсе разоряется, заканчивая свою жизнь [2]. Это и есть конкурентный сти-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 326.

Маркс называл конкуренцию «исполнителем» экономических законов капитализма, «формой проявления, в которой реализуется их необходимость» («Подготовительные рукописи 1857—1858 гг.». — *Л. А. Леонтьев.* О предварительном варианте «Капитала» Маркса. М., 1946, стр. 85).

[2] Лишь вульгарные апологеты капитализма доходят до отрицания прибыли как решающей, определяющей силы капиталистического хозяйствования. «В прошлом веке, — заявлял Нельсон Рокфеллер, этот политик, представитель династии мультимиллиардеров, — капитал шел повсюду, где он мог извлечь наибольшую прибыль. В нынешнем веке

хийный механизм реализации экономических законов. Борьба интересов капиталистов по извлечению прибыли, успех в этой борьбе и есть авторитет конкуренции, ее принудительная сила, реализующая законы капитализма [1].

В механизме конкуренции как объективном механизме действия экономических законов капитализма можно выделить две основные стороны.

Во-первых, решающей его стороной является материальный интерес в ведении производства и его развитии (в специфически капиталистической форме) как интерес в эксплуатации, т. е. производстве прибавочной стоимости и ее реализации в виде прибыли.

Таким образом, капиталистическая конкуренция в качестве объективного механизма действия экономических законов представляет собой механизм их реализации путем действия специфически капиталистических экономических стимулов. При этом действия непосредственного производителя — эксплуатируемого рабочего — также охватываются общими действиями этого механизма. Но это происходит на антагонистически противоречивых началах. Рабочий — объект эксплуатации. И никаких интересов в извлечении прибыли капиталом у него нет. Напротив, прибыль извлекается из его эксплуатации; она лишь реализованная прибавочная стоимость, создаваемая его прибавочным трудом. Вместе с тем рабочий в процессе конкуренции на рынке труда вынужден продавать свою рабочую силу как товар. И здесь цена этого товара складывается как результат действия закона стоимости рабочей силы в рамках действий основного закона — производства и присвоения прибавочной стоимости — и ее реализации в конкурентном механизме. В процессе капиталистического производства под давлением капиталистического рынка труда рабочий экономически вынужден сполна реализовать специфическую способность своей рабочей силы — создавать прибавочную стоимость. Иначе говоря, продажей товара — рабочей силы рабочий материально вынуждается участвовать

он должен идти туда, где он может оказать наибольшие услуги» («U. S. News and World Report», 14. II. 1958, p. 65).

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 369.

во всем процессе конкурентного механизма производства и реализации прибавочной стоимости.

Во-вторых, если одной стороной конкурентного механизма действия законов является интерес отдельного капиталиста в извлечении прибыли, то другая сторона этого механизма, в конечном счете коренящаяся в системе интересов (антагонистических) капиталистического общества как целого, которое должно воспроизводить свой жизненный процесс, т. е. так или иначе удовлетворять свои потребности — и производственные, и непроизводственные, заключается в специфической форме конкурентно-стихийного воздействия потребностей на процесс капиталистического воспроизводства[1]. Через платежеспособный спрос, его структуру и динамику система общественных потребностей, складывающихся в капиталистическом обществе в соответствии с его экономической структурой (характером и уровнем развития производительных сил и отвечающих им характером и уровнем развития производственных отношений), определяет рамки и условия конкурентной борьбы, необходимость распределения труда и капиталов в определенных пропорциях. Несоответствие действительных пропорций воспроизводства структуре платежеспособного спроса, воздействуя на условия реализации через движение цен и прибылей, и ведет к приспособлению капиталистического воспроизводства к складывающимся стихийным платежеспособным потребностям. «То, что на изготовление товара, — писал К. Маркс, — должно быть затрачено лишь общественно необходимое рабочее время, при товарном производстве вообще выступает как внешнее принуждение конкуренции...»[2] Из постоянной диспропорциональности рождается временная, неустойчивая, неполная пропорциональность капиталистиче-

---

[1] Под потребностями как экономической категорией мы понимаем возможность и необходимость для существования общества, т. е. для осуществления жизненного процесса каждым отдельным его членом, сообществом его членов (коллективом), обществом в целом использования определенных масс материальных потребительных стоимостей, которые в известной части непосредственно, в другой—в перспективе выступают (в форме абсолютных, специфически исторических платежеспособных потребностей) как при данных экономических условиях, так и в связи с изменением этих условий, их развитием.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 358.

ского воспроизводства. Но даже складывание и такой пропорциональности отнюдь не перманентный, непрерывный процесс, а процесс циклический, реализующийся через кризисы.

В силу противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением стихийное приспособление пропорций общественного воспроизводства к платежеспособным потребностям ведет к циклическому накоплению противоречий воспроизводства, к образованию глубоких его диспропорций, которые в конечном счете взрываются в форме периодического кризиса перепроизводства. Только таким путем пропорции капиталистического воспроизводства и сложившаяся структура платежеспособных потребностей приходят в известное неустойчивое и временное равновесие.

Таким образом, стихийно-конкурентный механизм реализации экономических законов капитализма представляет собой кризисный, циклический механизм воздействия потребностей капиталистического общества на течение его процесса воспроизводства. Современные государственно-монополистические меры регулирования экономики лишь модифицируют некоторые формы действия этого механизма, не меняя, однако, его сущности. И так называемые стабилизаторы экономики — военные расходы, политика «дешевых денег» и другие формы инфляторного нагнетания кредита, налоговые маневры, всякого рода меры по регулированию экономики путем осуществления гражданских государственных инвестиций, осуществление международных экономических схем и т. п. — весьма противоречивы. Содействуя временной оттяжке кризиса, продлению благоприятной конъюнктуры, они достигают этого лишь ценой накопления скрытых кризисных сил. Представляя собой перераспределение производных доходов, искусственно расширяющее возможности реализации, эти меры не приводят коренные пропорции воспроизводства в соответствие с общественными потребностями, а в конечном счете ведут к усилению диспропорциональности капиталистической экономики [1].

---

[1] Буржуазные экономисты выдают государственно-монополистические меры регулирования за подлинную стабилизацию капиталисти-

Социалистические экономические отношения обусловливают принципиально иной, чем при капитализме, — и по содержанию, и по формам — объективный механизм действий экономических законов. Здесь прежде всего исключена как всеобщая форма экономического движения стихийность. Социализм представляет собой строй в основном планомерно осуществляющихся экономических отношений и имманентных им законов; господствующая форма экономического движения в условиях социализма — планомерность (см. гл. 5, § 4).

Таким образом, специфически историческая особенность объективного механизма действия экономических законов социализма заключается в том, что этот механизм представляет собой не стихийный, а *в основном планомерно действующий механизм.* Но эта особенность, общая ему со всем экономическим процессом социализма, ничего не говорит о содержании механизма, о том, что, собственно, непосредственно делает объективной необходимостью для социалистического общества планомерное осуществление законов экономики: почему оно не свободно в том, познавать или не познавать, использовать или не использовать их, а объективно вынуждено и познавать их, и планомерно их использовать (или, что то же, применять).

В содержании объективного механизма действия законов экономики социализма, т. е. образующей его совокупности форм и стимулов, можно выделить несколько решающих специфически исторических таких форм и стимулов:

во-первых, специфически социалистическую систему потребностей общества, удовлетворение которых является объективной необходимостью;

во-вторых, специфически социалистические экономические интересы общества и экономические, или, что то же самое, материальные, всеобщие общественные, коллективные и индивидуальные стимулы хозяйственного процесса как формы реализации этих интересов;

ческого воспроизводства. «...Наше общество, — заявил А. Хансен, — превратилось в общество со смешанной государственно-частной экономикой, в которой серьезные налоговые и финансовые операции бдительного и осведомленного правительства играют стабилизирующую и поддерживающую роль» (*A. Hansen.* The American Economy. N. Y., 1957, p. 34).

в-третьих, специфически социалистические формы руководства экономическим процессом, через которые и реализуются экономические стимулы.

Рассмотрим прежде всего экономические потребности социалистического общества в качестве исходной формы объективного механизма действий экономических законов социализма.

Экономический закон движения социализма, выражающий необходимость осуществления на основе общественной общенародной собственности на средства производства непосредственно общественного производства и присвоения общественного продукта (при социально-экономических различиях между участниками этих процессов) в качестве объективной цели социалистического производства, обусловливает удовлетворение потребностей всего общества.

Каковы же специфически исторические особенности условий формирования и взаимосвязей этих потребностей со всем социалистическим экономическим процессом?

Исторически развившаяся и постоянно развивающаяся система внутренне между собой взаимосвязанных материальных, или, что то же самое, экономических, потребностей (безотносительно к тому, чем они непосредственно вызываются — нуждами ли потребления личного или производительного или же духовным производством, оказанием непроизводственных услуг и т. д.), обусловливает самую необходимость осуществления материального производства [1].

Однако из того, что производство в конечном счете ведется ради удовлетворения потребностей, необходимо подчинено этой общей для всякого производства цели, не следует, что потребности есть некое изначально данное, или независимое от самого производства, явление, развитие которого лежит вне производства. Потребности — продукт исторического развития, определяющую роль в котором играет активное материальное отношение человека к природе — материальное производство.

---

[1] Энгельс писал, что самая важная историческая деятельность человека, образующая материальную основу всех прочих видов его деятельности, — это «производство, направленное на удовлетворение жизненных потребностей людей...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 358).

Поэтому потребности человека формируются и развиваются вместе с развитием материального производства, на его основе, в причинной зависимости от него. Маркс, имея в виду потребности общества вообще, безотносительно к ступени его исторического развития, подчеркивал, что это «потребности, развивающиеся *вместе со средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих последних*»[1].

Разумеется, чем выше ступень материального и культурного (соответственно) развития общества, тем сложнее связь системы развивающихся экономических потребностей и развивающегося производства, тем больше ее опосредствующих факторов, тем в большей мере, в частности, не непосредственные нужды личного и производственного потребления материальных продуктов, а культуры, духовного производства, непроизводственных услуг вызывают экономические потребности да и воздействуют на формирование самих нужд личного и производственного потребления. Но все это, осложняя и делая все более и более многообразными связи производства и потребностей, не снимает причинной зависимости развития последних от развития первого, не отменяет этой формы проявления примата производства.

Итак, характер, структура, размеры потребностей — продукт исторического развития, прежде всего развития самого производства. Но эта общая связь, в рамках каждого данного исторически определенного способа производства, выступает в специфически исторических формах. Иными словами, *абсолютные экономические потребности,* которые развиваются вместе с развитием производительных сил и на их базе, ограничиваются и трансформируются определенными, отвечающими этим производительным силам экономическими отношениями и в качестве обусловленных этими последними выступают как *специфически исторические экономические потребности*[2].

Антагонистические капиталистические отношения производства, как известно, выражаются и в специфическом характере экономических потребностей, склады-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 520 (курсив наш. — *Я. К.*).

[2] Выделение категории абсолютных экономических потребностей, или абсолютной потребительной силы общества, как абсолютной его

вающихся и реализующихся в форме платежеспособных потребностей буржуазии, пролетариата и других слоев населения. Эти потребности, отвечая антагонистической классовой структуре капиталистической экономики, ее закону движения — закону производства и присвоения прибавочной стоимости, складываются, *во-первых,* как потребности капиталистического производства с его гигантским расточительством, обусловливаемым паразитизмом (милитаризм, роскошь буржуазии), анархией производства, цикличностью и кризисностью течения процесса воспроизводства, монополистическим загниванием, эксплуатацией городом деревни, метрополией колоний и т. д. *Во-вторых,* они складываются как потребности буржуазии, практически деформированные и раздуваемые потреблением прибавочного продукта, с их специфическим характером раздутых потребностей эксплуататоров за счет урезывания потребностей трудящихся. Они, *в-третьих,* формируются как потребности рабочего класса и других трудящихся, деформируемые и резко ограничиваемые рамками стоимости рабочей силы или даже ее цены, которая обычно ниже стоимости и т. д.

Социализм полностью исключает антагонистически капиталистические деформации и ограничения экономических потребностей. Система специфически социалистических потребностей определяется развитием отношений непосредственно общественного социалистического производства. Поэтому экономические потребности в социалистическом обществе представляют собой, *во-первых,* потребности производства, определяемые его специфически социалистической структурой, планомерно развиваемой обществом как наиболее рациональная, прогрессивная, эффективная структура находящихся в

способности при данном уровне развития потребить известную массу жизненных благ и категории специфически исторических потребностей, т. е. его реальной возможности потребить известную массу этих благ при данных социально-экономических отношениях, методологически опирается на марксистское различение этих двух категорий. Применительно к капитализму Маркс подчеркивал необходимость различать абсолютную потребительную силу общества и потребительную его силу на основе антагонистических отношений распределения (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 268). Маркс также выделял категорию абсолютных потребностей (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. 2, стр. 563).

его распоряжении производительных сил и соответственная структура производимого общественного продукта, отвечающая необходимости обеспечения оптимального сочетания развития благосостояния всего народа и дальнейшего непрерывного развития самого производства.

Стало быть, потребности социалистического производства представляют собой неотъемлемый элемент совокупности или системы экономических общественных потребностей социалистического общества в целом. Между размерами последних и размерами общественного труда, направляемого в различные отрасли производства, создающие продукты для удовлетворения потребностей, осуществляется планомерная связь. Это значит, что социалистическое общество необходимо стремится к реализации возможностей оптимального использования своих материальных и трудовых ресурсов [1].

Во-вторых, непроизводственные экономические потребности социалистического общества, т. е. совокупность личных потребностей его членов и общественных совместных непроизводственных потребностей, — это, говоря словами Маркса, потребности общественно развитых людей, условия жизни которых не ограничиваются никакими иными рамками, кроме реальных возможностей производства доставить обществу известные массы потребительных благ при одновременном обеспечении дальнейшего развития самого производства также в интересах удовлетворения в будущем развивающихся потребностей.

Конечно, в рамках общих непроизводственных экономических потребностей социалистического общества, в силу того что оно состоит из целого ряда общественных групп, различающихся в социально-экономическом отношении: и по условиям труда, и по исторически сложив-

---

[1] «Только там, где производство находится под действительным предопределяющим это производство контролем общества, — писал Маркс, — общество создает связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемым на производство определенного предмета, и размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого предмета» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 205). Производство на базе социалистической собственности, как писал Энгельс, управляется «сообразно плану, вытекающему из наличных ресурсов и потребностей общества в целом...» (там же, т. 4, стр. 334).

шимся условиям материальной жизни, и культурному уровню потребности отдельных групп еще существенно различаются. Вместе с тем по мере развития социализма вместе с постепенным преодолением социально-экономических различий (классовых, профессиональных, исторически-традиционных, национальных, региональных и т. д.), социально различные экономические непроизводственные потребности все более превращаются в потребности всесторонне развитых людей: они все более характеризуются лишь различиями, обусловленными индивидуальными вкусами людей, их склонностями, особенностями избираемого ими рода и условий производственной и иной деятельности, естественно-географическими условиями их жизни и т. п.

Итак, производительные силы социалистического общества в их единстве с отвечающими им производственными отношениями, т. е. характер, уровень развития и структура тех и других определяют характер, объем, состав и направление развития экономических потребностей социалистического общества — и производственных, и непроизводственных его потребностей.

При этом и в условиях социализма способ производства, его развитие определяет состояние и развитие *абсолютных* и *специфически исторических* экономических потребностей. Но между соотношением тех и других при социализме и капитализме пролегает принципиальная, качественная разница.

Абсолютные экономические потребности, развиваясь на базе данного состояния общественного производства и отвечающих ему социально-экономических условий, опережают возможности их удовлетворения. Но при социализме на их основе складываются специфически исторические потребности каждого данного периода, которые, *во-первых,* представляют собой те же абсолютные потребности, но видоизмененные и ограниченные рамками экономических возможностей их удовлетворения в данных условиях; *во-вторых,* также обгоняют возможности производства, но лишь в тех масштабах, в которых при данных условиях производство, развиваясь, создает материальный продукт для их полного удовлетворения (что, разумеется, ведет к новому их расширению).

Абсолютные потребности при социализме представляют собой то реальное общее направление, которому

следует развитие специфически исторических социалистических потребностей, те реальные рамки, в которых складываются последние, те пределы, к достижению которых в их развитии они стремятся, однако же никогда их не достигая, ибо с каждым шагом развития производства развиваются не только специфически-исторические экономические потребности данного периода, но и абсолютные экономические потребности, далеко выходящие за границы возможностей их удовлетворения в каждом данном периоде.

В принципиально ином соотношении находятся абсолютные и специфически исторические экономические потребности капиталистического общества. В виду его антагонистического характера многие абсолютные потребности не могут найти своего отражения ни в объеме, ни в структуре, ни в динамике специфически капиталистических экономических потребностей буржуазного общества каждого данного периода.

В этой специфической ограниченности капиталистического производства и удовлетворяемых им потребностей Маркс видел одну из решающих сторон, образующих предел капиталистического способа производства. «...Расширение или сокращение производства, — писал он, — определяется не отношением производства к общественным потребностям, к потребностям общественно развитых людей, а присвоением неоплаченного труда... Поэтому пределы капиталистического производства выступают уже при такой степени расширения, которая при других предпосылках оказалась бы, наоборот, далеко не достаточной. Оно приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли» [1].

Этот разрыв абсолютных и специфически исторических для каждого данного периода капиталистических потребностей, таким образом, обусловливается действиями экономического закона движения капитализма, тем, что непосредственная цель капиталистического производства — прибыль, а не само удовлетворение потребностей. Последние удовлетворяются лишь на основе и в рамках реализации этой цели.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 283—284.

Напротив, единство абсолютных и специфически исторических для каждого данного периода экономических потребностей социалистического общества вытекает из действий экономического закона движения социализма, в силу которого цель социалистического производства — удовлетворение потребностей общества [1].

Единство абсолютных и специфически исторических экономических потребностей социалистического общества ни в какой мере не умаляет значения различий между ними. Эти различия чрезвычайно важны также и для объективного механизма действий экономических законов социализма. Именно форма специфически исторических потребностей и образует существенную форму этого механизма. В чем именно это заключается?

Имманентность социализму товарного производства, всеобщность товарно-денежных стоимостных форм экономического оборота социалистического общественного продукта означает, что вся совокупность удовлетворяемых в каждый данный период экономических потребностей (и производственных, и непроизводственных) принимает форму *платежеспособных потребностей* (мы отвлекаемся от части потребностей, удовлетворяемых при посредстве распределения в натуре).

Общество планомерно в соответствии с общим объемом стоимости общественного продукта распределяет его стоимость в форме денежных средств, обращаемых на цели оплаты элементов возмещения материальных затрат производства, различного рода денежных доходов и ассигнований, расходуемых на нужды оплаты элементов накопления основных и оборотных фондов действующих предприятий, капиталовложений в создание новых предприятий, равно как и в форме различного рода ассигнований на производство расходов по общественным непроизводственным нуждам, и, наконец, в форме личных доходов членов общества — участников различных сфер труда (заработная плата и оплата труда колхозников и т. д.), а также в форме доходов социальных иждивенцев (пенсии, пособия и т. д.). Вся совокуп-

[1] Эту сторону взаимосвязи развития потребностей и производства при социализме сформулировал В. И. Ленин. «...Социалистическое общество, — писал он, — есть одно большое потребительное общество с планомерно организованным производством для потребления...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 369).

ность этих средств, ассигнований, доходов и т. д., представляя собой распределенную и перераспределенную стоимость воспроизводимого общественного продукта и в его составе национального дохода, и выступает (за вычетом денежных сбережений) в качестве совокупной массы платежеспособных потребностей социалистического общества в каждый данный момент, период, цикл его воспроизводства.

Однако из того факта, что вся совокупность фактически *удовлетворяемых* потребностей необходимо принимает форму платежеспособных потребностей, отнюдь не вытекает, что *платежеспособные* потребности совпадают с *фактически удовлетворяемыми потребностями.*

И так как экономические потребности (не только абсолютные, но и специфически исторические для каждого данного периода) обгоняют возможности их удовлетворения, существует возможность известного несовпадения объема и структуры платежеспособных потребностей с объемом и структурой фактически удовлетворяемых потребностей.

Действительно, образовавшиеся платежеспособные потребности — и по их объему, и по их структуре — только в том случае совпадут с фактически удовлетворяемыми потребностями, если структура стоимости фактически воспроизводимого продукта будет полностью отвечать структуре образовавшихся платежеспособных потребностей. Но последние, однако, постоянно изменяются и в сфере производства, и в сфере потребления. В ходе технического прогресса, многосложных изменений запросов сферы непроизводственного потребления, изменений естественных условий воспроизводства и т. д. изменяется конкретная структура платежеспособных потребностей производства. Столь же подвижна и структура непроизводственных и личных потребностей.

Таким образом, в границах данного, распределяемого объема стоимости воспроизводимого общественного продукта каждый раз складывается своя особая структура платежеспособных потребностей. И если общество планомерно предвосхищает их изменения и располагает возможностями соответственно изменить структуру продукта, платежеспособные потребности, *образующиеся* и *реализуемые,* совпадут. Если же структура продукта в той или иной мере не будет им отвечать, они разойдутся.

Конечно, структура потребностей эластична, удовлетворение одних из них заменяется в известных пределах удовлетворением других, однако же только в известных пределах, за которыми неизбежно указанное расхождение и по структуре, и тем самым по общему объему [1].

Тут мы и подходим к интересующему нас аспекту формирования потребностей как формы объективного механизма действия экономических законов социализма.

Совпадут ли сложившиеся платежеспособные потребности с фактическими удовлетворяемыми или разойдутся с ними, и в том и в другом случае платежеспособные потребности *оказывают обратное воздействие на производство, стимулируя его увеличение и изменение его структуры.*

В первом случае это давление заранее планомерно учитывается и реализуется, т. е. это полностью, так сказать, происходит a priori. *Во втором* случае оно дает себя знать лишь в процессе образовавшихся расхождений фактической структуры воспроизводимого и реализуемого общественного продукта и структуры предъявляемых платежеспособных потребностей, т. е. post factum. Однако в том и другом случае платежеспособные потребности, складываясь в рамках специфически исторических экономических потребностей каждого данного периода, самими изменениями своей структуры воздействуют на структуру производства.

Но почему для социалистического общества удовлетворение развивающихся и изменяющихся платежеспособных потребностей представляет собой *экономическую необходимость,* т. е. почему оно стремится их удовлетворить не в силу своего произвольного намерения, а та-

---

[1] Экономическая действительность полна примеров такого рода. Например, в торговой сети в настоящее время образовались значительные излишние запасы товаров широкого потребления (одежды, обуви, тканей и т. д.), ассортимент которых не отвечает потребностям. В то же время покупательные средства потребителей преимущественно оседают в виде дополнительных денежных сбережений. То же имеет место и в области экономического оборота средств производства. На складах многочисленных предприятий-производителей накапливаются крупные сверхнормативные запасы продукции, сырья, материалов и оборудования, не отвечающих по ассортименту, качеству и другим производственным характеристикам потребностям предприятий-потребителей.

кое удовлетворение представляет собой именно объективную необходимость?

Для ответа на этот вопрос перейдем к следующему звену, к следующей форме рассматриваемого объективного механизма действия экономических законов социализма — к *экономическим интересам и материальным стимулам.*

Экономические интересы прежде всего объективны, они представляют собой форму экономической необходимости. «Экономические отношения каждого данного общества, — указывал Энгельс, — проявляются прежде всего как *интересы*» [1]. Ленин в объективных экономических интересах видел реальную движущую силу исторического процесса. «...Экономические интересы, — писал он, — играют решающую роль...» [2]

Но что же конкретно представляет собой экономический интерес как выражение объективной экономической необходимости, как движущая сила развития?

Экономические потребности, как мы видели, представляют собой объективно обусловленную производительными силами и производственными отношениями форму приспособления производства к условиям осуществления жизненного процесса общества, т. е. выражение той необходимости, которая заключена в течение этого жизненного процесса для функционирования и развития производства.

Экономические интересы это и есть в свою очередь *форма объективной необходимости для отдельного человека, группы людей (коллектива), слоев, классов, всего общества в целом удовлетворять их сложившиеся и развивающиеся экономические потребности.* Именно поэтому экономический интерес не некое психологическое явление, состояние индивидуального и общественного созна-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 271.

Еще разрабатывая основы исторического материализма, Маркс и Энгельс подчеркивали объективность категории интереса: «...общий интерес существует не только в представлении, как «всеобщее», но прежде всего он существует в действительности в качестве взаимной зависимости индивидов...» (там же, т. 3, стр. 31).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 46. Среди решающих признаков, которыми характеризуются классовые различия, Ленин указывал и на то, что классы различаются и по условиям их жизненной обстановки, *«по тем интересам»,* которые ею определяются (там же, т. 1, стр. 430, курсив наш.—*Я. К.*).

ния, а *форма необходимости реализации материальных, объективных потребностей*[1]. Соответственно специфически историческому характеру экономических потребностей интересы, как формы необходимости их удовлетворения, носят тот же специфически исторический характер.

Следует различать формы всеобщих общественных, групповых общественных или коллективных и личных интересов, характеризуемые специфическими особенностями, взаимосвязями и неантагонистическими противоречиями этих взаимосвязей. При этом все эти три группы интересов приобретают целый ряд специфических черт в связи с тем, что они выступают как интересы общественных классов — рабочего класса и крестьянства и различных в социально-экономическом отношении групп социалистического общества.

Для социалистического общества, поскольку оно основывается на непосредственно общественных отношениях коллективности и действиях соответствующего экономического закона движения, первой решающей формой экономических интересов является *всеобщий интерес общества* в удовлетворении его производственных и непроизводственных (т. е. совокупности личных, коллективных и общественных) потребностей, в оптимальном их сочетании.

Вместе с тем, поскольку в социалистическом обществе существует известная экономическая обособленность воспроизводства общенародных предприятий, возникают известные особые *коллективные интересы работников* этих предприятий, как и *самих предприятий,* в качестве структурных звеньев экономики, воспроизводящихся на началах экономической самостоятельности и эквивалентности. Поскольку существует колхозно-кооперативная обособленность воспроизводства колхозов, существуют и *коллективные экономические интересы колхозных коллективов* как групповых собственников.

---

[1] Объективный характер экономических интересов специально подчеркивал Г. В. Плеханов. «Откуда берутся интересы? — писал он. — Представляют ли они собою продукт человеческой воли и человеческого сознания? Нет, они создаются экономическими отношениями людей. Раз возникнув, интересы так или иначе отражаются в *сознании* людей. Чтобы защищать известный интерес, нужно сознавать его» (*Г. В. Плеханов.* Избранные философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 260).

Крупнейшая роль в системе экономических интересов принадлежит *личным интересам* членов социалистического общества, состоящим в необходимости удовлетворения их личных потребностей. Существенно важно, что личные интересы различаются в зависимости от социально-экономических различий общественных групп, членами которых являются трудящиеся.

Реализация этих интересов и выступает как материальные всеобщие — общественные, коллективные и индивидуальные, или личные, — стимулы развития производства и подъема производительности труда, а тем самым как необходимость для социалистического общества удовлетворять складывающуюся и развивающуюся систему его потребностей.

Экономические потребности — и производственные, и непроизводственные — развиваются вместе с развитием производства. И их удовлетворение, как мы видели, при социализме ограничено лишь нуждами дальнейшего развития производства для будущего удовлетворения развивающихся потребностей. Следовательно, экономические интересы социалистического общества состоят в обеспечении именно оптимального удовлетворения личных жизненных потребностей членов общества и производственных его потребностей.

Систематическое удовлетворение уже сложившихся и продолжающих развиваться в каждый данный период совокупности жизненных потребностей членов общества, иными словами, систематическое воспроизводство исторически развивающегося уровня экономических жизненных условий производителей и других членов общества — абсолютная, непреложная необходимость социализма. Столь же непреложна необходимость систематического удовлетворения потребностей развивающегося производства в интересах обеспечения и в будущем совокупных возрастающих экономических потребностей общества. И то и другое диктуется экономическим законом движения социализма и всей взаимодействующей системой его законов.

И то и другое означает, что экономические интересы социалистического общества требуют поддержания оптимального сочетания потребления и производства, оптимального сочетания подъема уровня жизни и развития производительных сил. Иными словами, экономические

интересы социалистического общества обусловливают необходимость поддержания и развития экономических пропорций воспроизводства и использования общественного продукта в соответствии с оптимальным удовлетворением развивающихся экономических потребностей.

Действительно, допустим, что структура воспроизводимого продукта не отвечает платежеспособным потребностям общества и последние в тех или иных масштабах не удовлетворяются или что распределение стоимости воспроизводимого продукта, т. е. само формирование платежеспособных потребностей, не отвечает уже развившимся и развивающимся специфически историческим экономическим потребностям общества. Это означает в том и в другом случае нарушение экономических интересов социалистического общества. Однако *реализация этих экономических интересов объективно необходима именно потому, что они являются интересами.* Данная необходимость, так сказать, двуедина. Она выступает как принудительная *экономическая сила общественной материальной заинтересованности* (всеобщей — общественной и коллективной) и как *экономическая сила личной материальной заинтересованности.*

С одной стороны, общество, нарушив оптимальные пропорции (диктуемые действиями экономического закона его движения и всей системы законов его экономики в целом), т. е. нарушив свои объективные экономические интересы, неизбежно столкнется в различных звеньях воспроизводства с различными диспропорциями, несоответствиями материальных ресурсов уже сложившимся потребностям — либо платежеспособным, либо вообще специфически историческим. Но уже в силу этих диспропорций оно далее столкнется с фактом недостаточной эффективности производства, т. е. с недостаточным в сравнении с уже определившимися потребностями ростом общественной производительности труда или даже с ее падением, с недостатком в росте потребных трудовых ресурсов или даже с их сокращением, с их оттоком из тех или других звеньев производства и т. д.

И уже сама возможность возникновения всех этих диспропорций и несоответствий и, стало быть, необходимость их предотвращения ради реализации своих интересов представляют собой объективную силу, вынуждаю-

щую общество заботиться о планомерной реализации экономических законов социализма.

С другой стороны, общество, нарушив оптимальность пропорции, тем самым неизбежно нарушит свой интерес в необходимости систематического воспроизводства исторически развивающихся экономических жизненных условий своих членов — либо не обеспечит повышения данного жизненного уровня в соответствии с ростом потребностей, обусловленным наличными ресурсами для их удовлетворения, либо даже не обеспечит простого воспроизводства уже сложившихся жизненных условий (т. е. нарушит закон возмещения затрат рабочей силы). И в данном случае общество столь же неминуемо столкнется с ослаблением действенности материальных стимулов, прежде всего стимулов личной материальной заинтересованности в развитии производства, с недостаточным ростом производительности труда работников, а в более тяжелых случаях — и с прямым оттоком рабочей силы из тех или иных звеньев, областей, отраслей производства, подрывающем нормальный процесс их воспроизводства.

Естественно, что возможность возникновения этих явлений индивидуальной реакции членов общества на нарушение их экономических интересов, необходимость предотвращения их нарушения также образуют объективную силу, материальные стимулы, побуждающие общество поддерживать те связи развивающихся потребностей и экономической структуры производства и форм его движения, которые и определяются экономическими законами социализма.

Итак, социалистической экономике внутренне присуще единство, неразрывное взаимодействие всеобщих — общественных, коллективных и личных экономических интересов и процесса их реализации, т. е. всеобщих — общественных, коллективных и личных стимулов материальной заинтересованности. Именно потому, что это интересы и стимулы, выражающие непосредственно общественные отношения коллективности, они и действуют в неразрывном единстве. Ослабление какой-либо из этой группы интересов и стимулов означает прямо либо в конечном счете ослабление всей их системы, вместе взятой.

Общество, скажем, нарушая оптимальность, направляет чрезмерные ресурсы на цели личного распределе-

ния по труду. Это при определенных условиях может, разумеется, временно также усилить личную материальную заинтересованность. Но вместе с тем, подорвав оптимальную пропорциональность, задержит развитие производства и в конечном счете вызовет диспропорциональность воспроизводства, нарушит все общие общественные экономические интересы и через известное время объективно вызовет также невозможность нормального удовлетворения развивающихся личных материальных потребностей, приведя тем самым к ослаблению стимулов личной материальной заинтересованности. Совершенно тот же эффект имеет и обратное развертывание событий — гипертрофия всеобщих общественных интересов и стимулов при ущемлении стимулов личной материальной заинтересованности.

Конечно, и сами экономические потребности, и степень необходимости их удовлетворения — интенсивность экономических интересов, наконец, сила воздействия реализуемых интересов, т. е. сила материальных стимулов, — все это весьма эластично и заключено в широкие пределы максимума и минимума, которые осложняются бесконечно многообразными влияниями конкретно-исторического характера (как обстоятельств экономического развития, так и обратного влияния развития социально-политического, культурного и т. д.). И поэтому оптимальное сочетание потребностей, интересов, стимулов представляет собой не некое строгое, данное соотношение, а лишь тенденцию к оптимуму, реализующуюся за более или менее длительные отрезки течения реального процесса воспроизводства. Внутри же этих отрезков неизбежно возникают известные отступления от этого оптимума, дают себя знать неантагонистические противоречия между различными формами экономических потребностей, интересов и стимулов материальной заинтересованности. Но необходимость осуществления оптимума, заявляющая о себе через явления, связанные с его нарушениями, и ведет к тому, что эти противоречия разрешаются и самый оптимум как тенденция постоянно прокладывает себе дорогу.

Так, длительное нарушение в социалистическом хозяйстве требований пропорционального развития экономики, необходимости поддержания оптимального соотношения накопления и потребления, I и II подразделе-

ний общественного производства, промышленности и сельского хозяйства, обусловили снижение эффективности производства, возникновение ряда структурных диспропорций, ослабление личной материальной заинтересованности колхозников, образование серьезных недостатков в оплате труда рабочих и служащих, что также ослабляло их личную материальную заинтересованность.

Коммунистическая партия осуществила и осуществляет серьезные мероприятия по повышению эффективности социалистического производства, преодолению диспропорций между промышленностью и сельским хозяйством, ускорению развития II подразделения, производства, сближению темпов его роста с темпами I подразделения, по перераспределению накоплений, в частности в пользу жилищного строительства, развитию прогрессивных отраслей производства — химии, электроники, приборостроения, электроэнергетики и т. д.

Однако структурные нарушения до сих пор еще дают себя знать.

Несбалансированность элементов воспроизводства проявляется в дефицитности многочисленных видов средств производства и орудий труда, сырья, вспомогательных материалов. Немало диспропорций имеется между массой и уровнем доходов населения и массой производимых и реализуемых товаров и услуг, особенно их структурой, что, в частности, сказывается на состоянии розничного товарного рынка, динамики цен колхозного рынка и т. д.

В последние годы положение было осложнено существенными ошибками, допущенными в руководстве сельским хозяйством. Как отмечалось в решениях мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, «основными причинами отставания сельского хозяйства явились нарушения экономических законов развития социалистического производства, принципов материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов в подъеме общественного хозяйства, правильного сочетания общественных и личных интересов. В значительной мере сказался также субъективизм в руководстве, что привело к ошибкам в планировании, финансировании и кредитовании сельского хозяйства, в политике цен. Мало выделялось капиталовложений на производственное и культурно-бытовое строительство, слабо укреплялась материа-

льно-техническая база. Большой вред колхозному и совхозному производству наносили необоснованные перестройки руководящих органов, порождавшие обстановку безответственности и нервозности в работе».

Какими же ресурсами располагает социалистическая экономика для скорейшего разрешения этих существенных проблем?

Прирост национального дохода СССР, если брать многолетние данные, составляет примерно 9—9,5%. Это значит, что ежегодно страна получает в свое распоряжение дополнительный фонд для увеличения накопления и потребления в 17—18 млрд. руб. И если считать, что примерно $^1/_3$ этих средств расходуется на оплату дополнительно вовлекаемой в народное хозяйство рабочей силы, то, стало быть, в распоряжении государства образуется ежегодно дополнительный фонд в 11—12 млрд. руб., который в течение ряда лет может ежегодно увеличиваться по крайней мере еще на 3—4 млрд. руб. (за счет возвратного использования части резервов и за счет мер по перераспределению).

Массированное целевое использование этого фонда, проведение своеобразного народнохозяйственного маневра, рассчитанного на несколько лет, в необходимой области расширенного воспроизводства может дать громадные народнохозяйственные результаты. И его направление (без того чтобы образование этого фонда затрагивало ныне используемые ресурсы расширенного воспроизводства) в большей части на цели форсированного развития сельского хозяйства: на существенное повышение оплаты труда работников сельского хозяйства; осуществление необходимых капиталовложений; проведение химизации и внедрение рациональной агротехники и т. д. — способствовало бы решению проблемы сельского хозяйства в течение сжатых сроков. Разумеется, это связано и с рядом других мер.

Обеспечение быстрого подъема сельскохозяйственного производства, как и ликвидация напряженности в сфере товарооборота, потребует определенного переключения ресурсов на ускорение производства продукции средств потребления. Форсирование их производства будет опираться на быстрое расширение потоков сельскохозяйственного сырья и продовольствия.

Все это обусловливает и серьезную перестройку структуры накопления.

Среди некоторой части экономистов распространен взгляд о возможности существенного снижения сложившейся в СССР высокой нормы накопления (25—30% в национальном доходе) и переброске части ныне накапливаемых средств на цели потребления. Безусловно, проходившее в свое время повышение нормы накопления — трудный процесс. Но когда он уже осуществлен и структура народного хозяйства, ритм его расширенного воспроизводства сложились применительно к данной повышенной норме накопления, попятное движение могло бы лишь подорвать сложившиеся темпы воспроизводства, и роста благосостояния народа.

Однако экономическая нецелесообразность снижения нормы накопления в целом не означает, что нет необходимости в изменении структуры использования фонда накопления. Напротив, она вызывается потребностями переключения дополнительных масс накопления на цели форсированного подъема сельского хозяйства и тем самым заметного повышения доли последнего в фонде накопления; переключения дополнительных масс накопления в производство средств производства для изготовления предметов потребления и в самые отрасли пищевой и легкой промышленности; переключения дополнительных масс накопления на расширение жилищно-коммунальных фондов (главным образом в деревне).

Таковы плановые возможности по оптимизации структуры народного хозяйства, преодолению ряда исторически сложившихся диспропорций и повышению действенности всех стимулов материальной заинтересованности.

Таким образом, *экономические потребности социалистического общества и их развитие во взаимосвязи с экономической структурой и ее развитием — все это как выражение действий экономических законов социализма, необходимость удовлетворения развивающихся экономических потребностей, представляющая собой материальные интересы общества; реализация этих интересов, образующая собой систему материальных стимулов, нарушение которых угрожает возникновением диспропорций и несоответствий в экономике, недостаточным ростом или падением производительности труда, отли-*

вом рабочих сил и т. д., — таков тот объективный механизм, те объективные формы и стимулы, через которые необходимо реализуются экономические законы социализма или, точнее, те формы, в которых выступает необходимость, побуждающая общество познавать действия этих законов и планомерно их реализовать [1].

Формы объективного механизма действия экономических законов социализма — потребности, экономические интересы, материальные стимулы — реализуются планомерно, сознательно самим обществом в его экономической деятельности. Но сама эта планомерная их реализация предполагает определенные *формы хозяйственного управления экономическим процессом,* ибо именно в ходе этого управления и осуществляется учет потребностей, обеспечивается соблюдение экономических интересов, используются материальные, общественные и личные стимулы. Формы хозяйственного управления экономическим процессом и представляют собой еще одно существенное звено объективного механизма действия экономических законов социализма.

Но можно ли формы хозяйственного управления рассматривать именно как объективные формы, т. е. как известные формы отношений производства? Не представляют ли они собой форм надстроечных отношений, форм экономической политики социалистического государства по руководству экономикой?

Разумеется, социалистическое государство, осуществляя свою экономическую роль, руководит течением экономического процесса, что реализуется через целую систему государственных форм руководства экономикой, которые являются формами политических отношений, т. е. надстройки, а не базиса [2], и поэтому не представляют собой объективных и экономических форм. Но не эти формы мы имеем в виду.

---

[1] «При социализме потребности народа становятся, впервые за всю историю человечества, непосредственным и наиболее мощным двигателем производства» («Социалистический способ производства», вып. 2. М., 1962, стр. 18). Такая трактовка роли потребностей в социалистической экономике весьма распространена. Она, однако, чрезвычайно упрощает дело. В действительности потребности отнюдь не непосредственно, а весьма опосредствованно выступают в качестве двигателя производства.

[2] Между тем именно в силу того, что государство осуществляет деятельность по организации экономических отношений, некоторые

Дело в том, что, хотя в условиях социализма в руководстве экономикой неразрывно сочетаются формы непосредственного хозяйственного руководства и общегосударственного руководства экономическим процессом, было бы неправильно смешивать те и другие. Государственное руководство как политическая форма — это административное, т. е. опирающееся на политическую власть государства, руководство экономикой, направленное на обеспечение общих необходимых условий ее планомерного функционирования и развития. Формы же хозяйственного руководства, — непосредственного руководства течением совместного труда, направляемого на осуществление каждого данного процесса производства и опирающегося на дисциплину и авторитет, внутренне присущи самому коллективному процессу труда. При этом, конечно, на стадии социализма общегосударственные нормы охраняют и подкрепляют все условия непосредственного хозяйственного руководства.

Как видим, речь идет о тех формах хозяйственного управления течением экономических отношений, которые порождаются всяким общественным совокупным трудом, необходимостью планомерного сочетания деятельности в рамках общего труда всех его участников, реализации многих специальных функций, которые вытекают из коллективного труда, — о его планировании, регулировании, организации и т. д. Маркс в качестве особой экономической функции выделял *«функцию управления, поскольку она вытекает из самой природы совместного процесса труда...»* [1].

экономисты утверждают, что оно этой своей стороной становится составной частью базиса (см. сб. «Экономическая роль социалистического государства в период развернутого строительства коммунизма», вып. 1. Саратов, 1963, стр. 21—23). Такие мысли содержатся и в положении о том, что будто бы известная сторона деятельности государства, «заключающаяся в непосредственной организации производственных процессов... Эта сторона деятельности социалистического государства относится к экономическим отношениям» («Социалистический способ производства», вып. 2, стр. 57).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 344 (курсив наш. — *Я. К.*).

«Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, — писал он, — нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего произ-

И поскольку функция управления представляет собой общую экономическую функцию, т. е. сторону общественных отношений производства, она осуществляется в известной совокупности объективных форм управления экономическим процессом, специфических для каждого данного способа производства.

Не рассматривая здесь всей системы социалистических экономических форм управления, их особенностей, в частности связанных с двумя секторами социалистического производства и т. д., отметим важнейшие общие черты социалистического экономического управления, определяющие его функционирование как стороны объективного механизма действия экономических законов.

Во-первых, если капиталистическое управление процессами производства и обмена, выражая антагонистические отношения эксплуатации, представляет собой формы деспотичного командования капитала трудом, то социалистическое управление экономическим процессом, выражая непосредственно общественные социалистические отношения, представляет собой формы управления производством и обменом как формы координации труда в общих интересах его участников и по их общенародному уполномочию (демократический централизм в хозяйстве, единоначалие).

Во-вторых, если капиталистическое управление представляет собой следование стихийному диктату рынка, т. е. является исполнителем слепо действующих экономических законов капитализма, то социалистическое экономическое управление представляет собой формы, в которых планомерно применяются экономические законы социализма в интересах поддержания оптимальности развития экономических отношений.

В-третьих, если капиталистическое управление в силу раздробленности производства есть управление в ограниченных рамках воспроизводства частных капиталов, то социалистическое экономическое управление есть управление в общенародных рамках экономическим процессом воспроизводства в целом и всеми образующими его особыми частными экономическими процессами как

водственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов» (там же, стр. 342).

органическими частями, звеньями этого общего процесса.

В-четвертых, если капиталистическое управление необходимо приспосабливается лишь к одной единственной форме экономических связей — к вещным товарным связям, причем только в их стихийно-рыночных формах (других форм связи у капитализма, даже в его государственно-монополистических формах, быть не может) [1], то социалистическое экономическое управление необходимо по его формам отвечает наличию в социалистической экономике двух форм связи: прямой, основной, главной и косвенной, товарно-эквивалентной, дополнительной, причем и той и другой в основном в их планомерной форме.

В-пятых, в силу наличия в социалистической экономике двух форм экономической связи и необходимости соответствия форм хозяйственного управления экономическим процессом этому специфическому характеру связей оно представляет собой особое, свойственное только социализму сочетание форм централизованного и децентрализованного управления экономикой, систему организации взаимодействия этих форм.

При этом конкретная система управления экономическим процессом, как сторона объективного механизма

[1] Буржуазные экономисты государственно-монополистическое регулирование капиталистической экономики все чаще пытаются объявить формой его планомерной координации. «...Наши национальные хозяйства, — писал, в частности, Мюрдаль, — становятся все более регулируемыми, организованными и координируемыми... т. е. «планируемыми» в такой степени, о которой никто не думал век или даже полвека тому назад» (*G. Myrdal.* Beyond the Welfare State. L., 1960, p. 6). Но то, что Мюрдаль объявляет планированием, является лишь косвенным, обратным регулирующим воздействием буржуазного государства на течение стихийного буржуазного экономического процесса. Как бы далеко ни заходило это «регулирование», оно в конце концов оказывает лишь частичное воздействие на процесс, определяемый законами капиталистической стихии, ибо в этом процессе господствует частный капитал с полной суверенностью его борьбы за максимальную прибыль. И более откровенные и твердолобые стандартного типа буржуазные апологеты, не стесняясь, выбалтывают эту истину. Например, один из теоретиков неокапитализма в США, Р. Руза, писал: «Динамика нашей системы должна в основном покоиться на свободе и стихийности... Напротив, любая попытка государства осуществлять всеобъемлющий национальный план неизбежно должна нарушить условия, необходимые для оптимального прогресса» (Economics and the Policy Maker. The Brookings Institute. Washington, 1959, p. 91—92).

действия экономических законов социализма, образуется функционированием целой взаимоувязанной совокупности конкретных экономических форм, посредством которых общество и обеспечивает реализацию законов экономики, осуществляя свои интересы, т. е. *конкретным способом хозяйственного функционирования.*

Этот способ, если выделить в нем главное, решающее, основывается на двух определяющих устоях, обусловливаемых общественной собственностью на средства производства. Первый из них — объективно-необходимое сочетание прямых экономических связей (прямое распределение основных производственных фондов, земли, рабочей силы, решающей части накапливаемого прибавочного продукта и т. д.) и косвенных экономических связей (товарно-денежный оборот общественного продукта, стоимостные формы движения доходов и т. д.), которое достигается *единством планомерного функционирования народного хозяйства и хозрасчетной самостоятельности хозяйственной деятельности предприятий, их объединений и т. д., использованием для этого всей системы экономических рычагов (рынка, цены, прибыли, себестоимости, кредита и т. д.).*

Другим устоем способа хозяйственного функционирования является система использования экономических стимулов развития производства и подъема производительности труда, заключающаяся в обеспечении единства действий: *общественных экономических стимулов,* образуемых непосредственной зависимостью уровня благосостояния народа от степени успехов развития социалистического народного хозяйства в целом;

личных материальных стимулов, образуемых непосредственной зависимостью основных личных доходов от количества и качества труда (оплата по труду — заработная плата, доходы по трудодням и т. д.);

коллективных материальных стимулов, образуемых непосредственной зависимостью между хозрасчетными итогами работы каждого данного предприятия (или объединения) и дополнительными доходами его коллектива (премиями, как индивидуально распределяемыми по труду, так и идущими для совместного удовлетворения социально-культурных нужд коллектива).

Конкретный способ хозяйственного функционирования, опирающийся на эти основы, и складывается,

собственно говоря, как система взаимодействующих централизованных и децентрализованных форм управления и хозяйствования.

Социалистической экономике, поскольку она представляет собой совокупность непосредственно общественных производственных отношений, прежде всего свойственны централизованные формы экономического управления, которым принадлежит примат в единстве централизованных и децентрализованных форм управления. Действительно, чтобы процесс общественного воспроизводства осуществлялся планомерно, обществу в масштабе всего народного хозяйства, *во-первых,* необходимо определить решающие пропорции общественного воспроизводства: темпы развития его сфер и отраслей производства, необходимые соотношения потребления и накопления, I и II подразделений общественного производства, объемы и структуру основных, т. е. решающих течение процесса воспроизводства капиталовложений, основные соотношения в распределении трудовых ресурсов, основные региональные соотношения и т. д. *Во-вторых,* соответственно этим плановым пропорциям обеспечить необходимое направление ресурсов воспроизводства: вещественных элементов общественного продукта, трудовых ресурсов и, поскольку движение тех и других опосредствуется товарно-денежными отношениями, финансовых ресурсов. И *в-третьих,* организовать сам процесс реализации плановых пропорций и движение ресурсов в соответствии с ними, т. е. сам процесс воспроизводства.

Все это в масштабе социалистической экономики в целом и выполняется органами народнохозяйственного планирования и хозяйственного управления. Именно в планах народнохозяйственного воспроизводства и в процессе руководства его течением органы планирования и хозяйственного руководства учитывают экономические потребности и интересы и реализуют их. Причем возможность возникновения отмечавшихся выше хозяйственных последствий нарушения этих потребностей и интересов (образование диспропорций, падение эффективности производства, недостаточные темпы роста, падение производительности труда, отток рабочей силы и т. д.) выступает как объективная необходимость, обусловливающая реализацию обществом его инте-

ресов, обеспечение оптимального удовлетворения потребностей.

Но на стадии социализма материальные стимулы действуют не только через эту прямую форму экономических связей. Общественная материальная заинтересованность, и особенно личная материальная заинтересованность, также необходимо реализуются и через товарно-эквивалентные связи. Товарно-эквивалентные связи, как мы видели (гл. 5), неразрывны с экономической обособленностью предприятий, с их хозяйственным расчетом.

Все это в свою очередь означает необходимость наряду с централизованными формами руководства экономическим процессом и в его рамках децентрализованных форм хозяйственного руководства, определенной экономической самостоятельности действий социалистических предприятий и их объединений. Речь идет не просто об оперативно-административной самостоятельности по реализации планов, а об определенной экономической самостоятельности, при которой в рамках общих плановых заданий предприятия сами осуществляют централизованно не планируемые экономические процессы, что лишь в конечном счете ведет к реализации и централизованно планируемых процессов.

Это значит, что в определенных пределах предприятия сами определяют ход своего производства, экономический оборот его элементов — приобретение средств производства и реализацию производимой продукции, наем рабочих сил, совершенствование производства и т. д., т. е., таким образом, от имени общества (государства) и по его уполномочию руководители предприятий осуществляют децентрализованное руководство экономическим процессом.

Реализация предприятиями через децентрализованные формы хозяйственного руководства экономических потребностей и интересов общества обеспечивается сочетанием, с одной стороны, обязательности выполнения централизованно определяемых планов, которые отражают эту необходимость, и, с другой — стимулов личной и коллективной хозрасчетной материальной заинтересованности.

В этом заключается чрезвычайно важная проблема соотношения централизованных и децентрализованных

форм управления экономическим процессом, от которого зависит эффективность действия стимулов общественной, коллективной и личной материальной заинтересованности как элемента объективного механизма действия экономических законов.

И если формы управления экономическим процессом объективны и определяются состоянием самих социалистических отношений производства, то и централизованные и децентрализованные формы хозяйственного руководства столь же объективны. Стало быть, объективно и их сочетание. Но характер, конкретные границы этого сочетания исторически подвижны. Они изменяются с самим развитием производительных сил и производственных отношений. Объективной основой этого конкретного сочетания централизованных и децентрализованных форм в каждый данный период является необходимость обеспечения оптимальной эффективности действий системы экономических, т. е. материальных общественных, коллективных и личных стимулов развития.

Чем менее развиты производительные силы, соответственно чем менее зрелы социалистические отношения производства, чем менее всесторонне развита структура социалистического производства, тем более существенны свойственные ей диспропорции по сравнению с исторически сложившимися потребностями, тем, разумеется, неизбежно бóльшей силы достигают противоречия, при единстве действий, общественной, коллективной и личной материальной заинтересованности. Поэтому сфера централизованных форм руководства экономическим процессом в таких условиях неизбежно относительно более широка, сфера децентрализованных форм более ограниченна. Напротив, по мере развития социалистических производительных сил и повышения зрелости, укрепления производственных отношений социализма противоречия между стимулами общественной, коллективной и личной заинтересованности разрешаются все более легко, их единство становится все более органичным.

В этих условиях и сфера централизованных форм управления экономикой необходимо ограничивается, а децентрализованных форм раздвигается. Но как бы ни изменялось сочетание тех и других, принципиальной необходимостью остается определяющая роль первых и дополнительная, подчиненная роль вторых. И это

понятно, поскольку главной социалистической экономической связью является прямая планомерная связь. Поэтому через централизованные формы управления и должны устанавливаться и обеспечиваться основные, решающие условия процесса воспроизводства. Иными формами для этого социализм не располагает, ибо стихийно-рыночная связь ему чужда.

Вместе с тем в этих рамках определение всех других форм ведения воспроизводственного процесса предприятиями в большей и большей мере должно становиться объектом децентрализованных форм управления экономическим процессом.

Это объясняется тем, что только через эти формы наиболее эффективным образом и могут действовать стимулы личной и коллективной материальной заинтересованности, развиваться материально стимулируемое социалистическое соревнование.

Осуществляемая по решению сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС экономическая реформа перестраивает хозяйственное руководство, планирование и экономическое стимулирование социалистической промышленности в соответствии со сложившимися экономическими условиями. Она органически сочетает реализацию принципа ведущей роли централизованного планового руководства экономическим процессом и развертывание экономической самостоятельности предприятий, их хозяйственной инициативы, предоставление им все более широких возможностей по повышению эффективности производства на основе усиления действенности экономических стимулов.

Содержание, сам замысел реформы заключается в дальнейшем развитии и претворении в жизнь ленинских принципов демократического централизма. В наброске своей знаменитой работы «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин, развивая марксистское учение о принципах социалистического хозяйствования, писал: «Наша задача теперь — провести именно демократический централизм в области хозяйства... централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной

инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели»[1].

Партия, осуществляя перестройку в управлении хозяйством, руководствуется этими ленинскими положениями.

Экономическая реформа базируется на неразрывном сочетании отраслевых централизованных форм общегосударственного руководства со всесторонним и всемерным развитием экономических форм и методов руководства производством. Решению этой задачи и служит укрепление экономической самостоятельности предприятий, усиление использования экономических рычагов — цены, прибыли, кредита и т. д., всестороннее использование стимулов личной и коллективной материальной заинтересованности в развитии производства, его техническом совершенствовании, снижении издержек, подъеме производительности труда, всемерном улучшении качества продукции и т. д.

Новые основы премирования позволят широко, эффективно заинтересовать каждого работника и весь коллектив предприятия в достижении наивысших результатов. Вместе с тем предоставление предприятиям широких хозяйственных прав, крупных средств для самостоятельного развития и модернизации производства, материального поощрения работников, для социально-культурного строительства, черпаемых из создаваемых предприятиями прибылей, ставит на прочные материальные основы хозяйственный расчет и вводит в действие подлинно экономические методы руководства производством.

Таким образом, нынешний процесс развития форм социалистического хозяйствования дает новый пример органического сочетания централизованных и децентрализованных начал в механизме экономического функционирования.

Следует отметить, что буржуазная экономическая наука в своих трактовках социализма создала мнимую альтернативу: либо централизованное сверху донизу «центрально управляемое» хозяйство, исключающее товарно-рыночные связи, либо стихийно-рыночное хозяйство. Третьего не дано. Именно эта мнимая альтерна-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 152.

тива и лежит в основе буржуазной критики эффективности социалистических форм управления экономическим процессом. Вальтер Эйкен, например, так использовал ее: необходимо констатировать, писал он, что «частная собственность *может* приводить к неполадкам, коллективная собственность *должна* к ним приводить. Все решения, которые имеют своей целью огосударствление собственности и руководство из центра, снижают стимулы повышения производительности, ухудшают подсчет издержек и делают неизбежной бюрократизацию управления хозяйством» [1].

В действительности же социализму свойственно органическое сочетание централизованных и децентрализованных форм руководства экономическим процессом, отвечающее сочетанию прямых и косвенных товарно-денежных связей в экономике и их использованию как в прямом, централизованном, так и в децентрализованном порядке. Именно это обеспечивает оптимальное сочетание общественных и личных стимулов материальной заинтересованности в росте социалистического производства и подъеме его эффективности.

Таким образом, сочетание в системе руководства экономическим процессом как главных и решающих централизованных форм и в их рамках вспомогательных, но весьма существенных, децентрализованных форм образует весьма важный элемент объективного механизма действия экономических законов социализма, от которого в немалой мере зависит эффективное функционирование этого механизма в целом.

---

[1] *W. Eucken.* Grundsätze der Wirtschaftspolitik. Tübingen, 1952, S. 317.

Ученик Эйкена К. П. Гензель столь же настойчиво утверждал, что социалистический механизм управления экономическим процессом исключает децентрализованные формы и рыночный механизм; он приписывал ему принципиально натуралистический характер и неизбежные в силу этого грубые просчеты в ведении хозяйства, в обеспечении его эффективности (*K. P. Hensel.* Einführung in die Theorie der Zentralverwaltungswirtschaft, B. 5. Stuttgart, 1959). Но эти теории лишь повторяют старые взгляды Мизеса, Репке и других, твердивших о невозможности реального хозяйственного расчета при социализме в силу отсутствия стихийного рынка, стихийных цен и т. п. (*Ludwig v. Mises.* Die Gemeinwirtschaft Untersuchungen über den Sozialismus, 2. Aufl. Jena, 1932; *W. Röpke.* Die Lehre von der Wirtschaft. Wien, 1937).

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Агенты производства 63, 64, 73, 82, 530
Аграрные отношения 204
Анализ и синтез 246, 257, 258, 260
Анализ отношений по фазам их движения 195, 196
Ассоциация трудящихся 286, 295, 373

Базис экономический 12, 13, 26, 68, 74, 214
Баланс народного хозяйства 206
Благосостояние 505, 506
Богатство 31, 64, 203
Богатство естественное 50, 51, 203

Верификация 267
Вещность отношений 69—73, 226, 238, 281, 282
Взаимодействие производственных отношений с производительными силами 10—12, 14, 26, 28, 40, 42, 43, 45, 49, 52, 55, 65, 77, 110, 133, 140, 141, 146, 152—155, 157, 358
Внеэкономическое принуждение 63
Волевые отношения 276
Волюнтаризм 17, 25, 26, 68, 126, 127, 129, 525
Воспроизводственно - трудовой динамический подход 236, 237
Воспроизводство 64, 81, 82, 84, 85, 119, 203, 347, 376, 385, 398, 491, 507, 517
Всеобщность взаимосвязей 79, 91

Географический материализм 53
Географический фактор 50
Географическая среда 53—55

Двойственность продукта труда 398
Демографические закономерности 203
Денежное обращение 206, 489
Диалектика 130, 136, 137, 140, 158, 223—225 (см. также метод политической экономии)

Закон возвышения потребностей 503
Закон единства и борьбы противоположностей 132—136, 141
Закон капиталистического накопления 509
Закон капиталистической собственности 118
Закон определяющей роли материального производства 28
Закон определяющей роли развития производительных сил по отношению к производственным отношениям 28, 147—149
Закон определяющей роли собственности на средства производства 28, 119

Закон планомерности 199, 210, 378, 379, 382—384, 511
Закон прибавочной стоимости 115
Закон пропорциональности 379—381, 408—410
Закон стоимости 117, 199, 388—393, 411, 445—446, 479—482, 511
Закономерности развития социалистического производства 444—446
Законы динамики социалистического производства 201
Законы конкуренции 531
Законы мировых экономических отношений социализма 207
Законы обмена 477, 515
— необходимости обращения 487
— спроса и предложения 488, 489, 518
— товарного обращения 202
— товарных масс, потребных для обращения 489
Законы воспроизводства 203, 507
— воспроизводства оптимальности структуры народного хозяйства 508, 518
— опережающих темпов роста производства средств производства 508
— развития структуры общественного производства 203
— социалистического накопления 508, 509, 511—516
— усложнения структуры общественного продукта 507, 508
Законы отношения людей к природе 24
Законы перерастания экономики социализма в коммунизм 161, 165, 197, 207, 210, 441, 446, 468, 469, 471, 472, 490
Законы политической экономии 10, 17—19, 40, 44, 88, 97, 98, 100, 101
— и социологические законы 27, 28
— и экономические законы 29, 98
— специфические 19, 22, 102, 103, 105—110, 231, 399
— общие 22, 102—110, 231, 399
— всеобщие 22, 102—110, 400
— их объективность 124, 126, 127, 179—183
— их система 19, 55, 73, 80, 87, 88, 97, 100—103, 105, 108, 111, 113, 115, 119—121, 123, 260
— их субординация 19, 88, 105, 110—113, 118, 119.
— социализма 101, 131, 198, 210, 523
Законы потребления 202, 203, 497, 515, 516
— выравнивания (нивелировки) уровней потребления 504
— изменения дифференциации потребления 501
— изменения соотношения в потреблении его видов 501, 504
— изменения структуры потребления 501
— обеспечения благосостояния всем членам общества 500, 501
— развития соотношения форм потребления 501
Законы производства 395, 400
— изменения структуры продукта 399, 432, 433
— концентрации и централизации производства 44
— кооперации труда 399, 406—408, 512
— необходимого труда и продукта 399, 411, 412, 416, 417, 419—423
— общественного разделения труда 399—402, 404
— органического строения фондов производства 399, 400, 429—432
— прибавочного труда и продукта 399, 412, 416, 417, 419—423

— пропорционального распределения труда 399, 408, 409, 512
— роста производительности общественного труда 37, 44, 400, 423—426, 513, 514
— роста производства 435, 436, 438, 439, 514
— специализации производства 44
— технического прогресса 44, 200, 400, 426, 427, 432
— экономических границ применения машин 432
Законы психологии 35—38, 124
Законы развития производительных сил 24, 150, 156, 157
Законы размещения производительных сил 44, 206
Законы распределения 447, 454—456, 469, 515
— возмещения затрат рабочей силы 457—460, 465
— заработной платы 465, 466, 475
— оптимального обеспечения развивающихся жизненных условий участников производства 457, 459, 460
— распределения необходимой части чистого продукта 455
— распределения по потребностям 470, 472—475
— распределения по труду 457, 461—465, 467, 468, 473, 474
— распределения фонда возмещения 454, 460
— финансового и кредитного социалистического распределения и перераспределения 456
— формирования индивидуальных доходов работников 457
Законы рациональные 91
Законы связи производства и потребления 107
Законы социальные 111, 124
Законы человеческого поведения 128
Законы эмпирические 91
Земля 51, 54
Земельные отношения 204

Идеологические отношения 67
Идеологические факторы 60
Издержки производства общественные 200
Имущественные отношения 75—77
Индукция и дедукция 246, 257—260, 267
Инструменталистски прагматическое направление 269, 270
Инструментализм 36, 126
Институционализм 36, 129
Использование законов обществом 19, 26, 172, 525, 527, 529
— возможность и необходимость их планомерного использования 527—529, 549
— сознательное применение познанных законов 174, 526—528
Историзм 246—251, 256
Историческая школа 31, 36, 125, 268
Исторический материализм 10, 21, 26, 27, 29, 45, 66, 67, 146, 181
— его категории 41, 44, 45
— его предмет 27
Историческое и логическое 246, 251—257
Исходная категория логики исследования 209, 215

Кантианство 38, 259
Капитал 114, 187, 277
Каузальность 36, 94, 126, 386 (см. причинная связь)
Качественный и количественный анализ 242—245
Кейнсианское направление 127, 269, 375
Классы 44, 70, 285, 315, 317—320, 322, 324, 334
— основы классообразования 317, 332, 333
— концепции классообразования 315, 316, 334

— социалистического общества 44, 199, 205, 314, 315, 318—324, 326, 329, 330, 332, 333, 360, 402, 403
Количественные закономерности 244
Коллективное производство 64, 290, 297, 378
Коллективность 302
— высшая 313, 357, 367, 370—372
— как основа производства 24, 61, 290
— ее формы 62
— ее характер 63, 87
(см. также непосредственно общественное отношение коллективности)
Колхозный строй 194, 204, 205
Колхозы 194, 204, 205, 319
Контроль над средствами производства 331
Кооперация 43, 63, 83, 87, 99, 101, 103, 200, 399, 406, 407

Ликвидация социально-экономических различий между городом и деревней 207
Личное подсобное хозяйство 205, 233, 329
Логический метод исследования 253—255

Мануфактура 43, 75
Математические методы 242—245
Математическое моделирование 206, 245
Материалистическое понимание истории 10, 52, 60
Материалистический монизм 57
Материально - производственная база 42—45, 99
Материально-техническая база 42—45, 99, 200, 207, 208, 212
Материальные условия 54, 56
Мелкое частное товарное хозяйство 233, 321
Мелкотоварные производители 61, 319
Метод абстракции 191, 192, 238, 246, 255—260, 266, 267
Метод политической экономии 23, 223, 260, 261, 266, 267 (см. также диалектика)
Метод экономического анализа 22, 23, 79, 158, 187, 196, 223, 227—229, 247, 265, 266
— ступени его конкретизации 191—195
— его общие принципы и приемы 225, 246, 247, 260, 263
— его специальные принципы и приемы 225, 226, 229—231, 234, 238, 240, 246
— логический анализ 254
— формальнологический анализ 267, 268
— массовый анализ 240—242
Методы макро- и микроэкономического исследования 126, 239, 240
Механистические взгляды 15, 17, 44, 52, 57, 69, 244, 264
Мировая социалистическая система хозяйства 206, 207
Монополии капиталистические 61, 155

Накопление 509—511, 553
Наука 55—60, 164, 175
Наука о богатстве 16, 31, 32
Наука о народном хозяйстве 15, 16, 31, 32
Научно-техническая революция 49, 55, 200
Научный метод 30, 222
Национальный доход 203, 353, 354
Начало исследования (формальное и реальное) 208, 209, 216
Некапиталистический путь развития 208
Необходимый и прибавочный продукт 200, 399, 412, 414—419, 460, 466
Неокантианство 38, 125, 126
Непосредственно общественное отношение коллективности 290, 292, 294, 298, 300, 309, 312, 313, 330, 335, 339, 370, 373
Непосредственно общественный коллектив работников

(общенародный) 44, 290, 294, 396
Непроизводственная сфера 64
Неравенство экономическое 302—306, 313, 329, 340, 342, 356, 357, 359, 365, 367, 370, 372, 387, 396, 397, 404, 450, 460

Обмен
— деятельностью 297, 298, 399, 401
— безэквивалентный, коммунистический 494—496
— эквивалентный, стоимостной 479
Обобществление 212, 318, 319, 324, 325, 329, 330, 332, 472
Обособление производителя 124, 294, 300
Общественное сознание 56, 57, 184
Общественно - экономическая формация 10, 12, 26, 99
Общественные группы 318, 402
Общественный продукт 64, 71—73, 84, 187, 188, 203, 336, 337
Объект теоретико-экономического исследования (см. предмет политической экономии)
Объективный механизм действия экономических законов 19, 172—174, 206, 214, 525, 526
— капитализма 172, 529—531, 533, 534
— социализма 176—178, 183, 525—527, 529, 532, 554
Оптимальность экономического развития 26, 204, 206, 376, 377, 383, 438, 474, 508, 516, 519—522, 550, 551
Орудия труда 37, 41, 45—49
Основное экономическое отношение 86, 113, 114, 117, 118, 187, 190, 198, 199, 216, 232, 275, 284, 289, 291, 298, 299, 303, 328, 351, 357, 366, 367
— в колхозно-кооперативных отношениях 328
Основной экономический закон (см. экономический закон движения формации)
Отношение человека к природе 31, 33
Отношения в непосредственном производстве 83, 84, 103, 199, 212, 395, 396
Отношения господства и подчинения 62, 63
Отношения обмена 14, 39, 65, 84, 477—479, 491, 494
Отношения обращения 202, 213
Отношения по потреблению 39, 65, 84, 202, 213, 498—500
Отношения присвоения 87, 278, 279, 282, 292, 298, 448
Отношения распределения 39, 65, 83, 84, 201, 447—449, 453, 454, 468
Отношения сотрудничества и взаимопомощи 62—64, 309, 310
Отношения экономические (производственные) 9—13, 16—18, 24—26, 29, 39, 40, 60—62, 64, 73—76, 82, 94, 100, 106, 111—113, 154, 159, 185
— в непосредственном производстве 14, 39, 65, 75—77, 82
— их активная роль 151
— их всеобщие формы 401
— их конкретные совокупности 194, 213
— их материальность 26, 65—69, 73, 76, 78, 236
— их организация 79
— их система 12, 13, 22, 30, 40, 65, 79, 80, 84—87, 99, 105, 113, 121, 192, 198, 276
— их субординация 65, 80, 85, 86, 111, 117, 232
— как общие отношения 22, 78, 79, 81
— как особые отношения 26, 78, 79, 81
— общеэкономические 99, 169
— первичные 64, 65
— производные 64, 65

— техно-экономические 34, 99, 169
— капиталистические 24, 64, 155, 156
— социалистические 24, 25, 64, 66—68, 71, 72, 159, 161, 198, 203, 213, 307—309
— последовательно социалистические 233, 234
— коммунистические 161, 163, 165, 207, 384
Отрасль 99, 169

Первобытная община 286
Перераспределение 456, 484—486
Переходный период 14, 15, 17, 198
Планирование народнохозяйственное 206, 214
Планомерность 23, 25, 66, 173, 177, 182, 183, 190, 191, 199, 210, 217, 261, 262, 360, 373—379, 381—383, 387, 444, 516, 528, 535, 554
Плюралистические концепции 132, 136, 250
Политическая экономия 14, 21, 22, 70, 98
— в широком смысле 20, 39, 158, 161
— марксистская 43, 173
— теоретическая 14, 21, 25
— буржуазная 31, 33, 34, 93, 123—126, 173, 228, 236, 240, 245, 248, 250, 267, 268, 270, 271
— классическая 31, 119, 268
— вульгарная 31, 36, 129, 173, 243, 250, 251, 268, 333
— капитализма 23, 43, 158—160, 164
— социализма 20, 25, 43, 158—164, 167, 176, 239
— ее задачи 14, 15, 160
— коммунизма 20, 161, 162
— и исторический материализм 27, 28
Посткейнсианское направление 269
Потребительная стоимость 73, 239, 520
Потребительски - статический подход 236—237
Потребление 196, 202, 203, 347, 364, 497, 498, 506, 511
Право 25, 78, 228
Праксеологические приемы 260, 269
Практика как критерий истины 247, 263—265, 267
Предмет отраслевых конкретных экономик 30, 98—100, 102, 169, 177—179
Предмет политической экономии 9, 10, 13—19, 22, 25, 28—30, 39, 98, 99
— в широком смысле 20, 28—30, 158, 159, 161
— его буржуазные концепции 31—38
— капитализма 9, 18, 23
— социализма 26, 158—161, 164, 166, 174—177, 183, 184, 214, 228
— его суживающая версия 166, 167
— его расширительная версия 167—171
— и отраслевых экономик 30, 98—100, 169, 170, 177—179, 214
Предметы потребления 72
Предметы труда 11, 37, 41, 46—50
Предприятие 83, 204, 297, 396, 397
— первичное структурное звено производственных отношений 83, 194, 204, 213
— экономическая обособленность 204, 396, 398
Примат индивидуального хозяйства 268, 269
Примат потребления 125, 235
Примат производства 83, 102, 192, 234—236
Примат целостной системы общественных отношений производства 226, 231
«Принцип гедонизма» 235
Принцип маржинализма 236, 237, 250, 269, 520, 521
Принцип редкости 236, 269
Присвоение — использование средств производства 82, 83, 283, 287—289, 301, 395

Присвоение — распоряжение средствами производства 82—84, 282—291, 293, 301, 395
Причинная связь 84, 91—94, 96 (см. каузальность)
Производительное воздействие человека на природу 48, 54, 151
Производительность труда общественная 54, 200, 201, 423
Производительные силы 10, 11, 14, 16, 40—43, 50—60, 113, 150—153, 155, 156
— движущие силы их развития 11, 12, 152
— их система 50, 51
— их трактовка (ограничительная и расширительная) 48—53, 55—60, 68, 75, 76
— их элементы 26, 46, 47, 49, 51, 54
— вещественные 11, 41, 42, 45, 46, 48, 51, 54, 65, 72, 113, 400
— личные 11, 41—43, 45, 46, 54, 65, 72, 400
— общественная форма их движения и развития 42, 64, 65, 72—74, 361
— социалистический уровень их развития 301
— социально - экономический характер их функционирования 42—45
Производственные фонды (см. фонды социалистического производства)
Производство 38, 46, 56—58, 73, 104, 277
— вообще 31, 38, 103, 105
— всеобщие определения 99, 103
— активная роль человека в нем 48, 54
— и потребление 106, 107, 352, 365, 366, 385
— общественно - организованное 61
— его регулятор 235
— его субъект 47
— его экономические факторы (материально-вещественные и личные) 73, 113, 212, 276
— материальное 15, 31, 53, 54, 59, 60, 71, 200
— социалистическое непосредственно общественное 61, 159, 199, 340, 390, 452
— интенсивный характер его роста 437
— источники его движения 411, 418
— коммунистическое, нетоварное 445, 446
— крупное машинное 43
Пропорциональность 199, 379—382
Противоположность умственного и физического труда 305, 325
Противоречивая связь 131
Противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением 87, 362
Противоречие производительных сил и производственных отношений 133, 134
Противоречия социалистического производства 441
— бесклассовые 443
— классовые 441
— между городом и деревней 441
— между последовательно социалистическим и колхозным производством 441
— положение трудящихся физического труда 442, 443
— постоянно действующие 443
— старого и нового 442, 443
— товарного производства 442
Противоречия труда 388
Противоречия умственного и физического труда 365, 442, 444

Рабочая сила 11, 41, 43, 44, 46—48, 51—55, 58, 72, 73, 200, 203, 211, 336, 397—399
Равенство экономическое 62, 63, 291, 304—306, 327, 342,

356, 357, 359, 365, 370, 371, 396, 404, 423
Развитие законов 121—123
Разделение труда 13, 83
— естественно-половое и возрастное 61
— общественное 61, 62, 82, 99, 316, 332, 333, 385, 399—401, 404
— социалистические формы 200, 402, 405
— мировое социалистическое 207
Распределение
— по труду 449, 450, 452, 453
— прямое безэквивалентное 196, 385, 469, 471
— первичное 454
— индивидуальное 448, 470

Себестоимость 218
Скачок 246, 261—263
Собственность 76—78, 80, 188, 189, 275
— ее сущность 276—278, 280—283
— личная 199
— частная 61, 69, 82, 317, 529
— первобытнообщинная 61, 82
— социалистическая общественная 61, 82, 209 (см. также собственность на средства производства)
— ее две формы 199, 313, 322—326
— колхозно - кооперативная 199, 234, 292, 307, 318, 325—330, 396
— всенародная 234, 291, 292, 296, 300, 302, 313, 318, 330, 331, 335, 339, 370, 395
— ее противоречия 306, 358, 359
— ее перерастание в коммунистическую 361, 366, 369
— коммунистическая всенародная 61, 82, 370
— полного коммунизма 370
Собственность на средства производства 77, 78, 82, 84, 86, 87, 113, 114, 189, 275, 276
— ее сущность 288, 301
— капиталистическая 87, 277
— социалистическая 87, 188, 190, 198, 277, 289, 304, 527
Соединение работников со средствами производства 62, 82, 276, 277, 287, 297, 398
Сотрудничество по производству 61, 62, 64, 87, 310, 311, 353
Социалистическая организация производства за счет общества 326, 340, 398
Социалистическое соревнование 407
Социальная школа 34—37, 77, 269, 333, 334, 345, 386
Социально различные группы производителей 302
Социально-субъективное направление 36, 269
Социально - экономическое единство 300
Социальный принцип 269
Способ производства 9, 10, 12, 14, 19, 20, 37, 39, 41, 61, 77, 86, 87, 99, 107, 111, 115, 116, 120, 133, 134, 146, 152, 153, 185, 209, 258, 352
— в широком смысле 12, 13, 41, 74
— в узком смысле 12, 13, 29, 30
— источники самодвижения 115, 118, 134
— досоциалистические 161, 172
— капиталистический 9, 116, 161
— социалистический 161, 198, 209, 248, 249, 256, 321, 368, 369
— коммунистический 162, 164, 198, 368, 369, 492, 493
Средства производства 10, 11, 37, 42, 46—48, 51, 54, 71, 397
Средства труда 11, 37, 47
Статистика 242, 244, 245
Стоимость 71, 202
Субъективизм 17, 25, 32, 126, 127, 129, 183, 236, 520, 529

Субъективная школа 31, 36, 124, 125, 235, 243, 260, 268, 269, 521
Субъективная сторона экономической деятельности людей 231
Сырой материал 50, 51
Стихийно-рыночное хозяйство 127, 570

Телеолэгизм 25, 26, 36—38, 126, 348
Телеологическая концепция хозяйства 37, 38, 345
Темпы роста 204, 432, 437, 438, 523
Теории смешанной экономики 375
Теория организованного капитализма 126, 375
Теория факторов 52
Техно-производственные отношения 75, 76
Технические отношения 45, 69, 75, 76
Технический прогресс 43, 44, 49, 200, 212, 432, 433
Товарно-денежные отношения 490, 491, 495, 496, 559
Товарно-денежные формы 491, 495
Товарное обращение 202, 213, 487, 488, 491, 496
Товарное производство 199, 388, 389, 487, 490
Товарные отношения 69, 70, 186, 191, 392, 393
Товарный фетишизм 15, 70, 71
Труд 37, 49, 103, 199, 226, 235, 236, 386, 400, 407, 410, 450, 467, 468, 475
— необходимый и прибавочный 200, 399, 412—415, 417
— производительный 37, 56, 63, 64, 104, 200
— совместный 103, 406, 555
— его простые элементы 45, 104, 105
— его ресурсы 377
— его общественно-экономическая организация 44, 63
— его специализация 83, 399
— его экономия 37, 378, 391
— непроизводительные потери и растраты 377
— его распределение 375, 378, 390, 399, 408, 409, 450, 482
— его общественный учет 391
— его условия 325, 450, 465
— социалистический непосредственно общественный 61, 63, 197, 199, 410, 466, 482, 555
— его всеобщность 191, 200, 305, 451
— общественно равный 453, 463, 464

Участники производства 61, 64, 83, 87, 173, 291, 395, 396, 401, 452, 459, 462

Фабрика 42, 75
Факторы народнохозяйственного развития 205
Фонд заработной платы 465
Фонды социалистического производства 71, 200, 398
— их органическое строение 428—431, 433, 434
— основные и оборотные 202, 427
— постоянные и переменные 200, 211
— их кругооборот и оборот 213
— их стоимость 213
Функциональная связь 92—94

Хозяйственный расчет 36, 204, 218
Хозяйственный, или экономический, принцип 36, 37
Хозяйствующий субъект 25, 37, 38, 129, 395

Цена 202, 218, 480, 482—486
Цель производства 37, 38, 341—344, 346, 350, 354, 371, 372, 536

Чистый доход предприятий 218

Экономика 74, 75
Экономическая динамика 423

Экономическая логика поведения 127
Экономическая политика 25, 170, 171, 175—179, 216
Экономическая роль государства 176, 179, 199, 206, 210, 214, 215, 528, 555
— его экономические функции 176, 206, 214
Экономическая структура 12, 18, 41, 42, 47, 60, 74, 79, 80
Экономическая эффективность
— колхозного производства 205
— материального производства 212
— развития народного хозяйства 201, 205
— экономического процесса 214
Экономические границы применения машин 200, 423
Экономические закономерности 24
Экономические интересы 334, 535, 536, 545, 550, 559
— их система 199, 418, 451, 452, 546, 547
— социалистические 176, 200, 210, 295, 296, 319, 357, 417, 442, 462, 467, 527, 535, 547, 548, 550, 554
Экономические категории 40—45, 94—97, 210, 262
— их логика 184, 185, 188, 198, 215—222
Экономические потребности 31, 32, 35, 38, 46, 56, 199, 345, 346, 350, 364, 377, 410, 492, 502, 520, 533, 535—538, 540—548, 550, 560
— производства 538—540, 547
— непроизводственные 454, 502, 539, 540, 547
— личные 454, 539, 547
— общественные, совместные 454, 539
— платежеспособные 534, 538, 542—544, 548
— их социалистическая система 390, 459, 470, 471, 482, 535, 536, 538, 554
Экономические связи
— их всеобщие и общие формы 104
— социалистические 196, 199, 210, 384, 393, 411
— косвенные, товарные, эквивалентные 196, 197, 199, 200, 387, 388
— прямые безэквивалентные 196, 197, 199, 384—386, 389, 391
Экономические стимулы 357, 419, 535, 545—547, 549, 550, 554, 559
— всеобщие, общественные 472, 476, 536, 550
— коллективные 387, 535, 558
— индивидуальные 387, 452, 476, 535, 558
— социалистические 200, 407, 411, 420, 421, 423, 476, 536, 550, 559—562
— капиталистические 420, 476, 477, 532
Экономические формы управления производством 176, 536, 554—558, 562
— централизованные и децентрализованные 560, 561, 562
Экономические эпохи 47, 62
Экономический закон 18, 22, 36, 39, 73, 88—97, 100, 104, 124, 128, 130, 145, 259, 528, 529
— как однозначная форма объективной связи 106, 107
— как форма движения противоречия 89, 90, 130, 131
— противоречивость действий 145, 155, 516—518
— сфера действия 116
— тенденции и контртенденции в его действии 145
— формы действия 19
Экономический закон движения формации (основной закон) 9, 19, 85, 86, 113—119, 210, 340, 355, 357
— его расширительная трактовка 117
— капитализма 10, 114—116, 118, 340, 348
— социализма 25, 114, 198, 199, 209, 216, 217, 275, 335,

337—339, 341, 342, 344—345, 348—353, 358, 361, 365, 372, 382, 405, 421, 422, 511
— полного коммунизма 367, 371
Экономический оборот 438
Экономический процесс 18, 74, 130, 236—238, 529
Экономический строй производства 9, 10, 12, 16, 26, 112, 115
Экономическое поведение 124
Экономическое противоречие 96, 130, 134, 141
— и антагонизм 142, 144
— его имманентность экономическим отношениям 130, 131
— его интенсивность и формы разрешения 137, 143, 360, 361
— его историческая специфичность 144
— его характер 142—144, 361
— как источник движения 132, 137—140, 142, 143
— основное 362
— капитализма 362
— социализма 361—366
— при социализме 142, 359—361, 365, 517, 519
Эксперимент 241, 256
Эмпиризм 17, 120, 125, 268, 270
Этапы конкретизации 191
Этапы экономического исследования 265

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абезгауз Г. 224, 409
Адлер М. 78
Анненков П. 40
Аракелян А. 178
Аристотель 136

Бароне 250, 521
Бауэр О. 258, 259
Бем-Баверк Е. 124, 125
Бернштейн А. 151
Библер В. 90, 96, 121, 151, 180
Блюмин И. 78, 126, 235, 269, 332, 345
Богданов А. 151, 270
Борилин Б. 16
Будин Л. 119, 260
Булгаков С. 71
Бюхер К. 315, 316

Вальрас Л. 124, 243
Варга Е. 93
Вейдемейер И. 322
Венедиктов А. 293
Виндельбанд В. 125
Вишневский А. 178
Воробьев Л. 90, 93

Гатовский Л. 255, 339, 345, 367
Гегель Г. 91, 96, 112, 119, 120, 139, 223
Генкин Д. 280
Геращенко Б. 178
Гильфердинг Р. 25, 125, 375
Глезерман Г. 108, 121, 369
Глухов А. 80
Горохов Ф. 151
Горский Д. 96
Госсен Х. 521
Гумеров М. 178

Давыдов И. 38
Дволайцкий Ш. 21, 224
Дворкин И. 375
Джевонс В. 124, 243, 260
Дукор Г. 224, 409

Еганян М. 303
Ефимов А. 48

Жамс Э. 126, 240, 271, 514, 521
Железнов В. 35
Жид Ш. 35
Жуковский Я. 278

Зомбарт В. 21

Иойрыш А. 279
Иоффе З. 339
Исаев А. 32, 520
Итин Л. 178

Каганов В. 90, 93
Камынин И. 66
Кант И. 38
Канторович Л. 237
Касаткина В. 276
Кассель Г. 32
Каутский К. 21, 56, 68, 72, 119, 143, 315, 334, 389, 492, 493
Кейнс Д. 127
Келле В. 96
Ковалевский М. 57
Ковальзон М. 66, 96
Ковальчук А. 122, 137, 140, 141
Колганов М. 281, 282, 370
Колесов Н. 278, 293, 303
Коммонс Дж. 78
Кон А. 15, 16, 409
Кондратьев Н. 92

Конник И. 303, 310
Корниевский Р. 366
Корниенко В. 76, 293
Криворучко Ф. 366
Крицман Л. 21
Ксенополь 92
Кувшинов И. 178
Кузьминов И. 137, 138, 162, 169, 303, 310, 311, 340, 341, 345, 350, 461
Кунов Г. 56, 60, 259

Лапидус И. 76
Левашов П. 303
Левитас А. 279
Ленин В. И. 9, 11, 16, 18, 30, 43, 44, 60, 65—67, 71, 79, 89, 91, 92, 94—97, 100, 101, 111, 115, 117, 119, 120, 132, 136, 138, 139, 142, 148, 149, 164, 165, 181, 185, 186, 196, 223, 227, 228, 237, 240—243, 247, 255—258, 261, 262, 265, 270, 304—306, 317, 318, 320—326, 340, 344, 348, 355, 369, 381, 385, 386, 445, 452, 500, 501, 503, 520, 522, 527, 542, 545, 562—563
Леонтьев Л. 117, 531
Лист Фр. 332—333
Ловков Я. 178
Любошиц Л. 80, 108, 121, 298—300
Люксембург Р. 21

Мазур В. 276, 289
Макарова М. 180, 350
Маневич Е. 458
Мануилов А. 36, 92
Маньковский Л. 72, 257
Маркс К. 9—16, 18—24, 29, 30, 37, 38, 40—43, 45—47, 50—52, 54, 55, 57—65, 69, 70, 72—75, 78—80, 86, 88, 92—95, 97, 99, 103, 109, 114, 117, 119, 120, 122, 123, 125, 130, 131, 135, 139, 142, 145, 146, 163—165, 181, 184, 185, 186, 189, 190, 195, 196, 211, 223, 224, 228, 232, 234—236, 238—240, 242, 247, 251—254, 256—260, 262, 264, 265, 268, 276—278, 284, 286, 290, 306, 308, 310, 312, 316, 317, 320—322, 331, 339, 340—344, 348, 364, 373, 375, 376, 378, 380, 381, 386, 388—390, 401, 406, 409, 412—415, 424, 426—429, 432—434, 447, 450, 452, 453, 462, 497, 501, 502, 509, 513, 514, 517, 520, 526, 531—533, 536—539, 541, 545, 551, 555
Марчевский Ж. 332
Маршалл А. 124, 125, 521
Маслов П. 43
Менгер К. 25, 32, 235, 268
Мендельсон А. 49
Месин Ф. 68
Милль Дж. 31, 91, 139
Можайскова И. 464
Монтескье Ш. 93

Наровлянский Н. 162
Нейрат 521
Никитин Е. 93
Новожилов В. 237
Ноткин А. 168, 187, 353, 354, 409

Осадько М. 295
Островитянов К. 121, 306, 325, 337, 338, 345, 351, 352

Павлов Г. 409
Панюшев И. 141
Парето В. 124, 243, 250, 521
Пашков А. 108, 170, 179, 180, 188, 278, 321, 348, 350, 351
Первушин С. 56, 57, 180
Плеханов Г. 48, 49, 53, 65, 75—77, 222, 244, 546
Подкорытов Г. 224
Покрытан А. 276
Пробст А. 109
Прудон П. 189

Реннер К. 375
Рикардо Д. 117, 119, 268
Риккерт Г. 125
Рожин В. 86, 137, 138, 366
Розенберг Д. 14, 16
Розенман Е. 162, 295
Рокфеллер Н. 531
Ростоу В. 250
Рошер В. 31

Руза Р. 557
Румянцев А. 228, 279

Сагацкий А. 16, 70
Сафонов Ю. 93
Сдобнов С. 278
Сей Ж. 31
Смит А. 31, 34, 184, 267
Соболев А. 139
Соболь В. 168
Соколов В. 94
Солнцев С. 386
Спенсер Г. 92
Сталин И. 48, 80, 166, 167, 345
Степанов - Скворцов И. (Степанов) 21, 151, 224, 244, 245
Степанян Ц. 150, 361—363
Струве Б. 128, 129, 259
Струмилин С. 150, 151
Суслов В. 48

Трифонов Д. 45, 168
Туган-Барановский М. 21, 33, 35, 37, 51, 52, 78, 171, 316, 334, 505, 506
Тугаринов В. 108, 121, 137, 138

Удальцов А. 75
Украинцев Б. 121—122, 137, 140, 141

Франклин Б. 117
Фурман А. 90, 93

Хаберлер Г. 36
Хавина С. 251
Хачатуров Т. 178
Хессин Н. 191, 276
Хромов П. 178

Цаголов Н. 28, 158, 188, 190, 375

Черковец В. 67, 68, 76, 170, 303
Чертков В. 95, 122, 132, 133, 137, 140, 141
Чесноков Д. 46
Чупров А. 32

Шварцбух А. 345
Ширяев Н. 348
Шмоллер Г. 35, 36, 316
Шпанн О. 345
Штаммлер Р. 25, 38
Штаркенбург Г. 74
Штольцман Р. 78, 332
Штракс Г. 121, 136

Эйкен В. 127, 237
Эйленбург 92
Энгельс Ф. 9—13, 20, 22, 37, 40—42, 46, 47, 50—52, 54, 55, 60—63, 65, 70, 72—75, 79, 86, 88, 92—95, 97, 99, 103, 111, 114, 117, 120, 123, 130, 131, 135, 139, 142, 145, 146, 163, 181, 182, 184, 186, 189, 190, 196, 211, 223, 232, 234, 235, 239, 242, 247, 251—254, 256—258, 262, 264, 265, 268, 276—278, 284, 290, 308, 310, 312, 316, 317, 320—322, 341—343, 348, 349, 364, 373, 375, 376, 378, 381, 386, 389, 390, 401, 406, 409, 412—415, 424, 426—429, 432—434, 447, 449, 450, 452, 453, 462, 497, 501, 502, 509, 513, 514, 517, 520, 526, 531, 532, 533, 536—539, 541, 545, 551, 555

Юровицкий О. 366

* * *

Amonn A. 35

Barre R. 33
Bastiat Fr. 110
Beckwith B. 522
Bergson A. 521
Berle A. 312
Blodgett R. 33
Buckingham W. 331

Carell E. 332
Corcelle C. 32
Crosland C. 332, 334, 476

Eucken W. 564

Fourastie J. 270

Goodman G. 330

Halm G. 110
Hansen A. 535
Harrod R. 238
Hayek F. 331
Hensel K. 564
Hoff T. 332, 333

Knies K. 250

Lampe H. 127
Lange O. 72, 127, 128, 230, 259, 260, 266, 267
Leontief W. 270
Lerner M. 334
Lescure J. 251
Loucks W. 110, 476, 522

Marcuse H. 333
Minc B. 91, 292, 293, 296, 297, 298, 358, 397—398
Mises L. 564
Myrdal G. 557

Nanivada H. 333

Robbins L. 33
Röpke W. 33, 564

Sauermann H. 33
Schumpeter J. 92, 127, 236, 245, 250, 251, 331, 521
Seidel B. 334
Seligman B. 522
Smith H. 251, 333
Spiegel H. 33
Stammler H. 32
Sweezy P. 521

Ulmer M. 34

Wagner A. 32
Weber A. 476
Weber W. 238

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 3

раздел I

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА И ИССЛЕДОВАНИЕ ЕЕ ЗАКОНОВ

глава 1

ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ 9

глава 2

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ЗАКОНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ . . 40

1. производительные силы . . . . . —
2. производственные отношения 60
3. законы политической экономии 88

глава 3

ЗАКОНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ 130

глава 4

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА 158

1. специфика предмета политической экономии социализма 160
2. взаимосвязи экономических отношений, законов, форм социализма в их системе (о логике категорий в предмете политической экономии социализма) . 184
3. метод политической экономии социализма . . . 222

раздел **II**

ЗАКОНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА В ИХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ. ОБЪЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ИХ ДЕЙСТВИЯ

глава **5**

ОСНОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН ДВИЖЕНИЯ (ОСНОВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН) СОЦИАЛИЗМА 275

1. общественная, общенародная собственность на средства производства — основное производственное отношение социализма . . . . . —
2. основное производственное отношение и классовый характер экономического строя социализма . . . 313
3. экономический закон движения (основной экономический закон) социализма 335
4. основное производственное отношение социализма и необходимость планомерности экономического движения; две формы экономической связи — прямая и косвенная, товарная 372

глава **6**

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ ФАЗЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА 395

глава **7**

ЗАКОНЫ ФАЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБМЕНА И ПОТРЕБЛЕНИЯ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗАКОНОВ ОТДЕЛЬНЫХ ФАЗ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ЗАКОНОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА 447

1. законы фазы распределения . . . . . —
2. законы фазы обмена 477
3. законы фазы потребления 497
4. взаимодействие законов отдельных фаз воспроизводства и законов воспроизводства 507

глава **8**

ОБЪЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ СОЦИАЛИЗМА 525

Предметный указатель 565

Именной указатель 576

Кронрод, Яков Абрамович

ЗАКОНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА. Очерки методологии и теории. М., «Мысль», 1966.
581 с.

33.03

Редактор
О. Д. Бановецкий

Мл. редактор
И. М. Кирсанова

Оформление художника
Б. А. Шляпугина

Художественный редактор
Д. А. Аникеев

Технический редактор
В. Н. Корнилова

Корректоры
Т. Н. Тонконогова,
Б. А. Ипполитов

Сдано в набор 20 июля 1965 г. Подписано в печать 21 декабря 1965 г. Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$, № 2. Бумажных листов 9,125. Печатных листов 30,66. Учетно-издательских листов 33,731. Тираж 8000 экз. А 13403. Цена 2 р. 25 к. Заказ 1863.

БЗ № 8—1965 г. — № 57

Издательство «Мысль»
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ленинградская типография № 1
«Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Гатчинская, 26.

В 1966—1967 гг. ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ» ВЫПУСКАЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ ПО ЭКОНОМИКЕ СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА:

Бостанджян К. **Диалектика становления коммунистического способа производства.** 1 р. 05 к.

Бобровский П. **Народнохозяйственная эффективность химизации производства.** 1 р. 10 к.

Козырев Ю. **Социально-экономические проблемы образования.** 75 коп.

Ленская С. **Кругооборот и оборот общественных фондов в СССР.** 1 р. 10 к.

Мусатов И. **Социальные проблемы трудовых ресурсов в СССР.** 1 руб.

Патрушев В. **Время как экономическая категория.** 60 коп.

Применение электронно-вычислительных машин в управлении производством. Колл. авторов. 2-е изд. 1 р. 55 к.

Проблемы политической экономии социализма. Выпуск 1966 г. Колл. авторов. 1 р. 10 к.